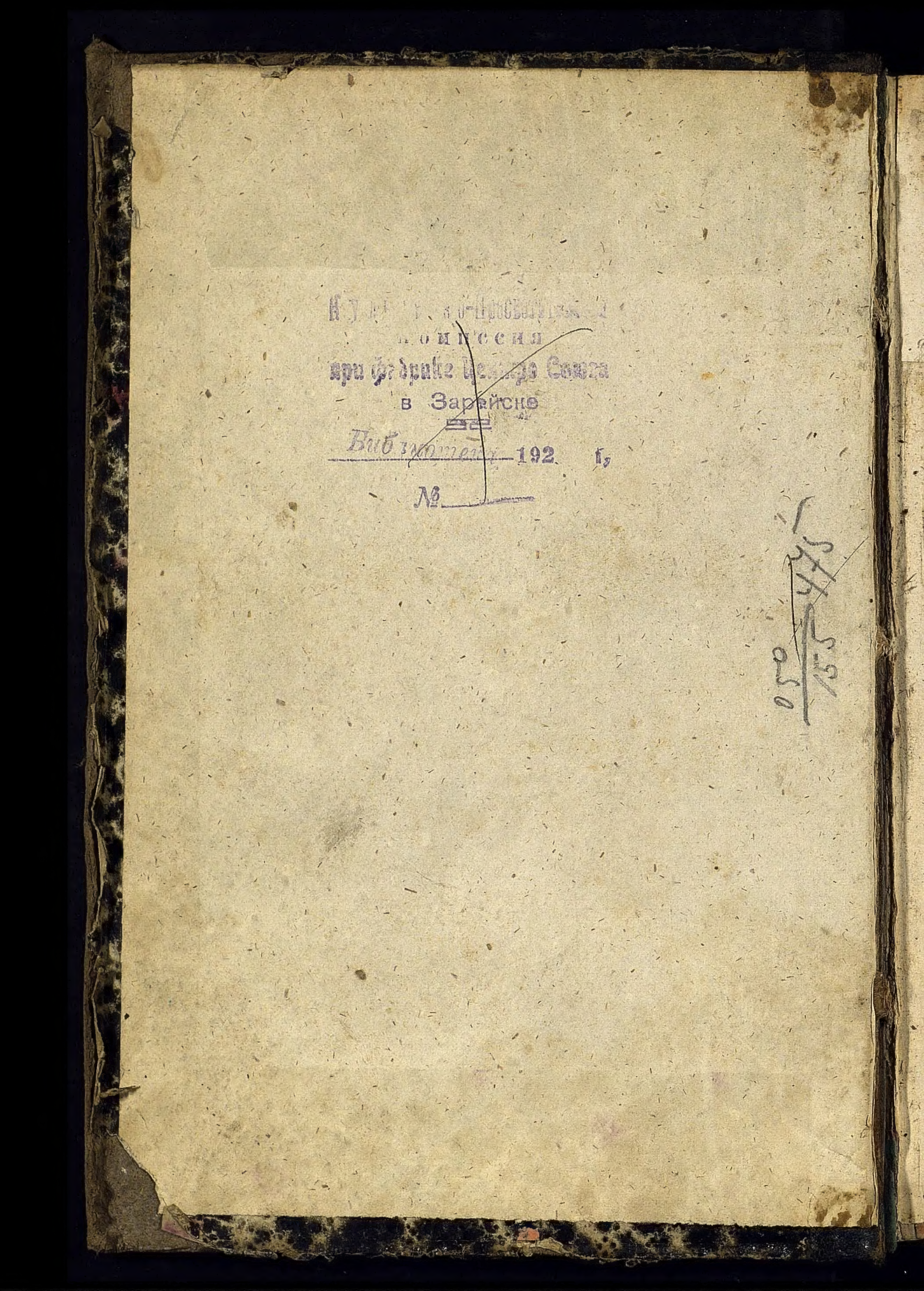

комиссия
в Зарайске
Библиотеку 192 г.
№

Въ типографіи Ф. С ущинскаго. Могилевская, 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ·ПОЛИТИКИ·ЛИТЕРАТУРЫ.

т6

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 12-ая.

ДЕКАБРЬ. 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго. Могилевская, 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕ[ПИ]СКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 12-ая. — ДЕКАБРЬ, 1869.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

въ 1870-мъ году.

ПЯТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ", сохраняя прежнюю свою программу журнала исторіи, политики, литературы, будетъ, въ слѣдующемъ 1870-мъ году, издаваться въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, каждый около 1,000 страницъ большого формата.

На основаніи Высочайшаго повелѣнія, 7 августа 1869 г., за пересылку по почтѣ внутри Имперіи періодическихъ изданій, выходящихъ въ Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, съ будущаго 1870 года, взимается: 1) за доставку по городской почтѣ на домъ 50 коп. за двѣнадцати-книжный журналъ, независимо отъ объявленной редакціею цѣны за годовой экземпляръ безъ доставки; и 2) за пересылку по почтѣ внутри Имперіи такого же журнала 10% съ объявленной цѣны за годовой экземпляръ безъ доставки.

Сообразно съ вышеизложеннымъ, съ будущаго 1870 года, для подписчиковъ „Вѣстника Европы" объявляется слѣдующая

ЦѢНА ЗА ГОДЪ:

1) *Безъ доставки.*

15 рублей въ Конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, въ С.-Петербургѣ (на Невскомъ просп., 30).

2) *Съ доставкою на домъ.*

15 р. 50 к. въ Конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, въ Москвѣ.

Примѣчаніе. Для избѣжанія ошибокъ въ адрессѣ, покорно просятъ подавать въ упомянутыя мѣста свой адрессъ письменно, а не диктовать, подробно обозначая при этомъ названіе улицы и нумеръ дома и квартиры.

3) *Съ пересылкою въ губерніи.*

16 р. 50. к. высылаются *по почтѣ, исключительно въ редакцію «Вѣстника Европы»—въ С.-Петербургѣ, Галерная, 20—* для пересылки журнала въ губерніи и г. Москву, чрезъ Газетную Экспедицію.

Примѣчаніе. Гг. иногородные, имѣя случай подписаться *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, обращаются въ Контору редакціи.

4) *Съ пересылкою за-границу.*

Заграничные подписчики высылаютъ подписную сумму по почтѣ прямо въ редакцію, а лично подписываются въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова: за годовой экземпляръ съ пересылкою подъ бандеролью, въ **Германію** и **Австрію** — **18** *руб.;* въ **Бельгію** — **19** *руб.;* **Францію** и **Данію** — **20** *руб.;* **Англію, Швецію, Испанію** и **Португалію** — **21** *руб.;* **Швейцарію** — **22** *руб.;* **Италію** и **Римъ** — **23** *рубля.*

Примѣчаніе. Заграничные адрессы доставляются письменно и на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Въ *Финляндіи* слѣдуетъ подписываться чрезъ мѣстный почтамтъ, какъ то могутъ дѣлать вообще всѣ заграничные подписчики.

Подписчики получаютъ отъ Конторы билетъ, вырѣзанный изъ книгъ редакціи: только при предъявленіи такого билета, или при сообщеніи его нумера, редакція отвѣчаетъ безусловно за свою Контору.

Для иногородныхъ подписчиковъ.

1. Редакція покорно проситъ, при доставленіи адресса, если подписчикъ живетъ не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ, прежде всего называть ту ближайшую отъ него Почтовую Контору, *въ которой допускается раздача журналовъ и газетъ*, съ указаніемъ, какой она губерніи и уѣзда, и за тѣмъ свое мѣстожительство.

2. Перемѣна адресса должна отправляться въ редакцію, смотря по разстоянію, такъ, чтобы извѣстіе пришло въ Петербургъ не позже какъ наканунѣ выхода книги (т. е. наканунѣ всякаго перваго числа мѣсяца); въ случаѣ невозможности извѣстить редакцію заблаговременно, просятъ сообщать предъ выѣздомъ свой новый адрессъ, для ближайшей книги, своей Почтовой Конторѣ, и въ тоже время извѣстить редакцію о перемѣнѣ для слѣдующихъ книгъ.

3. Въ случаѣ неполученія книги, просятъ сообщить въ редакцію жалобу, засвидѣтельствованную въ мѣстной Почтовой Конторѣ. Въ такомъ случаѣ редакція высылаетъ вторично экземпляръ съ первою почтою, не ожидая конца слѣдствія о потерѣ перваго экземпляра.

4. Желающіе имѣть билетъ отъ редакціи на полученіе журнала прилагаютъ для пересылки билета почтовую марку въ 10 коп.

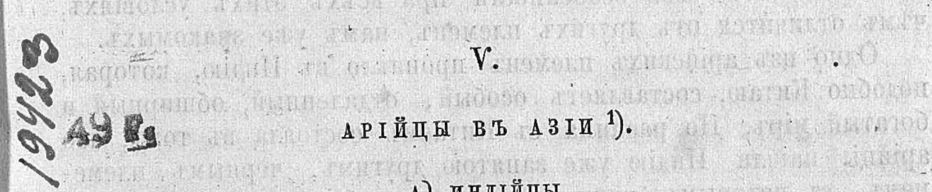
Годовые экземпляры „Вѣстника Европы" за 1869 г. всѣ разошлись по подпискѣ.

С.-Петербургъ. 1 октября, 1869 г.

М. Стасюлевичъ,
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

НАБЛЮДЕНІЯ

НАДЪ

ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНІЮ НАРОДОВЪ.

V.

АРІЙЦЫ ВЪ АЗІИ [1]).

А) ИНДІЙЦЫ.

Мы теперь начинаемъ имѣть дѣло съ знаменитымъ племенемъ, которое можно назвать любимцемъ исторіи. При какихъ бы то ни было мѣстныхъ условіяхъ, всюду это высоко-даровитое племя оставило по себѣ замѣтный слѣдъ, всюду заявило свое существованіе чѣмъ - нибудь такимъ, что̀ навсегда останется предметомъ изученія для историка. Мы не станемъ вдаваться въ изслѣдованія о первоначальномъ мѣстѣ жительства арійцевъ; для насъ важно одно, что богатая явленіями историческая жизнь въ Азіи начинается движеніемъ арійскаго племени съ сѣвера на югъ, точно такъ, какъ исторія новой Европы начинается движеніемъ съ сѣвера новыхъ народовъ того же племени, которые обновили одряхлѣвшій греко-римскій міръ. До сихъ поръ мы произвели наблюденія надъ историческою жизнію нѣсколькихъ народовъ подъ различными мѣстными условіями. Мы видѣли страны богатыя, призвавшія свое народонасе-

[1]) См. декабрь, 1868 г., стр. 676—707.

леніе къ ранней цивилизаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ обособившія это народонаселеніе, удовлетворявшія его вполнѣ, не давшія ему побужденій къ внѣшней дѣятельности, къ подвигу, заставившія его поэтому заснуть и остановиться въ развитіи: таковы Китай и Египетъ. Потомъ мы наблюдали за жизнію народовъ, столкнувшихся съ равными средствами на небольшихъ пространствахъ, и видѣли, что слѣдствіемъ была сильная борьба между ними, сильная внѣшняя дѣятельность, обхватившая цѣлый рядъ народовъ въ одной общей жизни. Мы видѣли наконецъ народъ, неуспѣвшій образоваться въ одно значительное цѣлое, въ одно государство, и увлеченный близостью моря къ широкой, но разсыпной торговой и колоніальной дѣятельности. Теперь передъ нами новое племя, которое явится во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами условіяхъ, и въ странахъ подобныхъ Китаю и Египту, и въ передней Азіи, тамъ гдѣ совершали свои подвиги ассиріяне и вавилоняне, и въ странѣ приморской и вмѣстѣ съ тѣмъ препятствующей образованію большого государственнаго тѣла, приглашающей къ разсыпной дѣятельности. Посмотримъ же, какъ это племя заявитъ свои особенности при всѣхъ этихъ условіяхъ, чѣмъ отличится отъ другихъ племенъ, намъ уже знакомыхъ.

Одно изъ арійскихъ племенъ проникло въ Индію, которая, подобно Китаю, составляетъ особый, отдаленный, обширный и богатый міръ. Но разница съ Китаемъ состояла въ томъ, что арійцы нашли Индію уже занятою другимъ, чернымъ племенемъ, съ которымъ пришельцы должны были вести продолжительную борьбу и наконецъ подчинили себѣ. Здѣсь сходство Индіи съ Египтомъ, и потому въ обѣихъ странахъ замѣчаемъ одинакое явленіе: раздѣленіе на касты, различіе между покорителями и покоренными, при чемъ послѣдніе принадлежали къ иному племени, различіе по цвѣту кожи (varna—краска и каста) легли въ основаніе дѣленія; «черные судрасы», низшее народонаселеніе, противополагаются высшему — «мужественнымъ» аріямъ. Между аріями и судра находился особый отдѣлъ народонаселенія, войсіа, занимавшійся промыслами: по всѣмъ вѣроятностямъ, войсіа первоначально происходили отъ браковъ аріевъ съ женщинами судра, браковъ, которые не считались законными. Съ теченіемъ времени, благодаря болѣе рѣзкому разграниченію кастъ вслѣдствіе религіозныхъ представленій, люди, происшедшіе отъ родителей, принадлежавшихъ къ разнымъ кастамъ, считались нечистыми, отверженниками, и вели самую печальную жизнь.

Но и между господствующимъ племенемъ, между аріями, образовались двѣ касты воиновъ (кшатріа) и жрецовъ (браминовъ).

Первоначально, въ эпоху движенія и завоеванія это раздѣленіе аріевъ на воиновъ и жрецовъ если и существовало, то не могло быть рѣзко: въ древнихъ поэтическихъ памятникахъ встрѣчаемъ извѣстія о жрецахъ, которые вмѣстѣ были и воинами. Когда воинственное движеніе успокоилось и началъ устанавливаться порядокъ, гражданскія отношенія, скрѣпляющіяся обычнымъ религіознымъ цементомъ, когда начало развиваться и общественное богослуженіе, то жреческое сословіе должно было выдвинуться и обособиться. Усиленію его значенія и уменьшенію значенія воиновъ благопріятствовало стремленіе общества успокоиться послѣ смутъ и движенія, завоеванія и усобицъ, происходившихъ непосредственно послѣ завоеванія, громадность, отдаленность, замкнутость и богатство страны, что все отнимало побужденіе къ новымъ движеніямъ и подвигамъ, отодвигало слѣдовательно подвижниковъ, воиновъ, на второй планъ. Но, какъ видно изъ намековъ древнихъ памятниковъ, воины не безъ боя уступили жрецамъ первое мѣсто.

Такимъ образомъ, арійское племя въ Индіи, попавши въ обширную, отдаленную и богатую страну, подпало вліянію мѣстности, вслѣдствіе чего Индія, относительно политическаго развитія своего, представляетъ одинаковыя явленія съ Египтомъ. Но особенности арійскаго племени не дали изгладить себя и тутъ мѣстнымъ условіямъ; они высказались не въ громадныхъ только и нѣмыхъ или полу-нѣмыхъ памятникахъ; они высказались въ богатой литературѣ, высказались въ религіозно-философскомъ міросозерцаніи и въ религіозныхъ движеніяхъ; арійцы въ Индіи не молча прожили свой героическій періодъ, періодъ движенія, подвиговъ: они разсказали объ нихъ въ Магабгаратѣ и Рамаянѣ, дающихъ знать, что это тоже самое племя, которое разсказало намъ про свой героическій періодъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ; когда прекратились движенія политическія, когда государство и общество остановились въ своемъ развитіи, мысль не переставала работать, и слѣдствіемъ этой работы было сильное религіозное движеніе, обхватившее не одну Индію, и не ограничившееся одною религіозною сферою.

Арійцы принесли съ собою въ Индію представленіе о добрыхъ и злыхъ божествахъ, и, что всего важнѣе, принесли представленіе о непрестанной борьбѣ ихъ между собою, представленіе объ Индрѣ, небесномъ воителѣ, поражающемъ злого Вритру, который покрываетъ небо черными облаками. На индійской почвѣ съ теченіемъ времени выработалось представленіе о двухъ началахъ, благодѣтельномъ, зиждительномъ и хранительномъ—Вишну, и зломъ, разрушительномъ—Шива, и оба на-

чала, какъ у другихъ народовъ, стали другъ подлѣ друга въ равносильномъ положенiи. Но индiйскiе арiйцы на этомъ не остановились; они не успокоились на дуализмѣ, и начали стремиться подчинить оба противоположныя начала третьему, высшему, и явились представленiя о Брамѣ, «изъ котораго всѣ существа происходятъ, которымъ живутъ по рожденiи, къ которому стремятся, въ котораго снова возвращаются».—«Какъ искры, изъ пламени, исходятъ всѣ существа изъ неизмѣняемаго и возвращаются въ него». Это представленiе, разумѣется, не могло быть достоянiемъ большинства, относившагося равнодушно къ божеству, которому не приносили жертвы, не строили храмовъ, и продолжавшаго поклоняться божествамъ добрымъ и злымъ, мужескаго и женскаго пола. Но жрецы (брамины) воспользовались этимъ представленiемъ, чтобъ освятить существующiй политическiй порядокъ вещей, какъ происшедшiй изъ Брамы, освятить преимущества своей касты; они воспользовались представленiемъ о Брамѣ, чтобъ утвердить и нравственный порядокъ: только чистая душа человѣка могла возвратиться къ своему чистому источнику; душа же, оскверненная преступными дѣянiями, должна была пройти прежде чрезъ рядъ низшихъ существъ, что̀ повело къ вѣрованiю въ переселенiе душъ. Но мысль не могла остановиться и на этомъ. Явились неизбѣжные вопросы: ка̀къ и зачѣмъ? Ка̀къ и зачѣмъ изъ единаго, сверхъчувственнаго и неизмѣняемаго произошелъ этотъ многообразный, чувственный и измѣняемый мiръ, котораго цѣлью все же осталось возвращенiе въ единое и неизмѣняемое? Придумано было такое объясненiе, что первоначальное, единое истинное существо, душа вселенной, актомъ самообольщенiя развилось въ мiръ многообразiя, который потомъ сохранилъ какъ существенное качество свое—обманъ; мiръ не имѣетъ истиннаго существованiя, никакого права на него. Такое, уже слишкомъ смѣлое объясненiе происхожденiя чувственнаго мiра не могло быть принято многими; явилось другое ученiе, ученiе Капилы, гдѣ утверждалось, что матерiя вѣчна и чувственный мiръ заключаетъ въ самомъ себѣ жизненное начало; подлѣ этого самостоятельнаго матерiальнаго мiра существуетъ самостоятельный мiръ духовный, котораго безконечныя частицы, безкачественныя, бездѣятельныя и неразличимыя вращаются въ мiровыхъ пространствахъ и только посредствомъ соединенiя съ матерiальнымъ мiромъ получаютъ сознанiе, силу воли и другiя качества; но разъ сознавши самого себя, свое превосходство надъ матерiею и свою особенность отъ нея, духъ стремится къ освобожденiю себя отъ матерiи.

Уже въ ученіи Капилы мы видимъ прямое отступленіе отъ браминскаго ученія о происхожденіи или истеченіи всего существующаго изъ Брамы, какъ души вселенной; въ ученіи Капилы міръ духовный и матеріальный существуютъ самостоятельно одинъ подлѣ другого, и вопросъ о божествѣ обходится. Но это ученіе, достояніе немногихъ людей мысли, не имѣло вліянія на политическую сферу, на тотъ міръ отношеній, который если не былъ созданъ, то, по крайней мѣрѣ, былъ освященъ брамаизмомъ. Но вотъ явилось ученіе, которое не ограничилось сферою мысли, но вооружилось противъ существующаго порядка, освященнаго господствующею религіею: то было знаменитое ученіе Будды.

Особенность движенія религіозной мысли арійцевъ въ Индіи состояла въ томъ, что она не могла успокоиться на дѣлежѣ окружающихъ явленій между двумя началами, двумя божествами, добрымъ и злымъ, на этомъ узаконенномъ, освященномъ раздвоеніи міра и человѣка, обязаннаго поклоняться одинаково обоимъ противоположнымъ началамъ. Для освобожденія отъ этого двойства, которое было тяжело и для нравственнаго чувства человѣка, начали искать третье, высшее начало, высшее божество: но гдѣ было его найти внѣ природы, какъ его опредѣлить, какія дать ему качества? До представленія о творцѣ, отдѣльномъ отъ творенія, человѣкъ самъ собою достигнуть не могъ; такъ-называемыя языческія религіи именно и состоятъ въ поклоненіи божеству въ извѣстномъ образѣ, *идолъ* (*εἴδωλον*), въ извѣстномъ явленіи физическомъ или нравственномъ; внѣ этихъ явленій или образовъ язычники бога не искали и найти не могли, и потому, поднимаясь къ единому и наивысшему божеству, они не могли иначе представить его себѣ, какъ изображающимся, воплощающимся въ цѣлой вселенной, находящимся къ ней въ такомъ же отношеніи, какъ душа къ тѣлу. Явился пантеизмъ. Но Брама не могъ успокоить возбужденную мысль арійца, ибо страшный вопросъ поднимался съ новою силою, вопросъ, какъ вѣчное, истинное, доброе могло выразиться въ измѣняемомъ, погибающемъ, ложномъ, зломъ? Неотвязный вопросъ о происхожденіи зла, страданія, смерти, не давалъ покоя, и вотъ является ученіе о томъ, что міръ не имѣетъ истиннаго существованія, что онъ произошелъ вслѣдствіе обмана, отъ котораго надобно какъ можно скорѣе избавиться. Другое ученіе, ученіе Капилы опять пришло къ двойству, сопоставивъ міръ матеріальный съ міромъ духовнымъ, обойдя вопросъ о божествѣ и закончивъ необходимостію для душъ освобождаться отъ оковъ матеріальнаго міра. Оба ученія одинаково подрывали браминскій взглядъ на освя-

щеніе и неприкосновенность извѣстнаго политическаго порядка, какъ истекшаго непосредственно изъ Брамы. Отсюда понятно, почему третье ученіе, ученіе Будды, могло отвергнуть религіозное освященіе кастнаго состоянія и провозгласить равенство правъ для всѣхъ, относительно средствъ освобожденія отъ зла. Молодой царевичъ Будда, провождавшій жизнь въ наслажденіяхъ, встрѣтилъ однажды на прогулкѣ старика, больного, трупъ и жреца. Эти четыре явленія, какъ говоритъ преданіе, возбудили въ молодомъ человѣкѣ неусыпавшую между арійцами Индіи мысль о происхожденіи зла, о средствахъ избавленія отъ него. Эта мысль овладѣла Буддой, и онъ посвятилъ себя всецѣло рѣшенію великаго вопроса. Все въ здѣшнемъ мірѣ суета, все преходяще, и сознаніе этого есть начало премудрости. Міръ не имѣетъ никакого основанія, никакого права существовать; онъ есть произведеніе мрачной силы и есть зло. Четыре главныхъ источника зла въ мірѣ: рожденіе, старость, болѣзнь и смерть; сюда для человѣка присоединяются еще треволненія бытія, исполненнаго стремленій и плановъ, обмановъ и потерь. Всѣ бѣды проистекаютъ для человѣка отъ внѣшняго міра, отъ чувствъ, отъ тѣла: отсюда необходимое стремленіе освободиться отъ нихъ, освободиться отъ всѣхъ связей, склонностей, привязанностей къ міру и вкушать счастье и радости покоя. Задача жизни состоитъ въ отрѣшеніи души отъ вещей внѣшняго міра чрезъ созерцаніе ихъ ничтожества и преходчивости; потомъ, въ уничтоженіи личности, въ уничтоженіи самосознанія, чтобъ душа погружалась въ абсолютную пустоту (нирвана), гдѣ нѣтъ никакихъ элементовъ существованія, гдѣ нѣтъ формы, чувства, мысли, сознанія, и откуда нѣтъ возможности возвращенія.

Здѣсь въ основаніи ученія нѣтъ ничего новаго въ сравненіи съ ученіями предшествовавшими, которыя хотѣли объяснить происхожденіе зла, указать на невозможность мириться съ нимъ и опредѣлить отношенія духа и матеріи. Но важная новизна ученія Будды состояла въ томъ, что онъ призналъ равенство всѣхъ людей относительно средствъ освобожденія отъ бѣдствій и треволненій міра, для всѣхъ людей было возможно погашеніе личности въ нирванѣ: такимъ образомъ, религіозная основа кастъ, установленная въ брамаизмѣ, исчезала; Будда обратился съ своимъ ученіемъ ко всѣмъ кастамъ, ко всѣмъ людямъ безъ исключенія. Другія ученія были для немногихъ, не для массы; ученіе Будды было для всѣхъ, и потому подрывало религіозное и тѣсно связанное съ нимъ политическое зданіе, возведенное брамаизмомъ. Это, разумѣется, произвело столкновеніе; старый брамаизмъ вооружился противъ опаснаго соперника, и началось

гоненіе на буддистовъ, которые должны были оставить отечество и нести свое ученіе къ чуждымъ народамъ. Въ передней Индіи или западномъ полуостровѣ, буддизмъ былъ истребленъ кровавыми средствами, но зато распространился въ сосѣднихъ странахъ, по островамъ, начиная съ Цейлона, по восточно-индійскому полуострову, въ Китаѣ, въ Японіи, Тибетѣ, Монголіи, при чемъ это ученіе подверглось сильному искаженію.

Китай, Египетъ, Индія представляютъ намъ одну, особую группу странъ. Обширность, богатство и отдаленность дѣлаютъ ихъ особыми замкнутыми мірами, съ богатою, но окаменѣвшею цивилизаціею вслѣдствіе отсутствія сообщеній съ другими народами, вслѣдствіе отсутствія постояннаго подвига, исторической жизни. Это три очарованные замка спящей красавицы. Но при всемъ сходствѣ этихъ трехъ странъ, одна между ними, Индія представляетъ особенность, которою она обязана арійскому племени. Это даровитое племя, племя подвижниковъ, вошедши на очарованную почву Индіи, въ усыпленный волшебницею замокъ, также подверглось чарамъ; несмотря однако на силу этихъ чаръ, оно не утратило своего характера, и выказало необыкновенную энергію въ области мысли. Оно схватывается съ основными представленіями естественной религіи о божествахъ добрыхъ и злыхъ, на одинакихъ правахъ сопоставленныхъ другъ съ другомъ; оно не переноситъ этого дуализма, этого страдательнаго, безразличнаго поклоненія добру и злу вмѣстѣ, и снова бросается на рѣшеніе вопроса о происхожденіи добра и зла, при чемъ рѣзко ставитъ вопросъ объ отношеніи духовнаго и матеріальнаго міра. Мало этого: благодаря движенію мысли, смѣнѣ космогоническихъ представленій, происходитъ сильный переворотъ въ обществѣ, вслѣдствіе котораго часть народонаселенія принуждена выселиться и несетъ свое ученіе въ ближнія и дальнія страны; такимъ образомъ, движеніе не ограничивается однимъ народомъ, одною страною, но обхватываетъ многіе народы и страны: явленіе, съ которымъ мы встрѣчаемся здѣсь впервые въ исторіи.

б) Мидяне и персы.

Отъ далекихъ странъ Китая, Египта, Индіи, составившихъ, по самому положенію своему особые замкнутые міры, мы переходимъ въ переднюю Азію, гдѣ на небольшомъ относительно пространствѣ сталкиваются нѣсколько отдѣльныхъ народовъ, и гдѣ, вслѣдствіе этого столкновенія, происходитъ сильное воинственное движеніе. Мы видѣли, что это движеніе исходило изъ

области Евфрата и Тигра и принадлежало народамъ симетическаго племени, ассиріянамъ и вавилонянамъ. Но и на эту сцену скоро являются народы арійскаго племени: какая же будетъ здѣсь ихъ роль? Говоря о борьбѣ между ассиріянами и вавилонянами, мы уже упомянули о мидянахъ, народѣ арійскаго племени. Сначала мидяне, явившіеся, какъ видно, недавно въ странѣ, обхватываемой Тавромъ и Антитавромъ, неуспѣвшіе сомкнуться въ одно сильное государственное тѣло, не выдержали воинственнаго натиска семитовъ, и подчинились ассирійскимъ царямъ. Но мидяне, по словамъ Геродота, первые стали подниматься противъ ассиріянъ, и сражаясь такимъ образомъ за свободу, сдѣлались добрыми мужами и свергли иго; за ними и другіе народы сдѣлали тоже самое. Такимъ образомъ, арійцамъ принадлежитъ здѣсь починъ освобожденія. Освободившись, добрые мужи, въ свою очередь, становятся завоевателями при царяхъ своихъ, Фраортѣ и Кіаксарѣ; но при сынѣ послѣдняго, Астіагѣ, происходилъ переворотъ между арійскими племенами: племя персовъ, прежде подчиненное мидянамъ, пріобрѣтаетъ независимость при царѣ своемъ Кирѣ и подчиняетъ себѣ мидійское государство. Но мы уже замѣтили, что государства передней Азіи составляютъ систему государствъ, живутъ общею политическою жизнію, блюдутъ другъ за другомъ, при опасности отъ чрезмѣрнаго усиленія одного, другія составляютъ союзы, скрѣпляемые брачными союзами государей. Опасность начала грозить теперь отъ Кира персидскаго, и вотъ противъ него возстаетъ самый могущественный изъ владѣльцевъ Малой Азіи, Крезъ, царь лидійскій, котораго сестра была замужемъ за Астіагомъ мидійскимъ; но при этомъ Крезъ заключилъ союзы съ Набонетомъ, царемъ вавилонскимъ и Амазисомъ египетскимъ, даже съ спартанцами. Успѣхъ союза, разумѣется, прежде всего долженъ былъ зависѣть отъ личности союзниковъ. Крезъ не дождался ни Набонета, ни Амазиса, хотя, какъ видно, поджидалъ ихъ движеній къ Каппадокіи. Союзники не двигались; но Киръ воспользовался временемъ и приготовился къ походу одинъ-на-одинъ. Онъ остался побѣдителемъ въ борьбѣ, Лидія и вся Малая Азія покорена была персами; потомъ, точно также въ борьбѣ одинъ-на-одинъ, пало передъ Киромъ и вавилонское государство; Финикія перешла въ такое же подчиненное отношеніе къ персамъ, въ какомъ прежде находилась къ вавилонянамъ. Такимъ образомъ, симетическое племя, которому до сихъ поръ принадлежало господство въ передней Азіи, должно было уступить это господство арійцамъ; при сынѣ Кировомъ, Камбизѣ, и Египетъ былъ присоединенъ къ персидскимъ владѣніямъ.

Итакъ, обративши вниманіе на движенія и столкновенія племенъ въ древней Азіи и отчасти въ Африкѣ, мы скоро усматриваемъ, что одно племя, именно арійское получаетъ господство надъ другими. Оно господствуетъ въ отдаленной и замкнутой Индіи; но и отсюда распространяетъ свое духовное вліяніе, духовное завоеваніе на окрестныя и отдаленныя страны, посредствомъ сильнаго религіознаго движенія: вся юговосточная и средняя степная Азія составляютъ область, подчиненную вліянію арійскаго племени изъ западнаго полуострова Индіи. Въ передней или собственно исторической Азіи тоже племя, явившись на сцену, подчиняетъ себѣ всѣ другія и образуетъ небывалое по своей громадности государство. Внутренняя и внѣшняя жизнь этого государства намъ гораздо болѣе извѣстны, чѣмъ жизнь другихъ азіатскихъ и африканскихъ государствъ, и потому на Персіи мы можемъ изучить это древнее восточное государство, представляющее такое различіе отъ государства западнаго, европейскаго.

Персы завоевываютъ многія обширныя и цивилизованныя государства; но при этомъ не должно забывать, что эти завоеванія совершаются царемъ персидскимъ, по его начинанію, направленію, волѣ. Персы, какъ завоеватели, становятся народомъ привилегированнымъ, не платящимъ податей, но они остаются у себя, въ своей странѣ, въ прежнемъ положеніи, они не переселяются въ страны покоренныя, не получаютъ здѣсь богатаго земельнаго надѣла, не становятся чрезъ это самостоятельнымъ высшимъ сословіемъ, не составляютъ исключительной военной силы, съ которою царь долженъ считаться. Царя окружаютъ вельможи изъ знатныхъ персидскихъ родовъ: но эти люди не имѣютъ самостоятельнаго значенія въ цѣлой монархіи, которая подчинена царю персидскому, а не народу персидскому. Царь разсылаетъ этихъ вельможъ сатрапами, правителями областей, съ богатѣйшимъ кормленіемъ; но это только кормленіе, постоянныхъ, наслѣдственныхъ владѣній они не имѣютъ, слѣдовательно не имѣютъ самостоятельнаго значенія. Такимъ образомъ, вслѣдствіе акта завоеванія, изъ завоевателей персовъ не могла образоваться аристократія въ нашемъ европейскомъ смыслѣ; персъ считался выше вавилонянина и лидійца, онъ не платилъ податей, ему слѣдовательно было лучше жить; но относительно царя онъ былъ такой же рабъ, какъ лидіецъ или вавилонянинъ. Послѣ прекращенія Кировой династіи безпотомственною смертію сына его Камбиза, мы видимъ аристократическое движеніе, стремленіе представителей знатнѣйшихъ персидскихъ родовъ, пріобрѣсти особыя права относительно царя; это движеніе не могло

имѣть послѣдствій потому, что персидское могущество подверглось въ это время страшной опасности, покоренные народы возставали со всѣхъ сторонъ, и персамъ, для удержанія своего значенія, для единства въ движеніяхъ и успѣха въ борьбѣ, необходимо было отдать власть въ однѣ руки; и во все время существованія персидскаго государства опасность отъ возстанія покоренныхъ народовъ была постоянною; сюда присоединилась еще опасная борьба съ греками, а государство, основанное на завоеваніи или окруженное опасностями, принуждаемое къ постоянной борьбѣ, требуетъ постоянной диктатуры.

Что касается жреческаго класса, то, сколько можно замѣтить изъ источниковъ, въ Персіи жрецы не имѣли важнаго значенія; жрецы или маги имѣютъ важное значеніе въ Мидіи и съ самаго начала ведутъ себя враждебно относительно персовъ; ихъ попытка возвести на престолъ одного изъ своихъ подъ именемъ сына Кирова не удалась; противъ нихъ направилось національное персидское движеніе, кончившееся истребленіемъ маговъ и царя ихъ самозванца; это событіе, истребленіе маговъ торжествовалось потомъ персами ежегодно, и конечно такой національный праздникъ не могъ содѣйствовать поднятію значенія жреческаго класса; во время этого праздника ни одинъ магъ не могъ показываться на улицѣ. Съ представленіемъ о древнихъ персахъ тѣсно связано представленіе о такъ-называемой зороастровой религіи или ученіи. Мы видѣли, что арійское племя, поклоняясь божеству въ проявленіяхъ физическихъ силъ, не могло не признать, подобно другимъ племенамъ, различія между полезными и вредными дѣйствіями этихъ силъ и борьбы между благодѣтельными и вредными силами: отсюда дуализмъ въ религіи, или поклоненіе двумъ началамъ, доброму и злому. Мы видѣли, что другія племена, несмотря на то, что замѣтили борьбу между обоими началами, отнеслись одинаково къ обоимъ; арійское племя въ Индіи массою признало два начала и отнеслось къ нимъ одинаково; но нѣкоторыя изъ племенъ не могли на этомъ успокоиться, и мы видимъ рядъ попытокъ объяснить этотъ дуализмъ, при чемъ одинаковость отношенія человѣка къ обоимъ началамъ исчезла, законность существованія зла была отвергнута и предложено средство избавленія отъ него; это средство есть бѣгство отъ зла, бѣгство изъ чувственнаго міра, пропитаннаго зломъ. Но куда бѣжать? Въ противоположность существующему; эта противоположность иначе не могла опредѣлиться, какъ уничтоженіемъ всѣхъ извѣстныхъ условій существованія. Арійцы, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ передней Азіи, также пришли къ признанію двухъ противоположныхъ началъ, добраго и злого, но также не успо-

коились на безразличномъ отношеніи человѣка къ нимъ. Признавши незаконность существованія зла, они отправились отъ борьбы между добромъ и зломъ, признали, что борьба должна кончиться необходимо торжествомъ добра надъ зломъ, и признали за человѣкомъ обязанность не оставаться безучастнымъ въ этой борьбѣ, но становиться на сторону добраго начала и воспользоваться плодами его побѣды. Такова сущность такъ-называемаго зороастрова ученія. Когда сложилось это ученіе, какую долю участія имѣлъ здѣсь Зороастръ, когда жилъ онъ, какимъ чуждымъ вліяніямъ подверглось это ученіе въ своихъ подробностяхъ—этого наука, по настоящимъ своимъ средствамъ, рѣшить не можетъ. Какъ видно, ученіе Зороастра было протестомъ противъ тѣхъ чуждыхъ вліяній, которымъ первоначальная арійская религія подверглась вслѣдствіе столкновенія арійскаго племени съ другими племенами при извѣстномъ движеніи мидянъ и персовъ. О степени распространенія Зороастрова ученія въ персидскихъ владѣніяхъ и даже въ собственной Персіи судить трудно; любопытно, что Геродотъ, говоря о религіи персовъ, описывая поклоненіе ихъ физическимъ божествамъ, небу, солнцу, лунѣ, землѣ, огню, вѣтрамъ, указывая на ту особенность, что персы не воздвигаютъ своимъ божествамъ статуй, храмовъ, алтарей, не упоминаетъ о Зороастрѣ и его ученіи. Какъ бы то ни было, у западной азіатской отрасли арійскаго племени мы видимъ стремленіе выйти изъ дуализма, встрѣчаемъ вѣрованіе, что борьба между добромъ и зломъ должна кончиться торжествомъ перваго, исчезновеніемъ послѣдняго. Аріецъ Индіи бѣжитъ отъ чувственнаго міра, въ которомъ видитъ зло; аріецъ Персіи не бѣжитъ отъ врага, но хочетъ бороться съ нимъ: здѣсь высказалось различіе въ характерѣ двухъ отраслей племени, различіе ихъ исторической дѣятельности, при чемъ мѣстныя условія и характеръ народовъ, съ которыми сталкивалось племя, разумѣется, играютъ важную роль.

Мы видѣли, что сталось съ арійскимъ племенемъ въ отдаленной, обширной и богатой Индіи: несмотря на усыпленіе, отъ этихъ условій происходившее, характеръ племени высказался въ силѣ религіозно-философской мысли и въ силѣ религіознаго движенія. Въ западной Азіи, вступивши въ общество народовъ, издавна мѣрявшихъ свои силы въ борьбѣ за самостоятельность и первенство, арійцы, въ лицѣ персовъ, принимаютъ участіе въ этой борьбѣ и побѣждаютъ всѣхъ, становятся господствующимъ народомъ и теряютъ это господство въ борьбѣ съ отраслію своего же племени, получившею высшее воспитаніе при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, съ арійцами европейскими, къ исторіи которыхъ теперь и обращаемся.

II.

ЗАПАДЪ.

I.

АРІЙЦЫ ДРЕВНЯГО МІРА.

а) греки.

На востокѣ, въ Азіи и Африкѣ, мы встрѣтили три формы исторической жизни народовъ: мы встрѣчали здѣсь народы, замкнувшіеся въ отдаленныхъ, обширныхъ и богатыхъ странахъ; потомъ встрѣчались съ народами, жившими на относительно небольшихъ пространствахъ и находившимися въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ, что вело къ образованію большихъ государствъ и къ ихъ распаденію; наконецъ, мы встрѣтились съ народомъ, который жилъ на морскомъ прибрежьи, на небольшомъ пространствѣ, вслѣдствіе чего представилъ намъ особенныя формы исторической жизни. Наблюдая за арійскимъ племенемъ въ Азіи, мы видѣли его только въ двухъ первыхъ формахъ, видѣли его въ замкнутой Индіи, и потомъ въ передней Азіи, въ побѣдоносной борьбѣ съ другими племенами, видѣли его здѣсь основателемъ огромнаго, пестраго по своему составу государства. Но мы не видали еще его въ третьей формѣ, въ формѣ морского народа. Въ этой формѣ оно явилось не въ Азіи, но въ Европѣ, подъ именемъ грековъ.

Изъ сказаннаго прямо слѣдуетъ, что для уясненія себѣ результатовъ греческой жизни, намъ очень важно сравнить условія исторической жизни грековъ съ условіями исторической жизни финикіянъ, народа, наиболѣе къ нимъ подходящаго. Съ перваго раза сходство большое: оба народа живутъ на морскихъ берегахъ, и знамениты своимъ мореплаваніемъ, торговлею, выводомъ колоній; относительно политическихъ формъ, оба народа на небольшомъ пространствѣ земли представляютъ нѣсколько самостоятельныхъ городовъ или республикъ со всѣми волненіями свободы, съ борьбою партій. Но вмѣстѣ съ сходствомъ видимъ огромную разницу въ результатахъ исторической жизни. Вникая въ причины этой разницы, мы останавливаемся на различіяхъ мѣстныхъ, племенныхъ и собственно историческихъ. Финикіяне занимали узкую полосу по берегу моря, а сзади ихъ происходила страшная борьба между могущественными народами, отъ напора

которыхъ финикіяне не были ничѣмъ ограждены, и по своимъ ничтожнымъ военнымъ средствамъ, разумѣется, никогда не могли защитить себя отъ завоеванія; построеніе новаго Тира на островѣ всего лучше показываетъ намъ, какъ важно было финикіянамъ отдалиться отъ континентальной Азіи, показываетъ также, что судьба финикіянъ была бы другая, если бы они были отдѣлены моремъ отъ Азіи; судьбу финикіянъ всего лучше объясняетъ намъ судьба мало-азіатскихъ грековъ, которые находились точно въ такомъ же отношеніи къ Азіи, какъ и финикіяне, и подверглись такой же участи, подпали сначала подъ власть лидійцевъ, а потомъ персовъ; независимость же европейскихъ грековъ была ограждена моремъ, кораблями, деревянными стѣнами оракула. И такъ, чрезвычайно важное значеніе въ исторіи грековъ имѣетъ положеніе ихъ страны, отдѣленіе моремъ отъ Азіи, огражденіе имъ отъ напора сильныхъ азіатскихъ монархій.

Второе условіе, останавливающее наше вниманіе, есть условіе племенное. Греки принадлежали къ арійскому племени; мы видѣли это племя въ Азіи въ различныхъ условіяхъ, и видѣли, какъ вездѣ оно выказало свою силу, свое превосходство надъ другими племенами. Въ Европѣ оно получило наиболѣе благопріятныя условія для развитія своихъ силъ: какія же были эти условія?

Обращая вниманіе на воспитаніе племени или народа, мы должны различать, воспитывается ли народъ сиднемъ на одномъ мѣстѣ, вдали отъ другихъ народовъ, въ странѣ обширной и богатой, при жирномъ питаніи? Въ этомъ случаѣ народъ необходимо представитъ намъ вялость, отсутствіе энергіи, отсутствіе широты взгляда, отсутствіе высшихъ побужденій, побужденій къ подвигу, и далеко въ своемъ развитіи не пойдетъ. Другой народъ воспитывается въ хорошей школѣ: нужда заставляетъ его двигаться изъ одной страны въ другую, что развиваетъ его физическія и нравственныя силы, расширяетъ его горизонтъ, дѣлаетъ его народомъ смышленымъ, бывалымъ, заставляетъ преодолѣвать препятствія природныя и бороться съ другими народами, которыхъ онъ встрѣтитъ на пути: крѣпость душевная и тѣлесная, энергія, способность къ сильному развитію являются естественными слѣдствіями такого воспитанія. Но пріобрѣтенныя силы сохраняются и развиваются посредствомъ упражненія: поэтому важно, народъ, хорошо воспитанный въ школѣ подвига, поселяется ли въ такой странѣ и при такихъ условіяхъ, которыя приглашаютъ его успокоиться, прекратить движеніе, борьбу? Въ такомъ случаѣ и народъ хорошо воспитанный подвергается съ теченіемъ времени вліянію покоя, жирѣетъ и нейдетъ далѣе

извѣстныхъ ступеней развитія. Слѣдовательно, для народа мало еще получить хорошее воспитаніе въ подвигѣ: нужно еще, чтобъ при окончательномъ поселеніи въ извѣстной странѣ народъ не успокоивался, не жирѣлъ и не засыпалъ, надобно, чтобъ подвигъ, борьба продолжались и пріобрѣтенныя силы получали постоянное упражненіе.

Часть арійскаго племени, извѣстная подъ именемъ грековъ, прежде чѣмъ явиться въ Европѣ, на южной оконечности Балканскаго полуострова, должна была совершить далекое странствованіе, гдѣ бы мы ни полагали первоначальное жилище племени, и какое бы ни предположили направленіе движенія (по всей вѣроятности, оно шло по сѣверному берегу Чернаго моря). Это продолжительное странствованіе уже должно было развить силы народа; сюда присоединилось еще то, что греки поселились въ странѣ, представляющей чрезвычайно выгодныя условія для народнаго воспитанія: страна небольшая, изрѣзанная моремъ, съ полуостровами и островами, съ благорастворенным воздухомъ, богатая только при усиленной дѣятельности человѣка; море не широкое, усѣянное островами, тянуло на подвигъ войны и торговли, и между тѣмъ защищало отъ напора сильныхъ народовъ. Но кромѣ этого были еще другія благопріятныя условія для развитія греческой жизни. Мы знаемъ два слоя греческаго народонаселенія: слой первичный, пелазгическій, и слой позднѣйшій или эллинскій. Отвергать различіе, и довольно сильное, между пелазгами и эллинами нѣтъ возможности, по слишкомъ ясному свидѣтельству древнихъ греческихъ писателей; но въ тоже самое время есть прочное основаніе считать ихъ обоихъ принадлежащими къ арійскому племени; если мы предположимъ, что между ними было такое же различіе, какое существуетъ между кельтами, германцами и славянами, то намъ понятно будетъ указаніе древнихъ писателей на ихъ различіе, при чемъ нисколько не нужно будетъ отвергать племенного единства. Но кромѣ этого соединенія пелазговъ съ эллинами, послѣ перваго движенія эллиновъ мы видимъ еще другое движеніе, дорическое. Такимъ образомъ, въ Греціи мы видимъ тройной слой народонаселенія. Этотъ постепенный наплывъ одной части народонаселенія на другую, разумѣется, служилъ къ возбужденію исторической жизни въ странѣ, а съ другой стороны чрезъ постоянную подбавку свѣжихъ силъ выковывалось крѣпкое народонаселеніе, тѣмъ болѣе, что матеріалъ былъ постоянно хорошій, одно даровитое, энергическое племя. Начало греческой исторіи въ маломъ видѣ представляетъ намъ тоже, что послѣ, въ обширныхъ размѣрахъ, повторилось въ началѣ новой европейско-христіан-

ской исторіи: какъ здѣсь, такъ, и тамъ, государства образовались изъ столкновенія и смѣшенія разныхъ народовъ, но принадлежавшихъ къ одному высоко-даровитому арійскому племени — кельтовъ, германцевъ, славянъ, литовцевъ.

Изъ извѣстій о пелазгахъ мы легко признаемъ въ нихъ первоначальное арійское племя, которое поклоняется физическимъ божествамъ на возвышенностяхъ и въ лѣсахъ, безъ храмовъ и изображеній. Къ этому пелазгическому періоду относится столкновеніе греческаго народонаселенія съ финикіянами и подчиненіе его какъ матеріальное, такъ и духовное, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, приморскихъ, наиболѣе доступныхъ, мореплавательному народу. Но финикіяне не могли долго держаться на греческой почвѣ, гдѣ арійское племя постоянно усиливалось матеріально и нравственно. Началось эллинское движеніе. Въ этомъ движеніи мы различаемъ два направленія, которыя проходятъ потомъ черезъ всю греческую жизнь: одно сухопутное, представляемое подвигами Геркулеса, съ которымъ въ тѣсной связи находится послѣдующее дорическое движеніе, или такъ-называемое возвращеніе потомковъ Геркулеса, гераклидовъ, а съ этимъ возвращеніемъ въ непосредственной связи находится основаніе Спарты, сильнѣйшей сухопутной республики греческой. Но какъ бы ни старались возвеличить значеніе дорическаго племени, всякій однако невольно видитъ преимущественное развитіе греческой жизни въ Аѳинахъ, морской республикѣ. Это направленіе къ морю представляется въ дѣятельности Тезея, героя іоническаго племени. Тезей знаменитъ морскими подвигами, въ которыхъ нельзя не видѣть борьбы съ финикіянами, очищенія отъ нихъ греческой почвы и перваго наступательнаго движенія грековъ на востокъ. Какъ Спарта тѣсно связана съ Геркулесомъ, такъ Аѳины тѣсно связаны съ Тезеемъ, который является устроителемъ Аѳинскаго государства. Но какъ образовалось это маленькое государство? оно образовалось изъ слiянія двухъ мѣстечекъ: Элевзиса и Аѳинъ; первое было пелазгическое, второе—эллинское. Пелазгическій слой аѳинскаго народонаселенія былъ такъ силенъ, что Геродотъ прямо называетъ аѳинянъ и вообще іонянъ пелазгами въ противоположность спартанцамъ, которые были эллины. Аѳиняне, по словамъ Геродота, будучи пелазгами по происхожденію, позабыли свой языкъ и стали эллинами. Что одинъ народъ, подчиняясь матеріальной или нравственной силѣ другого, принимаетъ языкъ и вообще національность послѣдняго, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, исторія представляетъ тому много примѣровъ; но для насъ важно узнать,

не осталось ли у аѳинянъ чего-нибудь пелазгическаго, кромѣ камней?

Пелазги поклонялись физическимъ божествамъ безъ изображеній, храмовъ и алтарей; финикіяне способствовали развитію этого поклоненія; явилось поклоненіе двумъ началамъ—мужескому и женскому, Діонису и Матери-землѣ, Геметерѣ или Деметерѣ; послѣднимъ поклоненіемъ былъ знаменитъ пелазгическій Элевзисъ, тогда какъ въ другой, эллинской половинѣ покровительствующимъ божествомъ была воинственная дѣва, Палласъ-Аѳина, отъ которой и городъ получилъ свое названіе, и которая принадлежала къ совершенно другому разряду божествъ, къ эллинскому Олимпу, а съ нимъ Деметера и Діонисъ не имѣли ничего общаго. Такимъ образомъ, въ пелазго-эллинскихъ Аѳинахъ рядомъ существовали двѣ различныя религіи, старая и новая, и мы увидимъ впослѣдствіи, какъ эта старая пелазгическая, элевзинская религія, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, получитъ силу. Но теперь мы должны заняться эллинскою религіею, которая имѣла такое могущественное вліяніе на греческую жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, во всемъ томъ, что̀ оставлено греками намъ въ наслѣдство. Отличительный характеръ эллинской религіи составляетъ очеловѣченіе божества или антропоморфизмъ. Появленіе религіи съ такимъ характеромъ, разумѣется, предполагаетъ сильное развитіе человѣческой личности, чрезвычайные подвиги человѣка, посредствомъ которыхъ онъ поднялся высоко въ собственныхъ глазахъ. Сначала человѣка поражаютъ физическія явленія, и онъ преклоняется предъ ними, какъ предъ божественными; но потомъ человѣкъ, посредствомъ подвига, развиваетъ свои физическія и нравственныя силы, борется съ природою, побѣждаетъ ее, и эта новая сила поражаетъ воображеніе, становится божественною. Подвижникъ, герой поднимаетъ человѣка на небо, и какъ скоро это совершилось, то человѣкъ становится исключительно образомъ божества уже по той легкости, по тому удобству, какія чувствуетъ человѣкъ въ своихъ отношеніяхъ къ человѣкообразному божеству. Прежнія божества физическія принимаютъ человѣческій образъ, между ними начинаютъ господствовать человѣческія отношенія, вслѣдствіе чего боги роднятся съ людьми, лучшіе изъ которыхъ, герои, являются смѣшаннаго происхожденія. Такимъ образомъ, чрезвычайное подвижничество, которымъ отличаются греки при своемъ вступленіи въ исторію, естественно вело къ сознанію превосходства человѣка надъ всѣмъ окружающимъ, и вело, слѣдовательно, къ антропоморфизму въ религіи; но при этомъ еще не должно упускать изъ виду, что у народовъ арійскихъ было сильно развито поклоненіе душамъ умер-

шихъ, которые становились божествами-покровителями своего потомства, рода: здѣсь мы видимъ высокое понятіе о личности человѣческой, которая не гибнетъ, но получаетъ важнѣйшее значеніе по смерти; но для того, чтобъ это вѣрованіе повело къ антропоморфизму и къ тому развитію личности, какое мы замѣчаемъ у грековъ, нужно было сильное подвижничество, ибо и китайцы поклоняются душамъ умершихъ, но у нихъ изъ этого поклоненія ничего не вышло. Какъ скоро явился антропоморфизмъ, то сопоставленіе двухъ началъ, двухъ отдѣльныхъ божествъ, добраго и злого, естественно должно было исчезнуть, ибо въ природѣ человѣка оба начала находятся въ смѣшеніи.

Очеловѣчивъ боговъ своихъ, грекъ долженъ былъ установить между ними тѣ же отношенія, какія господствовали въ человѣческомъ обществѣ. Какія же это были отношенія?

Мы видѣли, что Аристотель противоположилъ восточную монархію греческому городу или республикѣ, и объяснялъ происхожденіе первой тѣмъ, что она составилась изъ семей или родовъ, управляемыхъ отцовскою или родоначальническою властію монархически, и потому эта форма правленія перенеслась на цѣлый народъ, составившійся изъ этихъ семей или родовъ. Но какъ же произошло греческое общество въ противоположность восточному? Разумѣется, не изъ семействъ, не изъ родовъ, или, по крайней мѣрѣ, съ привнесеніемъ къ семейному или родовому началу другого, которое оказало могущественное вліяніе на общественный строй, условило его дальнѣйшее развитіе. Родовой бытъ требуетъ спокойствія, мирныхъ занятій, и когда это спокойствіе нарушено, то является стремленіе возстановить его учрежденіемъ крѣпкаго, общаго правительства по данной формѣ семейнаго или родового управленія. Это стремленіе благопріятствуетъ появленію одного сильнаго человѣка, который и становится на верху; но неблагопріятно появленію многихъ силъ. Вообще родовой бытъ не благопріятствуетъ развитію личности; здѣсь господствуетъ спокойствіе, обычай отцовъ, естественныя безспорныя отношенія старшаго къ младшему, здѣсь господствуетъ охранительное начало. Явится человѣкъ сильный физически или нравственно, ему тѣсно въ обществѣ, и, волею-неволей, онъ долженъ выйти изъ него. Но человѣкъ, какъ животное общественное, не можетъ жить одинъ, и бѣглецъ изъ родового общества стремится къ соединенію съ подобными себѣ людьми; чрезъ это соединеніе образуется новое общество, которое, въ противоположность родовому, или изъ родовъ составившемуся, назовется дружиннымъ, основаннымъ не на кровной связи, но на товариществѣ. Какъ родовое общество есть охранительное по преимуществу, такъ дружина тре-

буетъ движенія, подвига. Прежде всего она составляется изъ людей, нетерпящихъ покоя, неспособныхъ къ мирнымъ занятіямъ, и по природѣ своей стремящихся добывать съ бою средства къ жизни; съ самаго начала между этимъ новымъ обществомъ и старымъ завязываются уже непріязненныя отношенія, съ самаго начала новое общество стремится жить на счетъ стараго; сперва борьба происходитъ въ мелкихъ размѣрахъ, пока дружина еще слаба; она разбойничаетъ на сухомъ пути или на морѣ, нападаетъ въ одиночку на слабыхъ; но съ теченіемъ времени, усилившись, она можетъ предпринять сильное наступательное движеніе, предпринять завоеваніе извѣстной страны, извѣстнаго народа.

Дружина требуетъ вождя. Около знаменитаго своими подвигами богатыря, героя, собирается толпа людей, ему подобныхъ, и провозглашаетъ его своимъ вождемъ. Но большое различіе существуетъ между царемъ народа, составившагося изъ *управляемыхъ*, по выраженію Аристотеля, изъ родовъ, и между вождемъ дружины, избраннымъ товарищами въ подвигахъ. Многочисленное и мирное народонаселеніе избираетъ правителя и спѣшитъ дать ему какъ можно болѣе власти, чтобъ не тревожиться заботами правленія, избѣжать смуты внутренней, отъ враговъ внѣшнихъ имѣть защитника, обладающаго всѣми средствами къ успѣшной защитѣ. Дружина храбрецовъ выбираетъ вождя не для успокоенія, не для возвращенія къ мирнымъ занятіямъ, не для отдыха, а для подвига; тутъ силы напряжены, каждый чувствуетъ въ себѣ силу, каждый сознаетъ свое достоинство; эту силу каждаго, это достоинство каждаго хорошо сознаетъ и вождь, и потому отношенія его къ другимъ членамъ дружины — отношенія старшаго товарища. Тацитъ, описывая народъ, двигавшійся, подобно эллинамъ, съ сѣвера на югъ и постоянно выдѣлявшій изъ себя дружины, дѣлаетъ вѣрное различіе между царями, издавна начальствовавшими въ племенныхъ массахъ, и между вождями дружинъ: цари имѣютъ свое значеніе по благородству, вожди по храбрости (reges ex nobilitate, duces ex virtute). Такими вождями по храбрости были и тѣ начальствующія лица между эллинами, которыхъ мы привыкли называть царями. И послѣ утвержденія въ Греціи, они не могли принять того значенія, какое имѣли цари восточные. Во-первыхъ, въ Греціи на небольшомъ пространствѣ, среди немногочисленнаго народонаселенія, царей было много, и это одно обстоятельство уже не позволяло имъ получить того значенія, какое имѣли цари Востока, единовластители обширныхъ странъ и многочисленныхъ народовъ, окруженные необыкновеннымъ блескомъ, удаленные отъ взоровъ большинства подданныхъ, сокрытые и отъ ближайшаго къ нимъ народонасе-

ленія въ великолѣпныхъ чертогахъ, менѣе доступныхъ, чѣмъ храмы божествъ; простота жизни греческихъ царей приближала ихъ къ подданнымъ, приравнивала къ нимъ. Съ другой стороны, движенія, подвиги не прекратились: Греція была не такая страна-волшебница, которая своими чарами скоро бы истощала нравственныя силы человѣка; напротивъ, своими природными условіями, умѣренностію въ плодородіи, небольшимъ пространствомъ и близостію моря не останавливала развитія силъ поселившихся въ ней богатырей, а приглашала ихъ къ новой дѣтельности, къ новымъ подвигамъ. Отсюда постоянное движеніе, постоянное выдѣленіе изъ народа богатырей, героевъ, которые становятся естественными представителями народа, становятся на верху, и цари должны съ ними считаться; чтобъ не потерять своего значенія, цари сами должны быть героями, начальниками геройскихъ предпріятій, а для успѣха въ этихъ предпріятіяхъ они опять нуждались въ храброй дружинѣ; предпріятія эти совершались соединенными силами, многими царями вмѣстѣ, что̀ уже необходимо пріучало ихъ и дружинниковъ ихъ къ равенству, тѣмъ болѣе, что тутъ личныя достоинства, личная храбрость и искусство постоянно на первомъ планѣ, даютъ право на видное, высокое мѣсто, на самостоятельность, и личность развивается, человѣкъ сознаетъ свое достоинство, зависящее отъ его личныхъ качествъ, а не отъ какихъ-либо другихъ отношеній. Въ подвигахъ геройскаго періода образовался и окрѣпъ греческій духъ, образовались и окрѣпли греческія общественныя отношенія; знаменитое *слово* (эпосъ) о самомъ знаменитомъ изъ этихъ подвиговъ, Иліада, выразивъ вполнѣ этотъ духъ и эти отношенія, и ставши главнымъ воспитательнымъ средствомъ для греческаго народа, въ свою очередь могущественно содѣйствовала развитію того же духа и тѣхъ же отношеній; здѣсь же въ Иліадѣ съ отношеній между людьми сняты были и отношенія между богами и отношенія боговъ къ людямъ. Такимъ образомъ, Иліада есть источникъ греческой исторіи, но не въ обыкновенномъ смыслѣ слова: она есть источникъ греческой жизни. Чтобъ познакомиться съ греческою жизнію въ этомъ источникѣ, не нужно изучать подробно всю поэму; можно остановиться на первыхъ стихахъ, въ которыхъ излагается завязка дѣла: жрецъ Аполлона проситъ о возвращеніи изъ плѣна дочери; съ этою просьбою онъ обращается ко всѣмъ ахэйцамъ, и только преимущественно къ атридамъ. Ахэйское войско соглашается возвратить жрецу дочь; но главный предводитель, Агамемнонъ, не соглашается и грозитъ жрецу; но Агамемнонъ не одинъ; подлѣ него есть другая сила, есть человѣкъ, выдавшійся впередъ личными достоинствами, богатырь, герой, Ахиллъ; жрецъ прибѣ-

гаетъ подъ защиту этой силы; но подлѣ Агамемнона и Ахилла есть еще третья сила, выработанная дружинною жизнію эллиновъ: Ахиллъ созываетъ кругъ (агору). Происходитъ столкновеніе между Агамемнономъ и Ахилломъ; герой, оскорбленный главнымъ предводителемъ, отказывается дѣйствовать, и отъ этого бездѣйствія предпріятіе останавливается, греки терпятъ неудачи, и дѣло поправляется только тогда, когда герой снова начинаетъ дѣйствовать. Такимъ образомъ, главный смыслъ эпоса, имѣвшаго такое громадное значеніе въ греческой жизни, вполнѣ ее отражавшаго, главный смыслъ эпоса есть борьба человѣка, богатаго личными средствами, съ человѣкомъ, могущественнымъ по своему положенію, и побѣда остается на сторонѣ перваго, Ахиллъ оказывается важнѣе Агамемнона.

Подвиги, предпріятія, совершаемые *товариществомъ* героевъ, а не однимъ лицомъ, двигающимъ народъ свой на другіе народы, и совершаемые морскимъ путемъ суть главныя событія начальной греческой исторіи; они ясно показываютъ намъ, съ какимъ народомъ мы имѣемъ дѣло, и каково должно быть развитіе этого народа. Мы не будемъ отвергать вліянія дробныхъ формъ греческой страны, какъ способствующихъ дробности политической, образованію многихъ мелкихъ государствъ; но, допустивъ это содѣйствіе, мы укажемъ на главную причину политической дробности въ первоначальной формѣ появленія эллиновъ въ исторіи: не одинъ народъ съ однимъ главою является на историческую сцену, но нѣсколько дружинъ съ своими вождями; съ самаго начала видимъ множество дѣйствующихъ силъ, много людей на виду, на первомъ планѣ. Но мы не должны успокоиваться на указаніи этой главной причины: ни природа страны съ дробностію своихъ формъ, ни политическая дробность, зависящая отъ дружинной формы, развитія личности и геройства или богатырства, не могутъ помѣшать политическому единству народа, какъ бы продолжительна и упорна ни была борьба при установленіи этого единства, борьба, отъ вышеозначенныхъ условій происходящая; стоитъ только одной единицѣ усилиться вслѣдствіе какихъ-нибудь условій, и она естественно начинаетъ стремиться къ подчиненію себѣ всѣхъ другихъ единицъ, что и прокладываетъ путь къ единству; препятствіемъ къ достиженію этого единства можетъ служить то только, что не будетъ единицы достаточно сильной, что одновременно образуются двѣ или нѣсколько одинаково сильныхъ единицъ, которыя вступятъ другъ съ другомъ въ борьбу, и эта борьба будетъ продолжаться до паденія самостоятельной жизни народа, способствуя этому паденію истощеніемъ силъ его въ усобицѣ. Такъ въ Греціи препят-

ствіемъ къ объединенію страны служило то, что подлѣ Спарты, стремившейся подчинить себѣ всѣ другія области, существовала другая сильная республика, Аѳины. Это были два глаза Греціи, по выраженію оракула, и дѣйствительно Греція представляется намъ не иначе, какъ въ этомъ двойственномъ образѣ — Спарты и Аѳинъ; борьба ихъ кончилась истощеніемъ силъ обѣихъ, что̀ и содѣйствовало паденію самостоятельной Греціи.

Троянская война истощила силы Греціи, но скоро онѣ прилили снова съ сѣвера, гдѣ произошло движеніе одного народа на другой, поведшее необходимо къ образованію дружинъ, ибо всѣ, нехотѣвшіе подчиниться игу завоевателей, т.-е., всѣ храбрѣйшіе, *лучшіе* люди оставляли прежнее мѣсто жительства. Это сильное движеніе, поведшее къ окончательному опредѣленію греческихъ отношеній, извѣстно подъ именемъ Дорійскаго движенія. Доряне (копейщики) путемъ завоеванія основали въ Пелопоннезѣ сильное государство спартанское, которое съ первыхъ же поръ начало стремиться къ первенству въ Греціи. Но въ какихъ же формахъ основалось это государство? Этому опредѣленію формъ предшествовала смута, именно усобица въ царскомъ родѣ. На Востокѣ подобная усобица не могла повести ни къ какой перемѣнѣ, потому что на Востокѣ народъ составлялся изъ управляемыхъ, изъ родовъ; но въ Спартѣ подлѣ вождей, царей, была дружина, развившая свои силы подвигомъ, завоеваніемъ, первенствующая среди покореннаго народонаселенія, привыкшая считать вождя только старшимъ товарищемъ; здѣсь, слѣдовательно, ослабленіе значенія царей вслѣдствіе усобицы необходимо ведетъ къ усиленію значенія дружины, и это выразилось въ Спартѣ тѣмъ, что явились постоянно два царя, что̀, разумѣется, сильно ослабляло ихъ значеніе. Какъ во всѣхъ государствахъ, основавшихся при посредствѣ не однихъ родовъ, но дружины, мы видимъ и въ Спартѣ совѣтъ старшинъ, стариковъ буквально, и вѣче, или общую, черную раду изъ всего войска; здѣсь мы говоримъ: войско, потому что государство было основано на завоеваніи, и завоеватели, доряне, считали себя однихъ въ правѣ управлять страною, не давая покоренному народонаселенію никакого участія въ управленіи, рѣзко отдѣляясь отъ него, и строго наблюдая, чтобы цари не позволяли себѣ попытокъ усиливать свою власть посредствомъ этого покореннаго народонаселенія. Благодаря этому строгому наблюденію, Спартѣ и удалось сохранить характеръ чисто аристократическаго государства. Военное народонаселеніе, потомки завоевателей управляли и владѣли землею, потомки покоренныхъ обработывали на нихъ эту землю. Все это устройство приписывается Ликургу. Разумѣется, Ликургъ не придумалъ

самъ основныхъ элементовъ спартанскаго устройства и не взялъ ихъ изъ Крита; эти элементы присущи вездѣ, гдѣ является дружина съ вождемъ, старшими и младшими товарищами. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Ликургъ не существовалъ и не имѣлъ того значенія, съ какимъ является въ спартанской исторіи. Была смута; кромѣ междоусобія князей, какъ видно, было сильное неудовольствіе на неравное распредѣленіе земель; послѣ завоеванія уже успѣло явиться различіе между богатыми и бѣдными въ самой дружинѣ завоевателей; благопріятныя обстоятельства сосредоточили большія земли въ рукахъ однихъ, неблагопріятныя уменьшили земельную собственность другихъ, или совсѣмъ лишили ея ихъ. При подобныхъ обстоятельствахъ обыкновенно или усиливается власть царя, если онъ умѣетъ воспользоваться раздѣленіемъ и представить сосредоточеніе власти въ однѣхъ рукахъ, какъ единственное средство для установленія порядка, или богатый всякаго рода средствами честолюбецъ станетъ вождемъ недовольныхъ и тѣмъ проложитъ себѣ путь къ верховной власти. Но Греція, благодаря сильному развитію своего народа путемъ подвига, представила въ своей исторіи и другой способъ выхода изъ смуты. Здѣсь на небольшихъ пространствахъ сосредоточена дѣятельность энергическаго народонаселенія, получившаго, путемъ подвига, сознаніе о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, народонаселенія, не расплывающагося, не спѣшащаго разъѣзжаться по отдаленнымъ домамъ для мирныхъ занятій, но всегда пребывающаго на лицо съ привычкою къ общему дѣйствію, къ товариществу. При такихъ условіяхъ является возможнымъ требованіе, чтобъ прежнія свободныя отношенія сохранились, но чтобъ прекратилась смута уничтоженіемъ произвола сильныхъ лицъ, подчиненіемъ воли каждаго закону. Требованіе вызываетъ предложеніе, является человѣкъ, богатый нравственными средствами, которому поручаютъ написать законы. Но эта новая сила, сила законодателя, такъ велика, что не можетъ быть достигнута одними человѣческими средствами, однимъ человѣческимъ авторитетомъ, какъ бы онъ силенъ ни былъ. Съ закономъ человѣкъ соединяетъ понятіе о чемъ-то твердомъ, вѣчномъ, божественномъ. Человѣкъ подчиняется обычаю, ибо онъ ведетъ свое происхожденіе изъ глубины вѣковъ, и преданъ людьми, имѣвшими непосредственное сообщеніе съ богами. Дружина подвижниковъ оставила прежнее отечество, прошла много странъ, находилась въ разныхъ новыхъ условіяхъ, что болѣе или менѣе должно было заставить позабыть многое изъ стараго, отвыкнуть отъ него, и вотъ такая дружина находитъ себѣ, наконецъ, новое удобное жилище, утверждается въ немъ; но здѣсь встрѣчается

она съ новыми условіями, новыми отношеніями; нужно создать новый порядокъ вещей. Человѣкъ не создастъ, а если создастъ, повиноваться ему не будутъ. Въ эти-то времена обыкновенно и являются на сцену жрецы и пріобрѣтаютъ важное значеніе законодателей, какъ провозвѣстники воли боговъ. Но жрецы могутъ пріобрѣсти важное значеніе политическихъ законодателей только при извѣстныхъ условіяхъ, именно, когда движеніе уже остановилось, подвижники разбросались на обширныхъ пространствахъ, силы ихъ ослабѣли, когда на виду одна сила, необходимая для сосредоточенія всѣхъ другихъ силъ въ обширной странѣ, сила царя, и съ нею одною жрецы считаются, заключаютъ съ нею обыкновенно тѣсный союзъ для взаимнаго охраненія выгодъ. Но когда общество находится въ движеніи, когда на лицо много силъ и всѣ онѣ соединены въ общемъ дѣлѣ, тогда жреческая власть не можетъ получить большого развитія, ибо всякая сила развивается вслѣдствіе незначительности другихъ силъ. Такъ въ Греціи воинственное, геройское движеніе вначалѣ, потомъ сильныя внутреннія движенія въ небольшихъ областяхъ, городахъ, причемъ силы не разбрасывались, но были всѣ на лицо въ общей дѣятельности, произвели то, что вліяніе жрецовъ не могло усилиться какъ на Востокѣ; притомъ же свойственное арійскому племени поклоненіе душамъ умершихъ предковъ, которые становились богами-покровителями потомковъ своихъ, сообщало каждому домовладыкѣ жреческій характеръ, при непосредственномъ отношеніи къ божеству. И относительно общихъ, высшихъ божествъ греки не допускали посредничества жрецовъ, но требовали заявленія божественной воли чрезъ оракуловъ; познаніе же объ этихъ божествахъ греки получали не изъ устъ жрецовъ, но изъ поэтическихъ произведеній. Такимъ образомъ въ Греціи мы видимъ отсутствіе жреческаго вліянія, и если предположить, что оно выражалось въ оракулахъ, то и тутъ мы увидимъ, что жречество должно было уклоняться отъ непосредственнаго вліянія на политическія дѣла, стоять поодаль, дожидаясь, когда къ нему обратятся за рѣшеніемъ важныхъ вопросовъ, и загораживая себя пиѳіею, приведенною въ непосредственное сообщеніе съ божествомъ. Но отсутствіе могущественнаго жреческаго вліянія не исключало религіозности народа и стремленій его дать своимъ новымъ учрежденіямъ божественное освященіе, которое должно сообщить имъ авторитетъ и прочность: отсюда происходитъ то явленіе, что греческіе законодатели обращаются къ оракулу за освященіемъ своихъ постановленій [1]).

---

[1]) Первоначально глава рода есть жрецъ; жречество происходитъ, когда боже-

Спартанское или такъ-называемое ликургово законодательство дѣйствительно получило, по крайней мѣрѣ, относительную прочность, которой такъ завидовали въ другихъ государствахъ Греціи. Эта прочность условливалась чисто аристократическимъ устройствомъ: небольшое число потомковъ завоевателей совершенно выдѣлилось изъ массы покореннаго народонаселенія, которое, при болѣе или менѣе тяжкихъ условіяхъ зависимости, потеряло всякое участіе въ управленіи страной. Главною цѣлію выдѣлившихся завоевателей было сохраненіе своего положенія среди покореннаго народонаселенія, принадлежавшаго къ тому же сильному народу эллинскому, и потому вовсе неохотно сносившаго свое подчиненное положеніе, готоваго возстать при первомъ удобномъ случаѣ. Для завоевателей, слѣдовательно, единственнымъ средствомъ поддержанія своего положенія было сохраненіе своего первоначальнаго военнаго, дружиннаго устройства во всей его чистотѣ и строгости; Спарта представляла военное поселеніе, казацкую сѣчь со своими общими столами, съ раздѣленіемъ членовъ по палаткамъ, по нашему буквально *сотовариществу* (ибо товаръ въ нашемъ древнемъ языкѣ значитъ палатка); женщина была допущена въ эту сѣчь, но употреблены всѣ старанія, чтобъ приспособить ее къ лагерной жизни, отнять у нея какъ можно болѣе женственности. Прочность спартанскаго устройства была, какъ уже сказано, относительная; въ государственной жизни Спарты мы видимъ перемѣны, которыя изобличаютъ борьбу, именно стремленіе царей, несмотря на невыгодное условіе двойственности, усилить свою власть, противъ чего аристократія спѣшила принять свои мѣры. Первоначально цари назначали себѣ пять намѣстниковъ или посадниковъ, такъ-называемыхъ эфоровъ или надзирателей для суда и полиціи; но какъ въ нѣкоторыхъ древнихъ русскихъ городахъ посадники, назначавшіеся первоначально княземъ, потомъ стали сановниками народными, отъ вѣча избираемыми, и стали подлѣ князя въ качествѣ блюстителей народныхъ интересовъ противъ него, такъ и въ Спартѣ эфоры перестали назначаться царями, стали избираться на вѣчѣ или въ народномъ собраніи и получили обязанность надзирать надъ всѣмъ и надъ всѣми, не исключая и царей; эфоры имѣли право требовать у царей отчета въ ихъ поведеніи, ежемѣсячно брать съ

ство извѣстнаго рода, кумиръ, храмъ случайнымъ образомъ получаетъ особенное значеніе, и члены рода, среди котораго онъ находятся, получаютъ исключительно жреческое значеніе. Образованіе дружины изъ членовъ различныхъ родовъ, разумѣется, способствуетъ болѣе всего появленію общихъ божествъ, общаго богослуженія, при чемъ вождь естественно является жертвоприносителемъ, жрецомъ: отсюда царь, когда онъ образуется изъ вождя, всегда полководецъ и жрецъ.

нихъ присягу, что они будутъ управлять согласно съ законами, доносить на нихъ собранію стариковъ, сажать ихъ подъ арестъ; двое изъ эфоровъ сопровождали войско въ походѣ для надзора за поведеніемъ царя и полководцевъ.

Такими средствами спартанская аристократія охраняла себя и свое устройство отъ тѣхъ волненій и перемѣнъ, которыя происходили въ другихъ греческихъ государствахъ, особенно въ Аѳинахъ. Здѣсь мы уже на другой почвѣ. Здѣсь, послѣ перваго наплыва эллиновъ и смѣшенія ихъ съ пелазгами, мы не видимъ завоеванія; дорическое нашествіе тѣмъ или другимъ способомъ было отбито; было сильное движеніе, сильный приливъ пришельцевъ въ Аттику, подавшій поводъ, съ одной стороны, къ выводу колоній, а съ другой, ко внутреннимъ движеніямъ; но эти пришельцы были изгнанники, искавшіе убѣжища въ Аттикѣ отъ ига завоевателей въ другихъ странахъ Греціи. Такимъ образомъ въ Аттикѣ изначала мы не видимъ разныхъ отношеній завоевателей къ покореннымъ, видимъ многочисленное свободное народонаселеніе, дѣлящееся по мѣсту жительства, по занятіямъ, по знатности происхожденія, по богатству. Родовая связь еще крѣпка; но въ такой небольшой странѣ, какъ Аттика, роды не могли особиться и сохранить равенство, и въ этомъ обособленіи и равенствѣ полагать препятствіе дальнѣйшему общественному движенію. Эллинская жизнь уже оставила слѣды: подлѣ царя были потомки героевъ, гордые своимъ происхожденіемъ и богатствомъ. Неравенство состоянія скоро оказало обычныя послѣдствія. Въ обществахъ первоначальныхъ, гдѣ государственная связь еще слаба, преобладаютъ частные союзы, и прежде всего, разумѣется, родовой: члены рода находятъ другъ у друга подпору, покровительство, обезпечиваются священною обязанностію родовой мести; безродность, безсемейность, лишеніе рода, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, сиротство—было величайшимъ бѣдствіемъ для древняго человѣка. Но это бѣдствіе постигало людей, и вело къ особаго рода отношеніямъ. Человѣкъ безродный долженъ былъ вступать подъ защиту чужого рода, примкнуть къ нему; но, разумѣется, онъ не могъ этого сдѣлать на равныхъ правахъ съ остальными членами рода, и отсюда различныя степени зависимости. Чужой человѣкъ *закладывался* за другого сильнаго, имѣвшаго средства человѣка (закладчикъ), становился подъ защиту сильнаго человѣка, за *хребтомъ* его (захребетникъ). Степени зависимости, какъ сказано, были разныя: человѣкъ, имѣвшій семейство и даже развитое, родъ, имѣвшій и средства къ жизни, нуждался однако въ покровительствѣ сильнѣйшаго, и входилъ къ нему въ извѣстную степень зависимости, которая въ древнемъ

русскомъ обществѣ выражалась словомъ: *сосѣдъ*, которому, въ греческомъ обществѣ соотвѣтствуютъ буквально слова: *періойкъ*, *метойкъ;* съ усиленіемъ государства, послѣднее стремится повсюду перевести этихъ сосѣдей и вообще закладчиковъ изъ частной зависимости въ свою. Самая сильная степень зависимости есть рабство: человѣкъ, не имѣя никакихъ средствъ, идетъ въ рабы къ другому, кабалитъ себя; повсюду средствомъ перевести вольнаго человѣка въ рабство служитъ ссуда денегъ богатымъ бѣдному: невозможность заплатить имѣетъ слѣдствіемъ насильственныя мѣры со стороны заимодавца и, наконецъ, рабство должника. Это явленіе въ обществахъ небольшихъ, какъ въ Греціи или Римѣ, въ странахъ, гдѣ природа не даетъ слишкомъ роскошныхъ средствъ для удовлетворенія первыхъ потребностей, и гдѣ народонаселеніе, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, по привычкѣ къ подвигу и по развитію личности, отсюда происходящему, дорого цѣнитъ независимость и свободу,—это явленіе въ такихъ странахъ ведетъ къ сильной борьбѣ. Съ увеличеніемъ народонаселенія, съ образованіемъ неравенства въ состояніяхъ, при движеніи къ увеличенію своего благосостоянія посредствомъ различныхъ предпріятій, и при слабомъ обезпеченіи успѣха этихъ предпріятій въ новорожденномъ обществѣ, является много людей, которые лишаются средствъ къ жизни, лишаются возможности исполнять общественныя обязанности (война особенно разоряетъ ихъ, ибо кромѣ издержекъ на нее, она отрываетъ человѣка отъ занятій, губитъ его хозяйство); они занимаютъ деньги у богатыхъ, и, не имѣя возможности заплатить долга, видятъ предъ собою истязаніе и рабство. Нѣкоторые изъ нихъ рѣшаются покинуть отечество: дѣйствительно, мы видимъ въ Аѳинахъ сильное стремленіе къ колонизаціи; но не всѣ могутъ рѣшиться на это, и такимъ образомъ выводъ колоній не избавляетъ государство отъ внутреннихъ движеній, порождаемыхъ указанными отношеніями, Царь естественный посредникъ въ этомъ случаѣ; его значеніе, его власть необходимо усиливаются, и тѣмъ самымъ возбуждаютъ опасенія въ людяхъ знатныхъ и богатыхъ, которые стремятся поэтому ограничить царскую власть или совершенно отъ нея освободиться; это тѣмъ легче имъ сдѣлать, что свободныя отношенія къ царской власти и важное значеніе царскихъ приближенныхъ, дружинниковъ, значеніе самостоятельное, независящее отъ царской воли, суть преданія, въ которыхъ воспиталось эллинское общество. Преданіе говоритъ, что во время нашествія дорянъ на Аттику, аѳинскій царь, Кодръ, погибъ для спасенія отечества, и аѳиняне воспользовались этимъ для уничтоженія царскаго достоинства, провозглашая, что никто не достоинъ занять

мѣсто спасителя отечества; сынъ Кодра, Медонъ, былъ избранъ въ пожизненные правители или архонты и, какъ видно, по характеру своему не былъ способенъ возбуждать опасенія въ аристократіи, тогда какъ двое другихъ, болѣе энергичныхъ сыновей Кодра, Нелей и Андроклъ, съ толпою переселенцевъ отправились за море для основанія колоній. Это удаленіе ихъ показываетъ, что аристократія одержала верхъ; впослѣдствіи упоминается о борьбѣ, когда, около 754 года, одинъ изъ потомковъ Медона, Алкмеонъ, потерялъ званіе архонта, и на его мѣсто былъ возведенъ младшій братъ его, но только уже на 10 лѣтъ и съ обязанностью отдавать въ своемъ управленіи отчетъ аристократіи или эвпатридамъ; впослѣдствіи потомство Кодра потеряло исключительное право на архонтство, верховная власть, подѣленная между девятью сановниками, ежегодно избираемыми, сдѣлалась достояніемъ всѣхъ эвпатридовъ. Въ другихъ государствахъ Греціи произошла подобная же перемѣна; но эта перемѣна нисколько не уничтожила борьбы, которая происходила вслѣдствіе стремленій сильныхъ матеріальными средствами лицъ къ верховной власти; нѣкоторые изъ нихъ и достигаютъ своей цѣли, являются царями, хотя греки и дѣлали различіе между законными царями и этими похитителями власти, называя послѣднихъ тираннами. Спартанцы охранили себя отъ этого явленія именно тѣмъ, что удержали царей, подвергнувъ только ихъ власть сильному ограниченію; это ограниченіе, впрочемъ, состояло не столько въ учрежденіи строгаго надзора за поведеніемъ царей посредствомъ эфоровъ, сколько въ сущности самого спартанскаго устройства, въ равномъ выдѣленіи полноправнаго, равно обезпеченнаго имуществомъ правительствующаго класса изъ массы остальнаго народонаселенія, безправнаго, враждебнаго, чуждаго; тогда какъ въ Аѳинахъ отсутствіе рѣзкаго раздѣленія между потомками завоевателей и потомками завоеванныхъ, подлѣ знатныхъ и богатыхъ людей условливало существованіе относительно многочисленнаго класса людей недостаточныхъ, низко поставленныхъ, стремившихся къ улучшенію своего положенія при сознаніи одинаковости своихъ правъ съ эвпатридами; при этомъ стремленіи они нуждались въ вождяхъ, и эти-то вожди пользовались своимъ значеніемъ для достиженія верховной власти или тиранніи.

Для предотвращенія подобныхъ покушеній, которыя уже увѣнчались успѣхомъ во многихъ городахъ Греціи, единственнымъ средствомъ было установленіе прочнаго порядка посредствомъ закона; въ Спартѣ господствуетъ законъ, Спарта сильна и спокойна, а въ другихъ городахъ тираннія: выборъ былъ легокъ, и аѳиняне начали требовать закона, законодателя. Но въ Аѳи-

нахъ задача законодателя была не такъ легка, какъ въ Спартѣ: въ Спартѣ было легко выдѣлить небольшую дружину завоевателей, уравнять ихъ права, уравнять ихъ матеріальныя средства, возстановить или освятить дружинное устройство, которое, по самому существу своему, выдвигая на первый планъ товарищескую жизнь, отодвигаетъ на задній планъ семейство и собственность. Привыкшіе къ этой жизни доряне легко приняли ея освященіе закономъ, были довольны, а до неудовольствія другихъ законодателю не было дѣла; для сдержанія этого неудовольствія у побѣдителей было оружіе въ рукахъ, и горе — всегдашняя участь побѣжденныхъ. Другое дѣло въ Аѳинахъ, гдѣ могущественные интересы сталкивались въ народѣ, части котораго не признавали себя побѣдителями и побѣжденными, гдѣ путемъ естественнаго развитія подлѣ аристократическаго элемента образовался демократическій, съ которымъ надобно было считаться, гдѣ съ незапамятныхъ поръ, со временъ Тезея, свободный, равноправный народъ былъ раздѣленъ на эвпатридовъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ, причемъ «эвпатриды отличались славою, земледѣльцы пользою, ремесленники многочисленностію, и этимъ устанавливалось между ними равенство» (Плутархъ). Въ Спартѣ законодателю нужно было удовлетворить только одной части народонаселенія; въ Аѳинахъ двумъ, аристократической и демократической, лучшимъ и меньшимъ людямъ. Попытка установить порядокъ, прекратить волненія, давши силу существующему порядку, существующему правительству терроромъ, эта попытка не удалась, и виновникъ этой попытки, Драконъ, перешелъ въ исторію съ кровавою памятью, а между тѣмъ попытки къ тиранніи оказывались ясно; медлить было нельзя для аристократіи, надобно было приступить къ соглашенію интересовъ двухъ сторонъ, къ сдѣлкамъ, и за дѣло принялся Солонъ. Первымъ дѣломъ его законодательства было удовлетвореніе меньшимъ, снятіе съ нихъ тяжестей, освобожденіе должниковъ изъ кабалы; всѣ попавшіеся въ рабство за долги были освобождены, проданные за границу выкуплены на счетъ казны, и на будущее время заимодавецъ лишился права обращать неплатящаго должника и его семейство въ рабство; при платежѣ долга должникъ выигрывалъ 27 процентовъ вслѣдствіе измѣненія монеты. Спартанское уравненіе земельныхъ участковъ было невозможно; можно было только постановить, что ни одинъ землевладѣлецъ не имѣетъ права распространять свою землю далѣе положеннаго предѣла, чтобъ такимъ образомъ остановить исчезновеніе мелкихъ земельныхъ участковъ и обезземеленіе меньшихъ людей. Но меньшіе люди бѣднѣли и должали вслѣдствіе служебныхъ военныхъ обязан-

ностей, нести которыя у нихъ не доставало средствъ: Солонъ отстранилъ это неудобство, раздѣливъ всѣхъ гражданъ на четыре класса по средствамъ, по доходамъ, и военныя обязанности и подати были разложены соотвѣтственно этимъ средствамъ; но кто имѣлъ больше обязанностей, тотъ долженъ былъ имѣть и больше правъ: такъ, достоинство архонтовъ и мѣста членовъ въ верховномъ совѣтѣ (ареопагѣ), могли получать только члены перваго класса; въ большой правительствующій совѣтъ четырехъ-сотъ избирались граждане только трехъ первыхъ классовъ; но правительствующій совѣтъ не могъ издавать новаго закона, не могъ объявлять войну и заключать миръ: это принадлежало народному собранію, а въ члены высшей судебной инстанціи, въ такъ-называемые геліасты избирали по жребію изъ всѣхъ гражданъ безъ различія классовъ; геліастамъ же принадлежало право повѣрять, способно ли извѣстное лицо къ отправленію правительственной должности. Такимъ образомъ, цѣлію солонова законодательства было установить равновѣсіе между аристократическимъ и демократическимъ элементомъ, «чтобъ ни одинъ не одержалъ надъ другимъ неправедной побѣды, ибо народъ только тогда повинуется вождямъ, когда онъ ни слишкомъ разнузданъ, ни слишкомъ порабощенъ».

Распаденіе аѳинскаго народонаселенія на двѣ части, противоположныя въ своихъ интересахъ и потому долженствующія бороться, заставило законодателя признаться, что «въ важныхъ дѣлахъ всѣмъ угодить трудно». Всѣмъ угодить было трудно; легко было угодить одной сторонѣ, и, разумѣется, должны были найтись люди, которые принялись за легкое и выгодное дѣло. Угодить было легче сторонѣ меньшихъ людей, которые были только облегчены и желанія которыхъ были возбуждены сопоставленіемъ съ людьми, болѣе удовлетворенными, возбуждены уступкою имъ извѣстной доли государственной дѣятельности, возбуждены самымъ переворотомъ, который мы называемъ солоновымъ законодательствомъ; слѣдствіемъ этихъ возбужденій всегда и вездѣ бываетъ демократическое движеніе, стремленіе къ равенству, стремленіе, которое въ Спартѣ было уничтожено уравненіемъ всѣхъ спартанцевъ, всѣхъ завоевателей и отнятіемъ правъ у побѣжденныхъ. Въ Спартѣ вслѣдствіе постояннаго общенія, постояннаго сожитія немногочисленныхъ членовъ правительствующей части народонаселенія было равномѣрное развитіе пониманія государственныхъ дѣлъ и интересовъ, вслѣдствіе чего для каждаго возможно было являться въ народное собраніе съ опредѣленнымъ мнѣніемъ и отвѣчать прямо согласіемъ или несогласіемъ на извѣстное предложеніе, что, въ свою очередь, разви-

вало въ каждомъ самостоятельность взгляда и мнѣнія; въ Аѳинахъ сравнительно слишкомъ большая масса народонаселенія была призвана къ участію въ государственной дѣятельности, масса не сосредоточенная, разбитая по извѣстнымъ мѣстностямъ, развлекаемая различными занятіями и потому неразвитая, неприготовленная, нуждавшаяся въ разъясненіи дѣла: отсюда необходимость въ народныхъ ораторахъ, внушителяхъ и руководителяхъ; это обстоятельство, разумѣется, содѣйствовало сильно развитію ораторскаго искусства, выдѣленію изъ массы даровитыхъ людей; но, съ другой стороны, содѣйствовало и появленію демагоговъ или такъ-называемыхъ тиранновъ, въ болѣе или менѣе утонченной формѣ. Еще при жизни Солона одинъ изъ самыхъ знатныхъ людей, Пизистратъ, началъ стремиться къ власти и средствомъ къ тому употребилъ слово, какъ свидѣтельствуетъ самъ Солонъ, остерегавшій согражданъ отъ льстивыхъ рѣчей говоруна, отъ темнаго смысла, скрывавшагося подъ блестящими словами. Предостереженія были напрасны: «тиранство выросло и укрѣпилось», благодаря постоянному войску, которое завелъ у себя Пизистратъ, и захвату денежныхъ средствъ, на которыя содержалось это войско.

Но то обстоятельство, что Пизистратъ не могъ принять названіе царя, что прежнее государственное устройство оставалось ненарушимымъ, показывало ясно, какъ трудно было теперь въ греческихъ государствахъ дать торжество монархическому началу. Мы говоримъ: трудно, и этимъ ограничиваемся; слово: «невозможно» употребить не рѣшимся, ибо знаемъ, что тираннія въ Аѳинахъ была сокрушена, не внутренними средствами, а помощію, пришедшею извнѣ. Пизистратъ успѣлъ передать свои средства и съ ними свое значеніе сыновьямъ; такимъ образомъ уже начиналась наслѣдственность; одинъ изъ сыновей его, Гиппархъ, погибъ вслѣдствіе личной вражды, и это обстоятельство дало другому брату, Гиппію, возможность сосредоточить всѣ средства въ однихъ своихъ рукахъ и вмѣстѣ дало предлогъ усилить свою власть преслѣдованіемъ всѣхъ подозрительныхъ ему людей. Произошло явленіе, съ которымъ мы часто встрѣчаемся въ исторіи Греціи и въ исторіи другихъ европейскихъ государствъ: въ обширныхъ государствахъ Азіи людямъ, преслѣдуемымъ верховною властію, трудно скрыться отъ нея, притомъ здѣсь нѣтъ политическихъ партій и борьбы ихъ, власть одного признается всѣми законною, и человѣкъ, столкнувшійся съ этою властью, гибнетъ одиноко. Но въ мелкихъ государствахъ Греціи образовались стороны въ народонаселеніи, стороны лучшихъ и меньшихъ людей, или аристократическая и демократическая, и вступили въ борьбу; люди

побѣжденной, притѣсненной стороны бѣгутъ изъ отечества, иногда составляютъ значительныя толпы и начинаютъ дѣйствовать противъ стороны побѣдившей, обыкновенно съ чужою помощію; помощь эту легко добыть точно также, какъ легко и убѣжать, потому что подлѣ другія государства, родственныя; бѣгутъ за чужою помощію обыкновенно лучшіе и богатые люди, потому что они имѣютъ средства жить внѣ отечества, средства дѣйствовать въ свою пользу, имѣютъ извѣстность, знаменитость, тогда какъ темному и бѣдному человѣку трудно рѣшиться покинуть отечество и найти гостепріимство и помощь; если онъ убѣжитъ, то примкнетъ къ дружинѣ людей, живущихъ на чужой счетъ, разбоемъ сухопутнымъ или морскимъ. Люди знатные, спасшіеся отъ преслѣдованій Гиппія, обратились за помощію къ Спартѣ. Спарта приняла ихъ сторону, и не должно непремѣнно полагать, что это дѣлалось изъ сочувствія спартанской аристократіи къ аѳинской, ибо спартанское устройство стояло такимъ особнякомъ, такъ разнилось отъ аѳинскаго и другихъ, что трудно сопоставлять спартанскую и аѳинскую аристократію, даже трудно говорить объ аристократіи тамъ, гдѣ нѣтъ демократическаго элемента, а въ Спартѣ его не было. Дѣло объясняется проще: Спарта вмѣшивалась во внутреннія дѣла греческихъ государствъ, пользовалась ихъ усобицами для усиленія своего вліянія: теперь она заступилась за аристократическую партію противъ тиранна; потомъ она заступится за того же самаго тиранна, потребуетъ его возстановленія. Гиппій былъ прогнанъ изъ Аѳинъ, благодаря помощи Спарты и случайности: семейство тиранна попало въ руки къ врагамъ его, и Гиппій, для освобожденія семейства, принужденъ былъ обязаться оставить Аѳины. Послѣ этого надобно было бы ожидать усиленія аристократіи; но видимъ на оборотъ, усиливается демократія посредствомъ новаго раздѣленія, при которомъ знатные и богатые роды должны были утратить свое вліяніе; посредствомъ свободныхъ выборовъ въ члены правительствующаго совѣта безъ обращенія вниманія на состояніе, причемъ число членовъ увеличено до 500; посредствомъ выбора судей по жребію; посредствомъ увеличенія числа годовыхъ народныхъ собраній до 10, вмѣсто прежнихъ четырехъ. И это усиленіе демократіи было результатомъ дѣятельности одного лица, Клисѳена, опять человѣка знатнаго и богатаго. О личныхъ цѣляхъ Клисѳена при этомъ мы должны остеречься сказать что-нибудь; мы никакъ не скажемъ, что ему, если бы онъ хотѣлъ, легко было бы сыграть роль Пизистрата и Гиппія; это было очень трудно именно потому, что тираннія только-что была уничтожена; аристократія была сильна и въ союзѣ со спартанцами; не забу-

демъ, что Пизистратъ началъ съ того, что успѣлъ убѣдить городъ позволить ему завести стражу, постоянное войско около себя, тоже самое, что разсказывали о Дейокѣ мидійскомъ, и мы не будемъ отвергать этихъ разсказовъ потому только, что въ нихъ разсказывается одно и тоже относительно двухъ разныхъ лицъ; напротивъ, мы должны ихъ принять, потому что въ нихъ указывается на естественный и необходимый ходъ дѣла гдѣ бы то ни было. Завести себѣ постоянное войско и ограничиться одними льстивыми словами, не приводя обѣщаній въ исполненіе, какъ сдѣлалъ Пизистратъ, было теперь очень трудно, и теперь съ Клисѳена уже начинается другого рода тираннія, демагогія, причемъ человѣкъ, желающій стоять на верху, долженъ усиливать демократическое начало, чтобъ держаться посредствомъ него. Клисѳену приписывается также установленіе остракизма, посредствомъ котораго человѣкъ, становившійся очень виднымъ и потому опаснымъ для свободы согражданъ, удалялся на извѣстное число лѣтъ изъ Аѳинъ, что, однако, не приносило никакого вреда его чести и имуществу; разумѣется, съ перваго раза кажется, что это средство было направлено противъ тиранства; но, съ другой стороны, человѣку, получившему сильное вліяніе на толпу, успѣвшему увѣрить ее, что его бояться нечего, легко наустить народъ на людей, ему собственно опасныхъ и враждебныхъ и избавляться отъ нихъ посредствомъ остракизма, не прибѣгая къ насилію, особенно когда для насилія нѣтъ еще силы. Аристократической партіи не понравилось Клисѳеново устройство и остракизмъ, который, разумѣется, грозилъ ея членамъ; она обратилась опять къ Спартѣ; Клисѳенъ долженъ былъ оставить Аѳины; но дѣло было сдѣлано, демократическое начало усилено, что сдѣлалось скоро въ маленькомъ государствѣ, и когда произошла аристократическая реакція, когда лучшіе люди захотѣли уничтожить новое устройство и стали гнать главныхъ его приверженцевъ, то произошло сильное движеніе съ противоположной стороны, причемъ аристократы проигрывали свое дѣло тѣмъ, что опирались на чужихъ, на спартанцевъ. Спартанцы были выгнаны, аристократы подверглись преслѣдованію, Клисѳенъ съ своими возвратился изъ изгнанія; но теперь, если бы даже и хотѣлъ, онъ никакъ не могъ сыграть роли Пизистрата и Гиппія; тиранство отыграло свою роль и было возможно только въ смягченной формѣ демагогіи, т. е. сильное лицо не могло непосредственно распоряжаться, но только посредствомъ народной массы, посредствомъ установленныхъ формъ. Такимъ образомъ, аѳинская демократія была воспитана аристократами, которые, вслѣдствіе уничтоженія царскаго достоинства, не могли сосредоточиться въ

одно сословіе, въ которомъ преобладало бы равенство и общій интересъ господствовалъ надъ личнымъ. Праздное царское мѣсто манило изъ нихъ тѣхъ, которые были сильнѣе другихъ средствами; для собственнаго возвышенія, которое могло быть достигнуто только съ помощію враждебнаго элемента, они выходили изъ аристократическихъ рядовъ и служили, въ видѣ тиранновъ и демагоговъ, къ возбужденію и развитію демократическаго элемента.

Но для развитія силъ извѣстнаго народа или извѣстнаго элемента въ народонаселеніи, получившаго преобладаніе, какъ элементъ демократическій въ Аѳинахъ, необходимъ подвигъ, сильная внѣшняя дѣятельность, сильная борьба. Въ этомъ отношеніи развитію и укрѣпленію аѳинской демократіи способствовали двѣ такія борьбы, одна съ спартанцами, другая съ персами, непосредственно слѣдовавшая за первою. Спарта, раздраженная неудачею, не оставила намѣренія снова утвердить свое вліяніе въ Аѳинахъ посредствомъ поднятія аристократической партіи; но у Спарты не было достаточно силъ для успѣшной борьбы: въ Греціи, подѣленной на множество мелкихъ государствъ, одному изъ нихъ, какъ бы оно относительно сильно ни было, трудно было непосредственно подчинять себѣ, покорять другія, даже и ближайшія; здѣсь дѣлалось такъ, что слабѣйшіе, волею-неволею, втягивались въ союзъ, въ которомъ сильнѣйшее государство получало первое мѣсто, предводительство; это предводительство не было господствомъ, и союзники иногда позволяли себѣ дѣйствовать самостоятельно относительно главнаго члена союза; такъ во время нападенія спартанцевъ на Аѳины съ цѣлію возстановить здѣсь аристократическую партію, союзники ихъ, коринѳяне, ушли и тѣмъ помѣшали успѣху, который и перешелъ на сторону аѳинянъ, т. е. тамошней демократической стороны. Видя силу послѣдней и слабость стороны аристократической, помощь которой оказывалась безполезною, спартанцы попытались подойти съ другой стороны, призвали къ себѣ Гиппія и хотѣли съ его помощію войти въ Аѳины; но союзники Спарты и тутъ отказались слѣдовать за нею для возстановленія тиранна. Борьба между Спартою и Аѳинами должна была на время остановиться, и этимъ перемиріемъ обѣ республики воспользовались, чтобъ усилиться: Спарта бросилась на Аргосъ; Аѳины, какъ держава морская, устремили свое вниманіе на море и далѣе на востокъ; тутъ онѣ вмѣшались въ борьбу малоазіатскихъ греческихъ колоній съ персами и этимъ накликали бурю на себя и на всю Грецію.

Здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ знаменитою борьбою меж-

ду Европою и Азіею, борьбою, которая продолжается тысячелѣтія съ перемѣннымъ счастьемъ, смотря потому, на какой сторонѣ оказывается болѣе нравственныхъ силъ. Мы уже видѣли, что въ Греціи борьба съ Востокомъ была необходима по самому положенію ея; въ глубокой древности эта борьба происходила между народами, принадлежавшими къ двумъ различнымъ племенамъ—семитами—финикіянами, и арійцами—греками. Послѣднимъ удалось сбить съ своихъ береговъ финикіянъ. Потомъ, вслѣдствіе приплыва новыхъ силъ къ эллинамъ, вслѣдствіе усиленнаго движенія народной жизни среди нихъ, они выходятъ изъ своихъ границъ и перебрасываютъ свои колоніи въ Азію; но послѣдняя не снесла этого наступательнаго движенія со стороны Европы. Греческія малоазіатскія колоніи, раздѣленныя моремъ отъ метрополіи, растянутыя по берегу подобно Финикіи, не могли защититься отъ сильныхъ напоровъ могущественныхъ азіатскихъ государствъ, и подпали власти сперва Лидіи, а потомъ Персіи. Эллинскій духъ, эллинская энергія могли выразиться только въ томъ, что малоазіатскіе греки не могли спокойно сносить ига, и возставали, причемъ получали помощь отъ европейскихъ собратій. Персидскіе цари не могли не обратить вниманія на это обстоятельство: пока за моремъ существовала свободная Греція, до тѣхъ поръ малоазіатскіе берега не могли быть въ спокойномъ владѣніи у персовъ, и царь отправилъ большое войско въ Грецію противъ аѳинянъ. Но здѣсь были другія условія. Конечно, для объясненія неудачи персовъ мы должны обратить вниманіе на составъ ихъ громадныхъ ополченій: собственные персы могли сдерживать натискъ своихъ соплеменниковъ грековъ и мѣряться съ ними силами, хотя и не въ равной степени; но персовъ было немного, остальныя же части ополченія великаго царя представляли стадо людей, согнанное изъ разныхъ частей громаднаго царства, не могшее выдерживать натиска грековъ, развитыхъ въ высшей степени физически и нравственно, противопоставлявшихъ качество количеству. Но кромѣ того, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что Греція была за моремъ, а персы не были морскимъ народомъ, море для нихъ было чуждою, непріятною и страшною стихіею; завезенные въ невѣдомую страну, отрѣзанные отъ отечества страшнымъ моремъ, они находились не въ своей сферѣ, и естественно теряли духъ, ибо вспомнимъ суевѣрный страхъ древнихъ передъ моремъ, границею, которую безбожно было для человѣка переступать. Мы теперь говоримъ, что моря соединяютъ народы, горы и степи раздѣляютъ ихъ; мы имѣемъ право говорить это, но съ ограниченіемъ. Когда извѣстный народъ вынужденъ преодолѣть свое отвращеніе къ

морю, тогда, разумѣется, оно становится посредникомъ между народами, соединителемъ ихъ; если же необходимости нѣтъ, то народъ и живущій на морскихъ берегахъ, не займется мореплаваніемъ, будетъ питать отвращеніе къ морю, и море раздѣляетъ народы точно также, какъ и степи раздѣляютъ ихъ. При одномъ и томъ же царѣ персы напали на Европу: въ Скиѳіи остановили ихъ степи, отъ Греціи отбило море.

Мараѳонская побѣда, несмотря на все ея значеніе, какъ первой побѣды европейскаго качества надъ азіатскимъ количествомъ, несмотря на все одушевленіе, какое она внесла въ побѣдоносный городъ, не спасала Аѳинъ и Греціи въ сознаніи лучшихъ ея людей; ибо надобно было ждать, что великій царь не замедлитъ наводнить маленькую страну своими полчищами, причемъ никакая храбрость и никакое искусство не помогутъ, какъ и доказали Термопилы. Великій человѣкъ указываетъ аѳинянамъ на море, требуетъ усиленія флота; оракулъ указываетъ на деревянныя стѣны, которыя должны спасти Аѳины, и Ѳемистоклъ толкуетъ, что эти деревянныя стѣны означаютъ корабли. Море начало́ свое дѣло, начало́ крушеніями персидскихъ кораблей уравнивать силы враговъ, по словамъ Геродота; аѳиняне покинули свой городъ, перебрались на корабли, и Саламинъ оправдалъ ихъ надежды на деревянныя стѣны; великій царь оставилъ злую страну, покинувъ свое войско на жертву разслабляющему чувству тяжести своего положенія въ далекой, потому что заморской странѣ, среди народа, страшнаго своимъ качествомъ, и качество во второй разъ восторжествовало надъ количествомъ, лишеннымъ нравственныхъ силъ, искусства, лишившимся и вождя въ началѣ битвы.

Аѳиняне, жители города, дважды истребленнаго врагомъ, дѣлаются главнымъ народомъ Греціи, благодаря морю, которое дало имъ такое важное значеніе, помогло такъ скоро возстановить и увеличить свои силы. Подобно Спартѣ, Аѳины, по условіямъ, господствовавшимъ въ Греціи, пролагаютъ путь къ своему могуществу посредствомъ союза, во главѣ котораго становятся, матеріальными силами котораго пользуются для своего блестящаго развитія. Но Спарта тутъ въ челѣ своего пелопоннезскаго союза; столкновеніе между ними было неизбѣжно. Борьбу между Аѳинами и Спартою можно раздѣлить на двѣ половины: до персидскихъ войнъ и послѣ нихъ, или такъ-называемую пелопоннезскую войну. Въ первую половину спартанцы чувствовали свою силу и цари ихъ отважно вводили войско въ Аттику, тѣмъ болѣе, что въ Аѳинахъ были преданные имъ люди; но послѣ персидскихъ войнъ обстоятельства перемѣнились: Аѳины стали сильнѣе, и въ Спартѣ медлятъ начатіемъ войны; Спарту торопятъ

союзники, которымъ страшно могущество Аѳинъ, стремленіе ихъ къ преобладанію и захвату; коринѳяне играютъ тутъ главную роль: по своему положенію между Пелопоннезомъ и Аттикою, между двумя самыми сильными республиками, они хотятъ поддержать свою самостоятельность и благосостояніе, не допуская до преобладанія ни Аѳинъ, ни Спарты. Мы видимъ, что въ первую половину борьбы коринѳяне не допускаютъ спартанцевъ до торжества надъ Аѳинами; теперь же, когда могущество Аѳинъ стало страшно, тѣже коринѳяне побуждаютъ спартанцевъ вооружиться противъ Аѳинъ.

Послѣ долгой борьбы Спарта восторжествовала; оракулъ воспретилъ побѣдителямъ воспользоваться своею побѣдою, разрушить падшій городъ: «не должно выкалывать у Греціи одного изъ двухъ глазъ», говорилъ оракулъ. Но у Греціи были повреждены уже оба глаза; и побѣдители и побѣжденные были одинаково истощены страшною борьбою, и это истощеніе ихъ вело Грецію къ паденію. Безсиліе побѣдительницы Спарты высказалось въ ея неудачной борьбѣ съ Ѳивами, которые сами обязаны были своимъ возвышеніемъ только личнымъ достоинствамъ Пелопида и Эпаминонда, послѣ которыхъ они возвращаются къ прежней незначительности. Мы видѣли, что послѣ троянской войны истощеніе силъ въ Греціи было восполнено приливомъ эллинскаго воинственнаго народонаселенія съ сѣвера, движеніе возобновилось и усилилось дорическимъ нашествіемъ. И теперь послѣ истощенія Греціи отъ пелопоннезской и другихъ междоусобныхъ войнъ происходитъ движеніе съ сѣвера, македонское движеніе, которое, повидимому, дало новое значеніе греческой жизни, собравши ея силы для наступательнаго движенія на Востокъ, имѣвшаго слѣдствіемъ разрушеніе персидской монархіи и господство европейскихъ аріевъ въ Азіи и Африкѣ: но это македонское движеніе было не чисто-греческое и происходило въ такихъ формахъ, отъ которыхъ давно отчуждилась Греція, оно происходило вслѣдствіе только личныхъ стремленій двухъ варварскихъ царей, усыновленныхъ греческой цивилизаціей; наконецъ, послѣ кратковременнаго македонскаго вліянія Греція явилась съ прежней слабостью. Мы въ другомъ мѣстѣ взглянемъ на подвигъ Александра Македонскаго и его слѣдствія; а теперь обратимся къ движенію греческой мысли и вліянію его на общество.

Мы видѣли, что греческое общество основалось на другихъ началахъ, чѣмъ общество восточное: въ основу общества восточнаго легло начало семейное или родовое, въ основу общества греческаго начало дружинное, товарищество. Въ огромныхъ монархіяхъ Востока цѣлое слишкомъ сильно давило на части,

вслѣдствіе чего личность не могла развиться; цѣлое, единство преобладало, и превозмогалъ одинъ человѣкъ, представитель этого цѣлаго, этого единства; государство—это былъ онъ, одинъ человѣкъ, всѣ другіе были части цѣлаго, живою собственностію одного, рабами, частію, и даже не только частію, но и полною принадлежностію, имѣвшею одно съ нимъ существованіе, по приведенному выше выраженію Аристотеля. Но въ мелкихъ государствахъ Греціи, основанныхъ богатырскими дружинами, этого давленія цѣлаго на части быть не могло; вмѣсто впечатлѣнія единой силы, поднимавшейся надъ всѣми и предъ которою всѣ равно исчезали въ своемъ ничтожествѣ, являлось впечатлѣніе равенства многихъ силъ вслѣдствіе равенства многихъ вождей, собиравшихся для общаго предпріятія; подлѣ вождей толпа храбрыхъ товарищей, которыми силенъ и славенъ вождь, съ которыми онъ долженъ считаться. Идетъ движеніе безпрерывное, подвигъ совершается постоянно, въ ограниченной мѣстности, на виду у всѣхъ; человѣкъ личными достоинствами можетъ подняться высоко, герои включаются въ число боговъ; кромѣ борьбы настоящей, человѣкъ можетъ выказать свои достоинства на играхъ, куда собирается народъ изъ цѣлой Греціи, побѣдитель превозносится похвалами, получаетъ важное значеніе, побѣды на играхъ прокладываютъ дорогу къ побѣдамъ на другомъ поприщѣ; наконецъ, цари исчезаютъ, аристократія уступаетъ демократіи, и это даетъ новое побужденіе къ развитію личности указаніемъ каждому сильному личными средствами человѣку высшей цѣли, достиженія перваго мѣста въ государствѣ съ какимъ бы то ни было значеніемъ и именемъ или и безъ имени. Искусство, служа выраженіемъ народной жизни, является для того, чтобъ дать новую силу началамъ, уже обнаружившимся въ жизни. Мы говоримъ о значеніи Иліады для греческой жизни, поэмы, на которой воспитывались греки и содержаніемъ которой служило описаніе бѣдствій, происшедшихъ отъ бездѣйствія оскорбленнаго героя, не хотѣвшаго признать права сильнаго. Впослѣдствіи драматическія произведенія, къ которымъ были такъ страстны греки, воспитывали въ нихъ тоже чувство личной независимости. Эсхилъ выставилъ это чувство въ Прометеѣ, который не хотѣлъ преклониться предъ Юпитеромъ; Софоклъ пошелъ еще дальше: онъ оставилъ сферу боговъ, титановъ и героевъ, и выставилъ чувство независимости, непреклонность предъ силою въ слабой дѣвушкѣ, которая, не взирая ни на какія прещенія, исполняетъ то, что̀ считаетъ своимъ долгомъ. Иліада, Прометей и Антигона представляютъ самыя сильныя проявленія греческаго духа въ мірѣ искусства. Наконецъ, персидскія войны, эта знаменитая

борьба развитой личности, борьба качества съ подавляющимъ количествомъ опять могущественно содѣйствовала развитію личности, особенно у тѣхъ изъ грековъ, которые купили торжество съ наибольшими пожертвованіями, которые два раза видѣли истребленіе своего города, и потому могли такъ прометеевски отвѣчать персидскому вождю на его предложеніе отдѣльнаго мира.

Такимъ образомъ, въ Греціи, и преимущественно въ Аѳинахъ, все соединилось для того, чтобы дать личности самое сильное развитіе. Но извѣстное начало, пользуясь благопріятными условіями, стремится развиться до крайности; такъ и въ Греціи мы видимъ крайнее развитіе личности. Зло было понято, и греческая мысль выставила противодѣйствіе, но безуспѣшно: откуда же проистекла эта безуспѣшность?

Личность, при благопріятныхъ условіяхъ въ обществѣ для своего развитія, сдерживается въ своихъ крайнихъ стремленіяхъ нравственнымъ началомъ, которое тогда только сильно, когда находится въ связи съ началомъ религіознымъ. Но греческая религія не могла дать нравственно-крѣпкаго основанія. Грекъ, благодаря развитію своей жизни, освободился отъ азіатскаго представленія о божествѣ, какъ о гнетущей силѣ природы, которая дѣйствуетъ деспотически, предъ которою человѣкъ ничто, въ угоду которой женщина считаетъ обязанностью жертвовать своимъ стыдомъ, а мужчина—поломъ. Греческій антропоморфизмъ вноситъ на Олимпъ человѣческія отношенія, сдружаетъ человѣка съ божествомъ, приравниваетъ ихъ другъ къ другу; человѣкъ, благодаря геройству, поднимается до божества, но за то божество понижается; грекъ живетъ съ своими божествами слишкомъ по-товарищески, за панибрата; греческія божества—изящные люди, но не безгрѣшные, не внушающіе уваженія своею высокою нравственностію, и не требующіе въ этомъ отношеніи подражанія себѣ; у греческихъ боговъ дѣти на землѣ, слѣдовательно у нихъ здѣсь свои личные интересы, борьба за эти интересы, а подобныя отношенія, разумѣется, уничтожаютъ божественное, независимое положеніе. Восточные боги, какъ восточные деспоты, жили въ отдаленіи отъ простыхъ смертныхъ, окруженные обаяніемъ таинственности; даже египетское божество—животное сохраняло это обаяніе, ибо человѣкъ не могъ проникнуть во внутренній міръ таинственнаго существа. Грекъ нарушилъ обаяніе таинственности, вывелъ наружу всѣ олимпійскія проказы. Униженіе божества чрезъ приданіе ему человѣчности не въ высшихъ нравственныхъ, духовныхъ проявленіяхъ, естественно вело къ отрицанію такого божества, давало выходъ разлагающей силѣ мысли; а греки принадлежали къ тому племени, которое и въ от-

даленной Азіи, въ замкнутой и богатой Индіи, давящей духъ громадностью и роскошью природныхъ формъ, умѣло обнаружить дѣятельность мысли, не ограничиваясь переданными религіозными воззрѣніями. Тѣмъ болѣе эта дѣятельность должна была обнаружиться у грековъ при особыхъ условіяхъ ихъ исторической жизни, и прежде всего при условіи движенія, перемѣны политическихъ формъ. Греческій религіозный процессъ закончился гомеровскимъ временемъ; но греческая политическая жизнь продолжала развиваться; тѣ земныя отношенія, по которымъ образовались отношенія олимпійскія, измѣнились и естественно не могло быть сочувствія къ тому, что представляло уже прошедшее, отвергнутое, а между тѣмъ разлагающая сила мысли получала все большее и большее развитіе. Прежде всего греки, по своему положенію въ небольшой приморской странѣ, находящейся въ близкомъ разстояніи отъ Азіи и Африки, и волнуемой внутренними движеніями и столкновеніями народовъ, должны были выселяться, заводить колоніи, знакомиться со многими чуждыми народами. Это обстоятельство, расширявшее горизонтъ, сильно дѣйствовало на даровитое, живое, пытливое и впечатлительное племя, представителями котораго были поморцы іоняне, аѳиняне. Грекъ на Востокѣ встрѣчается съ богатою цивилизаціею, производящею сильное впечатлѣніе громадностію и особенно древностію своихъ памятниковъ; его вниманіе останавливается на религіи; язычникъ легко подчинялся чуждому вѣрованію, легко поклонялся чужому богу, потому что убѣжденіе въ единствѣ бога ему не препятствовало. Грекъ также съ уваженіемъ относился къ религіи чуждыхъ народовъ, но онъ смотрѣлъ на дѣло иначе; онъ сильно развитъ вслѣдствіе движенія своей жизни, онъ привыкъ думать, привыкъ критически относиться къ такимъ явленіямъ, къ какимъ на Востокѣ критически не относились, какъ напримѣръ, къ политическимъ формамъ; разнообразіе этихъ формъ на маломъ пространствѣ Греціи дало ея жителямъ возможность сравнивать и разсуждать о достоинствѣ или недостоинствѣ той или другой формы, что, разумѣется, сильно развивало мыслительную способность и приготовило то философское настроеніе, которымъ отличаются греки: «Эллины премудрости ищутъ». Съ этимъ-то исканіемъ премудрости, съ этою-то развитою мыслительною способностью, съ привычкою критически относиться къ явленію, допросить, какъ, что и почему, является грекъ на Востокѣ. Путешествующій грекъ мыслитель, мудрецъ представляетъ намъ въ высшей степени любопытное явленіе. Привычка видѣть разнообразіе формъ народной жизни у себя тянетъ грека съ возбужденною мыслію дальше, посмотрѣть другіе народы, познакомиться съ другими формами жизни,

посравнить, найти сходство и отличіе, тогда какъ для восточнаго человѣка однообразіе политическихъ формъ необходимо уничтожало подобное стремленіе. Съ исканіемъ премудрости грекъ отнесся и къ религіямъ Востока, началъ сравнивать, находить общія черты съ своими, греческими вѣрованіями, искать одного общаго источника; здѣсь, какъ обыкновенно бываетъ, мысль останавливается прежде всего на заимствованіи; при видѣ двухъ одинакихъ явленій у разныхъ народовъ, первое, легчайшее объясненіе состоитъ въ томъ, что одинъ народъ заимствовалъ извѣстное вѣрованіе, обычай у другого; возвыситься до предположенія общихъ законовъ, производящихъ одинаковыя явленія всегда и повсюду, человѣкъ сначала не можетъ. Такимъ образомъ грекъ при объясненіи одинакихъ религіозныхъ воззрѣній, одинакихъ миѳовъ у разныхъ народовъ остановился на заимствованіи однимъ народомъ у другого. Младшій по происхожденію и по цивилизаціи народъ долженъ былъ заимствовать у старшаго, греки должны были заимствовать у восточныхъ народовъ, у послѣднихъ надобно доискаться источника. Уже одно убѣжденіе, что вѣрованія, въ которыхъ воспитался человѣкъ, заимствованы, чужія, ослабляетъ эти вѣрованія, дѣлая ихъ предметомъ изслѣдованія, заставляя слѣдить, какъ съ теченіемъ времени они измѣнялись, какъ къ древнѣйшимъ, заимствованнымъ присоздавались новыя. Мысль беретъ верхъ, чувство ослабляется. А тутъ еще новый ударъ. Пытливость влечетъ въ страну чудесныхъ памятниковъ древнѣйшей цивилизаціи, въ Египетъ, а здѣсь жрецы внушаютъ, что все заимствовано отъ нихъ, но чему вѣруетъ народъ, это только символы, что суть всего дѣла извѣстна имъ однимъ, жрецамъ, что пожалуй они скажутъ на ухо умному человѣку, который уже и безъ того подозрительно посматриваетъ на разные религіозные обычаи и обряды, но объявлять объ этихъ вещахъ всѣмъ безполезно и опасно, народъ должно держать въ невѣдѣніи, оставляя мудрость для посвященныхъ. Геродотъ представляетъ намъ образецъ грека, который, благодаря знакомству съ чужими религіями и внушеніямъ египетскихъ жрецовъ, относится скептически къ народнымъ вѣрованіямъ грековъ, древнѣйшія вѣрованія пелазговъ считаетъ заимствованными изъ Египта, и въ эллинскомъ Олимпѣ видитъ созданіе поэтовъ; онъ объясняетъ миѳы, говоритъ, что черные голуби додонскіе были двѣ иностранныя женщины, которыхъ чуждый языкъ могъ показаться языкомъ птичьимъ, ибо какъ въ самомъ дѣлѣ могло быть, чтобъ голубь издавалъ членораздѣльные звуки? и такъ какъ говорится, что голубь былъ черный, то это значитъ, что женщина была египтянка. Проговариваясь подобнымъ образомъ въ разныхъ случаяхъ, высказывая

свое свободное отношеніе къ религіознымъ преданіямъ, Геродотъ простодушно оговаривается, что о такихъ вещахъ не слѣдуетъ распространяться: «Еслибы я захотѣлъ сказать, почему египтяне воздаютъ животнымъ божескія почести, то я бы коснулся религіи и вещей божественныхъ; но я особенно избѣгаю такихъ разговоровъ, и если я кое-что такого сказалъ, то долженъ былъ сдѣлать это по необходимости».

Такимъ образомъ, сближеніе съ Востокомъ и его религіями наносило ударъ греческой религіи, эллинскому антропоморфизму, разлагало его. Но греческая мысль не могла остановиться на этомъ отрицаніи, на этомъ разложеніи, и вотъ среди азіатскихъ грековъ, на которыхъ восточныя воззрѣнія прежде всего подѣйствовали и у которыхъ, по ихъ страдательному политическому положенію, было болѣе возможности отрѣшаться отъ практической жизни, начинается такая же умственная работа, какую мы уже видѣли у арійцевъ въ Индіи, работа надъ объясненіемъ происхожденія міра. Народныя религіозныя воззрѣнія не стѣсняютъ этихъ мыслителей, онѣ не вѣрятъ въ олимпійцевъ, знаютъ, что эти народныя греческія вѣрованія суть искаженія первоначальной религіи, въ бо́льшей чистотѣ сохранившейся на Востокѣ, и состоявшей въ поклоненіи силамъ природы; но что́ такое природа и ея силы, какъ произошли онѣ? Одни объявили, что все существующее произошло изъ влаги; что божества, въ которыя вѣритъ народъ, суть басни; божество есть душа вселенной, движущая сила вещей, отдѣльно отъ нихъ не существующая. Такимъ образомъ мы опять встрѣчаемся съ знакомымъ намъ брамаизмомъ или пантеизмомъ. По другимъ, это управляющее, божественное начало міра, противоположное матеріи, былъ воздухъ, какъ духъ; по инымъ, огонь, творческая, всепроникающая и всепоглощающая сила, которая преимущественно проявляется въ душѣ человѣческой; нѣкоторые указывали на происхожденіе міра изъ атомовъ, простыхъ, недѣлимыхъ первоначальныхъ тѣлъ, все существующее проникается тонкими огненными атомами, которыхъ всего болѣе находится въ человѣкѣ; по инымъ, первое движеніе атомамъ дано было высшею разумною силою, существующею отдѣльно отъ матеріи; иные принимали четыре основные элемента: огонь, воздухъ, землю и воду, которые приводятся въ движеніе двумя силами— любовію и ненавистію или борьбою; изъ соединенія и раздѣленія произошло все существующее.

Всѣ эти мнѣнія или ученія исходили отъ мудрецовъ или философовъ, которые провозглашали ихъ какъ произведенія сво-

бодной мысли лица, не давая имъ никакого религіознаго освященія, противополагая ихъ народной религіи, прямо вооружаясь противъ нихъ, провозглашая Гомера и Гезіода исказителями религіи, которые въ своихъ поэмахъ приписали богамъ то, что считается постыднымъ между людьми. Были попытки въ Южной Италіи или такъ-называемой Великой Греціи, дать одному изъ философскихъ ученій, именно Пиѳагорову, религіозное освященіе, составить орденъ изъ лучшихъ, образованнѣйшихъ людей, посвященныхъ въ тайны ученія, которые бы управляли непосвященною и потому презираемою толпою; но эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Вообще же всѣ эти философскія ученія или мнѣнія были слѣдствіемъ сильнаго развитія личности въ Греціи и, какъ обыкновенно бываетъ въ исторіи, въ свою очередь содѣйствовали сильнѣйшему ея развитію. Разрушеніе народныхъ религіозныхъ вѣрованій, произведенное философіею, которая на ихъ мѣсто не могла поставить ничего прочнаго, освященнаго, имѣвшаго всеобщій авторитетъ, дававшаго правило жизни, но породила множество разнородныхъ, спорныхъ мнѣній о важнѣйшихъ вопросахъ жизни, должно было естественно навести многихъ на мысль, что всеобщихъ истинъ нѣтъ, нѣтъ и общихъ нравственныхъ правилъ, сдерживающихъ каждаго человѣка и опредѣляющихъ его дѣятельность; слѣдовательно, каждый человѣкъ составляетъ отдѣльный, вполнѣ независимый міръ, имѣетъ свой собственный взглядъ на все и свои исключительныя личныя цѣли, достиженіе которыхъ есть главная его задача; объективной истины нѣтъ; истинно то, что отдѣльный человѣкъ въ извѣстное время считаетъ истиннымъ; средства отдѣльнаго человѣка составляютъ мѣрило всего; если средства отдѣльнаго человѣка велики въ сравненіи съ средствами другихъ людей, то онъ имѣетъ полное право стремиться къ господству надъ ними, къ тиранніи. Таковъ былъ необходимый результатъ, къ которому должно было придти крайнее развитіе личности въ Греціи, и преимущественно въ Аѳинахъ. Разумѣется, подобныя мнѣнія, какъ всякія мнѣнія, должны были распространиться между людьми мыслящими или такъ-называемыми образованными, способными останавливать свое вниманіе на высшихъ вопросахъ жизни, должны были распространиться между людьми, посвятившими себя наставленію, обученію другихъ, преимущественно въ ораторскомъ искусствѣ, которое такъ надобилось въ Греціи, и особенно въ Аѳинахъ. Такіе люди назывались софистами, отъ которыхъ изложенное ученіе и получило свое названіе. Но разрушительное вліяніе на общество такъ-называемаго софистиче-

скаго ученія вызвало противодѣйствіе, которое явилось изъ среды тѣхъ же софистовъ, т. е. людей, занимавшихся наставленіемъ другихъ. Сократъ, въ школѣ котораго обнаружилось это противодѣйствіе, являлся для современниковъ такимъ же софистомъ, какой выведенъ былъ и на сцену Аристофаномъ, несмотря на все стараніе его выдѣлиться изъ среды софистовъ ученіемъ и поведеніемъ: напримѣръ, онъ не бралъ денегъ за свое ученіе и не странствовалъ изъ города въ городъ, подобно другимъ знаменитымъ софистамъ. Противодѣйствуя господствующему между софистами ученію, Сократъ долженъ былъ вооружиться противъ доведеннаго до крайности развитія личности, т. е. долженъ былъ утверждать, что есть общія, непреложныя истины, есть нравственныя правила, обязательныя для всѣхъ, правила, безъ признанія и соблюденія которыхъ общество не можетъ существовать; онъ полагалъ различіе между «благочестіемъ и безбожіемъ, благородствомъ и неблагородствомъ, справедливостію и несправедливостію, храбростію и трусостію» и т. д., разсматривалъ все это независимо, признавая въ каждомъ человѣкѣ врожденную способность дойти до правильнаго различенія всего этого, при хорошемъ руководствѣ, тогда какъ въ господствующемъ между софистами ученіи все это смѣшивалось, могло переходить одно въ другое, смотря по обстоятельствамъ, и въ человѣкѣ не признавалась способность различенія хорошаго отъ дурного независимо отъ его непосредственнаго чувства. Послѣдователь такъ-называемаго ученія софистовъ говорилъ: «Въ большинствѣ вещей природа и законъ находятся въ противоположномъ отношеніи другъ къ другу; по природѣ хуже всего претерпѣть несправедливость, а по закону хуже всего сдѣлать несправедливость. Претерпѣть несправедливость отъ другого недостойно свободнаго человѣка; несправедливость можетъ снести только рабъ, которому лучше умереть, чѣмъ жить, ибо, претерпѣвая несправедливости и оскорбленія, онъ не въ состояніи защитить себя и тѣхъ, кого любитъ. Законы—произведеніе людей слабыхъ личными средствами, но многочисленнѣйшихъ; постановляя законы, они думали только о себѣ, о своихъ интересахъ; чтобъ напугать людей сильныхъ личными средствами, которые могли бы пріобрѣсти власть надъ другими, они говорятъ, что преимущество есть вещь нехорошая и несправедливая, и что человѣкъ, стремящійся къ могуществу, поступаетъ несправедливо; по своей слабости они стремятся къ равенству. Такимъ образомъ, по закону несправедливо пріобрѣтать власть надъ другими; но по природѣ справедливо, чтобъ лучшій и сильнѣйшій имѣлъ болѣе, чѣмъ худшій и слабѣйшій.

Мы беремъ съ дѣтства лучшихъ и сильнѣйшихъ между нами, образуемъ ихъ и укрощаемъ, какъ львятъ, внушаемъ имъ, что надобно чтить равенство, и что въ этомъ заключается прекрасное и справедливое. Но какъ скоро явится человѣкъ съ могущественною природою, разобьетъ онъ всѣ эти оковы, потопчетъ ногами наши писанія, наши законы, противные природѣ, и возвысится надъ всѣми какъ господинъ, онъ, котораго мы сдѣлали рабомъ, — тогда-то возсіяетъ справедливость по закону природы. Для счастія жизни нужно разнуздывать свои страсти, а не сдерживать ихъ, и, посредствомъ своего мужества и ловкости, быть въ состояніи удовлетворять имъ. Большинство людей не въ состояніи этого сдѣлать, и поэтому-то они осуждаютъ тѣхъ, которые этого достигнуть могутъ. Они говорятъ, что неумѣренность есть вещь дурная, сковываютъ людей, имѣющихъ лучшую природу, и, не будучи въ состояніи удовлетворять своимъ страстямъ, воспѣваютъ умѣренность и справедливость. А для тѣхъ, которые имѣли счастіе родиться въ семействахъ царскихъ, или которые отъ природы получили способность сдѣлаться вождями, тираннами или царями, — для такихъ что можетъ быть постыднѣе и вреднѣе умѣренности? Тогда какъ они могутъ безпрепятственно наслаждаться всѣми благами жизни, неужели сами свяжутъ себя законами, сужденіями и порицаніями толпы?»

Сократъ и его ученики именно хотѣли овладѣть львенкомъ, укротить разнуздавшуюся личность, которая, опираясь на природу, грозила разрушеніемъ обществу. Софисты поставили вопросъ о противоположности между природою и закономъ, т. е. между стремленіями отдѣльнаго лица и стремленіями общества, вопросъ, который вызоветъ знаменитый отвѣтъ, что человѣкъ есть животное общественное, что общество условливается природою человѣка, и потому природа не можетъ находиться въ противоположности съ закономъ. Вслѣдствіе крайняго развитія личности и ея неумѣренныхъ требованій, высказанныхъ софистами, поставленъ былъ вопросъ объ отношеніи личности къ обществу, великій вопросъ, который находится на первомъ планѣ въ исторіи человѣчества. Вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія его мы не можемъ ждать на землѣ при сознаніи несовершенства всякаго дѣла человѣческаго, сознаніи, горечь котораго подслащиваютъ указаніемъ на безконечность развитія, хотя и не всѣ могутъ удовлетвориться этимъ подслащиваніемъ. Мы можемъ только наблюдать, какъ и гдѣ вопросъ рѣшался болѣе или менѣе удовлетворительно. Мы должны признать за греческими мыслителями заслугу постановки вопроса,

причемъ они сейчасъ же и принялись за его рѣшеніе; но сколько-нибудь удовлетворительнаго рѣшенія его мы ожидать не въ правѣ, потому что мы присутствуемъ здѣсь при борьбѣ мнѣній и направленій, причемъ одно направленіе, доведенное до крайности, вызывало реакцію. Реакція крайнему развитію личности, выразившемуся въ ученіи софистовъ, высказалась въ ученіи сократовой школы. Въ политическомъ устройствѣ, предложенномъ этою школою, дуга была перегнута въ противоположную сторону; желая противодѣйствовать крайнему развитію личности, перешли должныя границы и не признали правъ личности, слишкомъ стѣснили ее въ пользу общества; на человѣка взглянули, какъ на несовершеннолѣтняго, неспособнаго имѣть семейство и собственность, и устроили общество, какъ школу съ учителемъ, философомъ въ челѣ управленія. Понятно, что это устройство, предложенное знаменитымъ ученикомъ Сократа, должно было остаться въ числѣ утопій; но мысль о подобномъ устройствѣ не умираетъ, а заявляетъ себя всякій разъ, когда умъ человѣческій, истомленный трудностію задачи опредѣлить сколько-нибудь правильно отношенія отдѣльнаго лица къ обществу, прибѣгаетъ къ отчаяннымъ средствамъ выйти изъ затрудненія. Человѣкъ, по природѣ своей, долженъ жить въ обществѣ, но вступая въ связь съ другими людьми, онъ необходимо долженъ поступиться частію своей свободы, частію своихъ правъ въ пользу другихъ, въ пользу общества. Но сколько онъ долженъ уступить и сколько оставить за собою для сохраненія равновѣсія между личностію и обществомъ — въ этомъ весь вопросъ. Софисты говорили, что человѣкъ не долженъ ничего уступать обществу; если онъ родился львомъ въ сравненіи съ другими, то и долженъ брать львиную часть, не дѣлясь съ другими, слабѣйшими; Сократъ и его ученики, вооружаясь противъ этого ученія, заставили человѣка уступить слишкомъ много, заставили его идти въ кабалу къ обществу за обезпеченное содержаніе. Эта обезпеченность содержанія такъ привлекательна, что въ обществахъ неразвитыхъ заставляла свободнаго человѣка продаваться въ рабство, идти въ кабалу, въ обществахъ же развитыхъ, гдѣ рабство человѣка другому человѣку уже немыслимо, заставляетъ мечтать о рабствѣ, болѣе благовидномъ, рабствѣ обществу. При опредѣленіи отношеній отдѣльнаго лица къ обществу не должно упускать изъ виду, что для благосостоянія этого общества права личности должны быть строго охранены, чтобъ отдѣльное лицо, ведя общественную жизнь, служа обществу, сохраняло при этомъ свою самостоятельность, свой отдѣльный, не-

зависимый міръ. Для этого три средства, три, такъ сказать, замка или крѣпости, которыя защищаютъ свободу и самостоятельность отдѣльнаго лица: это религія, семейство и собственность. Религія поддерживаетъ въ человѣкѣ сознаніе своего нравственнаго достоинства, не дозволяя ему уступать несправедливымъ требованіямъ общества, ставя передъ нимъ высшій міръ, высшій судъ, къ которому онъ аппеллируетъ, будучи недоволенъ земною неправдою; вѣра въ духовное начало, въ личное безсмертіе даетъ человѣку свободный, самостоятельный, царственный взглядъ на общественныя отношенія, заставляетъ его требовать только такого опредѣленія ихъ, какое согласно съ человѣческимъ достоинствомъ, не позволяетъ рабствовать предъ земною силою. Семейство есть самостоятельное общество въ обществѣ, необходимое для поддержанія въ человѣкѣ его самостоятельности: въ это убѣжище стремится онъ отъ порабощенія и поглощенія, которымъ грозитъ ему общество, если онъ постоянно пребываетъ въ немъ; здѣсь онъ дышетъ свободно, чувствуя себя не частію огромнаго цѣлаго, въ которомъ онъ исчезаетъ, не колесомъ, не винтомъ въ машинѣ, но существомъ самостоятельнымъ, центромъ особаго міра, здѣсь онъ *самъ*, по русскому народному выраженію. Въ обществахъ неразвитыхъ семейство имѣетъ уже слишкомъ большое значеніе; здѣсь оно слишкомъ обширно, развиваясь въ родъ, который заслоняетъ для человѣка общество, съуживаетъ сферу его дѣятельности, его отношеній и сдерживаетъ развитіе его силъ. Общество, развиваясь, тѣснитъ родъ, обрываетъ его, переводитъ обязанности человѣка къ роду на обязанности къ себѣ; все это очень хорошо; но есть предѣлъ развитію общества въ этомъ отношеніи; горе ему, если оно захочетъ перейти законную грань, и нарушить святыню семейства. Что касается отдѣльной собственности, то она неразрывно связана съ семействомъ и вмѣстѣ съ нимъ поддерживаетъ самостоятельность человѣка, давая ему сильное побужденіе къ дѣятельности въ возможности располагать результатами этой дѣятельности. Семейство и собственность будутъ всегда отличіемъ совершеннолѣтняго человѣка, и стремленіе отнять семейство и собственность будетъ всегда противно человѣку, какъ стремленіе низвести его изъ совершеннолѣтія въ положеніе недоросля, школьника. Сократова школа въ своемъ политическомъ ученіи перешла законную грань: стремясь сдержать безграничное развитіе личности, въ пылу спора съ поборниками этого развитія, она не замѣтила, какъ вмѣсто сдержки провозгласила порабощеніе личности; въ республикѣ Платона нѣтъ ни семейства, ни

собственности. Но Платонъ имѣетъ дѣло съ одними воинами, и тѣмъ даетъ знать, что при построеніи своей республики онъ имѣлъ въ виду военное братство, лагерь или казацкій кошъ, называвшійся Спартою. Философъ предполагалъ и уравненіе половъ, указывая на собакъ, у которыхъ и самцы и самки одинаково пригодны на охотѣ и для охраненія стада. Философъ забылъ, что человѣкъ не собака, что онъ подчиняется закону развитія, по которому различіе половъ необходимо предполагаетъ раздѣленіе занятій.

Въ исторіи Греціи и преимущественно Аѳинъ Сократова школа имѣетъ то значеніе, что въ ней высказалась реакція національному направленію, которое состояло именно въ развитіи личности. Въ этомъ отношеніи греческая жизнь представляла противоположность жизни восточной: на Востокѣ человѣкъ не созналъ своей личности относительно божества, и при всѣхъ усиліяхъ мысли рѣшить вопросы о происхожденіи сущаго, о происхожденіи добра и зла, кончилъ тѣмъ, что отрекся отъ личнаго существованія какъ ложнаго, и поставилъ цѣлію жизни—прекращеніе его, сліяніе частицы съ цѣлымъ. Это восточное представленіе о человѣкѣ, какъ о части цѣлаго, о собственности, о рабѣ (мы видѣли связь этихъ представленій у Аристотеля), господствовавшее въ религіи, господствовало и въ мірѣ политическомъ: и здѣсь человѣкъ является частію цѣлаго, собственностію, рабомъ, а это цѣлое, государство, было олицетворено, воплощено въ одномъ человѣкѣ; то стремленіе, которое высказывалось въ знаменитыхъ словахъ: «государство — это я», было на Востокѣ осуществлено. Панархизмъ соотвѣтствуетъ пантеизму—и оба убиваютъ личность; поэтому Гоббесъ, проводившій всюду панархическій взглядъ, совершенно послѣдовательно говорилъ, что государь не есть глава государственнаго тѣла, а душа его; точно такъ и въ пантеизмѣ божество есть душа вселенной, неразрывно съ нею связанная; начало свободныхъ отношеній въ отдѣленіи. Слабость движенія, подвига, родовой бытъ (соединеніе управляемыхъ по Аристотелю) и обширность государствъ, недопускающая народонаселеніе до общей дѣятельности, требующая внѣшней силы для соединенія разбросаннаго на обширныхъ пространствахъ народонаселенія для общихъ цѣлей — суть главныя условія утвержденія такого порядка вещей на Востокѣ. Въ Греціи сильное и продолжительное движеніе, развившее личныя силы, дружинная форма, въ какой это движеніе совершалось и размельченность небольшой приморской страны высвободили отрасль сильнаго, даровитаго племени изъ азіатскихъ формъ жизни, пред-

ставили благопріятныя условія для развитія личности, и вотъ греческая исторія представляетъ намъ это постепенное развитіе, представляетъ и то обычное въ человѣческой дѣятельности явленіе, что начало, долго сдерживаемое, разнуздавшись, перешло должные предѣлы и вызвало реакцію. Реакція высказывалась съ одной стороны въ аристократическомъ стремленіи, тѣсно связанномъ съ спартанофильствомъ, ибо въ спартанскомъ устройствѣ личность была сдержана строгимъ подчиненіемъ, рабствовала государству, тогда какъ развитіе личности въ Аѳинахъ было тѣсно связано съ демократическимъ движеніемъ. Съ другой стороны, реакція явилась въ области мысли, высказалась именно въ Сократовомъ ученіи. Это ученіе не могло имѣть важнаго вліянія на ходъ греческой жизни, во-первыхъ уже потому, что оно не было прямо политическимъ ученіемъ, не было достояніемъ сильной политической партіи. Основатель ученія погибъ, какъ врагъ господствовавшаго въ Аѳинахъ демократическаго направленія, которое взяло снова силу послѣ сверженія аристократическаго правительства, поддерживавшагося Спартою; онъ погибъ какъ врагъ народной религіи. Ученіе Сократа, именно какъ философское ученіе, не могло удержать Аѳинъ и вообще Грецію отъ паденія. Философское ученіе не можетъ пересоздать общество, вдохнуть въ него новыя нравственныя силы: оно есть достояніе немногихъ; оно получаетъ свой авторитетъ отъ силы личнаго ума, а сколько головъ, столько и умовъ, говоритъ народная пословица (отъ этого же воззрѣнія отправились и софисты); здѣсь различіе мнѣній и споры ведутъ естественно къ знаменитому вопросу Пилата: «что есть истина?» а при существованіи такого вопроса нѣтъ успокоенія для общества, нѣтъ горячихъ убѣжденій, въ горнилѣ которыхъ выковываются крѣпкія формы и отношенія; для этого нужно было древнему міру ученіе съ высшимъ авторитетомъ, для всѣхъ одинаково обязательное, ученіе религіозное, для этого нужно горячее чувство, чувство религіозное *).

---

*) Трудно и даже нельзя не согласиться съ нашимъ почтеннымъ историкомъ въ высказанномъ имъ взглядѣ на эпоху паденія древняго, классическаго міра и его представительницы — Греціи. Древняя цивилизація, выразившаяся въ произведеніяхъ ея философовъ, поэтовъ, историковъ, оказалась безсильною, чтобы спасти свое общество; нужно было ученіе, которое стало бы ближе къ человѣку и его нуждамъ, доступное не одной какой-нибудь школѣ, но народнымъ массамъ. Если же классическая литература, классическая философія оказались безсильными воспитательными началами даже у себя дома, на родной почвѣ, то какъ понять то общеобразовательное значеніе, какое хотятъ придать классической литературѣ въ наше время! Мы понимаемъ, какъ плодотворно высшее изученіе классическаго міра и его судебъ для

Греки, для которыхъ прежнія религіозныя вѣрованія были разбиты философіею, но которые не нашли необходимаго для человѣка рѣшенія извѣстныхъ вопросовъ въ философской разноголосицѣ, не нашли успокоенія, обратились къ мистеріямъ, основаніемъ которыхъ служила древняя пелазгическая религія, уцѣлѣвшая подлѣ новой эллинской; послѣдняя теперь разрушалась въ свою очередь, и тѣмъ давала силу и значеніе старой; одряхлявшее общество обращалось къ вѣрованіямъ своего дѣтства, думая, что они въ состояніи вдохнуть въ него свѣжія силы; искало этого возстановленія силъ и прямого соединенія съ божествомъ посредствомъ религіозныхъ восторговъ, экстазовъ; но ничто не помогало: старикъ не молодѣлъ. Греція пала вслѣдствіе истощенія матеріальныхъ и нравственныхъ силъ.

С. Соловьевъ.

человѣка, посвящающаго всю жизнь на научныя изслѣдованія этого міра; мы вполнѣ понимаемъ и даже сочувствуемъ Ауэрбаховскому Эйнзиделю, но мы также понимаемъ причину, почему нѣмецкій писатель, какъ Ауэрбахъ, не обставилъ своего Роланда, молодое поколѣніе Германіи, греческими и латинскими букварями, а построилъ его воспитаніе совсѣмъ на другихъ началахъ. Въ одной московской газетѣ имѣли наивность упрекнуть насъ, что мы непослѣдовательны и въ одно и тоже время возстаемъ противъ исключительности классическаго образованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ печатаемъ романъ Ауэрбаха, гдѣ выведенъ такой почтенный классикъ, какъ Эйнзидель. Но, во 1-хъ) Эйнзидель, дѣйствительно, трудился *самъ* надъ разъясненіемъ судебъ классическаго міра — трудъ великій и благодарный — а не издавалъ никакой газеты; и во 2-хъ) нѣмецкій писатель представилъ идеалъ педагога не въ Эйнзиделѣ, а въ Эрихѣ, характеръ котораго слишкомъ хорошо извѣстенъ нашимъ читателямъ, и они сами знаютъ все его различіе отъ Эйнзиделя. Въ системѣ Эриха олицетворяется тоже вышеупомянутое стремленіе стать ближе къ человѣку, къ его житейскимъ нуждамъ, и приготовить юношу не для школы, а для дѣйствительной жизни. Пусть эта замѣтка послужитъ разъясненіемъ дѣла для тѣхъ, кого могла ввести въ заблужденіе та московская газета, о которой мы только-что упомянули. Выскажемъ коротко тотъ взглядъ на классицизмъ, который мы старались всегда проводить: мы желаемъ нашему, русскому обществу, какъ можно болѣе ученыхъ, которые посвящали бы себя на изученіе древняго міра, и какъ можно менѣе учащихся склоненіямъ и спряженіямъ классическихъ языковъ. Намъ скажутъ: откуда же выйдутъ эти ученые, если не будетъ для нихъ школъ? А мы спросимъ: откуда выходятъ ученые знатоки санскритскаго языка, еврейскаго и т. д., между тѣмъ какъ этимъ языкамъ не обучаютъ въ школахъ для малолѣтныхъ? — *Ред.*

ДАЧА НА РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(*Окончаніе.*)

ГЛАВА IX*).

НЕДОУМѢНІЕ МУЖЧИНЪ И ПРИГОВОРЪ ЖЕНЩИНЫ.

Еслибъ могъ кто видѣть выраженіе лицъ судей въ теченіи разсказа Зонненкампа!

Когда онъ удалился, всѣ еще долго сидѣли молча.

Вейдеманъ спокойно озирался вокругъ. Его прекрасные голубые глаза ни мало не утратили своей обычной ясности. Онъ даже нисколько не казался удивленнымъ.

Маіоръ, напротивъ, былъ сильно взволнованъ. Изъ глубины души его поднялось воспоминаніе о собственной, всѣми покинутой юности, и онъ, крѣпко сжимая руки, думалъ:

— Кто знаетъ.... вѣдь и я могъ бы сдѣлаться такимъ же!

Пораженный дерзкой рѣчью Зонненкампа и встревоженный собственными грустными воспоминаніями, добрый старикъ почти не могъ удержаться отъ слезъ. Утирая платкомъ выступившій у него на лбу потъ, онъ изловчился въ тоже время незамѣтнымъ образомъ вытереть себѣ глаза. Ему сильно хотѣлось броситься вслѣдъ за Зонненкампомъ, обнять его и сказать ему: «братъ, ты былъ дурной братъ, но теперь сдѣлаешься хорошимъ братомъ: я знаю, ты самъ этого желаешь». Но бѣдный маіоръ не рѣ-

---

*) См. въ 1868 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595; и въ 1869 г.: янв. 244; февр. 820; мар. 225; апр. 812; май, 275; іюнь 473; іюль 5; авг. 447; сент. 447; окт. 471; ноябрь 5 стр.

шился дать воли движенію своего сердца. Онъ съ безпокойствомъ поглядывалъ на всѣхъ присутствующихъ, ожидая чтобъ кто-нибудь заговорилъ. Встрѣтясь взглядомъ съ профессоромъ Эйнзиделемъ, онъ кивнулъ ему головой, точно желая сказать: «ты вѣрно ни въ одной изъ твоихъ книгъ не читалъ ничего подобнаго. Страшно подумать, до чего можетъ дойти человѣкъ! Но я вижу, ты не менѣе моего пораженъ».

Докторъ первый рѣшился заговорить, и обращаясь къ Клодвигу, громко сказалъ:

— Надъ нами отличнѣйшимъ образомъ насмѣялись. Непреднамѣреннаго преступника, дѣйствующаго подъ вліяніемъ страсти, еще можно надѣяться обратить на истинный путь, но хладнокровнаго и закоренѣлаго—никогда!

— Несмотря на все мое негодованіе и на весь мой ужасъ, возразилъ Клодвигъ, я не могу не удивляться смѣлости, съ какой онъ изобличалъ царствующую въ свѣтѣ ложь. О!

У него пересохло во рту, и онъ съ трудомъ произносилъ слова. Замѣтивъ по чрезвычайно подвижной физіономіи банкира, что тотъ желалъ, но не рѣшался говорить, Клодвигъ прибавилъ:

— Я вижу, вы хотите что-то сказать. Пожалуйста говорите.

Банкиръ сильно покраснѣлъ, но не отказался.

— Да, сказалъ онъ, но я не стану распространяться о впечатлѣніи, какое произвелъ на меня разсказъ этого человѣка. Замѣчу только, что особенности его и преувеличенія, по моему мнѣнію, проистекаютъ изъ чувства оскорбленнаго самолюбія, которое легко возбуждается въ человѣкѣ при постоянно оказываемомъ ему пренебреженіи. А въ проступкахъ и грѣхахъ, источникъ которыхъ заключается въ всеобщемъ пренебреженіи, никто, я полагаю, не можетъ быть лучшимъ, то-есть болѣе кроткимъ судьей, чѣмъ еврей. Пренебреженіе дѣлаетъ человѣка раздражительнымъ, злымъ, и возбуждаетъ въ немъ жажду мести. Надо совсѣмъ исключительную натуру, чтобъ она подъ вліяніемъ оскорбленія ушла въ себя и заключилась въ кротость и терпѣніе.

Докторъ, вполнѣ уважая образъ мыслей банкира, счелъ однако въ настоящую минуту неумѣстнымъ дальнѣйшее развитіе поднятаго имъ вопроса и поспѣшилъ приступить прямо къ самой сущности дѣла, для котораго они всѣ здѣсь собрались.

— Имѣете вы предложить какое-нибудь искупленіе, или наказаніе? спросилъ онъ.

— Я ничего другого не могу предложить, началъ банкиръ, какъ только по возможности оградить дѣтей отъ вліянія подобнаго отца. Но мы должны позаботиться, чтобъ не оскорбить дѣтей, и потому это слѣдуетъ сдѣлать какъ можно осторожнѣе.

— Мы, нѣмцы, живо заговорилъ докторъ, всегда и вѣчно останемся школярами. Этотъ ожесточенный злодѣй Зонненкампъ туда-же лѣзетъ поучать. Онъ выдаетъ свою злость за мудрость, старается логически доказать, что всѣ виноваты, а онъ одинъ правъ, и вдобавокъ еще насмѣшливо украшаетъ свой цинизмъ подобіемъ какихъ-то идей.

— Изгнаніе, началъ профессоръ Эйнзидель, единственное средство, къ которому мы, подобно древнимъ, должны бы были прибѣгать для наказанія людей, насмѣявшихся надъ благами, какія предлагаетъ человѣку образованный міръ. Но къ сожалѣнію теперь нѣтъ страны, посылая куда изгнанника, мы знали бы, что онъ тамъ не встрѣтитъ никакихъ слѣдовъ цивилизаціи и тѣмъ самымъ жестоко искупитъ свои преступленія.

Профессоръ Эйнзидель, повидимому, былъ не прочь пустить въ ходъ свои познанія въ исторіи невольничества и сообщить своимъ слушателямъ, что греки, напримѣръ, вовсе не считали нужнымъ обращать вниманіе на тягостное положеніе своихъ рабовъ. Но докторъ поспѣшилъ положить ему на плечо руку, точно желая сказать:

«Оставимъ это до другого раза».

Профессоръ въ знакъ согласія кивнулъ ему головой.

— Какое бы наказаніе мы на него ни наложили, замѣтилъ князь Валеріанъ, оно непремѣнно обратится на его дѣтей. Это обстоятельство, какъ твердый щитъ, прикрываетъ его отъ всѣхъ соображеній, какія намъ можетъ внушить чувство справедливости.

Настало продолжительное молчаніе.

— Но тѣмъ не менѣе мы должны же на чемъ-нибудь остановиться, воскликнулъ Вейдеманъ. Я предлагаю на семь дней отложить окончательное рѣшеніе приговора. Черезъ недѣлю мы всѣ снова здѣсь соберемся и тогда постараемся прибѣгнуть къ взаимному соглашенію въ нашихъ мнѣніяхъ. На насъ лежитъ обязанность придумать что-нибудь такое, что̀, служа искупленіемъ виновному, ни мало не заставляло бы страдать невинныхъ.

Маіоръ, задыхаясь отъ волненія, умолялъ всѣхъ собранныхъ здѣсь еще не расходиться. «Мы еще ничего не порѣшили», говорилъ онъ, и выражалъ опасенія, что самъ, безъ посторонней помощи, врядъ ли съумѣетъ что-нибудь придумать. Ему сильно хотѣлось спросить, не можетъ ли онъ посовѣтоваться съ фрейленъ Милькъ: та непремѣнно вывела бы его изъ затрудненія и надоумила бы, какъ лучше поступить. Но потомъ онъ разсудилъ, что въ судѣ такого рода всякій долженъ самъ за себя рѣшать.

Маіоръ, въ тревогѣ, то въ ту, то въ другую сторону ворочалъ

голову, которая въ эту минуту казалась ему слишкомъ тяжелой для его плечъ.

Но все остальное общество спѣшило выдти изъ тягостнаго положенія, въ которое было такъ неожиданно поставлено.

— Я объявляю совѣщаніе оконченнымъ, громко произнесъ Вейдеманъ.

Всѣ мгновенно поднялись, радуясь своему освобожденію, и охотно устремились бы на открытый воздухъ, но къ сожалѣнію шелъ дождь и на садовыхъ дорожкахъ образовались цѣлыя ручьи и озера. Общество перешло въ большую залу.

— А что, господа, началъ ловчій, какъ вы думаете, еслибъ мы присудили господина Зонненкампа вернуться туда, откуда онъ пріѣхалъ и самому продать себя въ неволю?

Всѣ молчали, и Клаусъ робко прибавилъ:

— Не знаю, годится ли эта мѣра, но все-таки она служила бы ему наказаніемъ.

Вейдеманъ объяснилъ ему, что бѣлые не могутъ быть невольниками.

— Этотъ Зонненкампъ, сказалъ Клодвигъ съ дрожащими губами и обращаясь къ Эриху, не что иное какъ жертва разлада, составляющаго отличительную черту нашего времени. У современнаго человѣчества не чиста совѣсть: оно сознаётъ свою собственную несостоятельность и въ тревогѣ туда и сюда мечется. Отдѣльная личность этого человѣка, который скитается по свѣту и, бродя во мракѣ порока, нигдѣ не находитъ себѣ точки опоры, служитъ выраженіемъ безпорядочныхъ стремленій нашего вѣка. Ахъ, мнѣ дурно, мнѣ тяжело, я боленъ!

Клодвигъ, все жалуясь на нездоровье, просилъ доктора поѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Вольфсгартенъ. Но въ ту самую минуту, какъ докторъ собирался сѣсть въ экипажъ, его потребовали къ Церерѣ.

Немного спустя, явился Іозефъ съ извѣстіемъ, что докторъ Рихардтъ не можетъ оставить госпожу Зонненкампъ.

Съ Церерой сдѣлался точно припадокъ бѣшенства, въ которомъ она задушила своего попугая, и била и ломала все, что ни попадалось ей подъ руку.

Докторъ пустилъ ей кровь, и хотя та потекла медленно и темной струей, больная тѣмъ неменѣе успокоилась.

Зонненкампъ, узнавъ о всемъ случившемся, по прежнему спокойно оставался въ своей комнатѣ.

Докторъ вторично послалъ сказать Клодвигу, чтобъ онъ лучше переночевалъ здѣсь на виллѣ. Дождь лилъ потоками, и Рейнъ

начиналъ выходить изъ береговъ. Но Клодвигъ настоялъ на томъ, чтобъ ему ѣхать домой.

Тогда докторъ пришелъ самъ и просилъ банкира сопровождать графа въ Вольфсгартенъ. Клодвигъ подтвердилъ просьбу доктора.

Банкиръ охотно согласился, только сказалъ, что прежде отлучится въ сосѣдній городокъ и отправитъ оттуда своей семьѣ телеграмму, съ извѣщеніемъ, чтобъ его не ждали домой до тѣхъ поръ, пока не получатъ отъ него новыхъ извѣстій.

Белла, между тѣмъ, ушла въ виноградный домикъ и разсыпалась тамъ въ любезностяхъ передъ тетушкой Клавдіей и Линой. Она однако не могла удержаться отъ рѣзкихъ замѣчаній на счетъ профессорши и Манны, которыя рѣшились уѣхать изъ дому въ такую тяжелую для его хозяина минуту.

Немного спустя, съ виллы пришелъ лакей объявить, что графъ желаетъ немедленно ѣхать домой.

— Я не хочу и не поѣду! громко воскликнула Белла и топнула ногой.

— Но вслѣдъ затѣмъ она, какъ бы спохватилась и быстро проговорила:

— Хорошо, пусть онъ сюда за мной заѣдетъ.

Экипажъ съ графомъ не замедлилъ подкатить къ виноградному домику. Клодвигъ не вышелъ, но сидѣлъ прижавшись, въ углу и дрожа отъ холода. Белла помѣстилась рядомъ съ нимъ.

— Отчего ты у меня не спрашиваешь, что̀ со мной? тихо проговорилъ онъ.

Белла молчала. Въ ней происходила жестокая борьба.

— Стыдъ и позоръ на всѣхъ васъ! вдругъ громко воскликнула она.—Что̀ вы такое въ сравненіи съ этимъ человѣкомъ. Онъ одинъ заслуживаетъ названія мужчины. Въ немъ сила и смѣлость, а вы всѣ слабоумные трусы. Ахъ, еслибъ такой человѣкъ....

— Что? Еслибъ такой человѣкъ?...

— Не спрашивай меня ни о чемъ болѣе.... Вѣдь я ѣду съ тобою домой.... домой.... Ты вправѣ приказывать, чего жъ тебѣ еще? Нѣтъ, нѣтъ, ни слова болѣе не говори.... ни слова, а не то я, позабывъ все на свѣтѣ, не обращая вниманія на дождь и бурю, выскочу изъ кареты и побѣгу.... побѣгу.... сама не знаю куда. Я больше не хочу жить въ неволѣ. Мнѣ опротивѣлъ вашъ жалкій, отсталый, самодовольный, чванный, хвастливый, мнимо-свободный, преисполненный претензій на гуманность свѣтъ.

— Что̀ ты говоришь, жена? Свѣтъ и дуренъ, и хорошъ....

— Ха, ха! и дуренъ, и хорошъ! Это костыли, на которые, вы, не находя точки опоры въ самихъ себѣ, вѣчно опираетесь. Сила

и отвага, стойкость, какъ въ добрѣ, такъ и въ злѣ—вотъ настоящія качества мужчины. Будьте чѣмъ хотите, только не сантиментальничайте и не прячьтесь ежеминутно за гуманность. Мужчинѣ, не вылитому изъ желѣза, слѣдовало бы быть женщиной.... или нѣтъ, монахиней. Да, вы всѣ не что иное, какъ монахини, которые молитесь на гуманность.... Ну, есть ли въ томъ смыслъ. Еврей и атеистъ, подобный капитану Дорнэ, призываются судить такого человѣка какъ Зонненкампъ! А впрочемъ, надо сказать правду, атеисты—единственные послѣдовательные демократы. Все и всѣ равны, высшія натуры не существуютъ, самого Бога нѣтъ!... Вотъ вы каковы: слабые, малодушные трусы и лѣнтяи. Онъ одинъ заслуживаетъ названія человѣка, и какая для васъ честь, что онъ согласился говорить передъ вами! Ни одинъ изъ васъ не стоитъ его. Вы всѣ рабы, со страхомъ и трепетомъ преклоняющіеся передъ Жанъ-Жакомъ Руссо, этимъ глупцомъ, проповѣдывавшимъ равенство. Теперь наступаетъ важная минута, которая должна рѣшить вопросъ: тонуть ли міру въ этомъ морѣ всеобщаго равенства, или все болѣе и болѣе возвышаться въ лицѣ избранныхъ натуръ. Ваше дѣло было бы теперь ѣхать за море съ тѣмъ, чтобъ принять тамъ участіе въ начинающейся борьбѣ, но гдѣ вамъ! Для васъ дворянство не болѣе, какъ изящный нарядъ. Южные Штаты зашевелились: если они падутъ въ борьбѣ, вмѣстѣ съ ними умретъ и аристократія. Всѣ вы тогда ножницами равенства будете подстрижены подъ одну мѣрку и одинъ ростъ. Что жъ ты не позовешь сюда твоего брата кучера? Какъ это ты позволяешь ему мокнуть на дождѣ? Пусть онъ сядетъ къ намъ въ карету. Я сейчасъ велю ему остановиться.

И она дѣйствительно окликнула кучера, который немедленно остановился. Клодвигъ со страхомъ ожидалъ что̀ будетъ далѣе, но она, минуту спустя закричала кучеру:

— Пошелъ далѣе, ничего не надо!

Белла въ безпокойствѣ металась въ каретѣ, глаза ея какъ-то дико смотрѣли.

— Стыдъ и срамъ на всѣхъ васъ, малодушныхъ трусовъ! воскликнула она, крѣпко стиснувъ зубы: ахъ, еслибъ я была мужчиной!

Клодвигъ сидѣлъ въ углу кареты и весь дрожалъ. Вдругъ во рту Беллы что-то хрустнуло. Она быстро поднесла руку къ губамъ и вынула.... зубъ. Въ порывѣ необузданной ярости она такъ крѣпко стиснула зубы, что сломала одинъ изъ нихъ. Графиня крѣпко сжала руку и во всю дорогу не раскрывала болѣе рта. Ее всего сильнѣе смущала мысль, что ей теперь ужъ нельзя

будетъ смѣяться надъ тѣми, которые носятъ фальшивые зубы.... А, впрочемъ, почему же и нельзя? Кто повѣритъ, что у ней, у графини Беллы, тоже есть во рту фальшивый зубъ?

Въ городкѣ они встрѣтили банкира, который отправилъ своей семьѣ телеграмму и былъ готовъ ѣхать съ ними въ Вольфсгартенъ.

Белла вышла изъ кареты. Она держала у рта платокъ и глухимъ голосомъ просила банкира сѣсть вмѣстѣ съ ея мужемъ. Затѣмъ, приказавъ слѣдовать за собой одному изъ лакеевъ, она быстро направилась къ станціи желѣзной дороги. Тамъ, все не отнимая отъ рта платка, она поручила слугѣ взять для нея билетъ въ сосѣдній большой городъ, гдѣ находилась крѣпость. А сама она, закрывъ себѣ лицо двойнымъ вуалемъ, усѣлась въ уголъ залы дожидаться отхода поѣзда. Немного спустя, она перешла въ вагонъ и помчалась къ мѣсту своего назначенія. Никто не долженъ былъ знать, что она ѣхала вставить себѣ фальшивый зубъ. Никто не долженъ былъ ее видѣть съ пустымъ мѣстомъ во рту.

Клодвигъ между тѣмъ печально ѣхалъ домой и по временамъ украдкой утиралъ себѣ глаза. Онъ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ въ своей гордости, и кѣмъ же? Собственной женой. И по какой причинѣ, изъ-за кого? Изъ-за этого негоднаго искателя приключеній!

— Она меня никогда, ни одной минуты не любила! думалъ онъ, и мысль эта, какъ острое жало, вонзилась ему въ сердце.

Дождь пересталъ, но въ глазахъ Клодвига весь міръ былъ подернутъ непроницаемымъ туманомъ. Въ Вольфсгартенѣ всѣ комнаты казались ему наполненными дымомъ, и онъ съ трудомъ переводилъ въ нихъ духъ. Придя въ свой кабинетъ, онъ тяжело опустился на стулъ.

— Я одинъ.... одинъ.... тоскливо прошепталъ онъ.

Банкиръ старался ласковой, нѣжной рѣчью его успокоить, но Клодвигъ въ отвѣтъ ему только уныло качалъ головой. Белла никогда его не любила, а теперь ненавидѣла. Онъ былъ униженъ, оскорбленъ, уничтоженъ. Слова жены метко попали въ цѣль и вонзились въ его сердце, смертельно его ранили.

Клодвига раздѣли и уложили въ постель. Онъ съ печальной улыбкой смотрѣлъ на снятую съ него одежду. Ужъ не предчувствовалъ ли онъ, что никогда болѣе не увидитъ ее на себѣ?

Когда на слѣдующее утро Белла вернулась и подошла къ постели мужа, онъ пристально на нее взглянулъ и въ первый разъ замѣтилъ холодное, жесткое выраженіе ея лица.

— Медуза! Медуза! въ ужасѣ воскликнулъ Клодвигъ, и безъ памяти упалъ на подушки.

Его скоро удалось вернуть къ сознанію. Всѣ вокругъ него съ нетерпѣніемъ ожидали доктора, а самъ онъ не разъ освѣдомлялся объ Эрихѣ.

Наконецъ явился докторъ и объявилъ, что Клодвигъ опасно боленъ. Послѣднія событія имѣли слишкомъ сильное вліяніе на его впечатлительную натуру, а тутъ еще присоединилась поѣздка по дождю, и можетъ быть еще что-нибудь, прибавилъ докторъ, въ упоръ смотря на Беллу. Та слушала молча и повидимому безстрастно.

Графиня послала за братомъ, но никто не зналъ, гдѣ именно слѣдовало его искать

— Я одна, проговорила Белла въ уединеніи своей комнаты, и вздрогнула при мысли, что ей можетъ быть дѣйствительно скоро придется остаться одной.

ГЛАВА X.

СТРАНСТВУЮЩІЙ РЫЦАРЬ.

Пранкена не легко было найти потому, что онъ, выйдя отъ Зонненкампа, самъ не зналъ, куда побрелъ. Трудно себѣ представить человѣка болѣе гордаго и спокойнаго снаружи и болѣе взволнованнаго и пораженнаго внутри, чѣмъ былъ онъ въ ту минуту. Въ теченіи всей предъидущей сцены его поддерживало, не столько чувство приличія, сколько привычка постоянно себя во всемъ сдерживать.

Какъ ни горько было бы ему во всякомъ случаѣ потерять Манну, онъ гораздо легче перенесъ бы это горе, еслибъ она отвергла его ради монастыря. Но ему, Отто фонъ-Пранкену, внезапно очутиться въ необходимости уступить мѣсто другому!... Его, Отто фонъ-Пранкена, отвергаютъ, предпочитаютъ ему другого, между тѣмъ какъ онъ такъ искренно любитъ! Слыханное ли это дѣло? Возможно ли, чтобъ Отто фонъ-Пранкенъ любилъ и получалъ въ отвѣтъ одно полнѣйшее равнодушіе? Еслибъ молодая дѣвушка постриглась въ монастырь, она, отрекаясь отъ свѣта, конечно отреклась бы и отъ него, составляющаго частицу этого свѣта. Но то было бы совсѣмъ иное дѣло; ему не приходилось бы чувствовать себя униженнымъ, оскорбленнымъ. Онъ не былъ бы тогда промѣнянъ на другого....

Пранкенъ крѣпко стиснулъ зубы и громко застоналъ.

Онъ не думалъ о своихъ собственныхъ грѣхахъ, но весь отдался чувству оскорбленной гордости и любви. Искренно любя Манну, онъ прежде всего искалъ соединенія съ ней, а черезъ нея, конечно, и съ ея деньгами. Но затѣмъ онъ намѣревался вести себя честно, что̀, онъ полагалъ, вовсе не помѣшаетъ ему вполнѣ удовлетворять свою страсть къ лошадямъ.

Что̀ оставалось ему теперь дѣлать?

Пранкену еще въ первый разъ въ жизни приходилось сожалѣть самого себя. Его не поняли, оскорбили, не признали его добродѣтелей, и за вѣрность и благородство заплатили ему черной неблагодарностью. Чѣмъ только не жертвовалъ онъ для этого дома? И что же?... На всѣ его надежды и мечты вдругъ точно былъ наброшенъ мрачный покровъ смерти, который онъ пока еще не осмѣливался приподнять, чтобъ заглянуть впередъ, въ будущее.

Онъ ѣхалъ точно всѣми отверженный, не зная куда обернуться, въ чью душу излить свое горе.

Но неужели Отто фонъ-Пранкенъ рѣшится передъ кѣмъ-нибудь сознаться въ своемъ безпомощномъ состояніи?

Онъ вдругъ громко захохоталъ. Ему пришло на память, что онъ, въ ожиданіи милліоновъ, которые, по его мнѣнію, никакъ не могли отъ него ускользнуть, вошелъ въ значительные долги. Чѣмъ онъ теперь расплатится?

Пранкенъ невольно обернулся и еще разъ взглянулъ на виллу Эдемъ.

Ему стоило только написать строчку.... нѣтъ, лучше теперь же, сію минуту, вернуться къ Зонненкампу, сказать одно слово, и не было сомнѣнія въ томъ, что онъ снова отправится въ путь съ сотнями тысячъ въ карманѣ. Но нѣтъ, онъ на это не рѣшится.

«Какъ только могла подобная мысль придти мнѣ въ голову!» сказалъ онъ самому себѣ.

Продолжая ѣхать по той же дорогѣ, Пранкенъ вскорѣ очутился въ виду дачи барона фонъ-Эндлиха. Тамъ жила молодая вдова—не заѣхать ли ему ее навѣстить? Здѣсь его любовь, онъ зналъ, не будетъ отвергнута. Однако, не рано ли? мелькнуло у него въ головѣ. Тѣмъ не менѣе онъ остановился, слѣзъ съ лошади и спросилъ, дома ли молодая баронесса? Ему отвѣчали, что она съ братомъ уѣхала въ Италію.

Пранкенъ, самъ надъ собой издѣваясь, снова сѣлъ на лошадь.

Куда ему ѣхать? Къ Беллѣ и къ Клодвигу? Нѣтъ. Онъ не совѣтовался съ ними, когда, наперекоръ всему свѣту, продол-

жалъ вести дружбу съ Зонненкампомъ. Неужели же онъ теперь отдастъ себя на жертву состраданію и мудрости Клодвига?

Онъ повернулъ лошадь, поѣхалъ вверхъ по теченію рѣки, и вскорѣ снова очутился по близости виллы Эдемъ. Лошадь его по привычкѣ хотѣла завернуть въ ворота, но онъ ударилъ ее хлыстомъ и вонзивъ ей въ бока шпоры, быстро промчался мимо.

Затѣмъ Пранкенъ направился къ жилищу патера и достигнувъ его, послалъ на виллу за фрейленъ Пэрини. Та не замедлила явиться.

Пранкенъ прежде всего спросилъ у нея, долго ли еще она намѣрена оставаться въ семьѣ Зонненкампа.

Фрейленъ Пэрини взглянула на него изумленными глазами. Неужели она въ немъ ошиблась, и онъ уступитъ гугеноту? Ея собственный отецъ палъ на дуэли за дѣло гораздо меньшей важности.

— Нѣтъ, мой благородный молодой другъ, вмѣшался патеръ. Что толку въ такого рода маленькой дуэли гдѣ-нибудь на опушкѣ лѣса, даже еслибъ вы и вышли изъ нея побѣдителемъ? Вы, дворяне, должны, собираясь подъ знамена папы, готовиться къ другого рода битвѣ противъ революціи. Этого требуютъ между прочимъ и ваши собственныя выгоды. Тамъ приготовляется великая дуэль между вѣрой и безбожіемъ, между непреложными законами предвѣчной мудрости и легкомысленнымъ самообольщеніемъ ограниченнаго ума человѣческаго. Побѣда, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, останется за нами.

Пранкенъ не безъ удивленія слушалъ, какъ патеръ говорилъ, что деньги Зонненкампа могли годиться для святыхъ цѣлей до тѣхъ только поръ, пока не былъ извѣстенъ ихъ источникъ; теперь же, съ раскрытіемъ ужасной тайны, о нихъ слѣдовало отложить всякое попеченіе.

Пранкенъ съ улыбкой смотрѣлъ прямо въ лицо патеру. Неужели тотъ дѣйствительно до сихъ поръ не зналъ, какимъ способомъ Зонненкампъ пріобрѣлъ себѣ состояніе? Молодой человѣкъ едва удержался чтобъ не замѣтить вслухъ: «Нечего сказать, умно и ловко съ вашей стороны дѣлать видъ, будто вы отвергаете то, чего не можете получить». Но вслѣдъ затѣмъ онъ подумалъ, что ему лучше не говорить ничего подобнаго. Зачѣмъ ему возстановлять противъ себя единственную партію, съ которой онъ еще находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Здѣсь его, по крайней мѣрѣ, уважаютъ, и онъ перестаетъ быть тѣмъ одинокимъ, покинутымъ существомъ, какимъ себя еще такъ недавно чувствовалъ, когда не зналъ куда ему ѣхать, въ которую сторону направить свою лошадь. Къ тому же Пранкенъ во-

все не хотѣлъ быть ни менѣе уменъ, ни менѣе ловокъ, чѣмъ другіе. Онъ намѣревался въ свою очередь играть людьми и на первый случай поспѣшилъ объявить, что разстался съ Зонненкампомъ потому, что не могъ склонить его къ пожертвованію довольно значительной суммы денегъ въ пользу одного благочестиваго предпріятія. Такое увѣреніе даже было до нѣкоторой степени справедливо, такъ какъ онъ дѣйствительно имѣлъ съ Зонненкампомъ по этому поводу разговоръ. Пранкенъ и впередъ собирался утверждать тоже, надѣясь такимъ образомъ смягчить въ глазахъ общества отказъ Манны и выставить въ совершенно новомъ свѣтѣ свое постоянство въ отношеніи къ Зонненкампу.

Патеръ напомнилъ Пранкену, что его сегодня будутъ ждать въ собраніи приверженцевъ папы.

Затѣмъ молодой человѣкъ раскланялся и ушелъ.

Фрейленъ Пэрини, совершая свой обратный путь на виллу Эдемъ, все время самодовольно улыбалась. «Какіе чудаки эти нѣмцы!» думала она. Что до нея касалось, то она порѣшила, что не уѣдетъ съ виллы до тѣхъ поръ, пока не удовлетворитъ своего аппетита къ деньгамъ. Она ни подъ какимъ видомъ не позволитъ выпроводить себя оттуда съ пустыми руками.»

Пранкенъ, проѣзжая мимо дачи, принадлежавшей государственному совѣтнику, остановился въ раздумьѣ. «Вотъ эти люди, думалъ онъ, умно распорядились. Они заранѣе, задолго до исхода дѣла, постарались укрѣпить за собой свою добычу. Не то что онъ, который былъ такъ глупо нѣженъ и довѣрчивъ».

Достигнувъ станціи желѣзной дороги, Пранкенъ оставилъ тамъ лошадь, а самъ поѣхалъ въ городъ, гдѣ жилъ епископъ. Онъ зналъ, что его тамъ ожидали, но чувствовалъ непреодолимое отвращеніе явиться теперь посреди многочисленнаго общества. Къ счастью ему удалось придти какъ разъ къ концу совѣщанія. Въ епископскомъ дворцѣ онъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ. Радуясь тому, что свѣтъ еще не лишилъ его своего уваженія, онъ тутъ же составилъ планъ, по которому намѣревался расположить свои дальнѣйшія дѣйствія.

Здѣсь въ епископскомъ дворцѣ засталъ Пранкена посланный отъ Беллы.

Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ немедленно отправился въ путь.

Въ Вольфсгартенѣ ему прежде всего попался банкиръ, который съ грустью объявилъ ему объ опасной болѣзни графа Клодвига. Пранкенъ гордымъ взглядомъ окинулъ еврея, однако удержался и даже весьма вѣжливо ему отвѣчалъ.

Онъ пришелъ къ Беллѣ. Та, сказавъ нѣсколько словъ о болѣзни мужа, стала горячо хвалить брата за его постоянство и

дружбу къ Зонненкампу. Онъ одинъ, говорила она, остался ему вѣренъ до конца.

Пранкенъ слушалъ молча, крѣпко сжавъ губы. Теперь не время было разсказывать о всемъ происшедшемъ и сообщать свои планы на будущее. Когда Белла освѣдомилась о причинѣ его разстроеннаго вида, онъ все еще не могъ собраться съ духомъ отвѣчать.

— Отчего ты не участвовалъ въ судѣ? Ты теперь прямо съ виллы Эдемъ? Что тамъ дѣлается? продолжала нетерпѣливо распрашивать Белла.

— Я ничего не знаю, съ трудомъ проговорилъ наконецъ Пранкенъ.

Да, что дѣлалось на виллѣ Эдемъ?

ГЛАВА XI.

ДЫМЪ И ЗАПУСТѢНІЕ НА ВИЛЛѢ.

Зонненкампъ сидѣлъ одинъ. Ему казалось, что онъ слышитъ легкій, едва замѣтный шорохъ, трескъ, подобный тому, какой производитъ пламя, охватывая балки и распространяясь на обои, занавѣси и мебель. Онъ конечно ошибался, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно живо чувствовалъ присутствіе около себя искры, которая, вспыхнувъ, охватываетъ полъ комнаты, пламенемъ разливается по стѣнамъ и пожираетъ стулья, шкафы, книги, картины. Изображенныя на полотнѣ лица вздрагиваютъ, искривляются словно отъ боли и мгновенно исчезаютъ въ потокахъ огня, который, все быстрѣе и быстрѣе разливаясь, наконецъ охватываетъ все зданіе и превращаясь въ одинъ громадный снопъ, устремляется къ небу.

Что, еслибъ все, здѣсь находящееся, вдругъ отдать на жертву пламени? Нѣтъ, существуетъ другое, болѣе величественное, энергическое средство выдти изъ бѣды.... Кто-то стучится въ дверь. Это безъ сомнѣнія Белла, которая пришла объяснить, почему она убѣжала изъ комнаты съ сѣменами въ ту самую минуту, какъ онъ въ нее возвращался. Зонненкампъ быстро отперъ двери, но вмѣсто Беллы лицомъ къ лицу столкнулся съ Вейдеманомъ.

— Вы желаете еще что-нибудь мнѣ втайнѣ сказать? рѣзко спросилъ у него Зонненкампъ.

— У меня есть до васъ просьба.

— У васъ до меня просьба?

— Да. Отдайте мнѣ вашего сына....

— Моего сына? въ изумленіи повторилъ Зонненкампъ.

— Будьте такъ добры и позвольте мнѣ докончить. Отдайте мнѣ вашего сына, то-есть, отпустите его ко мнѣ въ домъ на нѣсколько дней, недѣль, мѣсяцевъ, на сколько времени вы найдете удобнымъ. Ему необходимо перенестись въ новую атмосферу, гдѣ онъ могъ бы забыться, отдохнуть и снова вернуться къ жизни. Его спасеніе теперь въ усиленной, энергической дѣятельности. Въ теченіи недавняго, кратковременнаго пребыванія вашего сына въ моемъ домѣ, я уже съ радостью успѣлъ замѣтить, что онъ, несмотря на свою удивительную красоту, вовсе не тщеславится. Онъ гораздо охотнѣе смотритъ на другихъ, чѣмъ на себя. Мнѣ очень хотѣлось бы быть ему полезнымъ, и я полагаю, что такъ какъ Роланду не суждено быть военнымъ, ему не дурно было бы заняться сельскимъ хозяйствомъ.

— Вѣроятно, капитанъ Дорнэ трудился вмѣстѣ съ вами надъ составленіемъ этого плана?

— Да, онъ желаетъ, чтобъ Роландъ поѣхалъ въ Маттенгеймъ, а я съ своей стороны нахожу это весьма разумнымъ.

— Такъ. А Роланду тоже извѣстно это желаніе, и онъ со своей стороны убѣжденъ въ его разумности?

— Ваша горечь мнѣ вполнѣ понятна. Тяжело должно быть человѣку, который поставилъ себя въ положеніе, гдѣ другіе считаютъ себя въ правѣ рѣшать за него, что полезно ему самому и его близкимъ.

— Покорно васъ благодарю.

— Если вы мнѣ откажете въ моей просьбѣ, никто объ этомъ не будетъ знать, кромѣ васъ, капитана Дорнэ и меня.

— Съ чего вы взяли что я откажу? Мое довѣріе къ вамъ безгранично, и я доказалъ это, избравъ васъ моимъ душеприкащикомъ.

— Я гораздо старѣе васъ.

Зонненкампъ ничего на это не отвѣчалъ, и Вейдеманъ продолжалъ:

— Что же вы мнѣ скажете на мою просьбу о вашемъ сынѣ?

— Если онъ захочетъ къ вамъ ѣхать, пусть себѣ ѣдетъ. Но позвольте мнѣ сдѣлать еще одинъ вопросъ. Что это, ужъ не наказаніе ли, которое вы намѣрены на меня возложить?

Вейдеманъ отвѣчалъ отрицательно.

Въ эту самую минуту во дворъ въѣхалъ экипажъ съ Роландомъ, профессоршей и Манной. Вейдеманъ очень радъ былъ встрѣчѣ съ профессоршей. Онъ ее зналъ въ молодости блестящей красавицей, но теперь видѣлъ въ первый разъ пожилой вдовой и почтенной матерью семейства. Всѣ трое, вернувшіеся изъ

Маттенгейма, видимо тамъ освѣжились, ободрились и запаслись новыми силами для предстоящихъ имъ впереди испытаній.

Все общество отправилось въ виноградный домикъ и вело тамъ оживленную бесѣду, какъ вдругъ явился посланный отъ Клодвига съ приглашеніемъ Эриху немедленно ѣхать въ Вольфсгартенъ.

Вейдеманъ повторилъ свое предложеніе взять Роланда съ собой въ Маттенгеймъ. Всѣ стали убѣждать Роланда согласиться, но тотъ отвѣчалъ, что вовсе и не намѣренъ отказываться. Онъ вскорѣ былъ готовъ къ отъѣзду и отправился въ путь вмѣстѣ съ Вейдеманомъ, съ княземъ Валеріаномъ и съ Кнопфомъ. Заботы и участіе этихъ честныхъ и добрыхъ людей вполнѣ обезпечивали его безопасность.

Маттенгеймъ лежалъ по ту сторону Рейна. Пока карету переправляли на паромѣ, Роландъ стоялъ облокотясь о перила и печально смотрѣлъ на родительскій домъ. Слезы выступили у него на глазахъ, но онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе....

Надъ паркомъ носился бурный вѣтеръ, который съ воемъ билъ въ окна виллы Эдемъ и тушилъ огонь въ каминахъ. Отдѣльныя трубы надъ каждымъ изъ нихъ на этотъ разъ не помогали дѣлу, и весь домъ былъ полонъ дыму. Тотъ же вихрь, который свирѣпствовалъ снаружи, повидимому и внутри виллы размелъ въ разныя стороны всѣхъ ея обитателей. Роландъ уѣхалъ въ Маттенгеймъ, Пранкенъ болѣе не показывался, Манна безвыходно жила у профессорши въ виноградномъ домикѣ, Эрихъ еще не возвращался изъ Вольфсгартена. Зонненкампъ и Церера оставались одни на виллѣ. Фрейленъ Пэрини однажды явилась къ Зонненкампу съ приглашеніемъ отъ жены, которая немедленно желала съ нимъ говорить. Она находилась въ возбужденномъ состояніи, съ которымъ фрейленъ Пэрини рѣшительно была не въ силахъ справиться.

Зонненкампъ поспѣшилъ въ комнату Цереры, но уже не засталъ ее тамъ. Горничная дѣвушка объявила, что какъ только ушла фрейленъ Пэрини, ея госпожа быстро выбѣжала въ паркъ и куда-то скрылась. Зонненкампъ поспѣшилъ вслѣдъ за ней, громко звалъ ее по имени и наконецъ нашелъ ее сидящею на берегу рѣки. Она была въ роскошномъ платьѣ, съ діадемой на головѣ и жемчужнымъ ожерельемъ на обнаженной шеѣ. На рукахъ у нея сверкали кольца и браслеты, а вокругъ таліи обвивался усѣянный изумрудами поясъ. Увидѣвъ Зонненкампа, она ему странно улыбнулась и сказала:

— Ты меня очень богато одарилъ, смотри, какая я нарядная.

Она казалось стала выше ростомъ, и откинувъ назадъ свои черные локоны, продолжала:

— Вотъ кинжалъ, который ты мнѣ далъ. Я хотѣла имъ убить себя, но раздумала и теперь бросаю его прочь.

Въ воздухѣ сверкнула брильянтовая рукоятка кинжала и вслѣдъ затѣмъ мгновенно погрузилась въ волны Рейна.

— Что ты дѣлаешь? Что все это означаетъ? спросилъ Зонненкампъ.

— Ты вернешься вмѣстѣ со мной, продолжала Церера, а не то, смотри, я сію минуту брошусь въ рѣку и унесу съ собой всѣ эти сокровища, которыя составляютъ половину твоего имущества.

— Ты бѣдное, обманутое дитя, насмѣшливо возразилъ Зонненкампъ. Ты воображаешь, что все это настоящія каменья? Разубѣдись: я тебѣ отдавалъ въ руки всегда только поддѣльныя украшенія, а настоящія въ точно такихъ же футлярахъ хранятся у меня въ несгораемомъ шкафу.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ ты уменъ! замѣтила Церера.

— А ты, дитя мое, я надѣюсь, еще не сошла съ ума.

— Нѣтъ, и не сойду, если не случится то, чего я боюсь. Я останусь съ тобой..... я ни на минуту отъ тебя не отойду. О, я хорошо тебя знаю! Ты хочешь меня покинуть.

Зонненкампъ вздрогнулъ.

Откуда это полуумное существо могло проникнуть мысль, которая едва успѣла зародиться въ его собственномъ умѣ? Онъ началъ ласковыми словами успокоивать Цереру, привелъ ее домой и на прощанье нѣжно ее поцѣловалъ. Но намѣреніе тайно покинуть страну еще глубже запало ему въ душу. Онъ хотѣлъ только прежде съѣздить въ столицу и застрѣлить профессора Крутіуса. Послѣдняя мысль не давала ему покою, онъ долго боролся съ ней, отыскивая средство привести ее въ исполненіе, и наконецъ все-таки принужденъ былъ отъ нея отказаться. Но за то онъ еще съ бо́льшей силой ухватился за другую мысль, шевелившуюся у него въ душѣ. Это, давалъ онъ себѣ слово, ужъ ни подъ какимъ видомъ не ускользнетъ отъ меня.

На этотъ разъ казалось сама судьба готова была ему благопріятствовать. Изъ Вольфсгартена пріѣхалъ посланный съ извѣстіемъ, что Эрихъ еще не можетъ вернуться на виллу, потому что графъ Клодвигъ при смерти боленъ.

ГЛАВА XII.

ТЯЖЕЛАЯ ВСТРѢЧА.

Эрихъ ѣхалъ въ Вольфсгартенъ. Ему на встрѣчу попались маіоръ и фрейленъ Милькъ, которые, тѣсно прижавшись другъ къ другу, шли подъ однимъ большимъ зонтикомъ.

Эрихъ сообщилъ имъ о болѣзни Клодвига.

— Не приглашайте къ нему, пожалуйста, никакой посторонней сидѣлки. Фрейленъ Милькъ поѣдетъ въ Вольфсгартенъ и станетъ ухаживать за графомъ. Право, капитанъ, стòитъ нарочно захворать для того, чтобъ испробовать, какъ фрейленъ Милькъ ухаживаетъ за больными.

Фрейленъ Милькъ со своей стороны изъявила полную готовность отправиться въ Вольфсгартенъ, если только тамъ пожелаютъ ея присутствія.

Эрихъ поѣхалъ далѣе. Онъ старался привести въ порядокъ всѣ впечатлѣнія, мысли и чувствованія, возбужденныя въ немъ предъидущими событіями и собирался съ силами для того, чтò еще ожидало его впереди. Какъ все въ немъ самомъ и вокругъ него измѣнилось со времени его первой поѣздки изъ Вольфсгартена на виллу Эдемъ! Воспоминанія одно за другимъ поднимались изъ глубины его души и онъ тяжело вздохнулъ при мысли, чтò сталось бы съ нимъ, еслибъ онъ не употребилъ всѣхъ своихъ усилій на то, чтобъ положить конецъ завязывавшихся у него съ Беллой слишкомъ близкихъ отношеній. Онъ ѣхалъ бы теперь съ тяжелымъ ощущеніемъ своей виновности на сердцѣ. Ему приходилось бы желать смерти Клодвига, чтобъ имѣть возможность соединиться съ Беллой. Стоя у постели умирающаго друга, онъ долженъ былъ бы презирать себя какъ послѣдняго изъ обманщиковъ и лицемѣровъ. Ни одинъ поэтъ еще не осмѣлился до сихъ поръ изобразить ощущенія, какія должны таиться въ глубинѣ двухъ сердецъ, основывающихъ свое счастье на смерти третьяго лица. А между тѣмъ такого рода люди не преступники, они разумныя, часто даже очень развитыя и образованныя существа...

Эрихъ озирался вокругъ какъ человѣкъ, который вышелъ невредимъ изъ большой опасности.

Желая освободиться отъ волновавшихъ его мыслей и воспоминаній, Эрихъ заговорилъ съ посланнымъ, старымъ и довѣреннымъ слугой Вольфсгартенскаго дома. Посланный разсказалъ ему о возвращеніи Клодвига съ виллы Эдемъ и прибавилъ, что всѣ

домашніе тогда же потеряли всякую надежду на его выздоровленіе.

Затѣмъ, оборотясь назадъ и указывая хлыстомъ на виллу Эдемъ, слуга проговорилъ:

— Чудныя вещи происходятъ на этомъ свѣтѣ.

— Есть при графѣ кто-нибудь изъ родныхъ? спросилъ Эрихъ.

— Нѣтъ; при немъ только одинъ еврей, но онъ другъ нашего барина.

Эрихъ пожалѣлъ, что началъ разговоръ со слугой, который безъ умолку толковалъ о томъ, чтò будетъ, если графъ умретъ.

На послѣдней высотѣ, Эрихъ сошелъ съ лошади и пошелъ пѣшкомъ черезъ лѣсную дорогу. Вокругъ него все было тихо. Букъ, весной всегда первый покрывающійся зеленью, осенью обнажается прежде всѣхъ другихъ деревьевъ. Земля въ лѣсу была усѣяна уже опавшими съ него желтыми листьями, и Эрихъ, ступая по нимъ, производилъ легкій шорохъ, единственный нарушавшій царствовавшее въ природѣ безмолвіе, да въ воздухѣ еще кружился ястребъ, по временамъ испуская пронзительный крикъ.

Эрихъ наконецъ достигъ Вольфсгартена. Онъ пошелъ прямо къ Беллѣ и засталъ ее блѣдную, повидимому сильно страждущую. То была та самая минута, когда она приставала къ Пранкену, требуя отъ него свѣдѣній о томъ, чтò происходило на виллѣ Эдемъ.

Эрихъ вздрогнулъ, увидѣвъ Пранкена. И тому и другому понадобилось не мало усилій, чтобъ сохранить при этой встрѣчѣ хотя наружный видъ спокойствія.

Белла поблагодарила Эриха, что онъ сначала пришелъ къ ней.

— Онъ теперь спитъ, прибавила она, говоря о мужѣ. Соберитесь съ духомъ, прежде чѣмъ пойдете къ нему. Онъ такъ измѣнился, что вы едва его узнаете. Пожалуйста, ни въ чемъ ему не противорѣчьте, онъ очень раздражителенъ.

Белла говорила отрывисто, глухимъ голосомъ. Она прижала платокъ къ глазамъ и спросила:

— Вы присутствовали при смерти вашего отца? Эрихъ отвѣчалъ утвердительно.

Белла пошла предупредить Клодвига о пріѣздѣ Эриха. Пранкенъ и Эрихъ остались одни. Они долго молчали, наконецъ Пранкенъ началъ:

— Я никакъ не ожидалъ, чтобъ мнѣ пришлось еще когда-нибудь говорить съ капитаномъ Дорнэ. Но мы сходимся теперь у постели больного и ради него...

— Благодарю васъ.

— Пожалуйста, не благодарите меня и не говорите со мной болѣе, чѣмъ необходимо. Я желаю только никого не безпокоить.

Онъ повернулся и хотѣлъ уйти.

— Еще одно слово, остановилъ его Эрихъ. Мы черезъ нѣсколько часовъ можетъ быть будемъ свидѣтелями того, какъ на вѣки закроются глаза, такъ долго свѣтившіеся кротостью и чистотой души. Прошу васъ, изгоните изъ вашей души всякую горечь. Пусть въ этотъ часъ изчезнетъ всякая вражда между нами.

— Вы отлично умѣете говорить, я это знаю.

— И я отъ души желалъ бы, чтобъ вы повѣрили моимъ словамъ. Мнѣ больно слыть въ вашихъ глазахъ неблагодарнымъ, и теперь, въ виду страшнаго событія, которое неизбѣжно ожидаетъ и насъ впереди, я повторяю...

Приходъ Беллы помѣшалъ ему докончить.

— Онъ еще спитъ, сказала она. Ахъ, капитанъ Дорнэ, Клодвигъ любитъ васъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ.

Она подала Эриху руку, которая была холодна какъ ледъ. Всѣ трое долго молчали, наконецъ Эрихъ рѣшился спросить:

— Развѣ ужъ больше нѣтъ надежды?

— Ни малѣйшей. Докторъ говоритъ, что ему осталось жить всего нѣсколько часовъ... Вы ничего не слышите? Докторъ обѣщался снова пріѣхать. Ахъ, еслибъ вы могли убѣдить Клодвига посовѣтоваться еще съ другимъ какимъ-нибудь врачемъ! Пожалуйста, постарайтесь это сдѣлать. Я не имѣю никакого довѣрія къ доктору Рихардту.

Эрихъ молчалъ.

— Ахъ, Боже мой, продолжала Белла, какъ насъ всѣ покидаютъ въ бѣдѣ! Вѣдь вы насъ не оставите, вы останетесь съ нами, не правда ли?

Эрихъ обѣщался.

Затѣмъ Белла тономъ, напоминавшимъ ея придворныя привычки, но какъ-то странно звучавшимъ въ эту минуту, извинилась передъ Эрихомъ въ томъ, что до сихъ поръ не освѣдомилась ни о его матери, ни о Церерѣ, ни о Маннѣ. Потомъ съ легкой дрожью въ голосѣ она прибавила:

— А что дѣлаетъ самъ господинъ Зонненкампъ?

Явился слуга съ извѣстіемъ, что графъ проснулся и спрашиваетъ, пріѣхалъ ли капитанъ Дорнэ.

— Подите къ нему, сказала Белла, положивъ руку на плечо Эриха. Когда вы будете ему говорить о другомъ докторѣ, сдѣлайте это отъ себя, вовсе не упоминая обо мнѣ.

Эрихъ ушелъ, а Белла, обратясь къ Пранкену, быстро проговорила:

— Отто, выпроводи отсюда подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ еврея. Что онъ здѣсь дѣлаетъ?

Пранкенъ пошелъ къ банкиру.

Белла осталась одна. Она была рѣшительно не въ силахъ совладать съ своей тревогой. Ее неотступно преслѣдовала мысль о смерти мужа, и она уже заблаговременно набросала на клочкѣ бумаги извѣщеніе о его кончинѣ:

«Сообщаю роднымъ и друзьямъ печальное извѣстіе о смерти моего возлюбленнаго супруга Клодвига, графа Вольфсгартена изъ Вольфсгартена, бывшаго посланника въ Римѣ, кавалера разныхъ орденовъ. Онъ умеръ на семьдесятъ пятомъ году своей жизни. Прошу всѣхъ объ участіи къ моему горю.»

«Белла, графиня Вольфсгартенъ, рожденная фонъ-Пранкенъ.»

Казалось, какой-то злой духъ нашептывалъ ей эти слова и вызывалъ въ ней мысль объ окаймленной чернымъ бумагѣ, на которой имъ надлежало стоять. Зачѣмъ это? Что побуждало ее такъ упорно думать объ этомъ? Наконецъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, она быстро схватила листокъ съ заранѣе заготовленнымъ печальнымъ извѣщеніемъ, разорвала его на мелкія куски и выбросила въ окно на бурю и дождь.

ГЛАВА XIII.

ПОСЛѢДНІЙ СИНІЙ ЦВѢТОКЪ.

Эрихъ между тѣмъ вошелъ въ комнату къ больному.

— Ты ли это наконецъ? воскликнулъ Клодвигъ. Голосъ его былъ слабъ, а маленькая, почти дѣтская рука, которую онъ протянулъ Эриху въ знакъ привѣтствія, казалась еще тоньше и прозрачнѣе обыкновеннаго.

— Садись, продолжалъ онъ, и не смущайся тѣмъ, что видишь меня въ такомъ положеніи. Ты молодъ и силенъ, у тебя хватитъ мужества на многое. Дай мнѣ твою руку. Я считаю за большое счастье, что мнѣ дано умереть въ полномъ сознаніи. Прежде мнѣ не разъ случалось желать мгновенной смерти отъ удара, но теперь я нахожу, что лучше такъ, какъ есть. Скажи мнѣ, что дѣлаетъ твоя мать? Правда ли, что ты помолвленъ съ дочерью этого ужаснаго человѣка?

Эрихъ все еще не могъ выговорить слова и въ отвѣтъ только утвердительно кивнулъ головой.

— Отлично, продолжалъ Клодвигъ. Это одно изъ тѣхъ событій, которымъ суждено поддерживать въ мірѣ нравствен

ное равновѣсіе. Нѣкогда тебѣ представлялся случай сдѣлаться моимъ сыномъ... моимъ сыномъ! Но я начинаю думать, что для меня лучше не имѣть дѣтей... А что̀ дѣлаетъ Роландъ? Отчего онъ не пріѣхалъ съ тобой? Я постоянно вижу передъ собой его прекрасное юношеское лицо... Ты все къ лучшему устроилъ, Эрихъ, право такъ. Ты теперь останешься съ юношей... ахъ, еслибъ мы могли предвидѣть, что̀ станется съ его отцомъ!

Прежде чѣмъ Эрихъ успѣлъ отвѣтить, больной снова опустился на подушки и какъ будто задремалъ. Однообразный стукъ часовъ одинъ нарушалъ водворившееся въ комнатѣ безмолвіе. Вдругъ во дворъ въѣхалъ экипажъ.

Клодвигъ проснулся.

— Это докторъ, сказалъ онъ.

Затѣмъ онъ попросилъ сидѣлку предупредить доктора, что желаетъ еще побыть немного наединѣ съ Эрихомъ. Сидѣлка передала порученіе слугѣ, а сама осталась въ сосѣдней комнатѣ.

Клодвигъ, приподнявшись, быстро проговорилъ:

— Запри двери, я хочу поговорить съ тобой однимъ.

Молодой человѣкъ повиновался и сѣлъ возлѣ постели больного.

— Этотъ Зонненкампъ, началъ Клодвигъ, несмотря на свою дерзость, высказалъ много правды. Ложь дѣйствительно царствуетъ въ мірѣ, и люди такъ привыкли сами носить личину и видѣть другъ друга въ маскахъ, что добраться до истины становится почти невозможнымъ. Отъ насъ ожидаютъ, чтобъ мы произнесли надъ Зонненкампомъ приговоръ. Я его вполнѣ оправдываю. Онъ шелъ по дурному пути, но время, въ которое онъ живетъ, преисполнено страшныхъ противорѣчій. Кто вправѣ быть надъ нимъ судьей? Меня снова подираетъ морозъ по кожѣ, какъ въ ту минуту, когда я слушалъ его возмутительный разсказъ. Бросая взглядъ назадъ на собственную жизнь, что̀ вижу я? Пустоту и ничтожество. Я жилъ, чтобъ наполнять собою мундиръ. Что̀ такое въ сущности всѣ мы? Ярко размалеванныя снаружи, внутри — мы пустыя, ходячія жилища. А когда наступаетъ минута послѣдняго разсчета, мы принимаемъ таинственный видъ, начинаемъ ходить на цыпочкахъ, шептаться... однимъ словомъ, разыгрывать кукольную комедію. Ложь лежитъ въ основаніи жизни большинства людей, не исключая и моей, которая была такъ длинна и почетна. Ни у кого изъ насъ не хватаетъ мужества сознаться что̀ мы такое. Мы снаружи прикрываемся разнаго рода формами, приличіями, учтивостями и любезностями, а внутри насъ все ложь. Каждый изъ насъ старается слыть вовсе не за то, что онъ есть въ дѣйствительности. Не бойся, въ моемъ прошломъ нѣтъ

никакого преступленія, или проступка, въ которомъ я теперь чувствовалъ бы потребность раскаяться, или сознаться. Я жилъ такъ, какъ живутъ вокругъ меня тысячи и милліоны людей, но не такъ, какъ бы это слѣдовало, еслибъ я захотѣлъ сообразоваться съ собственной личностью. Извѣстно ли тебѣ великое слово, произнесенное Богомъ, когда онъ явился въ пустынѣ пастуху? «Я тотъ, который есть»: въ этомъ истина, въ этомъ искра божества, присущая человѣку, но отъ которой онъ упорно отрекается. Кто изъ насъ скажетъ: я тотъ, который есть? Я не говорилъ этого въ теченіи всей моей жизни, а со мной вмѣстѣ молчали цѣлые милліоны. Всѣ мы разукрашены, разрисованы снаружи... нѣтъ, не всѣ, а то солнце померкло бы и перестало бы грѣть землю. Но придетъ время... ты его дождешься... когда люди перестанутъ лгать и лицемѣрить, перестанутъ выдавать себя не за то, что̀ они въ дѣйствительности. Понимаешь ли ты меня?

— Какъ нельзя лучше.

— Такъ знай же,—тебѣ я могу это сказать,—я не исполнилъ своего долга, я не стоялъ ежечасно на своемъ постѣ, чтобъ постоянно твердить сильнымъ міра сего: таковъ я, и таковы должны быть вы! Я убаюкивалъ себя ложной философіей, говорилъ себѣ, что все устроится само собой, что законъ развитія, и безъ нашего содѣйствія, все приведетъ къ хорошему концу. Ха, ха, ха! Все само собой устроится!... Да, смерть является сама собой и полагаетъ конецъ жизни, которая въ сущности не была жизнью, такъ какъ не заключала въ себѣ ни правды, ни проявленія собственной личности... Въ числѣ моихъ знакомыхъ были и знаменитые актеры. Никому такъ не трудно умирать, какъ актеру: ему такъ часто приходилось изображать смерть на сценѣ, и потому онъ хорошо знаетъ, что послѣ него останутся только маска, румяна и увядшіе вѣнки. Мы, дипломаты, сынъ мой, умираемъ подобно актерамъ. Я прожилъ свой вѣкъ самымъ безполезнымъ образомъ. Отечество ни на что лучшее не могло меня употребить, какъ на выдѣлываніе разныхъ дипломатическихъ фокусовъ. Жизнь моя была пустое препровожденіе времени. Я бо̀льшую часть ея провелъ въ ливреѣ, на службѣ дѣлу, которое вовсе не уважалъ и даже не считалъ за серьезное. Но вотъ является между нами этотъ торговецъ невольниками: всѣ мы въ ужасѣ, кричимъ и ахаемъ, а въ сущности многимъ ли мы лучше его? Сколькіе изъ насъ совершаютъ еще худшія дѣла, и между тѣмъ пользуются всеобщимъ уваженіемъ,—сколькіе потому только не попадаютъ въ тюрьму, что имъ не зачѣмъ воровать и что они въ состояніи деньгами откупить свои грѣхи!.... Прошу тебя, дай мнѣ напиться!

Эрихъ подалъ Клодвигу стаканъ съ питьемъ, но оба они были такъ не ловки, что почти все пролили на одѣяло.

— Ничего, ничего, съ улыбкой замѣтилъ Клодвигъ. Тоже самое безпрестанно повторяется въ жизни. Только весьма малая часть ея дѣйствительно выпивается, а остальная проливается мимо, понапрасну тратится... Ну, теперь пусть ко мнѣ придетъ докторъ, а послѣ ты снова возвращайся сюда.

Эрихъ пошелъ за докторомъ.

Белла стала у него разспрашивать, о чемъ говорилъ Клодвигъ.

Эрихъ отвѣчалъ ей общими мѣстами, а затѣмъ попросилъ позволенія выдти въ садъ немного освѣжиться и собраться съ новыми силами.

Погода стояла бурная, шелъ сильный дождь. Эрихъ закутался въ плащъ и углубился въ лѣсъ. Прогулка на свѣжемъ воздухѣ, посреди бушующихъ силъ природы, благотворно на него подѣйствовала. Онъ шелъ по той самой дорожкѣ, по которой гулялъ на другой день послѣ того, какъ открылъ Клодвигу всю свою жизнь. Теперь онъ не ощущалъ той радости, которая воодушевляла его тогда, но медленно подвигался впередъ, борясь съ вѣтромъ и дождемъ. Надъ нимъ шумѣлъ и стоналъ лѣсъ, склоняясь подъ напоромъ бури. Достигнувъ бесѣдки, въ которой онъ уже и прежде отдыхалъ, Эрихъ окинулъ взоромъ всю окрестность: передъ нимъ на далекое пространство виднѣлись только мрачныя, тяжелыя тучи, которыя сообщали ландшафту грустный, однобразный видъ. У одной изъ колоннъ бесѣдки, какимъ то чудомъ, еще уцѣлѣлъ прекрасный синій цвѣтокъ. Эрихъ машинально сорвалъ его и дорогой порѣшилъ отдать его больному.

Клодвигъ, увидя входящаго къ нему въ комнату молодого человѣка, воскликнулъ:

— Ахъ, синій цвѣтокъ! Ты его сорвалъ и принесъ мнѣ! Какъ много мечтаній возбуждалъ онъ во мнѣ во время моей молодости! Молодость, молодость! задумчиво повторилъ онъ нѣсколько разъ.

Клодвигъ взялъ цвѣтокъ и наклонясь впередъ, съ удовольствіемъ вдыхалъ въ себя свѣжій запахъ платья Эриха.

— Меня съ нѣкоторыхъ поръ, сказалъ онъ, неотступно преслѣдуютъ библейскіе образы и изреченія. Нашъ праотецъ Исаакъ, покоясь на одрѣ болѣзни, привѣтствовалъ вошедшаго къ нему въ комнату сына словами: «Сынъ мой, твое дыханіе напоминаетъ мнѣ запахъ полей». Подобно ему и я говорю тебѣ, Эрихъ: ты принесъ въ мою комнату свободный воздухъ лѣсовъ и

луговъ. Когда меня не будетъ, помни, что ты оказалъ мнѣ добро.

Эрихъ не могъ удержаться отъ слезъ.

— Плачь, продолжалъ больной, это тебя облегчитъ. Скоро, скоро перестану я смущать твой покой и ты снова будешь свободно и весело, въ избыткѣ своей благородной, сознательной дѣятельности, твердой ногой попирать ту землю, подъ которой я буду покоиться вѣчнымъ сномъ. Прошу тебя, останься при мнѣ до послѣдней минуты, а когда я умру и меня раздѣнутъ, возьми у меня съ сердца одну вещь, которой не слѣдуетъ тамъ лежать послѣ того, какъ оно перестанетъ биться. Не уходи отъ меня, Эрихъ. Я хочу устремить всѣ мои мысли на великое, таинственное, которое теперь такъ близко отъ меня. Я желаю изгнать изъ своего сердца всякую ненависть, всякую злобу.... да, я отойду въ вѣчность въ мирѣ со всѣми. Помоги мнѣ, Эрихъ, совершить этотъ трудный переходъ.

Онъ снова опустился на подушки. Эрихъ наклонился надъ нимъ. Клодвигъ слабо, но спокойно дышалъ, на лицѣ его играла кроткая улыбка. Какія мысли занимали теперь его душу?

Эрихъ хотѣлъ отправить кого-нибудь на виллу Эдемъ, объявить тамъ, что онъ еще пока не можетъ вернуться домой. Но оказалось, что въ Вольфсгартенѣ находился Лутцъ, котораго Зонненкампъ прислалъ освѣдомиться о здоровьѣ графа. Эрихъ поручилъ ему отвезти на виллу Эдемъ извѣстіе о своемъ намѣреніи еще остаться при Клодвигѣ.

ГЛАВА XIV.

ВОСПОМИНАНІЯ ДѢТСТВА И ПРОРОЧЕСТВО УМИРАЮЩАГО.

Клодвигъ спалъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Эрихъ все это время сидѣлъ съ банкиромъ, въ тепломъ участіи и задушевной бесѣдѣ котораго находилъ не мало утѣшенія. Банкиру недоставало свѣтскаго лоску въ обращеніи, но за то всѣ его поступки и слова отличались рѣдкимъ тактомъ. Эрихъ, несмотря на терзавшую его тоску, не могъ не подумать, что такого рода тактъ возможенъ только при полнѣйшемъ отсутствіи эгоизма. Недостатокъ такта есть не что иное, какъ дошедшій до послѣдней степени крайности эгоизмъ, который побуждаетъ человѣка думать исключительно о себѣ самомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на нужды и удобства другихъ.

Эриху теперь только удалось вполнѣ узнать банкира. Въ

Карлсбадѣ тотъ выказывался исключительно со стороны своего ума и своихъ дарованій, здѣсь же сами собой выдвинулись впередъ всѣ прекрасныя качества его честнаго и добраго сердца.

Эрихъ вспомнилъ, какъ банкиръ однажды говорилъ ему въ Карлсбадѣ: «Евреи—истые дѣти печали и потому въ нихъ сильно развито чувство состраданія; они гораздо способнѣе утѣшать ближнихъ въ горѣ, нежели разливать вокругъ себя радость».

Лишь только оказывалась нужда въ помощи, банкиръ мгновенно выступалъ впередъ, а затѣмъ снова удалялся въ тѣнь, стушевывался.

Белла обращалась съ нимъ съ явнымъ пренебреженіемъ. Онъ видѣлъ это, понималъ и хотя ни слова объ этомъ не говорилъ, тѣмъ не менѣе всячески старался дать почувствовать, что вовсе на нее за то не сердится. Графиня была для него совершенно постороннимъ лицомъ, но съ Клодвигомъ его связывала тѣсная дружба, и онъ считалъ своей обязанностью быть ему по мѣрѣ силъ пріятнымъ и полезнымъ. Онъ сидѣлъ въ библіотекѣ постоянно на сторожѣ, откликаясь на всякій зовъ и снова удаляясь каждый разъ, когда въ немъ болѣе не оказывалось надобности.

Около полуночи Эриха внезапно позвали къ Клодвигу, который проснулся и требовалъ его къ себѣ.

— Ахъ, какъ я хорошо спалъ, увидѣвъ его, воскликнулъ больной. Не странно ли, что я теперь постоянно вижу во снѣ кузину Гретхенъ, которая будто бы хочетъ за меня выдти замужъ. Она мнѣ нравится, а я ей, но она никогда ничему не училась и не хочетъ учиться. Ей бы только рѣзвиться, да смѣяться. «Отчего ты такъ печаленъ, Клодвигъ?» говоритъ она мнѣ. «Полно тосковать, женись на мнѣ и намъ будетъ такъ весело.» А я отвѣчаю ей: «дитя, я слишкомъ старъ для тебя. Смотри, у меня нѣтъ зубовъ, а къ тому же, что скажетъ на это Белла?» «Ахъ, какой вздоръ, отвѣчаетъ она мнѣ. Пойдемъ танцовать.» И мы съ ней, танцуя, несемся къ капеллѣ, гдѣ стоитъ патеръ и машетъ намъ. Мы скользимъ далѣе, мимо него. Гретхенъ прелестный ребенокъ съ большими, дивной красоты глазами. Мы другъ друга нѣжно любимъ и все танцуемъ, покуда я не просыпаюсь, не чувствуя ни малѣйшей усталости.

— А ваша кузина Гретхенъ, еще жива?

— О, нѣтъ, она давно умерла. На прошлой недѣлѣ у меня здѣсь былъ ея внукъ. Но не странно ли, что во мнѣ именно теперь пробуждается воспоминаніе о моей первой любви, когда я былъ всего десятилѣтнимъ мальчикомъ? Во снѣ кузина Гретхенъ явилась мнѣ съ яблокомъ въ рукахъ. «Откуси», сказала она мнѣ. Я хотѣлъ взять яблоко, но она не выпускала его изъ рукъ

и говорила: «не кусай только слишкомъ глубоко». Когда я проснулся, у меня во рту дѣйствительно былъ вкусъ яблока. Давно когда-то съ насъ вмѣстѣ дѣлали портретъ. Художникъ увѣрялъ, что намъ впослѣдствіи весьма пріятно будетъ на него смотрѣть. Портретъ рисовался по секрету и потомъ конечно былъ купленъ нашими родителями. Онъ и теперь долженъ еще существовать, не знаю только гдѣ. А какъ нравится тебѣ имя Гретхенъ? На портретѣ она изображена еще не совсѣмъ взрослой дѣвочкой въ блѣдно-розовомъ ситцевомъ платьѣ и бѣломъ передникѣ. Это былъ ея обычный нарядъ. А на головѣ она носила соломенную шляпу съ широкими полями, закрывавшими ей даже плечи.

Такъ говорилъ Клодвигъ подъ вліяніемъ возникшихъ въ немъ воспоминаній дѣтства.

— Белла никогда ничего не хотѣла знать о моей молодости, произнесъ онъ потомъ съ подавленнымъ вздохомъ, но вдругъ, точно желая самому себѣ помѣшать говорить о женѣ, сдѣлалъ быстрое движеніе руками и съ лихорадочной поспѣшностью продолжалъ.—Теперь слушай меня внимательнѣе, я тебѣ разскажу исторію моей жизни, которая сложилась совершенно иначе, чѣмъ жизнь этого Зонненкампа. Я единственный сынъ и родился въ богатомъ дворцѣ. Отецъ мой былъ министромъ и женился чрезвычайно поздно. Его сдѣлали посланникомъ при сеймѣ, и я тогда часто проводилъ лѣто въ нашемъ имѣньи. Общество пословъ на сеймѣ и его дѣянія никогда никто не описывалъ. Я могъ бы это сдѣлать. Еще будучи студентомъ, я нерѣдко думалъ, что сеймъ существуетъ единственно для того, чтобъ мѣшать всякому добру. Наклонись ко мнѣ поближе, я тебѣ на ухо скажу, что такое въ сущности сеймъ... Онъ есть олицетвореніе нечистой совѣсти государей. Я уже давно составилъ себѣ о немъ такое мнѣніе, а года и опытъ еще болѣе его во мнѣ укоренили. Все хорошее совершается у насъ помимо сейма, который въ этомъ отношеніи похожъ на церковь. Послѣдняя тоже не прилагаетъ рукъ ни къ одному изъ благихъ начинаній въ мірѣ. Она не содѣйствовала ни отмѣнѣ смертной казни, ни уничтоженію пытки. Въ нашъ вѣкъ совершаются два великія событія: освобожденіе негровъ и уничтоженіе крѣпостного права. Кому обязаны они своимъ осуществленіемъ? Идеѣ чистой гуманности. Жизнь этого Зонненкампа прошла въ совсѣмъ другой сферѣ, чѣмъ моя, а тѣмъ не менѣе... Ахъ, погоди минутку, я болѣе теперь не могу говорить.

Немного спустя, Клодвигъ однако снова началъ:

— Этотъ Зонненкампъ доказалъ мнѣ еще одну вещь, а

именно, что наше образованіе страждетъ однимъ недостаткомъ съ религіей. Оно намъ не даетъ прочныхъ законовъ нравственности, слѣдовательно, оно не полное, не истинное.

Онъ быстро приподнялся па постели и продолжалъ:

— Слушай, я теперь тебѣ скажу мое послѣднее слово. Въ мірѣ готовятся два важныя событія. Одно изъ нихъ водвореніе въ Америкѣ цезаризма, а другое, еще страшнѣе и богаче послѣдствіями — религіозная война. Противники послѣдней раздѣлены на два лагеря. Одинъ изъ нихъ находится въ Римѣ, другой не имѣетъ во главѣ своей никакой отдѣльной личности и стоитъ единственно за свободу. Два громадныя знамя не замедлятъ водрузиться въ мірѣ, и вокругъ каждаго изъ нихъ станутъ собираться несмѣтныя силы. На одномъ изъ нихъ будетъ стоять: «Мы не можемъ»!—на другомъ: «Мы хотимъ»! Вслѣдъ же затѣмъ явится новое знаніе, новая вѣра, которыя освѣжатъ міръ и вдохнутъ въ него новую жизнь. Въ настоящій моментъ мы странствуемъ по кладбищу: жизнь наша умерла. Воскресить ее можно только посредствомъ великаго нововведенія, великой идеи, однимъ словомъ, посредствомъ новой религіи. Ахъ!..

Онъ вдругъ остановился. Въ комнату вошла Белла.

Она выразила удовольствіе, что видитъ Клодвига такимъ бодрымъ. Графъ и въ эти послѣднія минуты своей жизни продолжалъ относиться къ женѣ съ самой утонченной и безукоризненной учтивостью. Она предложила ему принять лекарство.

— Хорошо, дай мнѣ его, сказалъ онъ, только прошу тебя, не говори ничего противъ доктора Рихардта.

Белла еще немного посидѣла около постели больного. Затѣмъ Клодвигъ попросилъ ее не утомляться, но пойти и лечь спать. Она согласилась. Опять оставшись наединѣ съ Эрихомъ, графъ продолжалъ прерванный разговоръ.

— Дни и ночи, сказалъ онъ, думалъ я о томъ, какъ нынѣшнее человѣчество, соединясь въ одну громадную толпу, густой массой двинется на вершину высокой горы съ цѣлью водрузить тамъ знамя, которое будетъ служить ему точкой соединенія. Долго мучилъ меня вопросъ, какой девизъ будетъ стоять на этомъ знамени? И вдругъ воображеніе нарисовало мнѣ тебя во главѣ толпы со знаменемъ въ рукахъ, а на немъ твои слова: «Свободный трудъ»! Честь тебѣ, что ты ихъ произнесъ,—благо мнѣ, что я ихъ слышалъ.

Лицо Клодвига озарилось мягкимъ свѣтомъ, который кротко сіялъ изъ его глазъ, пристально устремленныхъ куда-то въ далекое пространство. Вдругъ голова его медленно опустилась на подушку, а глаза закрылись, но онъ ощупью нашелъ руку Эриха

и крѣпко ее сжалъ. Минуту спустя онъ снова приподнялся и сказалъ:

— Пойди въ ту комнату, гдѣ ты спалъ въ твой первый пріѣздъ сюда. Возьми съ собой Роберта и принеси ко мнѣ статую «Побѣды».

Эрихъ отправился со слугой въ угловую комнату и приказалъ ему взять и нести за собой указанную Клодвигомъ статую. Стоявшая противъ нея голова Медузы лежала на полу разбитая въ дребезги.

Эрихъ спросилъ, кто ее разбилъ, но Робертъ ничего объ этомъ не зналъ. Разспрашивать Беллу и Клодвига молодой человѣкъ не рѣшался. Впрочемъ слуга сообщилъ ему, что графъ по возвращеніи своемъ съ виллы Эдемъ не входилъ въ эту комнату.

Эрихъ снесъ статую въ кабинетъ Клодвига, приблизилъ ее къ постели больного и поставилъ такъ, чтобъ свѣтъ падалъ прямо на нее.

— Да, задумчиво проговорилъ Клодвигъ: она была точь въ точь такая: твоя мать ее знала.

Затѣмъ онъ погрузился въ глубокое раздумье. Долго лежалъ онъ молча, устремивъ взоръ на статую, наконецъ попросилъ Эриха пригласить къ нему въ комнату банкира. Послѣдній не замедлилъ явиться. Клодвигъ встрѣтилъ его улыбкой и словами:

— Послушайте и вы тоже то, что̀ я еще имѣю сказать. Я вижу себя крошечнымъ ребенкомъ въ одной рубашечкѣ, лежащаго на подушкѣ на столѣ. Возлѣ меня сидитъ моя мать. Я еще какъ будто чувствую на себѣ ея теплое дыханіе и слышу нѣжный звукъ ея голоса. Склонивъ голову мнѣ на грудь, она говорила: жило когда-то дитя, и отправилось оно въ лѣсъ собирать цвѣты. Шло оно шло и набрело на прелестные алые цвѣты и нарвало ихъ цѣлый букетъ. Далѣе ему повстрѣчались голубые цвѣты. Дитя бросило алые и нарвало голубые, еще немного далѣе замѣнило ихъ желтыми, потомъ бѣлыми, и наконецъ остановилось у берега ручья. Здѣсь дитя бросило цвѣты въ воду и осталось съ пустыми руками. Смыслъ этого разсказа теперь становится для меня ясенъ. На землю являются народы и держатъ въ рукахъ откровенія: алые, голубые, желтые и бѣлые цвѣты. Они поочереди замѣняютъ одни другими и наконецъ остаются съ пустыми руками. Тогда они говорятъ: пустыя руки хорошій знакъ; они не что иное какъ первый шагъ къ свободному труду. Неправда ли, Эрихъ, я такъ понялъ, что ты хотѣлъ сказать въ твой первый пріѣздъ сюда?... Я какъ теперь вижу тебя стоящимъ подъ яблонью въ цвѣту. Твое слово тогда

такой же отрадой повѣяло на меня, какъ въ дѣтствѣ дыханіе матери, когда она, склоняясь надо мной, шептала свой разсказъ. А теперь прощайте, спокойной ночи...

Эрихъ еще долго сидѣлъ у постели Клодвига, который не выпускалъ его руки изъ своей. Наконецъ больной заснулъ. Въ комнату вошли Белла и Пранкенъ. Послѣдній вмѣстѣ съ сестрой милосердія молился о выздоровленіи Клодвига. Онъ сдѣлалъ это просто, безъ всякой неловкости, но и безъ аффектаціи.

Эрихъ мигнулъ Беллѣ, чтобъ та не шумѣла. Она съ минуту смирно посидѣла, затѣмъ ушла. Пранкенъ за ней послѣдовалъ.

Эрихъ еще долго боролся со сномъ и усталостью. Настало утро, занялась заря и облила комнату красноватымъ свѣтомъ. Эрихъ пошелъ къ сестрѣ милосердія и выразилъ ей свое безпокойство на счетъ ужъ слишкомъ продолжительнаго сна больного. Онъ старался уловить его дыханіе, и ничего не слышалъ.

Они вмѣстѣ приблизились къ постели Клодвига, наклонились надъ нимъ... Онъ спалъ вѣчнымъ, непробуднымъ сномъ.

ГЛАВА XV.

ДУРНЫЯ ПОСЛѢДСТВІЯ И ПРІЯТНЫЯ РѢЧИ.

Эрихъ послалъ за Пранкеномъ и поручилъ ему передать Беллѣ извѣстіе о смерти ея мужа. Но Пранкенъ настоялъ на томъ, чтобъ ее не будили, такъ какъ ей необходимо было отдохнуть и собраться съ силами. Утро быстро подвигалось впередъ. Сестра милосердія молилась у постели умершаго.

Эрихъ вышелъ въ садъ, встрѣтилъ тамъ банкира, молча подалъ ему руку и они вмѣстѣ пошли далѣе. Вскорѣ однако Эриха позвали къ Беллѣ. Она полулежала на кушеткѣ и плакала. Сестра милосердія тотчасъ послѣ ея пробужденія объявила ей о кончинѣ Клодвига. Белла уже была въ его комнатѣ и теперь громко и неудержимо рыдала. Эрихъ, какъ могъ, утѣшалъ ее, а затѣмъ просилъ отпустить его хоть на нѣсколько часовъ на виллу. Ему хотѣлось знать, что̀ тамъ дѣлается, а къ вечеру онъ обѣщалъ вернуться.

Дорòгой онъ встрѣтилъ ловчаго съ бочаромъ.

— Добраго утра, капитанъ! окликнулъ его Клаусъ. Дай Богъ вамъ такого же счастья, какое, благодаря вамъ, выпало намъ на долю. Мы только что купили для Фердинанда гостинницу подъ вывѣской «Карпа». Что можетъ быть лучшаго? Я теперь отецъ содержателя гостиницы.

Эрихъ хотѣлъ говорить, но не могъ. Ловчій не далъ ему вымолвить слова и продолжалъ:

— Слышали вы, что Семиствольникъ наконецъ согласился выдать свою дочь за Фердинанда? И знаете ли кто всему причиной? — Вы.

— Я?

— Да. Если богачъ Зонненкампъ выдаетъ свою дочь за учителя, то Семиствольникъ конечно можетъ выдать свою за бочара. Неправда ли? Ахъ, капитанъ, вы осчастливили всѣхъ насъ. Вотъ вамъ моя рука, что съ сегодняшняго дня я ни капли вина не пью сверхъ того, что нужно для утоленія жажды. А она у меня, сказать въ добрый часъ, здоровенная. Но на свадьбѣ ужъ за то я напьюсь, что называется на славу. А и молодецъ же я на этотъ счетъ: всѣхъ за поясъ заткну. Поѣдемте къ намъ, капитанъ: у насъ настоящая гостинница съ отличной конюшней.

Эриху было тяжело отъ этого внезапнаго перехода отъ постели умершаго къ жизни и радости. Ни слова не сказавъ о смерти Клодвига, онъ только просилъ Клауса его болѣе не задерживать.

Наконецъ онъ прибылъ на виллу Эдемъ.

— Есть при графинѣ кто-нибудь изъ ея подругъ? спросила профессорша, узнавъ о смерти графа.

Эрихъ отвѣчалъ отрицательно. Профессоршѣ было чрезвычайно грустно, что она не могла въ эту скорбную минуту предложить Беллѣ ни помощи, ни утѣшенія. Графиня полагала свою гордость въ томъ, чтобы женщины скорѣе ее боялись, нежели любили, и теперь, когда ее постигло горе, не было ни души, которая сочла бы себя вправѣ или обязанной явиться къ ней съ участіемъ и лаской. Однако тетушка Клавдія сказала Эриху:

— Когда ты снова поѣдешь въ Вольфсгартенъ, возьми меня съ собой.

Манна уговаривала Эриха отдохнуть, но это оказалось невозможнымъ. Отъ Беллы явился посланный съ запиской, въ которой было торопливой рукой написано:

— Пріѣзжайте скорѣй служить мнѣ свидѣтелемъ. Я потеряна и обезчещена.

Эрихъ снова отправился въ Вольфсгартенъ, но на этотъ разъ въ сопровожденіи тетушки Клавдіи. Профессоръ Эйнзидель тоже хотѣлъ ѣхать съ ними, но профессорша и Манна упросили его ихъ не покидать. Онъ въ теперешнихъ горестныхъ обстоятельствахъ былъ для нихъ настоящимъ утѣшеніемъ и опорой. Эрихъ обѣщалъ вернуться въ теченіи ночи. Онъ недоумѣвалъ, что̀ могло

въ такое короткое время произойти въ Вольфсгартенѣ послѣ смерти Клодвига.

Тамъ онъ былъ встрѣченъ толпою слугъ, которые всѣ какъ-то робко на него поглядывали, а одинъ изъ нихъ произнесъ довольно громко, такъ что онъ ясно слышалъ:

— Кто знаетъ, можетъ быть и этотъ молодой человѣкъ помогалъ ей.

Сестра милосердія выбѣжала къ Эриху и поспѣшно проговорила:

— Здѣсь происходятъ страшныя вещи. Женщина, призванная омыть и прибрать тѣло графа, нашла у него странный знакъ на шеѣ. Она показала его другимъ, и вдругъ разнесся слухъ, будто графъ былъ задушенъ. Вы до послѣдней минуты находились при немъ и на васъ отчасти падаетъ подозрѣніе. Все это такъ странно, непонятно! Хоть бы докторъ скорѣй пріѣхалъ. Мы посылали за нимъ въ разныя стороны, но его нигдѣ не могли найти.

Белла, узнавъ о пріѣздѣ Эриха, принялась сильно звонить, требуя, чтобъ онъ немедленно къ ней пришелъ. Эрихъ попросилъ тетушку Клавдію остаться въ нижнемъ этажѣ вмѣстѣ съ банкиромъ, а самъ послѣдовалъ за сестрой милосердія къ Беллѣ.

— Оставьте насъ вдвоемъ, сказала-было графиня, обращаясь къ сестрѣ милосердія, но вслѣдъ затѣмъ быстро прибавила: впрочемъ, нѣтъ, не уходите, это можетъ возбудить новыя подозрѣнія... Подозрѣнія! Стыдъ и срамъ! громко воскликнула она въ негодованіи. Всѣ вы лжецы и лицемѣры. Пусть себѣ говорятъ, что хотятъ, а я останусь съ вами наединѣ. Вездѣ, куда ни обернешься, ложь, и онъ тоже лгалъ.

Когда сестра милосердія вышла изъ комнаты, Белла сказала:

— На меня вдругъ обрушилось наказаніе, ужаснѣе котораго не могъ бы придумать самый лукавый изъ демоновъ. Каково вамъ это покажется, капитанъ Дорнэ: меня, Беллу фонъ-Пранкенъ, обвиняютъ въ томъ, что я будто бы задушила моего мужа. Такъ вотъ для чего я въ теченіи столькихъ лѣтъ жертвовала собой! Чтобъ меня подозрѣвали... Нечего сказать, жестоко наказана я за всѣ свои дѣйствія, слова и мысли! Да будетъ проклята моя вѣрность къ нему! Онъ постоянно до послѣдней минуты носилъ на своемъ сердцѣ портретъ другой женщины.

— Докторъ пріѣхалъ! послышался чей-то голосъ у дверей. И дѣйствительно, минуту спустя въ комнату вошелъ Пранкенъ, а за нимъ докторъ Рихардтъ.

— Мнѣ уже все извѣстно, сказалъ онъ. Что за дураки подняли всю это суматоху! Точно всякій невѣжда не знаетъ, что

повреждение, нанесенное человѣку послѣ смерти, имѣетъ совсѣмъ другой видъ нежели то, которое онъ могъ бы получить еще при жизни. На шеѣ графа только слегка сдернута кожа. Но не можете ли вы мнѣ объяснить, какъ это случилось?

Белла разсказала, что за нѣсколько времени передъ тѣмъ къ ней явился Робертъ съ вопросомъ, что̀ слѣдуетъ сдѣлать съ портретомъ, который графъ при жизни постоянно носилъ на груди. Она пожелала узнать, что̀ это за портретъ. Слуга сказалъ, что то было изображеніе женщины. Тогда она въ припадкѣ гнѣва бросилась въ комнату къ покойнику и сорвала у него съ шеи портретъ, висѣвшій на тонкомъ снуркѣ.

— То былъ портретъ его первой жены, вотъ онъ, прибавила Белла, и показала всѣмъ изображеніе на маленькой золотой дощечкѣ прелестнаго женскаго лица.

Докторъ и Эрихъ взглянули сначала на портретъ, потомъ на Беллу. «Такъ вотъ почему, подумалъ послѣдній, онъ желалъ имѣть около своей постели статую «Побѣды». Странное сходство!»

Докторъ былъ того мнѣнія, что гнѣвный порывъ графини слѣдовало скрыть, изъ опасенія подать новый поводъ къ толкамъ. Онъ просилъ подтвердить его объясненіе, что на снурокъ попало нѣсколько капель сильнаго лекарства, которое, производя на кожѣ раздраженіе, и было причиной найденнаго на шеѣ знака.

Эрихъ къ ужасу своему вспомнилъ просьбу Клодвига, послѣ смерти что-то снять у него съ груди. Онъ сообщилъ это доктору и Беллѣ, которые въ отвѣтъ ему могли только покачать головой.

Докторъ просилъ Беллу, Эриха, Пранкена, банкира и сестру милосердія пойти съ нимъ въ комнату умершаго. Тамъ онъ, въ присутствіи всѣхъ слугъ, сдѣлалъ выговоръ женщинѣ, первой поднявшей тревогу, а затѣмъ объяснилъ, что краснота на шеѣ была произведена попавшимъ на нее сильнымъ лекарствомъ.

Эрихъ еще разъ взглянулъ на тѣло своего друга. Стоявшая около него статуя «Побѣды», казалось, тоже печально на него смотрѣла.

Беллу снова увели въ ея комнату, куда вскорѣ пришла и тетушка Клавдія. Графиня протянула ей лѣвую руку. Въ правой она держала у лица платокъ.

Во дворъ въѣхалъ экипажъ, изъ котораго вышелъ придворный лейбъ-медикъ. Мужчины поспѣшили къ нему на встрѣчу. Докторъ Рихардтъ въ короткихъ словахъ объяснилъ причину болѣзни Клодвига, которая, по его мнѣнію, заключалась въ простудѣ и въ сильномъ душевномъ потрясеніи. Все общество от-

правилось въ оранжерейную залу, гдѣ была приготовлена закуска. Докторъ заставилъ Эриха выпить стаканъ вина.

— Пейте, сказалъ онъ ему. Вамъ предстоитъ еще большая трата силъ, вино же хорошая пища для жизненной машины.

Эрихъ выпилъ вино, а въ немъ и нѣсколько слезъ, которыя изъ глазъ его упали въ стаканъ.

Эрихъ на минуту ушелъ и вернулся съ небольшимъ ящичкомъ въ рукахъ. Клодвигъ поручилъ ему передать герцогу всѣ свои ордена, а онъ въ свою очередь просилъ лейбъ-медика исполнить это за него, такъ какъ самъ не рѣшался покинуть виллу, гдѣ его присутствіе въ настоящую минуту было особенно нужно. Лейбъ-медикъ обязательно согласился исполнить желаніе молодого человѣка, — причемъ выразилъ искреннее сожалѣніе, что общество лишилось еще одного изъ благороднѣйшихъ своихъ представителей. «Графъ, говорилъ онъ, былъ человѣкъ, бесѣда съ которымъ всегда благотворно дѣйствовала на всякаго, кто къ нему приближался. Его постоянное стремленіе къ собственному усовершенствованію, кротость, спокойствіе и доброта, — все это качества, которыя съ каждымъ днемъ становятся рѣже и рѣже.»

Докторъ Рихардтъ, сѣвъ въ кресло и скрестивъ ноги, воскликнулъ:

— Вы совершенно правы. Избитая фраза: онъ былъ слишкомъ хорошъ для этого свѣта, какъ нельзя болѣе справедлива въ отношеніи къ графу. Онъ имѣлъ счастіе, или несчастіе, всякое отдѣльное событіе разсматривать въ связи со всѣмъ человѣчествомъ, а это совершенно естественно развиваетъ равнодушіе къ тому, сегодня или завтра совершится этотъ отдѣльный фактъ, и я, ты, или кто другой будемъ содѣйствовать его осуществленію. Графъ могъ бы дѣйствовать на гораздо болѣе обширномъ поприщѣ; отъ него зависѣло бы производить общественные и политическіе перевороты, но это казалось ему слишкомъ труднымъ и онъ счелъ за лучшее отъ этого отстраниться. Всякій новый опытъ, всякое событіе, встрѣчавшееся ему на пути, онъ обращалъ на усовершенствованіе своей собственной прекрасной личности. Это въ высшей степени хорошо и благородно, но тѣмъ не менѣе жизнь его, чуждая всякой дѣятельности, прошла совсѣмъ безслѣдно. Онъ былъ истый сынъ философіи, которая все понимаетъ, все допускаетъ, за всѣмъ слѣдитъ, но сама ни въ чемъ не принимаетъ участія и довольствуется тѣмъ, что все, совершающееся у нея передъ глазами, возводитъ въ стройную систему. Я не разъ говорилъ ему это при жизни, и теперь, послѣ его смерти, считаю себя вправѣ повторять тоже самое....

— Онъ какъ-то разъ передавалъ мнѣ ваши слова, капитанъ,

которыя его сильно поразили, продолжалъ банкиръ. Вы говорили, что человѣкъ въ нашъ вѣкъ какъ бы отправляетъ въ жизни должность служителя при желѣзной дорогѣ. Это совершенно справедливо. Всѣ мы въ бо́льшихъ или меньшихъ размѣрахъ кондукторы на скоромъ поѣздѣ нашего времени, которое мчится съ неимовѣрной быстротой впередъ. Но не каждый изъ насъ одинаково способенъ къ отправленію этой должности.

Эрихъ, передъ которымъ Клодвигъ, умирая, излилъ всю свою душу, могъ бы многое объяснить въ характерѣ своего покойнаго друга. Но докторъ не далъ ему вымолвить слова.

— Какъ бы то ни было, сказалъ онъ, я вовсе не намѣренъ хулить графа. Врядъ ли во всей окрестности найдется человѣкъ, который сожалѣлъ бы и уважалъ его наравнѣ со мной.

Зашла рѣчь о страшномъ подозрѣніи, которое такъ неосновательно, было, пало на Беллу, но докторъ очень рѣшительно замѣтилъ, что всего лучше объ этомъ молчать. Онъ отъ души сожалѣлъ, что произошла такая неслыханная ошибка, и возмущался при мысли, о невозможности вполнѣ изгладить въ умахъ память о ней. Что ни говори и ни дѣлай теперь, а люди все будутъ упорно стоять на своемъ, или по крайней мѣрѣ помнить о своихъ подозрѣніяхъ.

Вскорѣ пришелъ Пранкенъ, а съ нимъ и патеръ сосѣдняго прихода. Они вмѣстѣ съ лейбъ-медикомъ удалились въ уголъ залы и долго о чемъ-то горячо разсуждали. Наконецъ патеръ, сдаваясь на увѣщанія двухъ другихъ, согласился совершить надъ умершимъ всѣ предписываемые церковью обряды.

Затѣмъ докторъ Рихардтъ уѣхалъ вмѣстѣ съ лейбъ-медикомъ. Эрихъ, банкиръ и тетушка Клавдія послѣдовали за ними, такъ какъ Белла выразила желаніе остаться совсѣмъ одна.

Уѣзжающіе съ тоской оборачивались, чтобъ еще разъ взглянуть на домъ, гдѣ теперь развѣвалось черное знамя.

Тѣло Клодвига въ теченіи двухъ дней было выставлено въ большой залѣ. Голова его покоилась на бѣлой атласной подушкѣ, лицо было спокойно. У гроба горѣли свѣчи, а вокругъ стояли цвѣты и растенія.

Народъ толпами стекался изъ окрестностей въ послѣдній разъ взглянуть на графа Вольфсгартена. Однихъ влекло любопытство, другихъ искреннее уваженіе къ памяти покойнаго. Белла слышала, какъ уходившіе говорили: по его лицу вовсе не видно, что онъ былъ удавленъ.

На третій день въ Вольфсгартенъ собрались Эрихъ, мировой судья, банкиръ, маіоръ, нѣсколько почетныхъ гражданъ изъ сосѣдняго городка, посланный отъ герцога и много важныхъ го-

сударственныхъ сановниковъ. Всѣ они сопровождали тѣло Клодвига въ фамильный склепъ.

Колокола печально гудѣли въ воздухѣ, между тѣмъ какъ хоронили послѣдняго изъ Вольфсгартеновъ.

Зонненкампъ тоже хотѣлъ быть на похоронахъ и отправился въ Вольфсгартенъ, но его никто не видѣлъ въ печальной процессіи.

Маіоръ замѣтилъ Эриху, что Зонненкампъ сдѣлалъ весьма хорошо, не явясь на похороны. Онъ возбудилъ бы всеобщее любопытство и тѣмъ самымъ смутилъ бы торжественное настроеніе духа присутствующихъ.

А Зонненкампъ между тѣмъ провелъ весь день въ гостинницѣ сосѣдней деревни. Зная, что вездѣ, гдѣ бы онъ ни появился, его видъ долженъ былъ возбуждать любопытство и ужасъ, онъ сѣлъ въ уединенный уголъ и весь закрылся газетой, которую читалъ. Неподалеку отъ него расположилось нѣсколько человѣкъ и въ томъ числѣ одинъ еврей, торговавшій скотомъ. Онъ очень громко о чемъ-то разглагольствовалъ, а всѣ другіе его внимательно слушали.

— Господинъ Зонненкампъ, говорилъ онъ, никогда не далъ намъ ничѣмъ отъ себя поживиться. Куда какъ это похвально съ его стороны! Ужъ чего, чего только не приписывали намъ, евреямъ, а все же мы никогда не торговали невольниками, — нѣтъ, никогда!

Вскорѣ разговоръ перешелъ на Беллу. Эти люди упорно стояли на томъ, что графиня что-нибудь да сдѣлала своему мужу, сколько бы ни старался докторъ это опровергнуть. Ну возможно ли, чтобъ красной знакъ вокругъ шеи графа происходилъ единственно отъ снурка, на которомъ онъ постоянно носилъ портретъ своей первой жены?

Услышавъ подобные толки о Беллѣ, Зонненкампъ весь встрепенулся и лицо его оживилось. Если что-нибудь можетъ заставить ее согласиться на предложеніе, съ которымъ онъ теперь къ ней пріѣхалъ, то конечно эти подозрѣнія. Графиня должна быть возмущена и безъ сомнѣнія вступитъ съ нимъ въ переговоры, а разъ что она это сдѣлаетъ, онъ можетъ считать свое дѣло выиграннымъ.

Зонненкампъ послалъ Лутца разузнать, что дѣлалось въ Вольфсгартенѣ. Тотъ послѣ долгаго отсутствія наконецъ вернулся.

ГЛАВА XVI.

ПОДЪ ОГНЕННЫМЪ ДОЖДЕМЪ.

Въ комнату Клодвига сквозь открытое окно проникалъ рѣдкій осенній туманъ, который собирался въ крупныя капли на мраморномъ лбу статуи «Побѣды».

Въ Вольфсгартенѣ водворились мракъ и безмолвіе. Пранкенъ тоже оттуда уѣхалъ.

Белла въ глубокомъ траурѣ сидѣла у себя въ комнатѣ. У ней на рукахъ были черные браслеты, она только что примѣрила и сняла черныя перчатки. Сложивъ руки на груди, она откинулась на спинку стула и устремила вдаль взоръ съ застывшимъ въ немъ выраженіемъ, которое дѣлало ее такой похожею на статую Медузы.

«Ты одна въ цѣломъ мірѣ, шепталъ ей внутренній голосъ. Ты и всегда была одинока, потому что ты исключительная натура, необыкновенная женщина....»

Она вся вспыхнула при мысли, что ее хоть одну минуту могли подозрѣвать въ убійствѣ мужа. Такъ вотъ къ чему привело ее насиліе, которое она въ теченіи столькаго времени дѣлала надъ своимъ сердцемъ и воображеніемъ. Люди, какъ оказывалось, не хотѣли вѣрить ея счастію. Она мысленно перенеслась въ столицу и старалась угадать, что тамъ теперь о ней говорилось въ высшемъ обществѣ.

Слуха Беллы коснулись мѣрные удары маятника висѣвшихъ по близости часовъ. Ей вдругъ пришли на умъ слова Клодвига. «Воспоминанія о прошломъ и желанія на счетъ будущаго, говорилъ онъ, играютъ въ жизни человѣческой роль маятника при часахъ.» «Это годилось для него подумала Белла, я же не могу, подобно ему, жить одними воспоминаніями и желаніями, мнѣ нужно настоящее, я хочу жизни — жизни, исполненной пыла и страстей».

Она встала и подошла къ зеркалу, досадуя на себя, зачѣмъ это дѣлаетъ. Но взглянувъ на свое собственное отраженіе, она была чрезвычайно непріятно поражена тѣмъ, что фигура ея уже утратила часть своей стройности и гибкости. Она себѣ вдругъ показалась такой маленькой. Въ головѣ ея мысли быстро смѣнялись одна другой и внезапно остановились на вопросѣ: «если ужъ ему предстояло умереть прежде меня, почему онъ не умеръ раньше, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, покуда я еще была молода

и красива.» Белла на мгновеніе испугалась собственныхъ мыслей, но вслѣдъ затѣмъ похвалила себя за искренность. Гордо закинувъ назадъ голову, она почти вслухъ произнесла:

— Приличія для меня не существуютъ. То, о чемъ мнѣ будетъ дозволено думать черезъ годъ, о томъ я думаю уже теперь. Какое мнѣ дѣло до раздѣленія времени, котораго придерживаются въ свѣтѣ? Да, я сегодня уже хочу думать о томъ, о чемъ другія обыкновенно думаютъ только по истеченіи года. Я вдова, одинокая, безпомощная, которую, если кто и будетъ навѣщать, такъ развѣ только изъ милости, или состраданія. И ко всему этому на мнѣ еще лежитъ ужасное подозрѣніе!.... Я могу уѣхать въ столицу, поселиться тамъ... О, достойное зависти положеніе! У меня будетъ открытый домъ, меня выберутъ въ президентши учрежденія для снабженія пищей бѣдныхъ, а когда я умру, за гробомъ моимъ пойдутъ въ голубыхъ передничкахъ двѣнадцать самыхъ благонравныхъ изъ воспитывающихся въ моемъ пріютѣ дѣвочекъ-сиротъ. Стоитъ для этого жить! Нѣтъ! Я не могу остаться одна. Что же, мнѣ придется снова путешествовать, любоваться природой и произведеніями искусства, толковать о томъ и другомъ, шутить, острить, играть на фортепіано. Все это уже исчерпано мной. Князя Валеріана я легко могла бы къ себѣ привлечь. Но ѣхать въ чужую страну и тамъ снова льстить, лицемѣрить, притворно радоваться освобожденію русскихъ крестьянъ... Нѣтъ, невозможно! «Кавалеръ бутылки», пожалуй, болѣе годился бы. Онъ былъ бы мнѣ покоренъ и окружилъ бы меня обожаніемъ, но у него все ушло на внѣшность, за то эта внѣшность хороша.... а впрочемъ все и всюду одна и таже ложь!... Нѣтъ, нѣтъ, прочь отсюда, на просторъ! Жизни, жизни хочу я, борьбы съ опасностью, съ нуждой!... Я презираю все и всѣхъ на свѣтѣ.... Я смѣло брошу міру въ лицо мое презрѣніе, посмѣюсь надъ честью и гуманностью....

Во дворъ въѣхалъ высокій всадникъ, закутанный въ черный плащъ. «Ужъ не Зонненкампъ ли это? Что ему здѣсь надо?»

Минуту спустя явился слуга съ докладомъ о пріѣздѣ господина Зонненкампа.

— Просите его сюда, сказала Белла.

Зонненкампъ вошелъ въ комнату.

— Графиня, сказалъ онъ, я прихожу къ вамъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ вы приходили ко мнѣ. Примите мое удивленіе къ воодушевляющему васъ геройскому духу.

— Геройскій духъ.... Ахъ, я такъ оскорблена, покинута, слаба!

— Вы оскорблены, покинуты, слабы,—вы, которая вдохнула въ меня новую силу, научила меня презирать весь міръ.... Смотрите, я снова бодръ, снова молодъ и свѣжъ. Графиня, въ этотъ торжественный часъ я являюсь къ вамъ одной. Вы однѣ примиряете меня съ міромъ, — ахъ, еслибъ я, взамѣнъ этого, съ моей стороны могъ бы вамъ что-нибудь дать!

Белла въ волненіи встала съ мѣста, а Зонненкампъ продолжалъ:

— Отрѣшитесь отъ этого часа, выбросьте изъ своей памяти этотъ годъ, перенеситесь за моря, поставьте себя въ новыя отношенія къ обществу, создайте себѣ новыя условія жизни. Если кто-нибудь способенъ этого достигнуть, то конечно вы, и вы однѣ. Белла, я могъ бы сказать, что удаляюсь отсюда, жертвую всѣмъ, беззаботно отталкиваю отъ себя жену и дѣтей, единственно съ цѣлью пріобрѣсти тебя, внушить тебѣ смѣлость въ твою очередь отказаться отъ прошлаго и превратиться въ свободное, ни отъ кого и ни отъ чего независящее существо. Я могъ бы все это сказать, и не солгалъ бы. Но съ тобой я не вправѣ такъ говорить. Нѣтъ, не во мнѣ и не для меня, но въ самой себѣ и для себя должна ты жить, Белла! Старыя бабы разсказываютъ сказки, въ которыхъ преступленію никогда не удается прочно связывать между собой людей. Все это вздоръ. Для меня вполнѣ ясно, что̀ происходитъ въ твоей душѣ, которая есть не что иное, какъ подобіе моей собственной. Ты говоришь вмѣстѣ со мной: «я нахожусь въ разладѣ съ міромъ. Онъ предписываетъ трудиться на пользу общую, а я стремлюсь заключиться въ собственномъ эгоизмѣ, и у меня на это хватитъ мужества. Я не могу и не хочу быть полезнымъ членомъ общества, ходячей благотворительностью...» Знай же: во мнѣ эгоизмъ также силенъ, какъ въ тебѣ. И если я желаю чего-нибудь для тебя, такъ это потому только, что оно нужно мнѣ самому. Другой бы наговорилъ тебѣ кучу нѣжностей, постарался бы тебя тронуть силой своей страсти, — я же тебя слишкомъ уважаю, слишкомъ высоко цѣню, и знаю, что у тебя хватитъ мужества быть самой собою.

— Я васъ не понимаю. Что̀ вамъ надо? Чего вы хотите для меня, чего желаете для себя?

— Для себя? Что осталось мнѣ желать? Развѣ только пули въ лобъ. Но тѣмъ не менѣе, я еще могу быть спасенъ.

— Чѣмъ? Кѣмъ?

— Тобою. Я готовъ еще жить и бороться, лишь бы видѣть тебя великой и рука объ руку съ тобой идти по одному пути. Если человѣку доступно чувство удивленія къ великому, если

ему свойственно преклоняться передъ всемогущей силой генія, то я....

Онъ сдѣлалъ движеніе, шагъ впередъ, но Белла вдругъ спокойно проговорила:

— Садитесь.

Онъ, казалось, былъ пораженъ, но сѣлъ и продолжалъ:

— Графиня, мнѣ неизвѣстно, что̀ вы намѣрены теперь предпринять.... или нѣтъ, я знаю, что̀ вы должны и можете начать. Пожалуйста не прерывайте меня, дайте мнѣ высказаться до конца. Если окажется, что я еще и въ васъ ошибся, то мнѣ останется только сознаться, что я жестоко заблуждался, что вся моя жизнь—война, которую я объявилъ обществу, всѣ мои убѣжденія были одной безумной мечтой. Я признаю себя побѣжденнымъ и провозглашу правыми благонамѣренныхъ проповѣдниковъ, громко и высокопарно толкующихъ о нравственности. Графиня, Белла, вспомните великую истину, съ которой вы недавно явились ко мнѣ. Существо вполнѣ независимое, стремящееся къ свободной дѣятельности, говорили вы, не имѣетъ, не должно имѣть семьи. Слова эти сдѣлались моей путеводной звѣздой. Я рѣшился, и у меня нѣтъ болѣе семьи, кромѣ меня самого и васъ.... Вы тоже не должны имѣть никого кромѣ себя самой. Для васъ настало время освобожденія: вы должны, вы можете, вы будете свободной.

— Да, я хочу и буду. Вы странный, удивительный человѣкъ, вы вполнѣ понимаете, что̀ во мнѣ происходитъ. Продолжайте.... съ чѣмъ вы ко мнѣ пришли?

— Ни съ чѣмъ, графиня. Я оставилъ позади себя все, что̀ могло бы еще служить мнѣ связью съ обществомъ. Вамъ одной говорю я, что сегодня же уѣзжаю въ Новый Свѣтъ. Тамъ начнется для меня новая жизнь.

Зонненкампъ всталъ и схватилъ ее за руку.

— Белла, вы великая женщина, созданная царствовать и все побѣждать на своемъ пути. Поѣдемте со мной, у васъ хватитъ на это мужества.

Белла вздрогнула, глаза ея расширились, она раскрыла ротъ, хотѣла, но не могла говорить.

— Я знаю, продолжалъ Зонненкампъ, что вамъ всего дороже ваша независимость, и я обѣщаю вамъ полную, безграничную свободу. Поѣдемте со мной, это придастъ мнѣ силы, если понадобится воздвигнуть для васъ тронъ. Вы созданы для того, чтобъ носить корону. Поѣдемте, поѣдемте!

Онъ говорилъ горячо, съ увлеченіемъ; въ тонѣ его звучали искренность и энергія.

Онъ взялъ Беллу за руку, она ее не отняла.

Неужели она такъ долго со всѣми играла только для того, чтобъ теперь самой подчиниться чужому вліянію? На мгновеніе въ ней мелькнуло желаніе оттолкнуть Зонненкампа: какое торжество было бы вспоминать, что и это было въ ея рукахъ, но она и этимъ пренебрегла.... «Ты ни подъ какимъ видомъ не должна себя связывать», шепталъ ей внутренній голосъ, но въ тоже время она невольно произнесла вслухъ:

— Вы человѣкъ съ возвышеннымъ образомъ мыслей и высокаго мнѣнія обо мнѣ. Благодарю васъ. О, другъ мой, мы жалкія, слабыя созданья. Увы! Зачѣмъ явились вы такъ поздно! Десять лѣтъ тому назадъ, у меня еще хватило бы силъ и увлеченія. Я на все рѣшилась бы, лишь бы избѣгнуть этого томительнаго, празднаго, ничтожнаго, разбитаго на мелочи, антикварскаго, фальшиваго существованія.... Нѣтъ, я не то хотѣла сказать.... а между тѣмъ.... Наконецъ вы являетесь, узнаёте, угадываете меня, но.... то, что̀ вы предлагаете, болѣе невозможно. Слишкомъ поздно!

— Поздно! воскликнулъ Зонненкампъ, и схватилъ ее за обѣ руки. Белла, ты говорила, что еслибъ я явился къ тебѣ въ молодости, ты пошла бы за мной на край свѣта. Белла.... всѣ мы молоды, пока хотимъ быть молодыми. Ты еще молода, а я хочу и тоже буду молодъ. Вооружись мужествомъ, будь сама собой. Что такое даже семьдесять праздныхъ, безцвѣтныхъ лѣтъ въ сравненіи съ однимъ богатымъ жизнью и событіями годомъ.

Настало молчаніе. Въ комнатѣ ничего не было слышно, кромѣ звука маятника у часовъ, да крика попугая въ сосѣдней залѣ.

— Когда вы уѣзжаете? спросила наконецъ Белла.

— Сегодня ночью, со скорымъ поѣздомъ.

— Отчего не съ пароходомъ? Развѣ они болѣе не ходятъ?

— Ходятъ, и одинъ изъ нихъ отправляется не позже какъ сегодня ночью.

— Хорошо, я ѣду съ тобой. А теперь иди.... иди! Вотъ моя рука, что я ѣду.

Она вдругъ точно замерла на мѣстѣ и сидѣла съ закрытыми глазами. Зонненкампъ взялъ ее за руку и сжимая ее, коснулся траурнаго кольца. Онъ потихоньку снялъ его.

— Что вы дѣлаете? спросила Белла, очнувшись. Она въ недоумѣніи смотрѣла на Зонненкампа и на кольцо въ его рукѣ.

— Оставьте мнѣ его въ знакъ вашей неизмѣнной рѣшимости, проговорилъ онъ.

— Къ чему это? Развѣ мы люди, на которыхъ можетъ имѣть вліяніе подобный вздоръ? Отдайте мнѣ его назадъ.

Онъ отдалъ кольцо, но она его болѣе не надѣвала.

Ночью къ пристани сосѣдняго городка причалилъ пароходъ. Шелъ сильный дождь, по временамъ дулъ свѣжій, порывистый вѣтеръ, машина на пароходѣ шипѣла и, пыхтя, испускала густой паръ. На пристани стоялъ окутанный въ плащъ мужчина. Мимо него, какъ тѣнь, скользнула высокая, черная фигура женщины.

— Оставь меня одну, проговорила она ему на ходу.

Съ пристани перекинули на пароходъ доску. Женщина первая на нее вступила, мужчина послѣдовалъ за ней.

Минуту спустя доску снова убрали. Пароходъ описалъ широкую дугу и быстро поплылъ впередъ, не взирая ни на мракъ, ни на бурю. На палубѣ не было никого, кромѣ таинственныхъ мужчины и женщины. Матросы, и тѣ спѣшили убраться по каютамъ. Рулевой въ непромокаемомъ плащѣ и широкополой шляпѣ ворочалъ колесо, зорко наблюдая за ходомъ парохода и тихонько свисталъ.

Высокая, черная фигура женщины расположилась на томъ концѣ палубы, который былъ обращенъ къ истоку рѣки. Глаза ея покоились то на волнахъ, то на мелькавшихъ мимо селахъ и городахъ, гдѣ еще мѣстами сверкали огни, бросая на воду полосы свѣта, которыя, едва блеснувъ, мгновенно исчезали. Изъ трубы вмѣстѣ съ дымомъ вылетали искры и огненнымъ дождемъ разсыпались вокругъ высокой черной фигуры....

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

ПОКИНУТЫЕ.

Листья съ деревьевъ опали, вѣтви обнажились, вилла Эдемъ, сіяя бѣлизной, стояла въ полномъ блескѣ красоты, которую теперь ничто болѣе не скрывало.

Домъ былъ покинутъ. Тотъ, кто его выстроилъ и окружилъ садами, внезапно исчезъ.

Зонненкампъ вернулся въ Европу съ цѣлью отдохнуть, занять въ обществѣ почетное мѣсто и устроить судьбу своихъ дѣтей. Это ему не удалось, и онъ снова отправился въ Новый Свѣтъ, увлекая за собой въ бездну другую безпокойную, жаждущую приключеній душу.

Въ прирейнской долинѣ свирѣпствовалъ бурный ноябрьскій вѣтеръ; онъ качалъ деревья и дулъ въ паруса судовъ, которыя быстро мчались по рѣкѣ.

Эрихъ, пробудясь, съ новой силой почувствовалъ потерю, которую понесъ въ смерти Клодвига. Онъ вдвойнѣ оплакивалъ его потому, что зналъ, какъ не многіе были способны вполнѣ понять душевную чистоту и благородство этого человѣка. Клодвигъ не оставилъ по себѣ никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности, и только тѣ, которые были къ нему особенно близки, могли знать ему настоящую цѣну.

Но Эриху, несмотря на раннюю пору утра, не дали долго думать объ отшедшемъ другѣ. Ему доложили о пріѣздѣ нотаріуса изъ сосѣдняго городка.

Нотаріусъ привезъ записку отъ Зонненкампа. Послѣдній увѣдомлялъ, что бралъ съ собой всю ту часть своего состоянія, которую пріобрѣлъ посредствомъ торговли неграми. Остальное онъ отдавалъ въ полное распоряженіе Вейдемана и Эриха, которымъ поручалъ также опеку надъ дѣтьми и заботы о Церерѣ.

Эрихъ вторично прочелъ записку. Онъ, казалось, не вполнѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ ея содержаніи. Нотаріусъ пояснилъ, что Зонненкампъ былъ у него наканунѣ и составилъ всѣ акты,

необходимые для назначенія опеки, и кромѣ того заготовилъ еще письмо на имя Вейдемана.

Эрихъ оставилъ нотаріуса одного, а самъ вышелъ въ паркъ. Долго бродилъ онъ взадъ и впередъ, стараясь сообразить, что все это означало. Ему попалась на встрѣчу тетушка Клавдія, и онъ разсказалъ ей обо всемъ случившемся.

— Онъ самъ произнесъ и исполнилъ надъ собой приговоръ, замѣтила та съ своимъ обычнымъ спокойствіемъ. Затѣмъ она въ свою очередь сообщила, что Зонненкампъ наканунѣ былъ въ виноградномъ домикѣ и убѣдительно просилъ ее сохранить къ его дѣтямъ и къ Церерѣ всю дружбу, какую она оказывала имъ до сихъ поръ.

Тутъ невольно, самъ собой являлся вопросъ, какое впечатлѣніе произведетъ еще это событіе на различныя личности, которыхъ оно болѣе или менѣе касалось? Какъ сообщить объ этомъ женѣ и дѣтямъ?

Эрихъ съ тетушкой Клавдіей отправились къ профессоршѣ и застали у нея Манну.

Онъ старался какъ можно мягче и осторожнѣе предупредить молодую дѣвушку о внезапномъ отъѣздѣ ея отца, но та вдругъ перебила его восклицаніемъ:

— Онъ насъ покинулъ!

Эрихъ отвѣчалъ утвердительно.

Профессорша схватила Манну за руку. Молодая дѣвушка съ минуту оставалась неподвижною, устремивъ взоръ въ пустое пространство, потомъ дрожащимъ голосомъ проговорила:

— О, мать моя! Я пойду къ ней.

Эрихъ замѣтилъ, что не лучше ли поручить фрейленъ Пэрини сообщить Церерѣ извѣстіе объ отъѣздѣ ея мужа, но Манна рѣшительно объявила, что хочетъ сдѣлать это сама съ помощію только профессорши.

Обѣ женщины немедленно отправились на виллу.

Церера при первомъ намекѣ на отъѣздъ мужа воскликнула:

— Я знаю, знаю, только не смѣю объ этомъ говорить. О, я умѣю молчать! Онъ меня къ этому пріучилъ.

Затѣмъ она дала понять, что Зонненкампъ только на время уѣхалъ въ Италію, а можетъ быть и въ Парижъ, куда въ самомъ скоромъ времени призоветъ и ихъ всѣхъ.

Видя, какъ Манна нѣжно около нея увивалась, Церера съ улыбкой сказала:

— Неправда ли, дитя, тебѣ вовсе не зачѣмъ было удаляться въ монастырь? Я всегда была противъ этого. Прошу тебя, когда мы пріѣдемъ къ отцу твоему, подтверди мои слова. Въ мона-

стырѣ такъ холодно и всѣ носятъ черныя платья,—къ тебѣ же черное вовсе нейдетъ.

Эриха вызвали изъ комнаты. Роландъ вернулся изъ Маттенгейма. Щеки его пылали, и онъ воскликнулъ:

— Эрихъ, господинъ Вейдеманъ велѣлъ тебѣ сказать, что онъ сегодня сюда будетъ. Знаешь ли новость? Линкольнъ избранъ въ президенты. Господинъ Вейдеманъ получилъ объ этомъ извѣстіе.

Въ умѣ Эриха мгновенно мелькнула догадка. Зонненкампъ вѣроятно тоже зналъ объ избраніи Линкольна, и это безъ сомнѣнія было главной причиной его внезапнаго отъѣзда. Онъ такъ часто говорилъ, что съ избраніемъ Линкольна война сдѣлается неизбѣжной, и теперь, должно полагать, уѣхалъ, съ цѣлью принять въ ней участіе.

— Гдѣ мой отецъ? Спросилъ Роландъ, недоумѣвая почему Эрихъ молчитъ.

— Твой отецъ?

— Да, гдѣ онъ?

— Уѣхалъ въ Америку.

— Не простясь съ нами? А матушка... гдѣ матушка?

— Манна при ней.

Эрихъ долженъ былъ все разсказать Роланду, который, выслушавъ его, долго не могъ произнести слова. Наконецъ онъ проговорилъ:

— Я пойду къ матушкѣ.

Эрихъ убѣждалъ Роланда быть какъ можно осторожнѣе. Тотъ обѣщался.

Церера встрѣтила сына словами:

— Онъ васъ оставилъ со мной, слѣдовательно намѣренъ вернуться.

И она съ порывистой нѣжностью обняла Роланда, приговаривая:

— Ты меня никогда не покидалъ... никогда не уходилъ отъ меня въ монастырь. Манна, бери примѣръ съ брата. Впрочемъ, теперь и ты останешься со мной.

Профессорша отправила посланнаго за маіоромъ. Тотъ немедленно явился, и узнавъ въ чемъ дѣло, ахнулъ:

— А мы еще не успѣли произнести надъ нимъ приговора!

Бурный вѣтеръ, крутившій въ воздухѣ желтые листья, казалось развѣвалъ по сторонамъ также и людей.

Эрихъ и маіоръ стояли вмѣстѣ и разговаривали, какъ вдругъ во дворъ въѣхалъ всадникъ, тщательно окутанный въ широкій плащъ. Внезапное появленіе самого Зонненкампа врядъ ли бы

ихъ больше удивило. То былъ Пранкенъ, который казался сильно встревоженнымъ.

— Гдѣ господинъ Зонненкампъ? спросилъ онъ.

Ему сообщили объ его отъѣздѣ.

— Вы не знаете, онъ одинъ... Есть при немъ кто-нибудь?

— Мы этого не знаемъ.

— Нѣтъ ли кого-нибудь изъ моихъ здѣсь на виллѣ? Не видали ли вы... моей сестры?

Ему и на это не могли дать удовлетворительнаго отвѣта. Пранкенъ, не говоря болѣе ни слова, повернулъ лошадь и быстро умчался.

Вскорѣ явился докторъ съ извѣстіемъ объ исчезновеніи изъ Вольфсгартена графини Беллы. Узнавъ, что и Зонненкампъ также бѣжалъ, онъ воскликнулъ:

— Она, безъ сомнѣнія, съ нимъ уѣхала. Это отличная штука! Зонненкампъ ничего не могъ придумать лучше и умнѣе. Увезя Беллу, онъ далъ новую пищу умамъ, и положилъ конецъ толкамъ о своемъ прошломъ. Его побѣда надъ Беллой фонъ-Пранкенъ превосходитъ все, что онъ до сихъ поръ дѣлалъ.

ГЛАВА II.

ГОРЕ ЦЕРЕРЫ.

— Генрихъ, вернись! Умоляю тебя, вернись! Здѣсь твои деревья, твой домъ! Вернись, я стану для тебя танцовать! Генрихъ! Генрихъ!

Такъ восклицала Церера.

Она ничего не хотѣла ѣсть до тѣхъ поръ, пока не явится мужъ и не скажетъ ей свою обычную фразу: Милое дитя, скушай что-нибудь.

Фрейленъ Пэрини едва удавалось заставить ее что-нибудь проглотить.

Церера съ плачемъ и стонами бродила по саду и оранжереямъ.

Фрейленъ Пэрини стоило не малаго труда ее успокоивать.

Церера запретила садовнику подметать и сравнивать дорожки въ паркѣ. На нихъ, по ея мнѣнію, виднѣлись слѣды ногъ ея мужа, и если сгладить ихъ, это можетъ причинить ему смерть.

Она по цѣлымъ часамъ сидѣла у окна и смотрѣла на рѣку, гдѣ безпрестанно сновали взадъ и впередъ суда, на горы, на облака.

— Генрихъ, говорила она въ полголоса, я тебя жестоко оскорбила. Прибей меня, какъ послѣднюю изъ невольницъ, только прости меня и возьми къ себѣ. Помнишь ли ты тотъ день, когда въ первый разъ ко мнѣ пришелъ? Цезарь игралъ на арфѣ, а я танцовала, одѣтая въ голубое платье и въ золотистаго цвѣта башмакахъ.... Помнишь ли ты?... Манна! вдругъ громко звала она дочь. Манна, принеси сюда твою арфу и сыграй мнѣ какой-нибудь танецъ. Я хочу танцовать.... Неправда ли, я еще хороша? Генрихъ, иди сюда! И она пробовала напѣвать его любимый танецъ.

Вдругъ, обращаясь къ фрейленъ Пэрини, она спрашивала:

— Вѣдь онъ вернется, неправда ли?

Голосъ ея при этомъ звучалъ такъ спокойно, что окружающіе ея переставали тревожиться за ея умъ. Но, минуту спустя, она принимала таинственный видъ и съ неподвижно устремленными на одну точку глазами, шептала:

— Когда я умру, пусть онъ женится на графинѣ Беллѣ. Скажите ему это отъ меня. Она очень красивая вдова. Пусть онъ отдастъ ей мои лучшіе наряды, они къ ней какъ нельзя болѣе пристанутъ. Прикажите заложить экипажъ, я поѣду въ Вольфсгартенъ, у графини должны быть письма отъ него, я это знаю.

Фрейленъ Пэрини всячески старалась отклонить ее отъ этого намѣренія, но Церера стояла на своемъ и непремѣнно хотѣла уѣхать въ Вольфсгартенъ. Фрейленъ Пэрини, не на шутку испуганная, послала за профессоршей и за Эрихомъ. Она надѣялась, что ихъ приходъ разсѣетъ Цереру и отвлечетъ ее отъ овладѣвшей ею мысли. Но это не удалось. Тогда ей сказали, что графиня уѣхала въ дальнее путешествіе.

— Значитъ она съ нимъ.... съ нимъ. Я знаю, онъ ей навѣрное отдалъ мои драгоцѣнные уборы, а мнѣ оставилъ фальшивые. Позовите сюда дѣтей.

Манна и Роландъ не замедлили придти къ матери, а она съ возбуждающей ужасъ веселостью сказала имъ:

— Дѣти, вашъ отецъ женился на графинѣ Беллѣ. У васъ теперь есть новая мать, красавица.... она очень хороша собой. Что вы на меня такъ смотрите? Или вы не вѣрите? Не дура же я въ самомъ дѣлѣ! Онъ самъ говорилъ, что я умна. О, да, я очень умна!

Манна обратилась за объясненіемъ къ тетушкѣ Клавдіи, и та подтвердила, что Зонненкампъ дѣйствительно убѣжалъ вмѣстѣ съ графиней Беллой.

Роландъ взглянулъ на Эриха. Тотъ опустилъ глаза.

Дѣти съ плачемъ и рыданіемъ бросились къ матери на шею.

— Какъ бы то ни было, у нея нѣтъ дѣтей, она все-таки не мать вамъ. Вы останетесь со мной... вамъ не зачѣмъ къ ней идти. Но онъ пожалуй захочетъ васъ украсть. Не дозволяйте ему этого.

Цереру положили на диванъ, она не отпускала отъ себя дѣтей, крѣпко держа ихъ за руки, наконецъ уснула. Манна и Роландъ сидѣли около, не шевелясь. Кто можетъ измѣрить глубину терзавшаго ихъ горя? Сколько позора оставлялъ имъ въ наслѣдство ихъ отецъ.

Вскорѣ пріѣхалъ Вейдеманъ. Нотаріусъ вручилъ ему и Эриху довѣрительные акты и указанія, полученныя имъ отъ Зонненкампа, о томъ, какимъ образомъ доводить до его свѣдѣнія все, что будетъ дѣлаться на виллѣ Эдемъ. Для этого слѣдовало обращаться къ одной изъ южно-американскихъ газетъ и тамъ подъ буквами *З* и *Б* печатать то, что желали ему сообщить. Въ случаѣ же смерти Цереры, онъ просилъ объявить также въ главныхъ французскихъ и англійскихъ газетахъ. Всѣ вздрогнули: Зонненкампъ, казалось, ожидалъ со стороны Цереры самоубійства.

На дворѣ Вейдеманъ, нотаріусъ и Эрихъ были встрѣчены Роландомъ, который ихъ ожидалъ. Онъ подалъ Вейдеману руку и спросилъ, не можетъ ли онъ узнать содержаніе письма своего отца? Вейдеманъ передалъ Роланду письмо, въ которомъ Зонненкампъ поручалъ ему сына и выражалъ надежду, что послѣдній вполнѣ и во всемъ будетъ подчиняться руководству своего опекуна.

— Теперь все кончено, все истощено, и съ нами болѣе ничего не можетъ случиться дурного, произнесъ Роландъ совершенно спокойнымъ тономъ.

Немного спустя, явился Кнопфъ, а съ нимъ вмѣстѣ негръ Адамъ. Послѣдній былъ одѣтъ въ сѣрое платье, точь въ точь такое, въ какомъ Зонненкампъ рылся въ оранжереяхъ и въ саду. Роландъ подалъ негру руку и сказалъ:

— Ты хотѣлъ сдѣлать вредъ моему отцу, но я прощаю тебѣ. Ты самъ видѣлъ много горя.

Теперь только Эрихъ узналъ, что Роландъ въ Маттенгеймѣ никому не давалъ покою, пока туда не вызвали Адама.

Вейдеманъ хотѣлъ взять негра обратно въ свой домъ, но Роландъ просилъ оставить его съ нимъ на виллѣ до тѣхъ поръ, пока не настанетъ время ему самому вернуться въ Маттенгеймъ. Маіоръ предложилъ помѣстить Адама у себя въ домѣ.

Кнопфъ съ нѣкотораго рода торжествомъ разсказывалъ всѣмъ и каждому, какимъ плутомъ оказался этотъ негръ. Онъ намѣревался явиться къ Зонненкампу съ предложеніемъ, за большую

сумму денегъ служить ему ложнымъ свидѣтелемъ и во всеуслышаніе объявить, что его первое показаніе было фальшивое. Узнавъ о бѣгствѣ Зонненкампа, онъ былъ внѣ себя отъ гнѣва.

Кнопфъ, самъ добродушнѣйшій и кротчайшій изъ людей, находилъ странное удовольствіе въ томъ, что ему привелось близко знать двухъ такихъ отъявленныхъ плутовъ, какъ Зонненкампъ и негръ Адамъ. Онъ, подобно всѣмъ идеалистамъ, любилъ видѣть встрѣчаемое имъ зло въ его крайнихъ проявленіяхъ.

Маіоръ отправился домой и взялъ съ собой Адама. Онъ почувствовалъ невольное отвращеніе къ этому человѣку, но постарался скрыть свое чувство и обращался съ нимъ самымъ дружелюбнымъ образомъ.

Роландъ пошелъ къ Маннѣ и сообщилъ ей о прибытіи негра. Онъ хотѣлъ доказать этому человѣку, что не только прощаетъ ему причиненное ихъ семьѣ зло, но еще намѣренъ отплатить ему за него добромъ.

Но Манна ничего и слышать не хотѣла о негрѣ. Она снова ушла въ себя. Ей не хватало самообладанія, которое успѣло такъ быстро выработаться у Роланда. Она почти вовсе перестала посѣщать виноградный домикъ, ни на минуту не оставляла матери и очень дружелюбно обращалась съ фрейленъ Пэрини, у которой даже просила извиненія за все, чѣмъ когда-либо могла ее оскорбить. Въ голосѣ Манны снова зазвучали сдерживаемыя слезы, и вся ея личность опять какъ будто облеклась нравственнымъ трауромъ, который она не задолго передъ тѣмъ съ себя скинула.

Такое настроеніе духа молодой дѣвушки не ускользнуло отъ вниманія фрейленъ Пэрини, которая задумала извлечь изъ него пользу. Она отправилась къ патеру и объявила ему, что теперь еще разъ открывалась возможность достигнуть всего того, на что они уже было-потеряли всякую надежду. Зонненкампъ оставилъ своихъ дѣтей самостоятельными распорядителями собственной судьбы. Церера хворала и такъ худѣла, что заставляла опасаться за свою жизнь. Фрейленъ Пэрини полагала, что при такихъ обстоятельствахъ Манну не трудно будетъ избавить отъ сѣтей, въ которыхъ ее держало семейство Дорнэ.

Патеръ тоже считалъ себя не вправѣ лишать своего покровительства молодую дѣвушку, которая нѣкогда съ такимъ довѣріемъ обратилась къ нему за помощью и за совѣтомъ. Что касается до надеждъ, какія могли въ немъ при этомъ снова возникнуть, онъ ихъ скрылъ даже и отъ фрейленъ Пэрини.

Патеръ отправился на виллу и приказалъ доложить Маннѣ, что желаетъ съ ней говорить. Молодая дѣвушка вздрогнула,

велѣла поблагодарить патера за его посѣщеніе, но въ тоже время просила передать ему, что она, въ качествѣ невѣсты Эриха, можетъ говорить съ нимъ только въ присутствіи своего жениха. Фрейленъ Пэрини отказалась отнести патеру этотъ отвѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ я сама къ нему пойду, сказала Манна.

Она дѣйствительно вышла въ залу и, прося патера не толковать ея словъ въ дурную сторону, объявила ему, что она, какъ невѣста Эриха, считаетъ себя обязанной держаться въ сторонѣ отъ всякаго посторонняго вліянія.

Патеръ взглянулъ на нее — безъ гнѣва, но съ состраданіемъ и отвѣчалъ:

— Хорошо, пусть будетъ какъ вы желаете.

Затѣмъ онъ повернулся и ушелъ.

ГЛАВА III.

ДВА ПРИГОВОРА.

Изъ всѣхъ людей, близкихъ къ обитателямъ виллы Эдемъ, никто не былъ такъ сильно пораженъ происшедшими на ней событіями, какъ маіоръ. Со времени разсказа Зонненкампа о своемъ прошломъ, онъ нигдѣ не находилъ покоя, лишился сна и аппетита. Онъ ходилъ какъ потерянный и часто разговаривалъ съ Леди. По ночамъ онъ испытывалъ непреодолимый страхъ и, чтобъ хоть сколько-нибудь заглушить его, начиналъ говорить вслухъ съ самимъ собой. А иногда, не въ силахъ преодолѣть свою тревогу, онъ даже будилъ фрейленъ Милькъ, въ надеждѣ, что она его успокоитъ. Бѣгство Зонненкампа и подозрѣніе, что Белла уѣхала съ нимъ, еще болѣе смутили его.

Когда маіоръ привелъ съ собой негра, фрейленъ Милькъ обратилась къ сопровождавшему ихъ Кнопфу съ просьбой остаться у нихъ. Она откровенно созналась, что и на нее тоже напалъ неизъяснимый страхъ, который она, несмотря на всѣ свои усилія, никакъ не могла превозмочь.

Кнопфъ къ сожалѣнію долженъ былъ ей отказать. У него были въ отношеніи князя Валеріана обязательства, которыми онъ не могъ пренебрегать.

Своими разсказами о томъ, какой великолѣпный плутъ былъ негръ Адамъ, онъ не только не успокоилъ, но еще болѣе напугалъ добрую старушку.

Нѣсколько дней спустя послѣ водворенія Адама въ жилищѣ маіора, послѣдній захворалъ и слегъ въ постель.

Докторъ прописалъ ему успокоительное лекарство, и маіору стало легче, но тревогу фрейленъ Милькъ нельзя было утишить никакими средствами. Наконецъ это удалось человѣку, который вовсе ничего не смыслилъ въ медицинѣ.

Однажды фрейленъ Милькъ жаловалась профессору Эйнзиделю на безпокойство, какое въ ней возбуждало присутствіе у нихъ въ домѣ Адама.

— Я должна остерегаться, сказала она между прочимъ, чтобъ по этому одному негру не составить себѣ мнѣнія о всемъ его племени.

— Что вы хотите этимъ сказать?

Фрейленъ Милькъ покраснѣла и продолжала:

— Когда впервые сталкиваешься съ личностью, принадлежащею къ дотолѣ незнакомому народу или племени, на которые однако привыкъ смотрѣть съ предубѣжденіемъ, то всегда невольно чувствуешь склонность его личные недостатки и пороки приписывать всему обществу одной съ нимъ породы людей. Этотъ негръ чрезвычайно лѣнивъ; онъ не хочетъ ни работать, ни учиться. Сначала невольникъ, а потомъ лакей, онъ привыкъ, чтобъ другіе о немъ заботились. Имѣя такой примѣръ передъ глазами, чрезвычайно легко придти къ убѣжденію, что всѣ негры таковы, а между тѣмъ это было бы въ высшей степени несправедливо.

— Вы совершенно правы, подтвердилъ профессоръ. Желалъ бы я только знать, откуда у васъ такая осмотрительность въ сужденіяхъ. Я вообще плохой знатокъ женщинъ, но полагаю, что между ними не часто встрѣчается подобная осторожность.

Фрейленъ Милькъ крѣпко сжала губы. Ей было хорошо извѣстно, откуда у нея проистекало это стремленіе разсматривать каждую личность отдѣльно и видѣть въ ней только ее одну, а не представительницу цѣлаго сословія, народа или племени.

Послѣ минутнаго молчанія, она продолжала:

— Не думаете ли вы, что освобожденіе негровъ невозможно, если они не освободятъ себя сами, если изъ ихъ собственной среды не появится новый Моисей, который выведетъ ихъ изъ неволи? Мнѣ кажется еще, что настоящее поколѣніе непремѣнно должно умереть въ рабствѣ и только слѣдующее, взросшее на свободѣ, можетъ вступить въ обѣтованную землю независимости.

— Надѣюсь, вы поймете то, что я вамъ скажу, замѣтилъ профессоръ Эйнзидель. Черная порода людей не имѣетъ самостоятельнаго развитія. Она, насколько мы видимъ до сихъ поръ, ничего не прибавила къ умственнымъ и нравственнымъ сокро-

вищамъ человѣчества. Во всякомъ случаѣ, врядъ ли усилія другихъ народовъ ихъ освободить будутъ имѣть желаемый успѣхъ, если къ нимъ не явится на помощь единственный, незнающій неудачи освободитель, имя которому образованіе. Извѣстны ли вамъ новѣйшія изслѣдованія на счетъ потомковъ Іафета?

— О, нѣтъ.

Профессоръ намѣревался разсказать фрейленъ Милькъ, какія важныя открытія въ послѣднее время были сдѣланы въ свертках египетскаго папируса. Оказывалось, что прежніе толкователи и переводчики Библіи были плохіе знатоки египетскаго языка и литературы. Теперь ученые дознались, что всѣ главныя событія, о которыхъ повѣствуетъ Библія, существуютъ также и въ египетскихъ рукописяхъ. Одинъ только великій подвигъ освобожденія израильтянъ отъ рабства остается по прежнему исключительно за Моисеемъ и стоитъ совершенно одиноко во всей исторіи древняго міра.

Профессоръ радовался, что нашелъ такую внимательную слушательницу, и собирался говорить чрезвычайно долго и много, какъ вдругъ былъ прерванъ приходомъ ловчаго съ бочаромъ и съ дочерью Семиствольника. Они явились къ маіору объявить ему о предстоящей женитьбѣ бочара, который вмѣстѣ съ невѣстой пріобрѣталъ еще и заведеніе подъ вывѣской «Карпа».

Маіоръ, услышавъ изъ сосѣдней комнаты голоса вновь прибывшихъ, потребовалъ ихъ къ себѣ, увѣряя, что видъ ихъ счастья разомъ возвратитъ ему здоровье. Онъ между прочимъ всячески убѣждалъ ловчаго больше не пьянствовать. Клаусъ обѣщался, говоря, что въ послѣдній разъ напьется на свадьбѣ сына, а затѣмъ уже никогда не будетъ пить сверхъ того, что понадобится для утоленія его жажды. Онъ не помнилъ себя отъ радости, что отнынѣ будетъ отцемъ содержателя гостинницы.

Это простое, само по себѣ малозначущее событіе внесло освѣжающій элементъ въ мрачную и удушливую атмосферу, которая съ виллы Эдемъ распространилась на всю окрестность. Профессору Эйнзиделю вдругъ пришла на умъ благая мысль. Онъ предложилъ Клаусу, въ знакъ благодарности за выпавшее ему на долю счастье, сдѣлать доброе дѣло и взять къ себѣ въ домъ негра Адама. Ловчій немедленно согласился. Фрейленъ Милькъ предупредила его на счетъ непреодолимой лѣни Адама, котораго очень трудно было заставить работать, но въ тоже время просила обращаться съ нимъ какъ можно мягче и дружелюбнѣе. Клаусъ обѣщался и увелъ съ собой Адама.

Собаки на дворѣ ловчаго, увидѣвъ негра, бѣшено принялись лаять, а женщины въ испугѣ отъ его внезапнаго появленія не

могли удержаться отъ крика. Послѣднія впрочемъ вскорѣ оправились отъ своего страха, но собаки начинали снова лаять всякій разъ, какъ только негръ выходилъ на дворъ....

Докторъ, пріѣхавъ съ профессоршей провѣдать маіора, съ удовольствіемъ узналъ, что Адама болѣе не было въ домѣ. Радость его еще усилилась, когда онъ увидѣлъ маіора сидящимъ въ постелѣ и съ наслажденіемъ покуривающимъ свою длинную трубку. Посовѣтовавъ больному однако еще беречься, докторъ вызвалъ профессоршу и фрейленъ Милькъ въ другую комнату. Тамъ онъ имъ объявилъ, что имѣлъ весьма справедливую причину гордиться: онъ получилъ отъ Беллы изъ Антверпена письмо слѣдующаго содержанія:

«Вы одни никогда мнѣ не льстили, но всегда были ко мнѣ холодны,—за это я хочу вамъ оставить послѣ себя память. Дарю вамъ моего попугая. Эта птица въ моихъ глазахъ есть совершеннѣйшее созданіе природы: она говоритъ только то, чему ее научатъ. Прощайте!—Белла.»

Обѣ женщины въ испугѣ переглянулись, а фрейленъ Милькъ, къ удивленію доктора, замѣтила, что хотя Пранкенъ никогда не оказывалъ ей и тѣни, не только дружелюбія, но даже самой простой учтивости, она тѣмъ не менѣе теперь его отъ души сожалѣетъ. Лишившись невѣсты, онъ теряетъ также и сестру, которая сверхъ того навлекаетъ на него еще и стыдъ.

Еслибъ Пранкенъ могъ подозрѣвать, что фрейленъ Милькъ принимаетъ въ немъ участіе и сожалѣетъ его, это было бы для него самымъ тяжелымъ ударомъ.

Затѣмъ докторъ описалъ смятеніе, какое произвело въ Вольфсгартенѣ внезапное исчезновеніе Беллы. Тамъ еще и до сихъ поръ не могли вполнѣ дознаться, взяла ли она съ собой оставшуюся послѣ Клодвига значительную сумму денегъ, или нѣтъ.

— Съ отъѣздомъ Беллы, сказалъ докторъ, мнѣ какъ будто чего-то недостаетъ. Я, если можно такъ сказать, утратилъ барометръ, дававшій мнѣ возможность правильно судить о настроеніи духа здѣшняго общества. Теперь, когда этой женщины здѣсь болѣе нѣтъ, вполнѣ обнаруживается, какъ далеко простиралось ея вліяніе на умы: оно, можетъ быть, даже превосходило занимаемое ею положеніе въ свѣтѣ. А впрочемъ вся эта исторія меня чрезвычайно радуетъ: она доказываетъ, что въ мірѣ еще не перевелись сильныя натуры.

— Вы любите эксцентричности, замѣтила профессорша.

— Вовсе нѣтъ. То, что другимъ кажется эксцентричностію, въ моихъ глазахъ не болѣе какъ естественное послѣдствіе извѣстнаго рода образа дѣйствій. Белла именно такъ, а не иначе

должна была поступить, сообразуясь съ влеченіями своего геройскаго духа. Капитанъ Эрихъ свидѣтель тому, что я уже давно предвидѣлъ нѣчто подобное этому. Белла и Зонненкампъ чрезвычайно похожи другъ на друга. Оба умны, даровиты, проницательны, свободны въ своихъ сужденіяхъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о другихъ, но злы, эгоистичны, нетерпимы во всемъ, что касается лично ихъ самихъ. Теперь, когда ее уже здѣсь нѣтъ, я могу сказать, что на совѣсти ея лежитъ убійство. Она совершила его не кинжаломъ и не ядомъ, но смертоносными словами, которыя поразили Клодвига въ самое сердце. Онъ самъ мнѣ въ томъ сознался.

— Какъ все это возможно при такомъ обширномъ образованіи? сказала профессорша.

— Въ этомъ-то и штука, возразилъ докторъ. Исключительно духовная жизнь не годилась для Беллы. Нечаянно попавъ въ самую среду ея, она растерялась и рѣшительно не знала, за что̀ ей взяться. Тутъ ея образованіе ни въ чемъ не могло ей помочь. До сихъ поръ существовало только религіозное лицемѣріе, теперь начинаетъ появляться лицемѣріе, внушаемое желаніемъ, если не быть, то казаться образованнымъ. Впрочемъ, нѣтъ, графиня Белла ни въ чемъ не лицемѣрила, она въ сущности даже не была зла, а просто-на-просто невѣжественна и дика.

— Невѣжественна?!

— Да. Думать и заботиться о другихъ можетъ только человѣкъ нравственно и сердечно образованный. Белла постоянно думала только о самой себѣ, имѣла въ виду только собственныя рѣчи и ощущенія. Я долгое время трудился надъ открытіемъ основной причины всѣхъ ея дѣйствій и стремленій, и наконецъ нашелъ, чего искалъ. Причина эта заключается въ чрезмѣрномъ сознаніи собственной красоты. «Я красавица» — вотъ исходная точка всего, начало, на которомъ возводится цѣлая система дѣйствій и отношеній къ другимъ людямъ. Все въ мірѣ существуетъ только для того, чтобъ преклоняться передъ красотой, удивляться ей и служить ей. Въ тотъ день, когда Белла вышла замужъ за графа Вольфсгартена, она измѣнила самой себѣ. На нее нашло какое-то затмѣніе, и она вѣроятно дѣйствовала подъ вліяніемъ минутной утраты сознанія своей красоты. Есть ли возможность безпристрастно и справедливо судить подобныхъ людей?

Изъ сосѣдней комнаты послышался голосъ маіора, который непремѣнно хотѣлъ знать, о чемъ съ такимъ жаромъ и такъ громко толкуетъ докторъ. Фрейленъ Милькъ поспѣшила къ нему и успокоила его, не скрывая впрочемъ, что у нихъ шла рѣчь о графинѣ Беллѣ.

Вдругъ съ виллы Эдемъ явился посланный. Церера была при смерти и къ ней требовали доктора и профессоршу.

И тотъ и другая немедленно отправились въ путь.

ГЛАВА IV.

ГЛАСЪ ВОПІЮЩАГО ВЪ ПУСТЫНѢ.

— Генрихъ, вернись ко мнѣ, пожалуйста вернись! Здѣсь твои деревья, твой домъ! Пріѣзжай, и я буду безъ устали танцовать. Ахъ, Генрихъ, Генрихъ!

Такъ неумолкно день и ночь восклицала Церера.

— Пойдемте со мной, звала она фрейленъ Пэрини. Мнѣ надо позаботиться о его вересковыхъ растеніяхъ. Я отъ него выучилась за ними ухаживать. Намъ надо припасти хорошей болотной земли. Мы ее высушимъ, столчемъ и просѣемъ. Возвратясь, онъ скажетъ: ты отлично распорядилась, Церера; ты у меня большая умница.

Она пошла съ фрейленъ Пэрини въ оранжереи и весьма толково объяснила садовнику, какъ важно постоянно поддерживать среднюю температуру въ томъ отдѣленіи, гдѣ находились вересковыя растенія.

Фрейленъ Пэрини послала за Эрихомъ: она боялась оставаться одна съ Церерой.

Но та вдругъ успокоилась. Она приподнимала горшки съ верескомъ, чтобъ удостовѣриться, достаточно ли сыры подъ ними поддонники. Затѣмъ она обратилась къ фрейленъ Пэрини и сказала:

— Одно время капитанъ Эрихъ учился у мужа садоводству. Господа ученые обыкновенно думаютъ, что имъ нечѣмъ отъ насъ позаимствоваться, а между тѣмъ они многому могли бы научиться у моего мужа. На мысѣ Доброй Надежды находится до двухъ сотъ различныхъ сортовъ вересковыхъ растеній. Вы можете мнѣ повѣрить, это я отъ него узнала... Ну, теперь пойдемте домой.

Онѣ вышли на площадку, гдѣ находился резервуаръ съ фонтанами.

Вдругъ Церера пронзительно вскрикнула. Она увидѣла ловчаго, а съ нимъ человѣка въ сѣрой блузѣ.

— Генрихъ, Генрихъ, это ты! закричала она. Я здѣсь, иди сюда. Зачѣмъ ты отворачиваешься.

Человѣкъ обернулся: то былъ негръ Адамъ.

Церера еще громче закричала:

— Ты превратился въ негра! Генрихъ, кто это съ тобой сдѣлалъ? Генрихъ, скинь съ себя черную кожу!

И она, однимъ прыжкомъ очутившись около негра, начала срывать съ него одежду, потомъ, вдругъ ослабѣвъ, опустилась на землю. Адамъ и ловчій отнесли ее въ домъ, гдѣ съ ней сдѣлались страшныя конвульсіи.

Немного спустя и самая жизнь покинула ее.

Манна и Роландъ въ безмолвной печали стояли на колѣняхъ передъ трупомъ матери. Цереру положили въ большой концертной залѣ посреди цвѣтовъ, которые такъ тщательно взростилъ ея мужъ.

Друзья приходили и уходили. Всѣ съ особенной нѣжностью относились къ Роланду. Явилась Лина и осыпала ласками Манну. Каждый, пожимая сиротамъ руки, какъ будто говорилъ: «Я здѣсь съ вами и готовъ вамъ, чѣмъ могу, помочь».

Пранкенъ то же пришелъ отдать послѣдній долгъ умершей. Онъ опустился на колѣни передъ гробомъ, а рядомъ съ нимъ молилась фрейленъ Пэрини.

Послѣ отпѣванія въ церкви, Цереру понесли на кладбище.

Пѣвчіе подъ предводительствомъ Кнопфа и учителя Фасбендера расположились вокругъ открытой могилы. Роландъ стоялъ, опираясь на Эриха, Манна—на профессоршу и тетушку Клавдію.

По окончаніи пѣнія впередъ выступилъ патеръ. Онъ спокойнымъ взглядомъ обвелъ всѣхъ присутствующихъ. Вокругъ все было тихо, только изъ лѣсу по временамъ доносился крикъ сороки, да пронзительный возгласъ кедровки.

Патеръ прочелъ молитву объ отпущеніи грѣховъ, благословилъ и трижды окропилъ святой водой открытую могилу. Затѣмъ онъ наклонился и бросилъ на гробъ три горсти земли, приговаривая: земля есть и въ землю отыдешь!

Патеръ еще разъ окинулъ взоромъ всѣхъ присутствующихъ, пристально взглянулъ въ лицо сиротамъ, прижалъ молитвенникъ къ груди и, сказавъ нѣсколько приличныхъ мѣсту и времени словъ, воскликнулъ:

— Бѣдное, богатое дитя изъ Новаго Свѣта! Для тебя отнынѣ начинается по истинѣ новая жизнь. Душа твоя, переселясь въ вѣчность, достигла настоящей, нетлѣнной славы и пріобрѣла богатство въ тысячу разъ драгоцѣннѣе всѣхъ твоихъ брилліантовъ, ибо ты при жизни, не взирая на всю твою суетность, была проникнута свѣтомъ истинной вѣры. Но вы, вы, стоящіе здѣсь, въ избыткѣ силъ и жизни,—къ вамъ обращаюсь я: вы можете воздвигать пышные хоромы, украшать ихъ драго-

цѣнными тканями, но явится смерть, владычица всего живого, и мгновенно положитъ всему конецъ. Тѣсный досчатый гробъ, глубоко погруженный въ землю—вотъ все, что въ сущности нужно человѣку. Божественный учитель сказалъ богатому юношѣ: раздай все, что имѣешь, и слѣдуй за мной. Неужели и вы со слезами отвернетесь и уйдете потому, что будете не въ силахъ разстаться съ земными благами?... Именемъ создавшаго нынѣшній день, Того въ чьихъ рукахъ судьба всего міра, заклинаю васъ: обратитесь къ истинѣ, перестаньте быть блуждающими во тьмѣ рабами! Ты, благородная дѣва, доселѣ лелѣявшая въ твоей душѣ самые возвышенные помыслы, брось взглядъ въ эту могилу, а затѣмъ перенесись мыслью къ тому времени, когда точно такая же бездна раскроется для тебя самой. Не отталкивай руки, которая хочетъ и можетъ тебя спасти. Для тебя настанутъ дни печали и ночи отчаянія. Ты съ тоскою будешь вопрошать у дня: гдѣ я и для чего живу на свѣтѣ? А по ночамъ въ ужасѣ станешь всюду видѣть грозный образъ смерти. Ты знала, гдѣ искать убѣжища отъ житейской бури, ты носила въ себѣ спасеніе.... но что же?—Ты оказалась трижды невѣрной, ты измѣнила себѣ самой, друзьямъ и твоему Богу!

Патеръ на мгновеніе остановился, затѣмъ, ударяя себя въ грудь, продолжалъ задыхающимся отъ волненія голосомъ:

— Какъ охотно, съ какой радостью умеръ бы я, еслибъ только могъ васъ спасти благодатью Св. Духа, глаголющаго черезъ мои уста. Оставьте все, что васъ еще удерживаетъ въ мірѣ и придите ко мнѣ, я буду вашимъ щитомъ и опорой, о дѣти печали, страданія, богатства и въ то же время крайней бѣдности.

Всѣ молчали, никто не двигался, и онъ, послѣ минутнаго молчанія, продолжалъ:

— Я сказалъ, что могъ, предупредилъ васъ по мѣрѣ силъ и средствъ моихъ. О ты, надъ чьей могилой мы теперь стоимъ, изъ глубины вѣчности возвысь голосъ на благо и спасеніе дѣтямъ. Пусть они, прежде чѣмъ бросить на твой гробъ обычную горсть земли, оттолкнутъ отъ себя все то, что называется земными сокровищами. Если они этого не сдѣлаютъ, мы будемъ молиться о нихъ, какъ объ умершихъ, но безъ надежды на ихъ просвѣтлѣніе. О Боже, смягчи сердца твоихъ дѣтей и обрати мысли ихъ къ вѣчности....

Голосъ патера дрожалъ отъ волненія. Роландъ, стоя возлѣ Эриха, едва держался на ногахъ. Къ нему подошелъ Вейдеманъ и положилъ ему на плечо руку.

Могилу между тѣмъ засыпали. Патеръ быстро удалился.

Пранкенъ послѣдовалъ за нимъ. Сироты то же пошли обратно на виллу.

Роландъ первый настолько овладѣлъ собой, чтобъ говорить:

— Я не дамъ себя напугать и въ конецъ обезсилить, рѣшительно произнесъ онъ. Я докажу, что страхъ безсиленъ надо мной.

Манна то же гордо выпрямилась.

Потрясеніе, причиненное дѣтямъ смертью матери, а потомъ воззваніе къ нимъ на ея еще раскрытой могилѣ, казалось внезапно пробудило въ нихъ новыя силы....

На слѣдующій день фрейленъ Пэрини выразила желаніе уѣхать съ виллы. Ей на прощаніе отдали весь богатый гардеробъ Цереры. Она, уложивъ его въ ящики, отправила на сохраненіе къ патеру, а сама уѣхала въ Италію къ молодой вдовѣ, дочери барона фонъ-Эндлиха.

ГЛАВА V.

ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЙ ДѢЛЕЖЪ.

На виллѣ Эдемъ водворились печаль и безмолвіе, но вокругъ кипѣла жизнь во всей своей обыденной обстановкѣ. Окрестные жители по прежнему усердно посѣщали пивныя лавочки и винные погребки, гдѣ шла рѣчь о Парижѣ, Лондонѣ, Америкѣ, о тѣхъ, кто уѣзжалъ изъ страны, или прибывалъ въ нее. Прирейнская жизнь вся на распашку, вся на виду.

Погребокъ сосѣдняго городка особенно охотно посѣщался всѣми любителями молодого вина, которое и во рту еще продолжаетъ шипѣть и пѣниться. Прежде всѣхъ явился торговецъ лѣсомъ,—впрочемъ о немъ нельзя сказать, что онъ явился, такъ какъ онъ постоянно пребывалъ въ погребкѣ, только изрѣдка навѣдываясь домой и снова возвращаясь въ любимый уголокъ, гдѣ было такъ прохладно лѣтомъ и такъ уютно тепло зимой.

Мало-по-малу въ залу погребка собрались всѣ его обычные посѣтители. Ихъ влекли туда увѣренность найти всегда готовую кружку хорошаго вина и надежда на веселую и оживленную бесѣду.

Общество сидѣло, тѣсно соединясь въ одинъ кружокъ. Сначала рѣчь долго вертѣлась на похоронахъ Цереры и на странномъ поведеніи патера на ея могилѣ. Многіе старались разрѣшить, не дѣйствовалъ ли онъ по наставленію епископа, или по крайней мѣрѣ съ его согласія. Но всѣ воздерживались отъ слиш-

комъ рѣзкихъ замѣчаній по этому поводу, изъ уваженія къ торговцу лѣсомъ, который, или лучше сказать жена котораго отличалась твердыми религіозными убѣжденіями.

Наконецъ, разговоръ мало-по-малу перешелъ съ патера на Зонненкампа. О послѣднемъ всѣ говорили съ нѣкотораго рода уваженіемъ, какое невольно возбуждаетъ къ себѣ всякая, даже направленная на зло, сила. Чтобъ торговать невольниками, выстроить домъ, подобный виллѣ Эдемъ, въ теченіи столькаго времени водить за носъ дворъ и наконецъ увезти графиню, надо было не мало смѣлости и энергіи.

Нотаріусъ, который былъ на одномъ пароходѣ съ Манной и съ фрейленъ Пэрини, когда тѣ ѣздили въ монастырь, выдавалъ за вѣрное, что принцъ Леонгардтъ собирается купить виллу Эдемъ. Въ сущности же онъ это говорилъ только съ цѣлью отбить охоту у всѣхъ другихъ покупщиковъ, съ тѣмъ, чтобъ послѣ взять на себя пріисканіе новаго владѣльца.

Постоянно засѣдавшій въ погребкѣ, торговецъ лѣсомъ, выразилъ мнѣніе, что для покупки виллы всего лучше было бы составиться цѣлому обществу, которое могло бы пріобрѣсти ее со всѣмъ, что въ ней заключается, а потомъ уже распродавать разные предметы по частямъ. Въ числѣ собесѣдниковъ находился одинъ виноторговецъ, который каждый годъ объявлялъ, что лишь только онъ распродастъ свой послѣдній запасъ вина, немедленно прекратитъ торговлю. Но это не мѣшало ему всякій годъ дѣлать новые запасы и по прежнему торговать. Онъ зарился на нѣкоторыя изъ виноградныхъ горъ Зонненкампа и былъ не прочь также пріобрѣсти въ свою пользу его погреба и кладовыя, со всѣмъ находившимся въ нихъ запасомъ. Лошади и собаки, само собой разумѣлось, не могли быть иначе проданы, какъ съ аукціона. Затѣмъ оставался только вопросъ о домѣ. Жить въ немъ могъ только милліонеръ, а обратить его въ фабрику было бы жаль. Вслѣдствіе этого испортился бы весь окрестный ландшафтъ.

— Вонъ идетъ пробователь вина! вдругъ закричали всѣ хоромъ.

То былъ тотъ самый человѣкъ, занимавшійся опредѣленіемъ качествъ вина, съ которымъ Эрихъ, возвращаясь домой послѣ ночи, проведенной у доктора, совершилъ часть путешествія. Лицо его имѣло багровый оттѣнокъ, какой сообщаетъ неумѣренное употребленіе винъ, и который дѣлаетъ невозможнымъ съ точностью опредѣлить годы человѣка. Къ тому же всѣ черты его были до такой степени подвижны, что казались выдѣланными изъ гуттаперчи.

Пробователь мигнулъ служанкѣ, которая по этому знаку уже понимала, какого вина ему принести. А онъ удобно усѣлся въ уголокъ, вынулъ изъ кармана портъ-сигаръ и раскрылъ его.

— Что новенькаго? спросили у него.

— Отличная погода и ничего болѣе, поспѣшилъ пробователь дать свой обычный отвѣтъ.

— Гдѣ ты пропадалъ? Тебя не было видно цѣлые три дня?

— Я былъ тамъ, гдѣ удлинняется человѣческая жизнь.

— Какъ? Что это значитъ?

— Я былъ въ столицѣ, гдѣ жизнь удлинняется, потому что тамъ время отъ скуки какъ будто идетъ вдвое медленнѣе.

— Старо, старо! закричали всѣ хоромъ. Нѣтъ ли чего-нибудь по-новѣе?

— Вамъ все давай новенькаго! Слушайте же. Та ложь, которая наиболѣе говоритъ неправды, часто оказывается самой забавной. Не такъ на этотъ разъ. Пусть-ка кто-нибудь изъ васъ сбѣгаетъ на корабль: они тамъ сидятъ рядышкомъ въ большой каютѣ и въ полномъ смыслѣ слова наслаждаются жизнью. Каждый изъ нихъ приноситъ въ приданое другому поваренную книгу, и оба не замедлятъ соединиться законнымъ бракомъ.

На пробователя со всѣхъ сторонъ посыпались упреки, зачѣмъ онъ безъ толку говоритъ такой вздоръ.

— Если вы мнѣ обѣщаетесь слушать спокойно, не прерывая меня, то я, пожалуй, соглашусь пообстоятельнѣе разсказать вамъ, какъ все было. Только прежде пусть кто-нибудь изъ васъ сбѣгаетъ на Рейнъ, для того чтобъ послѣ подтвердить, что разсказъ мой дѣйствительно правдивъ, какъ говоритъ старый лѣсничій.

Одинъ изъ присутствующихъ, по ремеслу бочаръ, былъ немедленно отправленъ на судно, которое въ настоящее время стояло здѣсь на якорѣ. Пробователь вина далъ ему необходимыя наставленія на счетъ того, о чемъ ему слѣдовало освѣдомиться, затѣмъ воскликнулъ:

— Мнѣ особенное счастье на разнаго рода исторіи. Наилучшія изъ нихъ такъ сами и бѣгутъ ко мнѣ въ руки.

— Разсказывай же скорѣй, въ чемъ дѣло? закричали всѣ.

— Ужъ не узналъ ли ты чего новаго о смѣльчакѣ Зонненкампѣ, или о прекрасной графинѣ?

— Вотъ еще! Это уже старая пѣсня! Нѣтъ, у меня есть нѣчто по-новѣе, по-свѣжѣе, прямо изъ печи. Названіе моей исторіи: любовь «Лорелеи» и «Бетховена», или поросенокъ, устроивающій бракъ! Смѣйтесь, смѣйтесь, вы увидите, что я говорю правду. Знаете вы метръ-д'отеля на пароходѣ «Лорелея?» Онъ носитъ про-

звище ходячей таблицы умноженія и отличается большою честностью, такъ какъ открыто сознается, что составилъ себѣ препорядочное состояньице съ помощью ловкихъ умноженій, какія совершаетъ на счетахъ своихъ потребителей. Къ сожалѣнію, онъ не женатъ. Пить и ѣсть онъ любитъ»....

— Мы его отлично знаемъ, дальше, дальше.

— Не прерывайте же меня, говорю я вамъ! Я не имѣю надобности вамъ разсказывать мою исторію, съ меня достаточно того, что я ее знаю. Слушайте же: капитанъ «Лорелеи» такой, такой долговязый.... ну, да вы его не разъ видали.... онъ долгое время служилъ рулевымъ на «Адольфѣ».... Такъ вотъ этотъ самый капитанъ началъ всячески разжигать въ своемъ метръ-д'отелѣ страсть къ буфетчицѣ на «Бетховенѣ», пригожей, аппетитной женщинѣ, которая уже два года какъ овдовѣла. Вскорѣ, при встрѣчѣ кораблей во время ихъ плаванія по Рейну, между метръ-д'отелемъ и буфетчицей, съ помощью бѣлой шапки перваго и бѣлаго чепца послѣдней, начался обмѣнъ взаимныхъ привѣтствій. Но поближе взглянуть другъ на друга имъ удалось всего только двѣ недѣли тому назадъ въ Кёльнѣ, и то на нѣсколько минутъ. Съ тѣхъ поръ ходячая таблица умноженія замѣтно повеселѣла, хотя о свадьбѣ по прежнему и слышать не хочетъ. Все честолюбіе метръ-д'отеля «Лорелеи» устремлено на то, чтобъ никто не могъ найти въ приготовляемыхъ имъ кушаньяхъ ни малѣйшаго недостатка. Въ послѣднее время онъ съ особенной заботливостью откармливалъ для себя поросенка и наконецъ вчера порѣшилъ, что зажаритъ его сегодня. Капитанъ конечно зналъ, что оба судна нынѣшнюю ночь проведутъ здѣсь на якорѣ. Онъ укралъ поросенка и передалъ его капитану «Бетховена», который со своей стороны вручилъ его вдовѣ съ наставленіями, какъ его приготовить. Та охотно взялась за дѣло и вдобавокъ еще что-то состряпала. Затѣмъ, капитанъ «Лорелеи» пригласилъ своего метръ-д'отеля отъужинать съ нимъ на палубѣ «Бетховена». Метръ-д'отель согласился, и чтобъ не оставаться въ долгу у буфетчицы, которая спабжала ужинъ всѣми необходимыми яствами, взялся со своей стороны поставить вино. Все устроилось какъ нельзя лучше. Ходячая таблица умноженія съ «Лорелеи» перебралась на «Бетховена» и усѣлась за столъ, за которымъ, конечно, первое мѣсто занимала буфетчица. Вотъ они сидятъ и ѣдятъ. Метръ-д'отель восхищается поросенкомъ и говоритъ, что онъ почти также хорошо откормленъ и приготовленъ, какъ его собственный. Тутъ поднимается смѣхъ, обнаруживается плутня, всѣ очень довольны и наконецъ... здѣсь же, за блюдомъ поросенка устраивается и празднуется помолвка метръ-д'отеля «Лорелеи» съ буфетчицей «Бетховена».

Едва пробователь вина успѣлъ дойти до этого мѣста въ своемъ разсказѣ, какъ явился бочаръ, а съ нимъ вмѣстѣ на лицо и самъ капитанъ «Лорелеи». Послѣдній не замедлилъ подтвердить справедливость его словъ и со своей стороны объявилъ, что помолвленные въ равной степени одержимы одной и той же страстью. Они въ теченіи лѣта съ одинаковымъ рвеніемъ копили деньги, а теперь сидятъ вмѣстѣ, смѣются и въ мыльной водѣ моютъ свои золотыя и серебряныя монеты.

Тутъ пришелъ рулевой, и общество потребовало отъ него повторенія разсказа объ отъѣздѣ Зонненкампа и графини Беллы, которую онъ какъ нельзя лучше узналъ.

Разговоръ снова перешелъ на судьбу виллы Эдемъ. Всѣ склонялись къ тому, чтобъ она была куплена цѣликомъ, со всѣмъ что въ ней есть,—обществомъ людей, которые потомъ занялись бы перепродажей ея по частямъ, раздѣляя выручку по-ровну между собой.

Нотаріусъ, которому сильно не хотѣлось допустить осуществленіе этого плана, принялся его осмѣивать и объявилъ, что онъ въ шутку сказалъ, будто принцъ Леонгардтъ съ своей стороны намѣревается купить дачу. Всего вѣрнѣе, что ее и продавать не станутъ. Зачѣмъ дѣтямъ Зонненкампа отсюда уѣзжать? Ихъ здѣсь всѣ любятъ, несмотря на то, что знаютъ кто они. Всѣ другіе были согласны съ нотаріусомъ и замѣтили, что кому-нибудь слѣдовало бы посовѣтовать молодымъ людямъ остаться въ странѣ. Это оказывалось тѣмъ болѣе удобнымъ для здѣшнихъ обывателей, что все богатство главнымъ образомъ переходило въ руки такого достойнаго человѣка, какъ капитанъ Дорнэ.

Разговоръ становился все оживленнѣе и шумнѣе, чему не мало способствовало вино, вторые всѣмъ приходилось какъ нельзя болѣе по вкусу. Одна бутылка быстро смѣнялась другой и мгновенно опорожнялась. Наконецъ, общество рѣшилось разойтись. Торговецъ лѣсомъ увлекъ за собой въ уединенный переулокъ двухъ товарищей и сказалъ имъ, что жаль было бы, еслибъ дѣйствительно составилось общество для покупки и потомъ перепродажи виллы и находящихся на ней вещей. Не лучше ли имъ втроемъ постараться забрать это дѣло въ свои руки? Вейдеманъ изъ Маттенгейма былъ назначенъ опекуномъ дѣтей и полновластнымъ распорядителемъ ихъ имѣнія. Онъ человѣкъ хорошій, сговорчивый и потому прежде всего надо войти съ нимъ въ сношеніе.

На слѣдующее утро къ Вейдеману явился нотаріусъ, который всячески началъ склонять его поручить ему продажу

виллы. Онъ обѣщалъ при этомъ соблюсти всѣ выгоды ея теперешнихъ владѣльцевъ. Едва успѣлъ Вейдеманъ его отправить, какъ пришелъ торговецъ лѣсомъ съ своими двумя товарищами. Вейдеманъ поспѣшилъ и отъ нихъ отдѣлаться, объявивъ, что о продажѣ виллы никто и не помышляетъ.

ГЛАВА VI.

ОБРЕМЕНИТЕЛЬНОЕ НАСЛѢДСТВО.

Между тѣмъ какъ въ погребкѣ шли оживленные толки о Зонненкампѣ и рѣшалась судьба его дома и имущества, Манна и Роландъ сидѣли вмѣстѣ, погруженные въ тихую печаль.

Обыкновенно, послѣ сильнаго нравственнаго потрясенія и слѣдующаго затѣмъ неестественнаго напряженія силъ, наступаетъ періодъ утомленія, непреодолимой потребности отдыха, которую вполнѣ удовлетворить можетъ одинъ только сонъ, всегда благодѣтельно дѣйствующій на организмъ человѣка.

Да и что могли пока предпринять бѣдныя дѣти? Отецъ ихъ покинулъ, мать умерла, на дворѣ свирѣпствовала зимняя буря.

Зонненкампъ оставилъ сыну и дочери большую часть своего громаднаго состоянія, которое, по его увѣренію, не было запятнано никакимъ преступленіемъ. Но тѣмъ не менѣе дѣти сомнѣвались, чтобъ оставленное имъ отцомъ наслѣдство принесло имъ счастье и покой. Они недоумѣвали, что̀ съ нимъ дѣлать, и спрашивали себя, не обязаны ли они вовсе отъ него отказаться. Они, правда, привыкли къ роскоши, выросли въ нѣгѣ и успѣли полюбить домъ и садъ; но съ другой стороны послѣдчія событія почти совсѣмъ притупили въ нихъ сознаніе преимуществъ, какія доставляетъ человѣку богатство. Эрихъ и Манна хотѣли создать для себя совершенно новую жизнь. Въ Роландѣ, помимо всякаго посторонняго вліянія, возникла совершенно опредѣленная склонность къ изученію агрономіи. Онъ объявилъ Маннѣ, что намѣренъ добывать себѣ хлѣбъ трудами рукъ своихъ.

— Ахъ, сказалъ онъ, еслибъ и ты могла избрать себѣ какую-нибудь дѣятельность.

Вдругъ свѣтлая улыбка, мелькнувъ на его губахъ, подобно солнечному лучу, неожиданно прорѣзывающему мрачную тучу, мгновенно разогнала туманъ, застилавшій его свѣжее, юное лицо.

— Я забылъ, живо проговорилъ онъ, что ты будешь женой Эриха.

Манна молчала.

— Что ты такъ прилежно читаешь? спросила она немного спустя, видя, какъ братъ, не разгибаясь, сидѣлъ наклоненный надъ книгой.

Онъ указалъ ей на заглавіе книги: то былъ учебникъ лѣсоводства.

Роландъ съ явнымъ интересомъ изучалъ процессъ произрастанія деревьевъ и способы, какими человѣкъ умудрялся ускорять ихъ ростъ.

— Я не могъ бы, подобно отцу, ухаживать за садовыми растеніями, сказалъ онъ, но полагаю, что все-таки наслѣдовалъ отъ него пробуждающуюся во мнѣ теперь склонность къ лѣсоводству. Я думаю, что сила и плодородіе почвы, равно какъ законы роста деревъ одни и тѣже въ Новомъ и Старомъ Свѣтѣ.... то-есть одинаковы на всемъ земномъ шарѣ, хочу я сказать.

Роландъ еще не рѣшался объявить Маннѣ о своемъ намѣреніи уѣхать въ Америку. Братъ и сестра даже между собой избѣгали говорить о будущемъ, которое, они хорошо знали, несмотря на отличную внѣшнюю обстановку, будетъ лишено одного изъ важнѣйшихъ элементовъ счастія, а именно — чести.

Вскорѣ на виллу пріѣхалъ Вейдеманъ и вмѣстѣ съ Эрихомъ, въ присутствіи нотаріуса, принялся разсматривать содержаніе шкафовъ и бумагъ Зонненкампа. Въ пюпитрѣ письменнаго стола лежали ключи и объясненіе таинственныхъ буквъ на одномъ изъ замковъ, къ которымъ слѣдовало подобрать слово, чтобъ открыть потаенный ящикъ. Слово это было имя Манны.

Имущество Зонненкампа находилось въ большомъ порядкѣ. Оно преимущественно заключалось въ многочисленныхъ связкахъ государственныхъ бумагъ всевозможныхъ странъ Европы, въ американскихъ банковыхъ билетахъ и въ различныхъ акціяхъ. Тутъ были бумаги самой разнообразной формы, величины и всѣхъ цвѣтовъ радуги.

Вейдеманъ непремѣнно желалъ, чтобъ Эрихъ и Роландъ, съ помощью Іозефа, отвезли эти бумаги въ ближайшій торговый городъ и отдали ихъ тамъ на сохраненіе въ вѣрныя руки.

Пріѣхавъ туда, молодые люди отправились прямо къ еврейскому банкиру, жилище котораго находилось посреди большого сада, вслѣдствіе чего представляло рѣдкое соединеніе городскихъ удобствъ съ чисто-сельской тишиной и уединеніемъ. Кипучая, торговая дѣятельность сосредоточивалась въ центрѣ города, здѣсь же, на одной изъ его окраинъ, царствовали миръ и полнѣйшая свобода. Въ домѣ все отличалось роскошью и тончайшимъ вку-

сомъ, свидѣтельствовавшимъ о высокой степени развитія хозяина.

Эрихъ засталъ банкира въ украшенной прекрасными статуями обширной залѣ библіотеки. Онъ былъ удивленъ исполненнымъ достоинства и самообладанія обращеніемъ этого человѣка, который въ Вольфсгартенѣ у смертнаго одра Клодвига держалъ себя такъ скромно и незамѣтно.

Разговоръ совершенно естественно не замедлилъ коснуться покойнаго графа и Беллы. Сужденія банкира отличались большою кротостью; онъ выражалъ сожалѣніе къ Беллѣ, предпріимчивый духъ которой довелъ ее до такой крайности. На второй бракъ Клодвига онъ смотрѣлъ какъ на ошибку. Женясь на Беллѣ, графъ самъ впалъ въ заблужденіе и невольно обманулъ жену, заставивъ ее думать, будто она способна вести тихій, уединенный образъ жизни.

Затѣмъ банкиръ повезъ молодыхъ людей въ свою контору, находившуюся въ торговой части города. Здѣсь, посреди поглощавшей его дѣятельности, банкиръ снова явился совсѣмъ другимъ человѣкомъ. У него, такъ сказать, было двѣ души, —одна для конторскихъ занятій, другая для домашней, семейной жизни. Любезный, разговорчивый, щедрый и привѣтливый дома, онъ въ конторѣ былъ сухъ, сдержанъ, скупъ на слова и въ высшей степени разсчетливъ.

На просьбу Эриха взять къ себѣ на сохраненіе огромное богатство Манны и Роланда, онъ не согласился, а посовѣтовалъ лучше отдать его въ городской банкъ.

Эрихъ и Роландъ, въ сопровожденіи кассира, который оказался однимъ изъ сыновей учителя Фасбендера, отправились въ указанный имъ банкъ и внесли туда свои бумаги.

Выходя изъ зданія банка, Роландъ глубоко вздохнулъ, какъ облегченный.

Онъ вернулся на виллу Эдемъ гораздо бодрѣе и спокойнѣе, нежели уѣхалъ. Съ него точно свалилось тяжелое бремя. Тѣмъ не менѣе онъ сильно стремился поскорѣй перебраться въ Маттенгеймъ и былъ чрезвычайно обрадованъ, когда Эрихъ объявилъ ему, что поѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ. Послѣдній тоже намѣревался, по зрѣломъ размышленіи, избрать себѣ какое-нибудь занятіе, чтобъ съ помощью его собственными средствами достигнуть независимаго положенія въ свѣтѣ.

Когда Эрихъ сообщилъ маіору о своихъ планахъ, тотъ, въ свою очередь, повѣрилъ ему собственное затрудненіе. Онъ сильно горевалъ, что на старости лѣтъ долженъ былъ заботиться о прінсканіи и устройствѣ себѣ новаго гнѣзда. Братъ хозяина его до-

мика былъ вдовецъ и теперь снова намѣревался жениться. Его помолвка уже состоялась, а самая свадьба должна была совершиться весной. Фрейленъ Милькъ полагала, что она могла быть не болѣе, какъ развѣ только терпима въ близкомъ сосѣдствѣ съ молодой женщиной, и никакъ не хотѣла съ этимъ примириться. А тутъ еще братъ хозяина объявилъ, что намѣренъ взять отъ маіора одну изъ его любимѣйшихъ комнатъ и устроить ее для родственниковъ и гостей, которые вздумали бы къ нему пріѣхать. Это послужило сигналомъ къ возмущенію для фрейленъ Милькъ, которая немедленно и рѣшительно, хотя очень скромно и съ выраженіями безграничной благодарности, сказала, что она намѣрена совсѣмъ выѣхать изъ этого дома.

То былъ чуть ли не первый разъ, что между маіоромъ и фрейленъ Милькъ пробѣжала легкая тѣнь несогласія.

Но когда маіоръ увидѣлъ, какъ глубоко фрейленъ Милькъ почувствовала его упреки въ самовольствѣ, онъ съ своей стороны сталъ винить себя за слишкомъ большую податливость и за отсутствіе въ себѣ всякой благородной гордости. Болѣе того, онъ благодарилъ свою подругу за то, что она такъ ревностно старалась поддерживать честь его дома.

Затѣмъ онъ сталъ обсуживать съ нею планъ ихъ переселенія въ замокъ, гдѣ уже было готово нѣсколько комнатъ. Ему сильно улыбалась жизнь на высотѣ, откуда разстилался такой чудный видъ. Но фрейленъ Милькъ была противъ этого. Ее пугали трудности, которыя съ водвореніемъ въ замкѣ, безъ сомнѣнія, не замедлили бы возникнуть въ ея сношеніяхъ съ мясникомъ, булочникомъ, молочницей и всякаго рода другими торговцами и промышленниками.

— Въ такомъ случаѣ объ этомъ и рѣчи быть не можетъ, замѣтилъ маіоръ. Но прошу васъ, напомните мнѣ, чтобъ я спросилъ у капитана Дорнэ, какъ въ былое время въ замкахъ жили рыцари.

При слѣдующемъ своемъ свиданіи съ Эрихомъ, то былъ первый вопросъ, съ которымъ маіоръ къ нему обратился. Затѣмъ онъ высказалъ ему свое затрудненіе насчетъ пріисканія себѣ новаго жилища.

На другое утро Эрихъ, отправляясь въ Маттенгеймъ, въ первый разъ въ присутствіи матери поцѣловалъ свою невѣсту.

Эрихъ и Роландъ уѣхали.

За ними послѣдовалъ также и Адамъ, котораго въ Маттенгеймѣ собирались пріучать къ труду.

Женщины остались однѣ съ профессоромъ Эйнзиделемъ и съ маіоромъ, который почти безвыходно у нихъ жилъ.

Вилла опустѣла и погрузилась въ молчаніе. Многіе изъ слугъ были распущены, оставались почти исключительно одни садовники.

Манна поселилась въ виноградномъ домикѣ. Она носила трауръ, вслѣдствіе чего ея темные глаза казались еще больше и блестящѣе. Молодая дѣвушка старалась вовсе забыть, что за стѣнами ея жилища существуетъ общество, съ которымъ она не хотѣла имѣть ничего общаго. Она буквально не разставалась съ тетушкой Клавдіей, читала съ ней, играла на арфѣ и наблюдала надъ звѣздами. Въ одномъ изъ своихъ писемъ въ Маттенгеймъ къ Эриху, она между прочимъ писала: «Замѣчаніе твоего отца насчетъ дамы, которая въ трауръ не хотѣла слышать музыки, не сбывается на мнѣ. Я, напротивъ, нахожу въ музыкѣ чуть ли не больше утѣшенія, чѣмъ въ наблюденіи надъ звѣздами.»

ГЛАВА VII.

ЗАТИШЬЕ И НОВАЯ ТУЧА.

Въ Маттенгеймѣ кипѣла самая дѣятельная жизнь. Тамъ день начинался и кончался рано, и въ теченіи его всякій работалъ по мѣрѣ своихъ силъ. Эрихъ занимался на пороховомъ заводѣ, находившемся подъ вѣдѣніемъ одного изъ сыновей Вейдемана. Негръ Адамъ, видя всеобщее прилежаніе, началъ стыдиться своей лѣни и тоже принялся за трудъ. Онъ, подъ руководствомъ вышедшаго изъ исправительнаго дома работника, учился пахать и сѣять и, кромѣ того, пробовалъ свое искусство на токарномъ станкѣ, но пока никакъ не могъ справиться съ колесомъ, которое у него ни за что не хотѣло вертѣться въ тактъ. Охотнѣе всего онъ работалъ на мельницѣ. Забавно было смотрѣть, какъ онъ важно расхаживалъ тамъ по двору, весь обсыпанный мукой, вслѣдствіе чего чернота его кожи казалась еще поразительнѣе. По вечерамъ онъ тоже довольно прилежно занимался съ Кнопфомъ.

Самымъ счастливымъ человѣкомъ въ Маттенгеймѣ былъ именно нашъ другъ Кнопфъ. Дѣйствительно, чего ему не доставало? Онъ находился въ обществѣ Вейдемана, котораго уважалъ, Эриха, котораго высоко цѣнилъ, и Роланда, котораго безъ ума любилъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ двухъ учениковъ, князя и невольника. Да, на долю князя Валеріана выпало учиться вмѣстѣ съ негромъ. Пока Адамъ старался списывать начерченныя для него Кнопфомъ буквы, онъ продолжалъ съ послѣднимъ свои занятія по математикѣ.

Каждый день, какая бы ни была погода, непремѣнно производились полевыя работы, а также межеваніе во вновь-пріобрѣтенномъ имѣніи. Кромѣ того, на практикѣ изучалась наука лѣсоводства, а иногда и устраивалась охота, въ которой особенно отличался Роландъ.

Вейдеманъ былъ очень счастливъ тѣмъ, что могъ приводить въ исполненіе свой планъ насчетъ основанія новой деревни на землѣ, которую купилъ у казны. Онъ старался внушать молодымъ поселянамъ, что одно винодѣліе, безъ поддержки земледѣлія, не можетъ доставить имъ ни полнаго обезпеченія, ни даже временного довольства, и это не только въ дурные годы, но постоянно. Небогатый виноградарь, вынужденный уже съ осени запродавать небольшой запасъ выдѣланнаго имъ вина, выручаетъ за него гораздо менѣе его настоящей цѣны. Земледѣлецъ же, напротивъ, продающій по мелочамъ пшеницу или картофель, получаетъ за малое количество своего товара ту же цѣну, что и большіе торговцы. Виноторговля далеко не представляетъ тѣхъ выгодъ.

Кнопфъ умолялъ не выводить въ новой деревнѣ домовъ подъ одну прямую линію. Архитекторъ не мало его утѣшилъ, указавъ ему на извилистый ручеекъ и на холмъ съ возвышавшейся на немъ церковью, которые должны были придать всему селенію чрезвычайно живописный видъ.

Роландъ въ теченіе дня буквально переходилъ изъ рукъ въ руки. Каждый изъ сыновей Вейдемана поочереди просвѣщалъ его въ томъ, что̀ самъ лучше зналъ.

Въ Вейдеманѣ всего болѣе поражало чрезвычайное равновѣсіе между собой всѣхъ его нравственныхъ и умственныхъ силъ. При одномъ взглядѣ на его самообладаніе мгновенно утихала всякая тревога. Въ достоинствѣ, съ какимъ онъ себя держалъ, не было ничего холоднаго или натянутаго. Онъ обладалъ въ высшей степени вѣрнымъ взглядомъ на вещи. Отъ его проницательности не ускользали ни одинъ промахъ, ни одна ошибка какъ въ политической, такъ и въ частной жизни, но подмѣчая ихъ, онъ никогда не утрачивалъ своего спокойствія и не падалъ духомъ.

Рѣка, дотого прозрачная, что всякій можетъ свободно видѣть ея дно, всегда кажется менѣе глубокой, чѣмъ она есть въ дѣйствительности. Тоже самое было и съ Вейдеманомъ. Его по наружности считали не столько умнымъ и даровитымъ, сколько дѣловымъ человѣкомъ.

Вечера̀ въ Маттенгеймѣ обыкновенно проводились всѣми вмѣстѣ, а праздничные отличались торжественностью, которая въ наши дни, къ сожалѣнію, быстро отживаетъ. Вообще здѣш-

ная жизнь дышала первобытной чистотой и поражала обиліемъ производительныхъ силъ.

Госпожа Вейдеманъ, въ чрезвычайно простомъ, но чистомъ нарядѣ, цѣлый день суетившаяся по хозяйству, къ вечеру обыкновенно замѣняла его болѣе свѣжимъ и пышнымъ. Въ Маттенгеймѣ не существовалъ обычай всѣмъ вмѣстѣ собираться на молитву, но Вейдеману было свойственно своего рода особенное религіозное настроеніе духа, которое при извѣстныхъ обстоятельствахъ всегда ясно давало себя чувствовать.

Не мало содѣйствовалъ къ поддержанію въ обществѣ веселости также и князь Валеріанъ. Любознательность, которая высказалась въ немъ еще въ первые дни его пребыванія въ Вольфсгартенѣ, теперь, казалось, еще болѣе въ немъ развилась. Онъ былъ неутомимъ въ своихъ разспросахъ, а Вейдеманъ всегда имѣлъ для него готовые отвѣты.

Теперь Роландъ очутился въ совершенно новой средѣ и испытывалъ на себѣ благотворное вліяніе частыхъ столкновеній съ людьми, которые не позволяли ему слишкомъ углубляться въ самого себя и заниматься исключительно собственной личностью. Ему приходилось выслушивать отвѣты на вопросы, которые ставилъ не онъ, а кто-нибудь другой. Это заставляло его серьезнѣе въ нихъ вдумываться, вслѣдствіе чего и отвѣты глубже западали ему въ душу.

Возвращаясь съ полевыхъ или горныхъ работъ, съ фабрикъ или изъ вновь строившагося села, всякій по лицу госпожи Вейдеманъ мгновенно видѣлъ, если были письма изъ Америки.

Докторъ Фрицъ очень часто писалъ, а иногда и Лиліана также. Въ послѣднемъ случаѣ, всеобщей радости не было конца.

Кнопфъ втайнѣ наслаждался мыслью, что онъ былъ вѣрнымъ и молчаливымъ хранителемъ любви въ романтическомъ духѣ.

Вейдеманъ то и дѣло предсказывалъ приближеніе страшной грозы, которая, разразясь въ Новомъ Свѣтѣ, по его мнѣнію, неизбѣжно должна была очистить воздухъ также и въ Старомъ.

Кнопфъ, воодушевляемый такого рода рѣчами, разсказывалъ, какъ благонамѣренные люди старались внушить Людовику XII, что дикари, для успѣшнаго распространенія между ними слова Божія, необходимо должны были быть сначала превращаемы въ невольниковъ. Дикари съ теченіемъ времени сдѣлались христіанами, но ихъ покорители и просвѣтители, присоединивъ ихъ къ истинной церкви, забыли... малость!... возвратить имъ свободу.

Госпожа Вейдеманъ всякій разъ, что заходила рѣчь о рабствѣ и о невольникахъ, бывала точно на иголкахъ. Она боялась впечатлѣнія, какое подобные разговоры могли производить на

Роланда. Впрочемъ она утѣшала себя мыслью, что мужъ ея безъ сомнѣнія знаетъ, что̀ дѣлаетъ, когда касается этого тяжелаго предмета.

И дѣйствительно, Вейдеманъ имѣлъ въ виду вполнѣ познакомить Роланда съ вопросомъ о невольничествѣ. Онъ хорошо зналъ, какъ люди вообще падки на софизмы, а тѣмъ болѣе юный, неопытный, удрученный печалью умъ, который въ софистическихъ доводахъ можетъ еще вдобавокъ найти для себя богатый источникъ утѣшенія. До свѣдѣнія Вейдемана дошли слухи, что не далѣе какъ въ сосѣднемъ торговомъ городѣ многіе, въ сущности честные и добрые люди, смотрѣли на вопросъ о невольничествѣ съ совершенно фальшивой точки зрѣнія. Это побудило его разомъ раскрыть передъ Роландомъ все, что было беззаконнаго, жестокаго и безчеловѣчнаго въ рабствѣ. Онъ не безъ основанія полагалъ, что чѣмъ юноша сильнѣе будетъ теперь страдать, тѣмъ съ бо̀льшей энергіей впослѣдствіи примется за дѣло искупленія грѣховъ своего отца. Движимый этой мыслью, Вейдеманъ при всякомъ удобномъ случаѣ съ вовсе несвойственной ему горячностью и даже рѣзкостью, высказывалъ свое негодованіе противъ тѣхъ, которые находятъ хотя малѣйшее извиненіе жестокому обращенію съ существами, подобно имъ самимъ, обладающими и здоровымъ смысломъ и даромъ слова.

Такъ жилось въ Маттенгеймѣ.

Въ домѣ Вейдемана процвѣтало между прочимъ также и пресловутое прирейнское гостепріимство. Туда не разъ пріѣзжалъ банкиръ, который не могъ достаточно нарадоваться на обнаруживаемую Роландомъ неутомимую дѣятельность.

Въ одинъ прекрасный день въ Маттенгеймъ явился, въ качествѣ гостя, не кто иной, какъ профессоръ Крутіусъ. Онъ дружески привѣтствовалъ Роланда, но тотъ обошелся съ нимъ чрезвычайно холодно.

Кнопфъ, бывшій товарищъ Крутіуса и даже нѣкогда рекомендовавшій его въ гувернеры на виллу Эдемъ, теперь формально объявилъ ему, что болѣе не считаетъ его своимъ другомъ. По его мнѣнію, профессоръ обязанъ былъ пощадить Зонненкампа ради дѣтей. Вейдеманъ, съ другой стороны, порицая способъ, къ которому Крутіусъ прибѣгнулъ для изобличенія богатаго американца, тѣмъ не менѣе уважалъ его за твердыя политическія убѣжденія и вовсе не желалъ прерывать съ нимъ дружескихъ отношеній.

Присутствіе профессора Крутіуса и сообщаемыя имъ свѣдѣнія о положеніи вещей въ Новомъ Свѣтѣ, еще болѣе ожи-

вили въ Маттенгеймѣ толки о предстоящей борьбѣ между рабствомъ и свободой.

Крутіусъ между прочимъ сообщилъ, что въ южныхъ штатахъ было очень много образованныхъ офицеровъ. Въ бытность свою въ военномъ училищѣ въ Вестъ-Пойнтѣ въ качествѣ учителя, онъ успѣлъ замѣтить, что тамъ было гораздо болѣе воспитанниковъ изъ южныхъ, нежели изъ сѣверныхъ штатовъ. Въ случаѣ распаденія Союза побѣда должна была, по всѣмъ вѣроятностямъ, остаться за негровладѣльцами, а въ такомъ случаѣ, прощай всякая надежда на водвореніе въ мірѣ свободы.

Съ отъѣздомъ профессора Крутіуса, Роландъ снова сдѣлался задумчивъ и безпокоенъ. Онъ исполнялъ все, что отъ него требовали, но, если его никто не тревожилъ, могъ, въ теченіи цѣлыхъ часовъ, сидѣть неподвижно, устремивъ глаза въ пустое пространство. Ни Вейдеману, ни Эриху не сообщалъ онъ предмета своихъ размышленій, и только рѣшился слегка намекнуть о немъ Кнопфу, въ увѣренности, что тотъ его не выдастъ и не станетъ ему противорѣчить.

Роландъ узналъ, что докторъ Фрицъ былъ злѣйшимъ врагомъ его отца.

Подобно пламени, которое отъ дуновенія вѣтра ярче разгорается, печаль въ душѣ Роланда отъ этого извѣстія внезапно сильнѣе вспыхнула. Горечь, возбужденная въ немъ раскрытіемъ страшной тайны и бѣгствомъ отца съ Беллою еще при жизни матери, смерть послѣдней и печальное наслѣдство, все это погружало его мысль въ какой-то хаосъ, изъ котораго онъ, со времени посѣщенія Крутіуса, вовсе не находилъ выхода. Онъ узналъ, что Лиліана дочь злѣйшаго врага его отца. Кромѣ того, онъ постоянно терзался страхомъ, вступивъ въ войско сѣверянъ, если вспыхнетъ война, встрѣтить отца во вражескомъ лагерѣ.

ГЛАВА VIII.

ПРИБЛИЖЕНІЕ БУРИ.

Великій законъ нашего времени, въ силу котораго будто бы всякое отдѣльное существованіе неизбѣжно должно быть связано съ какимъ-нибудь важнымъ проявленіемъ общественной жизни, никогда нигдѣ не оказывался справедливѣе, чѣмъ здѣсь, посреди дѣятельности, оживлявшей Маттенгеймъ. Мысли Вейдемана были постоянно устремлены на движеніе умовъ въ Новомъ Свѣтѣ, а

судьба юноши оказывалась неразрывно связанной съ этимъ самымъ движеніемъ.

Роландъ съ жадностію читалъ всѣ газеты и журналы, въ которыхъ обсуживался вопросъ о такъ-называемомъ невольничествѣ. Докторъ Фрицъ въ своихъ письмахъ съ недовѣріемъ отзывался о Линкольнѣ. Онъ сомнѣвался, чтобы человѣкъ, съ его открытымъ характеромъ и съ его безграничной вѣрой въ добро и людей, въ данную минуту поступилъ бы довольно рѣшительно съ южанами.

Роландъ часто слышалъ, какъ негровладѣльцевъ называли дворянчиками, и Вейдеманъ ему объяснилъ, что это имя къ нимъ подходило какъ нельзя болѣе. Плантаторы считали себя созданными исключительно для такъ-называемыхъ благородныхъ страстей. Они хотѣли только наслаждаться жизнію, предоставляя другимъ за нихъ работать и снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ для ихъ роскошнаго и празднаго существованія. Трудъ они считали для себя унизительнымъ, не подозрѣвая того, что онъ одинъ сообщаетъ человѣку истинное благородство.

Роландъ здѣсь въ первый разъ прочелъ романъ: «Хижина дяди Тома». Онъ пролилъ надъ нимъ много слезъ, но вслѣдъ затѣмъ въ умѣ его внезапно возникнулъ вопросъ:

«Что это? Несчастнымъ, претерпѣвающимъ гоненія и побои, обѣщаютъ вознагражденіе въ будущей жизни, гдѣ притѣснители, въ свою очередь, будутъ унижены, а рабы возвеличены? Но развѣ возможно вполнѣ изгладить претерпѣнныя страданія, сдѣлать такъ, какъ будто они не существовали?» Роландъ невольно вспомнилъ о ловчемъ, позднее признаніе невинности котораго развѣ могло его вознаградить за лишеніе свободы и за нравственныя мученія, которыя онъ претерпѣлъ?

Совершенно иное впечатлѣніе произвело на Роланда тщательно обработанное сочиненіе Фридриха Каппа «Исторія невольничества въ Америкѣ», появленіе котораго какъ нельзя лучше совпадало съ настоящими событіями.

Сначала юношѣ казалось непонятнымъ, какъ можно было такъ спокойно, съ чисто-исторической точки зрѣнія, излагать факты самаго возмутительнаго свойства, но при чтеніи одного мѣста у него невольно вырвался крикъ, какъ будто онъ былъ пораженъ въ самое сердце.

«Оснастители невольничьихъ кораблей, говорилось въ книгѣ, почти всѣ иностранцы, испанцы и португальцы, а къ сожалѣнію также... здѣсь слѣдовала черта, которая, какъ острый кинжалъ, кольнула Роланда... къ сожалѣнію также и нѣмцы!»

Тутъ же Роландъ въ первый разъ почувствовалъ недовѣріе и къ личности Веніамина Франклина.

Онъ прочелъ, что Франклинъ, предсѣдательствуя въ аболиціонистскомъ обществѣ Филадельфіи, подобно всѣмъ другимъ героямъ американской войны за освобожденіе, устремилъ все свое вниманіе исключительно на то, чтобы даровать Соединеннымъ Штатамъ прежде всего единство. Онъ надѣялся, что съ теченіемъ времени, при торжествѣ въ мірѣ свободнаго труда, невольничество само собою исчезнетъ съ лица земли.

Надежды его не сбылись, а слова Теодора Паркера получили новое и печальное подтвержденіе:

Всѣ великія событія въ исторіи человѣчества пишутся кровью.

Въ одной изъ комнатъ маттенгеймскаго дома висѣла картина Ари Шеффера, изображавшая поклоненіе младенцу Іисусу. Въ ней особенно поражаетъ фигура негра, который съ выраженіемъ надежды простираетъ къ божественному Искупителю руки, обремененныя оковами. Прошло двѣ тысячи лѣтъ, а несчастное племя все еще съ мольбой продолжаетъ простирать израненныя неволею руки къ великой идеѣ гуманности и свободы. Отчего это до сихъ поръ такъ оставалось?

Роландъ долго и задумчиво смотрѣлъ на картину. Онъ припомнилъ стихи Гёте объ Америкѣ и повторилъ ихъ Вейдеману, который ему отвѣчалъ:

— Удѣлъ свободныхъ людей не имѣть въ прошломъ образца, съ дѣяніями котораго они могли бы сравнивать свои собственные поступки. Они должны во всемъ руководствоваться собственными соображеніями. Если Гёте находитъ завидной участь американцевъ потому, что имъ не надо было бороться съ средневѣковыми предразсудками, то они сами не менѣе того гордятся этимъ преимуществомъ. А между тѣмъ, отказавшись отъ всего, что составляло жизнь предъидущихъ поколѣній, они сдѣлали исключеніе для рабства, которое многіе признаютъ за естественное положеніе рабочаго класса.

Вейдеманъ далъ Роланду прочесть рѣчь, которую Авраамъ Линкольнъ незадолго предъ тѣмъ произнесъ въ Нью-Іоркѣ.

Роландъ долженъ былъ прочесть ее вслухъ. Голосъ его дрожалъ, къ глазамъ подступали слезы, когда онъ читалъ:

«Республиканцы! если бы мы и рѣшились замолчать, то мы можемъ быть увѣрены, что демократы ни въ какомъ случаѣ не согласятся оставить этого дѣла. Мы не смѣемъ и не въ правѣ молчать. Иначе мы должны перестать смотрѣть на невольничество, какъ на зло, и намъ придется во всеуслышаніе про-

возгласить его учрежденіемъ справедливымъ и законнымъ. Тогда намъ оказалось бы необходимымъ измѣнить конституцію нашихъ свободныхъ штатовъ и вычеркнуть изъ нея все, что въ ней говорится противъ невольничества.

«Южане провозглашаютъ рабство учрежденіемъ нравственнымъ, которое возвышаетъ человѣчество. Чтобъ быть послѣдовательными, они должны еще признать его за общественное благо, которое надлежитъ всюду вводить.

«Наша совѣсть предписываетъ намъ возстать противъ подобнаго требованія. Мы должны исключительно руководствоваться чувствомъ долга и безъ колебанія отталкивать отъ себя всѣ злыя внушенія. Прочь всѣ софистическіе толки о полумѣрахъ, объ улаживаніи между добромъ и зломъ! Не то же ли бы это было, какъ еслибъ мы, говоря о человѣкѣ, старались доказать, что онъ ни живъ, ни мертвъ! Прочь отъ насъ государственная мудрость, объявляющая, что ей нѣтъ дѣла до вопроса, который касается всего человѣчества! Плѣномъ, тюрьмою насъ не испугаешь. Мы будемъ твердо держаться вѣрованія: право даетъ силу. Опираясь на него, мы до конца нашихъ дней ни на шагъ не отступимъ отъ долга».

Роландъ со слезами на глазахъ взглянулъ на картину, гдѣ негръ простираетъ руки въ оковахъ и изъ глубины его души внезапно поднялся голосъ: «ты будешь свободенъ».

ГЛАВА IX.

ГРОЗА РАЗРАЖАЕТСЯ.

«Пчелы, которыхъ мы привезли изъ Европы, теперь, съ наступленіемъ весны, начинаютъ летать на свободѣ...» писала Ліліана изъ Нью-Іорка.

Въ Маттенгеймѣ весна тоже быстро приближалась. Лѣсныя и полевыя работы принимали новый характеръ, бури съ градомъ и дождемъ быстро смѣнялись солнечнымъ сіяніемъ, на поляхъ пробивалась свѣжая зелень, которая пріятно ласкала глаза.

Изъ Маттенгейма разсылались друзьямъ приглашенія на прощальный праздникъ, дававшійся въ честь князя Валеріана, который собирался къ себѣ на родину. Изъ приглашенныхъ прежде всѣхъ явились обитательницы виллы Эдемъ, профессорша, тетушка Клавдія и Манна. Вслѣдъ за ними пріѣхали маіоръ и профессоръ Эйнзидель.

Манна и профессорша были очень ласково встрѣчены госпо-

жею Вейдеманъ и ея невѣсткою. Собраніе, въ домѣ людей самыхъ разнообразныхъ возрастовъ и характеровъ, придавало ему оживленіе, которое невольно сообщалось каждому вновь прибывающему лицу.

Сравнивая кипѣвшую въ Маттенгеймѣ дѣятельность со своимъ собственнымъ существованіемъ, въ послѣднее время лишеннымъ всякого живого интереса, обитательницы виллы Эдемъ почувствовали немалое угрызеніе совѣсти. Въ хозяйствѣ госпожи Вейдеманъ, несмотря на его сложность, все шло тихо, спокойно, безъ суетливости.... Госпожа Вейдеманъ особенно гордилась своими кладовыми, гдѣ хранились большіе запасы различной провизіи не только для ея семьи, но и для всѣхъ бѣдныхъ, которые обращались къ ней за помощію. Она, правда, жаловалась на недостатокъ времени для своего умственнаго образованія, но тутъ же съ улыбкой прибавляла, что въ этомъ случаѣ она подвергалась одной участи съ своимъ огородомъ. Она постоянно истребляла въ немъ птицъ, такъ какъ ей приходилось выбирать между ихъ пѣніемъ и болѣе или менѣе обильнымъ сборомъ салата и ягодъ.

Вмѣстѣ съ письмомъ Лиліаны пришли также и газеты, изъ которыхъ все общество съ удивленіемъ узнало, что въ Новомъ Свѣтѣ уже началась великая борьба. Вейдеманъ полагалъ, что не далѣе какъ къ слѣдующему лѣту вполнѣ созрѣетъ и благополучно разрѣшится величайшее событіе нашего вѣка и, можетъ быть, всей новѣйшей исторіи. Но въ то же время онъ опасался, чтобъ борьба не окончилась распаденіемъ штатовъ на части. Это нанесло бы сильный ударъ свободѣ и идеѣ гуманности; надъ ихъ торжествомъ въ мірѣ мы всѣ по мѣрѣ силъ трудимся. Передъ такимъ громкимъ печальнымъ событіемъ неизбѣжно стушевались бы всѣ мелкіе труды отдѣльныхъ личностей.

Вскорѣ пріѣхала также и Лина съ мужемъ и съ родителями, а за ней докторъ съ женой. Послѣдній привезъ всѣхъ изумившее извѣстіе, что Пранкенъ поступилъ офицеромъ въ папское войско.

Наконецъ, общество отправилось въ столовую, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ, который долженъ былъ быть послѣднимъ въ Маттенгеймѣ для князя Валеріана.

Вейдеманъ, занимавшій верхній конецъ стола, провозгласилъ тостъ въ честь отъѣзжающаго друга. Похваливъ его любознательность и человѣколюбивыя стремленія, онъ продолжалъ:

— Двѣ вещи постоянно борятся въ мірѣ: эгоизмъ и гуманность. Чѣмъ болѣе, преисполненный любви къ ближнимъ, ты служишь послѣдней, тѣмъ наибольшей свободой ты пользуешься.

Чѣмъ болѣе ты отдаешь другимъ, тѣмъ болѣе сокровищъ пріобрѣтаешь ты для твоего внутренняго мира. Мы трудимся надъ освобожденіемъ нашихъ ближнихъ. Успѣхъ въ этомъ дѣлѣ невозможенъ, если мы будемъ дѣйствовать только по внушенію холоднаго разсудка. Безъ любви и самоотверженія не создается ни что прочное. Корыстолюбіе и страсть къ наслажденію считаются отличительными чертами нашего времени. Но мы, вопреки мнѣнію толпы, восклицаемъ: нашъ вѣкъ великъ! Европа со своимъ древнимъ образованіемъ и отживающимъ дворянствомъ стремится посредствомъ равнаго распредѣленія труда уничтожить различіе классовъ,—Россія и Америка посредствомъ освобожденія рабовъ ищутъ воспитать людей для свободнаго труда. Предметы вѣрованія всякій понимаетъ по своему, сообразно съ говорящимъ внутри его, ему одному слышнымъ, голосомъ. Справедливое, честное, свободное дѣло не можетъ быть ни дурно понято, ни вкривь истолковано, ни измѣнено, ни уничтожено властію какой-либо одной отдѣльной личности. Союзъ, съ другой стороны, въ подобномъ случаѣ тоже безсиленъ и невозможенъ: свободное дѣло въ одно и тоже время составляетъ достояніе каждаго изъ насъ порознь и всего человѣчества вмѣстѣ....»

Общество еще сидѣло за столомъ, когда пришло письмо отъ профессора Крутіуса, въ которомъ тотъ сообщалъ Вейдеману о прибытіи въ редакцію трансатлантической корреспонденціи, объявлявшей, что въ Америкѣ вспыхнула война.

Глубоко взволнованный, Вейдеманъ передалъ извѣстіе гостямъ.

— Я отправляюсь на войну, воскликнулъ Роландъ. Лицо его горѣло, глаза свѣтились энтузіазмомъ. Всѣ на него смотрѣли, но никто не произносилъ ни слова.

— Въ этомъ ваша прямая обязанность, проговорилъ наконецъ Вейдеманъ.

— Ахъ, если бы я могъ съ тобою ѣхать! замѣтилъ Эрихъ.

— Ты можешь и долженъ! сказала Манна.

— Я? А ты, Манна?

— Я поѣду съ тобою, съ вами обоими.

Роландъ бросился къ сестрѣ на шею, восклицая:

— Манна, ты героиня. О, сестра! О, Эрихъ! мы трое соединимся вмѣстѣ и составимъ одно. Для насъ всѣхъ наступаетъ наконецъ пора освобожденія.

— Я давно это предвидѣла, сказала профессорша. У кого хватитъ духу васъ удерживать?

Кнопфъ позвалъ Адама, который, узнавъ въ чемъ дѣло, крѣпко сжалъ кулаки и съ дикимъ воплемъ воскликнулъ:

— Мы всѣ поѣдемъ... всѣ!

Вейдеманъ и его гости начали между собою обниматься, какъ будто для всего міра настало избавленіе.

Когда всѣ немного успокоились, Манна шепнула Эриху:

— О, Эрихъ! Отецъ въ непріятельскомъ лагерѣ, а сынъ пойдетъ противъ него...

Эрихъ старался ее успокоить, обѣщаясь напечатать въ указанной Зонненкампомъ южно-американской газетѣ ему одному понятными цифрами извѣстіе о поступленіи Роланда въ сухопутное войско сѣверянъ. Это безъ сомнѣнія побудитъ Зонненкампа избрать для себя морскую службу, гдѣ онъ не будетъ подвергаться опасности встрѣчи съ сыномъ.

Казалось, всѣ забыли, что собрались сюда съ цѣлію пожелать добраго пути князю Валеріану. Послѣдній, ставъ съ своего мѣста, замѣтилъ, что вовсе не желаетъ нарушать великодушнаго настроенія духа покидаемыхъ имъ друзей. Онъ унесетъ въ своей душѣ свѣтлое воспоминаніе о благородно-мыслящихъ людяхъ, съ которыми свела его судьба на берегахъ Рейна, и будетъ до конца своей жизни хранить его, какъ драгоцѣнное сокровище. Затѣмъ, онъ сказалъ, что въ жизни бываютъ минуты, напоминающія собою моментъ распусканія цвѣтка, который подготовляется долго и медленно, но разъ наступивъ, всѣхъ поражаетъ своею торжественностію. Подобно тому, какъ теперь все возрождалось въ природѣ, такъ точно для Эриха и Манны наступала новая пора счастія. Онъ радъ былъ знать, что они, соединенные любовію, готовы были принять участіе въ борьбѣ за чистую идею гуманности.

Князь говорилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ. Всѣ были растроганы и съ особеннымъ умиленіемъ выслушали намекъ на предстоящую свадьбу Эриха и Манны.

Послѣ этого Кнопфъ прочелъ сочиненное имъ напутственное стихотвореніе, и тѣмъ самымъ далъ мыслямъ общества другое направленіе. За столомъ поднялся громкій смѣхъ, но нельзя сказать, чтобы вслѣдствіе этого у собесѣдниковъ стало совсѣмъ легко на душѣ.

Всѣ встали. Лина пропѣла отъѣзжающему прощальную пѣснь, а вслѣдъ затѣмъ князь Валеріанъ, въ сопровожденіи Кнопфа, отправился на желѣзную дорогу.

Общество раздѣлилось на два кружка. Мужчины окружили Эриха, женщины Манну. Послѣдняя стояла, опустивъ голову, глаза и сложивъ руки крестомъ. Роландъ переходилъ отъ одной группы къ другой и заговаривалъ то съ Эрихомъ, то съ Манною. Было рѣшено, что профессорша, тетушка Клавдія, Лина и

Манна, въ сопровожденіи Роланда и профессора Эйнзиделя, немедленно отправятся на виллу. Эрихъ и всѣ остальные намѣревались послѣдовать за ними на слѣдующій день, который былъ избранъ для заключенія брака гражданскимъ порядкомъ. Вейдеманъ въ качествѣ бургомистра долженъ былъ при этомъ исполнить всѣ необходимыя формальности.

ГЛАВА X.

ЗАРЯ НОВОЙ ЖИЗНИ.

Былъ свѣтлый, весенній день. Манна въ подвѣнечномъ платьѣ стояла въ своей комнатѣ вмѣстѣ съ профессоршей и тетушкой Клавдіей. Она была задумчива и молчалива. Лина принесла ей свѣжій миртовый вѣнокъ. Отъ молодой женщины вѣяло счастіемъ и веселіемъ, которое она однако, изъ уваженія къ серьезному настроенію духа подруги, всячески старалась сдерживать.

Вскорѣ пришли маіоръ и профессоръ Эйнзидель и повели Манну въ концертную залу, которая, стараніями Лины и садовника, была роскошно убрана цвѣтами. Тамъ ихъ ожидали Эрихъ, докторъ, мировой судья и Вейдеманъ. У послѣдняго на шеѣ была надѣта золотая цѣпь, знакъ его бургомистерскаго званія. Эрихъ пошелъ къ Маннѣ на встрѣчу; она подала ему руку и онъ повелъ ее къ уставленному цвѣтами столу, за которымъ стоялъ Вейдеманъ.

Подписываясь подъ брачнымъ свидѣтельствомъ, Манна вдругъ спросила:

— Какимъ именемъ должна я себя назвать: Зонненкампа или Банфильда?

Она склонила свою, украшенную миртовымъ вѣнкомъ, голову на плечо Эриху и, казалось, на мгновеніе совсѣмъ обезсилѣла подъ внезапнымъ наплывомъ горестныхъ ощущеній.

— Подпишись обоими именами, тихо сказалъ ей Эрихъ: впредь ты будешь носить одно только мое.

Она сдѣлала такъ, какъ онъ сказалъ, потомъ твердымъ голосомъ произнесла:

— Теперь все кончено. Даю тебѣ слово, Эрихъ, отнынѣ не давать воли такого рода чувствамъ. Съ тобой, подъ щитомъ твоего имени, для меня начинается новая жизнь.

Вейдеманъ благословилъ молодую чету.

— Для меня непонятно, сказалъ онъ, какъ люди могутъ

не вѣрить въ Бога.... Всемогущій Духъ, которому мы всѣ здѣсь поклоняемся, связываетъ васъ отнынѣ неразрывными узами.

Затѣмъ онъ въ короткихъ словахъ объяснилъ важность настоящаго момента, освящающаго соединеніе двухъ душъ, которыя, въ виду великаго міровогo событія, даютъ другъ другу слово по мѣрѣ силъ содѣйствовать его благополучному исходу.

Эрихъ надѣлъ Маннѣ на палецъ обручальное кольцо.

Затѣмъ они вмѣстѣ вышли въ садъ и сѣли на ту самую скамью, гдѣ обмѣнялись первымъ поцѣлуемъ. Весна распространяла вокругъ нихъ свое благоуханіе, а въ кустахъ громкой трелью заливался соловей.

Послѣ обѣда Эрихъ съ Манной отправились сдѣлать небольшую прогулку по Рейну.

Вечеръ засталъ ихъ на вершинѣ горы у подножія развалины древняго рыцарскаго зàмка. Взоры ихъ покоились на стѣнахъ расположеннаго у ихъ ногъ монастыря. Эрихъ описывалъ впечатлѣніе, какое онъ унесъ въ сердцѣ послѣ того, какъ въ первый разъ увидѣлъ Манну въ вечерніе сумерки, съ крыльями за плечами.

Манна въ отвѣтъ ему прошептала:

— Тогда я располагала всю жизнь провести въ монастырѣ, надѣясь тѣмъ самымъ искупить грѣхи близкихъ мнѣ. Теперь я приношу гораздо бòльшую жертву. Я добровольно беру на себя самое тяжкое бремя, какое только можетъ выпасть на долю женщины. Мнѣ придется въ тревогѣ ожидать исхода битвы, не зная, увижу ли я еще въ живыхъ близкихъ моему сердцу борцовъ, или принуждена буду искать ихъ на полѣ сраженія посреди нашихъ и вражескихъ труповъ. О, Эрихъ, я несказанно счастлива тѣмъ, что могу въ эту опасную минуту назвать тебя моимъ.

Она до сихъ поръ не проронила ни одной слезы, но въ настоящую минуту неудержимо заплакала. Эриху удалось скоро ее успокоить.

Медленно, рука въ руку стали они спускаться съ горы. Мѣсяцъ кроткимъ свѣтомъ обливалъ рейнскую долину, дрожалъ въ рѣкѣ и сіялъ на вершинахъ деревъ, въ молодой пахучей листвѣ которыхъ щелкали соловьи. Весь міръ казался погруженнымъ въ тихое безмятежное счастье.

ГЛАВА XI.

ФРЕЙЛЕНЪ МИЛЬКЪ РАЗСКАЗЫВАЕТЪ СВОЮ ИСТОРІЮ.

Нѣсколько дней спустя, на виллу пріѣхалъ банкиръ съ своей невѣсткой, которая очень желала познакомиться съ профессоршей и съ Манной. Между тремя женщинами быстро завязалась дружба, подобная которой можетъ прочно воздвигаться только на почвѣ истиннаго образованія. Онѣ гуляли вмѣстѣ по саду и по оранжереямъ, наслаждаясь благоуханіемъ весенняго воздуха и любуясь яркимъ и разнообразнымъ блескомъ свѣжей зелени и вновь распустившихся цвѣтовъ.

Вскорѣ пришелъ также и маіоръ съ фрейленъ Милькъ. Его первыми словами Маннѣ было:

— Капитанша, позвольте мнѣ вамъ представить маіоршу.

И оставивъ женщинъ на свободѣ удивляться его выходкѣ, онъ пошелъ отыскивать мужчинъ. Вскорѣ все общество собралось вмѣстѣ, и маіоръ объявилъ о своей рѣшимости сдаться на убѣжденія друзей и поселиться на виллѣ съ цѣлью наблюдать въ ней за порядкомъ. Примѣръ Манны подѣйствовалъ на фрейленъ Милькъ, и она въ свою очередь рѣшилась освободиться изъ-подъ гнета, который тяготѣлъ надъ ней въ теченіи столькихъ лѣтъ. Она намѣревалась разсказать собраннымъ здѣсь друзьямъ исторію своей жизни, и маіоръ просилъ всѣхъ внимательно слушать.

Когда общество удобно размѣстилось, фрейленъ Милькъ начала:

— Вы, профессоръ Эйнзидель, какъ нельзя болѣе напоминаете мнѣ моего отца. Онъ тоже былъ ученый, но по другой отрасли науки. Вы обладаете многими изъ его привычекъ. Обращаюсь къ вамъ, къ профессоршѣ, которая, не зная еще моего прошлаго, почтила меня своей дружбой, къ молодой госпожѣ Дорнэ, которая, съ тѣхъ поръ какъ прошло ея предубѣжденіе противъ меня, всегда была ко мнѣ очень добра, и прошу васъ всѣхъ выслушайте мою исторію. Что до васъ касается, прибавила фрейленъ Милькъ, обращаясь къ банкиру, вы лучше всѣхъ поймете мой разсказъ, потому что вы еврей, точно также какъ и я—еврейка.

Она на минуту остановилась.

Всѣ молчали.

Фрейленъ Милькъ продолжала:

«Итакъ, я дочь еврейскаго ученаго. Мой отецъ отличался благородствомъ и благочестіемъ, слылъ за мудреца въ дѣлѣ вѣры и науки, но во всемъ, что касалось обыденной жизни, былъ нео-

пытенъ и несвѣдущъ какъ ребенокъ. Онъ съ утра до вечера сидѣлъ за священными книгами и читалъ ихъ.

«Моя мать происходила изъ богатой семьи. Выйдя замужъ за благочестиваго ученаго по волѣ родителей, она скоро полюбила его всѣми силами своей души.

«Тишина и однообразіе, царствовавшія въ нашемъ домѣ, радушный пріемъ, оказывавшійся въ немъ бѣднымъ, весь ходъ жизни, которая походила на одинъ длинный рядъ духовныхъ праздниковъ и богослуженій,—все это вполнѣ можетъ быть понято только вами, снова обратилась фрейленъ Милькъ къ банкиру. Мнѣ самой все это теперь кажется давно минувшимъ сномъ.

«Зимой, когда отецъ не могъ самъ выходить, его единовѣрцы собирались къ нему на общую молитву, по окончаніи которой мнѣ иногда приходилось слышать толки и о томъ, что дѣлалось въ мірѣ.

«Я вообще очень мало знала о свѣтѣ.

«Чиновники, солдаты, всѣ эти люди, вращавшіеся въ немъ, казались мнѣ какими-то сказочными существами, съ которыми я не могла имѣть ничего общаго.

«У меня былъ единственный братъ, красавецъ собой, чрезвычайно похожій на капитана Дорнэ. Онъ былъ очень друженъ съ квартировавшимъ у насъ барабанщикомъ, по имени Граслеръ. Послѣдній чрезвычайно уважалъ отца, за что мы всѣ весьма скоро полюбили его. Немного спустя, барабанщика перевели въ другое мѣсто. Прощаніе его съ нами особенно живо осталось у меня въ памяти. Я стояла на лѣстницѣ и вертѣла шарикъ на перилахъ, который легко отвинчивался и снова привинчивался. Вдругъ барабанщикъ, обратясь ко мнѣ сказалъ: «когда ты выростешь, Розалія, а меня произведутъ въ офицеры, я опять пріѣду сюда за тобой.»

«Онъ спустился на улицу и пошелъ вдоль нея. До меня долеталъ звукъ его барабана, а я все стояла на лѣстницѣ, облокотясь на перилы и вертя рукою шарикъ. Мнѣ казалось, что все вокругъ меня вертѣлось..... Но, извините меня, я кажется ужъ слишкомъ распространяюсь».

— Нѣтъ, нѣтъ, разсказывайте какъ хотите подробно.

«Братъ мой и его другъ отправились на войну. Первый былъ убитъ, а Конрадъ Граслеръ вернулся къ намъ въ чинѣ прапорщика. Онъ принесъ отцу прострѣленный пулей молитвенникъ брата. Всѣ мы въ теченіи семи дней не выходили изъ дома и сидя на полу, предавались неутѣшной печали. Конрадъ все время оставался съ нами. Затѣмъ отецъ вернулся къ своимъ книгамъ. Онъ прежде всегда очень тихо говорилъ, теперь же сталъ громко

возвышать голосъ, точно желая заглушить въ себѣ самое воспоминаніе о сынѣ.

«Время мало-по-малу смягчило нашу печаль. Братъ давно покоился въ землѣ—никто не зналъ гдѣ. Конрадъ вернулся на родину.

«Мнѣ минуло семнадцать лѣтъ. Мы только-что отпраздновали пасху и слушали рѣчь отца, который говорилъ о чудесномъ избавленіи отъ неволи нашихъ праотцевъ и скорбѣлъ о томъ новомъ игѣ, какое по-сю пору тяготѣетъ надъ нами.

«Мы поздно разошлись. Я спала въ маленькой комнаткѣ, рядомъ со спальней моихъ родителей, и слышала, какъ отецъ сказалъ матери: «Мы, евреи, какъ видно, еще не такой презрѣнный народъ. Вотъ красивый, честный юноша, другъ нашего сына, Конрадъ Граслеръ, вѣрный своему слову, опять пожаловалъ сюда. Онъ недавно былъ произведенъ въ капитаны, а теперь вышелъ въ отставку съ чиномъ маіора, получаетъ пенсію и хочетъ жениться на Розаліи. Ахъ, еслибъ онъ былъ одной съ нами вѣры, какъ охотно выдалъ бы я за него нашу дочь! Я не желалъ бы для нея лучшаго жениха. Но это невозможно, и да проститъ мнѣ Богъ всѣ мои грѣховныя мысли и пожеланія.»

«Я ни слова не проронила изъ того, что говорилъ отецъ, и хотя еще находилась около него, въ его домѣ, но мысленно уже успѣла перенестись туда, въ обширный міръ, гдѣ живутъ чиновники, солдаты, гдѣ жизнь бьетъ ключемъ и такъ многое обѣщаетъ юному, неопытному сердцу.

«Отецъ ничего не имѣетъ противъ Конрада, и еслибъ не различіе вѣры, наше счастье могло бы устроиться... всю ночь звучало у меня въ ушахъ. На слѣдующее утро отецъ съ матерью отправились въ синагогу, я взяла въ руки молитвенникъ.... вотъ онъ: его составилъ отецъ для употребленія женщинъ... но мысли мои были далеко. Я осталась одна дома, на улицѣ не виднѣлось ни души, все общество евреевъ находилось въ синагогѣ. Въ предположеніи, что Конрадъ можетъ пройти мимо, я не садилась къ окну, но расположилась посреди комнаты.

«Не странно ли, что онъ остался мнѣ вѣренъ? Вѣдь я въ то время была еще ребенокъ! Каковъ онъ теперь изъ себя? Но удастся ли ему дойти до меня и какимъ образомъ?

«Сама не знаю, какъ я очутилась у окна и выглянула на улицу. Изъ-за угла дѣйствительно показался Конрадъ. Я откинулась въ сторону, но вдругъ услышала на лѣстницѣ чьи-то быстрые шаги.... Сердце мое забилось, точно хотѣло выскочить изъ груди.

«Я передала Конраду слова, которыя отецъ говорилъ ночью матери.

«Родители мои вернулись изъ синагоги. Никогда еще не при-

ходилось мнѣ переживать такихъ тяжелыхъ минутъ, какъ тѣ, которыя послѣдовали вслѣдъ затѣмъ. Отецъ по еврейскому обычаю благословилъ меня, возложивъ мнѣ на голову руки. Я не хотѣла портить ему праздника и только по окончаніи его убѣжала съ Конрадомъ. Это былъ жестокій ударъ, который мгновенно отнялъ у отца всѣ радости жизни. Я долго надѣялась, что онъ смягчится, и когда увидитъ, что дѣло измѣнить нельзя, согласится дать намъ свое благословеніе. Мы ему писали, но не получили отвѣта. Впрочемъ онъ поручилъ одному изъ своихъ друзей передать намъ, что у него было двое дѣтей, но отнынѣ онъ ихъ обоихъ считаетъ умершими. Ему ничего болѣе не оставалось, какъ молиться о ихъ благополучіи въ будущей жизни. Кромѣ того онъ велѣлъ мнѣ сказать еще слѣдующее: «ты искала почестей и ради ихъ покинула твоего отца». Я въ отвѣтъ написала ему новое письмо, въ которомъ клялась, что вовсе не искала почестей. Тогда же дала я слово взять на себя стыдъ, который послужилъ бы мнѣ искупленіемъ моего грѣха, — и слово это я вѣрно держала до сего времени. Мы соединились съ Конрадомъ гражданскимъ бракомъ, но я рѣшительно отказалась пользоваться преимуществами моего новаго положенія.

«Мы вскорѣ получили извѣстіе о смерти моей матери; отецъ послѣдовалъ за ней черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Я получила послѣ нихъ небольшое наслѣдство. Меня долго терзало раскаяніе за мой поступокъ съ ними. Конраду тоже было не легко, но онъ съ свойственной ему добротой всячески старался меня утѣшить. Однажды я вздумала посѣтить могилу моихъ родителей и избрала для этого ночное время, когда меня никто не могъ бы узнать. Какое жестокое наказаніе для дочери подъ прикрытіемъ ночного мрака, избѣгая взглядовъ людей, пробираться на могилу родителей! И тѣмъ не менѣе это принесло мнѣ облегченіе, по крайней мѣрѣ дало мнѣ силы скрывать мою печаль отъ Конрада. Мы переселились на низовья Рейна и двѣнадцать лѣтъ прожили тамъ въ уединенной деревушкѣ, сокрытые отъ свѣта, но счастливые другъ другомъ. Никто насъ не зналъ. Я часто ходила въ церковь, чувствуя потребность молиться вмѣстѣ съ другими людьми. Слушая торжественные звуки органа, присутствуя при богослуженіи чуждой мнѣ религіи, я сидѣла въ сторонѣ, усердно молясь словами молитвенника, оставленнаго мнѣ отцемъ, или читая книгу которая была прострѣлена вражеской пулей на груди моего брата. Я переставала чувствовать себя одинокой. Около меня были люди; они молились одному Существу, который безъ сомнѣнія знаетъ, почему человѣчество поклоняется ему въ столькихъ различныхъ формахъ.

«Немного спустя, мы переселились сюда. Вамъ извѣстно,

какъ я здѣсь жила. Конрадъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ я заняла въ обществѣ принадлежавшее мнѣ по праву мѣсто, но я отказывалась, не желая, чтобъ меня величали маіоршей. Въ этомъ я видѣла себѣ наказаніе за то, что покинула своихъ родителей. Тѣмъ не менѣе мы продолжали жить въ невозмутимомъ мирѣ и согласіи. Теперь я полагаю, что мои страданія достаточно искупили мой грѣхъ, и я рѣшаюсь признать себя свободной».

— И вы дѣйствительно свободны! разомъ воскликнули банкиръ и профессоръ Эйнзидель.

Манна нѣжно обняла маіоршу.

ГЛАВА XII.

СБОРЫ И ОТЪѢЗДЪ.

Въ гостинницѣ подъ вывѣской «Карпа» царствовало шумное веселье. Хозяинъ ея, бочаръ, щедро наполнялъ стаканы, а ловчій съ Семиствольникомъ радостно другъ на друга поглядывали и по временамъ чокались.

Во всей странѣ было извѣстно, что бочаръ пользовался особеннымъ довѣріемъ Эриха и Роланда и къ нему стекались толпы молодыхъ людей, желавшихъ принять участіе въ американской войнѣ. Съ цементной фабрики Вейдемана явилась цѣлая депутація съ просьбой снабдить ее суммой, необходимой для переѣзда въ Новый Свѣтъ тридцати двухъ человѣкъ.

Бочаръ довелъ это до свѣдѣнія Роланда, который самъ явился въ гостинницу и объявилъ, что не беретъ съ собой никого, кромѣ трехъ молодыхъ докторовъ, изъ которыхъ одинъ уже былъ рекомендованъ банкиромъ.

Затѣмъ Роландъ въ сопровожденіи Клауса вернулся на виллу, гдѣ уже успѣлъ водвориться маіоръ.

Послѣдній вмѣстѣ съ своей супругой тоже совершилъ свадебную прогулку. Они вмѣстѣ отправились въ часть сада, называемую Ниццой, пробыли тамъ нѣсколько времени, потомъ обошли весь паркъ и поднялись на холмы, откуда разстилался видъ на верхнюю часть Рейна.

— Ну-съ, маіорша, самодовольно проговорилъ добрый старикъ, вотъ мы съ вами теперь стоимъ на высочайшей точкѣ Альпійскихъ горъ.

Сойдя внизъ и огибая берегъ пруда, онъ опять сказалъ:

— Маіорша, не угодно ли вамъ полюбоваться очаровательными красотами Лаго-Маджіоре.

Проходя по оранжереямъ, маіоръ со смѣхомъ замѣтилъ, что

судьба какъ будто нарочно постаралась соединить здѣсь такое огромное количество самыхъ разнообразныхъ растеній, затѣмъ, чтобъ избавить его, маіора, и ее, маіоршу, отъ труда предпринять болѣе дальнее путешествіе. Затѣмъ онъ просилъ жену извинить его, если онъ въ слѣдующіе дни будетъ оказывать ей мало вниманія, но ему еще такъ многое надо приготовить къ отъѣзду въ Америку ихъ друзей.

Дѣйствительно, дѣла по устройству имѣнія оказалось столько, что Эрихъ не успѣлъ самъ всего окончить и долженъ былъ многое поручить Вейдеману и мировому судьѣ.

Ему между прочимъ надлежало выхлопотать себѣ отставку, такъ какъ онъ все еще числился въ резервѣ. Герцогъ въ отвѣтъ на его просьбу выразилъ желаніе лично съ нимъ переговорить. Эрихъ отправился въ столицу и былъ изумленъ милостивымъ и даже дружескимъ обращеніемъ съ нимъ герцога. Его высочество между прочимъ изволилъ замѣтить, что вовсе не намѣренъ навсегда отпускать отъ себя человѣка, подобнаго Эриху. Все, что онъ согласенъ для него сдѣлать, такъ это дать ему отпускъ на неопредѣленное время.

По всему было видно, что герцогъ считалъ нужнымъ удержать въ странѣ человѣка, обладающаго такимъ огромнымъ богатствомъ, какое теперь находилось въ рукахъ Эриха. Гордость молодого человѣка была не мало этимъ оскорблена.

День отъѣзда между тѣмъ быстро приближался.

На виллу пріѣхалъ камердинеръ Іозефъ съ своей молодой женой. Его снабдили средствами, необходимыми для открытія гостинницы въ столицѣ, но онъ пока продолжалъ исполнять свои обязанности приближеннаго слуги.

Сынъ Фасбендера, занимавшійся въ конторѣ еврейскаго банкира, тоже уѣзжалъ въ Новый Свѣтъ, съ цѣлію соединиться съ своимъ братомъ, который производилъ тамъ различныя постройки.

Не мало горя стоила Роланду разлука съ лошадьми и собаками. Какъ ни хотѣлось ему взять съ собой Грейфа, онъ долженъ былъ отъ этого отказаться въ виду затрудненій, какія собака неизбѣжно доставила бы ему во время путешествія.

Роландъ, нѣжно охвативъ голову собаки, говорилъ ей:

— Нечего дѣлать, старый дружище, приходится съ тобой разставаться! Но вѣдь я, кромѣ того, оставляю здѣсь еще многое, гораздо болѣе для меня дорогое.

Собака печально смотрѣла въ глаза своему господину.

На слѣдующее утро все общество отправилось съ виллы на пароходную пристань.

Экипажи съ багажемъ были отосланы впередъ. Вейдеманъ

шелъ съ Эрихомъ, маіоръ съ Роландомъ, Кнопфъ велъ за руку негра. Манна опиралась на профессоршу и на маіоршу. Тетушка Клавдія осталась на виллѣ съ профессоромъ Эйнзиделемъ. Манна плакала и, смотря по направленію къ кладбищу, говорила:

— Берега этой рѣки сдѣлались для насъ настоящей родиной. Въ одномъ преданіи говорится: «кочующіе народы долго скитаются по свѣту, но то мѣсто, гдѣ имъ приходится хоронить своихъ близкихъ, внезапно останавливаетъ ихъ. Они на немъ поселяются и превращаются въ осѣдлыхъ....»

Голосъ Манны дрожалъ. Послѣ минутнаго молчанія она продолжала:

— Отецъ посадилъ эти деревья....

Слезы душили ее и она принуждена была остановиться.

На пристани было большое сборище народу. Новый хозяинъ гостинницы подъ вывѣской «Карпа» и Семиствольникъ принесли отъѣзжающимъ на дорогу украшенный свѣжей зеленью боченокъ молодого вина.

Ловчій высчиталъ, по-скольку его хватитъ на каждаго путешественника до пріѣзда въ Нью-Іоркъ.

Эрихъ и Манна сидѣли около профессорши, которая, держа ихъ за руки, произносила слова утѣшенія.

— Береги себя, Эрихъ, говорила она.... Но знай, если ты падешь на полѣ битвы, я буду о тебѣ печалиться, но не стану тебя сожалѣть.

— Матушка, я имѣю предчувствіе, что останусь въ живыхъ. А если нѣтъ, то знай, что я испыталъ все, что есть лучшаго въ жизни, и это благодаря тебѣ, отцу и любви моей Манны.

Профессорша, молча, пожала ему руку. Затѣмъ она вручила ему портретъ дяди Альфонса, съ приказаніемъ постараться его отыскать.

Веселость, свойственная рейнскимъ жителямъ, и тутъ прорвалась наружу. Къ пристани быстро приближался пароходъ, на которомъ находилось общество пѣвцовъ, оглашавшее воздухъ стройнымъ пѣніемъ. Ему усердно вторила труппа странствующихъ музыкантовъ, а по временамъ раздавались также и ружейные выстрѣлы. Пароходъ, граціозно описавъ дугу, причалилъ къ берегу. Прощанье по-неволѣ было короткое. Эрихъ, Манна и Роландъ, бросились въ объятія профессорши, которая еще успѣла проговорить:

— Не теряйте мужества и оставайтесь вѣрны другъ другу и самимъ себѣ.

Пароходъ снова двинулся; вдругъ раздался крикъ. Собака Грейфъ, которую бочаръ держалъ за ошейникъ, вырвалась отъ него,

бросилась въ рѣку и поплыла вслѣдъ за удалявшимся пароходомъ. Судно еще разъ остановилось, и собака была взята на палубу.

Остававшіеся на берегу махали платками, отъѣзжающіе отвѣчали имъ тѣмъ же, пока наконецъ они не скрылись изъ виду другъ друга. Но взоры послѣднихъ еще долго покоились на стѣнахъ виллы Эдемъ. Что станется съ домомъ. Кому еще суждено будетъ вернуться въ него и какого рода жизнь тогда снова закипитъ въ немъ?

Путешественниковъ ожидало еще новое удовольствіе. При прощаньи на пристани никто не замѣтилъ внезапнаго исчезновенія маіора. Теперь онъ вдругъ съ женой вышелъ изъ каюты, и сопровождалъ отъѣзжающихъ почти до самого устья Рейна.

— Вы знаете, говорилъ добрый старикъ Эриху: я былъ барабанщикомъ.... когда-нибудь я вамъ съизнова разскажу всю исторію, возвращайтесь только скорѣй.

На станціи, предшествовавшей острову, маіоръ съ женой вышли на берегъ. Они здѣсь долго жили вскорѣ послѣ своего соединенія и теперь намѣревались провести тутъ весь слѣдующій день. Имъ пріятно было показаться своимъ прежнимъ знакомцамъ въ качествѣ мужа и жены. Еще сидя въ лодкѣ, которая должна была подвезти ихъ къ берегу, маіоръ старался вызвать на лицѣ своемъ веселую улыбку. Но это ему не удалось. Слезы умиленія душили его и наконецъ заструились по его щекамъ; онъ быстро наклонился и онѣ смѣшались съ волнами Рейна.

Пароходъ между тѣмъ быстро подвигался впередъ. Когда онъ плылъ мимо острова, на которомъ возвышался монастырь, оттуда вдругъ поднялась и разсыпалась въ воздухѣ стая бѣлыхъ голубей. Соловьи въ кустахъ такъ громко щелкали, что ихъ пѣніе было слышно, несмотря на шумъ, производимый пароходомъ. Дѣти на островѣ по-парно расхаживали вдоль тѣнистыхъ аллей и распѣвали гимны.

Манна издали послала имъ поклонъ. Никто въ монастырѣ и не подозрѣвалъ, что въ эту минуту одна изъ его питомицъ быстро неслась, по направленію къ морю, въ Новый Свѣтъ....

Эрихъ вспомнилъ о клочкѣ бумаги, который Вейдеманъ на прощанье сунулъ ему въ руку. Онъ прочелъ его теперь. На немъ стояли слѣдующія слова изъ заключительныхъ строкъ «Космоса» Гумбольдта:

«Между человѣческими племенами есть болѣе способныя къ развитію, болѣе облагороженныя образованіемъ, но всѣ одинаково имѣютъ право на свободу.»

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ВЪ СТАРЫЙ И НОВЫЙ СВѢТЪ.

Эрихъ матери.

На кораблѣ: „Веньяминъ Франклинъ“.

.... Нашъ корабль называется именемъ, которое мой отецъ всегда произносилъ съ особеннымъ уваженіемъ.

Дорогая матушка!

Я въ открытомъ морѣ и пишу тебѣ точно изъ другого міра.

Передъ выѣздомъ изъ родины, мы имѣли еще пріятную встрѣчу. Въ первый же вечеръ, когда мы выходили на берегъ въ городкѣ, гдѣ намѣревались переночевать, я увидѣлъ въ окнѣ угольнаго дома близъ самой пристани человѣка, который усердно мнѣ кланялся. Я учтиво отвѣчалъ на его поклонъ, но рѣшительно не догадывался, кто бы это могъ быть. При входѣ въ городъ насъ встрѣтилъ этотъ самый человѣкъ, и я наконецъ узналъ въ немъ капельмейстера Фердинанда, котораго мнѣ удалось вывести изъ затрудненія на музыкальномъ торжествѣ. Онъ кое-что слышалъ о насъ.

Мы непремѣнно должны были къ нему зайти, а онъ съ предупредительностію, свойственною только вполнѣ доброму человѣку, поспѣшилъ собрать у себя нѣсколькихъ товарищей, музыкантовъ по профессіи, да еще трехъ-четырехъ изъ городскихъ диллетантовъ, съ которыми устроилъ прелестный концертъ.

Итакъ, мы, напутствуемые музыкой, покинули Рейнъ и Германію.

Манна и Роландъ сами собираются къ тебѣ писать. Они въ эту минуту сидятъ на палубѣ и читаютъ «Одиссею». Это единственная книга, которую можно здѣсь читать. Все, что имѣетъ хоть малѣйшее отношеніе къ твердой землѣ, или что вращается въ узкой рамкѣ домашняго быта, кажется намъ отсюда такимъ блѣднымъ и далекимъ.

Корабль, подобный нашему, самъ въ себѣ заключаетъ цѣлый міръ.

Нашего друга Кнопфа постигла чудесная встрѣча. Онъ описываетъ ее маіору: прочти и ты его письмо.

Мы прибыли въ Ливерпуль вечеромъ и намѣревались провести тамъ весь слѣдующій день. Утромъ я одинъ отправился въ гавань, единственную во всей Англіи, гдѣ оснащиваются невольничьи суда. Я погрузился въ размышленіе о странныхъ судьбахъ исторіи, какъ вдругъ былъ пробужденъ къ дѣйствительности необыкновеннымъ около меня движеніемъ. Одинъ изъ стоявшихъ въ гавани кораблей поднималъ якорь и выступалъ въ море.

На палубѣ стоялъ человѣкъ. Я убѣжденъ, что это былъ Зонненкампъ, котораго я мгновенно узналъ, несмотря на то, что онъ весь обросъ густой бородой. Онъ или до сихъ еще не покидалъ Европы, или успѣлъ вернуться въ нее и теперь снова уѣзжалъ. Мнѣ показалось, что онъ тоже меня узналъ, по крайней мѣрѣ я видѣлъ, какъ онъ надвинулъ себѣ на глаза шляпу съ широкими полями и сдѣлалъ знакъ стоявшей неподалеку отъ него высокой женской фигурѣ. Я не могъ ее хорошенько разсмотрѣть, но увѣренъ, что то была графиня Белла.

Друзья, къ которымъ мнѣ Вейдеманъ далъ рекомендательныя письма, сообщили мнѣ, что человѣкъ, по описанію чрезвычайно похожій на Зонненкампа, снаряжалъ здѣсь для одной изъ южно-американскихъ гаваней военное судно и дѣлалъ большой запасъ оружія и всякаго рода аммуниціи.

Я не могу безъ ужаса думать, что сталось бы съ бѣдными дѣтьми, еслибъ они случайно встрѣтились съ отцомъ.

Манна и то сильно меня напугала. Я съ ней послѣ полудня гулялъ по городу. Вдругъ она говоритъ: «Мнѣ все кажется, что мы должны здѣсь встрѣтить отца. Я то и дѣло ожидаю, что онъ выйдетъ изъ-за угла».

Не думаю, чтобъ я поступилъ дурно, скрывъ отъ нея то, что видѣлъ утромъ.

Меня несказанно мучитъ мысль, что отецъ и сынъ, сражаясь въ противоположныхъ лагеряхъ, могутъ врагами встрѣтиться на полѣ битвы. Одна надежда, что Зонненкампъ, въ качествѣ стараго моряка, предпочтетъ море сушѣ.

Роландъ сдѣлался здѣсь всеобщимъ любимцемъ. Онъ неутомимо изучаетъ технику морского дѣла и вообще не пропускаетъ случая пріобрѣсти какое-либо новое знаніе. Его постоянно видишь то тамъ, то здѣсь, всегда дѣятельно занятаго. Я не могу нарадоваться, глядя, какъ энергически борется онъ съ своимъ горемъ.

На слѣдующій вечеръ.

Ночь. Манна стоитъ на палубѣ и смотритъ на небо. Надъ нею звѣздная бездна, у ногъ ея пропасть морская. Въ теченіи этого путешествія я долженъ покончить со всѣми черными мыслями и безпощадными мечтаніями, такъ чтобъ, ступивъ на твердую землю, быть вполнѣ готовымъ къ дѣлу. Въ жизни моей совершился великій переворотъ...

Что побуждаетъ меня всѣмъ существомъ стремиться къ участію въ великомъ, историческомъ дѣлѣ? Для меня мало быть зрителемъ, я хочу дѣйствовать, жить и, можетъ быть... Нѣтъ, матушка я убѣжденъ, что выйду изъ борьбы невредимъ и вернусь домой.

Домой! О матушка, душа моя несется къ тебѣ по волнамъ жизни и я какъ будто снова съ тобой. Но еслибъ судьба не привела насъ болѣе свидѣться, то помни, что сынъ твой былъ счастливъ, что онъ съ избыткомъ вкусилъ отъ всѣхъ благъ міра сего. Я имѣлъ тебя, отца, Манну; мнѣ далась наука, мечта и дѣло—все было мое.

Я сижу теперь здѣсь, а волны влекутъ меня впередъ. Счастливъ тотъ, кто, какъ и я, можетъ сказать себѣ, что стремится къ высокой цѣли.

Здѣсь на кораблѣ много молодыхъ людей, которые всячески старались вовлечь Роланда въ свое общество, но онъ съ удивительнымъ тактомъ умѣетъ держаться въ сторонѣ. Молодые люди эти по большей части купеческіе сынки, и проводятъ время въ азартныхъ играхъ. Многіе изъ кельнеровъ при здѣшнемъ буфетѣ умѣютъ играть на различныхъ инструментахъ и имъ удалось составить весьма сносный оркестръ. Есть у насъ также и ручной органъ, который поочереди вертятъ въ извѣстные часы четыре юнга, послѣ чего въ ихъ пользу обыкновенно дѣлается сборъ. Мы—Кнопфъ съ невѣстой и наши доктора тоже принадлежатъ къ нашему кружку,—составляемъ совсѣмъ отдѣльное общество.

На седьмой день.

Я не писалъ тебѣ въ теченіи цѣлыхъ пяти дней, но за это время, я и всѣ мои, мы находились на краю гибели.

Мы вынесли страшную бурю. Капитанъ, опытный морякъ, плавающій уже въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ, говоритъ, что еще никогда не видѣлъ ничего подобнаго.

Самыми неустрашимыми на этотъ разъ оказались Роландъ и Кнопфъ. Послѣдній впрочемъ былъ не съ нами, а съ своей

невѣстой на бакѣ. Манна не выпускала меня изъ своихъ объятій: мы хотѣли умереть вмѣстѣ.

Но зачѣмъ говорить объ опасностяхъ, которыя благополучно миновали?

На слѣдующее утро, когда небо прояснилось и море успокоилось, мы на кораблѣ отпраздновали веселую помолвку. Другъ Кнопфъ не замедлитъ все это по-подробнѣе описать. Боченокъ молодого вина, который мы получили при отъѣздѣ, былъ нами роспитъ при этомъ случаѣ. Такимъ образомъ, Рейнъ и здѣсь способствовалъ къ нашему оживленію и увеселенію. Мы пѣли, танцовали, смѣялись. Весь корабль былъ украшенъ флагами, а за столомъ другъ Кнопфъ произнесъ рѣчь, столько же трогательную, сколько и забавную. Я полагаю, онъ ее цѣликомъ пошлетъ маіору. Не было у насъ недостатка и въ собственной музыкѣ. Кнопфъ игралъ на флейтѣ и заставилъ Манну вынести на палубу свою арфу. Всѣ находившіеся на кораблѣ столпились вокругъ нея и, притаивъ дыханіе, слушали ея игру. Когда она окончила, всеобщему восторгу не было конца.

Послѣзавтра мы достигнемъ берега. Первымъ моимъ дѣломъ, ступивъ на твердую землю, будетъ отправить тебѣ это письмо, если мы до тѣхъ поръ не встрѣтимъ корабля, который возмется доставить его въ Европу.

Въ Европу!

Радуйся мыслью о твоемъ счастливомъ сынѣ — *Эрихъ*.

Кнопфъ маіору и маіоршѣ.

На Рейнѣ.

Едва разставшись съ вами, уже пишу вамъ.

Что̀ такое было плаваніе Нибелунговъ по Рейну? Что̀ такое походъ Аргонавтовъ? Въ наши дни все ново, прекрасно и имѣетъ опредѣленную цѣль.

Эрихъ сидитъ на палубѣ съ своей молодой женой. Въ немъ снова ожило старинное, особенно распространенное здѣсь на Рейнѣ, преданіе объ освобожденной дѣвѣ. Только чистый юноша, подобный молодому Дорнэ, можетъ освободить чистую дѣву. А я — что̀ такое я? Мнѣ самому любопытно знать, что̀ готовитъ для меня въ будущемъ судьба.

Ливерпуль.

Завтра утромъ мы отправляемся въ Новый Свѣтъ. Въ былое время я часто воспѣвалъ море, а теперь мнѣ привелось по немъ странствовать. Я покидаю Европу безъ страха и безъ сожалѣній. У меня есть предчувствіе, что со мной случится что-то необыкновенное и прекрасное.

Въ морѣ.

Любезный братъ и любезная сестра! Какое счастіе для меня, никогда не имѣвшаго ни брата, ни сестры, теперь называть васъ этими именами!

Я уже внесъ много путевыхъ замѣтокъ въ красную книжечку, которою ты меня снабдила при отъѣздѣ, милая сестра. Когда-нибудь я надѣюсь привести эти замѣтки въ порядокъ, — теперь же не могу. Въ настоящую минуту спѣшу сказать только одно: я женихъ!!!

Между тѣмъ какъ я ставилъ эти три восклицательные знака, я былъ внезапно пораженъ ихъ формою. Я вдругъ увидѣлъ въ нихъ большое сходство съ кометой. Спросите у профессора Эйнзиделя, не найдетъ ли онъ, что я этимъ самымъ сдѣлалъ важное открытіе въ наукѣ.

Помнишь ли ты, милая сестра, какъ я разсказывалъ тебѣ о встрѣчѣ, постигшей меня въ лѣсу, въ то время, когда я шелъ на свиданіе съ капитаномъ Дорнэ? Я говорилъ тебѣ о прелестной дѣвушкѣ и о двухъ мальчикахъ, которые съ такой силой приковали къ себѣ мое вниманіе. Представь себѣ, эта дѣвушка теперь моя невѣста! Ее, какъ и тебя, зовутъ Розаліей, и она могла бы быть твоей сестрой... У нея такіе же точно, какъ у тебя, каріе глаза.

Но кто же она? Спросишь ты. Слушай, я тебѣ все по порядку разскажу. Я отсюда вижу, какъ ты кладешь въ сторону свое шитье и устремляешь на меня внимательный взоръ.

Итакъ, молодая дѣвушка, моя лѣсная нимфа, ни болѣе, ни менѣе какъ дочь учителя, и что еще гораздо важнѣе, сама она — прошу оказывать ей должное почтеніе, — выдержала экзаменъ на званіе учительницы. Я, какъ только увидалъ ее на кораблѣ, тотчасъ же узналъ, но долго не рѣшался къ ней подойти. Наконецъ я рѣшился заговорить съ ея братьями, изъ которыхъ младшій быстро ко мнѣ привязался. «Передай твоей сестрѣ, сказалъ я ему однажды, что я ее въ прошломъ маѣ встрѣтилъ въ лѣсу, когда она вмѣстѣ съ вами шла въ часовню. На ней было коричневое платье.»

— Отчего ты самъ ей этого не скажешь? Спросилъ меня мальчуганъ.

Я не успѣлъ ему отвѣтить, какъ къ намъ подошла сама лѣсная нимфа и стала укорять братьевъ за то, что они надоѣдаютъ чужому господину.

— Это тотъ самый господинъ, неожиданно возразилъ ей младшій, котораго ты передразниваешь, какъ онъ на тебя смотрѣлъ сквозь очки.

Такъ вотъ какъ, она надо мной издѣвалась... и она тоже! Я снялъ очки и, надо признаться, въ ту минуту охотно бросилъ бы ихъ въ море.

Мы стояли другъ противъ друга смущенные. Вдругъ она сказала... ахъ! какой у нея дивный голосъ! Она поетъ точь въ точь какъ Лина, дочь мирового судьи, только у нея болѣе высокихъ нотъ: она беретъ два раза перечеркнутое *a*.

Но что же она сказала? спросишь ты.

Много ласковыхъ, хорошихъ словъ, между прочимъ, что она и не думала надо мной смѣяться.... Ахъ, я и самъ хорошенько не знаю, что она говорила, а въ заключеніе протянула мнѣ руку....

Нѣтъ, я не могу описывать, что было далѣе, когда-нибудь послѣ разскажу. Во всякомъ случаѣ, вамъ теперь извѣстно, что я, Эмиль Кнопфъ, учитель нѣсколькихъ поколѣній молодыхъ дѣвушекъ, помолвленъ съ ангеломъ. Избитая фраза, да нечего дѣлать! А впрочемъ еще вопросъ, могъ ли бы ангелъ выдержать экзаменъ на званіе учительницы?

Можетъ ли человѣческій разумъ придумать что-либо подобное! Вообразите себѣ, молодая дѣвушка уже тогда почувствовала ко мнѣ расположеніе, когда я еще и понятія не имѣлъ, кто она и гдѣ живетъ. А тутъ вдругъ какъ нарочно я сажусь на тотъ самый корабль, на которомъ она отправляется въ Америку къ своему дядѣ. Отличная штука, право, эти американскіе дядюшки! Мнѣ кажется, я когда-то зналъ моего будущаго тестя.

Мы вынесли страшную бурю.

Въ самый разгаръ ея, мнѣ вдругъ пришло на умъ: а что, еслибъ тебѣ пришлось утонуть, не извѣдавъ сладости женскаго поцѣлуя и не испытавъ, какъ отрадно чувствовать на своемъ лицѣ нѣжное прикосновеніе мягкой руки и слушать робкій шепотъ: ты прекрасенъ... Представьте себѣ, я, Эмиль Кнопфъ, прославившійся своимъ безобразіемъ, я прекрасенъ! О, какъ слѣпы были всѣ матери и дочери, которыя считали меня такимъ безопаснымъ! У Розали есть маленькое зеркальцо; когда я въ него смотрюсь, то дѣйствительно кажусь себѣ красивымъ, по крайней мѣрѣ, я тогда нравлюсь самому себѣ. Не подумайте

однако, что я съ радости рехнулся, нѣтъ, я въ полномъ разумѣ и въ доказательство того готовъ хоть сію минуту со всевозможною отчетливостію объяснить тебѣ, братъ маіоръ, законъ тяготѣнія. Повторяю, я въ полномъ разсудкѣ.

Одно только горе есть у меня: я принужденъ сознаться, что я не поэтъ. Еслибъ во мнѣ была хоть искра поэзіи, я теперь долженъ былъ бы наводнить весь міръ стихотвореніями и заставить всѣхъ о себѣ говорить. Моимъ пѣснямъ надлежало бы быть во всѣхъ устахъ. Ихъ пѣли бы молодыя дѣвушки, перебирая бѣлыми пальцами фортепіанные клавиши, солдаты, матросы и странствующій подмастерье, когда, останавливаясь на краю дороги, онъ скидаетъ свой клеенчатый картузъ и, положивъ подъ голову походный ранецъ, приготовляется къ отдыху. Мнѣ слѣдовало бы создать нѣчто необычайное, что могло бы осчастливить весь міръ. Душа моя полна и я отъ избытка чувствъ готовъ ежеминутно восклицать: люди, развѣ вы не видите, какъ свѣтъ прекрасенъ?

А теперь я намѣренъ потребовать у тебя, любезный братъ, свадебнаго подарка. Сдѣлай милость, сними съ себя фотографическій портретъ и пришли мнѣ его. Убѣдительно прошу о томъ же и маіоршу.

По пріѣздѣ въ Новый Свѣтъ, я опять вамъ напишу, а теперь довольно. Не мало пришлось мнѣ писать въ моей жизни, за то въ настоящее время я только и дѣлаю, что шучу, смѣюсь и цѣлуюсь. Въ ушахъ моихъ постоянно звучитъ чудная мелодія изъ «Донъ-Жуана».

Еще одно слово: Манна очень добра къ моей Розаліи. Тоже самое долженъ я сказать и о молодомъ Фасбендерѣ и о нашихъ трехъ докторахъ. Всѣ радуются нашему счастью и такимъ образомъ сами отчасти его вкушаютъ. Братья моей невѣсты славные, здоровые мальчуганы.

Позволь, любезный маіоръ, сказать тебѣ еще слѣдующее: твоя вѣра истинная. Ты вѣришь, что въ душѣ каждаго человѣка непремѣнно тлѣетъ неугасимая искра добра — и ты совершенно правъ. Доказательствомъ тому служитъ Адамъ. Онъ съ нѣкоторыхъ поръ сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Мысль, что онъ ѣдетъ сражаться за свободу своихъ единоплеменниковъ, пробудила въ немъ всѣ его хорошіе инстинкты. Я по этому поводу могъ бы еще многое тебѣ сказать, но ты самъ все лучше меня знаешь.

Мы всѣ сильно упражняемся въ англійскомъ языкѣ, но тѣмъ не менѣе твердо намѣрены остаться истыми нѣмцами.

Въ виду земли.

Черезъ три дня мы будемъ въ Нью-Іоркѣ. Трудно предвидѣть, что насъ тамъ ожидаетъ, и потому Розалія заставляетъ меня теперь писать; она сидитъ около меня. Я рѣшительно не могу писать въ комнатѣ, гдѣ я не одинъ, а тѣмъ болѣе, когда на меня устремлена пара столь дорогихъ мнѣ глазъ. Однако я попробую. Розалія увѣряетъ, будто я сейчасъ очень краснорѣчиво выражался, и требуетъ, чтобъ я непремѣнно записалъ свои слова. Я, благодаря ей, вскорѣ сдѣлаюсь тщеславнымъ. Она запоминаетъ большую часть изъ того, что я говорю.

Вы уже знаете, что насъ застигла въ морѣ страшная буря, а на слѣдующій день состоялась наша помолвка. Мы мысленно приглашали на нее всѣхъ нашихъ оставшихся на сушѣ друзей; я поочереди ихъ называлъ, и мы много о нихъ говорили. Прежде всѣхъ я вспомнилъ о тебѣ, дорогой братъ, и о тебѣ, любезная сестра. Голубой бантъ съ твоего чепца я превратилъ себѣ въ галстукъ. На Розаліи тоже была голубая лента.

Я уже говорилъ тебѣ...

Нѣтъ, друзья мои, воля ваша, я не могу болѣе писать. Всѣ здѣсь утверждаютъ, будто я говорю такъ, что меня можно заслушаться. Охотно этому вѣрю, но писать совсѣмъ иное дѣло.

Итакъ, довольно.

PS. Я прочелъ Розаліи все, что написалъ; она поставила мнѣ дурной балъ. Вотъ онѣ каковы, выдержавшія экзаменъ учительницы!

Нью-Іоркъ.

Попытка описать въ письмѣ то, что въ теченіи трехъ... нѣтъ, одного дня переживается въ Нью-Іоркѣ, походила бы на усилія живописца перенести на полотно быстрое движеніе волнъ, или измѣнчивое сіяніе облаковъ.

При выходѣ на берегъ, мы тотчасъ же встрѣтили дядю, который насъ ожидалъ. Но, надо сказать правду, онъ не слишкомъ-то охотно согласился принять меня въ племянники. Желалъ бы я, чтобъ ты былъ здѣсь, любезный маіоръ. Ты бы ему разомъ объяснилъ, что́ я за человѣкъ, теперь же мнѣ надо ждать, пока онъ самъ научится меня понимать, — а кто знаетъ, случится ли это когда-нибудь? Впрочемъ, я нисколько не сѣтую на дядю: онъ, было, уже пріискалъ для Розаліи жениха. Когда я ему представилъ капитана Дорнэ, онъ задумчиво два раза повторилъ:

— Дорнэ... Дорнэ?

Больше онъ ничего не сказалъ, но я полагаю, что онъ кого-нибудь знаетъ изъ этой семьи.

Дядя очень сдержанъ и скрытенъ, совершенная противоположность доктора Фрица. У того все въ домѣ на распашку. Теперь я могу себѣ легко представить, какъ въ молодости жилось господину Вейдеману, — только у него больше сыновей, тогда какъ здѣсь почти все дочери. И что за прелестныя созданія! Одна изъ нихъ уже взрослая. Когда она на тебя смотритъ, то взглядъ ея какъ будто пронзаетъ тебя насквозь.

Мы, нѣмцы, удивительный народъ. Стоитъ только насъ перенести на почву свободы, мы мгновенно распускаемся и показываемъ на что способны.

Я присутствовалъ при встрѣчѣ Роланда съ Лиліаной. У нихъ должно быть есть какой-нибудь условный знакъ, такъ какъ ея первымъ словомъ ему было: «камешекъ». Между влюбленными всегда существуетъ свой особенный, никому, кромѣ ихъ самихъ, непонятный языкъ. Роландъ и Лиліана взялись за руки и вскорѣ куда-то скрылись. Дѣти здѣсь вообще отличаются большой самостоятельностію, такъ какъ никто не стѣсняетъ ихъ свободы.

Во времени тутъ положительный недостатокъ. Теперь я понимаю, почему американцы говорятъ: время — деньги. Ничто не можетъ сравниться съ ихъ дѣятельностію.

Мнѣ уже ясно, что здѣсь всѣ будутъ считать за нелѣпость поступокъ Манны, Эриха и Роланда, которые вздумали отказаться отъ громаднаго состоянія. Въ Америкѣ никому нѣтъ дѣла до того, откуда у васъ деньги.

Продолженіе.

Здѣсь война — война!

Многіе утверждаютъ, будто она скоро кончится, но докторъ Фрицъ говоритъ, что упорство южанъ очень велико, и къ тому же они гораздо лучше насъ вооружены.

Что будетъ со мной — не знаю. Докторъ Фрицъ находитъ неисполнимымъ мое желаніе учить негровъ, такъ какъ я еще не довольно силенъ въ англійскомъ языкѣ. Впрочемъ, онъ мнѣ подаетъ надежду въ будущемъ. Я же иду далѣе и мечтаю объ учительской семинаріи для негритянскихъ юношей. Пока, я даю уроки музыки и часто, выходя изъ домовъ, гдѣ розыгрывалъ съ ученицами самыя мелодическія пьесы, натыкаюсь на барабанный бой. Адамъ въ отчаяніи отъ того, что президентъ пока не допускаетъ въ войско негровъ. Онъ отказывается принять участіе въ крѣпостныхъ работахъ, къ которымъ его соглашаются прико-

мандировать, но я полагаю, что онъ не замедлитъ одуматься. Не все ли равно въ какомъ видѣ служить дѣлу свободы, лишь бы хоть сколько-нибудь содѣйствовать ея торжеству въ мірѣ.

Молодой Фасбендеръ вмѣстѣ съ братомъ взялись снабжать армію съѣстными припасами. Надѣюсь, что они честно исполнятъ свое дѣло. Въ послѣднее время, я слыхалъ, что и между республиканцами также водятся обманщики. Грустно!....

Кнопфъ Фасбендеру.

....Скажи, не встрѣчалъ ли я когда-нибудь у тебя учителя, по имени Рунцлера? Мнѣ очень бы хотѣлось въ этомъ удостовѣриться, такъ какъ этотъ Рунцлеръ былъ не кто иной, какъ отецъ моей невѣсты.

Мнѣ кажется, я его разъ у тебя видѣлъ. У него еще была огромная табакерка, изъ которой онъ то-и-дѣло нюхалъ табакъ.

Я спрашивалъ у Розаліи; отецъ ея дѣйствительно нюхалъ табакъ изъ большой буковой табакерки. Это онъ. Педагогикѣ слѣдовало бы побольше обращать вниманія на правильное развитіе въ дѣтяхъ памяти, а то послѣдняя иногда съ нами играетъ презабавныя штуки. У меня какъ теперь передъ глазами табакерка, но я рѣшительно ни слова не могу припомнить изъ нашего тогдашняго разговора: помоги мнѣ пожалуйста. Я въ то время, если ты помнишь, былъ очень огорченъ шалостью, какую выкинулъ со мной Роландъ, а вдобавокъ еще потерялъ очки. Печаль тогда у меня совсѣмъ отбила память. Ты мнѣ сдѣлаешь большое удовольствіе, если подробно обо всемъ этомъ сюда напишешь. Я полагаю, ты въ самомъ скоромъ времени получишь отъ меня карточку съ слѣдующими на ней словами:

ЭМИЛЬ КНОПФЪ.

Розалія Кнопфъ, рожд. Рунцлеръ.

Супруги.

Говорю тебѣ, вся наша жизнь есть длинный рядъ чудесъ.

Твой сынъ въ высшей степени практическій человѣкъ, ты порадовался бы, смотря на него.

Когда твой помощникъ вздумаетъ сюда пріѣхать, я могу ему доставить много уроковъ на фортепіано. У насъ въ Германіи достаточно учителей и для вывоза за-границу...

Роландъ профессоршѣ.

Простите, если я васъ болѣе не стану называть матушкой: это въ моихъ глазахъ было бы измѣной противъ моей умершей матери. Я считаю себя неправымъ въ томъ, что дѣлалъ это прежде. Прошу васъ, позаботьтесь о могилѣ моей матери и прикажите насадить вокругъ нея гвоздики и вереску: это были ея любимые цвѣты.

Отецъ вѣроятно будетъ драться съ нами на морѣ, и потому я предпочитаю вступить въ сухопутное войско.

Я встрѣтился здѣсь съ Лиліаной. Не говорите, что мы еще слишкомъ молоды: это не правда, событія сдѣлали насъ зрѣлѣе нашихъ лѣтъ. Франклинъ тоже хотѣлъ жениться на миссъ Ридъ, когда ему было восемнадцать лѣтъ. Мы поклялись принадлежать другъ другу, лишь только кончится война.

Прошу васъ, никому не показывайте этихъ строкъ: онѣ пишутся исключительно для васъ.

Мы ѣздили въ Вашингтонъ, и я наконецъ видѣлъ Акрополисъ Новаго Свѣта. Мнѣ очень хотѣлось посѣтить могилу Франклина, но счастіе помогло мнѣ и привело меня прежде къ одному изъ величайшихъ его преемниковъ, къ Аврааму Линкольну.

Я въ первый разъ лицомъ къ лицу видѣлъ человѣка, предназначеннаго къ безсмертію и, говоря съ нимъ, называлъ его по имени, которое съ уваженіемъ будутъ произносить будущія поколѣнія. Уста, изрекающія слова одинаково драгоцѣнныя для современниковъ и для потомства, въ свою очередь, произносили мое имя. Однимъ словомъ, я видѣлъ великаго человѣка и былъ пораженъ его простотой.

Я вообще немногое удержалъ въ памяти изъ извѣстнаго вамъ разговора въ Карлсбадѣ, но хорошо помню слова, произнесенныя государственнымъ совѣтникомъ: «Кому однажды привелось пройти по галлереѣ, сказалъ онъ, со стѣнъ которой на него смотрѣли портреты его предковъ, тотъ никогда этого не забываетъ и въ теченіи всей своей жизни какъ будто чувствуетъ на себѣ ихъ взгляды.» Изъ глазъ Линкольна на меня смотрѣли Сократъ, Аристидъ, Моисей, Вашингтонъ и Франклинъ. На меня точно снизошло откровеніе. Вотъ предки, думалъ я, которыхъ всякій можетъ себѣ пріобрѣсти съ помощью усерднаго труда, стойкости и самоотверженія. У меня знаменитые предки, и я постараюсь быть достойнымъ ихъ.

Посылаю вамъ фотографію Линкольна. Онъ мнѣ напомнилъ господина Вейдемана, не столько наружностію, сколько обраще-

ніемъ. Я разсказалъ ему объ Адамѣ и о томъ, какъ тотъ сокрушается, что не можетъ поступить въ войско, а долженъ работать надъ постройкой крѣпости. Линкольнъ посовѣтовалъ мнѣ вполнѣ довѣриться зрѣлому сужденію людей опытныхъ и не увлекаться юношескимъ пыломъ. «Всѣ средства, къ какимъ мы прибѣгаемъ для достиженія цѣли, прибавилъ онъ, должны подвергаться строгому изслѣдованію разсудка, для того, чтобъ, прилагая ихъ къ дѣлу, мы могли быть вполнѣ чисты передъ Богомъ и передъ своей совѣстью. Настоящая война ведется между братьями, не съ цѣлію взаимнаго истребленія, а съ цѣлію искупить вопіющее зло.»

Я охотно поступилъ бы въ полкъ, состоящій изъ негровъ, и сказалъ объ этомъ Линкольну. Онъ, молча, положилъ мнѣ на голову руку.

Манна останется въ семействѣ доктора Фрица. Эрихъ уже объявилъ ей, что поступаетъ въ войско съ чиномъ маіора.

У меня есть новый товарищъ, Германъ, братъ Лиліаны. Онъ однихъ лѣтъ съ Рудольфомъ Вейдеманомъ, на котораго очень похожъ, но здѣсь люди въ восемнадцать лѣтъ гораздо старѣе чѣмъ у насъ. Германъ говоритъ мало, но чрезвычайно разсудительно. Ахъ, какое у него было счастливое дѣтство!... Но нѣтъ, я не хочу болѣе объ этомъ говорить. Я оставилъ Лиліанѣ Грейфа. Мы поступаемъ въ кавалерію. Какъ жаль, что у насъ здѣсь нѣтъ нашихъ коней съ виллы Эдемъ. А то тутъ пускаютъ въ дѣло ломовыхъ лошадей, и извощиковъ превращаютъ въ кавалеристовъ. Пусть мнѣ маіоръ напишетъ, кто купилъ нашихъ лошадей. Сердце мое обливается кровью, когда я думаю о виллѣ Эдемъ....

Я слышу, что здѣсь многіе, занимавшіеся страшнымъ дѣломъ, живутъ благополучно и пользуются уваженіемъ. Но это не должно ни служить намъ соблазномъ, ни отвращать насъ....

Мнѣ не дали докончить. Прошу васъ, потерпите немного и вы увидите, что ваши труды со мной не пропали даромъ, но сдѣлали человѣка изъ вашего —

Франклина Роланда.

Таково отнынѣ мое имя.

Манна профессоршѣ.

.....Какъ страстно хотѣлось бы мнѣ броситься въ твои объятія и воскликнуть: матушка! Перо дрожитъ у меня въ рукахъ,

но я слышу твой голосъ, который шепчетъ мнѣ: 'мужайся! Да, я буду мужественна. Я не смѣю и думать о томъ времени, когда мы снова будемъ жить съ тобой. Ты наша родина! Кто знаетъ, какъ долго придется намъ ждать, какія жертвы еще предстоятъ намъ впереди. Я всячески отталкиваю отъ себя мысль, что Эрихъ можетъ быть у меня—у насъ отнятъ.

Я какъ во снѣ вышла на берегъ страны, гдѣ родилась; мнѣ бы хотѣлось вѣчно плыть по морю. Теперь я живу въ домѣ доктора Фрица. Эрихъ и Роландъ сегодня уѣхали въ Вашингтонъ. Я не могу свыкнуться съ мыслью, что Эриха со мной нѣтъ, а между тѣмъ намъ предстоитъ еще гораздо худшая разлука! Но мы ничего не боимся, не правда ли, матушка? Судьба страннымъ образомъ свела насъ, сблизила и, безъ сомнѣнія, до конца останется намъ вѣрна.

Многое хотѣлось бы мнѣ тебѣ разсказать о домѣ, въ которомъ я живу, и о добрыхъ, благородныхъ людяхъ, какими я окружена. Часто, слушая рѣчи и видя поступки жены и дѣтей доктора Фрица, я едва удерживаюсь, чтобъ не сказать: вы это заимствовали отъ матери Эриха, отъ моей матери. Между честными людьми есть своего рода общность, и кто самъ честенъ, тотъ между честными всегда найдетъ близкихъ и друзей. Къ этому случаю какъ нельзя болѣе подходятъ слова: ищите и найдете, стучите и отверзется. Ты сообщила мнѣ силу искать и стучать,— и я нахожу, и мнѣ отворяютъ. О, матушка! Зачѣмъ доброта и самоотверженіе почти всегда открываются въ сердцѣ человѣческомъ только въ минуты страшныхъ переворотовъ,—почему бы имъ не выражаться почаще въ мирѣ, въ любви и въ тихой заботливости?..

Хорошо, что меня прервали. У Лиліаны прелестный свѣжій голосокъ, и невѣста нашего друга Кнопфа тоже премило поетъ. Мы разучили здѣсь вмѣстѣ нѣсколько пьесъ и я аккомпанирую на арфѣ пѣніе Лиліаны. Еслибъ звуки нашей музыки могли долетѣть до тебя! Несмотря на тревожную жизнь вокругъ насъ, мы по цѣлымъ часамъ играемъ и поемъ. Для меня теперь еще яснѣе стало значеніе словъ отца, который въ своихъ бумагахъ назвалъ искусство избавителемъ.

Но почему слово «отецъ» такъ болѣзненно отзывается у меня въ сердцѣ? Всякій разъ, что эта мысль посѣщаетъ меня, мнѣ кажется, будто я одна брожу по пустынѣ, гдѣ ничто не радуетъ моего взора, ничто не освѣжаетъ сердца. Что дѣлать, надо это переносить.

Мнѣ совѣстно, что я пишу тебѣ такъ безсвязно и наполняю мое письмо такими грустными мыслями. Но вѣдь ты вѣришь, что

я въ сущности счастлива и въ особенности никогда не печалю Эриха подобными жалобами. Впрочемъ, я это дѣлаю не по преднамѣренному плану, — нѣтъ, когда онъ со мной, я не ощущаю ни малѣйшаго страха или горя. Тогда вокругъ меня все радость и свѣтъ.

Три дня спустя.

Эрихъ и Роландъ вернулись изъ Вашингтона. Они много разсказываютъ о своемъ посѣщеніи Линкольна, отъ котораго Роландъ въ весьма понятномъ восторгѣ.

Лиліана гораздо зрѣлѣе своихъ лѣтъ. Ее отправили въ Германію для излеченія отъ страсти обращать невѣрующихъ, и нашъ другъ Кнопфъ сдѣлалъ ей много пользы. Я нашла въ Лиліанѣ настоящую сестру. Мы съ ней часто мечтаемъ о томъ времени, когда всѣ вмѣстѣ поселимся на Рейнѣ, но она иногда говоритъ, что ей кажется, будто мы съ Эрихомъ навсегда здѣсь останемся: этому никогда не бывать. Наша родина тамъ, гдѣ ты. Цѣлую твои глаза, щеки, ротъ, руки. Я несказанно счастлива тѣмъ, что могу назвать себя твоею дочерью —

Манной Дорнэ.

PS. Милая тетушка Клавдія, профессоръ Эйнзидель обѣщался мнѣ выслать сюда астрономическихъ книгъ. Пожалуйста, напомни ему его обѣщаніе и передай ему мой самый искренній поклонъ. Я нахожу большое утѣшеніе въ наблюденіи надъ звѣздами. Но это мнѣ не мѣшаетъ также усердно заниматься игрой на арфѣ.

Эрихъ Вейдеману.

....Вѣроятно отъ того, что мнѣ въ моей короткой жизни уже привелось видѣть такъ много чистыхъ и благородныхъ людей, чувствовалъ я себя совершено спокойнымъ при свиданіи съ Линкольномъ. На долю мою выпало великое счастье: я видѣлъ лицомъ къ лицу все то, что есть лучшаго въ нашемъ вѣкѣ. Пусть меня теперь сколько угодно упрекаютъ въ идеализмѣ. Я на всѣ упреки смѣло могу отвѣчать: да, я идеалистъ, потому что встрѣчалъ на своемъ жизненномъ пути людей, дѣлающихъ честь человѣчеству.

Намъ въ самомъ присутствіи Линкольна пришлось слышать толки о томъ, что негровъ не слѣдуетъ освобождать, такъ какъ они, безъ принужденія, вовсе откажутся работать.

Роландъ при этомъ шепнулъ мнѣ:

«А развѣ негровладѣльцы не тоже самое дѣлаютъ?»

Линкольнъ, замѣтивъ, что Роландъ со мной говоритъ, выразилъ желаніе узнать въ чемъ дѣло. Юноша спокойно, но скромно повторилъ вслухъ то, что сказалъ мнѣ. Вы, которые вмѣстѣ со мной трудились надъ пробужденіемъ этой души, вѣроятно ощутите радость не меньшую той, какую я испытываю теперь. Затѣмъ позвольте сказать вамъ нѣсколько словъ о вашемъ племянникѣ.

Наша благословенная Германія! Въ былое время переселенцы уносили съ собой въ чужія страны изображенія своихъ боговъ; въ настоящій вѣкъ мы, нѣмцы, всюду, куда идемъ, беремъ съ собой своихъ поэтовъ, философовъ и музыкантовъ. Въ домѣ вашего племянника на каждомъ шагу слѣды здороваго, свободнаго, родного образованія. Посреди тревогъ общественной и частной жизни, безсмертные геніи неизмѣнно продолжаютъ стоять во главѣ умственнаго и нравственнаго существованія людей, пробуждая въ нихъ своего рода религіозное настроеніе, стремленіе ко всему прекрасному и великому.

Перенесенный въ самую среду произрастанія и развитія историческаго событія, я невольно думаю: мы, отдѣльныя личности, составляемъ какъ бы клѣточки въ деревѣ, или иначе, мы похожи на школьниковъ, отъ которыхъ сокрыты планъ и цѣли ихъ учителя. Вся наша забота въ томъ, чтобъ выучить только сегодняшній урокъ. Такимъ образомъ, клѣточки мало-по-малу накопляются, слоями ложатся однѣ надъ другими, науки чередуются до тѣхъ поръ, пока.... но кому извѣстна конечная цѣль всего?

Во время первой великой войны, съ помощью которой Новый Свѣтъ старался отстоять свою независимость, германскіе государи продавали своихъ подданныхъ, посылая ихъ въ Америку сражаться за англичанъ. Только весьма немногіе изъ нѣмцевъ, подобно Штейбену и Кальбу, дрались въ рядахъ республиканцевъ.

Но французы и тогда уже — кому неизвѣстно славное имя Лафайета? — въ большомъ числѣ являлись въ Америку и принимали дѣятельное участіе въ ея борьбѣ за свою независимость. Нынѣ все далеко ушло впередъ: нѣмцы тысячами поступаютъ въ войско сѣверянъ; французскіе переселенцы составляютъ цѣлые отдѣльные полки зуавовъ, гдѣ команда отдается на французскомъ языкѣ. Но лучшими солдатами считаются ирландцы и нѣмцы.

Я ожидаю въ будущемъ поэта, который поставитъ себѣ задачею изобразить великую драму нашего времени — борьбу цезаризма съ стремленіемъ къ самоуправленію. Онъ въ величавыхъ

картинахъ представить, какъ народы, моремъ отдѣленные отъ воюющихъ сторонъ, стекались къ нимъ на помощь и храбро дрались за общее дѣло.

Существованію Соединенныхъ Штатовъ нѣтъ еще и ста лѣтъ. Какъ многое издали кажется намъ въ нихъ иначе, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Я нашелъ здѣсь не малое число людей, которые сильно сомнѣваются въ томъ, чтобъ Союзъ могъ долго удержаться. Одно чрезвычайно образованное духовное лицо даже выразило въ моемъ присутствіи мнѣніе, будто бы въ монархическихъ учрежденіяхъ гораздо болѣе прочности. Но это, я полагаю, только голосъ отдѣльныхъ личностей, упавшихъ здѣсь духомъ и временно утратившихъ вѣру въ торжество истины.

Меня здѣсь безпрестанно называютъ филантропическимъ идеалистомъ и прибавляютъ, что мечты мои и надежды не замедлятъ разлетѣться въ прахъ. Вашъ племянникъ, отличающійся рѣдкой широтой и ясностію взгляда на вещи, многое мнѣ разъяснилъ. Большинство людей здѣсь долго жило, имѣя исключительно въ виду только пріобрѣтеніе и устройство своего личнаго благосостоянія. О государственныхъ интересахъ имъ приходилось думать только въ извѣстныя эпохи, во времена выборовъ. Теперь имъ предстоитъ взять на себя тяжелое бремя военныхъ обязанностей, вполнѣ отдаться государству,—впрочемъ и это только на время, такъ какъ съ прекращеніемъ войны они снова будутъ свободны.

Мы въ Европѣ ошибались, полагая будто вопросъ о невольничествѣ здѣсь уже окончательно рѣшенъ. Вашъ племянникъ, конечно, того мнѣнія, что совершенное уничтоженіе рабства должно быть основнымъ началомъ войны, которой въ то же время надлежитъ сдѣлаться борьбой за огражденіе государственной прочности. Патріотизмъ долженъ на этотъ разъ соединиться съ гуманностію, — чистая идея опереться на пользу и необходимость. Логика фактовъ приведетъ къ исходу, какого не могла добиться логика мысли. Но здѣсь на сѣверѣ существуетъ другого рода сильная партія, которая вовсе не сочувствуетъ крайней, какъ она ее называетъ, мѣрѣ полнаго уничтоженія рабства. Она надѣется унизить южные штаты не отнятіемъ у нихъ рабовъ, а войною.

Мы надѣемся, что это не удастся и что наше дѣло будетъ выиграно. Слово «государственная польза», которое тираны такъ часто употребляли во зло, должно на этотъ разъ содѣйствовать торжеству свободы.

Чего здѣсь только не говорятъ о неграхъ! На первомъ планѣ стоитъ, конечно, то, что четыре милліона невольниковъ изображаютъ цифру двухъ сотъ тысячъ милліоновъ долларовъ. Затѣмъ

ихъ упрекаютъ во множествѣ пороковъ, какъ будто притѣсняемые когда-нибудь бываютъ образцами добродѣтели. Всякій народъ, пока онъ въ рабствѣ подвергается униженіямъ и преслѣдованіямъ, неизбѣжно долженъ быть невѣжественъ и испорченъ. Тираннія всегда стремилась выдавать свои жертвы за существа низшаго разряда и никогда не хотѣла сознаться, что все низкое въ нихъ было именно слѣдствіемъ тяготѣвшаго надъ ними ига.

Я здѣсь недавно сблизился съ чрезвычайно умнымъ и развитымъ негромъ. Мнѣ между прочимъ привелось слышать, какъ онъ произносилъ рѣчь о настоящемъ и будущемъ своихъ единоплеменниковъ. Онъ въ теченіе двадцати-двухъ лѣтъ томился въ неволѣ, а теперь достигъ высокой степени развитія и научнаго образованія.

Голосъ его по временамъ дрожалъ и въ немъ какъ будто звучала кроткая жалоба, но я вообще не могъ достаточно надивиться, съ какимъ тактомъ онъ постоянно воздерживался отъ выраженія ненависти или чрезмѣрнаго негодованія. Еслибъ одинъ человѣкъ еще могъ совершать чудеса освобожденія, то этотъ негръ, или другой подобный ему, не замедлили бы явиться героями-освободителями своего племени.

Но времена героевъ миновали безвозвратно. Наша сила вся въ солидарности массъ.

Со времени моего пріѣзда сюда, я ясно вижу, какой великій переворотъ должно принести съ собой уничтоженіе рабства. Но что же дѣлать: Америкѣ предстоитъ искупить грѣхъ упущенія своихъ предковъ. У насъ передъ глазами улицы, дома, цѣлые города, въ потѣ лица воздвигнутые руками негровъ.

На всей Америкѣ лежитъ тяжкій грѣхъ. Роландъ не болѣе, какъ только рѣзко выдающійся примѣръ того, какъ дѣтямъ приходится искупать проступки отцовъ.

Мы теперь находимся въ самомъ центрѣ процесса, который совершается по законамъ собственной логики. Никакая мировая сдѣлка въ настоящемъ случаѣ невозможна. Вопреки голосу, требующему чтобъ не дѣлать никакихъ посягательствъ на самостоятельное существованіе отдѣльныхъ штатовъ, необходимость предписываетъ собирать войско. Тотъ же голосъ объявляетъ несправедливой и беззаконной конфискацію частныхъ имѣній, то-есть явно возстаетъ противъ освобожденія невольниковъ, а между тѣмъ уничтоженію рабства предстоитъ быть, по крайней мѣрѣ, вторымъ, если не первымъ послѣдствіемъ всего, что нынѣ совершается.

Нравственный долгъ, о погашеніи котораго до сихъ поръ никто не помышлялъ, разросся до того, что распространился на

весь Союзъ и теперь уже не можетъ быть иначе уплаченъ, какъ деньгами и кровью вмѣстѣ.

Здѣсь говорятъ, будто война обѣщаетъ стоить три тысячи милліоновъ долларовъ. Половины этой суммы хватило бы на выкупъ всѣхъ невольниковъ. Но торжество идеи не покупается деньгами, а достигается посредствомъ жертвъ. Равно и свобода не можетъ быть ни куплена, ни подарена, а только завоевана....

Манна профессоршѣ.

....Мнѣ пришлось быть свидѣтельницей бунта невольниковъ. Какой дѣтской игрой показалось мнѣ, въ сравненіи съ нимъ, ночное нападеніе на виллу Эдемъ людей, намазавшихъ себѣ лица черной краской. Докторъ Фрицъ говоритъ, что возмущеніе было слѣдствіемъ горечи, какую возбудилъ приказъ о рекрутскомъ наборѣ. Многіе изъ негровъ поплатились при этомъ жизнью. Школа нашего друга Кнопфа разрушена, пріюты для негритянскихъ дѣтей сожжены и бѣдныя малютки съ плачемъ бродятъ или валяются по улицамъ города.

У насъ бездна дѣла и мы стараемся, насколько можемъ, облегчать участь несчастныхъ.

Я присутствовала при похоронахъ одной негритянской женщины.

У негровъ отдѣльное кладбище. Различіе даже и послѣ смерти...

Какъ часто звучатъ у меня въ ушахъ слова и музыка пѣсни: ...«всякій грѣхъ отмщается здѣсь на землѣ».

Я въ первый разъ слышала эти слова въ одинъ лѣтній день, когда ихъ пѣлъ Эрихъ. Меня тогда терзала невыносимая тоска. Теперь мнѣ кажется, какъ будто цѣлое полушаріе повторяетъ за мной стихъ Гёте: «...всякій грѣхъ отмщается здѣсь на землѣ.»

Эрихъ Вейдеману.

...Мнѣ вполнѣ понятна ваша грусть по случаю того, что многіе изъ евреевъ стоятъ за южные штаты. Генералъ Твигсъ, главнокомандующій въ Техасѣ, отдавшій крѣпость и военные снаряды въ руки бунтовщиковъ, — еврей.

Что удивительнаго, если биржевые спекулянты объявляютъ себя на сторонѣ защитниковъ рабства? Развѣ они имѣютъ на это менѣе права, нежели благочестивые англичане?

Возможно ли требовать отъ евреевъ, чтобъ они всѣ безъ исключенія стояли за нравственное начало? Уже доказано, что ни одна религія предпочтительно передъ другой не обязуетъ человѣка къ бóльшей нравственности.

Чѣмъ болѣе я думаю о вашемъ письмѣ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ справедливости моего мнѣнія. Евреи, такъ давно и жестоко лишенные права на самостоятельную государственную жизнь, обреченные на печальный космополитизмъ, обыкновенно являются на выручку тѣхъ странъ, посреди которыхъ живутъ и въ этомъ какъ бы отчасти находятъ удовлетвореніе своимъ патріотическимъ стремленіямъ.

Мнѣ снова приходитъ на умъ сравненіе, которое меня уже не разъ поражало прежде. Евреи и гугеноты имѣютъ совершенно особаго рода миссію. Изгнанные изъ отечества, разсѣянные по разнымъ странамъ, они до нѣкоторой степени сливаются съ народомъ, въ среду котораго попадаютъ. Они этимъ доказываютъ, что въ основаніи народности лежитъ не одно только прямое происхожденіе отъ того или другого рода или племени людей, и вслѣдствіе этого какъ бы являются представителями единства всего человѣчества.

Кромѣ того, я вамъ долженъ сказать, что между сѣверянами тоже не мало евреевъ, и всѣ они дерутся храбро и съ большимъ самоотверженіемъ.

Молодой докторъ, котораго вы снарядили въ путь, отлично знаетъ свое дѣло.

Присланныя вами деньги будутъ употреблены согласно вашему желанію....

Профессорша Эриху и Маннѣ.

....Ни на одномъ деревѣ не бываетъ столько цвѣту, сколько благословеній посылаетъ вамъ мое сердце. Мы здѣсь наслаждаемся миромъ, а вы живете посреди смутъ и волненій. Чѣмъ можемъ мы вамъ быть полезны? Все, что̀ я могу, такъ это только писать вамъ: что̀ бы ни случилось, не смущайтесь духомъ, но оставайтесь тверды и спокойны, во всемъ полагаясь на вѣчные законы, управляющіе міромъ и людьми. Наше дѣло только покорно и сознательно все переносить.

Я недавно посѣтила новую деревню и подумала, что такой же точно видъ должны имѣть новыя американскія селенія.

Какое счастіе быть въ состояніи устроить существованіе столькихъ людей, давъ имъ счастіе, дѣятельность и покой!

Сынъ мой! Отчего ты мнѣ ничего не пишешь о своихъ розыскахъ дяди Альфонса? Или ты ихъ еще не началъ? Не откладывай этого на слишкомъ долгое время. Если онъ еще живъ, скажи ему, что я о немъ всегда съ любовью вспоминаю, несмотря на его жестокій поступокъ съ нами. Отецъ твой тоже былъ постоянно братски къ нему расположенъ. Мнѣ грустно, что я не знаю, живъ онъ еще, или умеръ. Постарайся удостовѣриться въ томъ или въ другомъ.

Нашъ другъ Эйнзидель приводитъ теперь въ порядокъ бумаги твоего отца.

Добрый нашъ маіоръ хочетъ устроить себѣ уголокъ въ теплицѣ, гдѣ онъ на будущую зиму могъ бы проводить цѣлые дни, вдыхая въ себя запахъ цвѣтовъ и растеній. Онъ увѣряетъ, что такимъ образомъ непремѣнно проживетъ до ста лѣтъ...

Тетушка Клавдія Маннѣ.

...Ты хорошо дѣлаешь, что посреди всѣхъ твоихъ тревогъ и сомнѣній, не перестаешь наблюдать надъ звѣздами. Это даетъ силу терпѣливѣе переносить мелкія огорченія...

Лина Маннѣ.

...Завтра минетъ ровно годъ тому, что я замужемъ, и я въ первый разъ собираю у себя большое общество на кофе. Прошу относиться ко мнѣ съ должнымъ уваженіемъ! Я вынимаю для этого случая и накрываю на столы мои лучшія камчатныя скатерти. Кромѣ того, у меня есть мои собственныя, прелестныя, съ золотыми ободочками чашки. Какъ жаль, что тебя съ нами нѣтъ! Всѣ увѣряютъ, будто бы съ тѣхъ поръ, какъ я стала матерью, голосъ мой пріобрѣлъ новую силу и звонкость. О, Манна, самыя лучшія пѣсни тѣ, которыми мы убаюкиваемъ нашихъ дѣтей. Пожалуйста, отвѣчай мнѣ на мое письмо.

Пранкенъ съ женой недавно вернулся сюда, но онъ, какъ я

слышала, не долго здѣсь останется. Его назначаютъ посланникомъ куда-то на Дунай, близъ Турціи, въ страну, названіе которой я позабыла.

Знаешь ли, что̀ я придумала? Когда ты вернешься сюда, мы съ тобой устроимъ общество пѣвицъ изъ всѣхъ окрестныхъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ. Затѣмъ, мы будемъ всюду пѣть: въ вашемъ саду и въ большой концертной залѣ, на плоской крышѣ виллы Эдемъ и на Рейнѣ, катаясь въ лодкахъ. То-то будетъ весело!

Какъ жаль, что это не можетъ завтра же начаться!....

Эйнзидель Эриху.

...Въ бумагахъ вашего отца кроется много прекраснаго. Жаль, что нѣкоторыя изъ нихъ не были ранѣе напечатаны. Покойный профессоръ какъ нельзя яснѣе предвидѣлъ настоящую войну. Мыслительныя способности иныхъ людей въ нѣкоторыхъ случаяхъ равняются въ нихъ дару пророчества. Я намѣренъ напечатать кое-что изъ рукописей вашего отца и въ предисловіи обозначу время, когда онѣ были имъ написаны.....

Вейдеманъ Эриху.

...Мой племянникъ мнѣ аккуратно присылаетъ газеты. Не давайте себѣ труда слишкомъ много думать объ Европѣ и о различныхъ отношеніяхъ, чуждыхъ вашему теперешнему положенію. Вы на постѣ, который требуетъ, чтобъ вы постоянно имѣли въ виду только то, что̀ ближе всего къ нему относится. Простите, что я осмѣливаюсь подавать вамъ совѣты.

Давно пора нанести рѣшительный ударъ рабству, этому позорному явленію нашего вѣка. Люди отъ долгой привычки уже перестаютъ считать его для себя стыдомъ и грѣхомъ.

Я здѣсь дѣлаю весьма интересныя наблюденія. Зонненкампъ оказался для нашей страны гораздо болѣе вреднымъ человѣкомъ, нежели я предполагалъ. Представьте себѣ, что теперь здѣсь о немъ отзываются даже съ похвалой.

— Вѣдь онъ былъ только торговецъ неграми! слышу я со всѣхъ сторонъ.

Отвага всегда обаятельно дѣйствуетъ на умы. Смѣлый зло-

дѣй часто бываетъ привлекательнѣе смирнаго, добродѣтельнаго человѣка. Многіе, весьма порядочные люди говорятъ, что герцогъ совсѣмъ напрасно не далъ Зонненкампу дворянскаго диплома.

Въ Европѣ въ послѣднее время появилось и чрезвычайно распространилось растеніе, которое народъ прозвалъ водяной чумой. Вы безъ сомнѣнія о немъ читали. Оно первоначально было завезено изъ Канады, попало въ Темзу, чуть ее совсѣмъ не запрудило своими корнями и стеблями, затѣмъ перешло на континентъ, и наконецъ появилось у насъ. Такая же точно водяная чума иногда съ невообразимой быстротой разростается на нравственной почвѣ, гдѣ заглушаетъ всѣ лучшіе инстинкты и стремленія человѣческой души.

Благодарю васъ и Роланда, что вы предоставляете мнѣ и моему племяннику право распоряжаться положенными въ банкѣ деньгами. Докторъ Фрицъ полагаетъ, что хорошо было бы одну часть ихъ употребить въ дѣло теперь же, а другую послѣ войны. Онъ не нарадуется на то, какъ вы и Роландъ твердо противостоите всѣмъ искушеніямъ, которыя, какъ я ожидалъ, возобновились для васъ въ Америкѣ.....

Докторъ Рихардтъ Эриху.

....Радуйтесь тому, что вамъ теперь предстоитъ дѣйствовать, а не предаваться безплоднымъ мечтамъ.

Слушайте, я вамъ разскажу забавную исторію.

Отто фонъ-Пранкенъ, къ которому я, подобно всѣмъ свѣтскимъ людямъ, питалъ маленькую слабость...: онъ, конечно, далеко не герой добродѣтели, но въ высшей степени цѣльная натура.... Итакъ, Отто фонъ-Пранкенъ, состязаясь въ хитрости съ попами, далеко ихъ опередилъ. Онъ заставилъ ихъ отрекомендовать себя въ Римъ, а затѣмъ выкинулъ съ ними преловкую штуку.

Поступивъ маіоромъ въ папское войско, онъ въ скоромъ времени затѣялъ тамъ ссору. Немного спустя онъ написалъ письмо, въ которомъ сильно порицалъ организацію войска. Письмо это должно было служить ему оправданіемъ, такъ-какъ онъ очень скоро послѣ того вышелъ въ отставку и женился на молодой вдовѣ, дочери барона фонъ-Эндлиха. Когда вы вернетесь къ намъ, вы найдете у себя новое сосѣдство. Ходятъ слухи, будто Пранкенъ намѣревается теперь примѣнить свои силы и способности къ дипломатической карьерѣ. Что́ же, я думаю, что

онъ на этомъ новомъ поприщѣ будетъ имѣть блестящій успѣхъ. Не видѣли ли вы графиню Беллу, или не слышали ли о ней что-нибудь.....

Маіорша Граслеръ, б. фрейленъ Милькъ, Кнопфу.

....Ты не можешь себѣ представить, какъ сильно насъ обрадовало твое письмо. Мужъ мой давно не былъ такъ веселъ, какъ въ тотъ день, когда оно пришло. Онъ со времени вашего отъѣзда все находился въ какомъ-то тревожномъ состояніи и долго не могъ примириться съ мыслью, зачѣмъ лѣта не позволяютъ ему ѣхать съ вами. Насъ между прочимъ посѣтило большое горе: наша Леди ослѣпла и нѣтъ никакихъ средствъ возвратить ей зрѣніе. Многіе надъ нами смѣются отъ того, что мы ухаживаемъ за нашей собакой, и совѣтуютъ намъ ее застрѣлить, но мы на это никогда не рѣшимся. Мужъ мой цѣлые часы просиживаетъ около Леди и разговариваетъ съ ней. Кромѣ того онъ каждый день на веревкѣ водитъ ее гулять. Ну, зачѣмъ нужно было этой собакѣ ослѣпнуть? Не легко бываетъ иногда удержаться въ границахъ разсудка и не впасть въ сантиментальность: природа—жестокая мачиха.

Ахъ, любезный другъ, мнѣ право совѣстно занимать тебя такими мелочами, тогда какъ самъ ты находишься въ самомъ центрѣ мірового движенія. Какое тебѣ дѣло до всего этого? Мой мужъ разсказывалъ мнѣ, что у графа Вольфсгартена однажды было очень много говорено по поводу американской поговорки: самъ себѣ помогай. Мнѣ кажется, что эти слова теперь Америка какъ нельзя успѣшнѣе прилагаетъ къ дѣлу. Она старается доставить свободу угнетенному племени и тѣмъ самымъ помогаетъ самой себѣ успѣшнѣе идти по пути къ собственной свободѣ и къ собственному усовершенствованію...

PS. Я знала отца твоей Розаліи. Онъ какъ-то разъ былъ у насъ вмѣстѣ съ учителемъ Фасбендеромъ.

Эрихъ Вейдеману.

...Адама вмѣстѣ со многими другими неграми назначили работать надъ возведеніемъ шанцовъ. Онъ ни за что не хотѣлъ брать топора въ руки, тогда Роландъ самъ вооружился киркой и присоединился къ неграмъ.

Въ войскѣ много недовольныхъ Линкольномъ. Ему дѣлаютъ

упрекъ въ медленности и говорятъ, что его политика не довольно тверда и рѣшительна.

Время, должно полагать, подтвердитъ мнѣніе, которое теперь высказываетъ о Линкольнѣ докторъ Фрицъ.

Линкольнъ, по его словамъ, не есть одна изъ тѣхъ геніальныхъ личностей, которыя, рѣзко выдѣляясь изъ массы, ведутъ ее за собой. Онъ ни болѣе, ни менѣе, какъ точное и полное выраженіе всего того, что по сю пору выработалъ въ себѣ народный духъ.

Можетъ быть, оно и такъ, но развѣ этого мало? Величіе Линкольна несомнѣнно, хотя оно совсѣмъ иное, чѣмъ то, какимъ прославился древній міръ. Въ наше время болѣе невозможны герои, выполнители главныхъ ролей въ жизненной драмѣ, вокругъ которыхъ всѣ остальные люди группируются лишь какъ второстепенныя личности, исключительно отъ нихъ заимствующія и силу, и движеніе.....

Роландъ профессоршѣ.

Мои первыя строки съ поля сраженія должны быть адресованы вамъ, а никому другому.

Какъ жаль, что вы не знаете Лиліаны! Она вполнѣ достойна вашей дружбы.

Ахъ, что за человѣкъ докторъ Фрицъ!

Онъ говоритъ, что былъ ученикомъ вашего мужа. Васъ должно радовать, что духъ покойнаго профессора какъ бы оживаетъ здѣсь въ одномъ изъ лучшихъ людей Новаго Свѣта.

Мнѣ не слѣдуетъ теперь много думать ни о васъ, ни о прошломъ: я долженъ все свое вниманіе устремить на то, что меня ожидаетъ впереди. Къ тому же я много упражнялся съ оружіемъ въ рукахъ и очень усталъ.

Эрихъ пользуется здѣсь большимъ уваженіемъ.

Въ лагерѣ все тихо. Завтра мы въ первый разъ выступаемъ подъ непріятельскій огонь.

Утромъ.

Битва начинается. Я надѣюсь исполнить свой долгъ.

Вечеромъ.

Я произведенъ въ офицеры.

Эрихъ Вейдеману.

Изъ лагеря.

Мы имѣли стычку съ непріятелемъ и потерпѣли пораженіе. Роландъ превзошелъ самого себя. Онъ произведенъ въ офицеры. Я долженъ быть постоянно на сторожѣ, чтобъ умѣрять его пылъ.

Мнѣ въ этомъ случаѣ служитъ большой помогой разсудительность вашего внука Германа.

Самое ужасное въ этой борьбѣ то, что тысячи людей должны быть принесены въ жертву единственно для того, чтобъ предводители ихъ пріобрѣли нѣкоторую снаровку въ дѣлѣ войны. У насъ большой недостатокъ въ опытныхъ, могущихъ внушить къ себѣ довѣріе генералахъ. Не удивительно ли, что войско, несмотря на это, такъ храбро выдерживаетъ боевой огонь? Наши солдаты и офицеры всѣ учатся военному искусству на войнѣ, Южане въ этомъ отношеніи имѣютъ большое преимущество надъ нами.

Меня сильно занимаетъ вопросъ, неужели наши противники надѣются на побѣду, то-есть, неужели они честно вѣрятъ, что въ случаѣ, если побѣда останется на ихъ сторонѣ, принципъ, за который они дерутся, прочно водворится въ мірѣ?

Самое ожесточеніе, съ какимъ они сражаются, жажда мести. которую они выказываютъ въ жестокомъ обращеніи съ плѣнными, все это служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, что если они и вѣрятъ въ торжество своего оружія, то ни въ какомъ случаѣ не вѣрятъ въ торжество защищаемаго ими принципа. Тутъ самъ собой возникаетъ вопросъ: почему идея, которая мысленно уже всѣми по достоинству оцѣнена, не можетъ, иначе какъ цѣною крови, купить себѣ осуществленіе?

Въ этомъ состоитъ великая загадка исторіи.

Массы дѣйствуютъ подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ нравственныхъ началъ, что и отдѣльныя личности. Человѣкъ существо разумное, но гораздо болѣе склонное повиноваться голосу страстей, нежели разсудка. Онъ почти всегда дѣйствуетъ подъ вліяніемъ минутной вспышки или увлеченія. Тоже самое видимъ мы и въ народныхъ массахъ. Гёте не совсѣмъ правъ, когда утверждаетъ, будто бы Америка не заражена никакими средневѣковыми предразсудками. Нѣтъ, ей тоже приходилось и приходится бороться

съ своего рода феодализмомъ. Дѣло только въ томъ, что ея исторія вся укладывается въ гораздо болѣе короткій промежутокъ времени, чѣмъ у другихъ народовъ и тѣмъ самымъ какъ бы напоминаетъ драматическое произведеніе, въ которомъ поэтъ всегда старается какъ можно тѣснѣе сгруппировать наиболѣе выдающіеся и поразительные факты.

Америка не имѣла ни династическихъ, ни религіозныхъ войнъ. Борьба за независимость была первымъ знаменательнымъ моментомъ въ ея жизни, но она могла быть предпринята отчасти съ эгоистической цѣлью. Нынѣ для нея наступилъ второй подобный моментъ, и на этотъ разъ онъ носитъ характеръ чисто идеальный и самоотверженный. Вдругъ изъ среды существованія, направленнаго исключительно на пріобрѣтеніе и на устройство своего личнаго благосостоянія, люди однимъ шагомъ переступаютъ на почву совсѣмъ иного свойства, гдѣ самая жизнь приносится въ жертву идеѣ. Развѣ это не есть доказательство самаго искреннаго стремленія къ идеалу? Америка нынѣ приноситъ въ даръ человѣчеству свою долю самоотверженія. До сихъ поръ о ней еще можно было говорить, что ея матеріальное величіе далеко превосходитъ историческое, теперь это становится невозможнымъ.

Въ настоящій моментъ Америка одновременно переживаетъ свое великое переселеніе народовъ, свои крестовые походы, свою тридцатилѣтнюю войну. Самый короткій промежутокъ времени вмѣщаетъ для нея событія неизмѣримой важности, которыя смѣняются одни другими съ непомѣрной быстротой. Такъ и должно быть: ея историческая жизнь развивается въ вѣкъ электрическаго телеграфа.

Но не странно ли, что я, сидя здѣсь въ лагерѣ, предаюсь такого рода мудрствованіямъ? Скажу вамъ въ заключеніе, что это принесло мнѣ пользу. Бесѣда съ вами меня освѣжила, ободрила и помогла мнѣ сосредоточиться....

Эрихъ Вейдеману.

Изъ лагеря.

....То, что всѣ мы считали необходимымъ, наконецъ совершилось: негры призваны къ дѣятельному участію въ войнѣ. Роландъ, Германъ и я, мы поступили въ негритянскій отрядъ. Теперь только начнется настоящая борьба. Негры охотно отправляютъ свои обязанности и постоянно веселы. Военная дисциплина послужитъ имъ хорошей школой для будущаго.

Одинъ изъ нашихъ шпіоновъ сообщилъ мнѣ, что въ непріятельскомъ лагерѣ находится человѣкъ, по описанію чрезвычайно похожій на Зонненкампа. За нимъ всюду слѣдуетъ, переодѣтая мужчиной, женщина, красота которой на всѣхъ неотразимо дѣйствуетъ. А я все надѣялся, что онъ поступитъ во флотъ. Мнѣ невыносима мысль, что отецъ и сынъ такъ близко другъ отъ друга сражаются въ противоположныхъ лагеряхъ. Надо позаботиться о томъ, чтобы Роландъ какъ-нибудь не узналъ о томъ.

Я не нарадуюсь, смотря на дружбу, какая связываетъ Роланда съ вашимъ внукомъ Германомъ. Оба юноши неразлучны....

Роландъ профессоршѣ.

....Наконецъ-то! Эрихъ, Германъ и я, мы служимъ въ черномъ отрядѣ. Желаніе мое исполнилось: бѣдные порабощенные наконецъ получили право сражаться за свободу, которую имъ отказываются дать мирнымъ порядкомъ. Слова Паркера не выходятъ у меня изъ головы. Какъ живо помню я тотъ день, когда въ первый разъ услышалъ это имя отъ васъ по выходѣ изъ церкви...

Впередъ! вотъ теперь мой лозунгъ, и я не смѣю болѣе оборачиваться назадъ.

Я пріобрѣлъ себѣ друга, лучше котораго вы сами не могли бы для меня пожелать. Это Германъ, братъ Лиліаны. Меня невыразимо терзаетъ мысль, что онъ сражается по свободному выбору, тогда какъ я... Ахъ, нѣтъ, лучше объ этомъ не думать....

Мы разбиты, матушка, разбиты! Эрихъ утѣшаетъ меня и всѣхъ другихъ, говоря, что это принесетъ намъ пользу, научитъ насъ терпѣнію и большей стойкости. Хорошо, я постараюсь быть терпѣливымъ!

(Приписка Эриха). Матушка! Я нашелъ эти строки между вещами Роланда, и посылаю ихъ тебѣ. Мы послѣ того еще разъ сражались и одержали побѣду. Роландъ исчезъ: онъ или убитъ, или взятъ въ плѣнъ. Въ теченіи всей битвы онъ очень храбро себя держалъ. О, мой Роландъ!

Эрихъ Вейдеману.

Изъ лагеря.

Другъ мой, мы одержали побѣду, но потеряли Роланда. Я съ докторомъ, Адамомъ и Германомъ обошелъ все поле сраженія. Что́ за страшное зрѣлище! Но Роланда мы нигдѣ не нашли. Вся надежда на то, что онъ попалъ въ плѣнъ.

Какая надежда!

Утѣшая Германа, я въ тоже время стараюсь утѣшить и самого себя. Вся глубина натуры этого юноши высказывается теперь въ его горѣ по исчезнувшемъ другѣ. Но, несмотря на всю силу его печали, въ немъ не замѣтно ни малѣйшей слабости. На немъ какъ нельзя лучше отразилось вліяніе свободной республики и германскаго родительскаго дома. Онъ теперь раздѣляетъ со мной мою палатку. Всѣ его привычки совсѣмъ другія чѣмъ у Роланда. Здѣсь, въ Америкѣ, все широко разростается на просторѣ и каждое дерево далеко распространяетъ свои вѣтви. Къ тому же у Германа въ душѣ нѣтъ томительной боли, какую мой бѣдный Роландъ постоянно носилъ въ своемъ сердцѣ.

Прошу васъ, въ случаѣ если получатся на мое имя извѣстія отъ Зонненкампа, напишите ему, что сынъ его въ плѣну.

Я чувствую смертельную усталость. Страшное зрѣлище раненыхъ, умирающихъ и убитыхъ, никогда не изгладится у меня изъ памяти.

Не знаю, когда мнѣ теперь удастся вамъ еще написать. Опять и опять прошу васъ, постарайтесь довести до свѣдѣнія Зонненкампа участь, постигшую его сына. Можетъ быть, вы сочтете удобнымъ напечатать это въ одной изъ англійскихъ газетъ, которыя имѣютъ доступъ въ Южные Штаты.

Посовѣтуйтесь обо всемъ этомъ съ профессоромъ Эйнзиделемъ.

Роландъ вчера весь день находился въ особенномъ, сильно возбужденномъ настроеніи духа. Негры пѣли какую-то пѣснь, въ которой онъ вдругъ узналъ ту самую, какой его въ дѣтствѣ убаюкивала его кормилица. Слова и мотивъ этой пѣсни чрезвычайно грустные. Негритянская мать поетъ своему малюткѣ-сыну, чтобъ онъ въ угоду господину постарался вырости большимъ, здоровымъ мужчиной съ крѣпкими бѣлыми зубами.

Роландъ весь день только и говорилъ объ этой пѣснѣ и все ее потихоньку напѣвалъ. Не странно ли, что его колыбельная пѣснь такъ неотступно преслѣдовала его именно въ тотъ день, когда онъ можетъ быть находился на порогѣ смерти...

Лиліана профессоршѣ.

— Немедленно напиши обо всемъ этомъ матери Эриха, просилъ меня Роландъ.

Изъ этого вы видите, что онъ найденъ.

Когда до насъ дошло страшное извѣстіе объ исчезновеніи Роланда, я рѣшительно не могла въ бездѣйствіи оставаться дома, и отправилась его отыскивать въ сопровожденіи брата Мартина—то-есть господина Кнопфа, хочу я сказать. Мнѣ удалось незамѣченной проникнуть въ непріятельскій лагерь. Мы были переодѣты южанами и одна рука у меня висѣла на привязи, точно раненая. Нѣтъ никакой возможности описать всѣ опасности, какимъ мы подвергались.

Господинъ Кнопфъ остался за чертой непріятельскаго лагеря, въ который я отправилась одна въ сопровожденіи только моего вѣрнаго Грейфа.

Чего не испытала я за это время! Обходя поля сраженія, я тщательно заглядывала въ лица убитыхъ и умирающихъ; посѣщая лазареты, я внимательно прислушивалась къ стонамъ и жалобамъ раненыхъ — все напрасно: Роланда нигдѣ не было и слѣдовъ.

Я шла далѣе и далѣе, удрученная горемъ, которое возбуждало состраданіе даже нашихъ ужасныхъ враговъ.

Наконецъ я его нашла,—нѣтъ, не я, а Грейфъ. Онъ лежалъ раненый въ овинѣ. Онъ былъ такъ худъ и до такой степени измѣнился, что я едва его узнала.

Роландъ разсказываетъ, что его приказала отнести и положить въ овинъ какая-то женщина, переодѣтая мужчиной, которую онъ называетъ графиней Беллой.

Уѣзжая изъ Маттенгейма, я подарила Роланду небольшой камешекъ. Онъ его зашилъ въ тряпочку и постоянно носилъ на сердцѣ. Теперь этотъ камешекъ спасъ его отъ смерти.

Я обо всемъ этомъ написала въ Нью-Іоркъ, но не знаю, получится ли тамъ мое письмо. Въ Европу письма вѣрнѣе доходятъ и потому, прошу васъ, сообщите моему отцу и Эриху, что Роландъ найденъ и внѣ всякой опасности. Меня въ томъ увѣряетъ состоящій здѣсь на службѣ нѣмецкій докторъ.

Передайте все это также дядѣ, тётѣ и ихъ домашнимъ.

Роландъ проснулся...

Докторъ Фрицъ доктору Рихардту.

Извѣстія изъ Южныхъ Штатовъ съ трудомъ до насъ доходятъ. Одинъ изъ нашихъ, счастливо возвратившійся изъ плѣна.... вы конечно слышали, съ какой безчеловѣчной жестокостію южане обращаются съ своими плѣнными.... Итакъ, одинъ изъ нашихъ, побывавшій въ рукахъ непріятеля, разсказывалъ мнѣ, что видѣлъ тамъ Зонненкампа-Банфильда, а съ нимъ необыкновенной красоты женщину. Зонненкампу не удалось и въ Южныхъ Штатахъ достигнуть той степени почета, какого жаждало его честолюбіе. Южане видятъ въ немъ слишкомъ крайняго радикала. Требованія ихъ онъ возводитъ въ логическій принципъ, подобно тому какъ это прежде дѣлалъ въ своей борьбѣ со мной. Но онъ нанесъ окончательный ударъ своему значенію между ними съ тѣхъ поръ, какъ выступилъ впередъ съ планомъ сдѣлать изъ южныхъ штатовъ монархическое государство. Южане этого вовсе не хотятъ: они слишкомъ проникнуты республиканскимъ духомъ. Зонненкампъ взялъ свой планъ назадъ, но уже не могъ возвратить себѣ того уваженія, которое, было, пріобрѣлъ своей неустрашимостію и энергіей. Я того мнѣнія, что онъ и графиня Белла теперь дерутся исключительно изъ отчаянія, или подъ вліяніемъ обуявшей ихъ обоихъ страсти къ приключеніямъ....

Эрихъ Вейдеману.

.... Итакъ, великое, таинственное свершилось!

Былъ жаркій день. Обѣ стороны дрались съ одинаковымъ ожесточеніемъ. Побѣда осталась за нами, но мы понесли большія потери. Вдругъ ко мнѣ прибѣжалъ Адамъ. Онъ былъ весь въ крови, у рта его виднѣлась пѣна. Я отдалъ приказъ перевязать ему раны, но онъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ.

— Пойдемте, пойдемте со мной! кричалъ онъ: я его не убивалъ.... онъ тамъ лежитъ.

— Кто?

— Отецъ Роланда!

Я взялъ доктора и, не обращая вниманія на стоны и мольбы другихъ раненыхъ, бросился вслѣдъ за негромъ.

Мы достигли небольшого холма и нашли тамъ Зонненкампа.

Задыхаясь отъ волненія, я едва могъ выговорить:

— Отецъ!

— Отецъ! грозно повторилъ онъ. Прочь отсюда! Оставьте меня.

Онъ устремилъ на меня уже потухшій, точно стеклянный взоръ. Затѣмъ онъ сталъ рвать около себя траву, ногтями копалъ землю и, положивъ въ вырытое углубленіе голову, вдыхалъ въ себя запахъ, который въ былое время его всегда освѣжалъ и укрѣплялъ. Но теперь, казалось, онъ не принесъ ему ни малѣйшаго облегченія, по крайней мѣрѣ, онъ съ отчаяніемъ покачалъ головой и снова поднялъ на меня глаза.

Докторъ, осмотрѣвъ его, увидѣлъ, что онъ истекалъ кровью и хотѣлъ помочь ему. Но Зонненкампъ съ силой его отъ себя оттолкнулъ:

— Я не хочу чтобъ меня перевязывали. Прочь отсюда! Оставьте меня всѣ!

Я опустился передъ нимъ на колѣни и объявилъ ему, что сынъ его три мѣсяца тому назадъ исчезъ, и по всѣмъ соображеніямъ долженъ находиться въ плѣну.

— Въ плѣну!... воскликнулъ онъ. Увы, увы!... въ плѣну. Это она виновата.... она!... Я не хотѣлъ... я зналъ.... но она желала скакать на конѣ.... ей нравилась роль амазонки....

Онъ съ горечью захохоталъ.

— Меня тянуло въ море.... продолжалъ онъ, туда.... туда хотѣлось мнѣ.... но я долженъ былъ за ней слѣдовать.... я видѣлъ, какъ она упала.... она и въ рукахъ смерти все еще была прекрасна.... волшебница....

Докторъ сдѣлалъ мнѣ знакъ. Я его понялъ и спросилъ у Зонненкампа, не имѣетъ ли онъ мнѣ что-нибудь приказать.

Онъ взглянулъ на меня, точно не понялъ моего вопроса, но минуту спустя проговорилъ.

— Тамъ.... тамъ.... дайте мнѣ сюда.... дайте!

Рука его была протянута по направленію къ небольшому кустику вереска, который росъ неподалеку отъ того мѣста, гдѣ онъ лежалъ. Адамъ, повинуясь нашему приказанію, вырвалъ съ корнемъ весь кустикъ и подалъ его умирающему. Тотъ смотрѣлъ на негра широко раскрытыми отъ ужаса глазами, потомъ вдругъ улыбнулся, быстро, съ усиліемъ приподнялся и съ громкимъ крикомъ снова тяжело упалъ на землю. Онъ умеръ, сжимая въ рукахъ цвѣты вереска.

То были тяжелыя, ужасныя минуты!

Мы зарыли его въ землю и всю могилу его покрыли верескомъ. Я горько оплакивалъ этого человѣка, обладавшаго такимъ избыткомъ силъ. Что вышло бы изъ него, еслибъ....

. . . .

Меня внезапно позвали, и я долженъ былъ на время оставить письмо.

Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ еще одной смерти.

Адамъ, который не далъ перевязать себѣ ранъ, когда еще было время, теперь доживалъ послѣднія минуты своей жизни. Онъ потребовалъ меня къ себѣ.

— Господинъ маіоръ, сказалъ онъ, увидѣвъ меня около своей постели, какъ вы думаете, братья будутъ свободны?

— Непремѣнно! отвѣчалъ я.

Онъ поднялъ къ верху руки и испустилъ бѣшеный крикъ радости. Его дикая натура, на время усмиренная, теперь, въ предсмертную минуту, снова вступила въ свои права.

Я болѣе не въ силахъ писать; я жестоко въ себѣ ошибся. Мнѣ казалось, что я настолько твердъ, что меня ничто не можетъ сломать. На дѣлѣ выходитъ иначе. Прошу васъ, сообщите матушкѣ о смерти отца Манны и Роланда.

Ахъ, еслибъ я могъ заснуть и хоть немного успокоиться!

(Приписка Манны). Это письмо было найдено въ карманѣ моего Эриха, когда его вытащили изъ-подъ лошади. Онъ, находясь въ страшномъ волненіи, сѣлъ на лошадь и бросился въ сраженіе, но вдругъ упалъ и страшно разбился. Онъ еще никого не узнаетъ, бредитъ, но докторъ мнѣ подаетъ надежду на его спасеніе.

Я отошлю это письмо не прежде, какъ когда буду въ состояніи сообщить вамъ что-нибудь болѣе успокоительное.

Три дня спустя.

Мой мужъ говоритъ, что воспоминаніе о васъ приноситъ ему много утѣшенія! Я пишу сегодня также и матушкѣ.

Манна профессоршѣ.

Матушка, онъ спасенъ! Весь страхъ, всѣ сомнѣнія миновали! Онъ спасенъ! Въ теченіи многихъ дней и ночей лежалъ онъ въ лихорадкѣ, не узнавая никого, даже меня. Вдругъ онъ однажды, точно во снѣ, проговорилъ:

— Ахъ, звуки арфы!

Я немедленно телеграфировала въ Нью-Іоркъ, чтобъ мнѣ выслали сюда мою арфу, а между тѣмъ узнала, что могу достать пока другую у одной дамы, которая живетъ здѣсь въ большомъ уединеніи. Я пошла къ этой дамѣ.... она оказалась ма-

терью маленькой дѣвочки, которую въ монастырѣ звали сверчкомъ. Настоятельница писала ей о привязанности малютки ко мнѣ, и бѣдная мать не могла достаточно наслушаться моихъ разсказовъ о ней. Міръ преисполненъ чудесъ! Моя милая умершая сестра посылала мнѣ теперь арфу, которая должна была доставить утѣшеніе моему больному мужу.

Не знаю, разсказывала ли я вамъ когда-нибудь о таинственной незнакомкѣ, которая въ одно время съ нами была въ Карлсбадѣ. Она всегда гуляла подъ густымъ вуалемъ и я съ ней иногда встрѣчалась въ церкви. Ей пришлось испытать много горя въ жизни. Едва выйдя замужъ, она узнала, что мужъ ея уже былъ женатъ. Она неохотно о немъ говоритъ и тщательно скрываетъ его имя. Меня она еще въ Карлсбадѣ знала, но не рѣшалась ко мнѣ подойти. Впрочемъ она не долго тамъ оставалась: ее оскорбилъ одинъ изъ знакомцевъ графини Беллы, и она поспѣшила уѣхать. Я многого не понимаю изъ того, что говоритъ бѣдная женщина, но не рѣшаюсь ее разспрашивать.

Вернувшись къ Эриху, я по совѣту врача сѣла съ арфой въ сосѣдней комнатѣ и начала играть. Эрихъ погрузился въ сонъ, а затѣмъ, проснувшись, спросилъ:

— Гдѣ Манна, что она нейдетъ?

Докторъ запретилъ мнѣ ему показываться, изъ опасенія дурныхъ послѣдствій. Я только тогда и входила въ его комнату, когда онъ засыпалъ. Наконецъ, докторъ позволилъ мнѣ при немъ постоянно оставаться.

Эрихъ въ бреду все воображалъ себѣ, что видитъ меня въ монастырѣ, съ крыльями за плечами. При этомъ онъ всегда говорилъ по-французски и смѣялся надъ сестрой Серафимой. Смерть отца до такой степени поразила Эриха, что онъ на нѣсколько времени вовсе лишился сна.

Ему давали усыпительныя лекарства, но они дурно на него дѣйствовали, и ихъ пришлось оставить. Затѣмъ было дано новое сраженіе. Всѣ совѣтовали Эриху не принимать въ немъ участія. Онъ въ предъидущихъ битвахъ выказалъ такъ много храбрости, что на этотъ разъ могъ бы съ спокойной совѣстію остаться дома. Но онъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ, спросилъ лошадь и поѣхалъ на поле сраженія. Но тамъ лошадь его споткнулась, упала и придавила его всей своей тяжестью. Эриха подняли и за-мертво отнесли въ лазаретъ. Я, лишь только получила объ этомъ извѣстіе, немедленно къ нему поспѣшила. Теперь опасность миновала, но онъ еще очень слабъ.

Мой мужъ, съ свойственной ему добротой, старается по возможности облегчать также печальную участь другихъ больныхъ

и нерѣдко посылаетъ меня играть на арфѣ въ общихъ залахъ. Музыка дѣйствительно благотворно дѣйствуетъ на больныхъ. Она разсѣяваетъ ихъ тоску и тѣмъ самымъ, по увѣренію докторовъ, содѣйствуетъ ихъ выздоровленію. Когда я, послѣ игры въ общихъ залахъ, возвращаюсь къ Эриху и докторъ разсказываетъ ему, какое удовольствіе моя музыка доставляетъ больнымъ, лицо его мгновенно оживляется. Онъ очень мало говоритъ, но почти постоянно держитъ меня за руку. Матушка, ты теперь можешь быть вполнѣ спокойна.

Эрихъ проситъ, чтобъ ему позволили написать тебѣ нѣсколько словъ.

(Здѣсь дрожащимъ почеркомъ стояло): Твой воскресшій, любящій и любимый сынъ Эрихъ. (Затѣмъ шло продолженіе опять рукою Манны).

Не пугайся того, что эти слова какъ дурно написаны. Докторъ повторяетъ, что онъ внѣ опасности. Ему теперь нужно только одно спокойствіе.

О, матушка! Какъ мнѣ достаточно возблагодарить Бога за то, что онъ спасъ Эриха и сохранилъ мнѣ мужа, а другому, маленькому, еще не видавшему свѣта существу — отца. Но не тревожься обо мнѣ: я берегусь, зная, что отъ моей жизни зависятъ еще двѣ другія....

Манна Эйнзиделю.

....Однажды меня въ госпиталѣ позвали къ одному тяжко раненому плѣннику изъ южанъ. Онъ слышалъ мою игру на арфѣ, и узнавъ что я нѣмка, выразилъ желаніе со мной поговорить. Когда я къ нему пришла, онъ мнѣ разсказалъ, что у него въ Германіи есть дядя, бухгалтеръ въ одномъ большомъ банкѣ. Однажды вечеромъ, когда этотъ дядя былъ въ театрѣ, племянникъ обокралъ его и скрылся съ деньгами. Я сказала раненому, что вы мнѣ въ Карлсбадѣ указывали на старика, который подвергся такой же точно участи, какъ и его дядя, и по возможности съ точностію описала ему наружность вашего пріятеля. Больной убѣжденъ, что это его дядя, и проситъ меня передать старику, что жестоко раскаявается въ своемъ проступкѣ. Онъ все надѣялся разбогатѣть, возвратить украденную сумму и такимъ образомъ поправить причиненное имъ зло. Но надежды его не сбылись. Онъ умираетъ бѣднымъ человѣкомъ и только отъ души желаетъ, чтобы дядя узналъ о его раскаяніи.

Будьте такъ добры, возьмите на себя трудъ передать все это вашему знакомому....

Эрихъ матери.

....Я въ бреду постоянно слышалъ голосъ, который говорилъ мнѣ: «ты обѣщался твоей матери вернуться къ ней здоровымъ. Ты не имѣешь права ни хворать, ни умирать, и во чтобы то ни стало долженъ сдержать свое обѣщаніе. «Мысль о тебѣ ни на минуту меня не покидала, и то успокоивала, то волновала меня. Я все усиливался дать природѣ толчекъ и побѣдить овладѣвшую мною слабость. Во мнѣ точно было двѣ души. Разъ я совершенно явственно слышалъ твой голосъ, который говорилъ мнѣ: постарайся успокоиться. Ты понапрасну тревожишься и тѣмъ самымъ подвергаешь опасности свою жизнь. Ты теперь ни о чемъ не долженъ думать. Затѣмъ я видѣлъ себя на трибунѣ въ концертной залѣ, хотѣлъ пѣть, но голосъ мнѣ не повиновался. Я жестоко страдалъ, но теперь снова чувствую себя бодрымъ и свѣжимъ.

Докторъ Фрицъ Вейдеману.

....Болѣзнь Эриха и игра на арфѣ Манны послужили поводомъ къ весьма важному открытію. Недавно ко мнѣ явился пріятной наружности старичокъ, который съ трудомъ изъяснялся по-нѣмецки. Видно было, что онъ въ теченіи многихъ лѣтъ вовсе не упражнялся въ этомъ языкѣ и отвыкъ на немъ говорить. Онъ прежде всего обратился ко мнѣ съ вопросомъ, правда ли, что у меня въ домѣ живетъ молодой человѣкъ по имени Дорнэ. Я отвѣчалъ утвердительно, и старикъ съ трудомъ объяснилъ мнѣ, что онъ дядя Эриха и обладатель большого состоянія. Онъ желалъ узнать поболѣе подробностей о всей семьѣ и въ особенности о своей сестрѣ Клавдіи. Къ счастію, Кнопфъ могъ вполнѣ его удовлетворить...

Эрихъ матери.

Матушка! Дядя найденъ. Мое паденіе съ лошади и игра на арфѣ Манны были описаны въ газетахъ. Дядя Альфонсъ про-

челъ статью, въ которой говорилось о насъ, и явился къ доктору Фрицу. Затѣмъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ и засталъ меня еще опасно больнымъ.

Когда онъ въ первый разъ ко мнѣ пришелъ, мнѣ казалось, что я снова вижу отца.

Говорятъ, что свиданіе съ дядей до такой степени меня взволновало, что мои близкіе снова стали опасаться за мою жизнь. Его болѣе ко мнѣ не пускали до тѣхъ поръ, пока я совсѣмъ не выздоровѣлъ. Я показалъ дядѣ твои письма. Старикъ, который въ теченіи нѣскольких лѣтъ ничего не хотѣлъ знать ни объ Европѣ, ни о родственныхъ связяхъ, читая ихъ, горько плакалъ. Онъ собирается вмѣстѣ съ нами вернуться домой....

Кнопфъ Фасбендеру.

....Классическая древность заключаетъ въ себѣ много прекраснаго, великаго, героическаго, но не представляетъ ничего подобнаго личности американскаго дяди. На что̀ годилась бы часть свѣта, открытая Колумбомъ, еслибъ она не поставляла намъ американскихъ дядей.

Мой другъ, маіоръ Дорнэ, тоже обрѣлъ подобнаго дядю съ придачею, не знаю съ точностію какой цифры, обозначающей большое, но все честнымъ образомъ добытое состояніе. Теперь ему самому приходится рѣшать вопросъ, что̀ станетъ онъ дѣлать съ такимъ огромнымъ количествомъ денегъ. Онъ отказывается строить по моему предложенію концертныя залы, но безъ сомнѣнія сдѣлаетъ что-нибудь другое, тоже весьма хорошее....

Докторъ Фрицъ Вейдеману.

....У насъ родилось двое дѣтей. Манна произвела на свѣтъ сына, а жена Кнопфа дочь. Я присутствовалъ при томъ, какъ Кнопфъ въ первый разъ увидѣлъ свою дѣвочку.

— Чисто кавказская раса! воскликнулъ онъ, взглянувъ на нее.

Онъ признался мнѣ, что, несмотря на всю свою любовь къ неграмъ, сильно побаивался, чтобъ Розалія не родила ему чернаго ребенка, такъ какъ она въ послѣднее время постоянно на-

ходилась въ обществѣ негритянскихъ дѣтей, образованіемъ которыхъ занималась вмѣстѣ съ мужемъ. Теперь онъ въ восторгѣ отъ того, что дочь его представляетъ образецъ чисто кавказской расы, безъ малѣйшей примѣси негритянской. Въ тоже время онъ не нахвалится на судьбу, которая ему, учителю молодыхъ дѣвушекъ, послала въ даръ, въ качествѣ перворoднаго дитяти, маленькую дѣвочку. Онъ назвалъ свою дочь: Манна-Эрика.

Сынъ Манны получилъ имя Веньямина-Альфонса. Дядя Альфонсъ будетъ его крестить. Онъ по духовному завѣщанію оставляетъ одну половину своего состоянія своей сестрѣ Клавдіи, а другую сыну своего брата. Онъ хочетъ вмѣстѣ съ Эрихомъ вернуться въ Европу, но я полагаю, что онъ не долго проживетъ.

Я уже вамъ писалъ, что дочь моя Лиліана, узнавъ, что нашъ юный герой Роландъ попался въ плѣнъ, ѣздила его искать къ врагамъ. Ей удалось его спасти. Роландъ еще очень слабъ. Мы его съ докторомъ отправили на нашу ферму Лиліангаузъ, гдѣ къ нему, мы надѣемся, не замедлятъ вернуться силы. Выздоровѣвъ, онъ намѣревается поступить во флотъ.

Великая борьба приближается къ концу. Одновременно съ побѣдой мы будемъ праздновать также и свадьбу Роланда съ Лиліаной. Они останутся здѣсь съ нами.

Роландъ выказалъ замѣчательную храбрость. Онъ бо́льшую часть отцовскаго состоянія жертвуетъ освобожденнымъ неграмъ на устройство разнаго рода воспитательныхъ и благотворительныхъ заведеній....

Роландъ Вейдеману.

Лиліангаузъ.

Здѣсь, въ сельскомъ уединеніи, гдѣ я отдыхалъ отъ ужасовъ войны, удалось мнѣ наконецъ найти форму тѣмъ неопредѣленнымъ мыслямъ, которыя, неотступно преслѣдуя меня, не давали мнѣ покоя.

Вилла Эдемъ должна быть превращена въ домъ отдыха для борцовъ за идею свободы.

Какимъ образомъ мысль моя можетъ быть приведена въ исполненіе — я и самъ еще не знаю. Я полагаю, что намъ слѣдуетъ устроить тихое убѣжище, нѣчто въ родѣ монастыря, для одинокихъ, утомленныхъ борьбою съ жизнью душъ.

Что касается до тѣхъ денегъ, которыя мы намѣрены употребить на обзаведеніе и устройство освобожденныхъ негровъ, мы ихъ главнымъ образомъ отдаемъ въ распоряженіе доктора

Фрица, котораго я называю отцомъ. Теперь для насъ начнется настоящій и самый важный трудъ.

Въ Европѣ у насъ еще есть домъ. Ни сестра, ни я, мы не желаемъ продать его и не хотимъ также, чтобъ онъ совсѣмъ опустѣлъ или заглохъ. Спрашиваю у васъ, нельзя ли его употребить на что-нибудь полезное, въ родѣ убѣжища, гдѣ бы могли на старости лѣтъ находить отдыхъ и успокоеніе люди, посвятившіе лучшіе годы своей жизни труду, мысли и наукѣ.

Посовѣтуйтесь объ этомъ также и съ Эрихомъ. Въ случаѣ же, еслибъ вы и другіе друзья придумали что-нибудь другое, я заранѣе на все изъявляю мое полное согласіе.

(Приписка Эриха). Посылаю вамъ письмо Роланда. Вы увидите изъ него, какое направленіе приняли его мысли. Одновременно съ планомъ на счетъ виллы Эдемъ, его занимаютъ еще многіе другіе, всѣ одинаково проистекающіе изъ чистаго стремленія по мѣрѣ силъ и средствъ содѣйствовать водворенію на землѣ мира и свободы.

Эрихъ матери.

....Матушка! Бабушка! Все окончилось благополучно. Время печали и опасностей миновало. Матушка, я возвращаюсь домой съ женою, съ сыномъ и съ дядей Альфонсомъ.

Волны бѣгутъ, корабль несется, я ступаю на твердую землю, я въ твоихъ объятіяхъ! Мой сынъ покоится на твоихъ рукахъ, и всѣ мы снова вмѣстѣ живемъ и дѣйствуемъ....

Эрихъ Вейдеману.

....Мы съ нашимъ чернымъ полкомъ переведены въ Ричмондъ.

Мнѣ привелось видѣть вблизи, какъ совершалось великое дѣло; мнѣ удалось принять дѣятельное участіе въ великой борьбѣ нашего вѣка.

Въ мірѣ нѣтъ болѣе рабства.

Посмотримъ, что станутъ теперь говорить господа въ рясахъ или тѣ, которые щеголяютъ своими закрученными усиками. Какой подвигъ выдвинутъ они впередъ, который могъ бы равняться съ тѣмъ, что совершили мы, такъ-называемые еретики.

Немного позже.

....Измѣна! Убійство! Почему ничто прекрасное и чистое не можетъ до конца остаться такимъ?

Линкольнъ убитъ!

Иногда поневолѣ кажется, что міромъ управляетъ какой-то злобный демонъ.

Нѣтъ, этотъ поступокъ служитъ наилучшимъ доказательствомъ того, до какой степени варварства могутъ дойти приверженцы аристократіи, эти слѣпые защитники правъ одного привилегированнаго класса въ ущербъ всему остальному человѣчеству. Въ будущемъ, съ трудомъ станутъ вѣрить въ возможность такого ужаснаго, нечестиваго дѣла. Въ наши дни оно совершается, и не однимъ человѣкомъ, а цѣлой шайкой гнусныхъ заговорщиковъ.

Они въ Южныхъ Штатахъ во время войны пустили въ ходъ фанатизмъ: нынѣ онъ наложилъ на нихъ свою кровавую печать....

Докторъ Фрицъ Вейдеману.

....Исторія не потерпитъ, чтобъ Линкольнъ вслѣдствіе своей мученической смерти былъ возведенъ въ герои. Онъ былъ честный, способный человѣкъ; ему удалось совершить доброе дѣло, за которое онъ погибъ: этого много, вполнѣ достаточно.

Кормчій съ корабля сброшенъ въ море.

Мнѣ приходитъ на память одно событіе, котораго я нѣкогда былъ свидѣтелемъ. Оно нынѣ повторилось въ моихъ глазахъ въ гораздо бо̀льшихъ размѣрахъ.

Во время моего перваго переѣзда черезъ море въ Новый Свѣтъ, послѣ того какъ рушились всѣ наши лучшія надежды на германское отечество, у насъ на кораблѣ вдругъ произошла страшная тревога. Онъ внезапно былъ задержанъ на своемъ пути и всѣ въ смятеніи спрашивали: что̀ случилось? Кормчій упалъ въ море, отвѣчали намъ.

Кормчій Американскаго Союза тоже неожиданно упалъ въ море, и все разнообразное движеніе громадной машины мгновенно пріостановилось на ходу, точь-въ-точь какъ тогда нашъ корабль. Но тотъ корабль, о которомъ теперь идетъ рѣчь, изъ крѣпкаго матеріала; онъ хорошо оснащенъ и закаленъ въ буряхъ. На немъ пожалѣютъ о кормчемъ, но въ тоже время поспѣшатъ замѣнить его другимъ.

То не будетъ пустая игра словъ, если я скажу, что теперь впервые Американскій Союзъ вполнѣ слился въ единствѣ мысли и чувства.

Въ нашъ вѣкъ не легко приводятся къ соглашенію умы людей. Но нынѣ соглашеніе это совершилось, и кто можетъ исчислить всѣ благія послѣдствія, какія оно породитъ?

Когда Новый Свѣтъ хоть на одинъ день, хоть на одинъ часъ, испытывалъ такой единодушный порывъ горя и негодованія, какъ теперь, по случаю смерти Линкольна?

Трудно себѣ вообразить болѣе величественное зрѣлище чѣмъ то, какое въ этотъ моментъ представляла Америка. Не столько поразительна была самая война, сколько тишина, наступившая вслѣдъ за смертью Линкольна. О немъ сожалѣла, его тихо оплакивала вся нація, мгновенно слившаяся въ одно огромное сердце.

Если что-нибудь можетъ окончательно поразить въ общественномъ мнѣніи всѣхъ защитниковъ рабства, то это конечно убіеніе честнаго, благороднаго Линкольна.

Вѣроятно таковъ законъ исторіи, чтобъ торжество въ мірѣ всякой великой идеи запечатлѣвалось мученической смертью одной или нѣсколькихъ жертвъ...

Кнопфъ маіору.

....Дядя нашего друга Дорнэ умеръ. Онъ уже былъ боленъ, а извѣстіе объ убіеніи президента Линкольна его окончательно сразило.

Эрихъ и Манна ѣдутъ домой съ сыномъ....

Эрихъ Вейдеману.

....Свершилось! и исторія не замедлитъ по своему усмотрѣнію распорядиться завоеваннымъ ею имуществомъ.

Роландъ остается здѣсь. Онъ дѣлается членомъ семьи доктора Фрица и посвящаетъ себя дѣятельности, которая какъ нельзя болѣе приходится ему по сердцу.

Я съ Манной возвращаюсь домой. Мы рѣшились пока поселиться на виллѣ Эдемъ.

Это письмо всего тремя днями опередитъ насъ въ Европу. Я далъ обѣщаніе Роланду пріѣхать сюда къ 1876 году, когда будетъ праздноваться столѣтіе существованія американской республики. Мы, подъ шумъ великаго торжества, представимъ тогда на судъ другъ другу то, что каждый изъ насъ успѣлъ за это время сдѣлать полезнаго въ своемъ отечествѣ.

Б. Ауэрбахъ.

КОНЕЦЪ.

Отъ Редакціи. — Мы обязаны переводомъ этого обширнаго труда Б. Ауэрбаха, занявшаго собою около 80 печатныхъ листовъ, Софьѣ Александровнѣ Никитенко, за небольшимъ исключеніемъ первыхъ главъ романа. Не имѣя права дѣлать оцѣнки качеству перевода, помѣщеннаго въ нашемъ же журналѣ, мы считаемъ долгомъ выразить переводчицѣ признательность за вполнѣ добросовѣстное отношеніе къ подлиннику, который нашелъ для себя въ русскомъ переводѣ возможно близкое изображеніе и толкованіе не только словъ, но и мыслей автора, безъ тѣхъ такъ-называемыхъ переводныхъ вольностей, которыя облегчаютъ трудъ переводчика, но удаляютъ на второй планъ — автора. Настоящій романъ Ауэрбаха, какъ намъ кажется, представляетъ болѣе интереса въ подробностяхъ, нежели въ томъ, что̀ называется интригою, завязкою. Вѣчный процессъ и борьба матеріальнаго богатства съ бѣдностью, и духовной нищеты, узкаго эгоизма, съ богатствами душевными, съ широкими, великодушными помыслами, съ любовью, объемлющею все человѣчество, какъ этотъ процессъ и эта борьба совершаются на самыхъ различныхъ ступеняхъ развитія недѣлимыхъ, въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеніяхъ, — вотъ задача автора; а потому романъ Ауэрбаха утратилъ бы много въ передѣлкѣ, при вольномъ переводѣ, и потребовалъ отъ своего переводчика усилій—не скользить по подробностямъ, но именно на нихъ-то и сосредоточить все свое вниманіе. Если въ русскомъ переводѣ сохранилась та сторона интереса, которую, очевидно, имѣлъ прежде всего въ виду самъ Б. Ауэрбахъ, то мы этимъ обязаны исключительно переводчицѣ, не пожалѣвшей труда на тщательную отдѣлку всѣхъ подробностей оригинала.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ
РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1787—1795.

V *).

Дѣло съ Пруссіею.—Споры о назначеніи депутаціи для совѣщанія съ прусскимъ посланникомъ.—Упрямство и увертки сеймовыхъ пословъ.—Твердость Сиверса.—Назначеніе депутаціи.

Дѣло съ Россіей покончилось. Началось дѣло съ Пруссіей. Оно было труднѣе прежняго, и посланникамъ пришлось помучиться съ упрямствомъ и уловками сейма еще цѣлыхъ два мѣсяца.

Еще до подписанія трактата съ Сиверсомъ, Бухгольцъ прислалъ 9-го (20-го) іюля ноту, гдѣ просилъ назначить делегацію съ надлежащимъ полномочіемъ, для окончанія переговоровъ съ е. в. прусскимъ королемъ.

Въ продолженіи трехъ дней толковали о несправедливости притязаній Пруссіи. «Намъ объявляли, что прусскій король ввелъ войска въ Польшу для преслѣдованія якобинцевъ. Ну, что же? теперь они истребили якобинцевъ, которыхъ тамъ и не было, такъ мы можемъ назначить делегацію, которая бы вела переговоры единственно о выводѣ прусскихъ войскъ изъ польской территоріи». Такъ говорили послы.

Ихъ ободрила депеша Войны изъ Вѣны, которая гласила, что

*) См. выше: февраль, 685; мар., 154; апр., 618; май, 138; іюнь, 559; іюль, 89; авг., 548; сент., 17; окт., 562; нояб., 109 стр.

хотя русскій и прусскій министры при вѣнскомъ дворѣ сильно стараются у императора о признаніи законнымъ раздѣла Польши, но императоръ боится увеличенія территоріи союзныхъ государствъ. Это и располагало поляковъ какъ можно болѣе тянуть время въ ожиданіи благопріятныхъ поворотовъ въ политикѣ. Предлагали обратиться къ императору съ просьбой о посредничествѣ, а между тѣмъ пріостановить занятія сейма. Другіе совѣтовали просить защиты противъ прусскихъ притязаній у императрицы. «Мы уступили Россіи области, какъ бы понеся справедливое наказаніе за то, что нарушили гарантіи Россіи, объявили вражду этой монархіи, по наущенію Пруссіи — говорилъ Карскій—но за что же мы будемъ давать области прусскому королю? Скорѣе онъ, какъ главный возбудитель противъ Россіи, долженъ бы былъ теперь поплатиться за насъ.»

«Москва и Пруссія — говорилъ Краснодембскій — не одно и тоже. Москва происходитъ отъ одного съ нами племени, и мало отъ насъ разнится по образу мыслей, обычаямъ и нравамъ; въ соединеніи съ Москвою, можетъ быть, мы увидимъ обоюдное счастіе обоихъ народовъ. Но съ Пруссіей мы не сойдемся никогда. Старая пословица говоритъ: Пока свѣтъ стоитъ свѣтомъ — полякъ не будетъ братомъ нѣмцу».

«Что дѣлать? — говорилъ литовскій подскарбій Огинскій — судьба многихъ государствъ въ мірѣ была такова, что они падали съ вершины своей славы, и потомъ, при счастливыхъ обстоятельствахъ, опять поднимались. Польша не должна приходить въ отчаяніе отъ того, что ей предписываетъ законы тотъ, кто былъ нѣкогда ея вассаломъ. Будущность, быть можетъ, еще и поправитъ насъ».

Наконецъ, 26-го іюля, обратились къ королю съ просьбой дать совѣтъ.

«Если бы мои совѣты — сказалъ король — были принимаемы на прошедшемъ сеймѣ, можетъ быть Польша не была бы въ такомъ печальномъ положеніи. Я всегда поддерживалъ ту мысль, что тѣснѣйшій союзъ съ Россіею, за исключеніемъ всякихъ другихъ, былъ бы выгоднѣе всего для Рѣчи-Посполитой. Теперь я убѣжденъ, что никакія личныя пожертвованія не отвратятъ отъ Польши несчастія; испытаемъ косвенныя средства. Обратимся къ императрицѣ, укажемъ на несправедливость прусскихъ притязаній, на то, что трактаты 1773 и 1790 годовъ, заключенныхъ съ пруссаками, гарантируютъ намъ не только цѣлость нашихъ областей, но обязываютъ прусскаго короля защищать насъ; что Польша не подала ни малѣйшаго повода къ нарушенію этого трактата, что дѣло 3-го мая не можетъ давать права прусскому

королю на захватъ областей, ибо это дѣло было одобрено прусскимъ королемъ, наконецъ,—что по всѣмъ изысканіямъ у насъ вовсе не существовало никакихъ якобинцевъ».

Въ такомъ смыслѣ король подалъ проектъ ноты, которую должно представить русскому посланнику. Ему возразили, что подобная нота, вмѣсто того, чтобы отдалить сношенія съ Пруссіей, только дастъ русскому министру печальную необходимость требовать скорѣйшаго начатія этихъ сношеній. Проектъ короля былъ, однако, принятъ большинствомъ, нота послана Сиверсу, и на другой день, 27-го іюля, былъ отъ него полученъ и въ засѣданіи прочтенъ отвѣтъ. Посланникъ Екатерины объявлялъ, что инструкціи, данныя ему, не дозволяютъ обѣщать ходатайства объ отсрочкѣ сношеній съ Пруссіею, напротивъ, обязываютъ его содѣйствовать скорѣйшему начатію переговоровъ съ прусскимъ посломъ.

«Если г. русскому посланнику — сказалъ ломжинскій посолъ Скаржинскій — инструкція не представляетъ возможности принять на себя содѣйствіе, то намъ остается обратиться прямо къ великой государынѣ, посредствомъ особаго посольства, представить ей критическое положеніе Польши, и просить ея милостивой помощи».

Эта мысль очень понравилась многимъ, такъ какъ она все-таки подавала предлогъ къ затяжкѣ дѣла. Другіе, развивая ее, прибавляли, что, въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ пріостановить дѣятельность сейма. Но противъ этого, Лобаржевскій подалъ проектъ продолжать сеймъ до 15-го августа. Цѣль его была привести сеймъ къ необходимости угодить посланникамъ, но онъ не выставлялъ ее наружу, а указывалъ на необходимость заниматься дѣлами внутренняго устройства, тѣмъ болѣе, что тарговицкая конфедерація, своими злоупотребленіями, запутала доходы и расходы, и вообще привела край въ состояніе крайняго безпорядка во всѣхъ отношеніяхъ. Указывалось и на то, что польская армія, хотя значительно убавленная тѣмъ, что Россія уже завербовала часть ея въ отобранныхъ провинціяхъ, состоя изъ 25,000 человѣкъ, въ земляхъ, оставшихся за Польшею, не получаетъ жалованья и предается своевольствамъ. Вопросъ этотъ остался нерѣшеннымъ и оставленъ на слѣдующее засѣданіе 18-го (29-го) іюля. При началѣ этого засѣданія, члены сейма замѣтили, что многихъ пословъ не было на лицо, и боялись, не арестованы ли они снова. Шидловскій, не зная еще въ чемъ дѣло, кричалъ, что, по этому поводу, слѣдуетъ прекратить совѣщанія. Товарищи, о которыхъ безпокоились, однако, явились, и одинъ изъ нихъ, Скаржинскій, объяснилъ, что вчера ихъ пугали разореніемъ земель, если

они подадутъ такіе голоса, которые будутъ задерживать продолженіе сейма. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и его товарищи объявляли, что несмотря на такія угрозы, они все-таки будутъ поступать такъ, какъ указываютъ имъ истинныя нужды отечества. Передъ тѣмъ Сиверсъ намылилъ голову Скаржинскому и его брату, у которыхъ были имѣнія въ Украинѣ. «Если—говорилъ онъ—вы будете дозволять себѣ выраженія, противныя волѣ ея императорскаго величества, я наложу военную экзекуцію на ваши имѣнія».

Патріоты домогались закрытія сейма. Краснодембскій кричалъ болѣе всѣхъ. Другіе представляли, что въ городѣ, по случаю многолюдства, произошла такая дороговизна, что имъ невозможно содержать себя. «Распущеніе сейма — возражали Коссаковскій и Рачинскій — было бы теперь для страны хуже самаго раздѣла. Оно подвергло бы Польшу крайнему разстройству и военному своеволію. Мы бы окончательно раздражили императрицу, а въ ея рукахъ судьба наша».

Послѣ долгихъ споровъ приступили къ голосованію, и большинство восьмидесяти голосовъ передъ двадцатью семью рѣшило продолжить сеймъ до 15-го августа.

На слѣдующее засѣданіе, 19-го (30-го) іюля, благопріятель Пруссіи, Древновскій, выступилъ съ проектомъ дать инструкцію депутаціи, назначенной для переговоровъ съ Пруссіею.

Но посолъ противной партіи, Микорскій, началъ домогаться разсмотрѣнія своего проекта, гдѣ предлагалось, прежде сношеній съ прусскимъ посломъ, спросить его, г. Бухгольца: считаетъ ли Пруссія существующими прежніе договоры съ Рѣчью-Посполитою 1773 и 1790 годовъ, и если они нарушены, то пусть объяснитъ, по какимъ побужденіямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ просить его о выводѣ прусскихъ войскъ изъ польскихъ областей. Едва начались пренія по поводу этихъ двухъ проектовъ, какъ явилась нота Сиверса. Посолъ императрицы дѣлалъ сейму замѣчаніе, что съ 9-го (20-го) іюля, когда была подана нота Бухгольца, сеймъ дѣлаетъ ежедневно остановки и занимается предметами, не имѣющими никакой связи съ прусскимъ дѣломъ. «Нижеподписавшійся—выражался Сиверсъ,—опасаясь, чтобы и настоящее засѣданіе, какъ и другія, послѣдующія за нимъ, не окончились ничѣмъ, находитъ себя вынужденнымъ объявить наияснѣйшимъ чинамъ, собраннымъ на конфедераціонный сеймъ, что онъ имѣетъ повелѣніе требовать скорѣйшаго начинанія сношеній съ прусскимъ министромъ, и немедленнаго постановленія о надлежащихъ инструкціяхъ и о полномочіи по этому вопросу».

По прочтеніи этой ноты, секретарь сейма сталъ-было читать проектъ Древновскаго, но Карскій, плоцкій посолъ, закричалъ:

«Если вы осмѣлитесь читать, то станете сами первою жертвою вашей снисходительности къ извѣстной партіи». Секретарь испугался и остановился. Одни поддерживали Карскаго, другіе были противъ него. Поднялся такой шумъ, что дѣло готово было дойти до драки. Тогда смущенный маршалъ сейма обратился къ королю и просилъ его, какъ главу, рѣшить своей мудростію вопросъ, раздирающій собраніе. Король объявилъ, что прежде, чѣмъ произнесетъ свое сужденіе, онъ хочетъ узнать мнѣніе сейма. Начали отбирать голоса. Явилось раздвоеніе. Половина была за Древновскаго, другая за Микорскаго. Король предложилъ пустить на голоса такой вопросъ: «чей проектъ долженъ быть прежде читанъ?» Начали отбирать голоса; оказалось равенство голосовъ и на той, и на другой сторонѣ. По закону приходилось рѣшать королю. Станиславъ-Августъ, чтобы угодить обѣимъ партіямъ, предложилъ читать проектъ Древновскаго, но въ тоже время послать къ Бухгольцу ноту, и потребовать объясненій, сообразно желанію Микорскаго. Нота была написана отъ имени канцлера и послана Бухгольцу въ такихъ выраженіяхъ:

«Его величество король, со всѣми чинами конфедераціоннаго сейма, разсматривая ноту г. Бухгольца, экстраординарнаго и уполномоченнаго министра его королевскаго величества прусскаго короля, отъ 20-го іюля, гдѣ говорится о постановленіи новаго договора между Рѣчью-Посполитой и его величествомъ королемъ прусскимъ, и принимая во вниманіе, что оба государства соединены уже, кромѣ трактата 1773 г., еще и новымъ союзомъ 1790 г., которыхъ статей Рѣчь-Посполитая ни въ чемъ не нарушала, поручила намъ, нижеподписавшимся, освѣдомиться у г. посла прусскаго: считаетъ ли его величество король прусскій себя обязаннымъ означенными трактатами или нѣтъ?

«Высокое мнѣніе объ искренности характера этого государя, съ каковымъ пріятно оставаться собраннымъ на сеймѣ посламъ, не дозволяетъ имъ имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія о его чистосердечномъ желаніи соблюденія торжественно принятыхъ обязанностей, которыя упрочили пріязнь и доброе согласіе между этимъ государемъ и Рѣчью-Посполитою. Поэтому члены, собранные на сеймъ, дали нижеподписавшимся приказаніе сообщить г. послу, что пребываніе прусскихъ войскъ въ областяхъ Рѣчи-Посполитой, будучи для нея отяготительнымъ, противно существу продолжающихся между Рѣчью-Посполитою и прусскимъ королемъ взаимныхъ обязанностей. Итакъ, нижеподписавшіеся, исполняя порученіе, просятъ г. посла съ своей стороны склонить дворъ свой къ изданію приказаній своему войску очистить польскія области,

нынѣ ими занимаемыя, и надѣются сообразнаго въ этой мѣрѣ отвѣта».

Бухгольцъ отвѣчалъ на это въ тотъ же день такою нотою: «Нижеподписавшійся, съ удивленіемъ прочитавъ содержаніе ноты чиновъ конфедераціоннаго сейма Рѣчи-Посполитой, подписанной настоящимъ числомъ, спѣшитъ отвѣчать въ ту же минуту, что предметъ ея не прямо относится къ деклараціи, поданной обоими высокими дворами, берлинскимъ и петербургскимъ, и къ нотамъ, въ началѣ сейма посланнымъ какъ отъ нижеподписавшагося, такъ и отъ чрезвычайнаго и полномочнаго россійскаго посла, а потому нижеподписавшійся оставляетъ подробное объясненіе объ этомъ предметѣ до того времени, какъ начнутся конференціи депутаціи съ нижеподписавшимся о тѣхъ предметахъ, о которыхъ означенная депутація уже вела переговоры съ посломъ россійскимъ».

Прочитавъ такой отвѣтъ, на сеймѣ стали читать проектъ Древновскаго. Суходольскій потребовалъ сдѣлать тамъ прибавку, чтобы депутаты не принимали никакихъ предложеній объ уступкѣ провинцій, не снесясь съ сеймомъ. Въ такомъ видѣ проектъ о депутаціи рѣшенъ былъ большинствомъ 63 противъ 39 голосовъ. Епископъ Коссаковскій предложилъ прибавить еще въ инструкціи депутатамъ, что депутація, назначенная для переговоровъ съ прусскимъ министромъ, приступаетъ къ этому только вслѣдствіе иноземнаго насилія. Въ свое утѣшеніе, по предложенію Янковскаго, сеймъ положилъ сообщить разнымъ иностраннымъ министрамъ оба акта: ноту сейма къ прусскому министру и отвѣтъ послѣдняго, и записать ихъ въ книги сейма, чтобы вся Европа и будущія поколѣнія знали, какъ можно полагаться на твердость договоровъ, заключенныхъ съ Пруссіею, а посолъ Буховецкій разсказалъ передъ собраніемъ исторію бранденбургскаго дома отъ тѣхъ временъ, когда этотъ домъ былъ въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Польшѣ, до настоящей минуты, и старался показать все коварство прусской политики. Вечеромъ, въ тотъ же день, Сиверсъ задалъ Коссаковскому головомойку за предложенный имъ въ Избѣ намекъ о насиліи.

Съ этихъ поръ, до 26-го іюля (7-го августа), сеймъ занимался вопросомъ о войскѣ и о финансахъ. Всѣ хотѣли елико возможно тянуть время, потому что обольщались разными надеждами. Польскіе министры при европейскихъ дворахъ писали въ отечество, что въ политикѣ произойдутъ измѣненія. Въ Польшѣ шведскій посланникъ оказывалъ радость, что Пруссія встрѣчаетъ затрудненіе, а австрійскій изподтишка поджигалъ поляковъ къ упрямству и подавалъ имъ надежды, что Австрія не потерпитъ

расширенія и усиленія давно уже соперничествующей съ нею Пруссіи. «Удивляюсь глупости поляковъ; — писалъ тогда Сиверсъ — они дали инструкцію своей депутаціи толковать только о торговыхъ дѣлахъ, думая, что дѣло объ уступкѣ земель не состоится».

Депутація, назначенная для переговоровъ съ Бухгольцемъ, состоявшая изъ тѣхъ самыхъ особъ, которые совѣщались съ Сиверсомъ, приступила къ конференціямъ съ прусскимъ посломъ, но эта конференція прервалась тотчасъ же. Слѣдовало, по принятому дипломатическому обычаю, прежде всего сдѣлать обмѣнъ полномочій. Полномочіе одной стороны должно было соотвѣтствовать полномочію другой. Но такого соотвѣтствія не было. У Бухгольца въ полномочіи было сказано объ уступкѣ Польшею Пруссіи земель, какъ о главномъ предметѣ, а въ полномочіи польской депутаціи не было объ этомъ ни слова; въ инструкціи же, данной имъ объ этомъ предметѣ, даже не велѣно было толковать безъ сношенія съ сеймомъ. Поэтому, депутація обратилась къ сейму съ рапортомъ, а Бухгольцъ съ нотою. Прусскій посланникъ требовалъ, чтобы сеймъ предписалъ депутаціи вступить съ нимъ въ совѣщанія и продолжать ихъ безъ малѣйшаго перерыва. Уже Фридрихъ-Вильгельмъ заявилъ Бухгольцу свое неудовольствіе за медленность и замѣчалъ, что напрасно переговоры съ Пруссіею не производятся въ одно и тоже время, какъ и съ Россіею.

Такъ какъ нота Бухгольца не сопровождалась такими угрозами, какими обыкновенно приправлялъ свои ноты русскій посланникъ, то поляки не очень испугались ее и не сдѣлали ее особымъ предметомъ совѣщаній, а продолжали нѣсколько дней толковать о прочихъ дѣлахъ и только между прочимъ касались дѣла о сношеніяхъ съ прусскимъ посломъ, ограничиваясь пустою казуистикою.

Посреди такой казуистики, 10-го августа, сеймъ получилъ отъ россійскаго посла ноту, гдѣ было сказано:

«Ясныя и возобновленныя приказанія ея императорскаго величества, данныя нижеподписавшемуся, обязываютъ его напомнить наияснѣйшимъ государственнымъ чинамъ конфедераціоннаго сейма, чтобы они поручили депутаціи обмѣняться полномочіями и начать переговоры съ прусскимъ посланникомъ такъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ наступило скорое и полное окончаніе дѣла. Ужасныя слѣдствія, которыя неизбѣжно повлекутъ за собою дальнѣйшія проволочки, слишкомъ извѣстны. Нижеподписавшійся не хочетъ распространяться подробнымъ изложеніемъ оныхъ. Несчастные и невинные поселяне потерпѣли бы отъ этого болѣе всѣхъ, и Рѣчь-Посполитая подверглась бы чрезъ то новымъ опас-

ностямъ, вмѣсто возвращенія себѣ, посредствомъ спокойной дѣятельности сейма, спокойствія и счастія, похищенныхъ предшествовавшимъ революціоннымъ сеймомъ. 30-го іюля (10-го августа)».

Бухгольцъ, приславшій одновременно свою ноту, выразился такъ:

«Нижеподписавшійся принужденъ вторично требовать отъ чиновъ конфедераціоннаго сейма немедленнаго предписанія депутаціи объ обмѣнѣ полномочій, и затѣмъ о скорѣйшемъ веденіи переговоровъ, долженствующихъ положить предѣлъ всѣмъ потрясающимъ націю несчастіямъ, которыхъ тягость будетъ увеличиваться, если поляки постоянно будутъ поступать неразсудительно».

Послѣ этихъ нотъ, вопросъ объ обмѣнѣ полномочій былъ пущенъ на голоса и рѣшенъ большинствомъ 63 противъ 26. Однако поляки сдѣлали еще уловку: предписали депутаціи сдѣлать обмѣнъ полномочій и вступить въ переговоры съ Бухгольцемъ, но обязывали ее вести эти переговоры только о торговыхъ дѣлахъ, а по вопросу о присвоеніи Пруссіею областей не входить въ совѣщанія безъ воли сейма. Тогда, съ досады, безъ прямого отношенія къ текущимъ дѣламъ, напали на короля, взваливали на него всю силу несчастій Польши, припоминали все старое съ самаго начала его царствованія. Особенно отличился рѣзкими выраженіями противъ его особы Цемневскій. Это вызвало со стороны короля длинную рѣчь: онъ изложилъ исторію своего царствованія съ самаго вступленія на престолъ. Станиславъ-Августъ оправдывался тѣмъ, что всегда поступалъ по волѣ народа, и особенно распространился о своемъ акцессѣ къ тарговицкой конфедераціи, извиняя себя въ этомъ поступкѣ во-первыхъ тѣмъ, что въ Польшѣ не было никакихъ средствъ вести войну, во-вторыхъ, тѣмъ, что въ случаѣ его дальнѣйшаго сопротивленія, Польшѣ грозили раздѣломъ, и онъ уступкою думалъ сохранить цѣлость земель Рѣчи-Посполитой.

Рѣчь его тронула многихъ. Дзѣконскій и Анквичъ стали защищать короля. Анквичъ доказывалъ, что все зло для Польши возникло не во времена Станислава-Августа, а въ прежнія времена до него. Дзѣконскій говорилъ, что это зло наиболѣе увеличивалось въ Польшѣ оттого именно, что король мало имѣлъ власти. Краснодембскій, сторонникъ 3-го мая, замѣтилъ: «я помню, какъ король говорилъ: и зачѣмъ вы такъ льнете къ этой Пруссіи? И я былъ тогда въ Избѣ противъ Пруссіи. Король говорилъ, что онъ терпѣлъ тогда; и мы не меньше его терпѣли съ нимъ».

Передъ этимъ сеймъ обращался къ обоимъ посланникамъ съ просьбою о возвращеніи принадлежащихъ скарбу Рѣчи-Поспо-

литой суммъ, находящихся въ краяхъ, занятыхъ русскими и пруссаками. Сеймъ получилъ отъ обоихъ отвѣтъ: Бухгольцъ, именемъ своего короля, обѣщалъ возвратить требуемыя суммы, но не ранѣе, какъ по окончаніи переговоровъ, а Сиверсъ просто объявилъ согласіе на требованіе и потомъ, августа 2-го (13-го), увѣдомилъ, что состоявшійся между Россіею и Рѣчью-Посполитою трактатъ ратификованъ императрицею; въ свою очередь онъ приглашалъ ратификовать его и со стороны сейма. Теперь, по существу дѣла, оказывались неумѣстными и безполезными всякіе толки о трактатѣ, уже подписанномъ императрицею, но ратификація его на сеймѣ однако послужила еще въ продолженіи нѣсколькихъ дней предлогомъ ломанья, выказыванья храбрости и польскаго мужества, упрямства и риторическихъ способностей сеймовыхъ пословъ. 6-го (17-го) августа, по этому поводу произошло чрезвычайно бурное засѣданіе. Едва только секретарь, по приказанію сеймоваго маршала, сталъ читать проектъ ратификаціи, составленный Анквичемъ, какъ Микорскій, Краснодембскій и Карскій вскочили съ своихъ мѣстъ, схватили секретаря за руку и тащили прочь, не давая ему читать, но подбѣжалъ Подгорскій и иные, схватили секретаря за другую руку и принуждали читать. Секретарь—ни взадъ, ни впередъ. Въ это время король далъ знать, что хочетъ говорить. «Я удивляюсь—сказалъ онъ—и не понимаю, что за причина такого безпорядка?» Слова короля возстановили спокойствіе. Секретаря выпустили изъ рукъ. Маршалъ приказалъ ему возобновить чтеніе. Но едва секретарь произнесъ нѣсколько словъ изъ проекта, какъ патріоты закричали: «этотъ проектъ можетъ быть только произведеніемъ измѣнника, и тотъ, кто способенъ читать его, также измѣнникъ!» Оскорбленный Анквичъ потребовалъ сеймоваго суда и сталъ подлѣ маршала, какъ дѣлали всегда тѣ, которые требовали суда. «И насъ пусть судятъ!» кричали патріоты. Но потомъ объяснили, что слова, оскорбившія Анквича, сказаны были насчетъ иноземнаго насилія и принужденія, какое позволялъ себѣ сеймовый маршалъ. Пользуясь этимъ объясненіемъ, канцлеры поспѣшили отвести Анквича отъ маршала, а секретарь, по приказанію послѣдняго, опять принялся читать проектъ. Его безпрестанно прерывали, кричали, шумѣли нарочно, чтобъ нельзя было услышать проекта. По прочтеніи его, разомъ нѣсколько человѣкъ потребовали у маршала голоса. Сеймовый маршалъ не дозволялъ. «Каждый посолъ—сказалъ онъ—имѣетъ право заявить свое мнѣніе, принимая или отвергая предложеніе». Патріоты обратились къ коронному маршалу Мошинскому. «Вотъ несчастіе, сказалъ послѣдній, изъ четырехъ маршаловъ на меня одного выпадаетъ жребій объясняться съ

Избою въ такихъ горестныхъ обстоятельствахъ». Онъ совѣтовалъ успокоиться и поступать хладнокровно и разсудительно. «Приходится—сказалъ онъ—взвѣсить силу необходимости съ несчастіемъ, согласиться на потерю значительной части нашей земли и на разлуку съ ближними и согражданами». Онъ не утишилъ волненія. Мосальскій, Коссаковскій, епископы, свѣтскіе сенаторы пытались уговорить кружокъ задорныхъ крикуновъ, все было напрасно: они кричали, говорили рѣчи, прерывали другъ друга, и такъ продолжалось до ночи, пока наконецъ всѣ устали и произошла баллотировка. Оказалось большинство шестидесяти шести за ратификацію; двадцать одинъ голосъ былъ противъ; одинъ посолъ отказался подавать голосъ. Такимъ образомъ выходило, что все это смятеніе цѣлый день производили двадцать два человѣка изъ восьмидесяти восьми.

Послѣ этого важнаго засѣданія, король пожелалъ видѣть Сиверса. «Ну, довольны ли вы — сказалъ онъ посланнику, — я уже едва держусь на ногахъ и поддерживаю свою бодрость спиртуозными вещами. Довольна ли будетъ теперь государыня?» «Я надѣюсь, — отвѣчалъ Сиверсъ — что она будетъ довольна, если ваше величество будете поступать такъ, какъ она отъ васъ желаетъ».—«Я выношу ужасныя вещи, сказалъ король. Ахъ, что я претерпѣлъ въ субботу... на меня нападали послы, обвиняли меня во всемъ; что же будетъ послѣ трактата съ Пруссіею? Вы меня заставляете его подписывать, а я удовольствовался бы жалованьемъ русскаго солдата, еслибы мнѣ спасти эту часть Польши и не отдать ее Пруссіи.»

Потомъ король расходился передъ Сиверсомъ въ разныхъ предположеніяхъ относительно будущаго устройства правленія Рѣчи-Посполитой, говорилъ объ арміи, о финансахъ, о конституціи, объ эдукаціонной коммиссіи. Сиверсъ отвѣчалъ ему холодными фразами. По этому поводу король сказалъ: «если бы можно было перенести сеймъ въ Варшаву». «Этого не будетъ» — сказалъ Сиверсъ. «По крайней мѣрѣ, сказалъ король—дадите вы мнѣ хоть цѣлую четверть доходовъ до новаго года». Это обѣщалъ Сиверсъ.

«Въ этомъ несчастномъ краѣ—писалъ тогда Сиверсъ своей дочери—нѣтъ вовсе чести; можетъ быть, она скрывается гдѣ-нибудь въ крестьянскихъ хатахъ, но я того мнѣнія, что она очень далека отъ королевскаго дворца, сейма и всего панскаго общества. Всѣ обманщики, а король—истинная язва этой несчастной Польши, несмотря на всѣ его достоинства».

По поводу предстоявшихъ конференцій съ прусскимъ министромъ, сеймъ обратился къ Сиверсу и просилъ его быть въ ка-

чествѣ свидѣтеля и посредника. Сиверсъ хотя и неохотно, но долженъ былъ принять эти предложенія и потому, что и Бухгольцъ желалъ того же. Дѣйствительно, только посредничеству Сиверса обязанъ былъ прусскій министръ тѣмъ, что конференціи съ депутатами начались. Сообразуясь съ своими инструкціями, депутаты требовали, чтобы конференціи шли о торговыхъ дѣлахъ. Бухгольцъ ни о чемъ иномъ не хотѣлъ говорить, кромѣ уступки Пруссіи занятыхъ прусскимъ войскомъ провинцій. Сиверсъ убѣдилъ депутатовъ войти объ этомъ предметѣ въ совѣщанія не въ качествѣ уполномоченныхъ рѣшать дѣло, а, по крайней мѣрѣ, выслушать проектъ прусскаго посла и представить его сейму. Сиверсъ держалъ сторону поляковъ въ вопросѣ о торговыхъ дѣлахъ; когда дѣло дошло до проведенія границъ, при возникавшихъ недоумѣніяхъ, Сиверсъ склонялся на сторону поляковъ и удерживалъ прусскаго посла, когда онъ черезчуръ хотѣлъ все толковать въ исключительную пользу Пруссіи. «Бухгольцъ—замѣчалъ Сиверсъ въ своихъ донесеніяхъ—человѣкъ честный, но онъ связанъ своими инструкціями и принципами своего двора, привыкшаго нападать и пользоваться всѣмъ на счетъ своего сосѣда». Сиверсъ потребовалъ, чтобы основано было епископство въ Варшавѣ, которая до сихъ поръ находилась подъ властью Познани въ церковной администраціи. Сиверсъ находилъ неудобнымъ, если Пруссіи будетъ возможность вмѣшиваться въ церковныя дѣла Рѣчи-Посполитой.

Предметъ торговли представлялъ чрезвычайно много спорныхъ сторонъ. Поляки жаловались на ужасныя стѣсненія со стороны Пруссіи. Сиверсъ требовалъ всевозможнѣйшихъ облегченій, наконецъ, поляки говорили, что они не согласятся ни за что на какой бы то ни было трактатъ съ Пруссіею, если онъ не будетъ гарантированъ Россіею. Они всѣми способами кололи глаза Бухгольцу Россіей, оказывали явное предпочтеніе и уваженіе къ Россіи передъ Пруссіею.

Признаетъ ли прусскій король трактатъ 1790 года? спрашивали депутаты. — «Король признавалъ и соблюдалъ этотъ договоръ, отвѣчалъ Бухгольцъ, до тѣхъ поръ, пока конституція 3-го мая не уничтожила его». Послы представляли доказательства, какъ прусскій король черезъ министра своего Гольца отзывался одобрительно объ этой конституціи. «Это одобреніе, — сказалъ Бухгольцъ—было временное, вслѣдствіе ложнаго свѣта, въ какомъ представляли его величеству это дѣло, но, изслѣдовавши сущность вашей конституціи, мой дворъ не замедлилъ объясниться по этому поводу совсѣмъ инымъ образомъ. Что же касается до вашего требованія о выводѣ войскъ изъ Польши, это не можетъ

имѣть мѣста до тѣхъ поръ, пока наши переговоры не окончатся. Объ этомъ можно говорить только послѣ всего».

Бухгольцу нужно было одно—принудить поляковъ къ уступкѣ отобранныхъ земель. Депутаты же хотѣли за эту горькую уступку какихъ-нибудь выгодъ для остальнаго отечества поляковъ. Сиверсъ ихъ въ этомъ поддерживалъ. Разсердившись на упрямство депутатовъ, Бухгольцъ спросилъ Сиверса: если Меллендорфъ начнетъ непріязненныя дѣйствія противъ Польши, будутъ ли помогать войска ея величества? Сиверсъ отвѣчалъ ему: «вотъ прекрасно было бы: приказать дѣйствовать войскамъ нашимъ за то, что должно радовать ея величество, за то, что польская нація полагаетъ на Россію надежды»!

И въ самомъ дѣлѣ, прусскій генералъ Меллендорфъ уже готовъ былъ начинать непріятельскія дѣйствія, но 12-го (23-го) августа Сиверсъ убѣдилъ его своимъ письмомъ подождать. «Ахъ, какъ мое сердце часто обливается кровью съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ посредникомъ между сильнымъ и слабымъ.... есть ли что хуже этого?» писалъ Сиверсъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Сиверсъ находился самъ въ печальномъ положеніи дѣйствовать противъ своихъ убѣжденій и чувствъ. Онъ соболѣзновалъ о судьбѣ несчастной Польши; онъ соображалъ что поляки скорѣе могли примириться съ своею судьбою, если бы Рѣчь - Посполитая была вся нераздѣльно присоединена къ Россіи. Многіе и заявляли такое желаніе передъ Сиверсомъ, конечно, не столько изъ дѣйствительнаго расположенія, сколько изъ хитрости: авось-либо удастся поссорить Россію съ Пруссіею. Сиверсъ склонялся къ этому желанію въ особенности тогда, когда до него дошли слухи изъ Австріи, что австрійскій кабинетъ недоволенъ успѣхами Россіи и Пруссіи, желаетъ съ своей стороны имѣть часть въ Польшѣ, и считаетъ за собой право на овладѣніе соотвѣтствующею частію государства, снабжающаго своими областями другихъ сосѣдей, послѣ того, какъ ей не удавалось получать пріобрѣтенія на западѣ, вслѣдствіе совсѣмъ не тѣхъ оборотовъ французской революціи, какихъ прежде ожидали.

Приговаривали, что какъ бы то ни было, а Польша не уйдетъ еще и отъ третьяго раздѣла. Соображая положеніе дѣлъ Европы, Сиверсъ писалъ своей государынѣ: «Ничего бы не оставалось лучше, ваше императорское величество, какъ подумать о возсоединеніи вновь всей Польши. Съ одной стороны отчаяніе, съ другой покорность легко бы къ этому привели».

Въ самомъ дѣлѣ, императрица не терпѣла Пруссіи и только по необходимости должна была уступать алчности прусскаго ко-

роля, какъ она выражалась. Она уже имѣла въ виду, присоединивъ къ имперіи русскія земли, принадлежавшія Польшѣ, остальную Польшу посредствомъ договоровъ и дружественныхъ союзовъ подчинить Россіи. «Надобно — писала она Сиверсу — привести умы къ тому, чтобы поляки сами просили трактата съ Россіею, какъ благодѣянія съ моей стороны, и смотрѣли на него, какъ на палладіумъ своего политическаго существованія. Дать всѣми способами такой торжественный видъ принятію этого трактата, чтобы казалось, будто это сдѣлалось свободно и единодушно, безъ всякаго насилія. Но прежде надобно покончить съ Пруссіею. (Надѣюсь, вы уже покончили, иначе трактатъ съ нами, принятый съ энтузіазмомъ, будетъ мѣшать подписанію трактата съ Пруссіею). Тогда, не показывая никому проекта, вы сдѣлаете такъ, чтобы делегаты сами предложили вамъ постановленныя статьи, потомъ, сообразно съ нашими предположеніями, составьте свой проектъ, однако все-таки такъ, чтобы делегація покорно просила вашего согласія. На другой день послѣ такой конференціи проектъ долженъ быть представленъ сейму; нужно, чтобы сеймъ принялъ его par acclamation, съ такимъ восторгомъ, который бы выражалъ очевидную полезность для Польши договора съ нами. Вамъ не трудно будетъ возбудить этотъ восторгъ. Есть большое вѣроятіе, что большинство будетъ удовлетворено, но можетъ однако быть оппозиція. Попробуйте всѣ мѣры, кромѣ одного насилія, или убѣдить такихъ, которые станутъ противиться, или удалить ихъ. Договоръ, по которому одна нація соединяется съ другою, не походитъ на обыкновенные трактаты. Если онъ будетъ заключенъ единодушно, то содѣлается священною связью на многія времена; но только единодушіе можетъ зажать ротъ иностраннымъ государствамъ, которыхъ это событіе потревожитъ. Потомъ—дастся полномочіе делегатамъ заключить и подписать договоръ, и постановится, что торжественная делегація отъ сейма поѣдетъ въ Петербургъ. Въ тотъ же день и вы подпишите. О королѣ я знаю, что онъ такъ непостояненъ, что нельзя поручиться за то, что́ онъ сдѣлаетъ завтра. Припомните ему, что незадолго до печальнаго сейма 1788 года онъ самъ предлагалъ союзъ: покажите ему копію его проекта. Скажите ему, что я забываю личныя оскорбленія и не стану думать о нихъ, когда вся польская нація соединится съ моими подданными такъ тѣсно; я не буду помнить и объ увлеченіяхъ нѣкоторыхъ горячихъ головъ, которыя уже сдѣлались жертвою самихъ себя».

Въ надеждѣ такого соединенія, императрица въ вознагражденіе отобранныхъ земель обѣщала не противорѣчить какимъ угодно перемѣнамъ въ правленіи, заранѣе признавая все, что

постановится съ согласія сейма, но съ тѣмъ, чтобы сеймъ обѣщалъ не дѣлать никакихъ измѣненій безъ воли императрицы, и не входить ни въ какія сношенія съ иностранными государствами, предосудительныя союзу съ Россіей, а императрица будетъ имѣть право вводить свои войска въ польскія земли и охранять Польшу отъ всякихъ покушеній и притѣсненій со стороны иностранныхъ дворовъ.

Депутація получила отъ прусскаго министра составленный имъ проектъ трактата, и, не взирая на всѣ его доказательства, уперлась на томъ, что не имѣетъ полномочія подписать его и представила объ этомъ сейму $^{15}/_{26}$ августа.

На другой день, $^{16}/_{27}$ августа, передъ засѣданіемъ, плоцкій посолъ Шидловскій обратился къ сеймовому маршалу и просилъ ему первому дать голосъ. Маршалъ обѣщалъ, но зналъ, что Шидловскій хочетъ подать такой проектъ, который долженъ остановить рѣшеніе прусскаго дѣла. За Шидловскимъ другой посолъ волынскій, по имени Адамъ Подгорскій, проигравшійся шулеръ, состоявшій на прусскомъ жалованьи, попросилъ голоса съ противною цѣлію: онъ составилъ проектъ о дарованіи депутаціи права окончить договоръ съ Пруссіею; Бухгольцъ тайно поручилъ ему это дѣло. Маршалъ далъ позволеніе первому ему. Но намѣреніе его было уже извѣстно многимъ посламъ и чуть только Подгорскій открылъ ротъ, какъ со всѣхъ сторонъ поднялись крики и ругательства: «наемникъ! прусскій слуга, измѣнникъ»! Подгорскій долженъ былъ отступить. Вмѣсто него выступилъ Шидловскій.

«Вижу, почтенные чины — говорилъ онъ — куда идетъ дѣло. Кто-то изъ членовъ сейма хочетъ, заявивши свое сожалѣніе о судьбѣ отечества и свалivши всю вину на прошлый революціонный сеймъ, подать проектъ закона, предписывающаго депутаціи подписать съ Пруссіею такой трактатъ, какой продиктовалъ, заплативши ему, прусскій министръ. Для предупрежденія этого, я протестую противъ каждаго изъ пословъ, который осмѣлится подать подобный проектъ, и буду просить его съ собою *подъ жезлъ*, на судъ; я обвиняю его въ нарушеніи присяги тарговицкой конфедераціи; либо моя голова пусть падетъ, либо голова того, кто изъ васъ отважится на погибель отечества». И онъ подалъ свой проектъ, въ такомъ смыслѣ: «Прусскій министръ не хочетъ ничего знать о прежнихъ трактатахъ съ Пруссіею въ 1773 и 1790 годахъ, слѣдовательно нельзя надѣяться ничего добраго отъ какихъ-либо трактатовъ съ Пруссіею: они сохраняться не будутъ, поэтому король и конфедерованные чины сейма предписываютъ депутаціи, назначенной для переговоровъ

съ прусскимъ министромъ, прекратить всякія съ нимъ конференціи».

Шидловскій произвелъ энтузіазмъ противъ Пруссіи; въ залѣ находились посторонніе слушатели. Они закричали: «згода! згода! Спрашивайте, панъ маршалъ, о згодѣ собранія!» Нѣкоторые изъ умѣренныхъ пословъ, служившихъ вѣрнѣе другихъ иностраннымъ посланникамъ, какъ-то Міончинскій, Залѣскій и другіе, пытались-было потребовать отсрочки, но ихъ встрѣтили такими же ругательствами, какъ и Подгорскаго. Патріоты доходили до бѣшенства. Товарищъ Шидловскаго, плоцкій посолъ Карскій, обратился къ королю и сказалъ: «помнишь ли государь, какъ ты говорилъ: если бы у меня оставалось столько земли, сколько можетъ занять моя шляпа, и тогда не перестану быть королемъ. Покажи же теперь, что ты король и глава народа». Онъ началъ припоминать еще и другія какія-то слова, будто бы сказанныя когда-то королемъ, а король заявлялъ всей Избѣ, что онъ такихъ словъ никогда не говорилъ. Тогда всѣ прониклись чувствомъ уваженія къ королю, остановили Карскаго, осыпали его укорами, бранью, объявили, что онъ виновенъ въ оскорбленіи величества и долженъ лишиться головы. Но король въ свою очередь обратился ко всѣмъ членамъ и просилъ простить Карскаго, извиняя его горячность похвальнымъ патріотическимъ побужденіемъ. Сеймъ потребовалъ, чтобы Карскій просилъ прощенія, и когда Карскій подошелъ къ королю и извинялся за свою горячность, тогда всѣ члены встали съ своихъ мѣстъ, окружили короля и просили прощенія за своего товарища. Засѣданіе это кончилось тѣмъ, что ливскій посолъ Краснодембскій, такъ горячо защищавшій проектъ Шидловскаго, подалъ проектъ о сбавкѣ налога на мясниковъ, доказавъ отяготительность его для этого промысла, и проектъ его былъ принятъ единогласно. Прошли и другіе проекты, касавшіеся внутренняго распорядка. Прусское дѣло осталось нерѣшеннымъ.

Смятенія, происходившія на сеймѣ $^{16}/_{27}$ августа, сдѣлались тотчасъ извѣстны посланникамъ, и утромъ, когда члены сейма собрались къ своимъ занятіямъ, Бухгольцъ прислалъ такого рода ноту:

«Нижеподписавшійся съ удивленіемъ узналъ о неприличномъ и буйномъ пріемѣ, сдѣланномъ на вчерашнемъ засѣданіи рапортамъ о переговорахъ съ его дворомъ. Считая это неуваженіе доказательствомъ того духа необузданности, который возбудилъ вниманіе сосѣднихъ дворовъ; видя, притомъ, что яростныя сцены вчерашняго засѣданія клонятся не только къ воспрепятствованію окончанія сношеній съ прусскимъ дворомъ, но даже и къ совершенному прекращенію оныхъ, нижеподписавшійся требуетъ, чтобы

члены сейма, удержавшись впредь отъ дерзкихъ поступковъ, немедленно отвергнули предложеніе, вчера сдѣланное на сеймѣ въ такомъ духѣ, и тотчасъ же снабдили депутацію надлежащимъ полномочіемъ для окончанія переговоровъ и подписанія трактата, предварительно составленнаго и бывшаго предметомъ конференцій. Въ противномъ случаѣ его величество король прусскій увидитъ себя въ крайности приказать генералу Меллендорфу приступить къ непріятельскимъ дѣйствіямъ въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой и предпринять такія мѣры, которыя навлекутъ ужаснѣйшія бѣдствія на судьбу тѣхъ, которымъ угодно, посредствомъ безсмысленной оппозиціи, умножать бѣдствія своего отечества».

Вмѣстѣ съ этою нотою на сеймъ была прислана и нота Сиверса. Русскій посланникъ замѣчалъ съ своей стороны неприличіе выходокъ, происходившихъ въ Избѣ, извѣщая, что, только по его настоянію, прусскій генералъ Меллендорфъ пріостановилъ вступленіе войскъ въ краковское и сендомирское воеводства, и убѣждалъ чиновъ Рѣчи-Посполитой немедленно снабдить депутацію полномочіемъ для подписанія трактата съ Пруссіею въ томъ видѣ, въ какомъ онъ составленъ при его посредничествѣ.

Въ засѣданіи $^{17}/_{28}$ августа было допущено еще больше постороннихъ зрителей, чѣмъ ихъ прежде было: тутъ было много членовъ тарговицкой конфедераціи, въ этомъ званіи они считали за собой право и обязанность принимать живѣйшее участіе въ сеймовыхъ дѣлахъ.

Маршалъ объявилъ о полученныхъ нотахъ; онѣ были прочитаны. Рѣзкій тонъ ноты Бухгольца произвелъ взрывъ негодованія; опять, какъ вчера, начались крики, угрозы, проклятія на Пруссію, восхваленія польскаго мужества, пышныя фразы о готовности умереть за отечество; все это слилось въ неясномъ говорѣ. Только и можно было понять, что желаютъ обращенія въ законъ проекта Шидловскаго, внесеннаго въ прошломъ засѣданіи. Посреди этого волненія является безстрашный Подгорскій, любитель фридрихсдоровъ; онъ и теперь посланъ былъ Бухгольцемъ. Онъ подошелъ къ маршалу и просилъ голоса. Маршалъ объявляетъ всей Избѣ, что Подгорскій хочетъ говорить. Крики кругомъ усиливаются. Подгорскій обладалъ крѣпкимъ горломъ и вздумалъ-было попытаться перекричать всѣхъ, но напрасно. Къ нему стали подходить съ намѣреніемъ заставить его молчать уже не только посредствомъ криковъ, но и побоевъ. Подгорскій вынулъ изъ кармана проектъ, отдалъ его маршалу, а самъ отошелъ.

Краснодембскій, Стоинскій, Кимбаръ, Гославскій, Скаржинскій, Карскій и другіе кричали ему: «измѣнникъ, предатель,

продавецъ отечества пруссакамъ, вѣроломный клятвопреступникъ, подъ судъ, подъ судъ его!»

Шидловскій просилъ товарищей дать ему голосъ. Буря стихла постепенно. Шидловскій громко проговорилъ:

«Ваше величество, милостивый король, и почтенные чины! Я вчера не для того отдавалъ мою голову, чтобы мои слова пошли на вѣтеръ. Я прошу о назначеніи сеймоваго суда. Иду къ жезлу и обвиняю пана Подгорскаго въ измѣнѣ отечеству; не отступлю до тѣхъ поръ, пока не дождусь утѣшенія видѣть кровь измѣнника, пролитую на землю нашу».

И онъ подошелъ къ жезлу.

«Пана Подгорскаго къ жезлу!» кричали члены, но панъ Подгорскій сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и сказалъ:

«Обвиненіе противъ меня голословно и несвоевременно: мой проектъ еще не былъ читанъ. Изба еще не знаетъ, что́ въ немъ написано».

Горячія головы должны были согласиться и увидѣть, что они черезчуръ воспламенились, и призывая къ суду человѣка, забыли азбуку правосудія. Нѣкоторые подбѣжали къ столу и поглядывали на лежащій проектъ, не имѣя ни времени, ни спокойствія духа, чтобы пробѣжать его съ толкомъ, а другіе, не обращая вниманія на слишкомъ здравое замѣчаніе обвиняемаго, продолжали грозить Подгорскому и кричать: «измѣнникъ, злодѣй! Зачѣмъ нейдешь къ суду, стало быть виноватъ!» Все стало неясно и слилось въ яростныхъ крикахъ.

Когда буря стала нѣсколько утихать отъ естественнаго утомленія кричавшихъ, Міончинскій воспользовался этимъ и началъ говорить:

«Ни по какимъ законамъ невозможно судить человѣка, не зная, въ чемъ онъ виноватъ. Пока проектъ неизвѣстенъ, онъ не можетъ служить обвинительнымъ актомъ. Надобно прочитать его».

Но патріоты тотчасъ смекнули, что тутъ хитрость. Міончинскій нарочно вызывалъ на чтеніе проекта, чтобы потомъ, при помощи маршала, можно было пустить его на голоса; они боялись, что, несмотря на страшный крикъ въ залѣ, все-таки найдется большинство, которое его приметъ. Собственно коноводовъ всей этой сумятицы было немного; ихъ поддерживала толпа арбитровъ, такая толпа, которая всегда временно поддается всякой силѣ, сообразно съ настроеніемъ нервовъ, производимымъ на нее такимъ или другимъ вліятельнымъ явленіемъ. Наибольшая часть членовъ сеймовой Избы состояла изъ купленныхъ личностей, заранѣе обязанныхъ поступать такъ, какъ подрядили ихъ послан-

ники. Но теперь многіе и *изъ нихъ* издавали патріотическіе крики. Они находились подъ вліяніемъ ораторскихъ движеній, возвышеній и пониженій голоса, сопровождавшихъ цвѣтистыя фразы патріотовъ. Десятокъ послѣднихъ не давалъ имъ опомниться и тащилъ ихъ за собою, привязавши своими фразами и междометіями. Они тотчасъ вошли бы въ свою колею, какъ только пришлось бы имъ подавать голоса.

«Изба — говорилъ Плихта, не можетъ заниматься дѣлами, коль скоро проектъ подъ запрещеніемъ, а вносившему его объявлено публичное обвиненіе въ измѣнѣ и клятвопреступленіи. Прежде пусть Подгорскій выходитъ для отвѣта на сдѣланное противъ него обвиненіе».

— Такъ не лучше ли отложить дѣло это къ делибераціи въ иное время, а теперь заняться другими сеймовыми дѣлами, — попытался сказать Юзефовичъ.

«Развѣ у васъ, панъ Юзефовичъ, въ инструкціи сказано, чтобы предметы, касающіеся измѣны отечеству, отлагать къ делибераціи?» сказалъ люблинскій посолъ Стоинскій. «Не позволю заниматься никакими сеймовыми дѣлами».

Тутъ Гославскій сказалъ съ насмѣшкой: «панъ Подгорскій испугался суда. Мое расположеніе къ нему подаетъ мнѣ мысль доставить ему способъ уволиться отъ суда. Пусть онъ лучше сознается предъ всѣми въ своемъ грѣхѣ и возьметъ назадъ проектъ, ибо признаніе будетъ ему наказаніемъ».

Подгорскій сидѣлъ на своемъ мѣстѣ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ; никакіе крики и разсужденія не выводили его изъ себя. Непріятели его, чѣмъ больше неистовствовали, тѣмъ больше чувствовали, что ихъ бѣшеная запальчивость разбивается о непоколебимое равнодушіе волынскаго посла.

«Что же, — сказалъ наконецъ Годашевскій, — онъ не выходитъ; такъ будемъ судить его, оставивъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидитъ».

Но тутъ король всталъ и сказалъ:

«Явленія на нынѣшней сессіи могутъ зайти такъ далеко, что уже и воротиться будетъ невозможно, и такъ какъ я, король, обязанъ отвращать несчастія, то я не вижу иного способа, какъ отложить засѣданіе до завтрашняго дня».

Сиверсъ, узнавши о всемъ происходившемъ, написалъ на сеймъ нравоученіе въ слѣдующей нотѣ:

«Нижеподписавшійся съ величайшимъ сожалѣніемъ узналъ, что, не обращая вниманія на вчерашнюю ноту, съ цѣлью склоненія членовъ конфедераціоннаго сейма къ спокойному и зрѣлому обсужденію такого важнаго и многознаменательнаго пред-

мета, какъ прусскій трактатъ, нѣкоторые члены сейма дозволили себѣ предосудительныя излишества, доказывающія, что въ этомъ несчастномъ краѣ вовсе нѣтъ законовъ, или ихъ не исполняютъ. Нарушеніе должнаго уваженія къ священной особѣ короля, къ двумъ маршаламъ, обязаннымъ соблюдать порядокъ, наконецъ ко всему, чѣмъ каждый членъ обязанъ, находясь въ почтенномъ законодательномъ собраніи своего отечества, принуждаетъ нижеподписавшагося вторично припомнить этому собранію вообще, и каждому особо, объ опасности, угрожающей несчастному ихъ отечеству; слѣдуетъ прекратить безпорядокъ и заняться единственно обсужденіемъ и рѣшеніемъ дѣла о трактатѣ съ Пруссіею, и дать немедленно полномочіе для подписанія этого трактата въ томъ видѣ, какъ онъ былъ составленъ при посредничествѣ нижеподписавшагося, который прилагаетъ всевозможнѣйшее стараніе о будущемъ благоденствіи Польши. Г. фельдмаршалъ Меллендорфъ вторично увѣдомилъ меня о вновь полученныхъ имъ повелѣніяхъ поступить по-непріятельски, вступивъ въ воеводства краковское и сендомирское, въ случаѣ если съ возвращеніемъ курьера онъ не получитъ извѣстія о подписаніи трактата или о назначеніи дня для этого дѣла. Нижеподписавшійся видитъ себя въ необходимости назначить срокомъ $^{20}/_{31}$ число текущаго мѣсяца для окончательной резолюціи государственныхъ чиновъ по предмету снабженія депутаціи полномочіемъ на подписаніе трактата съ Пруссіею, а будущій вторникъ, 3-го сентября, для подписанія самаго трактата. Неисчислимыя бѣдствія будутъ послѣдствіемъ безсмысленнаго упрямства и непослушанія спасительному совѣту, который предлагается единственно въ видахъ отклонить новыя пораженія, угрожающія Рѣчи-Посполитой. Мнимые патріоты должны будутъ отвѣчать передъ цѣлымъ свѣтомъ за свои поступки, за страшныя послѣдствія своего упрямства, за удаленіе отъ единственнаго способа, который остается имъ къ утвержденію будущаго существованія ихъ отечества. $^{18}/_{29}$ августа. — Яковъ Сиверсъ».

Вмѣстѣ съ этимъ, посланникъ Екатерины написалъ частное письмо къ Тышкевичу. Онъ считалъ его виновникомъ допущенія арбитровъ, и писалъ ему угрожающимъ тономъ, что если въ слѣдующемъ засѣданіи онъ не удалитъ изъ Избы всѣхъ постороннихъ, то Сиверсъ не только наложитъ секвестръ на всѣ его имѣнія, но и отправитъ въ его имѣнія русскихъ солдатъ на экзекуцію. Сиверсъ понялъ, что арбитры чрезвычайно способствовали остановкѣ дѣла: посолъ-патріотъ имѣлъ предъ собою случай показаться и порисоваться, выходя съ фразистою рѣчью, поглядывалъ на публику, видѣлъ и слышалъ одобреніе; это под-

жигало его. Иной, погарцовавши языкомъ, можетъ быть уступилъ бы тотчасъ, да видъ публики его удерживалъ: самолюбію его черезчуръ было невыносимо, когда онъ увидитъ вмѣсто прежнихъ одобрительныхъ — презрительныя лица, и услышитъ брань и, еще хуже, насмѣшки надъ своимъ прежнимъ патріотизмомъ. Тышкевичъ былъ человѣкъ суетный, до страсти любившій рядиться, становиться на подмостки, чваниться и производить шумиху. Ему было особенно пріятно пустить арбитровъ. Теперь, послѣ письма Сиверса, и онъ расхаживалъ по сеймовой залѣ и просилъ всѣхъ, не принадлежащихъ къ посольскому кругу, уходить. Послы съ недоумѣніемъ смотрѣли, что́ дѣлаетъ литовскій маршалъ, не сказавшій никому о полученіи письма отъ Сиверса. Наконецъ Гославскій отозвался.

«Господинъ великій литовскій маршалъ! Мы слишкомъ хорошо знаемъ вашу честность и гражданскія чувства, чтобы это нарушеніе закона и маршальской присяги, дозволяющей совѣтникамъ конфедераціи и высшимъ судьямъ присутствіе въ сеймовыхъ засѣданіяхъ, не приписать сильной рукѣ, которая васъ къ этому поступку принуждаетъ. Покажите эту руку, или же мы всѣ выйдемъ изъ Избы, если въ Избу не будутъ допущены совѣтники конфедераціи».

«Я буду имѣть честь оправдаться, — сказалъ Тышкевичъ, — передъ цѣлымъ сеймомъ, и представлю причины всему, а теперь прошу гг. арбитровъ выйти изъ засѣданія».

Онъ далъ знакъ маршалу сейма, чтобы тотъ открывалъ засѣданіе, и маршалъ Билинскій уже хотѣлъ выступить со вновь полученною нотою Сиверса, какъ вдругъ входитъ въ Избу Подгорскій. При одномъ видѣ его закипѣло негодованіе такихъ патріотовъ, какъ Шидловскій, Гославскій, Краснодембскій, Карскій и братія ихъ. Начались ругательства. Подгорскій не обращалъ ни малѣйшаго вниманія и шелъ твердыми шагами къ своему мѣсту. Это пренебреженіе криками, бранью, напоминало патріотамъ безсиліе и пустоту ихъ патріотическихъ выходокъ. Они бросились къ нему толпою, не допускали до мѣста; загородили дорогу, кричали: «прочь! вонъ, измѣнникъ, негодяй, подлецъ», и онъ долженъ былъ невольно попятиться, а они тотчасъ заняли мѣсто, гдѣ онъ стоялъ. Подгорскій попятился еще — патріоты къ нему впередъ не только съ криками, но и съ кулаками. Подгорскій еще попятился назадъ — патріоты опять къ нему и опять заняли его мѣсто, и такимъ образомъ Подгорскій очутился за дверями, въ корридорѣ; двери залы захлопнулись. Подгорскій увидѣлъ себя посреди гайдуковъ, которые смотрѣли на него на-

смѣшливыми глазами. Онъ отправился къ Сиверсу, а тотъ требовалъ, чтобы онъ снова отважился идти въ залу.

Выпроводивши Подгорскаго, всѣ усѣлись на мѣста. Маршалъ прочиталъ ноту Сиверса, а Тышкевичъ письмо, полученное имъ отъ того же Сиверса. Взрывъ негодованія встрѣтилъ эти чтенія. Шидловскій торжественно сказалъ:

«Стою за вчерашнее мое предложеніе и протестую противъ Подгорскаго».

Гославскій, восхищенный подвигомъ Шидловскаго, говорилъ:

«Когда Римъ клонился къ упадку, то подлый римлянинъ предпочиталъ звукъ золота отечеству. Тогда явились Катилины. Но въ эти печальныя минуты среди испорченныхъ римлянъ показался доблестный Цицеронъ и, поражая измѣны и заговоры, указалъ согражданамъ, что извергъ Катилина злоумышляетъ на погибель отечества. И въ нашемъ отечествѣ нашлись своего рода Катилины, но нѣтъ недостатка и въ Цицеронахъ».

Онъ указалъ на Шидловскаго, какъ на перваго изъ польскихъ Цицероновъ. «Но онъ не одинъ», продолжалъ онъ. «Если его голова падетъ подъ мечемъ мстительнаго насильника, — я буду его преемникомъ, и положу голову за то, чтобы уменьшить въ нашемъ отечествѣ число Катилинъ. Есть у меня отецъ, покрытый сѣдинами; онъ живетъ въ небольшомъ имѣніи за три мили отъ владѣній насильника; это имѣніе должно быть моимъ достояніемъ, — я имъ жертвую, только бы никто изъ собратій не могъ сказать, что я содѣйствовалъ ихъ неволѣ».

Его круглосложенныя фразы еще больше разгорячили собраніе. Но всталъ король и далъ знакъ, что хочетъ говорить. Все умолкло.

Сдѣлавши небольшое риторическое вступленіе, король говорилъ:

«Я увѣренъ, что панъ Шидловскій, при подачѣ своего проекта, руководствовался патріотическими чувствами, также точно какъ и тѣ, которые его поддерживали. Но скажите, какое слѣдствіе вышло бы, если бы этотъ проектъ прошелъ? Мы бы только угодили алчному и сильному сосѣду. Король прусскій только того и хочетъ, чтобы мы прервали съ нимъ переговоры, чтобы тогда и россійскій посолъ не имѣлъ болѣе предлога удерживать движеніе прусскаго войска. До сихъ поръ мы хорошо дѣлали, что упорствовали: мы соображали, что, быть можетъ, время дастъ намъ какой-нибудь неожиданный, благопріятный поворотъ; мы надѣялись на помощь отъ императрицы, которой мы уступили значительную часть земель нашихъ. Но теперь присланъ курьеръ; съ возвращеніемъ его, войско прусское войдетъ въ глубину на-

шихъ земель; тамъ наберутъ они десятки тысячъ рекрутъ, возьмутъ милліонами контрибуціи, разорятъ край въ конецъ и потомъ отъ насъ король прусскій потребуетъ себѣ еще болѣе Польши во владѣніе. Европа намъ не поможетъ; вы знаете настоящее положеніе дѣлъ. Императрица ясно требуетъ кончать дѣло съ Пруссіею. Почтенный панъ Гославскій приноситъ въ жертву отечеству своего отца, покрытаго сѣдинами, вмѣстѣ съ имѣніемъ. Это очень похвально. Каждый можетъ такимъ образомъ отвѣчать за себя и за своихъ родныхъ, но я, король и отецъ народа, долженъ снять патріотическую поволоку съ глазъ господъ членовъ сейма и отсовѣтовать принятіе проекта пана Шидловскаго, котораго знаю и уважаю, но мнѣніе его не одобряю. Лучше прибѣгнемъ къ такимъ средствамъ, которыя бы намъ возвратили опору со стороны россійскаго посла, чтобы, по крайней мѣрѣ, трактатъ прусскій былъ для насъ менѣе вреденъ. Героизмъ похваленъ только тогда, когда онъ можетъ приносить прямо счастіе своему краю, а теперь не такое время, и потому я прошу не стоять за такой проектъ, который въ настоящее время пагубенъ».

Кто знаетъ, можетъ быть рѣчь короля лучше подѣйствовала бы на собраніе, если бы въ ту минуту, когда она оканчивалась, не вошелъ въ залу Подгорскій. Какъ только увидали его, такъ со всѣхъ сторонъ раздалось опять: «измѣнникъ, предатель, негодяй, злодѣй, къ суду его! къ суду его!» Шидловскій тотчасъ всталъ съ своего мѣста и кричалъ: «do laski! do laski» (къ жезлу)! Ступай туда!» «Do laski!» повторяли другіе послы. Подгорскій выстоялъ эту бурю, съ прежнимъ непоколебимымъ и неизмѣннымъ лицомъ, потомъ молча отправился къ Шидловскому, и сталъ возлѣ него, предавая себя, такимъ образомъ, суду.

«Надобно же окончить это, — сказалъ Гославскій, — ваше королевское величество, — извольте назначить судъ!».

Тутъ выступилъ Міончинскій и домогался прежде всего пустить на голоса предложеніе: можетъ ли быть судимъ Подгорскій или нѣтъ?

«Нѣтъ, нѣтъ, не надобно, кричали послы; подъ судъ его, подъ судъ его!»

Обвиняемый стоялъ, ожидая суда. Но тутъ возникъ вопросъ: какъ его судить? Всѣ стали втупикъ. Случай былъ новый. Обратились къ епископу Коссаковскому, который считался большимъ и лучшимъ знатокомъ старинныхъ законовъ и обычаевъ.

«Почтенные члены!» сказалъ онъ. «Правда, я занимался актами и дневниками сеймовъ самыхъ старыхъ, но признаюсь: польское законодательство рѣшительно не даетъ мнѣ никакой возможности

сказать, какъ слѣдуетъ поступить въ настоящемъ случаѣ. Не было примѣра, чтобы судили когда-нибудь посла въ соединенной Избѣ. Правда, былъ давно подобный случай, но тогда Изба посольская отдѣлилась отъ сенаторской и стала судить обвиняемаго посла. При настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ, подобный шагъ имѣлъ бы роковыя послѣдствія. Ваше величество, призываю васъ сказать въ этомъ случаѣ свое мнѣніе

Король произнесъ рѣчь.

«Видите ли, господа,—говорилъ онъ—никто не найдетъ руководства, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Но если бы и нашли надлежащія формальности, что бы вышло изъ этого? Наказанія существуютъ не столько для того, чтобы карать виновныхъ, сколько для того, чтобы другихъ удерживать отъ преступленій. Но теперь, если бы обвиняемый потерялъ голову, поправила ли бы кровь его наши несчастія, измѣнилась ли бы судьба наша? Нѣтъ, намъ было бы хуже. Чужеземная сила нашла бы новый предлогъ называть насъ безчеловѣчными якобинцами,— вотъ и все; а отторженіе областей останется попрежнему. Впрочемъ и судъ нашъ былъ бы напрасенъ: насъ не допустили бы исполнить приговоръ его. Я считаю это достоинствомъ нашего народа, что у насъ не легко находится такой, кто бы рѣшился подавать подобный проектъ; но если уже такой нашелся, который на это себя опредѣлилъ, то что же такое? Изъ нотъ, присылаемыхъ къ намъ безпрестанно, можете ясно видѣть, что рано или поздно, все-таки мы должны будемъ исполнить то, что два двора постановили съ нами сдѣлать. Я говорю къ просвѣщенному собранію: разсудите сами, не лучше ли оставить этотъ судъ, чтобы избѣжать бо́льшихъ несчастій и бѣдствій, и приняться за дѣло, указываемое благоразуміемъ и настоятельною потребностію».

Умѣренные хотѣли-было помогать королю, но патріоты закричали, вскакивали съ мѣстъ, за ними и другіе, увлекаемые руководителями. Король, видя, что смятеніе увеличивается, подозвалъ къ себѣ сенаторовъ и сталъ съ ними совѣтоваться, что дѣлать? Тогда съ одной стороны Карскій, съ другой Краснодембскій подхватили подъ обѣ руки сеймоваго маршала, и хотѣли тащить его насильно въ особую комнату, чтобы, отдѣливъ посольскую Избу отъ сенаторской, предать суду Подгорскаго. Король, увидя это, послалъ сенатора къ Подгорскому, позвалъ его къ себѣ и сказалъ: «уйдите изъ Избы». Подгорскій ушелъ.

«Панъ Подгорскій ушелъ! ушелъ!» кричалъ вслѣдъ ему Скаржинскій. «Улизнулъ отъ суда,—значитъ показалъ, что виноватъ. До тѣхъ поръ не перестану требовать суда, пока панъ маршалъ

не поручится, что Подгорскій не воротится и проектъ его не будетъ читанъ».

«Посланникъ требуетъ его чтенія и угрожаетъ намъ, сказалъ маршалъ. Секретарь, прочитайте проектъ».

«Нѣтъ, нѣтъ!» кричали Скаржинскій, Краснодембскій, Шидловскій, Гославскій. Не позволяемъ чтенія.» — «Нѣтъ», — повторяли за ними другіе голоса.

«По крайней мѣрѣ — повторилъ Міончинскій то, что уже говорилъ прежде, — надобно прочитать проектъ для того, чтобы убѣдиться изъ него, что Подгорскій долженъ быть судимъ».

«Нѣтъ, нѣтъ! Не позволяемъ!» кричали патріоты.

«Почтенные чины! сказалъ, выступивши, холмскій епископъ Скаршевскій. Поневолѣ народъ долженъ уступать то, что́ удержать не въ его силѣ. Если мы не станемъ вести переговоры съ прусскимъ посломъ, то черезъ это не возвратимъ себѣ ни пяди земли, а ведя переговоры, можемъ надѣяться, что и братьямъ нашимъ, идущимъ подъ чужое владычество, окажемъ помощь и сами избавимся отъ бо́льшихъ несчастій. Если намъ противно уступить области, то по крайней мѣрѣ постараемся, чтобы былъ заключенъ выгодный торговый трактатъ, и непремѣнно за поручительствомъ Россіи».

Рѣчь Скаршевскаго дала смѣлость другимъ, получавшимъ жалованье отъ иностранныхъ пословъ: Юзефовичъ, Виламовскій, Влодекъ, Міончинскій, Залѣскій спѣшили сказать свое слово за Скаршевскимъ, доказывать необходимость уступки и требовать чтенія проекта.

Выступилъ Краснодембскій, не далъ имъ долго ораторствовать, и сказалъ: «Для меня долгъ выше угрозъ, честь выше пользы, слава дороже жизни. Никакія рѣчи, никакія ноты, никакіе Меллендорфы съ ихъ войскомъ не застявятъ меня согласиться на переговоры съ прусскимъ министромъ. Пошлемъ въ Петербургъ министровъ просить о помощи противъ прусскаго насилія; попросимъ г. россійскаго посланника, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, если не можетъ намъ помогать, не препятствовалъ намъ обороняться. Пусть исполнится рѣшимость гетмана Коссаковскаго двинуть наше войско, хотя бы и въ маломъ числѣ, противъ пруссаковъ. Пусть гг. гетманъ и регментарь дадутъ немедленно приказъ выступить войскамъ нашимъ противъ грознаго Меллендорфа. Требую, чтобы выданы были вици на посполитое рушеніе. Самъ я первый спѣшу на встрѣчу грознаго Меллендорфа. Лучше благородная смерть, чѣмъ позорная жизнь, недостойная имени вольнаго народа. Вотъ мое мнѣніе. Не отступлю отъ него ни

шагу, докажу, что свободный полякъ не долженъ показать себя трусомъ».

Это былъ самый рѣшительный и прямой голосъ изъ всѣхъ, раздававшихся въ Избѣ, но онъ былъ черезчуръ крайнимъ, чтобы имѣть вліяніе; напротивъ, онъ скорѣе способствовалъ охлажденію собранія. Какъ могли ордонансы къ войску и вици на посполитое рушеніе пробраться черезъ русскія и прусскія войска и производить свое дѣйствіе? Толпа членовъ, увлекаемая до сихъ поръ фразами, тотчасъ опомнилась, остановилась, какъ только стала лицомъ къ лицу съ дѣломъ.

Краснодембскій не былъ изъ числа патріотовъ тарговицкихъ. Открытый сторонникъ 3 мая, другъ Костюшки, это былъ одинъ изъ очень немногихъ.

Шидловскій продолжалъ стоять, требуя суда. Маршалъ и умѣренная партія принуждали секретаря читать проектъ. Патріоты не допускали чтенія. Тогда сеймовый маршалъ сказалъ:

«Вотъ уже три дня споримъ мы и ни къ чему не приходимъ. Панъ плоцкій посолъ требуетъ суда и не хочетъ возвратиться на свое мѣсто. Проектъ волынскаго посла остается безъ подписи. Когда авторъ не подпишетъ, проектъ не можетъ имѣть силы. Приглашаю почтенныхъ членовъ сейма отложить частные споры и недоразумѣнія, и приступить къ рѣшенію вопроса: слѣдуетъ ли принять окончаніе переговоровъ съ прусскимъ министромъ, или нѣтъ».

«Пусть лучше,—заговорилъ вышегродскій посолъ Микорскій, —чужой солдатъ нагрянетъ къ намъ въ залу и принудитъ насъ къ принятію неволи. По крайней мѣрѣ полякъ, принужденный насиліемъ, не утратитъ славы безчестнымъ дѣломъ, и будетъ имѣть право на сочувствіе другихъ народовъ».

Секретарь все это время стоялъ съ проектомъ въ рукахъ, дожидаясь, когда дозволятъ его читать. Вдругъ подскочилъ къ нему Карскій, вырвалъ у него проектъ и удалился съ нимъ въ глубину залы.

Маршалъ обратился къ нему съ строгимъ выраженіемъ и требовалъ отдать проектъ.

«Я взялъ не проектъ, отвѣчалъ Карскій—а какую-то бумагу безъ подписи. Если есть авторъ этого писанія, пусть покажутъ его, и кому онъ поданъ, я отдамъ его тотчасъ».

Маршалъ обратился къ королю.

«Вырываніе проекта — сказалъ сурово король — есть непристойность, которая подаетъ дурной примѣръ безпорядка. Если такимъ образомъ будетъ дозволено вырывать проекты, то это мо-

жетъ случиться и съ самымъ полезнѣйшимъ патріотическимъ проектомъ».

«Я возвращу бумагу, сказалъ Карскій, она не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ на ней нѣтъ подписи автора».

Онъ бросилъ его на столъ подлѣ маршала и отошелъ. Секретарь взялъ его въ руки. «Читайте», сказалъ маршалъ, но едва секретарь прочелъ нѣсколько словъ, опять поднялся крикъ, сдѣлалось смятеніе, патріоты покидали свои мѣста, бросились на средину Избы. Противники ихъ тоже.... обѣ стороны разсвирѣпѣли, кидались другъ на друга съ проклятіями. Маршалъ, видя, что доходитъ дѣло до драки, бросился между ними, махая своимъ жезломъ и раздѣлилъ имъ пословъ, готовыхъ уже вцѣпиться другъ другу въ лицо. Испуганные министры столпились вокругъ короля, думая защитить его особу. Шидловскій покинулъ свое мѣсто и подошелъ къ королю.

«Васъ-то мнѣ и надобно, сказалъ ему король; подойдите ближе. Я отдаю честь вашей гражданской доблести, славѣ, какую вы пріобрѣли, любви, которою вы достойно пользуетесь отъ вашихъ товарищей. Я не умѣю выразить, какъ я люблю васъ, уважаю и цѣню. Скажите мнѣ, прошу васъ, какой будетъ изъ всего этого конецъ и чего вы хотите».

«Ваше величество — отвѣчалъ Шидловскій,—я знаю, что, желая добра народу и отечеству, вы не можете не сочувствовать той рѣшимости, какую я оказываю; видите, что въ средѣ подлостей и насилія находятся еще честные поляки. Милостивый панъ! мой поступокъ послужитъ нѣкогда свидѣтельствомъ, что въ тѣ времена, когда вы царствовали, доблесть еще не угасла въ полякахъ. Я не думаю, ваше величество, чтобы вы не пожалѣли моей крови; я обвинилъ его въ измѣнѣ; боюсь, интрига будетъ злоумышлять на мою погибель, боюсь, чтобы этотъ подлецъ не отрекался послѣ, что такой проектъ подавалъ онъ. Пусть онъ подпишетъ свидѣтельство бѣдствій отечества и своихъ злодѣяній и удалится отсюда навсегда, какъ недостойный пребыванія въ этой святынѣ».

Король велѣлъ позвать Подгорскаго, находившагося въ другихъ покояхъ. «Подпишите проектъ вашъ», сказалъ онъ. Подгорскій пошелъ къ столику подписывать проектъ, но патріотическая партія снова окружила его съ ругательствами, вырывала у него перо и чернила. Король передалъ ему карандашъ. Этимъ карандашемъ Подгорскій смѣло и твердо подписалъ свой проектъ. Когда онъ отошелъ отъ стола, толпа бросилась на него и не довольствуясь ругательствами, снабжала его пинками. «Панъ маршалъ литовскій,—закричалъ Подгорскій, вы не исполняете ва-

шихъ обязанностей; вы напустили сюда лицъ, не принадлежащихъ къ сейму. Извольте унять драчуновъ».

«Вы здѣсь не должны находиться, кричалъ на него Тышкевичъ—ступайте прочь!»

Потомъ Тышкевичъ съ волненіемъ обратился къ королю. «Милостивый панъ, сказалъ онъ, съ начала сейма я терплю разныя непріятности; не доставало только, чтобы панъ Подгорскій осмѣлился меня оскорблять. Онъ обвиняетъ меня въ несоблюденіи порядка, въ допущеніи арбитровъ. Онъ донесетъ на меня россійскому посланнику. Я оставлю свой жезлъ: пусть россійскій посланникъ отдастъ его, кому хочетъ».

«Ахъ ты негодный измѣнникъ, мерзавецъ, подлецъ», кричали со всѣхъ сторонъ на Подгорскаго, и гнали и толкали его въ шею. «Прочь, вонъ отсюда, и чтобы слѣду твоего не оставалось»!

Подгорскій протѣснился къ королю и просилъ его защиты. «Прочь отъ меня, выйдите отсюда вовсе», сказалъ король. И Подгорскій, толкаемый въ спину и провожаемый ругательствами, очутился за дверями залы.

«Теперь можно читать проектъ», сказалъ маршалъ.

«Читать, читать», кричали Виламовскій, Міончинскій, Залѣскій, а за ними и другіе умѣренные и жалованные.

«Не читать, не читать»! вопили патріоты.

«Коль скоро автора вытолкали изъ Избы, какъ можетъ быть принято дѣло, за которое онъ подвергся изгнанію? значитъ— или мы будетъ участниками его преступленія, или мы несправедливо съ нимъ поступимъ», сказалъ Скаржинскій.

«Я предлагаю пустить на голоса предложеніе: можетъ ли быть читанъ проектъ Подгорскаго или нѣтъ?» говорилъ маршалъ Билинскій.

«Законъ запрещаетъ допускать голосованіе послѣ восьми часовъ. Теперь уже десятый. Да и кто осмѣлится голосовать на проектъ, котораго автора вытолкали изъ Избы?» сказалъ инфлянтскій посолъ Мануци, тотъ, о которомъ говорили, что онъ выкалывалъ глаза сторонникамъ 3 мая въ Литвѣ.

«Читать, читать»! кричали, осмѣлившись, умѣренные.

Маршалъ, надѣясь, что его поддержатъ, опять сдѣлалъ вопросъ, и опять тѣ же ругательства, проклятія и угрозы. Давъ время утишиться, маршалъ опять попытался сдѣлать тотъ же вопросъ, и опять то же явленіе. Тогда король сказалъ:

«Вотъ какъ уважается у насъ свобода; сеймовый маршалъ спрашиваетъ, можно ли читать проектъ: объ этомъ нельзя узнать иначе, какъ только посредствомъ голосованія».

И опять маршалъ пытается повторить прежнее, и опять шумъ, крикъ, брань.

Такимъ образомъ, дотянули до десяти часовъ вечера. Изба не переставала волноваться. Измученный король, выбившись изъ силъ, объявилъ, что засѣданіе отлагается до слѣдующаго дня.

На слѣдующій день $^{19}/_{30}$ августа, едва только собрались члены въ залу, какъ тамъ уже готово было для нихъ, словно для провинившихся школьниковъ, новое отеческое внушеніе Сиверса, въ такихъ выраженіяхъ:

«Нижеподписавшійся узналъ съ величайшимъ сожалѣніемъ о маломъ вліяніи вчерашней своей ноты на умы чиновъ конфедерованнаго сейма. Онъ не скрылъ предъ чинами того ужаснаго поворота обстоятельствъ, какой ожидаетъ ихъ съ оставшеюся у нихъ частью Рѣчи-Посполитой, и теперь не можетъ скрыть справедливаго опасенія, внушаемаго по поводу замедленія въ теченіи дѣла, котораго послѣднее рѣшеніе упомянутою нотою указано на завтрашній день. Будучи формально приглашенъ наияснѣйшими чинами вступить въ переговоры съ министромъ его величества прусскаго короля, нижеподписавшійся тѣмъ самымъ уже почитаетъ своею обязанностію, въ видахъ отклоненія непреодолимыхъ препятствій, которыя были причиною живыхъ споровъ на четырехъ послѣднихъ засѣданіяхъ, вмѣстѣ съ этою нотою, подать проектъ, котораго не хотѣли слушать, въ такомъ исправленномъ видѣ, что онъ уже не можетъ быть не принятъ при настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ. Нижеподписавшійся надѣется, что сеймъ, наконецъ, согласится единомышленно на это средство, единственно могущее отвратить грозу, висящую надъ Рѣчью-Посполитою, особенно надъ двумя превосходнѣйшими ея воеводствами, которыя опустошены были бы несомнѣнно, что повлекло бы опасность утратить покровительство и благосклонность ея императорскаго величества, которой чувства достаточно выражены, какъ въ декларацiи и въ многократно подаваемыхъ на сеймъ нотахъ, такъ равно и въ трактатѣ, недавно заключенномъ, наконецъ въ увѣреніяхъ расположенія и благосклонности, которыя нижеподписавшійся имѣлъ повелѣніе объявлять со времени эпохи, столь благодѣтельной для Рѣчи-Посполитой. Одушевляясь примирительными побужденіями, нижеподписавшійся не можетъ безъ соболѣзнованія взирать на ужасную будущность, которая ожидаетъ Рѣчь-Посполитую въ такомъ случаѣ, если гг. чины конфедераціоннаго сейма своимъ упорствомъ, неизвинительнымъ въ очахъ страдающаго народа, отвергнутъ единственный способъ, ведущій къ спокойствію, столько необходимому послѣ потрясеній, терзавшихъ Польшу до настоящаго времени».

Прочитана была нота. Потомъ принялись читать присланный проектъ; но едва только секретарь произнесъ слова: «Мы, король, съ согласія» — вдругъ поднялись, какъ и вчера, крики и ругательства. «Не читать», кричали патріоты. «Это безчестно для славы свободнаго народа».—Читать,—кричали умѣренные. Члены выскакиваютъ съ мѣстъ, бѣгутъ на середину залы съ ругательствами, опять доходятъ до того, что уже дѣло близко до драки. Въ то время кто-то крикнулъ:

«Не читать какъ проектъ, но прочитать какъ добавленіе къ присланной нотѣ россійскаго посланника».

Этотъ оборотъ такъ понравился, что Изба замолчала и секретарь началъ читать.

Въ немъ было сказано, что король со всѣми чинами отдаются всецѣло великодушію Екатерины и даютъ право депутаціи подписать трактатъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ условленъ и составленъ при посредничествѣ великаго россійскаго посла, съ тѣмъ условіемъ, чтобы этотъ трактатъ былъ гарантированъ императрицею.

Послѣ прочтенія поднялся ужасный шумъ и безпорядокъ; бросились къ маршалу, оскорбляли его словами, начали даже толкать. Король поспѣшилъ закрыть собраніе.

Страшныя проклятія раздавались между патріотами. Грозили убить маршала вмѣстѣ съ секретаремъ, который осмѣлился читать проектъ. Другіе угрожали самому королю. Это дошло до Сиверса. Друзья его поляки совѣтовали приступить къ рѣшительнымъ и суровымъ мѣрамъ и немедленно удалить человѣкъ двѣнадцать патріотовъ, производящихъ буйство на сеймѣ. Сиверсъ сказалъ, что еще рано; достаточно окружить залу войскомъ и не выпускать никого, пока не рѣшится дѣло полномочія.

Въ то же время Сиверсъ продолжалъ имѣть недоразумѣнія съ Бухгольцемъ, и защищалъ передъ нимъ поляковъ. Прусскій посланникъ домогался, чтобы Пруссія, захвативъ у Польши значительное пространство земель, ничего не сдѣлала для остальной Польши. Сиверсу хотѣлось, чтобы, по крайней мѣрѣ, поляки, уступивши Пруссіи часть лучшихъ земель своихъ, не были впередъ стѣсняемы такими мѣрами, которыя до сихъ поръ въ торговыхъ сношеніяхъ съ Пруссіею обращали все въ пользу одной Пруссіи и во вредъ Польши. Свободное плаваніе по рѣкамъ было однимъ изъ главныхъ требованій. Бухгольцъ показывалъ полученный недавно рескриптъ отъ своего короля, который предписывалъ ему отдѣлить предметъ объ уступкѣ земель отъ торговаго трактата. «Это невозможно, сказалъ Сиверсъ; поляки ни за что не примутъ такого трактата. Единственное средство убѣ-

дить ихъ — указать на вознагражденіе посредствомъ торговыхъ выгодъ». «Если поляки еще будутъ упрямиться, говорилъ Бухгольцъ, Меллендорфъ начнетъ непріятельскія дѣйствія. Игельстромъ долженъ, какъ союзникъ, дѣйствовать съ нимъ вмѣстѣ».— «Новыя повелѣнія императрицы, отвѣчалъ Сиверсъ, гарантируютъ Пруссіи уступленныя владѣнія строго по условію, но не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы Польшѣ были даны торговыя выгоды. Я не стану употреблять понудительныхъ мѣръ, если вы не подпишите трактата въ томъ видѣ, въ какомъ онъ составленъ подъ моимъ посредничествомъ».

Бухгольцъ находилъ неумѣстнымъ и то, что поляки требуютъ, чтобы договоръ съ Пруссіею былъ подъ гарантіею императрицы. Это оскорбляло честь Пруссіи, которая, въ этомъ отношеніи, была какъ бы подъ наблюденіемъ Россіи.

«Я не могу — сказалъ Сиверсъ — выбрасывать изъ договора тѣхъ статей, которыя дѣлаютъ честь императрицѣ. Я употребляю силу для вынужденія у поляковъ уступки земель, но не могу запретить имъ требовать выгодныхъ для себя торговыхъ условій за это».

«Меллендорфъ долженъ дѣйствовать; ему приказано выступить 20 августа» говорилъ Бухгольцъ.

«Это безполезно,—сказалъ рѣшительно Сиверсъ, — вѣроятно сеймъ въ такомъ случаѣ попроситъ васъ удалиться изъ Гродно, и тогда неизбѣжна война».

Кончилось тѣмъ, что Бухгольцъ, отговариваясь неимѣніемъ самому права рѣшить этотъ вопросъ, хотѣлъ отсрочки до полученія новой инструкціи, а между тѣмъ просилъ поторопить сеймъ. Сиверсъ обѣщалъ приступить къ энергическимъ мѣрамъ для истребованія отъ сейма полномочія депутаціи для заключенія договора въ томъ смыслѣ, въ какомъ проектъ былъ составленъ при посредничествѣ Сиверса.

Сеймовое засѣданіе послѣ пятницы, 30 августа, должно было происходить въ понедѣльникъ, 22 августа (2 сентября), въ 4 часа пополудни. Сиверсъ послалъ къ Тышкевичу предварительно такое письмо:

«Извѣстія, которыя доходятъ ко мнѣ о заговорѣ, составляемомъ противъ священной особы короля, сеймоваго маршала и почтенныхъ особъ изъ сената, министерства, посольскаго круга, припуждаютъ меня принять для ихъ безопасности мѣры осторожности. Въ два часа пополудни два батальона гренадеръ будутъ поставлены на террасѣ и на дворѣ замка. Генералъ Раутенфельдъ разставитъ пикеты, такъ, чтобы никто изъ арбитровъ и ни одна особа, не имѣющая обязанности находиться въ замкѣ,

не могла войти въ Избу. Поставятся также караулы у оконъ за̀мка, чтобы и черезъ нихъ никто не прошелъ. Для входа останется свободною одна только дверь подъ карауломъ офицеровъ, для осмотра подозрительныхъ лицъ. Если у кого-нибудь изъ пословъ найдется спрятанное оружіе, тотъ будетъ арестованъ, посаженъ въ тюрьму и преданъ уголовному процессу за намѣреніе совершить убійство. Слѣдуетъ осмотрѣть оружіе литовской гвардіи и караула, состоящаго подъ вашимъ начальствомъ и арестовать тѣхъ, у кого найдется порохъ или пули. Само собою разумѣется, что гвардія останется на своемъ мѣстѣ. Если кто-нибудь изъ арбитровъ и особъ, не имѣющихъ никакой должности, спрячется въ Избѣ или гдѣ-нибудь, тотъ будетъ также арестованъ и посаженъ въ тюрьму. Въ передней комнатѣ будетъ поставленъ пикетъ изъ двѣнадцати офицеровъ, которые могутъ войти въ Избу и сидѣть на посольскихъ лавкахъ. Генералъ Раутенфельдъ сядетъ на кресло близъ короля, на лѣвой сторонѣ, и будетъ наблюдать, чтобы не произошло какого-нибудь насилія, въ особенности надъ особами его величества, сеймоваго маршала и вашею, ясновельможный панъ. Извольте огласить, чтобы никто изъ членовъ сейма не двигался съ своего мѣста, исключая случаевъ, когда будетъ позванъ къ королю, а затѣмъ остается членамъ сейма совершенная свобода говоренія. Я не могу дозволить единственно безпорядковъ и буйствъ; и тѣ, которые окажутся въ этомъ виновными, подвергнутся строгости законовъ. Извольте сообщить это письмо въ оригиналѣ или переводѣ его величеству, королю, и всѣмъ членамъ сейма, если пожелаютъ.»

Сиверсъ приказалъ часть войска, стоявшаго около Гродно, вдвинуть въ городъ и занять главныя улицы и площади. Никому не приказано было выходить изъ домовъ иначе, какъ съ билетомъ; иностраннымъ посланникамъ и служащимъ при нихъ лицамъ выдавались особыя карточки; это сдѣлали послѣ того, какъ одинъ изъ свиты папскаго нунція, вышедши на улицу, былъ задержанъ. Два батальона введены въ самый за̀мокъ. Всѣ входы были заняты караулами, поставлены батареи и при нихъ артиллеристы съ готовыми фитилями, для внушенія страха. Самъ Сиверсъ около полудня ходилъ въ залу, осмотрѣлъ ее, указалъ мѣста, гдѣ сидѣть Раутенфельду, офицерамъ и гдѣ въ корридорахъ, при дверяхъ и нѣкоторыхъ окнахъ, помѣщаться карауламъ. «Вы — сказалъ онъ Раутенфельду — будете дѣйствовать для соблюденія порядка, вмѣстѣ съ маршаломъ Тышкевичемъ». Король пожелалъ видѣть русскаго посланника. Онъ пріѣхалъ къ королю. Станиславъ-Августъ благодарилъ его за вниманіе и заботливость о его безопасности, но горько жаловался на свою участь. Си-

версъ утѣшалъ его будущею милостію императрицы, и обѣщалъ, что прусскій трактатъ не иначе будетъ допущенъ, какъ только съ самыми выгодными для Польши торговыми условіями.

Въ четыре часа пополудни стали съѣзжаться послы. Пріѣхалъ король. Прошедши мимо карауловъ свободно, послы въ самой залѣ застали уже русскаго блюстителя порядка и русскихъ офицеровъ. Нѣкоторые поляки съ негодованіемъ хотѣли уйти назадъ, но гренадеры, стоявшіе въ дверяхъ, скрестили ружья, не пустили ихъ, и даже угрожали прикладами, когда тѣ думали прорваться назадъ силою.

«Г. маршалъ литовскій, кричалъ Скаржинскій, вы умѣли спровадить арбитровъ, нашихъ соотечественниковъ, извольте же, сообразно вашей обязанности, удалить чужеземныхъ офицеровъ, иначе мы не позволяемъ сейму приступать къ занятіямъ».

«Такъ, такъ»! повторили голоса. «Не позволяемъ открывать засѣданія при чужомъ войскѣ, подъ насиліемъ».

Шидловскій, за нимъ Гославскій, обращались къ королю, хвалили его, увѣряли, что онъ безопасенъ, и требовали удаленія войска.

«Я ничего не боюсь, сказалъ король. Посреди моего народа мнѣ не нужно чужеземной стражи. Я говорилъ это не разъ и теперь повторяю. Я не участникъ въ этомъ; меня окружаетъ чужеземное войско, а я его не приглашалъ».

Это было произнесено такимъ жалобнымъ голосомъ, что послы были очень тронуты и обратились къ Тышкевичу. «Г. маршалъ,— говорили они,—извольте просить московское войско отсюда выйти». —«Вотъ письмо г. посланника россійскаго—сказалъ Тышкевичъ— оно вамъ будетъ служить доказательствомъ, что я не участвовалъ въ событіяхъ настоящаго дня, но также какъ и вы нахожусь подъ принужденіемъ».

«Откройте засѣданіе, г. маршалъ, и прочитайте это письмо», сказалъ Міончинскій, которому, какъ и его партіи, хотѣлось скорѣе открыть засѣданіе для того, чтобы приступить къ прусскому дѣлу.

«Нѣтъ, нѣтъ»! кричалъ Годашевскій (троцкій). «Сеймъ уже постановилъ прежде, что, въ случаѣ насилія, сеймъ не можетъ открывать засѣданій».

Множество голосовъ повторили тоже.

«Такъ позвольте мнѣ — сказалъ Тышкевичъ — для своего оправданія прочитать письмо россійскаго посланника до засѣданія».

Ему дозволили. Письмо было прочитано.

«Требуемъ, — сказалъ Микорскій, чтобы намъ было объяв-

лено имя того измѣнника, который выдумалъ, будто противъ короля составляется заговоръ».

«Я пошлю спросить объ этомъ къ посланнику», сказалъ панъ Плихта.

«Нельзя быть сейму тамъ, гдѣ мѣстомъ, назначеннымъ для представителей вольнаго народа, овладѣлъ чужеземный солдатъ», сказалъ Шидловскій.

За нимъ повторяли въ томъ же смыслѣ много голосовъ.

«Покажи, наияснѣйшій король, сказалъ Янковскій, что ты довѣряешь своему народу и не требуешь чужихъ солдатъ».

И за нимъ тоже повторило много голосовъ.

«Сообразно съ собственнымъ желаніемъ и волею сейма — сказалъ король, я поручаю коронному канцлеру съ двумя епископами немедленно отправиться къ г. россійскому посланнику и просить отъ моего имени удаленія россійскихъ войскъ, которыя препятствуютъ теченію сеймовыхъ занятій».

Онъ просилъ идти съ канцлеромъ Коссаковскаго и Масальскаго, но тѣ отказывались, подъ предлогомъ, что подобныя делегаціи всегда поручались свѣтскимъ особамъ. Король отъ сената назначилъ Огинскаго и Суходольскаго, а отъ пословъ маршала Билинскаго и Анквича.

Прежде, чѣмъ отправили этихъ лицъ, Коссаковскій расхвалилъ короля и разбранилъ Подгорскаго, котораго дѣла былъ соучастникомъ, а въ знакъ преданности и вѣрности королю просилъ, чтобы король дозволилъ цѣловать свою руку цѣлому сейму. Тотчасъ съ тою же просьбою обратился къ королю Анквичъ отъ имени посольскаго круга.

Маршалъ сейма хотѣлъ было вызывать по порядку воеводствъ пословъ для цѣлованія королевской руки, но послы закричали, что если читать списокъ пословъ, то это будетъ означать, что засѣданіе открыто, а они не позволятъ открывать его прежде удаленія русскаго войска, и рѣшили, чтобы безъ вызова по списку, сперва сенаторы, потомъ послы по воеводствамъ подходили сами собою къ королевской рукѣ.

Такъ и сдѣлалось. Всѣ подходили къ королю и цѣловали руку. По окончаніи этой церемоніи делегація отправилась къ Сиверсу.

Послы сѣли на свои мѣста въ молчаніи. Русскіе офицеры сидѣли на своихъ лавкахъ недвижно, какъ статуи.

Сиверсъ, выслушавши длинную просьбу делегатовъ, отвѣчалъ имъ: «Стóитъ только прочитать бюллетени пяти засѣданій прошлой недѣли. Буйства, которыя позволяли себѣ члены противъ короля и маршала, угрозы и невниманіе къ моимъ тремъ

нотамъ вынудили меня напомнить вамъ долгъ порядка. Король тутъ не причастенъ. Я сдѣлаю угодное королю, велю выйти русскимъ офицерамъ изъ залы; останется одинъ Раутенфельдъ, но войску прикажу оставить замокъ не прежде, чѣмъ принятъ будетъ проектъ Подгорскаго. До тѣхъ поръ никто изъ членовъ сейма не выйдетъ изъ замка».

Делегація просила Сиверса сказать, кто ему донесъ о существованіи заговора противъ короля.

«Я узналъ это, сказалъ Сиверсъ — уже пять дней тому назадъ; ходятъ слухи, что готовится смятеніе, угрожающее его величеству и нѣкоторымъ членамъ сейма: моею обязанностію было для ихъ безопасности принять средства».

Делегація воротилась и все разсказала сейму. Суходольскій прибавилъ, что, высказавши россійскому послу о своемъ сопротивленіи прусскому дѣлу, онъ получилъ отъ него молчаливое одобреніе чувствъ своихъ. Это побудило его тотчасъ заявить, что онъ будетъ противъ прусскаго трактата.

Было уже половина девятаго. Маршалъ открылъ засѣданіе и началъ его чтеніемъ новой ноты, присланной Сиверсомъ. Въ ней, изложивъ вкратцѣ событія предшествовавшихъ бурныхъ засѣданій, посолъ говорилъ:

«Нижеподписавшійся видитъ себя окончательно принужденнымъ объявить чинамъ сейма, что невоздержные поступки очевидно показываютъ тѣ сѣмена якобинства, о которыхъ онъ упоминалъ въ предшествовавшихъ своихъ нотахъ, и потому онъ не можетъ не приступить къ искорененію этой пагубной во всѣхъ отношеніяхъ заразы и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно требуетъ, чтобы просмотрѣнный, поправленный и къ нотѣ отъ $^{19}/_{30}$ августа присоединенный проектъ г. Подгорскаго былъ немедленно прочтенъ, и, безъ малѣйшаго замедленія, принятъ и рѣшенъ. Вслѣдствіе сего, наияснѣйшіе чины благоволятъ тотчасъ же, не закрывая засѣданія, дать почтенной депутаціи полную власть и точное приказаніе подписать трактатъ, составленный при высочайшемъ посредствѣ августѣйшей государыни съ г. прусскимъ посломъ, а равно и будущія статьи, какія составятся по силѣ выраженій протокола конференцій, на которыхъ находился нижеподписавшійся, дабы онъ чрезъ то самое былъ уволенъ отъ принятія такихъ мѣръ, которыя ему предписаны, и отъ которыхъ онъ не можетъ отступить. Нижеподписавшійся долженъ также объявить наияснѣйшимъ чинамъ, что, въ видахъ предотвращенія неурядицы, онъ находится въ неизбѣжной необходимости командировать два батальона гренадеровъ съ четырьмя пушками, и окружить замокъ. Г. генералъ Раутенфельдъ будетъ

имѣть команду надъ этими батальонами и предприметъ, вмѣстѣ съ г. Тышкевичемъ, великимъ литовскимъ маршаломъ, мѣры, необходимыя къ огражденію сеймоваго спокойствія. Нижеподписавшійся ожидаетъ, что засѣданіе не закроется до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣлано рѣшеніе о подписаніи трактата».

Начались пренія. Скаржинскій произнесъ длинную рѣчь, длившуюся цѣлый часъ, преисполненную риторики; онъ стоялъ за проектъ Шидловскаго, но допускалъ въ немъ дѣлать такія поправки, по которымъ бы возобновились сношенія съ берлинскимъ дворомъ и измѣнилась рѣшимость не уступать отбираемые края.

За нимъ говорилъ Шидловскій. Его рѣчь была также длинна, но онъ соглашался допустить поправки въ своемъ проектѣ.

Это значило, что жаръ патріотовъ прохлаждался отъ вліянія ноты Сиверса и отъ близости русскихъ гренадеровъ. Шло дѣло къ тому, чтобы сдаться; хотѣли только, чтобы казалось на видъ, будто не отъ страха сдаются.

Видя, что патріоты стали подаваться и спѣшатъ предлагать поправки, черскій посолъ Станишевскій подалъ маршалу проектъ добавокъ къ проекту Шидловскаго, состоящихъ въ слѣдующемъ:

Возвратить взятый пруссаками образъ Ченстоховской Богородицы съ инвентаремъ сокровищъ и казны, принадлежащихъ ему. Опредѣлить наслѣдство въ случаѣ угашенія фамиліи Радзивилловъ и гарантировать доходы примаса въ забранномъ пруссаками краѣ; также дозволить свободно примасу проживать въ польскомъ краѣ.

Добавки къ проекту Шидловскаго никакъ не клеились съ самымъ проектомъ. Добавка относительно примаса допускала, сама собою, возможность уступки областей Пруссіи, тогда какъ проектъ выразительно отвергалъ ее. Эту добавку приставляли къ проекту съ хитрымъ намѣреніемъ подорвать и уничтожить самый проектъ, съ которымъ она находилась въ прямомъ противорѣчіи, и тѣмъ поворотить его къ смыслу проекта Подгорскаго. Скаржинскій закричалъ, что эта добавка не можетъ быть принята и присоединена къ проекту Шидловскаго, потому что она допускаетъ то, что проектъ отвергаетъ.

Тогда сеймовый маршалъ сдѣлалъ вопросъ: одинъ ли проектъ навязываемый силою долженъ быть принятъ, или же и проектъ Шидловскаго?

«Что это такое? закричалъ Скаржинскій. Какъ могутъ быть приняты два разнородные проекта»?

За нимъ принялись кричать другіе и напустились на маршала. Билинскій, послѣ неудавшейся хитрости, сообразивъ, что надобно подъѣзжать къ цѣли окольнымъ путемъ, и потихоньку,

начиная съ общихъ мѣстъ, задалъ такой вопросъ: можетъ ли быть принятымъ поданное предложеніе? Патріоты противились пущенію на голоса такого вопроса, но умѣренные перекричали ихъ. Рѣшили голосовать такъ, чтобы сначала подавали голоса сенаторы, потомъ послы. Оказалось изъ сенаторскихъ утвердительныхъ 10, а отрицательныхъ 3, и въ посольскомъ кругѣ утвердительныхъ 50, и противныхъ 25.

Вслѣдъ за этимъ маршалъ предложилъ другой вопросъ, уже яснѣе, но тоже не раздражая патріотовъ, и даже какъ будто угождая имъ: можетъ ли быть представленъ къ рѣшенію проектъ, присланный съ нотою россійскаго посланника, поддерживаемый насиліемъ и присутствіемъ чужеземнаго войска, или только проектъ Шидловскаго?

Отчаянные патріоты кричали и противъ этого, но составилось голосованіе и принятъ къ рѣшенію проектъ Подгорскаго. Оказалось большинство 59 голосовъ противъ 26 (сенаторскихъ 10 противъ 3, посольскихъ 49 противъ 23).

Тогда умѣренные стали подавать разныя поправки и добавки.

Между тѣмъ курьеры, одинъ за другимъ, являлись отъ Сиверса, и приглашали къ нему то тѣхъ, то другихъ особъ изъ сейма. Сиверсъ напоминалъ имъ долгъ ихъ, дѣлалъ угрозы, и побуждалъ торопиться.

Маршалъ отдалъ всѣ поправки конституціонной депутаціи, занимавшейся совокупленіемъ замѣчаній и редакцій проекта. Когда, по этимъ замѣчаніямъ, конституціонная депутація изготовила цѣлый проектъ и принесла его въ собраніе, маршалъ предложилъ на голосованіе вопросъ: обращается ли въ законъ проектъ, допущенный къ рѣшенію и поправленный конституціонною депутаціею?

Наступила рѣшительная роковая минута. Патріоты собирали всѣ силы, чтобы не допустить проектъ, но присутствіе русскаго генерала въ самой залѣ, сосѣдство гренадеровъ въ коридорахъ и невозможность выйти изъ залы не принявши этого проекта, лишали патріотовъ поддержки той толпы, которая прежде, поджигаемая ихъ огненными рѣчами, одобряла ихъ и производила суматоху во всей Избѣ; послы, по ихъ примѣру, уже не соскакивали съ мѣстъ, не выбѣгали на средину, а сидѣли по мѣстамъ тихо и покорно. Началось голосованіе. Оказалось за проектомъ большинство 61 голоса противъ 23 (сенаторскихъ 9 противъ 2, посольскихъ 52 противъ 21). Нѣкоторые не подавали голоса вовсе; другихъ не было въ залѣ.

Гетманъ Коссаковскій, Пляттеръ и Ледоховскій не хотѣли-было идти въ собраніе, но Сиверсъ послалъ къ нимъ русскаго

44*

маіора приказать имъ, именемъ своей государыни, чтобы они шли немедленно. Они повиновались, и Пляттеръ заслужилъ милостивое вниманіе русскаго посланника за то, что въ Избѣ сказалъ мудрую рѣчь о покорности ея императорскому величеству.

Такимъ образомъ, всѣ крики въ продолженіе многихъ дней, всѣ возгласы, вся рѣшимость показать свѣту достойную римлянъ твердость, вся пышная патріотическая риторика съ величественными тѣлопоставленіями и пламенными тѣлодвиженіями,— все было напрасно. Даже и жалкій Подгорскій выпилъ напрасно чашу оскорбленій. Одно только, въ чемъ видно было вліяніе патріотическихъ выходокъ—это тонъ, какимъ написано было полномочіе депутаціи, заявлявшій о сознаніи насилія. Оно было выражено въ слѣдующихъ словахъ:

«Мы, король, въ согласіи съ чинами Рѣчи-Посполитой, выслушали донесеніе депутаціи, назначенной для переговоровъ съ прусскимъ посланникомъ, и показанный намъ проектъ трактата, и узнали, что, несмотря на усильное посредничество г. россійскаго посланника, дворъ берлинскій не отступаетъ отъ намѣреній, пагубныхъ для Рѣчи-Посполитой, допустивъ смягченіе только нѣкоторыхъ статей трактата. Находясь въ крайней степени несчастія, но будучи далекими отъ признанія законности причинъ, которыми берлинскій дворъ хочетъ оправдать свое насиліе надъ нами, и напротивъ, не отступая отъ нашей деклараціи, помѣщенной въ первой отвѣтной нотѣ на ноту двухъ союзныхъ дворовъ, свидѣтельствуемъ передъ цѣлою Европою, къ которой много разъ обращались, что, опираясь на силу предшествовавшихъ трактатовъ, съ нашей стороны всегда сохраняемыхъ, а въ особенности на силу трактата, недавно заключеннаго въ 1790 году, по желанію самого прусскаго короля, которымъ обезпечивалась независимость и цѣлость областей Рѣчи-Посполитой, мы даемъ настоящій актъ не по доброй волѣ, а по поводу цѣлаго ряда насильственныхъ мѣръ, неоднократныхъ угрозъ ввести прусскія войска въ богатѣйшія области, оставшіяся во владѣніи Рѣчи-Посполитой для ихъ окончательнаго разоренія, наконецъ, послѣ того, какъ въ глазахъ нашихъ, святилище нашего законодательства въ день, назначенный для обсужденія проекта, было окружено и запружено иноземными солдатами. Даемъ вынужденное отъ насъ порученіе вышеупомянутой депутаціи подписать трактатъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ за посредничествомъ г. россійскаго посланника, съ тѣмъ 1) что онъ будетъ гарантированъ августѣйшею государынею со всѣми особыми, сообразными съ этимъ трактатомъ, статьями, какъ по отношенію къ торговлѣ, такъ и по отношенію къ инымъ предметамъ, касаю-

щимся духовенства, къ успокоенію Рѣчи-Посполитой и ея обывателей, какъ отходящихъ вполнѣ подъ чужое владычество, такъ и имѣющихъ въ обоихъ государствахъ свои имѣнія; 2) чтобы превелебнѣйшій отецъ нынѣшній примасъ могъ безпрепятственно, для отправленія своихъ обязанностей, жить въ Польшѣ и собирать свои доходы; 3) чтобы, въ случаѣ прекращенія фамиліи князей Радзивилловъ, бранденбургскій домъ не предъявлялъ никакихъ притязаній на наслѣдство, которое будетъ по закону принадлежать Рѣчи-Посполитой; 3) съ тою перемѣною послѣдней статьи трактата, что мы, король не прежде будемъ ратификовать именемъ нашимъ и чиновъ Рѣчи-Посполитой трактатъ объ уступкѣ земель, какъ тогда, когда торговый трактатъ и всѣ взаимно признанныя отдѣльныя статьи будутъ признаны и подписаны обѣими договаривающимися сторонами при посредничествѣ и гарантіи россійскаго двора, и 4) чтобы подлинный образъ Ченстоховской Богоматери немедленно, по подписаніи трактата, со всѣмъ инвентаремъ драгоцѣнностей, серебра и всякой утвари, принадлежащихъ казнѣ этого образа, былъ намъ возвращенъ».

Когда унылые послы расходились изъ засѣданія, на старой башнѣ замка пробило четыре часа пополуночи.

«Ахъ, наше собачье житье! Ахъ, какая мука»! восклицалъ Сиверсъ въ задушевномъ письмѣ къ дочери, разсказывая объ этомъ событіи. «Что я перечувствовалъ, когда держалъ короля съ сеймомъ двѣнадцать часовъ взаперти, пока не прикажетъ подписать своего бѣдствія»!

VI.

Недоразумѣнія съ Бухгольцемъ. — Арестованіе четырехъ пословъ. — Сиверсъ окружаетъ Избу войскомъ. — Нѣмое засѣданіе. — Трактатъ съ Пруссіею.

Окончивъ съ поляками, Сиверсъ сталъ обращаться съ ними ласково, далъ великолѣпный балъ и ужинъ въ день рожденія императрицы. Зубовъ далъ такой же балъ въ день Александра. Концерты, спектакли, вечера каждый день располагали веселиться поляковъ. Самъ король далъ обѣдъ для русскихъ.

Приходилось выдержать еще борьбу съ Бухгольцемъ. Прусскій министръ, во время послѣдняго рѣшительнаго засѣданія сейма, былъ въ сильной тревогѣ; онъ боялся, что поляки, несмотря на всѣ принудительныя мѣры, упрутся, и никакія старанія Сиверса не заставятъ ихъ податься. Онъ не видѣлъ и не ожидалъ, со стороны Россіи, готовности, въ такомъ случаѣ, помогать Пруссіи своимъ оружіемъ. Дѣйствительно, можетъ быть, если бы

члены сейма не уступили ни за что, просидѣли бы не только вечеръ и ночь, но нѣсколько дней подъ стражею русскаго войска, показали бы готовность скорѣе умереть съ голоду, чѣмъ сдѣлать угодное Пруссіи, и въ то же время отдавались бы съ покорностью императрицѣ, — въ концѣ концовъ пришлось бы оставить ихъ на произволъ судьбы раздѣлываться съ Пруссіею. На счастье Пруссіи сеймъ оказался храбрѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ.

Но Бухгольцъ и на другой день послѣ этого засѣданія не былъ доволенъ. Пруссіи совсѣмъ не по мысли былъ торговый трактатъ и льготы Польшѣ. Бухгольцъ видѣлъ со стороны Сиверса тоже расположеніе, какъ и прежде, и жаловался, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Меллендорфу, что Сиверсъ мирволитъ полякамъ. «Поляки насъ ненавидятъ до крайности, гораздо больше, чѣмъ русскихъ. Они признаются, что оскорбляли Россію и вели съ нею войну, а главное, мы имъ противны оттого, что мы нѣмцы». Послѣ назначенія депутаціи, Бухгольцъ былъ недоволенъ и не хотѣлъ принимать добавокъ, а болѣе всего не хотѣлъ, чтобы торговый трактатъ былъ условіемъ уступки земель. Но Сиверсъ рѣшительно отвѣчалъ ему: «изъ статей, требуемыхъ поляками, нѣтъ ни одной, которая бы могла потрясти согласіе двухъ дворовъ. Вы подпишите послѣ завтра трактатъ и все кончится».

«Нѣтъ, возразилъ Бухгольцъ, я подписать не могу съ приложеніями и съ условіями о торговомъ трактатѣ. Напротивъ, слѣдуетъ Меллендорфу прибѣгнуть къ военнымъ дѣйствіямъ въ двухъ воеводствахъ».

«Этого я на чистоту не допущу» — сказалъ Сиверсъ. — «Это значитъ, получивъ уступку, начать войну за чужіе капризы. По справедливости, король вашъ не долженъ отказать въ признаніи тѣхъ выгодъ, какія поляки имѣютъ основаніе требовать въ своемъ печальномъ положеніи, находясь въ полномъ распоряженіи прусскаго короля. Притомъ видите, какъ они тверды и упорны: не доводите ихъ до отчаянія. Уступкою, сдѣланною вамъ, вы обязаны единственно волѣ императрицы и тѣмъ насильственнымъ мѣрамъ, которыя я употреблялъ. Если Меллендорфъ войдетъ съ войсками, вы должны будете отсюда тотчасъ же уѣхать. Тогда трудно будетъ удержать ихъ отъ крайностей. Если вы несогласны пріостановить дѣло, то пошлемъ курьера къ своимъ дворамъ, а если вы хотите окончить дружелюбно, надобно подписать трактатъ. Я бы на вашемъ мѣстѣ поступилъ такъ. Послѣдствія очень важны».

Бухгольцъ нѣсколько разъ обращался съ прежней просьбой

допустить Меллендорфа войти въ воеводства, но Сиверсъ былъ непоколебимъ.

«Я говорю вамъ, сказалъ онъ, что вся негоціація разстроится, если вы на это рѣшитесь».

Меллендорфъ, узнавъ о разноголосицѣ, прислалъ къ Сиверсу своего адъютанта, но и адъютантъ не упросилъ Сиверса. Бухгольцъ отправилъ курьера къ своему королю въ лагерь.

Императрица сначала одобряла поведеніе своего министра съ Пруссіею.

Въ августѣ, когда ей донесли объ упорствѣ поляковъ по отношенію къ Пруссіи, она секретно приказывала поддерживать поляковъ въ ихъ справедливыхъ претензіяхъ противъ прусскихъ угрозъ и увѣрить ихъ въ добромъ расположеніи своемъ и вѣнскаго двора.

Отъ 14-го сентября, она писала къ Сиверсу: «во всемъ, что вы до сихъ поръ сдѣлали для пользы поляковъ, вы исполнили мои намѣренія, и хотя избранная дорога могла казаться противна интересамъ прусскаго двора, онъ не можетъ не признать основаній справедливости и человѣколюбія, какія вами руководили». Но все измѣнилось черезъ нѣсколько дней. Бухгольцъ получилъ отъ своего двора требованія, чтобы трактатъ объ уступкѣ земель былъ оконченъ прежде торговаго трактата. Прусскій король, узнавши, что дѣла его въ Польшѣ встрѣчаютъ препятствія, хотѣлъ оставить войну съ Франціею и обратиться на Польшу.

Вѣроятно, государыня разсчитывала, что если прусскій король оставитъ Францію и обратится на Польшу, то съ одной стороны страшное революціонное движеніе будетъ лишено противодѣйствія, съ другой Россія будетъ поставлена въ необходимость защищать Польшу и вступить въ войну съ Пруссіею. Въ то же время Австрія, терявшая надежду на успѣхъ вознагражденія на счетъ Франціи, показывала сильное желаніе вознаградить себя на счетъ Польши, и съ этою цѣлію соединилась бы съ Пруссіею. Россіи пришлось бы вмѣстѣ съ поляками воевать противъ двухъ сосѣднихъ державъ. Такимъ образомъ, европейскій союзъ противъ Франціи разрушился бы самъ собою, между тѣмъ поляки могли измѣнить Россіи и перейти на сторону ея враговъ. Екатерина приказывала Сиверсу поспѣшить окончаніемъ прусскаго дѣла, въ угоду прусскому двору.

Между тѣмъ, послѣ рѣшенія дѣла о подписи депутатовъ, сеймъ сталъ заниматься дѣлами внутренними. У Сиверса была готова конституція, написанная подъ его надзоромъ Мошинскимъ съ товарищами; она была представлена на сеймъ для обсужде-

нія. Но главнѣйшее дѣло этихъ дней было уничтоженіе тарговицкой конфедераціи.

Сиверсъ считалъ ее величайшимъ зломъ, разъѣдающимъ Польшу. Онъ представлялъ объ уничтоженіи ея еще въ началѣ сейма, но государыня нашла это неумѣстнымъ до поры до времени; раздѣляя взглядъ своего посланника на всѣ дурныя стороны этого учрежденія, она находила, что нужно держать ее до тѣхъ поръ, пока окончательно не совершится уступка польскихъ провинцій Россіи, но держать ее въ ослабленномъ видѣ. Такимъ образомъ, у конфедераціи отнято было все управленіе, запрещены собранія, прекращено образованіе новыхъ мѣстныхъ конфедерацій. Но суды, созданные ею, оставались по прежнему. Теперь, когда трактатъ съ Россіею былъ подписанъ, государыня приказала, сообразно давнишнему желанію Сиверса, совершенно уничтожить ее и составить новую, сеймовую, подъ начальствомъ короля. Составленіе новой конфедераціи сочтено нужнымъ единственно потому что боялись, чтобы друзья тарговицкой не могли упорно защищать ее на сеймѣ, потому и рѣшились вести дѣло такъ, чтобы, съ образованіемъ новой конфедераціи старая уничтожилась бы сама собою. Главою новой конфедераціи долженъ быть король, маршаломъ—сеймовый маршалъ, а совѣтниками—только члены настоящаго сейма.

Актъ уничтоженія прежней конфедераціи и составленія новой написанъ былъ Мошинскимъ и прочитанъ королю, къ большому его утѣшенію. Коссаковскій и Забѣлло, видя въ этомъ свое паденіе, пытались у Сиверса какъ-нибудь удержать свое издѣліе, но напрасно. 15-го сентября, Міончинскій подалъ на сеймъ проектъ о распущеніи конфедераціи. По этому проекту возобновлялись всѣ суды, какіе были до 1792 года, и должны были оставаться въ такомъ видѣ до реформы, долженствовавшей явиться съ новою формою правленія. Всѣ санциты конфедераціи, хотя не теряли сами по себѣ законной силы, но могли быть уничтожены сеймовымъ постановленіемъ. Они должны быть въ теченіи недѣли доставлены на сеймъ, для обслѣдованія ихъ, въ руки канцлеровъ.

Установлена была депутація для разбора жалобъ, которыя могли и должны были возникнуть на дѣйствія конфедераціи. Сторонники конфедераціи на сеймѣ не имѣли легальнаго повода сильно упорствовать, на томъ основаніи, что конфедерація всетаки существовала, только другая, и будучи членами сейма, они были членами этой новой конфедераціи. Поэтому актъ уничтоженія тарговицкой конфедераціи прошелъ единогласно, несмотря на то, что много было скорбѣвшихъ о ней и боявшихся,

чтобы, при обслѣдованіи дѣлъ конфедераціи, не объявились ихъ преступленія.

Новая конфедерація, подъ названіемъ Гродненской, заключалась съ цѣлью поддерживать преимущества престола и неприкосновенность имуществъ всѣхъ гражданъ. Патріоты, подписавшіе этотъ актъ, прибавили при своей подписи нѣкоторыя оговорки, касавшіяся того, что они вступаютъ въ новую конфедерацію въ видахъ охраненія цѣлости границъ Рѣчи-Посполитой и политической свободы. Сиверсъ нахмурился, увидя эти прибавки, и сказалъ: «можно будетъ заставить исключить это, если произойдутъ смятеніе и толки». Въ то же время и сеймъ продолжилъ свое существованіе до октября.

Послѣ этого засѣданія, бывшаго 5-го (16-го) сентября, на слѣдующемъ, 7-го (18-го) сентября, Краснодембскій произнесъ длинную рѣчь, гдѣ громилъ бывшую конфедерацію и указывалъ на нѣкоторыя ея санциты, явно обличавшія ея пагубныя для отечества дѣйствія. Такъ онъ напалъ на произвольное ея обращеніе съ казною. Онъ упомянулъ, между прочимъ, о томъ, какъ Коссаковскій присвоилъ себѣ интригами администрацію краковскаго епископства, указалъ на то, что многими санцитами конфедераціи добродѣтельные граждане, въ угоду сильныхъ членовъ конфедераціи, лишены были всего имущества, показалъ растрату суммъ военнаго вѣдомства, злоупотребленіе въ управленіи войска, назначеніе людей, несвѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ, вмѣсто опытныхъ офицеровъ. Онъ обращался къ новосоставленной депутаціи, убѣждая ее отыскать и указать средства поправить вообще все, что конфедерація надѣлала вреднаго, какъ для страны вообще, такъ и для гражданъ въ частности. Краснодембскій указалъ, въ числѣ черныхъ дѣлъ конфедераціи, призваніе чужеземнаго войска, и при этомъ замѣтилъ, что она была создана Россіей съ вредными для Рѣчи-Посполитой намѣреніями и потомъ уничтожена Россіею же, когда это орудіе найдено болѣе ненужнымъ.

За нимъ Шидловскій началъ тоже произносить хулу на конфедерацію. «Тарговицкая революція, говорилъ онъ, ниспровергла великія учрежденія, основанныя на старыхъ законахъ, и замѣнила ихъ неслыханнымъ произволомъ. Черезъ нее честные граждане лишились имущества, которымъ владѣли роды ихъ въ продолженіе вѣковъ; они оподлили народъ, и каждаго изъ насъ ввергли въ бездну взаимной ненависти и смятенія; у тебя самого, король, отняты твои преимущества; принудили тебя обманомъ пристать къ конфедераціи».

Королю щекотливо стало слушать это обращеніе къ себѣ. Кра-

сnодембскій, послѣ своихъ выходокъ противъ конфедераціи, изъявлялъ благодарность королю, и предложилъ цѣлованіе королевской руки, но король отклонилъ это, сказавши, что это будетъ умѣстно тогда, когда окончатся сеймовыя работы и слѣдовательно будетъ причина благодарить его за труды. «Лучше—сказалъ онъ—положимъ конецъ упрекамъ и обвиненіямъ конфедераціи; это только возбуждаетъ умы и поселяетъ вражду, когда для насъ теперь необходимо согласіе. Все, въ чемъ надобно будетъ обвинить бывшую конфедерацію, можетъ представиться въ учреждаемую на этотъ конецъ депутацію, а на сеймѣ слѣдуетъ лучше заниматься другими предметами, тѣмъ болѣе, что ихъ много».

Несмотря на эти успокоительныя убѣжденія короля, на другой день, 8 (19) сентября, Шидловскій началъ опять кричать противъ конфедераціи, но увлекся до того, что коснулся и новой, изъявилъ опасеніе, что и новая будетъ такая же, какою была старая, и назвалъ ее толпою (zgraja). «Какая надежда можетъ быть, сказалъ онъ, на исправленіе вреда, который принесла бывшая конфедерація, когда многіе члены новой находились въ прежней, получали отъ ея существованія выгоды, и теперь, разумѣется, будутъ защищать всѣ ея несправедливыя постановленія?»

Эти возраженія возмутили всю Избу. Требовали предать суду Шидловскаго за оскорбленіе достоинства членовъ сейма. Король, сообразно всегдашней своей наклонности мирить и улаживать, требовалъ у Шидловскаго, чтобы онъ просилъ прощенія. Онъ исполнилъ требованіе, но вслѣдъ за тѣмъ подалъ протестацію противъ дѣйствій сейма и акта конфедераціи, который, какъ онъ толковалъ, утверждалъ раздѣленіе Польши, выражая желаніе устроить форму правленія, благодѣтельную, по крайней мѣрѣ, для той части Рѣчи-Посполитой, которая еще оставалась независимою.

Эти выходки не могли ускользнуть отъ вниманія Сиверса; русскій посланникъ видѣлъ въ нихъ прямое противодѣйствіе Россіи и привязанность къ принципамъ 3-го мая, осужденнымъ союзными державами. Онъ написалъ грозную ноту и въ то же время приказалъ арестовать пословъ, кричавшихъ на сеймѣ. Но король послалъ къ нему двухъ министровъ просить его отмѣнить строгое рѣшеніе, тѣмъ болѣе, что виновные уже получили прощеніе отъ оскорбленныхъ товарищей. Сиверсъ согласился на этотъ разъ оставить ихъ безъ преслѣдованія, но подтвердилъ, что если они осмѣлятся еще заявить что-нибудь въ подобномъ духѣ, то онъ принужденъ будетъ поступить съ ними сурово.

Сеймъ, между прочимъ, продолжалъ работы по внутреннимъ дѣламъ. Устроены были депутаціи для обревизованія управленій и учреждена коммиссія для разсмотрѣнія банкротства польскихъ банкировъ Прота Потоцкаго, Петра Теппера, Фредерика Кабрилля, Карла Шульца и Яна Давида Гейзлера. Коммиссія эта должна была состоять изъ двадцати двухъ членовъ (10 изъ дворянъ, съ голосомъ рѣшающимъ, 3 изъ мѣщанъ, съ голосомъ совѣщательнымъ, назначенныхъ королемъ, и 9 назначенныхъ дворами петербургскимъ, берлинскимъ и вѣнскимъ). Они должны были наложить секвестрацію на всѣ имѣнія этихъ банкировъ и ихъ довѣренныхъ, пригласить всѣхъ кредиторовъ и должниковъ подъ страхомъ, въ случаѣ неявки, лишиться своихъ претензій; имущества должныхъ банкирамъ должны быть, въ случаѣ неуплаты ихъ долговъ, проданы съ публичныхъ торговъ и на вырученныя деньги слѣдовало удовлетворить кредиторовъ.

Въ субботу, 21-го сентября, Бухгольцъ послалъ въ Избу ноту, гдѣ говорилось:

«Его величество прусскій король не можетъ долѣе сносить преткновеній и затрудненій, вымышляемыхъ нарочно съ цѣлію не допустить до окончанія переговоры, начатые депутаціею, и потому прислалъ нижеподписавшемуся строгое приказаніе не входить ни въ какіе переговоры о торговомъ трактатѣ прежде, чѣмъ не будетъ оконченъ обмѣнъ ратификацій». Вмѣстѣ съ тѣмъ Бухгольцъ обѣщалъ, что совѣщанія о торговомъ трактатѣ и объ устройствѣ тарифа наступятъ тотчасъ послѣ означеннаго обмѣна ратификацій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и Сиверсъ, въ своей новой нотѣ, извѣщалъ, что онъ «какъ посланникъ посредствующаго и дружественнаго двора, долженъ представить наияснѣйшимъ чинамъ о неминуемой потребности подписать трактатъ о границахъ съ прусскимъ дворомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ при его посредствѣ, безъ всякихъ прибавленій, если чины не желаютъ навлечь на Рѣчь-Посполитую ужаснѣйшихъ послѣдствій». Что касается до торговаго договора съ прусскимъ дворомъ, то Сиверсъ объявлялъ, что онъ будетъ содѣйствовать всѣми силами скорѣйшему начатію и окончанію дѣла, желаннаго и полезнаго для обоихъ государствъ.

Сиверсъ лично отправился къ королю, ловко объяснялъ ему, что надобно уступить, хоть ему самому это не по сердцу, иначе будетъ очень дурно, далъ слово стараться сдѣлать все возможное для торговаго трактата, и обнадеживалъ впередъ дружбою Россіи. Король, сначала взволнованный, мало-по-малу успокоился, соглашался, что дѣлать нечего, и просилъ только Сиверса

позволить отправить къ нему съ засѣданія канцлера просить о посредничествѣ въ дѣлѣ торговаго трактата. Сиверсъ согласил-сился.

Открылось засѣданіе. Маршалъ Билинскій объявилъ, что онъ только-что получилъ двѣ ноты отъ посланниковъ обоихъ дворовъ и чтеніемъ ихъ долженъ начать засѣданіе.

«Предчувствую содержаніе и послѣдствія этихъ нотъ, сказалъ Кимбаръ. Повторится ужасный день 2-го сентября; но все напрасно. Пусть заморятъ насъ голодомъ въ Избѣ, мы не положимъ позора на себя и на весь народъ. Не надѣюсь, чтобы сегодня кто-нибудь осмѣлился думать иначе».

Ноты прочитали. Краснодембскій произнесъ рѣчь огненную, задорную. Послѣ него, въ томъ же духѣ, говорилъ Шидловскій. Рѣчи ихъ возбудили энтузіазмъ; начали кричать: «не соглашаемся!» сыпали проклятія, вопіяли противъ насилія, взывали къ Богу, къ Европѣ, къ потомству. По слѣдамъ Краснодембскаго и Шидловскаго заговорили смѣло и горячо Скаржинскій и Микорскій. За ними выступилъ съ рѣчью хитрый и уклончивый Анквичъ; и онъ теперь разыгривалъ патріота: «я, говорилъ онъ, во все продолженіе этого сейма наружно покорялся необходимости въ видахъ спасенія остатковъ нашей земли, но отчаяніе переполняетъ мое сердце, когда я вижу, что къ несправедливости, намъ оказанной, присоединяется презрѣніе къ намъ, и если все это слѣдствіе нашего смиренія, да будетъ проклята та минута, когда я думалъ, что смиреніе намъ необходимо».

Онъ обратился къ королю и совѣтовалъ послать депутацію къ Сиверсу, котораго величалъ добродѣтельнымъ посланникомъ великой государыни, и просить его о заступленіи.

Король на это сказалъ:

«Убѣжденный г. краковскимъ посломъ, совѣтую послать канцлеровъ къ россійскому посланнику представить ему несправедливость требованій объ измѣненіи того, что̀ было уже составлено при его посредствѣ; этого вымогаютъ отъ насъ насильственно».

Всѣ согласились съ королемъ; тутъ не заключалось ничего, кромѣ попытки протянуть время, что̀ всѣмъ было по душѣ.

Король поручилъ составленіе ноты конституціонной депутаціи. Она въ особомъ покоѣ составила ноту и потомъ представила въ Избу. Въ нотѣ было заявленіе отъ цѣлаго сейма, что онъ готовъ скорѣе вовсе прекратить съ Пруссіею переговоры, чѣмъ допустить измѣненіе хотя малѣйшей части во вредъ націи, и обращается съ просьбою къ Сиверсу, на основаніи принятаго имъ посредничества, съ просьбою убѣдить прусскаго ми-

нистра отказаться отъ своего требованія. Вмѣстѣ съ канцлерами король послалъ Анквича.

По уходѣ депутатовъ къ Сиверсу, въ собраніи опять произносились патріотическія горячія рѣчи. Король, боясь, чтобы патріоты, въ увлеченіи, не наговорили очень много, закрылъ засѣданіе.

Сиверсъ, получивъ отъ канцлеровъ ноту, отвѣчалъ имъ, не изустно, а письменно и просилъ немедленно подписать проектъ трактата съ прусскимъ королемъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ при его посредствѣ и прочитанъ въ сеймѣ. «Всякая проволочка, писалъ онъ, всякая прибавка только отяготятъ судьбу Рѣчи-Посполитой, и потому нижеподписавшійся настоятельно проситъ уволить его отъ необходимости привести въ исполненіе предписанныя ему мѣры, возобновляя при этомъ случаѣ увѣренія, что скорость, съ какою они исполнятъ желаніе союзныхъ дворовъ, дастъ ему новое побужденіе къ участію, насколько возможно, во всемъ томъ, что можетъ послужить къ благоденствію Рѣчи-Посполитой, въ особенности же относительно торговаго трактата съ Пруссіею.»

Нѣкоторые послы сообразили, что въ понедѣльникъ должно происходить рѣшительное засѣданіе, и вздумали убѣжать изъ города въ воскресенье. Узнавъ это, Сиверсъ сталъ опасаться, чтобы такимъ образомъ и весь сеймъ не разбѣжался, и далъ приказаніе никого не выпускать изъ города. Ему донесли обо всемъ, что говорили рьяные послы, а чтобы не повторялось подобное на слѣдующій разъ, Сиверсъ далъ приказаніе Раутенфельду въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ арестовать Краснодембскаго, Шидловскаго, Скаржинскаго и Микорскаго. Такъ какъ они сами не хотѣли добровольно оставить сейма, то Сиверсъ опредѣлилъ отправить ихъ въ ихъ имѣнія.

Въ понедѣльникъ, 12 (23) сентября, два батальона окружили зáмокъ. Въ воротахъ поставили четыре пушки, подлѣ нихъ стали артиллеристы съ готовыми фитилями. Пикетъ въ пятьдесятъ человѣкъ сталъ на дворѣ. Солдаты заняли караулы въ коридорахъ и по всѣмъ входамъ. Въ Избу вошелъ генералъ Раутенфельдъ въ парадной формѣ, съ орденами; съ нимъ были его адъютанты. Сиверсъ велѣлъ, чтобы онъ черезъ этихъ адъютантовъ каждую четверть часа сообщалъ о томъ, что̀ происходитъ въ сеймовой Избѣ. Все это устроено было въ пять часовъ пополудни. Посланникъ увѣдомилъ сеймъ объ арестованіи пословъ нотою, которая должна быть представлена сейму при самомъ началѣ засѣданія.

«Частыя напоминовенія, которыя нижеподписавшійся долженъ

былъ дѣлать сейму по поводу необузданныхъ рѣчей, допускаемыхъ нѣкоторыми послами, такъ-называемыми зелантами, почти въ каждомъ засѣданіи, не достигали своей полезной цѣли приведенія ихъ къ приличію и порядку; напротивъ, нижеподписавшійся замѣтилъ противное, что они свое заблужденіе простираютъ до крайности. Доказательствомъ того служатъ двѣ послѣднія рѣчи ливскаго посла Краснодембскаго 16-го сентября, и плоцкаго Шидловскаго 19-го того же мѣсяца: изъ нихъ первый, открыто восхваляя якобинскія правила революціоннаго сейма и конституціи 3-го мая, дерзнулъ изобразить чернѣйшими красками тарговицкую генеральную конфедерацію, составленную съ цѣлію спасенія отечества и покровительствуемую ея императорскимъ величествомъ; другой дошелъ еще до большей необузданности, дерзнувши назвать настоящій сеймъ, соединенный новою связью конфедераціи, къ которой и самъ приступилъ, толпою, которая будто бы обманомъ склонила короля приступить къ подписанію акта, по его словамъ преступнаго. Вся Изба была разгнѣвана и готова была осудить виновнаго, за необузданныя правила якобинства, такъ нагло проповѣдуемыя. Однако просьба объ извиненіи была достаточна, чтобы такой поступокъ прошелъ безнаказанно, несмотря на то, что оскорбленіе касалось двухъ сосѣдственныхъ державъ и самого народа, обидою для собранія, которое шестнадцать мѣсяцевъ несло въ рукахъ своихъ верховную власть надъ Рѣчью-Посполитою. Нижеподписавшійся, будучи вынуждаемъ критическими обстоятельствами, и при томъ намѣреваясь предупредить ужасныя слѣдствія напраснаго сопротивленія, которое чрезъ то самое становится преступнымъ противъ самого отечества, думалъ, что дѣлаетъ ему услугу, приказывая арестовать и удалить изъ Гродно двухъ вышеименованныхъ пословъ, а также и двухъ другихъ, не менѣе преступныхъ по своимъ рѣчамъ и поступкамъ, вышегродскаго Микорскаго и ломжинскаго Скаржинскаго, и препроводить ихъ въ города и повѣты, откуда они были выбраны. Нижеподписавшійся никогда не думалъ стѣснять свободу говоренія и голосованія. Рѣчи, произнесенныя во все продолженіе этого сейма, вписывались въ акты, печатались въ туземныхъ и заграничныхъ газетахъ, и несмотря на ихъ ѣдкость и оскорбительныя выраженія, они не могли привести его до того, чтобы употребить противъ нихъ тѣ средства, какія находятся у него въ рукахъ къ пресѣченію такого безправія. Но въ такое время, когда дѣло идетъ объ избѣжаніи новыхъ несчастій для Польши, когда сеймъ долженъ приняться прилежно за устроеніе своего будущаго благоденствія, нижеподписавшійся увидѣлъ себя принужденнымъ

приступить къ такимъ мѣрамъ, которыя безъ сомнѣнія одобритъ благомыслящая часть сейма, какъ и весь народъ.»

Члены съѣхались въ залу около восьми часовъ вечера и ужаснулись, увидя, что съ ними намѣрены поступать рѣшительно. Они проходили на свои мѣста въ глубокомъ молчаніи. Когда явился король, и сеймовый маршалъ съ своего мѣста долженъ былъ открыть засѣданіе, поднялся Гославскій и сказалъ:

«Засѣданіе не можетъ быть открыто. Если бы я даже хотѣлъ, то не могъ бы этого дозволить, не преступая закона. Мы постановили, чтобы при первомъ насиліи, сдѣланномъ членамъ нашего сейма, чины должны прекратить свои дѣйствія; въ эту ночь учинено неслыханное насиліе, арестованы четверо нашихъ товарищей. Я всѣми силами буду противиться открытію засѣданія, до тѣхъ поръ, пока означенные послы не будутъ возвращены сеймовой Избѣ. Пусть я паду жертвою; пусть чужеземный солдатъ, окружающій Избу, лишитъ меня жизни, и голова моя падетъ къ ногамъ его, я объявилъ, что на основаніи закона, охраняющаго посла, не дозволю открывать сеймоваго засѣданія до тѣхъ поръ, пока не увижу между нами арестованныхъ пословъ и пока не удалится отъ сеймовой Избы россійское войско съ пушками».

Товарищъ Гославскаго, Янковскій, заявилъ, что надобно послать къ россійскому посланнику канцлера и маршаловъ просить немедленно выпуска изъ-подъ ареста членовъ. То же совѣтовалъ Міончинскій. За нимъ множество голосовъ требовали того же.

«Хотя Изба находится въ страдательномъ положеніи, сказалъ король, но исполняя желаніе многихъ членовъ, я прошу гг. канцлеровъ ѣхать къ г. посланнику и объявить ему, что по поводу насилія, учиненнаго надъ особами, принадлежащими къ составу Избы, всѣ единогласно рѣшили, не приступать ни къ какимъ работамъ до возвращенія пословъ въ Избу».

Канцлеръ Сулковскій, подканцлеръ Пляттеръ и сеймовый маршалъ отправились къ русскому посланнику.

«Нѣкоторые господа, — сказалъ Гродзицкій, краковскій посолъ, — и въ томъ числѣ сенаторъ, коронный маршалъ Мошинскій, притворяются больными и не приходятъ въ засѣданія, какъ только здѣсь приходится разсуждать о какихъ-нибудь непріятныхъ дѣлахъ, а другіе обязаны приходить сюда всегда и подвергаться многому, что тяготитъ ихъ совѣсть».

На эти замѣчанія увѣряли, что Мошинскій нездоровъ.

Послѣ того на цѣлый часъ воцарилось глубокое молчаніе, прерываемое шагами русскихъ адъютантовъ, которые черезъ каж-

дую четверть часа входили въ залу и получали тихія приказанія отъ Раутенфельда.

Посланные отъ сейма къ Сиверсу застали у него Бухгольца и адъютанта Меллендорфа. Онъ въ это время просилъ пруссаковъ удержаться отъ военныхъ дѣйствій.

Канцлеръ разсказалъ ему въ чемъ дѣло.

«Я не стану съ вами говорить, сказалъ сурово Сиверсъ, — отъ кого вы пришли? Не отъ сейма, когда засѣданія нѣтъ, а отъ вашего неправильнаго сборища. У васъ есть двѣ мои ноты. Съ нихъ надобно начинать засѣданіе. Онѣ получены и не прочтены. На нихъ не обращено вниманія. Это обида мнѣ. Я беру на себя трудъ написать вамъ отвѣтъ на бумагѣ, и вотъ онъ.»

Сиверсъ сѣлъ и написалъ слѣдующую ноту:

«На требованіе гг. канцлеровъ и сеймоваго маршалка, присланныхъ отъ членовъ сейма съ цѣлію просьбы объ освобожденіи четырехъ особъ, арестованныхъ пословъ, нижеподписавшійся не колеблется отвѣчать этимъ господамъ: пусть они донесутъ чинамъ, что такой новый образъ поведенія есть новое оскорбленіе союзнымъ дворамъ,—не позволять открытія засѣданія, когда на очереди должны читаться двѣ ноты, присланныя отъ нижеподписавшагося, одна въ отвѣтъ на ноту, поданную гг. канцлерами, другая объясняющая побужденія, которыя принудили нижеподписавшагося арестовать четырехъ пословъ какъ четырехъ подстрекателей, и удалить ихъ изъ Гродно, откуда они уже и поѣхали въ свои повѣты. Законы, на которые ссылаются, очень извѣстны нижеподписавшемуся; онъ уже состарѣлся, уважая законъ, и другимъ приказывая уважать его. Онъ не хочетъ ставить на видъ Польшѣ, какъ мало въ ней уважались законы, но ему приходится напомнить первый законъ—уваженія къ властямъ, законъ, непризнаваемый якобинскими правилами 3-го мая. Затѣмъ, нижеподписавшійся рекомендуетъ наияснѣйшимъ чинамъ прочитать вышеупомянутыя двѣ ноты, съ полнѣйшимъ увѣреніемъ въ томъ, что никакой перемѣны не можетъ произойти въ томъ, что въ нихъ содержится».

Въ присутствіи делегаціи Сиверсъ подписалъ паспорты четыремъ арестованнымъ посламъ и назначилъ деньги на издержки для слѣдованія ихъ на мѣста жительства.

Эта нота была прочитана. Раздались крики негодованія между патріотами. Маршалъ спросилъ: «слѣдуетъ ли читать ноты, присланныя посланникомъ, которыя онъ теперь требуетъ прочитать?»

«Сейма нѣтъ! Засѣданіе невозможно подъ оружіемъ!» кричали патріоты.

Выступилъ Гославскій. Онъ держалъ надъ головою листъ, на которомъ былъ написанъ законъ 6-го іюля, запрещающій сеймовыя засѣданія, въ случаѣ насилія надъ послами.

«Сеймовать нельзя болѣе, восклицалъ онъ. Послы арестованы; Изба окружена москалями. Законъ, нами самими написанный, не дозволяетъ вести совѣщанія въ такихъ обстоятельствахъ. Выйдемъ лучше изъ Избы, если мы должны въ ней причинять несчастія отечеству; покажемъ передъ цѣлою Европою, что можемъ быть угнетены, но не будемъ подлецами. Будьте послушны закону, окажите эту честь отечеству».

Это было черезъ-чуръ рѣшительно. Собраніе молчало. Гославскій ушелъ изъ Избы. Никто не послѣдовалъ его примѣру. Раутенфельдъ велѣлъ пропустить его. Для русскаго посланника его выходъ былъ очень полезнымъ дѣломъ.

Тогда Раутенфельдъ обратился къ королю и просилъ открыть засѣданіе.

«Я не могу заставить ихъ говорить», сказалъ король.

Началъ говорить Міончинскій, и чтобы его не прервали въ началѣ, началъ превозносить мужество патріотовъ, а потомъ съѣхалъ на невозможность противиться силѣ, и совѣтовалъ прочесть ноты, присланныя Сиверсомъ. «По крайней мѣрѣ сдѣлаемъ это для того только, чтобы посланникъ не имѣлъ повода жаловаться на непочтеніе къ нему», — говорилъ онъ.

«Нѣтъ нужды, сказалъ Залусскій, коронный надворный подскарбій, соблюдать формальности открытія засѣданія. Ноты могутъ быть прочитаны и не въ засѣданіи, какъ и та, которая у насъ была сейчасъ прочтена».

«Пусть — говорилъ новогродскій посолъ Войниловичъ — эти ноты будутъ прочитаны не секретаремъ, а кѣмъ-нибудь инымъ, чтобы не походило, что у насъ открыто засѣданіе.

Много голосовъ разомъ одобряло это. Маршалъ приказалъ прочесть первую ноту, но черезъ секретаря. Чтеніе прошло спокойно, но при нотѣ приложенъ былъ проектъ трактата. Едва-было секретарь хотѣлъ читать и эту бумагу и уже началъ-было: «Мы, король»,—поднялась страшная буря.

«Это невозможно, говорилъ Кимборъ; какъ можно читать проектъ, который навязываетъ намъ чужого государства посланникъ».

«Нѣтъ засѣданія», кричали другіе. «Нельзя читать никакого проекта».

«Проектъ, говорили третьи, не можетъ быть поданъ лицомъ,

непринадлежащимъ къ посольскому кругу, тѣмъ болѣе чужестраннымъ посланникомъ».

«Такъ, мы не можемъ открыть засѣданія, — сказалъ Анквичъ, —законъ намъ этого не позволяетъ, пока не будутъ возвращены арестованные послы; но надобно прочитать другую ноту, въ которой посланникъ объясняетъ поводы, побудившіе его къ этому шагу, а чтобы не дать права обвинять насъ со стороны посланника, слѣдуетъ прочесть и другую его ноту».

Другая нота была прочитана.

Нѣкоторые, начиная съ Кимбора, стали разсуждать о несправедливости ареста.

«Я предлагаю, сказалъ король, еще разъ послать гг. канцлеровъ къ посланнику. Извольте, господа, назначить изъ своей среды такихъ, которые бы съ ними отправились и представили посланнику, что по прочтеніи нотъ чины должны исполнить законъ, недозволяющій имъ держать засѣданія, пока не будутъ возвращены арестованные ихъ товарищи».

«Только никакъ не приступать ни къ чему до ихъ возвращенія», подтвердилъ Олдаковскій.

«Да, да» повторили многіе голоса.

«Задержка пословъ касается всѣхъ насъ, сказалъ Гродзицкій (краковскій); прошу ваше величество, чтобы посылаемая делегація представила г. посланнику, пусть онъ или уволитъ ихъ, или всѣхъ насъ прикажетъ засадить»!

Выбрали Гродзицкаго, вышегродскаго посла Богуцкаго и упитскаго Кимбора. Нѣкоторые при этомъ стали просить, чтобы высланъ былъ еще и отъ сената Суходольскій. Онъ отговаривался тѣмъ, что не имѣетъ никакихъ заслугъ у посланника, и просилъ назначить кого-нибудь иного, но многіе послы убѣждали его, и Суходольскій согласился.

Сиверсъ этой депутаціи отвѣчалъ: «если бы въ эту минуту пріѣхалъ ко мнѣ курьеръ отъ ея императорскаго величества, и привезъ повелѣніе выпустить этихъ пословъ, я принужденъ бы былъ не исполнить высочайшее повелѣніе, а представить прежде государынѣ о большомъ вредѣ, какой произойдетъ, если эти послы будутъ здѣсь оставаться. Я сейчасъ велю ихъ отправить. Еще разъ объявляю вамъ, что войска не удалятся до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ проектъ, присланный при моей нотѣ сейму, и не обратится въ законъ».

«А въ случаѣ, сказали делегаты, если большинство голосовъ отвергнетъ его»?

«Я далъ уже приказаніе на этотъ случай г. Раутенфельду, и онъ поступитъ указаннымъ ему способомъ».

По уходѣ делегаціи къ Сиверсу, въ сеймовой Избѣ соблюдалось гробовое молчаніе. Въ 12 часовъ воротились делегаты и объявили отвѣтъ Сиверса. На всѣхъ пословъ нашелъ нѣкотораго рода столбнякъ. Съ четверть часа никто не открылъ рта. Наконецъ Міончинскій прервалъ молчаніе и пожаловавшись, какъ водится, на судьбу, окончилъ предложеніемъ открыть засѣданіе и читать проектъ, присланный Сиверсомъ. За нимъ тоже повторило множество пословъ, и секретарь держалъ уже въ рукахъ проектъ. Вдругъ очнулись изъ своего оцѣпенѣнія патріоты Кимборъ, Янковскій, Цемневскій, Олдаковскій, Шидловскій, братъ арестованнаго. Опять посыпались патріотическія похвалки, порывы мужества, проклятія насильникамъ и измѣнникамъ. Но крики ихъ уже не дѣйствовали на громаду пословъ. Раутенфельдъ, который самъ съѣздилъ къ Сиверсу, возвратившись, объявилъ громко, что всѣ члены сейма будутъ оставаться на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не рѣшится дѣло, иначе онъ имѣетъ предписаніе употребить тотчасъ суровыя мѣры. «И самъ его величество король, сказалъ онъ маршалу, не можетъ двинуться съ своего трона, и гг. сенаторы будутъ спать въ этой Избѣ, на соломѣ, если имъ угодно, но не выйдутъ отсюда, пока не удовлетворятъ требованій посланника». Испуганная такими угрозами представителя императрицы Екатерины и звукомъ оружія, посольская громада была уже готова ко всему; оставался небольшой кружокъ патріотовъ. Анквичъ громко спрашивалъ: «г. сеймовый маршалъ, открыто ли у насъ засѣданіе или нѣтъ?»

«Открыто, открыто!» раздается множество голосовъ. «Читайте проектъ, г. секретарь».

Но едва секретарь проговорилъ: «мы, король»,—какъ усиливаются крики и проклятія. «Засѣданіе не открыто! Засѣданіе не можетъ быть открыто!» провозглашаютъ патріоты.

«Не открывать засѣданія — сказалъ Міончинскій—и не читать проекта напрасно; это не можетъ принести ничего хорошаго. Посланникъ исполнитъ свою угрозу. Пусть бывшіе у него повторятъ, какъ онъ выразился, и чего можно опасаться отъ него».

Богуцкій, человѣкъ уклончиваго свойства, выразился неясно. «Я ничего не могу прибавить къ тому, что сеймъ уже слышалъ. Угрозы посланника есть дѣло его силы, а то, что я здѣсь исполняю, есть голосъ права и убѣжденія».

Видно было, что Богуцкій хотѣлъ угодить и тѣмъ и другимъ. Но Кимборъ былъ прямодушнѣе его.

«Пусть—сказалъ онъ—меня держатъ въ этой Избѣ подъ замкомъ сколько угодно, я не нарушу закона. Склониться на предложенное желаніе можетъ только тотъ, для кого собственныя выгоды

выше отечества. Засѣданіе не открыто, и не можетъ быть открыто. Я не позволяю».

«Это упорство можетъ повести къ несказанной бѣдѣ», говоритъ Залусскій, и за нимъ то же повторяетъ Міончинскій и другіе.

«Г. маршалъ—раздались голоса—извольте громко объявить, что засѣданіе открыто, и читайте проектъ!»

«Вотъ что надобно читать», говорилъ Цемневскій, и началъ громогласно читать законъ 6-го іюля, недозволяющій открывать засѣданія въ случаѣ насилія. «Г. маршалъ, говорилъ онъ, обращаясь къ Билинскому, я васъ позову къ суду, если вы осмѣлитесь объявить, что засѣданіе открыто».

«Засѣданіе не открыто, а проектъ пусть прочтется», говорили нѣкоторые.

«Читайте проектъ»! сказалъ секретарю маршалъ.

Секретарь опять взялся за проектъ, и только успѣлъ проговорить: «мы, король»,—какъ опять крики, угрозы, проклятія не дозволили ему читать.

«Въ такомъ трудномъ положеніи—пусть сенатъ дастъ намъ совѣтъ и рѣшеніе», сказалъ Міончинскій, надѣясь, что еслибы такъ сдѣлалось, то ему удалось бы провести проектъ.

«Къ чему отдаваться на волю сената,—сказалъ Шидловскій (цѣхановскій), законъ ясенъ. Не позволю отдаваться на совѣтъ сенатскій».

Нѣсколько разъ маршалъ приказывалъ секретарю прочитать проектъ, но патріоты не допускали. Раутенфельдъ нѣсколько разъ подходилъ къ маршалу и говорилъ, что если еще будутъ испытывать его терпѣніе, то онъ прибѣгнетъ къ тѣмъ суровымъ мѣрамъ, которыя ему предписаны. Но въ чемъ состоятъ эти мѣры, онъ не говорилъ, и самъ, быть можетъ, ясно не сознавалъ ихъ.

Наконецъ, сендомирскій посолъ Блешинскій, тоже патріотъ, но характера мягкаго, сказалъ:

«Я съ своими товарищами держался до сихъ поръ того мнѣнія, что засѣданіе не можетъ быть открыто, но теперь уже такъ поздно; не вижу никакихъ средствъ кончить споръ, а между тѣмъ надобно обратить вниманіе и на здоровье его величества. Я бы согласился на открытіе засѣданія, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы тотчасъ же рѣшили: можемъ ли мы продолжать сеймовую дѣятельность, пока не возвратятся арестованные послы? Надѣюсь, что законъ, существующій для такихъ обстоятельствъ, возьметъ верхъ, а я всегда за него».

«Изба въ страдательномъ положеніи,—сказалъ сендомирскій

посолъ Рачинскій, — «на кого ни обращу взоры, на сенатъ, на короля, на все собраніе пословъ,—вижу невольниковъ. Дѣятельное лицо здѣсь одинъ г. Раутенфельдъ, россійскій генералъ. Я припоминаю славный примѣръ Августа II, когда, принужденный оружіемъ Карла XI, онъ долженъ былъ подписать договоръ, который поправило время. И мы, щадя здоровье его величества, изрекши, что ничего не можемъ дѣлать и по закону Изба остается въ страдательномъ положеніи, приблизимъ дѣло къ концу такимъ образомъ: запишемъ торжественно въ книгахъ свидѣтельство утѣсненія нашего, составимъ декларацію о насиліи надъ нами, и не приступимъ ни къ какой формальности, ни къ баллотировкѣ, ни къ единогласію, но по прочтеніи его вашему королевскому величеству примемъ его глухимъ молчаніемъ».

«Я долго молчалъ, сказалъ Анквичъ, и думалъ, что твердость пословъ отвратитъ несчастіе отъ отечества; за проектъ говорить не чувствовалъ себя способнымъ; теперь же вижу ясно, что ничто насъ не освободитъ отъ принятія проекта. Проектъ деклараціи отъ сейма можетъ быть принятъ, какъ надѣюсь, единогласно, а на проектъ раздѣла—пусть всѣ отвѣчаютъ полнѣйшимъ и всеобщимъ молчаніемъ».

Эта хитрая выдумка понравилась очень многимъ. Послѣ Анквича сталъ говорить Коссаковскій и утѣшалъ сеймъ тѣмъ, что добавки относительно торговаго трактата въ сущности не принесутъ большихъ выгодъ жителямъ. «У насъ въ Литвѣ еще и не было постановлено никакихъ таможенныхъ пошлинъ со стороны Пруссіи, а всѣ жители нашей провинціи, торгующіе съ Кролевцемъ, терпятъ тамъ отъ пошлинъ большое разореніе. Такъ что же значитъ, когда на бумагѣ напишется что-нибудь хорошее, если его на дѣлѣ не будетъ? Напротивъ, если мы будемъ упрямиться и стоять за эти добавки, то черезъ то скорѣе можемъ навлечь стѣсненія на народъ».

Анквичъ прочиталъ свой проектъ, выразившій то, что онъ прежде изустно изложилъ.

«Согласна ли Изба», спрашивалъ маршалъ.

«Пусть лучше, сказалъ кто-то, конституціонная депутація составитъ декларацію и подпишетъ какъ декларацію, такъ и проектъ, присланный посланникомъ, безъ спросовъ и согласія».

«Это невозможно, сказалъ Анквичъ. Особы, принадлежащія къ депутаціи, и я въ томъ числѣ, не смѣютъ подписывать того, что не прошло на сеймѣ и не принято единогласіемъ или большинствомъ голосовъ; а какъ же узнать это безъ вопроса отъ маршалка о согласіи? Я не стану отвѣчать на вопросы, а какъ посолъ, подпишу, не будучи виновенъ; это дѣло насилія, по-

тому что я, по своей присягѣ, долженъ подписать то, на что не слыхалъ оппозиціи».

«Это единственный способъ выйти изъ затруднительнаго положенія», сказали нѣкоторые, и вскорѣ мысль эта стала господствующею.

«Мы считаемъ, что, по причинѣ окружающаго насъ войска, сеймъ не открывается и голосованія быть не можетъ; молчаніе самый лучшій исходъ, когда не позволяютъ высказывать своихъ убѣжденій».

И вся Изба замолчала. Раутенфельдъ глядѣлъ, вставалъ, прохаживался, опять садился и, наконецъ, подошелъ къ трону и сказалъ:

«Ваше величество, прикажите читать проектъ».

Король исполнилъ его желаніе. Но едва секретарь взялъ проектъ, нетерпѣливые патріоты опять стали кричать.

Раутенфельдъ громко объявилъ, что если не замолчатъ и не дадутъ прочесть проекта, то онъ приметъ предписанныя ему мѣры.

Все замолчало, доказавъ, что если прежде не прекращались крики, то не отъ того, чтобы трудно было найти средство ихъ прекратить.

Секретарь прочиталъ проектъ, присланный съ нотою русскимъ посланникомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ составленъ еще въ концѣ августа, безъ послѣдовавшихъ потомъ добавокъ. Потомъ секретарь началъ читать декларацію, составленную Анквичемъ.

«2-го числа текущаго мѣсяца мы были окружены чужеземными войсками и угрожаемы вступленіемъ прусскихъ войскъ въ глубину земель Рѣчи-Посполитой, съ цѣлію разорить ихъ въ конецъ. Подъ гнетомъ насилія, мы, члены сейма, дали вынужденное позволеніе депутаціи подписать навязанный намъ трактатъ, допустивши въ этомъ актѣ съ нашей стороны выраженія такихъ желаній, на которыя насилующая насъ власть сама изъ состраданія къ намъ, казалось, соизволяла; но къ удивленію теперь мы узнали, что берлинскій дворъ видимо недоволенъ этимъ, что новое насиліе вводитъ въ Избу новый проектъ, и для его проведенія не только окружаетъ мѣсто нашихъ совѣщаній чужеземнымъ войскомъ, не только угрожаетъ посредствомъ нотъ, но беретъ изъ между насъ и увозитъ пословъ и нигдѣ не употребительнымъ образомъ держитъ въ неволѣ нашего короля, угнетеннаго лѣтами и ослабѣвшаго отъ многихъ скорбей, въ позднюю ночную пору, и всѣхъ насъ, членовъ сейма. Поставленные въ такое положеніе, мы объявляемъ, что не въ силахъ будучи даже

съ опасностію жизни избѣжать послѣдствій напряженнаго насилія, поручаемъ потомству, которое, можетъ быть, будетъ счастливѣе насъ, тѣ средства спасенія отечества, какихъ теперь нѣтъ у насъ, и принимаемъ, по принужденію, присланный посланникомъ россійскимъ въ Избу проектъ, противный нашимъ желаніямъ и нашимъ правамъ».

На это всѣ согласились. Тогда секретарь прочиталъ порученіе депутаціи, прежде назначенной для переговоровъ съ прусскимъ министромъ.

«Мы, король, вмѣстѣ съ чинами Рѣчи-Посполитой, собранными на конфедераціонный сеймъ, принимая во вниманіе положеніе нашей отчизны и желая избѣгнуть бѣдствій, которыми угрожаютъ намъ ноты, получаемыя отъ г. россійскаго посланника Сиверса и отъ г. прусскаго посланника Бухгольца, поручаемъ депутаціи, назначенной для переговоровъ съ послѣднимъ, немедленно подписать трактатъ съ его величествомъ королемъ прусскимъ, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ составленъ и условленъ за посредничествомъ великаго посла ея императорскаго величества императрицы всероссійской, и читанъ на сеймѣ, обязываясь ратификовать его именемъ нашимъ и всего собраннаго сейма черезъ шесть недѣль послѣ подписанія, или скорѣе, если это можно будетъ».

Ни одинъ голосъ не раздался по прочтеніи этихъ бумагъ. Члены сидѣли бездвижно какъ статуи. Время проходило. Былъ четвертый часъ на исходѣ.

Раутенфельдъ потерялъ терпѣніе. Онъ подошелъ къ трону и сказалъ королю:

«Ваше величество, прикажите начать разсмотрѣніе прочитанныхъ проектовъ.

«У меня, сказалъ король, нѣтъ власти заставить членовъ говорить, когда они молчатъ».

«Въ такомъ случаѣ, сказалъ Раутенфельдъ, мнѣ остается только прибѣгнуть къ тѣмъ мѣрамъ, какія мнѣ предписаны. Я долженъ ввести сюда гренадеровъ».

И онъ пошелъ къ дверямъ.

Увидя это, сеймовый маршалъ сказалъ:

«Соизволяетъ ли Изба на подписаніе трактата объ уступкѣ земель Пруссіи?»

— Нѣтъ! проговорило немного голосовъ съ тономъ отчаянія, какъ бы собирая послѣднія силы.

«Въ такомъ случаѣ я долженъ отдать дѣло на голоса».

Анквичъ вскочилъ съ своего кресла и сказалъ:

«Если вы, панъ маршалъ, отдадите проектъ на голосованіе, я возьму назадъ свою декларацію».

Участвовавшій въ депутаціи по проекту, этотъ господинъ долженъ былъ бы дать отрицательный голосъ, сообразно высказанному убѣжденію, но тогда трудно было ему выпутаться отъ гнѣва той стороны, отъ которой получалъ жалованье. И другимъ тоже хотѣлось угодить сильнымъ и похвастаться гражданскою честностію.

Маршалъ сказалъ:

«Если теперь я услышу оппозицію, то долженъ буду отдать дѣло голосованію».

Онъ перемѣнилъ форму вопроса и поставилъ его такъ:

«Согласна ли сеймовая Изба на то, чтобы депутація подписала прусскій трактатъ, присланный на сеймъ русскимъ посланникомъ?»

Все молчало.

Маршалъ повторилъ тотъ же вопросъ.

Изба молчала.

Маршалъ въ третій разъ спросилъ тѣми же словами.

Никто не отвѣчалъ.

«Молчаніе—знакъ согласія», сказалъ маршалъ. «Проектъ принятъ единогласно».

Всѣ встали молча, и выходили изъ залы, отирая слезы. На башнѣ ударило четыре часа; въ монастыряхъ раздавался звонъ, зовущій благочестивыхъ къ утренѣ, и напоминавшій о суетѣ всего мірского, и вмѣстѣ съ тѣмъ о суетѣ пропадавшей такъ безславно Рѣчи-Посполитой.

Сиверсъ, прочитавъ декларацію и сообщая ее своему правительству, замѣтилъ, что она рѣзка, но что онъ не могъ ее преслѣдовать. «Надобно же, выразился онъ, позволить несчастнымъ поплакать».

Прусскій трактатъ былъ подписанъ депутаціею и окончательно ратификованъ 10-го октября.

Статьи его были таковы:

1. Съ этихъ поръ будетъ искренняя и постоянная дружба между его величествомъ королемъ прусскимъ, его наслѣдниками и преемниками и всѣмъ его государствомъ съ одной стороны, и его королевскимъ величествомъ польскимъ королемъ и великимъ княземъ литовскимъ и его преемниками и королевствомъ польскимъ и великимъ княжествомъ литовскимъ съ другой, съ тѣмъ, что обѣ договаривающіяся стороны будутъ оказывать бдительность къ поддержанію между собою добраго согласія и взаимныхъ сношеній, избѣгая всего того, что могло бы нарушить спокойствіе и благоденствіе обоихъ государствъ.

2. Для прочнаго утвержденія счастливой системы единенія и дружбы на болѣе твердыхъ основахъ, признано умѣстнымъ и потребнымъ означить и устано-

вить границы, которыя впредь на вѣчныя времена будутъ отдѣлять земли его королевскаго величества прусскаго короля и польскаго королевства. Почему его величество польскій король, за себя и за своихъ преемниковъ, а равно и чины польскаго королевства и великаго княжества литовскаго, уступаютъ настоящимъ трактатомъ на вѣчныя времена, безъ востребованія, безъ возврата, безъ всякаго какого-либо исключенія его величеству прусскому королю, его наслѣдникамъ и потомкамъ обоего пола, воеводства, города и повѣты, занятые его величествомъ прусскимъ королемъ въ свое владѣніе послѣ своего патента отъ 25-го марта текущаго года, означаемые настоящимъ трактатомъ, посредствомъ проведенной черты, начиная отъ Силезской границы за милю ниже Ченстохова и слѣдуя вправо до Пилицы, немного выше Конецполя, сообразно тому, какъ было занято, до впаденія рѣки Бялой, текущей отъ Лелова, идя далѣе вдоль Пилицы до Гротовицъ, а оттуда прямою линіею на Сохачевъ, оставляя влѣво Раву, на нѣмецкую полумилю и слѣдуя на милю за городъ Раву, а оттуда прямымъ угломъ до малой рѣки Скерневки, иначе называемой Ежовка, до того мѣста, гдѣ эта рѣчка соединяется съ Бзурой, потомъ по теченію этой рѣки къ Вислѣ, противъ Вышегрода, а отъ этого послѣдняго города прямою линіею до Дзялдова, такъ, чтобъ правый берегъ рѣкъ Пилицы, Скерневки (иначе Ежовки) и Бзуры оставался за Польшею, а лѣвый за прусскимъ государствомъ, съ оставленіемъ свободнаго плаванія подданнымъ обоихъ государствъ, и съ возбраненіемъ обѣимъ сторонамъ предпринимать такого рода работы, которыя бы могли измѣнить теченіе означенныхъ рѣкъ; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ демаркаціонная коммиссія найдетъ граничные знаки поставленные не въ томъ порядкѣ, она прикажетъ перенести ихъ сообразно означеннымъ границамъ. Кромѣ того, его величество польскій король и Рѣчь-Посполитая уступаютъ прусскому королю города Гданскъ и Торнъ съ ихъ территоріями. Его величество король польскій и чины короны польской и великаго княжества литовскаго уступаютъ его величеству прусскому королю и его наслѣдникамъ и преемникамъ всѣ вышеименованныя земли съ правомъ собственности, верховной власти и независимости, со всѣми городами, крѣпостями мѣстечками, деревнями, берегами, гаванями, рѣками, со всѣми подданными и обитателями, увольняя ихъ отъ долга вѣрности и присяги, данной польскому королю и польской коронѣ, со всѣми правами, касающимися политическихъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, словомъ со всѣмъ тѣмъ, что принадлежало къ верховной власти, и обязываются точнѣйшимъ и торжественнѣйшимъ образомъ не составлять ни прямымъ, ни косвеннымъ, ни подъ какимъ предлогомъ, никакихъ притязаній на края и повѣты, уступленные настоящимъ трактатомъ. Обѣ договаривающіяся стороны обязываются назначить немедленно коммиссаровъ съ той и другой стороны для составленія демаркаціи нынѣшнихъ границъ между Пруссіею и Польшею съ возможною точностью, а равно для полюбовнаго разрѣшенія споровъ, ссоръ и тяжбъ, могущихъ возникнуть по этому поводу между подданными того и другого государства. Подобные коммиссары будутъ назначаться и на будущее время, каждый разъ, какъ возникнутъ какіе-нибудь споры какъ относительно самыхъ границъ, такъ и по поводу законовъ о границахъ.

3. Взамѣнъ уступокъ, сдѣланныхъ его величествомъ королемъ польскимъ и Рѣчью-Посполитою по настоящему трактату, его величество прусскій король отрекается положительно за себя и за своихъ преемниковъ обоего пола отъ всякихъ претензій, какія могли бы возникнуть прямо или косвенно и подъ какимъ бы то ни было наименованіемъ, предлогомъ и условіемъ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ или случаяхъ, на какую бы то ни было провинцію или на малѣйшую часть той земли, которою владѣетъ король польскій. Его величество прусскій король отрекается равнымъ образомъ отъ правъ своихъ на вла-

дѣніе Сереею и Таурогеномъ съ ихъ принадлежностями, лежащими въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Сверхъ того онъ обязывается поддерживать Польшу въ состояніи ея настоящихъ владѣній и гарантируетъ настоящею статьею, точнѣйшимъ и обязательнѣйшимъ способомъ, цѣлость и верховную власть надъ вышеозначенными существующими владѣніями, со всѣми вытекающими изъ того правами.

4. Равнымъ образомъ его величество польскій король за себя и за своихъ преемниковъ и чины королевства польскаго и великаго княжества литовскаго отрекаются на вѣчныя времена торжественнѣйшимъ образомъ отъ всѣхъ правъ и притязаній какого бы то ни было рода и наименованія, вытекающихъ подъ какими бы то ни было предлогами и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ на провинціи, земли и повѣты съ ихъ принадлежностями, уступленные 2-ю статьею нынѣшняго договора, а равно его величество король и польская Рѣчь-Посполитая гарантируютъ его величеству прусскому королю и его потомкамъ не только провинціи, уступленныя нынѣшнимъ договоромъ, но и тѣ, которыя прежде уступлены Пруссіи, по варшавскому трактату 18-го сентября 1775 года.

5. Послѣдователи римско-католической вѣры наравнѣ съ тѣми ихъ единовѣрцами, которые прежде поступили подъ прусское владычество, будутъ пользоваться во всѣхъ краяхъ, уступленныхъ настоящимъ трактатомъ, всякими своими правами и имуществами въ гражданскомъ отношеніи, а въ церковномъ будетъ предоставляться имъ свобода отправленія религіозныхъ обрядовъ и церковной дисциплины, съ сохраненіемъ всѣхъ постановленій и церковныхъ имуществъ въ томъ видѣ, въ какомъ они владѣли до этого времени. Его королевское величество обѣщаетъ за себя и за всѣхъ преемниковъ, что никогда не захочетъ употреблять монархическихъ правъ къ ущербу настоящаго состоянія римско-католической религіи, въ краѣ, поступившемъ въ его владѣніе. Что касается до костеловъ и благочестивыхъ учрежденій, которые, будучи помѣщены въ одномъ государствѣ, имѣли бы часть фондовъ въ другомъ, то высокія договаривающіяся стороны уступаютъ ихъ взаимно со всѣми правами, какъ духовными, такъ и свѣтскими, съ сохраненіемъ для себя свободнаго распоряженія ими, такъ однако, чтобы вышеименованные фонды не измѣняли своего существа и не могли быть употреблены ни на что, кромѣ на взаимную поправку тѣхъ костеловъ и братствъ, которые бы подверглись ущербу при настоящемъ устройствѣ дѣлъ, съ обязанностію назначить особою статьею срокъ, до котораго пользованіе доходами оныхъ костеловъ и братствъ въ обоихъ государствахъ можетъ продолжаться по силѣ настоящаго положенія, безъ ущерба праву пожизненнаго владѣнія нынѣшнихъ поссесоровъ и ихъ коадъюторовъ, исключая однако фондовъ познанскаго епископства, оставшихся и въ Польшѣ, которые тотчасъ переходятъ въ управленіе Рѣчи-Посполитой, для установленія изъ ихъ доходовъ содержанія для новаго варшавскаго епископства.

6. Его величество прусскій король, желая содѣйствовать спокойствію Рѣчи-Посполитой, сколько отъ него можетъ зависѣть, согласенъ, если народъ пригласитъ его участвовать въ гарантированіи тѣхъ учрежденій, которыя будутъ установлены чрезвычайнымъ гродненскимъ сеймомъ.

7. Всѣ особыя конвенціи, какія впослѣдствіи могутъ быть заключены, какъ по отношенію къ торговлѣ обоихъ народовъ, такъ и по другимъ какимъ-либо отдѣльнымъ предметамъ, будутъ имѣть равную силу и вѣсъ, какъ онѣ были вписаны слово въ слово въ нынѣшній трактатъ; установляя новыя торговыя правила, обѣ высокія договаривающіяся стороны обязываются принимать за основаніе взаимную уплату по 2% съ привоза, вывоза и транзита, а равно ру-

ководствоваться началами умѣренности при составленіи тарифа посредствомъ коммиссіи, долженствующей быть установленной съ обѣихъ сторонъ немедленно. Его величество прусскій король и Рѣчь-Посполитая сохраняютъ за собой свободу пригласить къ посредничеству ея императорское величество императрицу всероссійскую во всѣхъ затрудненіяхъ, которыя бы въ продолженіе переговоровъ о торговомъ трактатѣ могли возникнуть.

8. Обѣ высокія договаривающіяся стороны согласились еще на возобновленіе и подтвержденіе въ точнѣйшей формѣ трактата, заключеннаго между ними въ Варшавѣ, 18-го сентября 1773 года, во всемъ томъ, что не противорѣчитъ содержанію и постановленіямъ настоящаго трактата, дабы содержаніе особыхъ статей трактата 1773 года не произвело ни въ чемъ препятствій условіямъ, заключающимся въ особыхъ статьяхъ настоящаго.

9. Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ его величествомъ прусскимъ королемъ съ одной стороны и его величествомъ королемъ польскимъ и Рѣчью-Посполитою съ другой, въ продолженіи шести недѣль, начиная отъ дня подписанія, или того скорѣе, если возможно, и текстъ будетъ внесенъ въ конституцію настоящаго сейма. Обѣ высокія договаривающіяся стороны обязываются просить у ея императорскаго величества россійской императрицы гарантіи настоящаго трактата.

Пруссія пріобрѣла пространство въ 1.000 кв. миль съ народонаселеніемъ около милліона душъ.

VII.

Послѣднія работы сейма.—Союзный трактатъ съ Россіею.—Неудовольствіе Екатерины II. — Возвращеніе короля въ Варшаву, и новый характеръ его власти.

Со времени знаменитой ночи съ 23-го на 24-е сентября, сеймъ, продолжавшійся до 9-го октября, уже не представлялъ настолько важности, чтобы стоило слѣдить за ходомъ его въ подробности. Работы его были обращены на внутреннія дѣла. Опредѣлено регулярное жалованье королю въ мѣсяцъ изъ Короны 156,250 зл. и изъ Литвы 93,750. До этого времени король получалъ 150,000 въ мѣсяцъ, что было для него недостаточно. Учреждена была коммиссія погашенія государственныхъ долговъ, коммиссія для приведенія въ порядокъ долговъ короля и королевскихъ экономій, служившихъ гарантіею въ уплатѣ долговъ; коммиссія для изданія гражданскихъ и уголовныхъ законовъ; коммиссія для разграниченія съ Россіей и Пруссіей, вслѣдствіе новаго раздѣла; предписано было всѣмъ французамъ, живущимъ въ Польшѣ, принести присягу на вѣрность сыну казненнаго короля своего, Людовику XVII. Установленъ заемъ въ 10.000.000 зл. и сверхъ того 2.000.000 на уплату процентовъ. Долгъ Рѣчи-Посполитой оказался простиравшимся до 34 милліоновъ. Императрица взяла на себя уплату 300,000 червонцевъ. Составленъ

бюджетъ на будущее время; по немъ указано всего дохода, въ Коронѣ 11.080.681 въ Литвѣ 6.490.458, а расхода въ Коронѣ 5.471.162, а въ Литвѣ 2.961.968, изъ чего оказывалось, что оставалось еще въ казнѣ въ Коронѣ 5.609.519, а въ Литвѣ 3.528.489 зл.

Дѣломъ первой важности была реформа войска; такъ какъ границы Рѣчи-Посполитой съузились, то очевидно, что и число войска должно было сократиться: этого требовалъ и недостатокъ финансовъ, а болѣе всего къ этому побуждала Россія: она не позволила бы Польшѣ имѣть слишкомъ большое войско. Посолъ Лобаржевскій 2-го октября подалъ проектъ о *редукціи* войска, предложивъ, чтобы оно простиралось не болѣе 15,000, и не менѣе 12,000 человѣкъ. Споръ шелъ нѣсколько дней о способахъ редукціи. Наконецъ, 7-го октября, проектъ Лобаржевскаго былъ принятъ большинствомъ 46 противъ 19 голосовъ; въ немъ было сказано, что военные чины, остающіеся за штатомъ, будутъ награждены, сообразно заслугамъ.

Установлено и сокращено производство жалованья должностнымъ лицамъ, которые во многихъ случаяхъ не получали ничего со времени безпорядковъ, произведенныхъ въ государствѣ тарговицкою конфедераціею. Были отмѣнены несправедливыя санциты тарговицкой конфедераціи. Возстановленію правосудія мѣшало то, что нѣкоторыя санциты касались членовъ сейма; такимъ образомъ, Міончинскій, по претензіи на обанкротившагося банкира Шульца, получилъ санциту на мѣстечко Радзивилловъ, но депутація, назначенная для пересмотра санцитъ, нашла это противозаконнымъ, и сеймъ приказалъ передать Радзивилловъ вмѣстѣ съ другими имѣніями Шульца въ конкурсъ, для удовлетворенія всѣхъ вообще заимодавцевъ, потерпѣвшихъ отъ банкротства Шульца. Замѣчательно, что Игельстромъ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ панею Залускою (на которой послѣ и женился), упрашивалъ униженнымъ образомъ Сиверса спасти санциту въ пользу Залуской, указывая на возможность удовлетворить претензіи съ имѣній ея мужа. Не видно, чтобы Игельстромъ получилъ отъ Сиверса удовлетвореніе въ покровительствѣ неправому дѣлу. Сиверсъ особенно настаивалъ на открытіи злоупотребленій, произведенныхъ конфедераціею и на возвращеніи въ государственный скарбъ захваченныхъ казенныхъ имуществъ, и между прочимъ понудилъ епископа Коссаковскаго уступить часть доходовъ управляемаго имъ краковскаго епископства на общественныя потребности.

7-го октября, принятъ былъ законъ объ уничтоженіи всѣхъ санцитъ, ограничивающихъ преимущества королевскаго досто-

инства. Во всемъ, что касалось конфедераціи, Сиверсъ показывался обличителемъ и этимъ раздражилъ противъ себя Коссаковскихъ и ихъ партію, ненавидѣвшихъ его сильно. Сама государыня не совсѣмъ была довольна преслѣдованіемъ конфедераціи. Въ одномъ изъ рескриптовъ своихъ, въ ноябрѣ, она говоритъ, что отнюдь не слѣдуетъ предавать противной партіи на преслѣдованіе вѣрныхъ императрицѣ людей, какими показали себя конфедераты. Она дозволяла уничтожить только тѣ санциты, которыя заключаютъ въ себѣ явныя несправедливости, оказанныя частнымъ лицамъ, но вообще приказывала покровительствовать актамъ конфедераціи и защищать тѣ выгоды, которыя пріобрѣли ея члены. Императрица понимала, что дѣло еще не кончено; за обладаніе Польшею придется еще побороться, и потому она считала нужнымъ не оставлять примѣра, чтобъ тѣ, которые служили императрицѣ, могли впослѣдствіи жаловаться и жалѣть объ этомъ.

Важнѣйшее дѣло сейма въ это время былъ союзъ съ Россіей. Онъ былъ предложенъ Анквичемъ, 28-го сентября, въ рѣчи, въ которой онъ доказывалъ, что нынѣшній союзъ съ Россіею— единственное спасеніе, и только на покровительство сильной сосѣдней державы можетъ опереться въ будущемъ Рѣчь-Посполитая.

Прусскій министръ поглядѣлъ на это съ завистью, и началъ разсѣевать между членами деньги, подъ предлогомъ, будто это благодарность за трактатъ, но въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы набрать голосовъ не допускать союзъ съ Россіею. Онъ былъ очень скупъ до того времени, когда дѣло шло о насильственномъ присоединеніи польскихъ земель къ Пруссіи, то надѣялся, что угрозы русскаго оружія замѣнятъ для него трату денегъ; теперь же, чтобы помѣшать успѣхамъ Россіи, кошелекъ его открылся. Тѣ самые поляки, которые прежде поднимали голову высоко и кричали противъ Пруссіи, надѣясь на Сиверса, теперь унижались передъ Бухгольцемъ до низости. «Всегда была и теперь остается все та же презрѣнная нація»! замѣчалъ по этому поводу прусскій посланникъ.

Но старанія его остались напрасны. Ему осталось въ утѣшеніе только то, что было нѣсколько голосовъ, говорившихъ противъ трактата; 16-го октября проектъ трактата былъ принятъ единогласно. Маршалъ показывалъ видъ, будто не слышитъ противниковъ, и партизаны Россіи такъ усердно кричали, что противникамъ нельзя было дать себя замѣтить. Сиверсъ, видѣвшій это, стоялъ на галлереѣ въ числѣ арбитровъ, вмѣстѣ съ Валеріаномъ Зубовымъ. Только на слѣдующемъ засѣданіи Цемнев-

скій заявилъ, что сеймовый маршалъ нарушалъ законъ, объявивъ единогласіе, когда его на дѣлѣ не было, и не пустивъ на голоса проекта, а Кимборъ говорилъ: «Польша сдѣлалась теперь провинціею Россіи. Гораздо лучше было бы намъ прежде присоединиться къ Россіи совсѣмъ; мы были бы тогда цѣлѣе и счастливѣе». Маршалъ увѣрялъ, что онъ не слыхалъ оппозиціонныхъ голосовъ; самъ Анквичъ увѣрялъ въ томъ же. Тогда король сказалъ: «Уже союзный трактатъ подписанъ и толковать объ немъ теперь напрасно, иначе Россія будетъ недовольна. Лучше заняться важнымъ дѣломъ реформы правительства». Только глухимъ ропотомъ и окончилась оппозиція. Вдругъ воцарилась видимая дружба между посланниками и поляками. Казалось, забыто было все прошлое. Король обнималъ Сиверса и говорилъ: «Слава Богу, мы теперь друзья. Теперь только мы просимъ ея величество уменьшить число ея войска, которое тяготѣетъ надъ Литвою, гдѣ уже начинается голодъ». — «Я напишу Игельстрому, — сказалъ Сиверсъ — и приказаніе не замедлитъ». Поляки безпрестанно жаловались, что за фуражъ и провіантъ русскому войску ничего не заплачено. Русскіе увѣряли, что за все было правильно уплачиваемо, а осталось недоплаченнымъ только то, на что не представлены счеты.

Эти жалобы на отягощеніе крестьянъ не мѣшали, однако, полякамъ веселиться въ Гроднѣ, по поводу союзнаго трактата. Обѣдъ слѣдовалъ за обѣдомъ, балъ за баломъ. Король, старый женолюбецъ, несмотря на свою скорбь о погибающей Рѣчи-Посполитой, предавался любви съ маркизою Люлли, находившеюся тогда въ Гродно, и въ угоду ей разсыпалъ послѣднія свои крохи на удовольствія. Во всемъ обществѣ, окружавшемъ эту высокую чету, господствовали утѣхи сладострастія и бѣшеная страсть къ забавамъ.

Сиверсъ, Зубовъ, давали обѣды и балы, Раутенфельдъ угощалъ въ клубѣ роскошнымъ обѣдомъ всѣхъ пословъ, которыхъ такъ недавно подчивалъ соломою на ночлегъ въ сеймовой залѣ. «Я танцовалъ на моемъ балѣ пять полонезовъ, — писалъ Сиверсъ дочери, — балъ для поляковъ первая необходимость. Я начинаю любить этотъ народъ, и онъ меня любить начинаетъ». Но любя поляковъ и короля, онъ, однако, все-таки не мирволилъ имъ, и когда король, обнимая и цѣлуя Сиверса, хотѣлъ испросить администрацію новоучрежденнаго варшавскаго епископства своему брату примасу, Сиверсъ отказалъ ему. Сиверсъ обѣщалъ уже это мѣсто холмскому епископу Скаржевскому.

Смыслъ союзнаго трактата съ Россіею былъ таковъ, что Польша дѣлалась уже вассальною страною Россіи, хотя и остав-

ляла за собою видимую самостоятельность. Обѣ державы заключили условіе помогать всѣми силами другъ другу въ случаѣ войны, съ тѣмъ, чтобы начальство надъ войскомъ было у той страны, которая имѣетъ болѣе войска, слѣдовательно всегда оставалось за Россіею. Подобное постановленіе состоялось подъ тѣмъ предлогомъ, что на Россію, какъ на страну сильнѣйшую, падаетъ вся тягость въ случаѣ войны; но въ сущности это вело къ тому, что въ Польшѣ совсѣмъ не было самостоятельнаго войска, и оно все перешло бы подъ главную русскую команду. Россіи оставлялось преимущественное право заключать военные и политическіе договоры. Россіи предоставлялось право вводить въ Польшу свои войска и держать ихъ тамъ по надобности, ограничивъ самую Польшу опредѣленнымъ числомъ войска. Россія выговаривала себѣ право, въ случаѣ войны, требовать увеличенія войска, слѣдовательно, право по усмотрѣнію устроивать изъ поляковъ для себя военную силу. Польша лишалась права входить съ иностранными государствами въ какіе-либо союзы и сношенія безъ воли и согласія Россіи, и обязывалась не позволять себѣ ни малѣйшаго шага по отношенію къ иностраннымъ государствамъ, который бы могъ повести къ безпокойствамъ. Польскіе министры при иностранныхъ дворахъ должны сноситься съ русскими послами, и открывать имъ все, и хотя для вида тоже обѣщалось и со стороны русскихъ пословъ въ отношеніи къ польскимъ министрамъ, но такъ какъ преимущество силы было за Россіею, то само собою разумѣлось, что со стороны Польши дѣлалось это обязанностію, нарушеніе которой могло имѣть неблагопріятныя послѣдствія, тогда какъ въ подобномъ случаѣ нарушенія со стороны Россіи, Польша не имѣла возможности ничѣмъ подкрѣпить своихъ требованій, тѣмъ болѣе, что русскіе посланники при другихъ иностранныхъ дворахъ должны были тамъ, гдѣ не было посланниковъ Рѣчи-Посполитой, замѣнять ихъ; а такъ какъ сношенія съ иностранными державами могли производиться только съ позволенія Россіи, то Россія всегда могла не дозволить въ томъ или другомъ мѣстѣ имѣть особыхъ посланниковъ, и могла замѣнить ихъ русскими. Императрица гарантировала кардинальныя права Польши, но эта гарантія не исключала возможности измѣненій, которыя окажутся необходимыми съ позволенія и желанія Россіи, безъ которой не позволялось приступать ни къ какимъ перемѣнамъ, такъ что, поэтому, Россія имѣла прямое и непосредственное вліяніе на сеймъ и все законодательство и управленіе Польши [1]).

---

[1]) Трактатъ союзный.

При заключеніи этого трактата, депутація, которой поручено было это дѣло, просила Сиверса о трехъ предметахъ: чтобы учреждено было въ Польшѣ православное епископство, дабы православные, которые тамъ остаются, не относились бы въ тотъ край, который отошелъ къ Россіи. Другая просьба состояла въ томъ, чтобы полякамъ позволено было получать товары черезъ Ригу, съ пониженіемъ пошлинъ. Третья просьба была о свободномъ выѣздѣ за границу владѣльцевъ, отошедшихъ къ Россіи. Екатерина отказала полякамъ во всѣхъ трехъ просьбахъ. О первой она выразилась, что православные въ Польшѣ издавна подчинялись кіевскому митрополиту, и только революціонный сеймъ хотѣлъ ихъ подчинить константинопольскому патріарху, съ цѣлью оторвать отъ непосредственной духовной связи съ Россіею. «Вмѣсто того, чтобы ослаблять мое вліяніе — писала Екатерина — нужно, чтобы оно расширялось и утверждалось. Относительно свободнаго выѣзда за границу владѣльцевъ (т.-е. въ Польшу, ибо такова была цѣль этой просьбы), слѣдуетъ укрѣплять ихъ въ моихъ владѣніяхъ, чтобы они тратили свои деньги внутри края».

Вообще государыня не была довольна самимъ трактатомъ, когда онъ былъ ей присланъ, за перемѣну нѣкоторыхъ фразъ, такъ какъ трактатъ былъ первоначально сочиненъ ею. По прочтеніи его, она съ неудовольствіемъ писала Сиверсу: «Нѣкоторые благоразумные поляки послѣ раздѣла Польши, ожидая, что за этимъ современемъ послѣдуетъ новый раздѣлъ и совершенное уничтоженіе польскаго имени, нашли, что лучше всего имъ отдаться подъ какое-нибудь сильное государство и желали присоединиться къ Россіи. Я съ радостію приняла бы это предложеніе, но не могу этого сдѣлать въ настоящихъ обстоятельствахъ, чтобы не раздражить сосѣднихъ государствъ, которыя возстали бы противъ увеличенія предѣловъ Россіи, и чтобы ихъ удовлетворить, я выдумала систему союзнаго трактата, чтобы соединивши подъ этой формой остатокъ Польши, не только съ частію, которую я отдѣлила къ своему государству, но и съ моимъ цѣлымъ государствомъ, я могу быть предохраненною отъ жадности берлинскаго и вѣнскаго дворовъ, и поставить полезную и дѣйствительную преграду противъ покушеній того и другого. Съ этой цѣлью я начертала проектъ договора». Императрица изъявляла неудовольствіе за слѣдующее измѣненіе, какое поляки сдѣлали въ договорѣ: было сказано, что императрица оставляетъ за собою «необходимое вліяніе на Польшу». Поляки передѣлали слово «необходимое» въ «полезное». «Но слово «необходимое» —

объясняла Екатерина — не подвержено толкованію и заключаетъ въ себѣ само собою и «полезное»; они предполагаютъ, что мое вліяніе можетъ быть неполезнымъ, и такимъ образомъ они являются судьями того, что̀ полезно и что̀ неполезно. Далѣе, въ выраженіи «степень необходимаго вліянія въ военныхъ дѣлахъ по усмотрѣнію», они прибавили: «по предварительному согласію съ польскимъ правительствомъ». Эта несвязница идей и выраженій показываетъ тайное намѣреніе избѣгнуть духа и мысли настоящаго трактата. Я иначе понимала. Я хочу, чтобы мнѣ предоставлено было право давать совѣты республикѣ, ка̀къ ей поступить и вести себя, и она должна испрашивать моихъ совѣтовъ и сообразоваться съ ними». Въ пунктѣ о правѣ ввода войскъ въ предѣлы Рѣчи-Посполитой государыня была недовольна измѣненіемъ словъ «во всякое время»—на слова: «въ случаѣ надобности и съ согласія Рѣчи-Посполитой». Императрица выражалась объ этомъ въ своемъ рескриптѣ такъ: «Мое намѣреніе было отклонить соображенія другихъ государствъ въ отношеніи вступленія моихъ войскъ, чтобы пріучить ихъ къ этому нечувствительно и во всякихъ случаяхъ. Польское правительство было бы избавлено отъ необходимыхъ объясненій, если бы у него спросили, на какомъ основаніи вошли наши войска; оно могло бы сказать: какъ въ договорѣ, и болѣе ничего. Само собою разумѣется, я бы не обременила себя тягостію защищать и поддерживать слабое государство, лишенное собственныхъ средствъ, отъ котораго я могу надѣяться только пассивной пользы, если бы не разсчитывала, что съ его стороны будетъ полная покорность моимъ совѣтамъ, планамъ и видамъ. У кого я буду спрашивать согласія на вводъ моего войска? У короля? Но у него нѣтъ власти. У Постояннаго Совѣта или сейма? Но тогда слѣдовало бы каждый разъ излагать имъ причины, посвящать ихъ въ тайны моихъ намѣреній и рисковать, что они меня предадутъ, разгласятъ по причинѣ злобы, подкупа, или по неблагоразумію тѣхъ, которые составляютъ эти собранія».

Давая вообще Сиверсу наставленія, какъ ему вести дѣла и поступать на будущее время, Екатерина въ томъ же рескриптѣ говорила:

«Старайтесь, чтобы король не присвоивалъ себѣ излишней власти, противной нашимъ интересамъ, ибо онъ всегда злоупотреблялъ ею. Избѣгайте методы вашихъ предмѣстниковъ дѣйствовать на націю черезъ короля. Составьте, напротивъ, партію, независимую отъ него, и держите ихъ на уздѣ одного черезъ другого. Не дозволяйте его величеству дѣлаться адвокатомъ за мни-

мые интересы націи съ излишнимъ и лживымъ жаромъ. Этой тактикѣ онъ всегда слѣдовалъ, когда хотѣлъ сдѣлать мое вліяніе ненавистнымъ. Съ этою цѣлью онъ и поднялъ такія іереміады объ утѣсненіяхъ, причиняемыхъ народу моими войсками. Не отвѣчайте ему объ этомъ предметѣ, но совѣтуйтесь съ моими генералами; старайтесь не допускать и исправлять недостатки человѣколюбивѣйшимъ образомъ. Вы знаете, что для меня ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ предупреждать всякій поводъ къ жалобамъ на мои войска. Старайтесь, чтобы мѣста въ правленіи были заняты не подозрительными людьми, и притомъ не имѣющими владѣній въ Пруссіи и въ австрійскихъ предѣлахъ. Поэтому замѣните Сулковскаго въ великомъ канцлерствѣ кѣмъ-нибудь другимъ. Мнѣ нужны въ сношеніяхъ вѣрные и скромные слуги. Такими не могутъ быть зависящіе отъ другихъ дворовъ. Не допускайте короля назначать должностныхъ важныхъ лицъ безъ вашего согласія и вашей рекомендаціи, и чтобы не было между ними такихъ, которые не доказали испытанной преданности къ настоящему союзу съ нами». Между прочимъ императрица выговаривала Сиверсу за то, что онъ дозволилъ выбрать въ депутацію для разсмотрѣнія дѣлъ о банкахъ нѣсколькихъ лицъ, которыхъ императрица считала приверженцами 3-го мая. Она требовала, чтобы они немедленно были замѣнены другими. «На будущее время—продолжаетъ императрица, король долженъ вести себя въ этомъ отношеніи сообразнѣе съ обязательствами, на него возложенными договоромъ; онъ долженъ расширять мое вліяніе до права назначать на мѣста и должности общественнаго управленія людей, которые въ послѣднее время оказали намъ услуги и должны разсчитывать преимущественно на выгоды, происходящія отъ этихъ должностей». Научая его, какъ онъ долженъ все знать, что̀ дѣлается въ государствѣ, какъ главный начальникъ въ краѣ, императрица говорила: «вы должны получать свѣдѣнія не однимъ оффиціальнымъ путемъ, а найти тайные каналы, и какъ только узнаете, что король и его кабинетъ преступаютъ границы, не замедлите увѣдомить меня, и вы получите приказаніе привести ихъ на надлежащій путь представленіями, болѣе или менѣе энергическими». О самомъ королѣ императрица послѣ заключенія трактата отзывалась такъ: «Скажите ему, что недостаточно заключать трактаты: нужно еще ихъ и исполнять. Всѣ его несчастія происходятъ отъ желанія бо̀льшей власти и независимости. Пусть теперь совершенно мнѣ предастся, пусть заслужитъ, чтобы я измѣнила мнѣніе о немъ. Но я на него мало надѣюсь и не довѣряю ему».

Трактатъ, заключенный ею съ польскою націею, имѣлъ зна-

ченіе ступени къ совершенному овладѣнію Польшею и къ полному прекращенію ея независимости. Этотъ трактатъ неизбѣжно долженъ былъ скоро нарушиться со стороны поляковъ, и Россія, въ наказаніе за это, лишила бы Польшу того, что даровалось ей трактатомъ. Такъ бывало всегда въ исторіи, когда сильное государство покоряло слабое или ослабѣвшее. Всегда, прежде окончательнаго покоренія, слабое ставится въ тяжелое положеніе зависимости отъ сильнаго, при видимой, кажущейся самостоятельности, и это вызываетъ взрывъ. Сильное государство называетъ такой взрывъ мятежемъ, нарушеніемъ правъ своихъ, усмиряетъ возстаніе, и въ необходимости предупредить его повтореніе стѣсняетъ или вовсе уничтожаетъ остававшіеся признаки независимости слабаго. Въ русской исторіи довольно примѣровъ подобныхъ переходныхъ положеній. Россія, въ этомъ отношеніи, съ Польшей шла по слѣдамъ прежнихъ вѣковъ. Россію влекли къ этому обстоятельства.

Сиверсъ оправдывался передъ Екатериною и доказывалъ въ своемъ оправдательномъ рапортѣ, что измѣненія, сдѣланныя въ трактатѣ, не вредятъ дѣлу; что Россія, будучи поставлена твердою ногою по силѣ этого трактата, достаточно сильна, чтобы уничтожить какія-либо столкновенія, которыя могли бы возникнуть изъ этихъ выраженій. «Будущій король, писалъ Сиверсъ, будетъ избранъ ея императорскимъ величествомъ и получитъ себѣ палатнаго мэра (majordomus), подъ именемъ русскаго посла, съ безконечно большею властью, чѣмъ власть какого-нибудь вице-короля сицилійскаго, или же генералъ-губернаторство тверскаго намѣстника вашего императорскаго величества, который отъ вашего императорскаго величества имѣетъ только власть смотрѣть за исполненіемъ законовъ».

Незадолго передъ закрытіемъ, сеймъ утвердилъ конституцію, написанную Мошинскимъ съ товарищами, подъ надзоромъ Сиверса. Эта конституція долженствовала дать счастіе и благоденствіе Польшѣ. Мы не станемъ излагать ее, потому что она не была приведена въ дѣйствіе, по причинѣ возникшей въ скорости революціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, постановленіемъ 23-го октября были уничтожены всѣ законы бывшаго сейма въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Дабы не оставлять потомству слѣдовъ ординарнаго сейма, открытаго въ 1788 г. и прекращеннаго въ революціонный сеймъ 3-го мая 1791 года, мы объявляемъ какъ бы никогда не существовавшими всѣ его постановленія, законы и декреты, какъ причины бѣдствій всякаго рода и потери огромныхъ провинцій,

уничтожаемъ ихъ и объявляемъ неимѣющими никакой силы, и желаемъ, чтобы они не были вписаны въ кодексъ нашихъ законовъ», и пр.

На послѣднемъ засѣданіи сейма Коссаковскій удружилъ Сиверсу. Когда перебирали такія санциты, которыя слѣдовали къ уничтоженію, чрезъ посредство другихъ, онъ подставилъ санциту, уничтожающую орденъ, установленный въ честь 3-го мая. Такимъ образомъ, этотъ орденъ, по закону, остался существующимъ. Король пропустилъ это. Сиверсъ извѣщалъ объ этомъ императрицу, какъ бы со смѣхомъ, считая это пустымъ дѣломъ, не стоющимъ вниманія.

Сеймъ назначилъ послѣ того посольство къ Екатеринѣ, съ цѣлію благодарить ее. Посольство это поручено было Тышкевичу. Патріоты замѣчали, что благодарить совсѣмъ неумѣстно за тѣ благодѣянія, которыя, по ихъ мнѣнію, не принесли пользы Польшѣ; въ особенности, не считали они умѣстнымъ благодарить императрицу всероссійскую за содѣйствіе Пруссіи къ отобранію земель отъ Рѣчи-Посполитой.

Сеймъ разошелся. Король уѣхалъ.

Вѣрные Россіи поляки получили награды, или ордена, или вещи на память. Награждены были знаками вниманія: Мошинскій, Тышкевичъ, Сулковскій, Огинскій, Забѣлло, Залускій, Дзѣконскій, Ожаровскій и др. Получили награды: маршалъ Билинскій и Пулавскій по 100,000 злот., за то, что хорошо выполняли приказанія Сиверса.

Сиверсъ приказалъ удалить войско изъ Гродно и уѣхалъ въ Варшаву за королемъ; de facto онъ былъ истинный глава и правитель Польши. Всѣ мѣста зависѣли отъ него. Еще предъ концомъ сейма онъ велѣлъ выбрать гетманомъ короннымъ Островскаго, польнымъ Пулавскаго, подканцлеромъ хелмскаго епископа Скаржевскаго, котораго онъ полюбилъ и покровительствовалъ ему. Онъ давалъ мѣста тѣмъ, которые продавали себя за мѣста. Въ одномъ изъ своихъ рапортовъ онъ сообщалъ свѣдѣнія, которыхъ не рѣшался повѣрять депешамъ, о пенсіяхъ для членовъ Постояннаго Совѣта и нѣкоторыхъ коммиссій. «Я, писалъ онъ, выбралъ изъ числа бывшихъ сеймовыхъ пословъ почтенныхъ людей для пополненія Постояннаго Совѣта и высшихъ властей края, при чемъ руководствовался двумя основаніями: первое, чтобы они были намъ вѣрны; второе, чтобы нуждались въ службѣ. Половина изъ нихъ бѣдна, другая не очень богата, и такъ какъ сеймъ обрѣзалъ имъ жалованье на четверть для сокращенія расходовъ,

то небольшое повышеніе пенсіоновъ отъ Россіи для нихъ было бы очень желательно».

Открывая свои засѣданія, Постоянный Совѣтъ былъ подъ контролемъ Сиверса, и всѣ его постановленія должны были показываться русскому министру. Онъ распоряжался произвольно личностію поляковъ и всѣхъ живущихъ въ Польшѣ. Такимъ образомъ, по пріѣздѣ въ Варшаву, онъ приказалъ арестовать Мостовскаго, прибывшаго недавно изъ Парижа, и пересмотрѣть его бумаги. Сиверсъ видѣлъ несомнѣнные слѣды его сношеній съ французскими революціонерами. Мостовскому приписывали статьи въ «Монитерѣ» о Польшѣ, написанныя въ духѣ крайне нерасположенномъ къ Россіи. Сиверсъ затруднялся, что дѣлать съ этимъ паномъ—судить ли его въ Варшавѣ, или сослать въ Россію. Письма на почтѣ вскрывались и пересматривались; изъ нихъ узнавалось: кто какого духа, и кто какъ мыслитъ. Расположеніе къ конституціи 3-го мая и даже сожалѣніе о ней считалось преступленіемъ. Кто выявлялъ себя сторонникомъ 3-го мая, на томъ уже лежала печать якобинства. Явился въ Варшавѣ генералъ Заіончекъ. Сиверсъ сейчасъ же учредилъ за нимъ надзоръ. Самъ король находился подъ строгимъ надзоромъ и не могъ ничего дѣлать безъ воли Сиверса. Каждый шагъ Станислава - Августа слѣдили и обо всемъ доносили русскому посланнику. Слуга-французъ передавалъ Сиверсу свѣдѣнія о домашней жизни польскаго короля. Сиверсъ обращался съ королемъ хотя очень вѣжливо, но какъ будто съ подданнымъ императрицы. «Я надѣюсь, говорилъ король, на великодушіе императрицы». — «Надѣяться можете, ваше величество, если будете поступать законно и не будете придерживаться партій».

Среди такого величія, тяжело откликнулось Сиверсу послѣднее засѣданіе сейма, когда выключена была санцита, уничтожавшая орденъ, установленный прежнимъ сеймомъ въ честь 3-го мая. Екатерина совсѣмъ не со смѣхомъ приняла эту выходку поляковъ, какъ хотѣлъ ее принять посланникъ императрицы, и 2-го декабря ст. ст. написала ему рескриптъ, гдѣ изъявляла сильное негодованіе, видѣла въ этомъ поступкѣ не менѣе, какъ свидѣтельство духа своеволія и мести. «Вы должны были не допускать—писала она—по силѣ вновь постановленнаго трактата, по которому польское правительство обязывалось не предпринимать какихъ бы то ни было измѣненій безъ нашего вѣдома и не спросясь объ этомъ насъ». «Теперь»,—выражалась она далѣе,—плоды трудовъ вашихъ подвергнуты непріятному окончанію». Екатерина находила, что трактатъ, недавно заключенный, уже нарушенъ, что Сиверсъ не

умѣлъ вести своего дѣла въ одной изъ главныхъ задачъ, не умѣлъ наполнить Постоянный Совѣтъ людьми вѣрными и преданными Россіи; это видѣла она изъ того, что не нашлось такихъ, которые могли предостеречь посланника. «И для того,— говорила императрица,—повелѣваемъ вамъ прекратить настоящее ваше служеніе, оставить Варшаву и возвратиться ко двору нашему, объявивъ королю, министрамъ, президентамъ и главнымъ членамъ Постояннаго Совѣта прямыя причины вашего удаленія, прибавя, что мы нашли несходнымъ съ достоинствомъ нашимъ продолжать призваніе ваше въ настоящемъ званіи послѣ оказаннаго неуваженія, которое, разобравъ во всѣхъ подробностяхъ, выраженіяхъ и отношеніяхъ, сущимъ и самымъ непристойнымъ посмѣяніемъ по справедливости назвать можно; но по сродному намъ великодушію различая виновниковъ сего поступка отъ цѣлости націи, которую мы недавно столь щедро и благотворительно подъ сѣнь нашей защиты и наше покровительство приняли, не хотимъ ни мало ослабить или разорвать составившуюся связь, а напротивъ, для безпрерывнаго наблюденія и вящшаго оной укрѣпленія, мы покамѣстъ, не избирая вамъ преемника въ равномъ вамъ качествѣ, назначили съ именемъ полномочнаго министра, которому и препоручаемъ наше сильнѣйшее домогательство о надлежащемъ удовлетвореніи за оказанное намъ оскорбленіе. Сего послѣдняго избрали мы въ лицѣ генералъ-аншефа барона Игельстрома». Затѣмъ императрица потребовала отъ Сиверса счетъ истраченныхъ имъ денегъ, при чемъ ему замѣчено, что онъ не присылалъ, подобно своимъ предшественникамъ, какъ слѣдовало, счетовъ, и кромѣ растраченныхъ суммъ, данныхъ ему, еще бралъ большіе векселя на казну, не объясняя, для какой цѣли. Сиверсъ дѣйствительно не представлялъ счетовъ, объявивъ канцлеру, что онъ сообщитъ ихъ не иначе, какъ самой императрицѣ, и потому въ тогдашнихъ документахъ нѣтъ подробныхъ счетовъ издержкамъ во время гродненскаго сейма.

Сиверсъ отправился къ королю и объявилъ ему обо всемъ. «Клянусь Богомъ, сказалъ король со слезами, я ничего не зналъ о возстановленіи ордена; многихъ членовъ не было тогда въ залѣ; за то много было арбитровъ: всѣ кричали, шумѣли, ничего не было слышно. Это не моя вина; это вина сеймоваго маршала, тутъ видна интрига, чтобы насъ погубить! Я все сдѣлаю, что мнѣ прикажутъ. Я крайне несчастливъ. Я долженъ во всемъ повиноваться». Сложивъ руки на груди, король просилъ увѣрить государыню въ его преданности и покорности. Сиверсъ обѣщалъ. Король обнималъ его, цѣловалъ и говорилъ: «Ахъ, какъ жаль,

что вы покидаете Польшу. Прежде она васъ боялась, теперь начинаетъ уважать и любить». Онъ далъ ему, кромѣ Бѣлаго Орла, прощальный подарокъ, картину и свой портретъ.

Такъ окончила свое существованіе польско-литовская Рѣчь-Посполитая — шляхетская республика съ избирательнымъ королемъ. За потерею земель, отошедшихъ къ россійской имперіи и прусскому королевству, остальная часть Польши была фактически теперь достояніемъ Россіи, только съ извѣстными признаками провинціальной автономіи. Оставалось лицо, носившее имя короля, но безъ дѣйствительной власти, или съ властью, которая была, по выраженію Сиверса, ниже власти тверского генералъ-губернатора.

Событія, непосредственно слѣдовавшія за тѣмъ, представляютъ совершенно особый характеръ; это была первая революція, сдѣланная съ цѣлью возвратить самостоятельность Польшѣ, и приведшая къ уничтоженію королевскаго достоинства. Главнымъ героемъ и руководителемъ этой революціи былъ Тадеушъ Костюшко, жизнь и дѣятельность котораго составятъ предметъ нашего особаго изслѣдованія.

Н. Костомаровъ.

ВРЕМЕНА РЕАКЦІИ

(1820—1830.)

Blätter aus der preussischen Geschichte, von *K. A. Varnhagen von Ense.* 5 Bde. Leipzig, 1868—1869.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

Европейская реакція страннымъ образомъ повлекла за собой и русскую. Трудно было, повидимому, представить себѣ болѣе различныя внутреннія отношенія государствъ, чѣмъ были отношенія государствъ западной Европы и Россіи. Не говоря о громадномъ разстояніи, раздѣлявшемъ ихъ по цѣлому характеру устройства и объему цивилизаціи, недавнее прошедшее было слишкомъ непохоже въ Европѣ и въ Россіи. Почти всѣ континентальныя государства Европы прошли такъ или иначе революціонный кризисъ: въ нихъ отчасти прямо отразились возбужденія французской революціи, отчасти косвенно новыя идеи вносимы были наполеоновскимъ господствомъ, которое хотя и было крайне насильственно и тягостно для національнаго чувства побѣжденныхъ народовъ, но представляло, однако, и примиряющій элементъ, какъ было, напримѣръ, въ Германіи, гдѣ оно, вводя французскіе порядки, разрушало и подрывало старый феодализмъ, противъ котораго сама нѣмецкая жизнь была еще безсильна. Въ Германіи вліяніе революціоннаго кризиса съ одной стороны, и

*) См. выше, ноябрь, 247 стр. и слѣд.

войнъ за освобожденіе съ другой, оставили очевидные слѣды, какъ въ самыхъ фактическихъ отношеніяхъ, такъ и въ настроеніи умовъ: послѣ вѣнскаго конгресса, изъ нѣсколькихъ сотъ независимыхъ феодальныхъ владѣльцевъ, существовавшихъ до революціи, уцѣлѣло только нѣсколько десятковъ; въ умахъ осталось стремленіе провести въ жизнь освободительныя идеи, достигнуть утвержденія общественной свободы путемъ конституціонныхъ учрежденій. Правительства, какъ мы упоминали, были согласны на это послѣднее и даже обѣщали нѣмецкимъ государствамъ конституціи. Если потомъ открылась реакція, она имѣла свои основанія въ старыхъ нравахъ: корень ея былъ въ стремленіяхъ феодально-аристократической партіи, которой не хотѣлось отказываться отъ стараго господствующаго положенія въ государствѣ; причины ея недовольства были ясны — потому что крупнымъ феодаламъ уже насталъ конецъ, ихъ политическая независимость была уничтожена, и феодализмъ употребилъ всѣ усилія, чтобы подавить дальнѣйшее движеніе. Успѣхъ реакціи былъ возможенъ потому, что, какъ теперь оказалось, освободительныя стремленія общества были еще слишкомъ слабы; онѣ оставались еще въ области теоретическихъ мечтаній. Такимъ образомъ реакція восторжествовала. Выразилась она тѣмъ, чего можно было ожидать отъ характера тѣхъ принциповъ, которые она представляла, принциповъ стараго феодализма и неподвижности: она выразилась крайнимъ произволомъ и насиліями, и обскурантизмомъ. Первое всегда было привычно феодальной аристократіи; обскурантизмъ былъ естественнымъ спутникомъ преслѣдованія либерализма, потому что научная свобода шла рядомъ и въ тѣсной связи съ развитіемъ либеральныхъ стремленій въ обществѣ.

Русская реакція пошла тѣмъ же путемъ, и нелѣпость этого пути была тѣмъ больше, что русская жизнь не представляла совершенно тѣхъ условій, на которыхъ основывалась реакція въ Германіи. Европейскій переворотъ нисколько не коснулся Россіи, и ничего не измѣнилъ въ основахъ ея внутренняго устройства. Ея враждебное отношеніе къ революціи, участіе въ войнахъ противъ Франціи были первоначально дѣломъ личнаго взгляда государей, а вовсе не практической необходимостью: русское правительство стояло чисто за принципъ. Какъ мало было практической необходимости въ этомъ случаѣ, показываетъ, напр., внезапный миръ съ Франціей, заключенный при Павлѣ I. Войны императора Александра также главнымъ образомъ основывались на отвлеченномъ принципѣ, хотя здѣсь оказывалась и политическая необходимость. Прямое столкновеніе произошло только въ 1812 году, — потому что въ дальнѣйшихъ войнахъ, 1813—15 года,

опять дѣйствовалъ скорѣе отвлеченный политическій принципъ, чѣмъ прямой, національный интересъ. При всемъ этомъ, Россія въ своей внутренней жизни оставалась совершенно внѣ всякихъ непосредственныхъ вліяній революціонной идеи; ничего подобнаго тому, что̀ происходило у нѣмцевъ, не представляла и не могла представить русская жизнь: у насъ не упало ни одно учрежденіе, не предстояла опасность никакому основному принципу, въ обществѣ не было никакихъ зловредныхъ элементовъ революціоннаго свойства. Напротивъ, абсолютная монархія была также сильна, какъ всегда, и ея отправленіямъ не мѣшалъ ни малѣйшій признакъ оппозиціи: ея затрудненія лежали совсѣмъ въ иныхъ обстоятельствахъ—въ крайнемъ невѣжествѣ и угнетеніи массъ, и въ страшной испорченности правительственной и административной сферы: эту испорченность, наслѣдіе старыхъ порядковъ, императоръ Александръ первый видѣлъ и горько на нее жаловался,—хотя не видѣлъ ея дѣйствительнаго источника. Что касается либеральныхъ идей, на распространеніе которыхъ стали у насъ потомъ жаловаться и въ которыхъ видѣли политическую опасность, то онѣ появлялись не вслѣдствіе прямого зараженія отъ революціонной Франціи, а вслѣдствіе цѣлаго характера времени, вслѣдствіе того, что многія изъ понятій, созданныхъ восемнадцатымъ вѣкомъ, успѣли уже стать общимъ достояніемъ образованности, что многое изъ нихъ стало обычной принадлежностью общественнаго развитія,—и въ этомъ отношеніи всего больше сдѣлалъ для распространенія либеральныхъ идей самъ императоръ. Онъ самъ ревностно защищалъ ихъ, особенно въ первой половинѣ царствованія, и своимъ примѣромъ открывалъ имъ широкую дорогу въ обществѣ и освящалъ ихъ распространеніе. Новый наплывъ этихъ идей произошелъ послѣ 1815 года, подъ вліяніемъ тогдашняго европейскаго возбужденія, но и здѣсь императоръ, по прежнему, оставался впереди движенія. Священный Союзъ въ своемъ основаніи имѣлъ въ глазахъ Александра либеральную программу, которой императоръ въ первое время держался съ большимъ упорствомъ: такъ, на вѣнскомъ конгрессѣ, когда шла рѣчь о будущемъ устройствѣ Польши, онъ имѣлъ противъ себя всѣхъ своихъ союзниковъ и довѣренныхъ лицъ, и только онъ одинъ настаивалъ на конституціонномъ ея устройствѣ. Такое настроеніе императоръ сохранялъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ: первый поворотъ его къ реакціи обнаружился уже на ахенскомъ конгрессѣ, въ 1818 году, но и послѣ этого онъ не вдругъ отказался отъ своихъ прежнихъ воззрѣній. Окончательно реакціонными стали онѣ только позже, въ двадцатыхъ годахъ. Такимъ образомъ, и послѣ вѣнскаго конгресса, въ те-

ченіе нѣсколькихъ лѣтъ, вліяніе его личныхъ взглядовъ могло очень благопріятствовать распространенію либеральныхъ идей въ самомъ обществѣ. Онѣ распространялись дѣйствительно, но, насколько извѣстна ихъ исторія, онѣ въ этотъ періодъ не могли представлять ничего обезпокоивающаго для правительства: тайныя общества (или то, что у насъ называлось этимъ именемъ), которыя стали образовываться въ это время, отличались первоначально самымъ невиннымъ либерализмомъ. Дѣйствительно, стремленія тайныхъ обществъ, направлявшіяся къ противодѣйствію злоупотребленіямъ, ко взаимному развитію общественныхъ добродѣтелей, къ распространенію знакомства съ общественно-политическими науками,—эти стремленія были такъ естественны, такъ согласны съ видами всякаго здраваго правительства, и въ частности были такъ близки къ идеямъ самого императора, питавшаго сочувствіе къ «законно-свободнымъ учрежденіямъ», что противъ этихъ тайныхъ обществъ не могло быть никакого основательнаго опасенія. «Союзъ Благоденствія» заимствовалъ свою первоначальную программу прямо изъ уставовъ нѣмецкаго «Союза добродѣтели» (Tugenbund), характеръ котораго состоялъ именно въ такомъ же мирномъ воспитаніи и поддержкѣ гражданской добродѣтели и котораго программа была скорѣе сантиментально-наивная, чѣмъ опасная политически. Первые начинатели нашего тайнаго общества имѣли даже мысль представить свой уставъ на усмотрѣніе императора; эта мысль была совершенно искренна, и этого одного достаточно, чтобы видѣть, какого рода намѣренія лежали въ основаніи ихъ предпріятія.

Это былъ самый страшный врагъ, котораго можно было отыскать въ русской жизни съ точки зрѣнія европейской реакціи; какъ видимъ однако, этотъ врагъ вовсе не былъ такъ страшенъ въ ту пору, когда императоръ Александръ сталъ повсюду бояться революцій, между прочимъ и въ самой Россіи. Если наши тайныя общества стали пріобрѣтать болѣе недовольный, раздражительный характеръ, это случилось уже значительно позднѣе. Мы видѣли выше, какъ прусскіе инквизиторы признавались, что настоящіе «Umtriebe» начались собственно только *послѣ* 1819 или даже 1821 года, т.-е., послѣ того, какъ началось ихъ преслѣдованіе; другими словами это значитъ, что начались притѣснительныя и ненавистныя мѣры тогда, когда къ нимъ не было достаточнаго основанія, и это самое вызвало различныя выраженія недовольства и негодованія, которыя и были сочтены за «Umtriebe». Нѣчто подобное произошло и въ русскихъ обществахъ: ихъ недовольство начинается тогда, когда правительство приняло реакціонную программу, для которой не было никакихъ данныхъ въ русской общественной

жизни, и приняло въ то время, когда лучшимъ людямъ общества яснѣе чѣмъ когда-нибудь бросались въ глаза вопіющіе недостатки внутренняго устройства, когда наиболѣе чувствовалась потребность въ реформахъ и улучшеніяхъ вмѣсто попятнаго движенія. Правительство не только не удовлетворяло давнишнимъ ожиданіямъ, какія прежде само оно возбуждало; оно разбивало всякія надежды мыслящей части общества на какое-нибудь удовлетвореніе этихъ ожиданій въ будущемъ. Реакціонная роль Россіи въ иностранной политикѣ, суровыя и непослѣдовательныя мѣры дома давали достаточный поводъ къ недовольству, и оно дѣйствительно возрастаетъ больше и больше.

Какимъ же образомъ могла такъ сильно подѣйствовать на имп. Александра европейская реакція и привести его къ реакціи въ Россіи, въ которой, какъ видимъ, для нея совершенно не находилось цѣли и предмета? Какъ бы ни былъ онъ убѣжденъ въ необходимости поддерживать въ Европѣ консервативные и реакціонные элементы, можно было бы думать, что для него будетъ ясна разница положеній, и громадная разница въ степени политическаго развитія общества въ Европѣ и въ Россіи. Но онъ не видѣлъ этой разницы, и когда поворотъ въ его мнѣніяхъ окончательно совершился, онъ смотрѣлъ на слабыя проявленія русскаго либерализма почти съ такими же опасеніями, какъ смотрѣлъ на революціонныя движенія на Западѣ. Приведемъ въ примѣръ ссылку Пушкина. Вина его была — стихотвореніе, конечно свойства либеральнаго, но опасность его для цѣлости и спокойствія государства была такой безконечно малой величины, что невозможно понять, какъ за него могло грозить Пушкину то суровое наказаніе, которое только особымъ заступничествомъ измѣнено было на ссылку въ Бессарабію. Правда, вообще говорятъ, что императоръ не слушалъ множества доносовъ, какіе представляла ему полиція, и это надо конечно объяснять врожденной мягкостью его личнаго характера; но примѣръ Пушкина и нѣсколько другихъ подобныхъ примѣровъ показываютъ, что въ глубинѣ его понятій о политическомъ положеніи вещей лежали крайне преувеличенныя представленія объ опасностяхъ, грозящихъ Россіи отъ необузданнаго либерализма.

Для объясненія этихъ понятій императора Александра надо, кажется, принять въ соображеніе два обстоятельства. Во-первыхъ, его чрезмѣрное увлеченіе интересами западной дипломатіи. Въ 1812—1815 годахъ, русскому императору суждено было играть чрезвычайную, небывалую роль въ судьбахъ Европы. Въ эти годы, исполненные необыкновенныхъ событій и чрезвычайнаго возбужденія умовъ, охватившаго цѣлые народы, Александръ былъ гос-

подствующей личностью. Около него сосредоточивалось рѣшеніе капитальныхъ вопросовъ европейскаго устройства; его имя вынесло наиболѣе славы и уваженія, и понятно, что все это должно было оставить извѣстное впечатлѣніе и дать извѣстное направленіе политическимъ интересамъ императора. Онъ освоился съ той широкой сферой дѣйствій, какая досталась ему въ эти годы, и съ тѣхъ поръ политическая дѣятельность и политическое значеніе самой Россіи представлялись ему не иначе, какъ въ свѣтѣ общеевропейскихъ вопросовъ. Въ такомъ смыслѣ именно и задуманъ былъ Священный Союзъ. Европейскіе народы разсматривались здѣсь какъ одна семья народовъ, которые должны были управляться одинаковымъ заботливо-отеческимъ патріархальнымъ образомъ. Коноводы феодально-реакціонной партіи отлично эксплуатировали идею Александра, чтобы превратить Священный Союзъ въ универсальное, патріархально-инквизиторское преслѣдованіе всѣхъ новыхъ стремленій общества. Они намѣренно настаивали на этой универсальности; изображая всѣ имъ ненравившіяся общественныя движенія какъ порожденіе одной причины, одного вреднаго «духа времени», они тѣмъ обезпечивали и универсальность преслѣдованія, черезъ которую это послѣднее естественно должно было выигрывать въ силѣ и дѣйствительности. Дѣла и были поведены въ этомъ смыслѣ; союзники сдѣлали Священный Союзъ всеобщей опекой и надзоромъ за поведеніемъ народовъ, и такъ какъ поведеніе не всегда отвѣчало понятіямъ о патріархальномъ спокойствіи и послушаніи, то союзникамъ уже скоро пришлось назначать патріархальныя наказанія и экзекуціи. Изобрѣтатель этой экзекуціонной политики мало-по-малу успѣлъ подмѣнить ею первоначальныя идеи Александра. Меттернихъ, котораго Александръ презиралъ въ эпоху вѣнскаго конгресса, и въ иныя минуты не хотѣлъ пускать къ себѣ на глаза, постепенно успѣлъ сдѣлаться и для него необходимымъ человѣкомъ. Главнымъ образомъ это начинается съ ахенскаго конгресса. Система универсальнаго надзора и преслѣдованія «духа времени», какъ по преимуществу революціоннаго, расширялась все больше и больше, и распространеніе ея на Россію было наконецъ у Александра естественнымъ послѣдствіемъ того страха отъ универсальной революціи, которымъ онъ наконецъ заразился.

Съ другой стороны, чтобы допустить въ Россіи жалкое копированіе европейской реакціи, которымъ занималось министерство народнаго просвѣщенія въ союзѣ съ полиціей, надо было очень удалиться отъ русской жизни, не знать или забыть ея настоящія свойства. Такъ это и было, къ сожалѣнію, съ императоромъ Александромъ. Современники дѣйствительно замѣчаютъ, что

Александръ, вернувшись въ Россію послѣ войны 1812—1815 годовъ, какъ будто съ неохотой возвращался въ русскую жизнь, мало интересовался ею и мало въ нее вникалъ. Настоящіе его интересы лежали въ европейской политикѣ, и дипломатическія дѣла были именно тѣ, которыми онъ всего охотнѣе занимался; кромѣ этого, его занимало еще только войско. Все остальное управленіе шло по заведенной рутинѣ, предоставленное всего больше самому себѣ — и попеченіямъ графа Аракчеева. Традиціонныя свойства администраціи развились, при недостаткѣ контроля и отсутствіи общественнаго мнѣнія, до крайняго безправія и чуть не открытаго грабежа казеннаго и частнаго достоянія. Нечего и говорить о томъ, что умственные интересы общества, о которыхъ было положено много заботы въ началѣ царствованія, были теперь совершенно заброшены; императоръ, какъ говорятъ, не любилъ русской литературы и не читалъ ея — да она и мало представляла интереса, окруженная цензурнымъ заборомъ. Такимъ образомъ общественное настроеніе оставалось неизвѣстно правительству, которое всего скорѣе могло составлять себѣ о немъ самыя фальшивыя и преувеличенныя понятія. Такъ говорятъ, что Александръ, зная о русскомъ тайномъ обществѣ, не принималъ мѣръ противъ него именно потому, что предполагалъ силу его гораздо больше, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ.

Таковы были условія, въ которыхъ произошла русская реакція. Возникши изъ непониманія настоящаго положенія и потребностей русской жизни, она не имѣла и той тѣни политической необходимости, на которую могла ссылаться западная реакція; эта послѣдняя могла по крайней мѣрѣ указывать на дѣйствительныя революціонныя движенія; пользуясь правомъ сильнаго, она по крайней мѣрѣ могла указывать какія-нибудь историческія традиціи, возвращеніе которыхъ она могла выставлять необходимымъ по ея политическимъ взглядамъ. Какъ ни скользки и странны могли бы быть подобныя оправданія западной реакціи, наша не имѣла и такихъ. У насъ рѣшительно нечего было возвращать, потому что ничего не было потеряно; не было никакихъ революціонныхъ движеній, которыя надо было сдерживать. Поэтому наша реакція была совершенно безсодержательнымъ гнетомъ, не имѣвшимъ никакого резона и потому тѣмъ болѣе ненавистнымъ. Остановка преобразовательныхъ мѣръ, начатыхъ нѣкогда правительствомъ, послужила только къ большему застою государственнаго и общественнаго развитія, и слѣдовательно, была чистой потерей. Преслѣдованіе умственной дѣятельности общества вело у насъ еще больше, чѣмъ въ Германіи, къ отупѣнію общества, и безъ того не богатаго умственнымъ содержаніемъ. Исполненіе

реакціи, которое брали на себя въ этомъ отношеніи піэтистическіе іезуиты, въ родѣ школы князя Голицына, потомъ староверы, въ родѣ Шишкова, было нелѣпымъ копированіемъ мѣръ, придуманныхъ австрійско-прусской полиціей, и за неимѣніемъ собственно-политическихъ предметовъ гоненія, реакція обратилась въ чистый обскурантизмъ. Въ Германіи преслѣдовались университеты,—надо было начать такое же преслѣдованіе и у насъ, хотя въ нашихъ университетахъ не было и тѣни тѣхъ явленій, которыя подвергались преслѣдованію тамъ, и хотя вообще русскіе университеты и русскую науку было бы просто смѣшно приравнивать къ нѣмецкимъ. Между тѣмъ, министерство князя Голицына дѣлало это, когда назначало знаменитую ревизію Казанскаго университета, и это была конечно одна изъ самыхъ наглыхъ мистификацій, какимъ подвергался императоръ Александръ, и противъ которой онъ, къ сожалѣнію, по собственной винѣ оказывался безсильнымъ. Тамъ реакціонеры вопіяли противъ «духа времени»,—эти вопли повторились у насъ, и за неимѣніемъ серьезныхъ вещей, къ которымъ можно было бы приложить обвиненіе въ разрушительныхъ стремленіяхъ, эти обвиненія примѣнялись къ двумъ-тремъ серьезнымъ книгамъ, какія нашлись въ русской литературѣ, или къ случайнымъ фразамъ въ какихъ-нибудь профессорскихъ лекціяхъ. Наша реакція вообще подражала съ одной стороны полицейской проницательности Кампца и Шукмана, съ другой іезуитскому благочестію, и за отсутствіемъ какого-нибудь серьезнаго либерализма, съ которымъ бы ей приходилось бороться, она воевала противъ малѣйшихъ проявленій здраваго смысла въ литературѣ и невиннаго перваго лепета русской науки.

Несмотря однако на все это гоненіе противъ «духа времени», онъ дѣлалъ свое дѣло. Либеральныя идеи получили въ русскомъ обществѣ большое развитіе съ 1815 года, когда русскіе пришли въ непосредственное соприкосновеніе съ движеніемъ умовъ въ Европѣ,—и съ тѣхъ поръ эти идеи получали все больше и больше силы въ извѣстной части образованнаго общества. Начавшаяся реакція не только не остановила ихъ, но дала имъ еще новую пищу. Можно даже сказать, какъ мы замѣчали выше, что именно реакція вызвала рѣзкій характеръ либерализма. Настоящая дѣйствительность была такъ безотрадна, что люди, питавшіе какой-нибудь общественный интересъ и какое-нибудь патріотическое увлеченіе, отворачивались отъ этой дѣйствительности, не подававшей никакихъ надеждъ и никакой опоры для благородныхъ и великодушныхъ порывовъ. Въ такихъ положеніяхъ въ особенности развивается та мечтательная любовь къ отечеству, проникнутая поэтическимъ энтузіазмомъ, которая создаетъ самые фан-

тастическіе планы преобразованій и новыхъ устройствъ, и отдается имъ съ увлеченіемъ, совершенно забывая объ ихъ очевидной неисполнимости. Отсутствіе всякой сколько-нибудь свободной литературы отнимало послѣдній исходъ у этого энтузіазма, и онъ поневолѣ весь обращался въ такъ-называемыя тайныя общества. Это была въ тѣ времена любимая обычная форма, въ какую совершенно естественно собирались люди одного настроенія и образа мыслей. Форма эта отчасти давалась возобновившимися при Александрѣ масонскими ложами, отчасти заимствована была вновь изъ нѣмецкаго тугенд-бунда, и собственно говоря, вовсе не была такъ страшна, какъ ее представляли впослѣдствіи. Тайна была настолько невелика, что въ общество попадалъ всякій, кто этого хотѣлъ, и существованіе обществъ было не безъизвѣстно правительству: о многихъ изъ ихъ членовъ императоръ Александръ зналъ положительно. Собственно говоря, это были кружки людей либеральнаго образа мыслей, для которыхъ собранія были единственнымъ возможнымъ средствомъ сближенія и откровенной бесѣды; онѣ не открывались для людей совсѣмъ постороннихъ прежде всего изъ простого опасенія перетолкованій и сплетничества. По разсказамъ современниковъ не мудрено въ этомъ убѣдиться. Первоначальныя цѣли общества были самаго мирнаго свойства; эти цѣли, какъ и естественно, оказались недостижимыми, и въ самомъ обществѣ явилась мысль объ его закрытіи, которое и было исполнено; и если потомъ является новое тайное общество, и въ числѣ агитаторовъ являются люди съ болѣе рѣшительными мнѣніями, даже съ республиканскими планами,—то эти явленія надобно конечно объяснять усиленіемъ недовольства, которое было плодомъ самой реакціи. Между обществами 1818 года и 1824 года была чрезвычайная разница; въ этотъ промежутокъ движеніе умовъ прошло цѣлый періодъ развитія.

Исторія этого времени и этихъ событій почти нетронута въ нашей литературѣ, хотя это безъ сомнѣнія одинъ изъ любопытнѣйшихъ періодовъ нашей общественной исторіи. Извѣстны различныя затрудненія, мѣшавшія до послѣдняго времени изслѣдованію этого періода, и намъ до сихъ поръ чрезвычайно мало извѣстны и ходъ самой реакціи, и развитіе либеральнаго движенія. Наша историческая литература только еще начинаетъ касаться этой эпохи, и пройдетъ еще не мало времени, пока будетъ возможна безпристрастная и полная исторія послѣднихъ годовъ царствованія императора Александра и послѣдующей эпохи. Литература до сихъ поръ не усвоила даже самаго матеріала, который еще не получилъ въ ней права гражданства;

не собраны даже и тѣ черты этого времени, какія могутъ быть собраны. Между прочимъ, рядъ любопытныхъ указаній доставляютъ, нѣсколько неожиданнымъ образомъ, и дневники Фарнгагена. Мы указывали прежде, по какимъ отношеніямъ русскія событія, слухи и т. п. находили мѣсто въ его запискахъ: читатель вообще не долженъ забывать, что его извѣстія весьма случайныя, что всего чаще это чистые слухи, за какіе Фарнгагенъ въ такомъ случаѣ и выдаетъ ихъ; — но эти слухи, разговоры и случайныя извѣстія имѣютъ однако свою историческую цѣнность. Если не всегда точенъ сообщаемый фактъ, то всегда интересны указанія на настроеніе общественнаго мнѣнія; иной разъ заметки Фарнгагена намекаютъ на совершенно новыя стороны предмета и даютъ рѣзкое очертаніе фактамъ оффиціальной исторіи.

Русскія извѣстія у Фарнгагена вообще довольно точны, и ихъ было не мало. Такъ до него довольно часто доходили свѣдѣнія о піэтистической реакціи, о судѣ надъ профессорами петербургскаго университета, о закрытіи масонскихъ ложъ, даже о разрѣшеніи книги Станевича. Въ февралѣ 1823 г., онъ пишетъ: «Императоръ Александръ далъ маркизу Паулуччи серьезное приказаніе о прекращеніи дѣятельности сектъ и піэтизма, которую императоръ прежде такъ поощрялъ; собранія піэтистовъ запрещены, библейскія общества ограничены, всякіе благочестивые кружки и вліянія остановлены; говорятъ, императоръ находитъ, что *стало уже слишкомъ мрачно*, и потому онъ хочетъ опять ввести нѣсколько просвѣщенія». Въ августѣ 1825 г., Фарнгагенъ упоминаетъ о запрещеніи піэтистическихъ книгъ Юнга-Штиллинга, Гюйонъ и т. д., которыя поощрялись въ прежнее время, — и при этомъ замѣчаетъ, что «императоръ, кажется, долженъ больше и больше подчиняться вліянію собственнаго русскаго духовенства», — какъ это дѣйствительно и было, послѣ удаленія изъ министерства кн. Голицына [1]).

Нерѣдко упоминаетъ дневникъ вообще о ходѣ внутренняго управленія. Его извѣстія были именно такія, какихъ можно ожидать. Ему разсказывали (декабрь 1823 г.) невѣроятныя вещи о страшномъ взяточничествѣ, почти публичномъ и какъ будто вообще принятомъ. Армія была устроена хорошо, но императоръ, подъ вліяніями Меттерниха, не пользовался выгодами этой силы. «Русское войско находится, какъ говорятъ, въ блестящемъ состояніи и такъ многочисленно, что, безъ преувеличенія, по

---

1) Blätter II, 298; III, 350.

первому слову могутъ выступить 600,000 человѣкъ. Но императоръ боится привесть въ движеніе такую массу, онъ дѣйствительно желалъ бы избѣжать войны съ Турціей и допускаетъ, что изъ Вѣны все это превосходство силъ превращаютъ въ его умѣ въ ничто! — Императора хвалятъ какъ человѣка; говорятъ, что онъ далеко лучше всей своей обстановки, и съ своими лучшими намѣреніями остается совершенно одинокъ, безъ единаго честнаго помощника, — это уже говорилъ мнѣ шесть лѣтъ тому назадъ и лейбъ-медикъ Штоффрегенъ. Но теперь императоръ, говорятъ, совершенно подчиняется внушеніямъ Меттерниха». Тотъ «безпристрастный наблюдатель», замѣчанія котораго передаетъ Фарнгагенъ, очень невыгодно отзывается и о русской дипломатіи (вспомнимъ, что передъ этимъ Каподистрія оставилъ министерство иностранныхъ дѣлъ и русскую службу; его преемникомъ сдѣлался гр. Нессельроде); наблюдатель находилъ, что съ этой дипломатіей Меттернихъ «легко управится» [1].

Мы упоминали выше, что люди, нѣсколько внимательные къ событіямъ, уже въ то время ясно видѣли, какими пружинами велась реакціонная политика, господствовавшая во всей Германіи и въ Россіи и простиравшая свое вліяніе повсюду, куда доставало оружіе Священнаго Союза; личные интересы Меттерниха играли не послѣднюю роль въ числѣ этихъ пружинъ. Современники видѣли всю мелкость ума Меттерниха, которой не хватало ни на какую широкую и смѣлую мысль и хватало только на запугиваніе государей и тиранническое преслѣдованіе: главнымъ его орудіемъ былъ именно внушаемый имъ страхъ революцій, и этимъ однимъ онъ держался на мѣстѣ, потому что ни къ какой иной роли не былъ способенъ. Вотъ между прочимъ одинъ изъ отзывовъ о Меттернихѣ, записанный тогда Фарнгагеномъ:

«Подробно говорилъ съ г. министромъ Гумбольдтомъ (Вильгельмомъ) о Меттернихѣ; онъ изображаетъ его какъ министра слабымъ и непослѣдовательнымъ, который, если только счастье оставитъ его на минуту, совершенно путается, у котораго нѣтъ никакихъ мнѣній, который на все смотритъ съ личной точки зрѣнія; онъ почти ничего не успѣлъ сдѣлать противъ слабыхъ противниковъ, фальшивъ и лицемѣренъ, и держится позорно. Ему удалось одно время обойти (bethören) императора Александра, но это и все; въ Германіи и въ Италіи онъ всегда могъ только вводить тишину на минуту, и никогда не сдѣлалъ ничего существеннаго. Своей личной манерой онъ овладѣлъ

[1]) Blätter II, 457 — 458.

также лордомъ Кэстельри и княземъ Гацфельдтомъ, но и это не великое дѣло» [1]). Но въ тѣ времена было сильно распространено представленіе о Меттернихѣ, какъ тончайшемъ и проницательнѣйшемъ дипломатѣ, какого видѣлъ свѣтъ; исторія давно уже изображаетъ его въ томъ видѣ, какъ онъ представляется въ этомъ отзывѣ Гумбольдта, — и въ послѣднее время нѣкоторые считали нужнымъ даже защищать Меттерниха отъ этихъ обвиненій въ совершенномъ ничтожествѣ. Императоръ Александръ, какъ мы замѣчали, въ иныя минуты совершенно видѣлъ презрѣнность его характера, и тѣмъ печальнѣе тотъ фактъ, что впослѣдствіи онъ дошелъ до того, что позволилъ себѣ руководиться его указаніями. Меттернихъ, который самъ не имѣлъ никакихъ убѣжденій и дѣйствительно не внесъ въ политическую систему ничего кромѣ чисто-отрицательной реакціи, имѣлъ однако огромный успѣхъ потому, что разсчитывалъ на самыя слабыя стороны тогдашней монархіи и поддерживалъ ея дурныя страсти, опираясь при этомъ на всѣ элементы феодальнаго консерватизма и обскурантизма. Въ то время, когда недавняя исторія указывала монархіи единственный здравый путь ея существованія—сближеніе съ народами, предоставленіе имъ извѣстной общественной и политической автономіи, онъ принялъ другой путь и поддерживалъ старыя абсолютистскія наклонности, которыя монархія по прежней памяти и привычкѣ считала своимъ божественнымъ правомъ и обязанностью. Меттернихъ только придумывалъ всякіе извороты, чтобы возбуждать ея ревность къ этому божественному праву. Въ какое положеніе становилась къ этому русская монархія, мы упоминали.

Вліяніе Меттерниха на Александра объясняется въ значительной степени внутреннимъ состояніемъ императора, преисполненнымъ тревогъ, сомнѣній, подозрительности и колебаній. Иностранная политика, которой онъ отдавался какъ личному дѣлу, ставила вопросы, въ которыхъ онъ не находилъ исхода; во внутреннихъ дѣлахъ происходили безпорядки, противъ которыхъ онъ не находилъ средствъ; общественное движеніе было ему мало извѣстно — примѣръ этому представляетъ хоть вся исторія тогдашняго піэтизма.

Въ дневникѣ Фарнгагена мы встрѣчаемъ нѣсколько анекдотическихъ подробностей, рисующихъ различныя черты характера и настроенія имп. Александра. Въ 1820-мъ году, онъ записываетъ: «Русскій императоръ сказалъ однажды королю (т. е. прусскому), чтобы онъ не обманывался, что онъ (король) ок-

---

[1]) Blätter V, 29.

руженъ негодяями, которыхъ можно подкупать, что не лучше этого и его собственныя дѣла, — что онъ хотѣлъ многихъ прогнать, но на ихъ мѣсто являлись такіе же; что *перемѣнить этого нельзя*, что надо этому покориться и предоставить вещамъ идти тѣмъ же порядкомъ и дальше». Въ Берлинѣ знали объ этомъ подозрительномъ, безпокойномъ настроеніи императора Александра. Въ концѣ 1824-го года тамъ былъ слухъ, что съ императоромъ были будто бы припадки душевной болѣзни. Когда получены были извѣстія о страшномъ петербургскомъ наводненіи ноября 1824-го г., Фарнгагенъ записываетъ: «Петербургское бѣдствіе, говоритъ здѣсь одинъ русскій, еще больше сдѣлаетъ императора доступнымъ для мрачныхъ представленій; въ этомъ, какъ и во всемъ, онъ будетъ видѣть божіе наказаніе. Онъ до сихъ поръ не успокоивается относительно событій 1801-го года... Упоминаніе о нихъ лордомъ Голландомъ въ англійскомъ парламентѣ глубоко поразило Александра и снова погрузило его въ уныніе, отъ котораго онъ еще не вполнѣ успокоился. То, что у него нѣтъ дѣтей, онъ считаетъ божіимъ наказаніемъ» и т. д. [1]). Фарнгагенъ знаетъ однако, какъ несправедливо было обвиненіе Голланда.

Въ Пруссіи относились къ императору различно. Король былъ искренно къ нему привязанъ, хотя, повидимому, тяготился нѣкоторыми проявленіями его характера, въ томъ числѣ вѣроятно слишкомъ настойчивыми дипломатическими вмѣшательствами. Въ октябрѣ 1820 въ дневникѣ записано: «Когда импер. Александръ хотѣлъ прибыть въ Берлинъ, король сказалъ, что это—безпокойный гость! Король ненарушимо и съ величайшимъ уваженіемъ держится Александра, и союзъ съ Россіей считаетъ лучшей, самой спасительной политикой для себя и своихъ преемниковъ; его министры думаютъ совершенно иначе». Иначе отзывалась и публика, въ особенности люди либеральныхъ мнѣній съ тѣхъ поръ, какъ Россія стала дѣятельнымъ образомъ заявлять себя въ реакціонной политикѣ конгрессовъ. Въ апрѣлѣ 1821 г., Фарнгагенъ пишетъ: «Почти повсюду говорятъ противъ русскихъ, также и въ высшемъ кругу, и объ императорѣ Александрѣ употребляютъ самыя рѣзкія выраженія, даже многіе ультра, которымъ, собственно говоря, его дѣятельность должна бы нравиться». Черезъ нѣсколько страницъ: «ненависть и отвращеніе къ русскимъ сильно и явно высказываются при каждомъ случаѣ». Въ объясненіе этого припомнимъ, что это было время испанской революціи: она производила тогда сильное дѣй-

[1]) Blätter I, 211; III, 171, 183.

ствіе на умы и возбуждала самое горячее сочувствіе во всѣхъ людяхъ либеральныхъ воззрѣній, — между тѣмъ Россія относилась къ ней конечно самымъ враждебнымъ образомъ, и въ то время шли толки, что русскія войска должны двинуться для подавленія революціи. Кромѣ того, эта вражда къ русскимъ могла исходить и изъ различныхъ личныхъ встрѣчъ съ русскими по случаю пріѣзда въ Берлинъ в. кн. Николая. Въ Пруссіи уже съ этого времени чувствовалось сильное вліяніе русскаго двора, и это естественно возбуждало въ пруссакахъ національную ревность. Фарнгагенъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности такихъ отношеній по поводу спорнаго вопроса о Данцигѣ, гдѣ императоръ Александръ заставилъ прусскаго принца, говорившаго съ нимъ объ этомъ дѣлѣ въ Петербургѣ, выслушать очень рѣзкія вещи. Фарнгагенъ прибавляетъ слова короля, имѣющія отношеніе къ этому случаю: «Говорятъ, что король не разъ употреблялъ такое выраженіе: что если-де не имѣешь 40 милліоновъ подданныхъ, то совсѣмъ и говорить нельзя» [1]).

Въ числѣ трудныхъ политическихъ вопросовъ, на которыхъ въ особенности сталкивались противорѣчивыя стремленія имп. Александра, его первоначальный либерализмъ позднѣйшая реакціонная политика, стояли на первомъ планѣ вопросы польскій и греческій; эти вопросы въ то же время близко интересовали русскую публику. Фарнгагенъ дѣлаетъ нѣсколько замѣтокъ о томъ и о другомъ. Польская конституція была, какъ мы выше упомянули, дѣломъ личнаго желанія императора; она была рѣшена, но практическое выполненіе съ первыхъ шаговъ представило трудности, непреоборимыя для Александра. Въ самомъ дѣлѣ, являясь въ Польшѣ конституціоннымъ монархомъ, Александру приходилось отказываться отъ собственной личности, отъ всѣхъ взглядовъ, привычекъ, дѣйствій самаго неограниченнаго абсолютнаго государя, какимъ онъ былъ въ Россіи. Открытіе конституціоннаго сейма въ Польшѣ поставило на пробу либеральные принципы, и они не выдержали ея: взаимныя притязанія уже скоро разстроили конституціонныя отношенія, и онѣ наконецъ стали мертвой буквой. Въ результатѣ осталась прежняя національная вражда, къ которой присоединялось неудовольствіе въ русскомъ обществѣ, что страна завоеванная, какой надо было считать Польшу, получала свободныя учрежденія, которыхъ лишена была страна самихъ завоевателей. Въ сентябрѣ 1820 года, Фарнгагенъ пишетъ: «Сегодня (19-го сентября) въ «Staatszeitung» напечатана рѣчь русскаго императора на сеймѣ

[1]) Blätter I, 211, 289, 291; III, 34.

къ полякамъ, — объ ней говорятъ въ шутку, что половину ея писалъ Лагарпъ, а другую половину г-жа Крюднеръ; здѣсь въ высшихъ сферахъ рѣчь не понравилась, какъ и ея толкованіе, которое дается ей въ депешахъ изъ Варшавы». Черезъ мѣсяцъ, въ октябрѣ: «Рѣчь императора при распущеніи польскаго сейма— очень чувствительно и трогательно» (sehr schmerzlich und beweglich), и затѣмъ упоминаетъ, что народъ обнаружилъ большую враждебность къ императору. Далѣе, опять новыя извѣстія о польскихъ отношеніяхъ, которыя дѣлаются все болѣе и болѣе натянутыми. Въ іюлѣ 1821 г. Фарнгагенъ пишетъ: «Русскій императоръ объявилъ полякамъ, что такъ какъ они дурно пользуются свободными учрежденіями и самостоятельностью, и возбуждали въ немъ столько неудовольствія, то онъ присоединитъ ихъ къ русской имперіи». Въ маѣ 1822 г.: «Въ Польшѣ очень натянутое положеніе дѣлъ: императоръ объявляетъ, что въ бюджетѣ для арміи отказа быть не можетъ, что въ гражданскихъ дѣлахъ надо было бы придумать средство быть бережливѣе, напр. богатые поляки могли бы служить безъ жалованья и т. п. Думаютъ, что цѣль (этихъ дѣйствій) та, чтобы конституція надоѣла полякамъ, и чтобы они отказались отъ нея добровольно».

Въ то же время Фарнгагенъ сообщаетъ о приказѣ имп. Александра, чтобы ни одинъ полякъ не могъ учиться за границей безъ позволенія. Въ февралѣ 1824 г.: «въ Варшавѣ недавно опять сдѣлано много арестовъ по поводу Umtriebe» [1]).

Если въ польскомъ вопросѣ Александръ долженъ былъ самъ убѣждаться въ своемъ прежнемъ заблужденіи, сознаваться себѣ, что онъ не въ состояніи выполнить своихъ плановъ, то въ греческомъ вопросѣ положеніе его было не лучше: онъ долженъ былъ— противъ своихъ личныхъ желаній — уступать принципамъ европейской реакціи, созданію которой онъ столько содѣйствовалъ. Въ свое время онъ сочувствовалъ нравственному возрожденію Греціи и не могъ въ душѣ не признавать справедливыми ея усилій завоевать себѣ національную свободу. Но европейская реакція ставила дѣло иначе: по разнымъ соображеніямъ, направленнымъ въ сущности и противъ Россіи, — именно противъ ея предполагаемыхъ завоевательныхъ плановъ,—эта реакція считала нужнымъ принять въ этомъ дѣлѣ сторону Турціи. Оставленіе грековъ на произволъ судьбы въ ту минуту, когда рѣшалось ихъ будущее существованіе, было дѣломъ величайшей несправедливости; но при всемъ томъ Александръ сталъ противъ грековъ,—

[1]) Blätter I, 202, 218, 219, 342; II, 129, 133; III, 23.

онъ далъ увѣрить себя, что возстаніе грековъ есть одна вѣтвь того революціоннаго пожара, тушеніе котораго въ Европѣ Священный Союзъ поставилъ себѣ задачей. Разъ ступивъ на эту дорогу, Александръ считалъ долгомъ оставаться вѣрнымъ своему рѣшенію и отвергать всѣ другія соображенія, говорившія въ пользу грековъ. Это было положеніе до крайности трудное, и мучительное для самого Александра: все общественное мнѣніе образованной Европы высказывалось въ пользу грековъ, за нихъ говорило и обаяніе классической древности и героизмъ ихъ настоящей борьбы; въ Россіи греческое дѣло было популярно съ другой стороны,—это было сочувствіе къ единовѣрцамъ, связаннымъ съ Россіей исконными историческими воспоминаніями и сражавшихся за освобожденіе отъ ига невѣрныхъ. Александръ не могъ не видѣть справедливости этихъ сочувствій и сознательно шелъ наперекоръ имъ: это стоило ему тягостной личной борьбы и новаго недовольства — въ общественномъ мнѣніи Европы и даже въ Россіи. Нѣсколько замѣтокъ, которыя мы находимъ у Фарнгагена, даютъ нѣсколько новыхъ подробностей для этой исторіи.

Въ іюлѣ 1821 года онъ пишетъ: «Странныя извѣстія изъ Греціи... «Австрійскій Наблюдатель» (оффиціальная австрійская газета, руководимая Генцомъ, и выражавшая взгляды Меттерниха) торжествуетъ... Въ обществѣ все еще надѣются на русскаго императора; *даже въ Вѣнѣ* думаютъ, что онъ двинетъ свои войска (т. е. противъ Турціи, въ защиту грековъ). Ансильонъ полагаетъ, что цензура можетъ дозволять все въ пользу грековъ — надо только остерегаться, чтобы не было ничего непріятнаго для императора Александра».

Въ январѣ 1822 г: «Въ Москвѣ русскій *народъ* произвелъ безпокойства, собирался толпами на улицахъ, и громко и сильно выражалъ свое *сочувствіе къ грекамъ*».

Въ августѣ того же года: «Импер. Александръ малодушенъ, боится со всѣхъ сторонъ, теперь всего больше — возстанія въ Германіи и въ Польшѣ. Меттернихъ отлично умѣетъ этимъ пользоваться и поддерживать это настроеніе; онъ пугаетъ его карбонарами. Русскія ноты по греческому дѣлу, какъ говорятъ, крайне слабы и незначительны. Каподистрія не участвовалъ въ этихъ переговорахъ и не сдѣлалъ никакого рѣшительнаго вмѣшательства, также изъ малодушія и неувѣренности. О русскомъ кабинетѣ говорятъ: les Turcs leur crachent au visage, bientôt les Grecs leur cracheront au visage, ils en auront donc deux fois.—L'indépendance des Grecs est déjà un fait, ce n'est pas une question». Сказанное здѣсь о Каподистріи не совсѣмъ

вѣрно; Каподистрія видѣлъ невозможность сдѣлать что-нибудь въ тогдашнемъ положеніи вещей, и сдѣлалъ единственное, что могъ: онъ оставилъ въ это время русскую службу.

Въ сентябрѣ: «Побѣда грековъ надъ Хуршидъ-пашой подтверждается отовсюду. Русскіе и поляки не скрываютъ своей радости. Австрійцы досадуютъ, хотя и у нихъ нерѣдко высказывается втайнѣ участіе къ грекамъ».

Въ январѣ 1823 года: «Третьяго дня напечатана въ газетахъ декларація Веронскаго конгресса (въ которой участвовалъ и Александръ, и которая рѣзко осуждала греческое возстаніе)... Въ публикѣ единогласное неудовольствіе противъ этой деклараціи. Говорятъ прямо, что это низость, ничтожество, самая наглая ложь и т. д.; такимъ образомъ выражаются даже ультра (крайніе реакціонеры), — какъ я сказалъ, единогласное неудовольствіе. Жалѣютъ о графѣ Бернсторфѣ, которому пришлось подписать подобную вещь. Мѣсто противъ грековъ, какъ полагаютъ, написано австрійцами такъ рѣзко изъ злости противъ императора Александра: они все еще считаютъ его тайнымъ зачинщикомъ этого дѣла, и по крайней мѣрѣ дѣлаютъ ему его нынѣшнюю притворную роль очень горькой».

Въ октябрѣ: «Греки получаютъ все новыя удачи: но они начинаютъ бояться Священнаго Союза больше, чѣмъ самого турецкаго султана».

Въ сентябрѣ 1824 года: «Русскій императоръ, въ предположеніи, что Молдавія и Валахія теперь окончательно очищены турками, назначилъ маркиза Рибопьера посланникомъ въ Константинополь. Говорятъ открыто, что этимъ императоръ признаетъ передъ всей Европой свою слабость и глубоко унижаетъ себя этой чрезмѣрной уступчивостью, которая готова даже принимать фальшивыя показанія за истинныя».

Въ октябрѣ: «Говорятъ, что способъ дѣйствій Александра въ греческомъ дѣлѣ грызетъ ему душу; онъ чувствуетъ, какъ недостойна его роль, и однако не можетъ покинуть ее. La ruine des Grecs l'affligerait sans doute, mais leurs succès l'irritent [1])».

Въ такомъ видѣ представлялась европейскому общественному мнѣнію политическая роль, данная Россіи императоромъ Александромъ. Россія теряла уваженіе, и достоинство ея, высоко поднятое войнами противъ Наполеона, падало отъ ея способа дѣйствій въ греческомъ вопросѣ, отъ ея подчиненія разсчетамъ Австріи, отъ уступчивости наглымъ требованіямъ Турціи, къ которой Россія еще никогда не становилась въ подобное положе-

[1]) Blätter I, 339; II, 20, 177, 192, 277, 430; III, 134, 146.

ніе. Нелюбовь къ Россіи явно выростала, и любопытно сравнить, въ дневникѣ Фарнгагена, эти отголоски общественнаго мнѣнія Европы за послѣдніе годы императора Александра и за первые годы царствованія имп. Николая. Послѣдній, сколько можно судить по различнымъ отзывамъ Фарнгагена, вызывалъ въ Пруссіи очень враждебное мнѣніе; но энергія, выказанная имъ въ отношеніяхъ къ Турціи, произвела впечатлѣніе въ Европѣ, и Россія снова стала импонировать.

Весь характеръ послѣднихъ годовъ царствованія Александра не былъ способенъ благопріятно дѣйствовать и на само русское общество. Какъ ни мало имѣло оно всегда голоса въ дѣлахъ государства, но въ немъ повидимому стало сказываться сильное недовольство. Насколько мы знаемъ теперь эту исторію, мы можемъ наблюдать развитіе этого недовольства въ распространеніи тайныхъ обществъ, принимавшихъ все болѣе и болѣе враждебный правительству характеръ. Но внѣ кружка «декабристовъ», намъ до сихъ поръ мало извѣстно настроеніе тогдашняго общества, и сами декабристы, какъ ни было все-таки значительно ихъ число, представляются намъ какимъ-то исключеніемъ, не имѣющимъ связей съ цѣлой массой общества. Тогдашняя литература была слишкомъ нѣма, чтобы по ней можно было судить о дѣйствительномъ состояніи умовъ. Замѣтки Фарнгагена сообщаютъ и здѣсь нѣсколько небезъинтересныхъ указаній, которыя, хотя и отрывочны, но даютъ однако понятіе о настроеніи общества, о распространеніи либерализма и о сильномъ недовольствѣ, возбуждаемомъ дѣйствіями правительства, и иной разъ намекаютъ на обстоятельства, которыя, сколько мы знаемъ, не были упоминаемы до сихъ поръ въ существующихъ разсказахъ объ этомъ времени. Между прочимъ читатель самъ замѣтитъ нѣсколько явныхъ преувеличеній, на которыхъ мы потому и не будемъ останавливаться.

Въ январѣ 1821 г., Фарнгагенъ пишетъ: «Пріѣзжающіе русскіе сильно бранятъ русскіе военные порядки, рабскій педантизмъ, который по ихъ мнѣнію пришелъ къ нимъ изъ Пруссіи. Поэтому они ненавидятъ Пруссію, гдѣ однако это вовсе не такъ дурно, какъ они сами теперь видятъ. (Эти русскіе не совсѣмъ ошибались потому, что порядки были дѣйствительно прусскіе, только старые, которые въ самой Пруссіи были давно брошены, а въ Россіи еще продолжали процвѣтать,—какъ это у насъ случалось и случается очень часто). Они смѣло высказываются въ пользу Неаполя, говорятъ о правахъ народовъ, о необходимости конституціонныхъ учрежденій, которая чувствуется и въ Россіи, говорятъ, что пребываніе за границей пробудило и простого сол-

дата, и пр. Анекдотъ о полковникѣ Шварцѣ, который ложится на землю, чтобы лучше видѣть, ровно ли солдаты маршируя поднимаютъ ноги, и если замѣтитъ, что кто-нибудь маршируетъ неровно, вызываетъ его изъ строя и плюетъ на него».—Это конечно тотъ самый Шварцъ, изъ-за котораго произошло извѣстное возмущеніе Семеновскаго полка.

Въ февралѣ: «Одинъ молодой русскій, г. Ш., бранитъ въ обществѣ государей, которые унижаются до Schlächterhunden, и называетъ дѣло неаполитанскаго народа справедливымъ дѣломъ».

Въ маѣ: «Русскіе ужасно бранятъ войну»—вѣроятно, рѣчь идетъ о тогдашнихъ военныхъ приготовленіяхъ къ вооруженному вмѣшательству въ итальянское возстаніе.

Въ іюнѣ: «Императоръ Александръ сказалъ въ Варшавѣ одной графинѣ, кажется Потоцкой, что Лайбахскій конгрессъ будетъ послѣднимъ въ этомъ родѣ, потому что здѣсь уже не оказалось общаго согласія государствъ; что теперь каждому государству надо воротиться опять къ прежней системѣ, имѣть въ виду свои собственные интересы, сколько возможно отдѣльно отъ другихъ. Повидимому, императоръ хочетъ изгладить впечатлѣніе, какое онъ замѣчаетъ въ Польшѣ и въ Россіи относительно своей роли; имъ очень недовольны и считаютъ, что онъ далъ себя обмануть Меттерниху».

Въ сентябрѣ: «Полякъ Конарскій, изъ Кракова, полный пламенной республиканской любви къ отечеству, говоритъ противъ властителей (Grossen) и аристократіи. Между поляками и русскими много затаеннаго озлобленія. Говорятъ, что императоръ Александръ находится въ большой тревогѣ и нерѣшительности, что онъ походитъ на Павла, и что общественное направленіе въ Россіи кажется ему опаснымъ».

Въ декабрѣ этого года Фарнгагенъ записываетъ такіе слухи: «Въ концѣ сентября въ Петербургѣ открытъ будто бы заговоръ высшей аристократіи противъ императора; на престолъ хотѣли возвести царствующую императрицу; первое открытіе и заявленіе о заговорѣ сдѣлалъ будто бы Сперанскій. Императоръ уже не совладаетъ съ своими вельможами и жизнь его не въ безопасности. Говорятъ, что онъ хочетъ совсѣмъ уничтожить старое боярское дворянство и сохранить только выслуженное. На обратномъ пути изъ Витебска въ него, говорятъ, бросали камнями».

Далѣе, въ августѣ 1822 г.: «Нѣсколько молодыхъ русскихъ говорятъ здѣсь въ самомъ рѣшительномъ революціонномъ духѣ времени, смѣются надъ кабинетами и конгрессами, ждутъ пол-

нѣйшаго переворота во всѣхъ государствахъ, предсказываютъ величайшія событія»...

«Здѣшніе русскіе, когда бываютъ въ своемъ кругу, не скрываютъ своей ненависти къ Австріи, съ ожесточенными насмѣшками нападаютъ на ея учрежденія, ея армію, ея педантизмъ; бѣдному эрцъ-герцогу Францу сильно достается».

Фарнгагенъ записываетъ мнѣніе одного русскаго, который находилъ умъ имп. Александра совершенно обыкновеннымъ... «Онъ любитъ только посредственность; настоящій геній, умъ и талантъ пугаютъ его, и онъ только противъ воли и отворотивъ лицо, употребляетъ ихъ въ крайнихъ случаяхъ. У него никогда не бываетъ ни минуты искренности и простоты, онъ всегда насторожѣ. Самыя существенныя его свойства — тщеславіе и хитрость, или притворство», и т. д. [1]).

Въ сентябрѣ 1822 г. (въ Тёплицѣ) Фарнгагенъ опять пишетъ: «Пріѣзжаетъ много русскихъ и поляковъ; они говорятъ чрезвычайно смѣло и свободно, особенно русскіе»...

«Князь Голицынъ говорилъ мнѣ о крѣпостныхъ отношеніяхъ въ Россіи, что большая часть крупныхъ помѣщиковъ склонны освободить своихъ крестьянъ; но императоръ думаетъ теперь только о томъ, чтобы обезпечить себя отъ революціонеровъ и совершенно оставилъ конституціонные планы, если когда-нибудь серьезно ихъ имѣлъ. Внутри Россіи большое развитіе всякаго рода культуры, но управленіе и суды въ печальномъ состояніи, по недостатку въ хорошихъ учрежденіяхъ и хорошихъ чиновникахъ»...

«Въ Россіи дѣйствительно закрыты всѣ масонскія ложи; думаютъ, что Меттернихъ напугалъ императора Александра».

Въ октябрѣ: «По письмамъ изъ Вѣны, имп. Александръ жилъ въ Вѣнѣ (во время поѣздки на Веронскій конгрессъ) очень уединенно и никого почти не видѣлъ... Полагаютъ, что онъ долженъ быть въ очень печальномъ настроеніи. Новые толки о большомъ неудовольствіи военныхъ въ Россіи. Гвардія и другіе полки, бывшіе во Франціи, хотятъ уничтоженія тѣлесныхъ наказаній; младшіе офицеры оказываютъ неповиновеніе и неуваженіе къ старымъ генераламъ» и проч. [2]).

Извѣстія объ этомъ неудовольствіи въ гвардіи и арміи при-

---

[1]) Blätter I, 256, 261, 296, 327, 349, 380: II, 181, 188. Между прочимъ, любопытныя разсужденія одного русскаго объ Австріи приведены у Фарнгагена I, 347. Этотъ русскій хорошо понималъ положеніе вещей въ Австріи, и предвидѣлъ будущее паденіе Меттерниховской системы управленія (въ 1821 году).

[2]) Blätter II, 191, 192, 201, 213.

водятся нѣсколько разъ у Фарнгагена въ теченіе 1821 — 1825 годовъ: военные высказывали неудовольствіе, оказывали сопротивленіе властямъ; разъ были разжалованы за подобныя вещи даже два генерала; на одномъ обѣдѣ, когда предложенъ былъ тостъ за императора, офицеры перевернули стаканы и т. п. [1]).

Источникъ этого неудовольствія отчасти заключался въ чисто военныхъ поводахъ, какъ это было напр. въ случаѣ съ Семеновскимъ полкомъ, гдѣ новыя, болѣе мягкія формы дисциплины, введенія которыхъ желали одинаково и молодые офицеры и солдаты, встрѣтились со старой суровой дисциплиной; но съ другой стороны это неудовольствіе имѣло и свою политическую причину.

Въ запискахъ Фарнгагена не забыта и семеновская исторія. Въ октябрѣ 1823 года, онъ записываетъ слѣдующіе ея результаты, достовѣрность которыхъ мы не имѣемъ возможности провѣрить: «Полковникъ Шварцъ, противъ жестокостей котораго возмутился Семеновскій полкъ, снова получилъ мѣсто. Изъ солдатъ этого полка, размѣщенныхъ тогда по армейскимъ полкамъ, теперь не осталось въ живыхъ ни одного — такъ утверждаютъ русскіе, хорошо знающіе дѣло. Говорятъ, что всѣ они были засѣчены, и поводы къ этому легко съумѣли найти. Говорятъ, императоръ не хотѣлъ когда-нибудь слышать еще объ этихъ людяхъ» [2])...

Извѣстія изъ Россіи были подъ конецъ все смутнаго и мрачнаго характера. Въ маѣ 1823 года, Фарнгагенъ упоминаетъ о перемѣнахъ въ ближайшей обстановкѣ императора, объ отставкѣ кн. Волконскаго, Меншикова, Гурьева и пр. «Императоръ, какъ говорятъ, очень недовѣрчивъ и суровъ. Говорятъ о большомъ столкновеніи партій въ Петербургѣ, гдѣ все легко переходитъ въ заговоръ».

Въ октябрѣ 1824 г.: «Здоровье императора (путешествовавшаго тогда на югъ Россіи) возбуждаетъ серьёзныя опасенія. — Русскіе бранятъ его; во всей имперіи господствуетъ большое неудовольствіе, особенно между знатными и въ войскѣ» [3]).

Въ такомъ мрачномъ видѣ представлялось вообще внутреннее состояніе Россіи къ концу царствованія императора Александра. По тому, чтò мы знаемъ до сихъ поръ объ этой сторонѣ исторіи того времени, нельзя было составить точнаго понятія объ этомъ предметѣ; показанія Фарнгагена также конечно должны быть провѣрены, но вообще, кажется, надо признать, что обще-

---

[1]) Blätter I, 342; II, 134, 145, 146, 303.

[2]) Blätter II, 430.

[3]) Blätter II, 342; III, 146.

ственное недовольство въ послѣдніе годы правленія Александра было сильнѣе, чѣмъ у насъ обыкновенно представляютъ. Если это такъ, тогда движеніе «декабристовъ» получаетъ больше связи съ общимъ состояніемъ общества, чѣмъ можно было думать.

Записки Фарнгагена сообщаютъ наконецъ интересныя подробности о декабрѣ 1825 года. Изъ нихъ видно, какъ представлялись русскія событія въ Германіи, какое дѣйствіе они произвели въ правительствѣ и обществѣ; въ нихъ найдутся и нѣкоторыя частности для исторіи самыхъ событій. Смерть императора Александра произвела въ Европѣ, и особенно въ Германіи, очень сильное впечатлѣніе. Во-первыхъ, это было политическое событіе великой важности, потому что сходилъ со сцены одинъ изъ главнѣйшихъ членовъ Священнаго Союза, представитель цѣлой политической системы, — и можно было ожидать большого переворота во всемъ политическомъ характерѣ континентальной Европы. Во-вторыхъ, эта смерть вызывала оцѣнку дѣятельности императора, вызывала воспоминанія о немъ какъ человѣкѣ, въ судьбѣ котораго блестящая слава соединялась съ тяжелыми испытаніями и страданіями внутренней борьбы. Эти воспоминанія примиряли или по крайней мѣрѣ смягчали тѣ стороны его послѣдней дѣятельности, которыя могли вызывать только осужденіе. Такое впечатлѣніе передаетъ и Фарнгагенъ.

Мы прослѣдимъ его извѣстія, довольно полно отражающія ходъ дѣла. Извѣстно, къ какимъ затрудненіямъ повело то обстоятельство, что вопросъ о престолонаслѣдіи рѣшенъ былъ имп. Александромъ втайнѣ отъ общества, которое было, вслѣдствіе того, убѣждено, что естественнымъ преемникомъ Александра будетъ в. кн. Константинъ. Читателямъ извѣстно конечно изъ книги барона Корфа, какъ давно опредѣлилось это рѣшеніе Александра, вслѣдствіе того, что в. кн. Константинъ самъ отказывался отъ престола, и какъ давно это рѣшеніе сообщено было и в. кн. Николаю. Въ дипломатическихъ кругахъ знали объ этой тайнѣ; но такъ какъ рѣшеніе имп. Александра не было сопровождаемо никакимъ явнымъ оффиціальнымъ актомъ, и объ этомъ вопросѣ никогда потомъ не поднималось рѣчи, то мало-по-малу впечатлѣніе изгладилось, и эти предположенія были оставлены: преемникомъ Александра стали вообще считать в. кн. Константина. Эта увѣренность раздѣляема была даже въ высшемъ русскомъ кругу людьми, которымъ не было неизвѣстно о рѣшеніи имп. Александра. Въ декабрѣ 1823 года, Фарнгагенъ заноситъ въ свой дневникъ отзывы о в. кн. Николаѣ, и замѣчаетъ: «Въ Россіи не сомнѣваются, что послѣ Александра на престолъ взойдетъ Кон-

стантинъ, а не Николай, какъ у насъ часто воображали» [1]). Изъ этихъ словъ видно, что упомянутое рѣшеніе имп. Александра было очень извѣстно въ берлинскомъ дипломатическомъ обществѣ, къ которому принадлежалъ Фарнгагенъ. Черезъ годъ, въ декабрѣ 1824, онъ записываетъ слова кн. Козловскаго, который дѣлалъ такія предположенія о будущемъ: «Кн. Козловскій говорилъ мнѣ, что по смерти имп. Александра, съ новымъ правителемъ, кто бы онъ ни былъ, въ первый разъ въ Россіи будутъ говорить о правахъ, если не народа, то аристократіи, и тотъ, кто захочетъ имѣть престолъ, долженъ будетъ на это согласиться». Такимъ образомъ, кн. Козловскій также не былъ увѣренъ въ престолонаслѣдіи. Черезъ нѣсколько дней Фарнгагенъ говорилъ съ нимъ объ одномъ русскомъ дипломатѣ, о которомъ кн. Козловскій предполагалъ, что онъ пойдетъ впередъ и «при Константинѣ навѣрно будетъ министромъ иностранныхъ дѣлъ» [2]).

Переходимъ теперь къ извѣстіямъ Фарнгагена о декабрѣ 1825 года, и его послѣдствіяхъ.

«Вчера — пишетъ онъ 14-го декабря н. ст. — пришло сюда отъ генеральнаго консула Юліуса Шмидта изъ Варшавы къ графу Бернсторфу извѣстіе, что императоръ Александръ умеръ (1-го декабря н. ст.) въ Таганрогѣ, на Азовскомъ морѣ. Король былъ очень пораженъ и прослезился, но потомъ выразилъ надежду, что извѣстіе можетъ быть ложно, или что дѣло идетъ не объ императорѣ, а объ императрицѣ. Сегодня газета еще не должна была ничего объявлять. Но посланники отправили извѣстіе дальше съ эстафетами или курьерами. Бумаги на нашей биржѣ вчера же упали на одинъ процентъ. Извѣстіе это приводитъ въ движеніе весь городъ.... Русскій посланникъ надѣлъ уже трауръ. При дворѣ все находится въ мрачномъ, натянутомъ настроеніи.

«В. кн. Константинъ готовится въ Варшавѣ къ скорому отъѣзду въ Петербургъ, съ нимъ в. кн. Михаилъ, но в. кн. Николай именно находится въ Петербургѣ. Не сомнѣваются, что императоромъ будетъ Константинъ, и потому не свободны отъ безпокойства: онъ страшно ненавидитъ пруссаковъ и нисколько этого не скрываетъ; отъ него не ждутъ ничего дружелюбнаго. Боятся также, что онъ объявитъ императрицей свою супругу, графиню Ловичъ, и тѣмъ поставитъ въ непріятное положеніе супругу в. кн. Николая. Но умеръ ли съ Александромъ и Священный Союзъ, или онъ будетъ жить и дальше? — въ этомъ послѣднемъ очень сомнѣваются.

---

1) Blätter II, 457—458.

2) Blätter III, 185, 189.

«Господинъ Кампцъ первый сообщилъ мнѣ это извѣстіе. «Проклятое извѣстіе!» воскликнулъ онъ. Дѣйствительно, теперь многое стоитъ на картѣ. Затрудненія Меттерниха увеличиваются, вся система можетъ рухнуть?

«Король велѣлъ своему сыну, принцу Вильгельму, быть готовымъ къ отъѣзду въ Петербургъ; онъ отправится, какъ только будетъ извѣстно, кто императоръ.

«Мнѣніе, уже существовавшее прежде, что в. кн. Константинъ отказался отъ наслѣдованія престола, какъ говорятъ, не совсѣмъ лишено основанія. Фельдмаршалъ графъ Гнейзенау, только что пріѣхавшій сюда изъ Силезіи, увѣряетъ, что государственный канцлеръ князь Гарденбергъ самъ говорилъ ему, однажды, что Константинъ сдѣлалъ это отреченіе по случаю брака нашей принцессы Шарлотты съ его братомъ Николаемъ, въ пользу послѣдняго. Но въ Россіи это не сдѣлало бы ничего, если бы даже это и было дѣйствительно такъ, что еще очень подлежитъ сомнѣнію.

«Въ Literat. Konversationsblatt недавно было замѣчено, что въ прусскихъ календаряхъ в. кн. Николай былъ показанъ какъ преемникъ Александра. Этого нѣтъ въ нѣсколькихъ календаряхъ, въ которыхъ искали; но это указаніе, если оно и ложно, въ настоящую минуту получаетъ для Пруссіи очень непріятное значеніе и можетъ страшно повредить намъ у Константина.

«Извѣстіе о смерти Александра было здѣсь уже третьяго дня вечеромъ; въ 8 часовъ гр. Бернсторфъ доставилъ его королю, а полчаса спустя графу Алопеусу» (русскому посланнику).

Черезъ два дня (16-го дек. н. ст.) Фарнгагенъ пишетъ:

«Графъ Бернсторфъ говорилъ мнѣ, что в. кн. Константинъ еще не выѣхалъ изъ Варшавы, а только послалъ (въ Петербургъ) своего брата Михаила; еще ничего рѣшительно неизвѣстно о томъ, кто взойдетъ на престолъ — извѣстіе объ этомъ можетъ придти только черезъ нѣсколько дней. Бернсторфъ признается, что вся прежняя политика кончается, вся система уничтожена, и если будетъ продолжаться, то всѣ нити надо будетъ завязывать вновь. Онъ поручаетъ мнѣ написать статью объ императорѣ Александрѣ, которую онъ хочетъ представить королю и потомъ напечатать въ «Staatszeitung»; очень трудно, по тому роду, въ какомъ поставлена задача!

«Въ городѣ господствуетъ величайшее смущеніе (Bestürzung): думаютъ, что идетъ дѣло о спокойствіи Европы, что Пруссіи прежде всѣхъ грозитъ война. В. кн. Константинъ ненавидитъ пруссаковъ вообще, и въ особенности кронъ-принца, который, говорятъ, глубоко оскорбилъ его въ прежнее время своими остротами. Гр. Бернсторфъ тоже говоритъ, что отъ него нечего ждать

хорошихъ отношеній. Биржа была въ большомъ безпокойствѣ; бумаги сильно падаютъ.... Король очень мраченъ; при дворѣ все въ боязливомъ ожиданіи.

«Фельдмаршалъ графъ Гнейзенау говоритъ, что смерть Александра есть такая большая потеря для міра, что, еслибъ только было возможно, онъ отдалъ бы ему многіе или немногіе годы, которые еще суждены ему [1]).

«Графъ Бернсторфъ говоритъ мнѣ, что дѣйствительно при бракѣ принцессы Шарлотты со стороны Константина сдѣланъ былъ родъ отреченія отъ наслѣдованія престола, но что теперь онъ мало обратитъ на это вниманія.

«Русскихъ видятъ уже въ Кёнигсбергѣ, въ Данцигѣ, въ Берлинѣ; считаютъ уже за вѣрное, что они потребуютъ отъ насъ балтійскихъ провинцій и Помераніи».

Странно видѣть въ самомъ дѣлѣ, какой страхъ напалъ тогда на Пруссію. Самыя серьёзныя опасенія распространены были не только въ обществѣ, но и въ правительственныхъ кругахъ. Государственные люди раздѣляли страхъ и высказывали раскаяніе за прежнія ошибки и беззаботность Пруссіи: одни боялись за рейнскія провинціи, другіе жаловались на упадокъ значенія Пруссіи въ союзномъ сеймѣ, гдѣ она подчинялась Австріи, теряя довѣріе и авторитетъ внѣ и внутри. «Мы возились съ жалкими дѣлами о проискахъ, — говорили другіе, — мы удалили сильные характеры и таланты, и думали не о дѣлѣ, а о случайныхъ милостяхъ двора»...

Наконецъ, 18-го декабря н. ст. пришло оффиціальное извѣстіе о смерти Александра изъ Петербурга и появилось на другой день въ газетахъ; неоффиціально сообщалось и о присягѣ в. кн. Николая Константину, которому присягнуло и войско.

«Но сегодня, — записываетъ Фарнгагенъ 19-го, — по всему городу распространилось извѣстіе, что в. кн. Николай принялъ эту мѣру прежде, чѣмъ имѣлъ извѣстіе отъ Константина изъ Варшавы, что это извѣстіе пришло тотчасъ послѣ присяги и изъ него увидѣли, что Константинъ отклоняетъ русскую корону

---

[1]) Нѣсколько дней спустя (3-го янв. н. ст. 1826) Фарнгагенъ записываетъ слова графа Зичи (Zichy), —«что для Александра истинное счастье, что онъ умеръ прежде, чѣмъ греческое дѣло пришло къ разрѣшенію,—котораго онъ старательно хотѣлъ избѣгнуть путешествіемъ на югъ въ то самое время, когда объ этомъ шла рѣчь на петербургскихъ конференціяхъ. Такое разрѣшеніе этого дѣла, что онъ совершенно бы не хотѣлъ помочь грекамъ, запятнало бы его славу; дѣятельная помощь имъ разрушила бы его заботу объ европейскомъ мирѣ. — Александръ выдерживалъ самую несчастную войну между двумя направленіями, а ему нельзя было бы откладывать рѣшенія на долго» (IV, 4).

и хочетъ быть только королемъ польскимъ, и что поэтому Николай есть русскій императоръ.... Большинство умныхъ людей увѣрено, что Константинъ какъ польскій король былъ бы для Пруссіи еще худшимъ сосѣдомъ, чѣмъ какъ русскій императоръ....

«Въ обществѣ слышатся самыя рѣзкія, безпощадныя сужденія о всей нашей государственной роли, особенно относительно дѣлъ, которыя теперь заставляютъ оглянуться на насъ самихъ. Находятъ, что король нерѣшителенъ, заботится только о мелочахъ, государственные люди напуганы или равнодушны; жалуются, что ничего не предвидѣно, ни о чемъ не имѣютъ яснаго представленія». Находили вообще, что если бы Пруссіи предстояла война, то Пруссія оказалась бы не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ была въ 1806 году.

«Да, да,—говорили офицеры—нашъ король можетъ испытать еще разъ тоже самое, и какъ тогда долженъ былъ уходить отъ французовъ въ Мемель, такъ теперь будетъ уходить отъ русскихъ въ Саарбрюкенъ» (на французской границѣ). И опять раздавались жалобы на то, что нѣтъ государственныхъ людей съ умомъ и талантомъ, и что у кого было то или другое, тѣмъ только раньше приходилось идти въ отставку.

12-го (24-го) декабря, Фарнгагенъ записываетъ въ дневникѣ новыя извѣстія и предположенія о русскихъ дѣлахъ:

«Въ Вѣнѣ смерть императора Александра произвела большое впечатлѣніе, и государственныя бумаги сильно упали....

«Здѣсь все еще господствуетъ неизвѣстность. Говорятъ, что в. кн. Константинъ отказывается принимать престолъ и продолжаетъ оставаться въ Варшавѣ. Говорятъ, что онъ держится прежняго отреченія; другіе думаютъ, что причина отказа есть обѣтъ, данный имъ въ страхѣ въ 1801 году.... Нѣкоторые полагаютъ, что онъ не хочетъ быть императоромъ изъ боязливости; другіе думаютъ, что онъ слишкомъ поторопился и предположивъ, что Николай уже взялъ въ руки правленіе, выбралъ свою теперешнюю роль, изъ которой не вдругъ можетъ выйти. На своемъ отреченіи онъ упорно настаиваетъ, и велѣлъ посадить подъ арестъ многихъ генераловъ и другихъ людей, которые называли его «ваше величество».... Въ Петербургѣ, повидимому, господствуетъ сильное недоразумѣніе (Unsicherheit) и боязнь....

«Здѣсь (въ Берлинѣ) находятъ, что въ политическомъ отношеніи было бы лучше, если бы престолъ получилъ Константинъ». При Николаѣ опасались, конечно, слишкомъ большого вліянія на дѣла Пруссіи со стороны русскаго двора [1]).

---

[1]) Ср. Blätter III, 229, 428.

16-го (28-го) декабря въ Берлинѣ все еще не было окончательныхъ извѣстій:

«Здѣсь все еще неизвѣстность и озабоченность. Ходятъ самыя противорѣчащія извѣстія и никто не можетъ объяснить себѣ хода вещей. Съ одной стороны объявляютъ, что когда изъ Петербурга отправилась депутація отъ сената для поздравленія Константина, онъ послалъ ей навстрѣчу г. Моренгейма сказать ей, чтобы она тотчасъ же ворочалась назадъ, что онъ не хочетъ быть императоромъ и не совѣтуетъ имъ показываться ему въ Варшавѣ. Съ другой стороны Алопеусъ (русскій посланникъ въ Берлинѣ), который долженъ знать, что дѣлаетъ, сегодня черезъ прусскую газету приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ здѣсь русскихъ—1-го января присягать въ посольской церкви императору Константину. Нѣкоторые думаютъ, что Константинъ играетъ роль отреченія, чтобы его, такъ сказать, вынудили принять корону. Другіе думаютъ, что онъ изъ страха, что въ Петербургѣ все уже кончено безъ него, поспѣшно подчинился, чтобы пріобрѣсти, по крайней мѣрѣ, эту заслугу» и пр... Объясняли разными соображеніями и медленность Николая принять корону.

«Князь Меттернихъ, какъ меня увѣряютъ изъ хорошихъ источниковъ, уже издавна принималъ всѣ мѣры, чтобы привлечь на свою сторону в. кн. Константина, и ему, говорятъ, удалось это; въ числѣ окружающихъ великаго князя Меттернихъ также, говорятъ, имѣетъ рѣшительныхъ друзей».

18-го (30-го) декабря новыя анекдотическія подробности въ дневникѣ:

«Изъ Варшавы извѣщаютъ, что Константинъ на всѣхъ письмахъ, которыя приходятъ къ нему, какъ императору, вычеркиваетъ свое имя, ставитъ имя брата своего Николая и нераспечатанными отсылаетъ къ нему. Этого способа дѣйствій не понимаютъ, не могутъ объяснить себѣ ни цѣли, ни основаній его. Еслибы онъ совершенно не хотѣлъ короны, — такъ говорятъ здѣсь,—то ему надо было бы принять совсѣмъ другія мѣры, не оставаться также намѣстникомъ и генералиссимусомъ въ Польшѣ и т. д.

«В. кн. Константинъ велитъ продолжать еще до 19-го января молебны о здравіи Александра, какъ будто тотъ былъ еще живъ. Это не простая странность, говорятъ здѣшніе дипломаты; здѣсь скрывается нѣчто большее» [1]).

Упомянувъ о томъ, что в. кн. Михаилъ снова былъ посланъ въ Варшаву, Фарнгагенъ прибавляетъ извѣстіе изъ Варшавы,

---

[1]) Blätter III, 418—431.

что, по свѣдѣніямъ изъ Петербурга, къ Константину хотѣлъ ѣхать и самъ в. кн. Николай.

21-го декабря (2-го января) въ Берлинѣ прошелъ уже слухъ, что король и русскій посланникъ получили оффиціальное извѣщеніе, что в. кн. Николай, послѣ упорныхъ отказовъ Константина, вступаетъ, наконецъ, на престолъ. На другой день это извѣстіе подтвердилось, и въ Берлинѣ узнали о вступленіи на престолъ имп. Николая.

Упомянутое нами выше извѣстіе въ «Konversationsblatt», что въ одномъ прусскомъ календарѣ в. кн. Николай показанъ былъ впередъ преемникомъ Александра, произвело цѣлую суматоху въ правительственныхъ сферахъ; о несчастномъ календарѣ началась цѣлая траги-комическая исторія, за которой Фарнгагенъ слѣдитъ въ своемъ дневникѣ. Прежде всего государственные люди сообразили, что этотъ календарь можетъ скомпрометтировать всю Пруссію, показывая наслѣдникомъ престола Николая, когда всѣ ожидали, что императоромъ будетъ Константинъ. Начали отыскивать календарь; долго его не находилось, наконецъ въ газетахъ указано было, что это извѣстіе находится въ одномъ провинціальномъ календарѣ, который былъ частнымъ изданіемъ нѣкоего Тровицша. Потребовали отчета у цензора и издателя, какимъ образомъ былъ допущенъ такой недосмотръ,—хотя его съ самаго начала можно было объяснить давнишнимъ слухомъ объ отреченіи Константина въ пользу Николая (какъ это впослѣдствіи и оказалось). Къ пущему смущенію государственныхъ людей, исторія о календарѣ перешла во французскія газеты, гдѣ объ этомъ поднялись толки, догадки и соображенія. Прусскіе министры увеличили еще нелѣпость этого дѣла изданіемъ суроваго министерскаго приказа (подписаннаго Шукманномъ и даже Бернсторфомъ, который все-таки былъ человѣкъ разсудительный), который запрещалъ въ Пруссіи «Konversationsblatt» вслѣдствіе «умышленной лжи» въ извѣстіи о календарѣ, — когда на дѣлѣ отыскался уже и самый календарь (Тровицша). Публика была очень недовольна этимъ запрещеніемъ, которымъ министры «мстили издателю за собственную глупость». Эта глупость оказалась потомъ еще больше, потому что показаніе календаря о русскомъ престолонаслѣдіи оправдалось фактически, когда на престолъ вступилъ дѣйствительно Николай. Черезъ мѣсяцъ, 2-го (14-го) января, Фарнгагенъ пишетъ въ дневникѣ: «Теперь открыто, что редакторъ календаря Тровицша назвалъ в. кн. Николая русскимъ наслѣдникомъ совершенно благонамѣренно, безъ всякаго дурного умысла, просто, чтобы дать своей книжкѣ бо́льшую точность, потому-что ему не разъ случалось объ этомъ слы-

шать»... Въ тоже время оказалось, что календарь Тровицша не былъ единственный, помѣстившій это свѣдѣніе о русскомъ престолонаслѣдіи; тоже показаніе находилось еще въ одномъ кведлинбургскомъ календарѣ и въ одномъ генеалогическомъ руководствѣ, напечатанномъ въ Галле.

По словамъ Фарнгагена, берлинскій дворъ, по фамильнымъ интересамъ, показывалъ большое сочувствіе къ новому обороту русскихъ дѣлъ; но въ политическомъ отношеніи этотъ оборотъ многимъ казался самымъ неблагопріятнымъ. Опасались, что Россія будетъ еще требовательнѣе, а прусскій дворъ уступчивѣе, и что отъ этого будутъ страдать прусскіе интересы. Оффиціальные акты, пришедшіе вмѣстѣ съ извѣстіемъ, подвергались комментаріямъ, и объявленіе Константина о причинахъ его отказа вызывало рѣзкія насмѣшки [1]). Разсчитывая будущій ходъ дѣлъ, вспоминали, что въ Берлинѣ (въ одномъ изъ дворцовъ) сохраняется оконное стекло, на которомъ в. кн. Николай, во время своего послѣдняго пребыванія въ Берлинѣ, начертилъ слова: «bonheur aux Grecs!» — въ то время, когда имп. Александръ имѣлъ на греческое дѣло совсѣмъ другіе взгляды. Прусскій кронпринцъ прибавилъ къ этимъ словамъ на томъ же стеклѣ и свое согласіе. Несмотря на то, думали, однако, что «если новый императоръ заступится за грековъ, то его побудятъ къ этому не его склонности, а требованія минуты»: мы видѣли, что образъ дѣйствій Александра въ греческомъ вопросѣ давно уже считали невозможнымъ и унизительнымъ для Россіи.

Вмѣстѣ съ актомъ отреченія Константина, манифестомъ о вступленіи на престолъ Николая и другими документами пришли въ Берлинъ (4-го янв. 1826, н. ст.) и первыя неясныя извѣстія, что въ Петербургѣ произошла «кровавая сцена».

На другой день, Фарнгагенъ записываетъ:

«Въ нашихъ газетахъ (5-го января) подробно разсказывается все, относящееся ко вступленію на престолъ имп. Николая, но ничего не говорится о томъ происшествіи, при которомъ погибъ Милорадовичъ; наша публика очень озадачена этимъ, такъ какъ боятся, что правительство можетъ имѣть и другія, болѣе непріятныя извѣстія. Новыя колебанія, новыя опасенія». Полагали, что въ Петербургѣ можетъ начаться новое кровопролитіе; очень интересовались тѣмъ, какъ принято будетъ это дѣло въ Москвѣ и въ войскѣ, стоящемъ на турецкой границѣ.

Принцъ Вильгельмъ, какъ было предположено, отправился въ Петербургъ черезъ Варшаву, гдѣ на два дня долженъ былъ оста-

---

[1]) Blätter IV, 7—8.

новиться у Константина. Король велѣлъ ему не торопиться въ дорогѣ; боялись, что онъ можетъ пріѣхать слишкомъ рано, когда новый оборотъ дѣлъ еще не достаточно установился. Австрія посылала въ Россію эрцгерцога Фердинанда Эсте. Въ публикѣ, по словамъ Фарнгагена, «эти поздравительныя путешествія принцевъ казались для многихъ жалкимъ признакомъ того, какое преобладаніе признаютъ за Россіей; находятъ неблагоразумнымъ такъ предупредительно сознаваться тамошнему двору, какъ сильно его боятся. Франція и Англія вовсе не посылаютъ принцевъ»...

Стали, наконецъ, приходить болѣе подробныя извѣстія изъ Петербурга. «Происшествія въ Петербургѣ были, говорятъ, очень серьезныя; между лицами, извѣстными теперь за руководителей, называютъ самыя знатныя имена. Но вообще думаютъ, что эти молодые люди только подставлены, и что за ними скрываются совсѣмъ другія лица. Въ нѣсколько дней неизвѣстности при дворѣ быстро составились партіи или обнаружились давно существовавшія. Вся русская аристократія, какъ говорятъ, въ полномъ броженіи, потребность и желаніе имѣть конституцію простираются очень далеко. Графъ Алопеусъ говоритъ даже, что послѣднія петербургскія событія были подготовлены уже давно; въ мартѣ долженъ былъ вспыхнуть заговоръ противъ Александра, но неожиданная перемѣна престола привела дѣло къ этой несозрѣвшей попыткѣ». Опасались, что произойдетъ еще что-нибудь.

«Здѣсь были очень удивлены тѣмъ,—замѣчаетъ Фарнгагенъ— что имп. Николай поспѣшилъ принесть присягу, что будетъ свято хранить конституціонную хартію, данную полякамъ Александромъ. Для русскихъ — какъ говорятъ здѣсь — страшно завидно, что Польша, въ сущности завоеванная страна, имѣетъ все-таки родъ конституціи, а они никакой».

6-го (18-го) января въ дневникѣ записано:

«Извѣстія изъ Россіи становятся все тревожнѣе... Движеніе было сильнѣе и глубже, чѣмъ хотятъ признаться... Народъ былъ дѣятельнѣе, чѣмъ солдаты, всѣ кричали о конституціи, ходъ дѣла долго оставался сомнительнымъ, все стояло на картѣ... Въ воззваніи новаго правительства о происходившихъ волненіяхъ встрѣчается выраженіе: «erbärmliche Wahrheiten», которое даетъ здѣсь поводъ къ разнымъ вопросамъ и насмѣшкамъ».

Черезъ нѣсколько дней:

...«Существовалъ формальный заговоръ... Само правительство представляетъ дѣло обширнымъ и значительнымъ, и другія правительства еще увеличиваютъ его важность, потому что теперь какъ будто снова оправдываются всѣ мѣры ультра-консерваторовъ, уже принятыя ими и будущія. У насъ съ новой

силой ожило кёпеницкое слѣдствіе. (Въ крѣпости Кёпеникѣ сидѣла нѣмецкая молодежь, обвиняемая въ демагогическихъ проискахъ). Въ Вѣнѣ отлично этимъ воспользуются. Что можетъ быть желаннѣе для Меттерниха какъ видѣть, что новый императоръ начинаетъ свое правленіе среди всѣхъ ужасовъ революціи и возстанія. Онъ обойдетъ его еще лучше чѣмъ Александра» и т. д. «Какой бы оборотъ ни приняло дѣло (приводитъ Фарнгагенъ чьи-то слова), остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что движеніе, охватившее до сихъ поръ почти всѣ народы, теперь обнаруживается и въ Россіи.

«Здѣсь (въ Берлинѣ) пущенъ въ ходъ глупый придворный анекдотъ, что многіе солдаты, которыхъ спрашивали послѣ, что собственно значилъ ихъ крикъ «конституція», отвѣчали: «жена Константина». Этимъ очень довольны. Но какъ нелѣпо обманывать себя подобными вещами! Вандейцы, солдаты нашихъ войнъ за освобожденіе, могли бы точно также послужить предметомъ для подобныхъ насмѣшекъ.

«Меттернихъ тотчасъ велѣлъ помѣстить въ «Австрійскомъ Наблюдателѣ» то мѣсто дипломатической ноты, гдѣ императоръ Николай обѣщаетъ оставаться вѣрнымъ политической системѣ Александра. Мы съ своей «Staatszeitung» не рѣшились бы на такую смѣлость»!

Русскія событія, какъ видимъ, сильно занимали общество. Люди прогрессивныхъ мнѣній, даже нѣкоторые изъ прусскихъ министровъ, находили, что здѣсь еще разъ высказывается общее европейское движеніе, и что государямъ слѣдуетъ стать во главѣ этого движенія; съ другой стороны, реакціонеры старались воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать монархизмъ еще болѣе абсолютнымъ, стѣснить конституціонный принципъ и свободу въ государствѣ и въ церкви.

Изъ Варшавы получались извѣстія, что вел. кн. Константинъ самымъ страшнымъ образомъ негодовалъ на происки революціонеровъ, бранилъ карбонаровъ и нѣмецкій буршеншафтъ, и полагалъ, что не слѣдуетъ пускать за границу ни одного русскаго или поляка, чтобы не заносить этого яда — въ особенности изъ нѣмецкихъ университетовъ. Берлинскіе реакціонеры, какъ увидимъ, воспользовались этой темой.

Въ теченіе февраля дневникъ продолжаетъ безпрестанно возвращаться къ русскимъ дѣламъ, которыя представляются въ самомъ мрачномъ видѣ.

29-го января (10-го февраля н. ст.): «Изъ Петербурга пишутъ, что нѣтъ почти русской знатной фамиліи, изъ членовъ которой не былъ бы кто-нибудь замѣшанъ въ заговорѣ...

«Изъ Неаполя пишутъ, что событія въ Россіи произвели особенно сильное впечатлѣніе на австрійскихъ офицеровъ въ Неаполѣ; многіе открыто выражаютъ желаніе, чтобы революція не оказалась совсѣмъ неудачной».

1-го (13-го) февраля: «Частныя письма изъ Петербурга изображаютъ тамошнее состояніе, какъ состояніе ужаса, страха и самаго глухого молчанія. Каждый думаетъ о другомъ, что онъ замѣшанъ. Все знатное общество въ смущеніи» и пр.

6-го (18-го) февраля: «Статья въ «Times», что Веллингтонъ повезетъ въ Россію предложенія, которыя поведутъ къ признанію грековъ».

«Изъ Петербурга приходятъ самыя дурныя извѣстія; слѣдствіе получаетъ все бо́льшую важность; почти боятся продолжать его. Императоръ не знаетъ больше кому довѣрять... Правительство изумлено въ особенности тѣмъ, что въ заговорѣ замѣшаны все люди знатныхъ фамилій; наши аристократы sind wie auf's Maul geschlagen,—до сихъ поръ они хвастались тѣмъ, что аристократія есть опора престола».

Одно частное письмо говорило, что боятся новаго возстанія революціонеровъ на 12-е марта, когда выставлено будетъ тѣло имп. Александра.

Въ дневникѣ замѣчено объ арестованіи въ Варшавѣ Кюхельбекера, переодѣтаго нищимъ.

11-го (23-го) февраля: «Изъ Россіи все еще дурныя извѣстія! Въ кровавомъ столкновеніи погибли, какъ говорятъ, тысячи людей, и тѣла ихъ просто брошены въ Неву. Изъ высшихъ источниковъ сообщаютъ, что имп. Николай строго накажетъ революціонеровъ, но также и уступитъ имъ, именно дастъ что-нибудь конституціонное и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ вести войну съ Турціей».

Кампцъ не остался безъ дѣла при этомъ случаѣ. Въ началѣ февраля французская газета «Constitutionnel» нарушила секретъ его занятій, объявивъ, что онъ занятъ новыми планами—возобновить преслѣдованіе нѣмецкихъ «происковъ», стоящихъ будто бы въ тѣсной связи съ русскимъ заговоромъ; газета обвиняла и Бернсторфа въ соучастіи съ Кампцемъ и говорила, что этимъ они послужатъ только Меттерниху. Статья «Constitutionnel» произвела въ Берлинѣ большое впечатлѣніе. «Здѣсь, въ обществахъ открыто радуются этой статьѣ, — пишетъ Фарнгагенъ; — даже зять господина Ансильона въ числѣ тѣхъ молодыхъ офицеровъ, которые съ величайшимъ презрѣніемъ говорятъ о Кампцѣ и съ злорадствомъ о дурныхъ результатахъ правительственныхъ мѣръ». Кампцъ не спорилъ противъ указаній газеты: «она забѣгаетъ

впередъ, — говорилъ онъ, — но впрочемъ справедлива, потому что онъ дѣйствительно работаетъ теперь надъ мемуаромъ, гдѣ онъ *неопровержимо доказываетъ* тѣсную связь русскихъ и нѣмецкихъ происковъ». Черезъ нѣсколько времени (въ томъ же февралѣ) французскій «Монитёръ» сообщалъ, что въ Петербургъ «прибылъ уже мемуаръ г. Кампца, гдѣ этотъ ученый публицистъ доказалъ связь русскаго заговора съ нѣмецкими происками, особенно съ союзомъ старыхъ (Bund der Alten)». Фарнгагенъ называетъ это слишкомъ поспѣшнымъ посольскимъ извѣстіемъ, хотя все-таки думалъ, что дѣло можетъ быть дѣйствительно въ ходу.

Но объ сущности этого дѣла самъ Бернсторфъ говорилъ Фарнгагену совершенно противное. «Графъ Бернсторфъ, съ которымъ я обстоятельно говорилъ, увѣрялъ меня (пишетъ Фарнгагенъ 10-го марта н. ст.), что до сихъ поръ не найдено ни малѣйшаго слѣда какой-нибудь связи между русскими заговорами и нѣмецкими происками» [1]). Мы не имѣемъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ мемуара Кампца, — былъ ли онъ дѣйствительно отосланъ въ Россію и какое имѣлъ здѣсь дѣйствіе на мнѣнія правительства объ этомъ предметѣ.

Въ мартѣ Фарнгагенъ опять приводитъ нѣсколько извѣстій о русскихъ дѣлахъ; извѣстія были все дурныя, напр., что заговоръ имѣлъ большія развѣтвленія въ войскѣ, такъ что даже сомнѣвались, не лучше ли совсѣмъ ихъ не раскрывать. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣчаетъ и новое направленіе въ русской политикѣ. Еще въ февралѣ онъ пишетъ: «Наши дипломатическія извѣстія сообщаютъ, что политика новаго правительства начинаетъ уже очень отклоняться отъ прежней, и все больше удаляется отъ австрійскаго духа. Лично имп. Николай мало въ этомъ участвуетъ; онъ не руководитъ ходомъ дѣлъ, а идетъ за нимъ» [2]). Это относится конечно къ положенію новаго правительства въ греческомъ вопросѣ; прусскіе дипломаты полагали, что болѣе рѣшительный способъ дѣйствій вызываемъ былъ въ особенности внутренними русскими обстоятельствами.

13-го (25-го) марта онъ записываетъ: «Изъ Россіи приходятъ все только тревожныя извѣстія; слѣдствіе все еще расширяется, — въ немъ замѣшана вся Россія. Здѣсь не вѣрятъ, чтобы Веллингтонъ (отправившійся въ Петербургъ для мирнаго разрѣшенія греческаго вопроса) возвратился съ вѣтвью мира, потому что императоръ Николай съ каждымъ днемъ все больше

1) Blätter IV, 2—18, 21, 25, 27—28, 33—34.
2) Blätter IV, 22.

видитъ необходимость дать своему войску занятіе войной противъ турокъ».

18-го (30-го) апрѣля: «Скоро ждутъ со стороны Россіи чего-нибудь рѣшительнаго относительно Турціи. Увѣряютъ, что императоръ Николай показалъ герцогу Веллингтону часть документовъ, касающихся заговора, чтобы убѣдить его въ томъ, что дурное направленіе дѣйствительно произошло большею частію изъ чувства *униженія*, съ которымъ русскіе смотрѣли на то, какъ честь имперіи и народа приносилась въ жертву дѣйствіями Александра, — и что ему ничего не остается, какъ дать нѣкоторое удовлетвореніе этому всеобщему настроенію, не терпя больше неприличныхъ притязаній Порты» [1]).

Наконецъ $^{4}/_{16}$ іюля, Фарнгагенъ пишетъ о докладѣ слѣдственной коммиссіи: «Въ нашихъ газетахъ напечатанъ Докладъ русской слѣдственной коммиссіи по поводу заговоровъ. Онъ составленъ довольно умѣренно, но представляетъ весьма неполное изображеніе дѣла (sehr unsicheres Bild); въ немъ замѣтно стараніе выставить преступность предполагавшихся дѣйствій, и напротивъ оставить въ тѣни духъ и настроеніе.

«По извѣстіямъ изъ Петербурга, въ тамошнихъ высшихъ кругахъ господствуетъ morne silence; императоръ опасается знатныхъ фамилій, и легко можетъ быть, что значительная, еще не открытая часть заговора продолжаетъ существовать втайнѣ» [2]).

Затѣмъ въ дневникѣ занесены извѣстія изъ Петербурга о рѣшеніи дѣла, о казняхъ и ссылкахъ, о новыхъ опасеніяхъ волненій по поводу коронаціи, о новыхъ арестахъ въ Москвѣ, о торжествѣ коронаціи, о настроеніи народа и т. п. [3]).

Мы отмѣтимъ еще два-три любопытныя извѣстія. Фарнгагенъ приводитъ разсказъ графа фонъ-Редерна, который былъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ качествѣ кавалера посольства: «онъ, какъ очевидецъ, разсказываетъ о происходившихъ въ Петербургѣ казняхъ, что осужденные сначала до конца обнаруживали самое рѣшительное упорство.... не показывали никакого слѣда раскаянія или страха» и т. д. [4]).

Въ январѣ 1827 года, въ дневникѣ читаемъ: «Изъ Петербурга извѣщаютъ, что по повелѣнію импер. Александра князю

---

[1]) Blätter, IV, 34, 40, 53.

[2]) Blätter IV, 89. Въ другомъ мѣстѣ Фарнгагенъ замѣчаетъ, что «въ русскомъ манифестѣ (о рѣшеніи дѣла декабристовъ) здѣсь особенно бросается въ глаза мѣсто, гдѣ говорится, что вину этихъ преступныхъ замысловъ надо возлагать не на просвѣщеніе, а на праздность и пустоту и пр.» (стр. 96).

[3]) Blätter IV, 94, 106, 139.

[4]) Стр. 132—133.

Меттерниху выплачивался секретно для политическихъ цѣлей пенсіонъ въ 100,000 дукатовъ въ годъ; что Меттернихъ долженъ былъ употреблять это на разныя издержки противъ «происковъ», и тому под., но что онъ, какъ полагаютъ, большую часть этой суммы охотнѣе оставлялъ въ Петербургѣ, чтобы имѣть надежныхъ друзей подлѣ императора. Русскіе очень радуются тому, что имп. Николай тотчасъ велѣлъ прекратить этотъ пенсіонъ» [1]).

Мы видѣли выше, какъ смотрѣли въ европейскомъ обществѣ на роль Александра въ греческомъ вопросѣ; при Николаѣ отъ Россіи ждали другого способа дѣйствій. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣшательство Россіи въ греческій вопросъ было гораздо болѣе рѣшительно, и какъ бы ни объясняли источникъ этой перемѣны политики, она встрѣчена была съ большимъ сочувствіемъ въ образованныхъ кругахъ Европы. Россія, столько упавшая въ общественномъ мнѣніи Европы вслѣдствіе союза съ реакціей, теперь, поставивши для своей политики цѣль освобожденія угнетенной націи, пріобрѣтала опять большую симпатію. Фарнгагенъ указываетъ въ дневникѣ и этотъ поворотъ мнѣній. Въ мартѣ 1828 г., онъ замѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ: «Приверженцы австрійскаго духа, немного лѣтъ назадъ господствовавшіе у насъ почти безусловно, теперь едва осмѣливаются выступать съ своими мнѣніями» [2]). Война Россіи съ Турціей была отрицаніемъ этого австрійскаго духа и дала нравственную опору его противникамъ. Впрочемъ, это длилось не долго, и по окончаніи турецкой войны, новыя политическія обстоятельства опять измѣнили отношеніе Россіи къ внутреннимъ дѣламъ Германіи и общественному мнѣнію Европы.

Въ такомъ видѣ представляется русское движеніе двадцатыхъ годовъ, по замѣткамъ Фарнгагена. Быть можетъ, многое покажется читателю преувеличеннымъ въ этихъ отзывахъ о настроеніи общества въ послѣдніе годы Александра, или о томъ объемѣ, какой придается событіямъ 14-го декабря. На это надобно замѣтить, что если и дѣйствительно свѣдѣнія были довольно неопредѣленныя относительно фактической сущности дѣла и иногда очевидно преувеличены, то любопытенъ во всякомъ случаѣ тонъ извѣстій, въ которомъ отражается характеръ времени. Свѣдѣнія Фарнгагена почерпались не изъ какихъ-нибудь чисто случайныхъ и произвольныхъ слуховъ: онъ наблюдалъ самыхъ людей русскаго

---

[1]) Blätter IV, 169.

[2]) Blätter V, 57.

общества и руководился дипломатическими извѣстіями; свѣдѣнія о 1825—26 годахъ шли отъ Алопеуса, отъ Кистера (кажется секретарь прусскаго посольства въ Петербургѣ), отъ Шамбо, секретаря императрицы, отъ варшавскаго агента прусскаго министерства и т. д. Фарнгагенъ во всякомъ случаѣ вѣрно передаетъ впечатлѣніе событій въ извѣстныхъ сферахъ общества.

Впечатлѣніе это было очень сильно. Что касается размѣровъ движенія, то конечно нельзя буквально принимать словъ, что въ немъ замѣшана была «вся Россія», — но эти слова имѣютъ однако свой смыслъ. Число прямыхъ участниковъ въ событии было невелико, но конечно слѣдственная коммиссія должна была встрѣтить и предположить множество людей съ тѣмъ же образомъ мыслей. Очень можетъ быть, что въ словахъ Фарнгагена и отразилось это наблюденіе коммиссіи, черезъ тѣ источники, изъ которыхъ шли его свѣдѣнія. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что въ Петербургѣ не хотятъ изслѣдовать всѣхъ развѣтвленій заговора; въ докладѣ коммиссіи онъ находитъ желаніе «оставить въ тѣни духъ и настроеніе» общества.

Мы замѣтили выше, что русскія событія дали нѣмецкимъ реакціонерамъ новый поводъ къ преслѣдованіямъ въ Германіи и что Камицъ составлялъ оффиціальную записку о связи русскаго заговора съ нѣмецкими происками. Вся связь, какъ извѣстно, ограничивалась тѣмъ, что при первомъ началѣ русскаго тайнаго общества, основатели его воспользовались уставами нѣмецкаго Тугендбунда (Союза Добродѣтели); это было указано и въ Докладѣ русской слѣдственной коммиссіи. Для этого заимствованія не нужно было имѣть никакой связи съ нѣмецкими обществами, потому что уставъ давно закрытаго Тугендбунда былъ извѣстенъ всѣмъ въ печати. Въ чемъ именно состояли выводы Камица и какую роль получила его записка въ Петербургѣ, мы не знаемъ; но въ Пруссіи оживилось вновь слѣдствіе о происках, въ Австріи— также: итальянскіе и другіе заключенные, находившіеся въ Шпильбергѣ, подверглись длиннымъ допросамъ, въ которыхъ хотѣли получить отъ нихъ свѣдѣнія о русскомъ возстаніи и объ ихъ прежнихъ, предполагаемыхъ связяхъ съ русскими революціонерами. Эти несчастные не имѣли конечно ни малѣйшаго понятія о томъ, чего отъ нихъ добивались. Такъ сильна была эта увѣренность во всеобщемъ революціонномъ заговорѣ; такъ странно понимались общественныя движенія.

Но идеи Камица объ этомъ предметѣ не пропали для нѣмецкой публики. Въ январѣ 1827 г. Фарнгагенъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: «Въ сентябрьской тетради галльскаго Literaturzeitung (1826 г.) помѣщена рецензія Доклада слѣдственной ком-

миссіи въ Петербургѣ противъ русскихъ заговорщиковъ, и вышедшаго отдѣльнымъ оттискомъ Приговора бреславскаго оберъландъ-герихта противъ нѣмецкихъ Umtrieber, именно членовъ союза молодыхъ (Bund der Jungen). Тѣ и другія революціонныя стремленія по мнѣнію рецензента связаны тѣснѣйшимъ образомъ, и онъ представляетъ все дѣло рѣшительно въ камцовскомъ духѣ. Одинъ здѣшній совѣтникъ каммергерихта спрашиваетъ: «неужели неизвѣстно имя ученаго, который такъ низко взялся за порученіе, данное полиціей?» [1]).

Другой современникъ, упоминающій объ этой статьѣ, считаетъ ее произведеніемъ самого начальника тайной прусской полиціи, т. е. Камица. Европейская печать почти не говорила о Докладѣ, вѣроятно не находя въ немъ достаточнаго изложенія дѣла. «Но въ Германіи—замѣчаетъ этотъ современникъ, — нашлось ученое животное (une brute savante), которое въ длинной диссертаціи старалось подавить своей тяжелой эрудиціей тайныя общества вообще, доказать ихъ опасность, вредное вліяніе на ходъ событій; связать между собою всѣ общества различныхъ странъ и такимъ образомъ дать почувствовать необходимость своего рода взаимнаго застрахованія между правительствами противъ ихъ злонамѣренныхъ подданныхъ... Чтобы доказать, что тайныя общества всѣхъ странъ были въ связи одно съ другимъ и составляли такъ сказать одно полное цѣлое, авторъ этой длинной и лживой диссертаціи, г. Камицъ, въ подкрѣпленіе своихъ разсужденій настаивалъ на поразительномъ сходствѣ уставовъ русскаго Союза Благоденствія съ уставами Тугендбунда. «Когда мы сравнимъ, говоритъ онъ, статуты союза благоденствія со статутами Тугендбунда, мы найдемъ между ними самое полное, самое *поразительное* и *неожиданное* сходство съ основными законами этого послѣдняго, какъ въ отношеніи цѣли и стремленій, такъ и въ отношеніи внутренней организаціи»... Полицейское усердіе автора этого обвинительнаго акта новаго рода, кажется, помѣшало ему прочесть со вниманіемъ Докладъ слѣдственной коммиссіи, потому что тамъ положительно указано, что статуты Союза Благоденствія были просто переводомъ статутовъ нѣмецкаго общества», и т. д. [2]).

Но авторомъ этой диссертаціи былъ однако не Камицъ. Въ Берлинѣ она возбудила повидимому любопытство узнать имя автора, и Фарнгагенъ уже черезъ нѣсколько дней упоминаетъ въ дневникѣ, что авторомъ ея «совершенно положительно» назы-

---

[1]) Blätter IV, 177—178.
[2]) N. Tourgueneff, La Russie. I, 192—195.

ваютъ нѣкоего штаатсъ-рата Якоба въ Галле[1]). Реакція имѣла вообще достаточное количество услужливыхъ публицистовъ.

Изъ предыдущаго читатель можетъ видѣть, какъ вообще смотрѣла реакція на движеніе умовъ, совершавшееся въ обществѣ. Австрія, доводившая до свирѣпости свои политическія гоненія, доходила и въ этомъ отношеніи до подавленія всякой умственной жизни; но въ остальной Германіи и наука и литература были уже слишкомъ крѣпки и глубоко вошли въ жизнь, и всѣ безстѣсненія, наложенныя на литературу и университеты, были безсильны: писатели, воспитавшіеся въ эпоху реакціи, какъ Гейне и Бёрне, всего сильнѣе подорвали ея кредитъ. Но если тѣмъ не менѣе для самой Германіи реакція отзывалась тяжело на умственной и общественной дѣятельности, то можно себѣ представить, чѣмъ она должна была быть въ Россіи, гдѣ вся тяжесть реакціоннаго гнёта ложилась на литературу и науку, едва разбиравшія первые склады своей настоящей задачи. Положеніе умственныхъ интересовъ нашего общества было тѣмъ печальнѣе, что программа реакціи пришлась совершенно въ пору даже понятіямъ людей, которые не были такими іезуитами, какъ Магницкій. Шишковъ искренно считалъ себя другомъ просвѣщенія, но простота и необразованность его были такъ велики, что онъ шелъ, не подозрѣвая того, по той же жалкой дорогѣ. Съ удаленіемъ Магницкаго дѣло въ сущности мало измѣнилось. Реакціонная точка зрѣнія на многіе годы продолжала управлять судьбами умственнаго развитія русскаго общества: литература еще долго была до послѣдней степени стѣснена цензурными рамками; университеты, еще не успѣвши достигнуть какой-нибудь научной самостоятельности, уже навлекли на себя недовѣріе и подозрительность, и въ то время, когда на дѣлѣ они едва вносили въ русскую жизнь первые зачатки истинной науки, считались уже гнѣздомъ зловреднаго вольнодумства и были почти только терпимы... Это прошлое еще не слишкомъ давнее, и источникомъ его воззрѣній во многихъ отношеніяхъ была указанная нами эпоха европейской реакціи.

А. Пыпинъ.

---

1) Blätter IV, 179. Статья, о которой идетъ рѣчь, помѣщена въ Allgemeine Literaturzeitung, 1826, № 223 и слѣд.

ДОЧЬ
ТАУБЕНГЕЙМСКАГО ПАСТОРА.

(Изъ Бюргера.)

Въ саду таубенгеймскаго пастора тѣнь
Блуждаетъ во тьмѣ полуночи,
Трепещетъ и бьется, какъ голубь въ силкѣ,
И стонетъ душа въ безъисходной тоскѣ,
И плачутъ потухшія очи.

Горитъ огонёкъ надъ сосѣднимъ прудомъ,
Такъ грустно во мракѣ мерцаетъ.
Есть холмикъ въ саду: ни травинки на немъ;
Не мочитъ его ни росой, ни дождемъ;
Лишь жалобно вѣтеръ вздыхаетъ.

Была таубенгеймскаго пастора дочь
Чиста, какъ голубка лѣсная,
Была молода и цвѣла красотой —
И въ домъ женихи наѣзжали толпой,
Любовью къ Розеттѣ сгорая.

Готическій замокъ надменно глядѣлъ
Съ холма, отраженный водами,
На домъ, на деревню, на синюю даль;
И кровля сверкала на солнцѣ, какъ сталь,
И окна горѣли рядами.

Въ немъ жилъ молодой Фалькенштейнскій баронъ
    Въ избыткѣ, весельѣ, отрадѣ...
Ей нравился замокъ въ сѣдой вышинѣ,
Ей нравился рыцарь на борзомъ конѣ,
    Въ охотничьемъ пышномъ нарядѣ...

Онъ шлетъ ей письмо на душистомъ листкѣ,
    При немъ — медальончикъ-сердечко
Съ портретомъ своимъ — (на лицѣ у него
Глубокая нѣжность) — и, кромѣ того,
    Алмазное чудо-колечко.

«Пусть ѣздятъ, пусть ходятъ», ей рыцарь писалъ:
    «Пускай ихъ частятъ, горемыки...
«Ты скоро дождешься счастливаго дня:
«Надѣюсь, что будешь достойна меня,
    «Земель и вассаловъ владыки!

«Хотѣлъ бы два слова тебѣ я сказать,
    «Но тайно — чтобъ насъ не видали.
«Пришли мнѣ желанный отвѣтъ поскорѣй.
«Я въ полночь явлюся — такъ будь же смѣлѣй
    «И выкинь изъ сердца печали.

«Сегодня, какъ полночь наступитъ, тебѣ
    «Послышится перепелъ въ полѣ...
«И будетъ подругу манить соловей
«Зовущей, тоскующей пѣснью своей...
    «Не медли жъ, не мучь меня болѣ!»

Въ плащѣ и беретѣ явился баронъ,
    Вечернимъ окутанный мракомъ.
Онъ крался, въ бронѣ и съ мечомъ при бедрѣ,
Такъ тихо — ну, точно туманъ на зарѣ;
    И бросилъ онъ хлѣба собакамъ.

Вотъ перепелъ крикнулъ — еще и еще —
    За садомъ, въ условленномъ полѣ...
Подругу-невѣсту манилъ соловей
Зовущей, тоскующей пѣснью своей —
    И Роза не медлила болѣ.

Онъ уху и сердцу умѣлъ говорить
Такъ сладко, такъ полнъ упованій...
Любовь простодушна и вѣритъ всему!
Дѣвическій стыдъ удалося ему
Опутать сѣтями желаній.

Онъ клялся ей въ вѣрности, клялся душой,
Всѣмъ милымъ ему и всѣмъ свѣтомъ.
Розетта противилась, онъ увлекалъ,
И громко и страстно ее заклиналъ:
«О, ты не раскаешься въ этомъ!»

Онъ влёкъ ее тихо къ бесѣдкѣ глухой,
Поросшей горошкомъ душистымъ...
Вотъ вздрогнуло сердце, вотъ грудь поднялась —
И тихо невинность ея отдалась
Забавы объятьямъ нечистымъ.

Едва въ огородѣ, съ возвратомъ весны,
Горошекъ и макъ распустились,
Сталъ Розу тревожить какой-то недугъ,
На розовыхъ щёчкахъ румянецъ потухъ
И глазки ея помутились.

Когда же цвѣты превратились въ стручки,
Малина въ саду дозрѣвала,
И вишня казалась румяной такой —
У дѣвушки грудь налилася волной
И платьице тѣсно ей стало.

Когда же дожди полилися и жнецъ
Ушелъ, распѣваючи, въ полѣ,
И вѣтеръ разгуливать сталъ по полямъ,
Овсяною жнивой шумя по ночамъ —
Скрываться нельзя было долѣ.

Отецъ ея, грубый и злой человѣкъ,
Несчастную гонитъ изъ дому:
«Дитя ты съумѣла себѣ припасти,
«Такъ мужа теперь постарайся найти...
«Ступай-ка къ дружку дорогому!»

Онъ на̀ руку косы ея намоталъ —
И плеть засвистала узлами;
Онъ билъ — и отзвукъ разносился кругомъ;
Онъ билъ — и на тѣлѣ ея молодомъ
Удары ложились рубцами.

Натѣшась, онъ изъ дому выгналъ её,
Въ холодную ночь и въ ненастьѣ...
И вотъ, сквозь терновникъ, по острымъ камнямъ,
Она къ Фалькенштейнскимъ пришла воротамъ —
Излить передъ другомъ несчастье.

«Зачѣмъ, не назвавши сначала женой,
«Ты матерью сдѣлалъ Розетту?
«Въ возмездьѣ за-то я должна со стыдомъ
«Носить на истерзанномъ тѣлѣ моёмъ
«Награду кровавую эту.»

Розетта рыдала, молила его —
И было такъ нѣжно моленье:
«Покрывши стыдомъ и позоромъ, опять
«Ты честное имя мнѣ можешь отдать,
«Загладить свое преступленье.»

— Мнѣ жаль тебя, дурочка! Съ злымъ старикомъ
Сведу я давнишніе счеты!
Итакъ — успокойся! Нельзя жъ безъ утратъ...?
Останься со мной — и тебя окружатъ
Мои попеченья, заботы...

«Къ чему тутъ заботы? какой тутъ покой?
«Они не воротятъ мнѣ чести!
«Нѣтъ, въ храмѣ святомъ, предъ Его алтаремъ,
«Въ глазахъ всего свѣта, дай клятву мнѣ въ томъ,
«Въ чемъ клялся не разъ, какъ невѣстѣ!»

— Объ этомъ я вовсе не думалъ, мой другъ!
Ну, какъ я возьму тебя въ жены?
Во мнѣ благородная, древняя кровь...
Лишь равное съ равнымъ связуетъ любовь...
Что̀ скажутъ сосѣди-бароны?...

— Когда я видался съ тобой — приходилъ
Я къ милой моей, не къ невѣстѣ...
Вотъ если понравится мой стремянной,
Я дамъ тебѣ денегъ — и будемъ съ тобой
Мы снова счастливы и вмѣстѣ.

«Господь да осудитъ, обманщикъ тебя
«Страданьямъ и вѣчному аду!
«Когда мнѣ женою твоею не быть,
«Чего же я прежде годилась служить
«Страстямъ твоимъ гнуснымъ въ усладу?

«Возьми себѣ въ жены дворянскую дочь!
«Судьба свой полетъ да ускоритъ!
«Богъ видитъ и слышитъ страданье мое!
«Пускай благородное ложе твое
«Послѣдній слуга опозоритъ!

«Тогда ты узнаешь, какъ тяжко душѣ
«Отчаяться въ чести и счастьи!
«И будешь ты биться о-полъ головой...
«Горячею пулей покончишь съ собой —
«И будешь у ада во власти.»

И Роза въ отчаяньи бросилась вонъ,
Полна нестерпимой тревоги,
Чрезъ жниву и топи, сквозь тёрнъ и кусты —
И вопли звучали среди темноты,
И камни ей рѣзали ноги.

«Куда, о мой Боже, куда мнѣ идти?
«Къ кому мнѣ теперь обратиться?»
Отчаявшись въ чести и счастьи, назадъ
Она прибѣжала въ родительскій садъ,
Чтобъ съ жизнью постылой проститься.

Цѣпляясь за сучья, съ трудомъ доползла
Она до бесѣдки знакомой —
И стала метаться на ложѣ своемъ,
Посыпанномъ снѣгомъ, подернутымъ льдомъ,
Покрытымъ листвой и соломой.

Несчастнаго мальчика Роза на свѣтъ
Въ страданьяхъ тяжелыхъ родила...
Родила — и тутъ же, съ улыбкою злой,
Достала иглу изъ косы золотой
И въ сердце ребенку вонзила.

Свершилось убійство; безумья порывъ
Смѣнили раскаянья муки;
Вкругъ сердца ея обвилася змѣя.
«О, Боже мой!» шепчетъ: «что сдѣлала я!»
И ломитъ, въ отчаяньи, руки.

Застывшую землю надъ спящимъ прудомъ
Розетта руками разрыла.
«Да будетъ твой сонъ безмятеженъ и тихъ!..
«Ты спасся отъ бѣдъ и насмѣшекъ людскихъ;
«Меня же не приметъ могила!»

Вотъ тотъ огонекъ надъ сосѣднимъ прудомъ,
Что̀ ночью такъ грустно мерцаетъ,
Тотъ холмикъ въ саду: ни травинки на немъ;
Не мочитъ его ни росой, ни дождемъ;
Лишь жалобно вѣтеръ вздыхаетъ.

Угрюмо глядитъ съ колеса на шестѣ,
Съ *Вороньяго камня*, за садомъ,
Оглоданный черепъ: Розетта, онъ твой!
Онъ смотритъ на холмъ, отраженный водой,
Исполненнымъ жалобы взглядомъ.

Что ночь, съ колеса на высокомъ шестѣ,
Съ *Вороньяго камня*, за садомъ,
Спускается призракъ — печальный такой —
Все хочетъ задуть огонекъ золотой,
И стонетъ, слѣдя его взглядомъ.

Н. Гербель.

СУЭЗСКІЙ КАНАЛЪ

Histoire de l'isthme de Suez, par *Olivier Ritt*. Paris. 1869.

I.

Еслибы кто захотѣлъ найти самое сильное подкрѣпленіе теоріи, что историческія судьбы странъ зависятъ не отъ случая, порождающаго въ нихъ бóльшее или меньшее количество великихъ людей, а прежде всего отъ географическихъ и физическихъ условій странъ, то самымъ краснорѣчивымъ для него примѣромъ представляется вообще Египетъ, и, въ частности, та часть Египта, которая называется Суэзскимъ перешейкомъ. Египетъ, благодаря своему географическому положенію между Азіею, Европою и Африкою, у того моря, которое лежитъ «среди земли», то-есть посреди Стараго Свѣта, и именно у той части, гдѣ вблизи этого моря, всего верстахъ въ 150 отъ него, находится другое море, отдѣляющее Азію отъ Африки, долженъ былъ играть преобладающую роль въ древней исторіи, какъ она намъ извѣстна, то-есть собственно въ исторіи колонизаціи береговъ средиземнаго бассейна, въ исторіи приливовъ и отливовъ разныхъ расъ между тремя частями Стараго Свѣта.

И въ самомъ дѣлѣ, Египетъ послужилъ разсадникомъ азіатской цивилизаціи въ Европѣ и ареною тѣхъ величайшихъ событій древней исторіи, которыя имѣли характеръ міровой (въ смыслѣ историческомъ). Въ Египтѣ до сихъ поръ стоятъ памятники индійской культуры, съ именемъ Египта связано основаніе какъ іудейства, такъ и христіанства, тамъ встрѣтимъ мы имена Моисея, Камбиза, Дарія, Александра Великаго, Птолемеевъ, Марка-

Антонія, Октавія-Августа, Омара, Людовика IX, Наполеона I. Сколько теченій народовъ съ востока на западъ, и съ запада на востокъ, сколько религій, сколько эпохъ цивилизаціи представляютъ эти имена?

Въ частности, та узкая преграда, которая отдѣлила Средиземное море отъ Чермнаго, эти полтараста верстъ Суэзскаго перешейка, положительно, можно сказать, имѣли огромное вліяніе на весь ходъ извѣстныхъ намъ событій, въ значительной степени обусловили весь составъ нашей исторіи. Только изъ-за этихъ полутораста верстъ земли не былъ возможенъ прямой путь водою изъ Европы въ Азію. Все богатство и могущество финикіянъ, Карѳагена, и въ позднѣйшія времена—Турціи, Венеціи, Голландіи и Англіи вначалѣ обусловлены были такими обстоятельствами, которыя прямо зависѣли отъ существованія этой узкой полосы земли. Не будь ея, никогда крайній западъ Европы не отбилъ бы у Венеціи и Византіи торговаго и политическаго могущества.

Бросивъ бѣглый взглядъ на древнюю и новую исторію, не трудно указать на цѣлый рядъ самыхъ капитальныхъ, самыхъ такъ сказать основныхъ историческихъ событій, которыя бы не могли случиться, если бы Европа была соединена съ Азіею прямымъ водянымъ путемъ. Но независимо отъ очевидности такихъ отрицательныхъ соображеній, и положительные факты свидѣтельствуютъ, что во всѣ времена преграда Суэзскаго перешейка представлялась людямъ фактомъ міровой важности. Современное предпріятіе Фердинанда Лессепса устранить это препятствіе, соединить Средиземное море съ Аравійскимъ, Европу съ Азіею, является далеко не первымъ. Первая попытка осуществить эту мысль была сдѣлана двадцать пять столѣтій тому назадъ, и съ тѣхъ поръ, мысль о прямомъ водяномъ сообщеніи между Европою и Азіею вызвала нѣсколько предпріятій въ томъ же родѣ.

Изложеніемъ этихъ древнихъ предпріятій мы и начнемъ этотъ очеркъ. Но прежде всего бросимъ взглядъ на карту. Нѣсколько ниже развалинъ древняго Мемфиса, недалеко отъ современнаго Каира, Нилъ раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, которые, вмѣстѣ со своими развѣтвленіями и соединительными каналами, какъ сѣтью покрываютъ весь сѣверный Египетъ. Семь рукавовъ Нила сами не остались въ одномъ положеніи, съ древнѣйшихъ временъ. Здѣсь географія, такъ сказать, уже зависѣла отъ исторіи, именно: тѣ рукава, которые вели къ портамъ наиболѣе посѣщаемымъ, въ разныя времена будучи очищаемы, становились обильнѣе водою, значительнѣе; съ упадкомъ же приморскихъ городовъ, къ которымъ они вели, они засорялись и

изсыхали. Такимъ образомъ, тѣ именно рукава Нила, которые упоминаются какъ наиболѣе значительные въ древнѣйшей исторіи, уступили свое значеніе другимъ, ведущимъ къ новымъ портамъ, и въ этомъ отношеніи позднѣйшая исторія, основаніемъ Александріи, Даміетты и Розетты, повліяла на самое теченіе водъ Нила; по мѣрѣ того, какъ могущество и культура переходили изъ Азіи въ Европу, восточные рукава Нила мелѣли, а западные становились обильнѣе.

Полоса материка, отдѣляющая Средиземное море отъ Чермнаго уменьшается на сѣверѣ озеромъ Мензалехъ, которое представляетъ захватъ водъ Средиземнаго моря надъ низменною почвою Египта; затѣмъ, внутри земли, еще два бассейна уменьшаютъ ширину сухопутнаго пространства отъ Даміетты до Суэза, т.-е. отъ Средиземнаго моря до Чермнаго, именно: бассейны озера Тимсахъ и Горькихъ озеръ. Достаточно одного взгляда на карту, для убѣжденія, что соединить моря можно было двоякимъ способомъ: или воспользовавшись всѣми этими бассейнами, прорывъ между ними каналы, или же воспользовавшись однимъ изъ рукавовъ Нила, соединивъ его съ Чермнымъ моремъ. Проекты соединенія были весьма разнообразны, но мы упоминаемъ теперь только о древнѣйшемъ—посредствомъ Нила, и новѣйшемъ—посредствомъ соединенія озеръ, и упоминаемъ о нихъ теперь собственно для того, чтобы читателю съ самаго начала уяснилась задача.

Изъ двухъ внутреннихъ бассейновъ важнѣйшій составляютъ такъ-называемыя Горькія озера. Этотъ бассейнъ отстоитъ отъ сѣвернаго берега Чермнаго моря всего верстъ на 50. Авторъ книги, изъ которой мы извлекаемъ данныя, въ геологическихъ соображеніяхъ своихъ основывается на трудахъ ученыхъ, участвовавшихъ въ египетской экспедиціи перваго Наполеона (1798—1801) и признаетъ вѣроятнымъ, что бассейнъ Горькихъ озеръ есть только остатокъ отъ прежняго Чермнаго моря, отступившаго около 50 верстъ къ югу. Такое предположеніе основывается какъ на геологическихъ фактахъ, такъ и на одномъ показаніи Геродота. Дѣло въ томъ, что дно бассейна Горькихъ озеръ состоитъ изъ чередующихся пластовъ соли и *ила*, которые по всей вѣроятности образовались поочередными, правильными разливами то водъ Аравійскаго залива (Чермнаго моря), захватывавшихъ этотъ бассейнъ, то водъ Нила, которыя, убывая, оставляли на прежнемъ, соляномъ пластѣ пластъ принесенной ими земли. Правильность этихъ чередующихся пластовъ свидѣтельствуетъ, что разливы Нила и моря правильно чередовались между собою. Вся сухая часть котловины этого бассейна

покрыта раковинами тѣхъ именно родовъ, которые находятся на берегахъ Аравійскаго залива и притомъ одинаковымъ уровнямъ здѣсь и тамъ соотвѣтствуютъ одинаковые роды раковинъ.

Кромѣ этихъ геологическихъ доказательствъ въ пользу предположеній, что бассейнъ Горькихъ озеръ нѣкогда былъ соединенъ съ Чермнымъ моремъ, свидѣтельствуетъ и показаніе Геродота о разстояніи бывшемъ въ его время между Средиземнымъ и Чермнымъ морями. Разстояніе между мысомъ Казіемъ, выдающимся въ Средиземное море и Эритрейскимъ (Чермнымъ) моремъ, по свидѣтельству Геродота составляло 1.000 стадій, т. е. около 100 километровъ или верстъ. А такъ какъ ширина Суэзскаго перешейка незначительно меньше разстоянія измѣряемаго Геродотомъ (т. е. отъ м. Казія до Чермнаго моря), то по его свидѣтельству выходитъ, что перешеекъ въ его время имѣлъ ширину въ 90—95 верстъ; между тѣмъ нынѣ ширина его—около 140 верстъ, и этотъ-то излишекъ около 50 верстъ и составляетъ именно ширину нынѣшней преграды между Горькими озерами и Аравійскимъ заливомъ.

Такимъ образомъ, удовлетворительно доказывается, что Горькія озера составляли нѣкогда заливъ Чермнаго моря и этотъ-то заливъ и назывался Героополитскимъ заливомъ (такъ называли древніе сѣверную часть Чермнаго моря).

Почва перешейка на трехъ четвертяхъ всего своего пространства ниже уровня Чермнаго и Средиземнаго морей. Самая возвышенная точка на всемъ перешейкѣ представляетъ высоту только въ 20 метровъ надъ этимъ уровнемъ. Очень вѣроятно, что и весь перешеекъ нѣкогда находился подъ водою, такъ какъ почва на всемъ его протяженіи значительно солоновата.

Въ древнѣйшія времена процвѣтала именно сѣверная и восточная часть Египта; сѣверная, береговая часть, всегда сохраняла свое значеніе, но культура, какъ мы уже замѣтили выше, въ позднѣйшія времена переносилась съ восточной на западную часть, и древнѣйшіе города, находившіеся въ восточной части, постепенно приходили въ упадокъ; такъ, Аварисъ (Пелуза) и Танисъ (Самнахъ), стоявшіе на устьяхъ двухъ восточныхъ рукавовъ Нила, въ глубокой древности были огромные города; въ первомъ, по показанію историковъ, при царяхъ-пастыряхъ, первыхъ извѣстныхъ намъ завоевателяхъ Египта (2850 до Р. Х.), помѣщался гарнизонъ въ 240 тысячъ человѣкъ; второй и теперь значителенъ по обширнымъ развалинамъ. Но въ этихъ пунктахъ люди все-таки продолжали селиться, такъ какъ эти пункты — прибрежные. Но Бубастисъ, внутри материка, бывшій одно время столицею Египта, представляетъ однѣ развалины.

Въ восточной же части Египта, между Ниломъ и Чермнымъ моремъ, въ землѣ гесенской, указано было пребываніе другимъ пришельцамъ въ Египтѣ — евреямъ. Здѣсь они, по повелѣнію царей, построили города Пиѳонъ, Рамсесъ, Гонъ (Геліополисъ). Отъ перваго изъ этихъ городовъ слѣда не осталось; греки называли его Героополисъ, и по его-то имени названъ ими заливъ, который съ теченіемъ времени превратился въ Горькія озера. Книга Исхода даетъ точныя указанія о бѣгствѣ евреевъ изъ Египта, такъ что можно съ достаточною достовѣрностью начертить ихъ путь и опредѣлить тотъ пунктъ, въ которомъ они перешли чрезъ разступившееся Чермное море. Они перешли черезъ море, по показанію книги Исхода, близъ Веельсефона; этотъ городъ или мѣстечко въ мѣстности, лишенной прѣсной воды, не могъ, конечно, уцѣлѣть и его нѣтъ слѣда. Выйдя изъ центра своего поселенія — земли гесенской, оттуда, гдѣ стоялъ городъ Рамсесъ, они шли до Веельсефона три дня, т.-е. до Чермнаго моря. Но въ 90 верстахъ отъ Рамсеса именно находилась главная коса, отдѣлившая, мало-по-малу возрастая, сѣверную часть залива отъ моря, ту часть залива, которая называется теперь Горькія озера. Эта коса или валъ называется Шалуфскимъ порогомъ. Почему израильтяне перешли море, именно пройдя три дня къ югу отъ Рамсеса? По всей вѣроятности потому именно, что вождю ихъ извѣстно было, что вблизи Веельсефона уже образовался въ заливѣ тотъ валъ, который потомъ раздѣлилъ его надвое. По этому валу, какъ по пловучему мосту, и перешли евреи по водѣ въ часъ отлива, а Аменофисъ, преслѣдовавшій ихъ съ войскомъ, могъ не знать образованія этого вала, и часа, когда приливъ на немъ будетъ выше роста человѣка. Начавъ переходить заливъ въ бродъ, вслѣдъ за евреями, онъ могъ быть застигнутъ приливомъ.

Первая мысль о соединеніи Средиземнаго моря съ Чермнымъ приписывается фараону Рамсесу III; но первая попытка привесть ее въ исполненіе принадлежала Нехосу (616—601 до Р. Х.), сыну Псамметиха. По его порученію совершено было финикійскими судами знаменитое плаваніе вокругъ Африки; именно изъ Герооподитскаго (Аравійскаго) залива къ Геркулесовымъ Столбамъ (Гибралтару). Но это смѣлое предпріятіе, удивительное при тогдашнемъ положеніи морского дѣла, было внушено Нехосу только любопытствомъ; гораздо важнѣе для непосредственныхъ интересовъ Египта было задуманное имъ соединеніе морей. Онъ велѣлъ вырыть каналъ для соединенія Нила съ Краснымъ моремъ. Каналъ этотъ начинался внутри страны, близъ Бубастиса и долженъ былъ впадать въ Герооподитскій заливъ. Ширина его

была такова, что двѣ триремы могли идти по немъ рядомъ. Предположенная длина его показывается Плиніемъ Старшимъ около 92 километровъ или верстъ, что опять-таки служитъ подтвержденіемъ мнѣнію о томъ, что Аравійскій заливъ въ то время вдавался въ материкъ гораздо дальше, чѣмъ нынѣ, и обнималъ бассейнъ Горькихъ озеръ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы Нехосу предстояло довести этотъ каналъ до нынѣшней сѣверной оконечности Аравійскаго залива, т.-е. до Суэза, то длина канала отъ Бубастиса должна была бы составлять не 92, а болѣе 160 верстъ.

По показанію Геродота, 120 тысячъ человѣкъ рабочихъ погибло при прорытіи канала Нехоса, что не представится невѣроятнымъ, если подумать о колоссальности земляныхъ работъ, которыя должны были состоять въ вынутіи около 20 милліоновъ кубическихъ метровъ земли, и вспомнить, что работы эти должны были совершаться тогдашними орудіями, и подъ вліяніемъ египетскаго климата. Каналъ Нехоса не былъ доведенъ до Чермнаго моря. Причиною тому Геродотъ выставляетъ слова оракула, угрожавшаго, что этимъ путемъ вторгнутся варвары, но прекращеніе работъ объясняется достаточно, какъ самою смертностью, такъ и опасеніемъ, что воды Чермнаго моря, еслибы открыть имъ доступъ въ центръ страны, покрыли бы значительную часть ея и испортили бы воду самого Нила. Опасеніе это впослѣдствіи выражалось не разъ, и было вполнѣ естественно въ тѣ времена, при отсутствіи съ одной стороны инструментовъ для точной нивеллировки, а съ другой — при незнакомствѣ съ устройствомъ шлюзовъ. Преемники Нехоса, изъ туземныхъ царей, не продолжали его дѣла, но оно все-таки не слишкомъ долго осталось въ забвеніи: его двинули впередъ завоеватели Египта — персы. Дарій, сынъ Истаспа, преемникъ Камбиза, прорылъ верстъ на 15 далѣе каналъ Нехоса. По мнѣнію автора исторіи Суэзскаго перешейка, работы по прорытію канала съ вѣроятностью можно раздѣлить между Нехосомъ и Даріемъ слѣдующимъ образомъ: при Нехосѣ, хотя та отмель, чрезъ которую перешли израильтяне, безъ сомнѣнія, уже повысилась, однако она еще не отдѣлила совершенно Горькихъ озеръ отъ моря, такъ что Нехосу предстояло только провести каналъ отъ Бубастиса до Горькихъ озеръ, бывшихъ въ то время Герoополитскимъ заливомъ. Эту часть канала Нехосъ и прорылъ до Герoополиса, такъ что сообщеніе между морями почти совершенно было установлено: суда подымались по рукаву Нила (восточному, пелузскому), доходили до Бубастиса, а отсюда плыли три дня по каналу Нехоса до Герoополиса; тамъ товары перегружались, но перегрузка эта совершалась вблизи берега Герoополитскаго залива, такъ что перене-

сенные на очень короткое разстояніе, они тотчасъ же нагружались на суда, стоявшія на заливѣ, и отправлялись затѣмъ во всѣ прибрежные пункты Краснаго моря. Что Нехосъ довелъ каналъ до Герооположиса и тамъ остановилъ работы — это объясняется именно тѣмъ, что онъ опасался окончательно привести каналъ въ сообщеніе съ моремъ.

Но современемъ, когда Шалуфская коса или отмель возвысилась до такой степени, что уже отдѣлила Горькія озера отъ моря, каналъ въ томъ видѣ, какъ его оставилъ Нехосъ, сдѣлался неудовлетворительнымъ для торговли, такъ какъ при этомъ новомъ препятствіи предстояло еще разъ перегружать товары. Вотъ эта-то необходимость двойной перегрузки (разъ у Герооположиса, и другой у Шалуфа), по мнѣнію автора, и могла побудить Дарія къ прорытію Шалуфской косы и проведенію новаго канала для возстановленія сообщенія между Горькими озерами и заливомъ. Слѣды каналовъ какъ Нехоса, такъ и Дарія, остались до сихъ поръ, и хотя историки, говорящіе о первомъ и упоминающіе о каналѣ Дарія, не указываютъ именно, какая вѣтвь канала была построена царемъ персовъ, но сохранившіеся на откосахъ южнаго канала персеполитскіе остатки и гвоздеобразная надпись на одномъ изъ камней развалинъ достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что эта часть канала была прорыта персами, и именно въ эпоху Дарія.

Хотя каналъ Дарія былъ длиною всего 15 верстъ, но прорытіе его тѣмъ не менѣе должно было составить исполинскую работу: какъ только снятъ былъ гребень Шалуфской косы, вода должна была нахлынуть съ обѣихъ сторонъ и затѣмъ всѣ работы по проведенію канала должны были совершаться въ водѣ, самыми первобытными инструментами. Очень вѣроятно впрочемъ, что и Дарій не привелъ свой каналъ окончательно въ сообщеніе съ моремъ, а остановилъ его вблизи берега, такъ какъ шлюзы были неизвѣстны. Теперь въ Египтѣ каналъ этотъ называется «Фараоновымъ», но это само по себѣ нисколько не опровергаетъ принадлежности его Дарію: немудрено, что имя фараоновъ давалось въ Египтѣ и государямъ чуждыхъ династій, а особенно усвоилось за Даріемъ, который правилъ Египтомъ 38 лѣтъ (523—485).

Александръ Великій проникъ съ флотомъ въ Египетъ, по пелузскому рукаву Нила, до Бубастиса и покорилъ страну, (331 г.). Этотъ геніальный человѣкъ возымѣлъ мысль сдѣлать Египетъ центромъ тогдашняго міра. Онъ создалъ Египту обширныя связи на востокѣ и на западѣ. На востокъ онъ снарядилъ экспедицію Неарха, который съ сильнымъ флотомъ развѣдалъ Персидское море до устьевъ Евфрата; онъ установилъ первые сношенія между Египтомъ и Индіею; на западъ онъ установилъ

правильныя сообщенія Египта со всѣмъ сѣвернымъ берегомъ Африки до самаго Гибралтара; онъ построилъ на западной части сѣвернаго берега Египта Александрію, и тѣмъ укрѣпилъ сношенія этой страны съ европейскимъ западомъ; наконецъ, онъ помышлялъ и объ огромныхъ работахъ для сообщенія города своего имени съ Краснымъ моремъ, черезъ весь нижній Египетъ.

Сношенія между Египтомъ и Индіею сохранились и при Птолемеяхъ. Одинъ изъ индійскихъ царей даже заключилъ съ Птолемеемъ I торговый договоръ. По дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, есть основаніе приписать Птеломею I-му окончаніе дѣла, предпринятаго Нехосомъ, а именно окончательное сообщеніе канала съ заливомъ. Птолемеи могли рѣшиться на это потому, что въ ихъ время уже изобрѣтено было нѣчто въ родѣ шлюзовъ. По показанію Діодора Сицилійскаго и Страбона, когда естественная преграда между каналомъ и заливомъ была прорыта, то ее замѣнили подвижною шлюзою: часть канала съ обоихъ концовъ запиралась брусьями, которые можно было вынимать.

Но когда, такимъ образомъ, плаваніе на каналѣ Нехоса было облегчено устраненіемъ всякой перегрузки, то южный каналъ, каналъ Дарія засорился, и Птолемей Филадельфъ долженъ былъ очистить и расширить его. Съ тѣхъ поръ этотъ каналъ сталъ называться каналомъ Птолемеевъ. По словамъ Діодора Сицилійскаго, Птолемеевъ каналъ втекалъ въ море при городѣ Арсиноэ (впослѣдствіи Клеопатрида): полагаютъ, что онъ стоялъ вблизи нынѣшняго Суэза. Послѣ всѣхъ этихъ работъ, бассейнъ Горькихъ озеръ наполнялся водою двумя путями: съ одной стороны Птолемеевымъ каналомъ при приливахъ Краснаго моря, съ другой—открытіемъ шлюза на каналѣ Нехоса, то-есть водою изъ Нила.

Все это не помѣшало Птолемею Филадельфу озаботиться еще устройствомъ въ Египтѣ другихъ торговыхъ путей: отъ портовъ на Красномъ морѣ, изъ которыхъ главнымъ былъ Міосъ-Ормосъ (Коссеиръ), онъ проложилъ прекрасную дорогу, снабженную колодцами и жилыми убѣжищами (станціями) до Коптоса, города въ верхнемъ Египтѣ; отсюда товары спускались по Нилу въ Средиземное море. Это второе, на половину сухопутное, сообщеніе между морями современемъ сдѣлалось важнѣе того, которое представляли каналы.

Въ числѣ объясненій того факта, что флотъ Клеопатры, послѣ битвы при Акціумѣ, не успѣлъ спастись отъ преслѣдованія побѣдоноснаго Октавія-Августа, есть одно, по которому флотъ египетской царицы будто бы укрылся во внутрь страны по Нилу

и каналу Нехоса, и вступилъ въ Горькія озера, но не могъ идти далѣе, по недостатку воды въ этомъ бассейнѣ. Вслѣдствіе этой, или иныхъ причинъ, египетскій флотъ возвратился въ Александрію, и Октавій, возобновивъ черезъ годъ (30 до Р. Х.) преслѣдованіе, завладѣлъ египетскимъ флотомъ и Египтомъ безъ сопротивленія.

Во времена римскаго владычества, мысль о поддержаніи водяного сообщенія между Средиземнымъ и Краснымъ морями не была предана забвенію. При Траянѣ и Адріянѣ, его преемникѣ (117—138 по Р. Х.), въ Египтѣ были произведены новыя работы по очисткѣ и устройству каналовъ. Положительныхъ свѣдѣній объ этихъ работахъ не имѣется, но преданіе приписываетъ Траяну поддержаніе и очистку канала Дарія и Птолемеевъ. Однако, сообщеніе этимъ путемъ если и возстановилось, то, вѣроятно, только на короткое время, такъ какъ съ этого времени пріобрѣтаетъ наибольшее значеніе для восточнаго транзита путь не чрезъ Египетъ, а чрезъ Ассирію, Месопотамію и Арменію. Этому обстоятельству обязана была своимъ богатствомъ Пальмира.

Въ остальное время римскаго владычества въ Египтѣ (который при раздѣлѣ имперіи достался имп. Аркадію, и такимъ образомъ вошелъ въ составъ восточной имперіи), исторія перешейка не представляетъ ничего замѣчательнаго. Восточная часть Египта все-таки оставалась цвѣтущею, ирригація въ ней поддерживалась, и древніе города Танисъ, Пелуза и т. д., продолжали имѣть значеніе. Но дорога, проложенная Филадельфомъ отъ Міосъ-Ормиса въ Коптосъ, представила уже опасную конкурренцію для сѣверныхъ городовъ, и богатство ихъ постепенно переносилось на Міосъ-Ормосъ и Коптосъ.

Каналы Нехоса и Дарія были возобновлены еще разъ визиремъ Амру, намѣстникомъ халифа Омара (638 — 640). Когда, по случаю голода въ отечествѣ Магомета, халифъ потребовалъ присылки каравановъ съ хлѣбомъ изъ Египта на Красное море, и караваны эти, слѣдуя сухимъ путемъ, шли очень долгое время, Омаръ приказалъ Амру перекопать вновь водяное сообщеніе между Ниломъ и Краснымъ моремъ. Амру исполнилъ этотъ трудъ въ одинъ годъ, и вслѣдствіе того каналы Нехоса и Дарія получили новое, общее имя «канала царя правовѣрныхъ». Но эта работа предпринята была уже не въ виду пользъ всемірной торговли, сообщенія морей, а единственно для удобства сообщенія внутренней части Египта съ Краснымъ моремъ, спеціально съ цѣлію продовольствованія Медины. Когда же въ 767 году, халифъ изъ аббасидовъ Абу-Джаффаръ-эль-Мансуръ предпринялъ по-

корить голодомъ Медину, въ которой возсталъ противъ него его дядя, то, по повелѣнію халифа, каналъ былъ заваленъ. На линіи прежняго канала Дарія, откосы, сохранившіеся до сихъ поръ, начинаются далеко отъ берега моря: это обстоятельство служитъ подтвержденіемъ преданія, что каналъ былъ заваленъ. Что касается канала Нехоса, то онъ исчезъ вѣроятно не только отъ искусственныхъ, но и отъ естественныхъ заваловъ, такъ какъ на его линіи песокъ покрылъ и самые откосы.

Уничтоженіе этихъ каналовъ и затѣмъ основаніе Розетты и Даміетты лишило Суэзскій перешеекъ его прежняго благосостоянія. Культура перенеслась болѣе на западъ, древніе восточные города Пелуза, Танисъ и другіе пали, и для Суэзскаго перешейка наступилъ долговременный періодъ разоренія и забвенія.

Повторимъ, въ нѣсколькихъ словахъ, предшествующее описаніе древнихъ судебъ сообщенія между морями Средиземнымъ и Краснымъ: Нехосъ воспользовался для этого Ниломъ и за 600 лѣтъ до нашей эры соединилъ Нилъ каналомъ съ прибрежнымъ пунктомъ бассейна Горькихъ озеръ, который въ то время составлялъ еще часть Аравійскаго залива; когда сообщеніе между этимъ бассейномъ и моремъ преградилось отмелью, Дарій возстановилъ это сообщеніе, прорывъ каналъ изъ бассейна Горькихъ озеръ къ морю, но тоже не довелъ его до самаго моря, опасаясь разлива. Птолемей Филадельфъ прорылъ окончательное соединеніе, устроивъ первобытные шлюзы. Во времена Траяна и Адріяна каналъ былъ очищенъ и поддержанъ; тоже сдѣлано было еще разъ при халифѣ Омарѣ, визиремъ его Амру, не для соединенія морей, а для сплава грузовъ самого Египта. Наконецъ, по повелѣнію другого халифа, каналъ былъ частію заваленъ. Время изгладило его и когда въ началѣ нынѣшняго столѣтія вновь возникла мысль о соединеніи морей Средиземнаго съ Краснымъ, прежніе каналы уже не существовали, и отъ нихъ оставалась только мысль о возможности воспользоваться, для устройства соединенія морей, рукавами Нила. Мы сейчасъ увидимъ, что эта мысль должна была уступить мѣсто другой, именно мысли о сообщеніи прямомъ, чрезъ озера.

II.

Итакъ, въ древнемъ мірѣ, каждая великая держава поочередно обращала свои взоры на Египетъ и въ обладаніи Египтомъ видѣла одно изъ необходимыхъ условій всемірнаго преобладанія. Въ средніе вѣка торговыя сношенія Европы съ Азіею

находились въ рукахъ Венеціи, и, благодаря этому, ничтожная республика стала первостепенною державою. Въ политикѣ своей на Востокѣ Венеція имѣла въ виду прежде всего интересы своей торговли. Она доставляла крестоносцамъ содѣйствіе своихъ судовъ, но не иначе какъ за дорогія вознагражденія, а когда крестовые походы прекратились и Малая Азія съ Египтомъ, а потомъ и Балканскій полуостровъ окончательно слились въ Турецкую имперію, Венеція поддерживала самыя лучшія отношенія съ этою имперіею, и азіятскую торговлю продолжала держать въ своихъ рукахъ. Главные пути этой торговли были два: чрезъ Малую Азію и чрезъ Египетъ (по дорогѣ Міосъ-Ормосъ).

Но вотъ крайній западъ Европы выхватываетъ изъ рукъ Венеціи торговлю съ Азіею, источникъ богатства и могущества республики. Что было тому причиною?—Открытіе водяного пути въ Индію, вокругъ африканскаго материка. Если открытіе этого длиннѣйшаго и опаснаго пути имѣло такое значеніе, что оно такъ сказать создало новое распредѣленіе могущества въ Европѣ, отнявъ его у Венеціи и перенеся его сперва въ руки Португаліи, потомъ Голландіи, потомъ Англіи, то не очевидно-ли, какое громадное вліяніе имѣло бы въ то время проложеніе ближайшаго, прямого и гораздо болѣе безопаснаго водяного пути чрезъ Суэзскій перешеекъ. Не будетъ никакого преувеличенія въ той ипотезѣ, что, подъ вліяніемъ такого географическаго условія, исторія запада Европы была бы совсѣмъ иная. По всей вѣроятности, могущество Венеціи и Италіи вообще не только не пришло бы въ упадокъ, но напротивъ разрослось бы въ огромныхъ размѣрахъ.

Весь XV вѣкъ ознаменовывается открытіями португальцовъ. Въ 1419 году открыта Мадера; за нею слѣдуютъ, въ порядкѣ времени открытія, Асоры, мысы: Баядоръ, Бѣлый, Зеленый; о. Св. Ѳомы, Гвинея, и—мысъ Бурь, открытый Бартоломеемъ Діасомъ. Португальскій король Іоаннъ II назвалъ его мысомъ «Доброй Надежды». Но Венеціи мысъ этотъ сулилъ нѣчто противоположное. Въ 1498 году, Васко де-Гама—въ Индіи, въ Калькутѣ.

Египетскій султанъ тревожитъ новое владѣніе португальцовъ, но въ 1506 году, португальскій вице-король въ Индіи, Альмеида, встрѣчаетъ въ Діу весь египетскій флотъ и уничтожаетъ его. Альбукеркъ распространяетъ завоеванія португальцовъ и совершенно правильно «истолковываетъ» открытіе морского пути въ Индію попытками уничтожить всякую возможность транзита чрезъ Малую Азію, Египетъ; съ этой цѣлію, онъ овладѣваетъ на Персидскомъ заливѣ Ормузомъ, а при входѣ въ Красное море — Сокоторою.

Турецкая имперія и Венеціянская республика тоже очень хорошо понимаютъ, что̀ значитъ открытіе морского пути въ Индію и завоеванія португальцовъ, и общими усиліями отнимаютъ у послѣднихъ Ормузъ; но Альбукеркъ скоро беретъ его назадъ. Альбукеркъ такъ хорошо отдавалъ себѣ отчетъ въ условіяхъ этой всемірной конкурренціи, что вступилъ въ переговоры съ абиссинскимъ Негусомъ, съ грандіозною и страшною мыслію—отвесть Нилъ, выше Египта, въ Красное море и тѣмъ навсегда уничтожить Египетъ, въ смыслѣ населенной страны. Только смерть не дозволила Альбукерку предпринять это дѣло разрушенія.

Въ половинѣ XVI-го в., португальцы уже въ Кантонѣ и въ Японіи. Турція и Венеція еще сдѣлали по одной попыткѣ сломить португальское могущество, каждая по-своему. Солиманъ II послалъ въ Діу армію и флотъ, но осада была отбита португальцомъ де-Кастро. Венеція приняла иную мѣру: она сняла пошлины со всѣхъ товаровъ, шедшихъ чрезъ Египетъ, и наложила высокія пошлины на товары, приходившіе моремъ. Но эта мѣра не могла имѣть успѣха. Транзитъ чрезъ Египетъ прекратился на три столѣтія.

Но для того, чтобы предотвратить эти событія, у венеціянцовъ не было средствъ; ихъ не давало то время. Съ одной стороны, издавна установился—долгое время и послѣ того державшійся—предразсудокъ, что уровень Краснаго моря значительно выше уровня Средиземнаго моря; это, казалось, дѣлало невозможнымъ прорытіе прямого сообщенія. Съ другой стороны, бассейнъ Горькихъ озеръ къ тому времени значительно высохъ, и пришлось бы предпринять недоступныя въ то время гидравлическія работы для наполненія его водою изъ Нила, предполагая, что сами египтяне не помѣшали бы такимъ работамъ, опасаясь оскудѣнія своего кормильца. Но что мысль о соединеніи морей возбуждалась въ Турціи и въ Египтѣ въ XVI и концѣ XVIII стол., объ этомъ есть историческія свидѣтельства.

Въ концѣ этого, XVIII вѣка, въ Европѣ появился новый завоеватель изъ разряда Александровъ, Камбизовъ и Омаровъ—Наполеонъ. Первымъ дѣломъ этого завоевателя былъ походъ въ Египетъ. 26-го декабря 1798 года, Бонапарте прибылъ въ Суэзъ, на берегъ Краснаго моря, въ тотъ пунктъ, гдѣ кончалась древняя система каналовъ Нехоса и Дарія. Въ этой экспедиціи, какъ извѣстно, принимали участіе и ученые: Монжъ, Бертоллѐ, Коста̀ и Леперъ. Леперу, который былъ главнымъ директоромъ публичныхъ работъ, Бонапарте тотчасъ поручилъ составить проектъ соединенія Средиземнаго и Краснаго морей. Тридцать девять мѣсяцовъ работали Леперъ и его товарищи надъ развѣдкою

мѣстности, и при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Съ малымъ числомъ рабочихъ и съ сотнею солдатъ, они подвергались всякимъ опасностямъ и терпѣли недостатокъ въ водѣ. Быть можетъ, именно неблагопріятность внѣшнихъ условій, обставлявшихъ эти наблюденія, была причиною тому, что въ добросовѣстный и богатый точными изслѣдованіями трудъ Лепера вкралась важная ошибка: онъ подтвердилъ мнѣніе, что уровень Краснаго моря значительно выше уровня моря Средиземнаго. Уже въ то время Лапласъ и Фурье́ протестовали противъ такого мнѣнія.

Само собою разумѣется, что однажды войдя въ докладъ Лепера, это мнѣніе должно было значительно усложнить выработанный имъ проектъ: о возможности прямого соединенія морей онъ упоминаетъ только мимоходомъ, считаетъ необходимымъ условіемъ устройство шлюзовъ на обоихъ концахъ такого соединенія и видитъ въ возможности всей этой работы только дополненіе къ проекту, какъ онъ его выработалъ. А проектъ основанъ всетаки на соединеніи морей посредствомъ Нила. Леперъ предлагалъ устроить два канала: одинъ отъ Александріи къ Суэзу, при помощи западнаго рукава Нила; другой — отъ восточнаго, пелузскаго рукава Нила также къ Суэзу. Оба канала онъ предполагалъ снабдить шлюзами.

Мы не будемъ долѣе останавливаться на проектѣ Лепера, который былъ оконченъ уже по выходѣ французскихъ войскъ изъ Египта, и потому не могъ получить дальнѣйшаго хода. Онъ былъ обнародованъ въ 1809 году. По окончаніи наполеоновскихъ войнъ, представилось новое обстоятельство, благопріятное для осуществленія великой мысли о соединеніи морей: Египтомъ съ 1811 года началъ править просвѣщенный и предпріимчивый Мехметъ-Али. Первыми приверженцами этой мысли въ текущемъ столѣтіи были англичане. Въ 1829 году, англійскій офицеръ Уэорнъ (Waghorn), предложилъ пересылать депеши въ Индію не вокругъ Африки моремъ, а чрезъ Египетъ; онъ нѣсколько разъ, на свой рискъ, отправлялся съ депешами изъ Александріи въ Индію, и доказалъ, что этимъ путемъ корреспонденція доходитъ скорѣе. Въ тридцатыхъ годахъ, туже мысль доказывалъ маіоръ Чесни, и въ 1837 г., компанія пароходовъ устроила правильное сообщеніе между Индіею и Суэзомъ, съ одной, и Александріею съ Англіею, — съ другой стороны. Компанія, убѣдясь въ вѣрности мысли, принадлежавшей Уэорну, назначила вдовѣ его пенсію въ 1,000 фунтовъ. За корреспонденціею этимъ кратчайшимъ путемъ вскорѣ послѣдовали и пассажиры; устроено было сообщеніе дилижансомъ между Каиромъ и Суэзомъ; дилижансъ этотъ ходилъ 15 часовъ.

Съ 1857 года, сообщеніе отъ Александріи до Суэза производится уже по желѣзнымъ дорогамъ, изъ которыхъ одна идетъ до Каира, а другая отъ Каира до Суэза.

Уже маіоръ Чесни, на основаніи собственныхъ наблюденій, опровергалъ мысль, что уровень Краснаго и Средиземнаго морей неодинаковъ, и доказывалъ возможность прорытія прямого канала отъ одного моря къ другому. Въ этомъ же смыслѣ начала высказываться англійская печать. Въ 1840 году, англійскіе офицеры, путешествуя по Египту, сдѣлали сравнительное измѣреніе уровней двухъ морей и нашли, что они почти одинаковы; но инструменты, употребленные ими, не имѣли достаточно убѣдительной точности. Въ 1841 году, французъ въ службѣ вице-короля, Линанъ-де-Белльфонъ (впослѣдствіи директоръ публичныхъ работъ въ Египтѣ), болѣе извѣстный подъ именемъ Линанъ-бея, въ товариществѣ съ нѣсколькими англичанами, предпринялъ составить новый проектъ канала отъ моря къ морю.

Одинъ изъ чрезвычайно замѣчательныхъ людей первой половины столѣтія, извѣстный глава сен-симонистовъ Просперъ Анфантенъ, въ 1846 году, внушилъ нѣсколькимъ лицамъ мысль о возобновленіи работъ по проекту канала, и для этой цѣли составилась коммиссія изъ извѣстныхъ инженеровъ: знаменитаго Стифенсона, Негрелли, Линана и Талабо̀. По этому случаю Линанъ и Бурдалу, также извѣстный инженеръ, сдѣлали самую точную нивеллировку и доказали, что разницы въ уровнѣ морей нѣтъ. Мехметъ-Али давалъ всѣ средства для этихъ работъ. Но Стифенсону онъ поручилъ строить желѣзную дорогу, Линанъ-бей устранился отъ составленія проекта, и проектъ составилъ одинъ Талабо̀. Замѣчательно, что въ этомъ проектѣ каналъ опять-таки предполагался не прямо, а изъ Нила, причемъ на одномъ порогѣ онъ предполагалъ устроить мостъ — каналъ длиною въ версту.

Затѣмъ, въ 1856 году, былъ представленъ еще проектъ канала гг. Барро̀, которымъ предполагалось вести каналъ изъ Суэза прямо на сѣверъ, въ озеро Мензалехъ, но оттуда обратить его къ западу, пересѣчь имъ рукавъ даміеттскій, пройти озеромъ Бурлосомъ, пересѣчь рукавъ розеттскій, обогнуть озеро Эдку, и привесть каналъ къ устью въ Александріи. Этотъ каналъ имѣлъ бы пятьсотъ верстъ длины. Этотъ проектъ, какъ и проектъ Талабо̀, повелъ бы къ пресѣченію всей ирригигаціонной системы Египта, отвлекалъ бы огромную массу воды отъ Нила, увеличивая въ тоже время въ большомъ размѣрѣ поверхность высыханія, до такой степени, что высыханіемъ терялось бы въ день по 3 милліона куб. метровъ воды.

Итакъ, изъ двухъ путей, о которыхъ мы упомянули въ самомъ началѣ, одинъ былъ окончательно устраненъ, на основаніи опытовъ древности и соображеній новѣйшаго искусства. Оставался другой путь—путь прямого соединенія морей, при помощи лежащихъ между ними озеръ. Предразсудокъ относительно неодинаковости уровня морей былъ опровергнутъ, а современное состояніе инженернаго искусства давало такія средства для осуществленія этой мысли, о какихъ и не мечтали древніе. Но хотя исчезъ остававшійся отъ стараго времени предразсудокъ научный, мѣшавшій радикальному рѣшенію этого вопроса, оставался еще отъ стараго же времени предразсудокъ экономическій, принципъ международной зависти, и вотъ этотъ остатокъ старины долженъ былъ представить дѣлу немаловажныя препятствія.

Уже съ 1854 года, мыслью о соединеніи морей занимался Фердинандъ Лессепсъ. Прежде чѣмъ продолжать, съ авторомъ, исторію Суэзскаго перешейка, представимъ по возможности полный біографическій очеркъ того дѣятеля, который займетъ въ этой исторіи первостепенное мѣсто.

Фердинандъ Лессепсъ родился въ 1805 году, въ Версали. Отецъ его, Матвѣй Лессепсъ, былъ потомъ французскимъ консуломъ въ Египтѣ. Онъ самъ поступилъ на службу при французскомъ консульствѣ сперва въ Лиссабонѣ, въ 1825 году, потомъ перешелъ въ консульство въ Тунисѣ, занимался инженерными работами въ провинціи Константинѣ, по порученію маршала Клозеля, былъ консуломъ въ Каирѣ, съ 1831 — 1838 г., и на этомъ постѣ отличился мужествомъ и распорядительностію во время чумы 1834 г. Вскорѣ ему удалось оказать существенную услугу вице-королю, Мехмету-Али, возстановленіемъ дружелюбныхъ сношеній между имъ и султаномъ. Отсюда пріязнь къ нему вице-короля, перешедшая и къ наслѣдникамъ Мехмета-Али.

Г. Лессепсъ занималъ консульскій постъ въ Малагѣ, когда правительству Людовика-Филиппа понадобился, въ помощь къ посланнику, ловкій и энергическій человѣкъ въ Барселонѣ. Людовикъ-Филиппъ не благопріятствовалъ диктатурѣ Эспартеро, противъ котораго затѣвалось въ 1842 году возстаніе, въ отечествѣ всѣхъ испанскихъ возстаній—Каталоніи. Необходимо было слѣдить за шансами этого движенія и, въ случаѣ надобности, оградить интересы французскихъ подданныхъ въ столицѣ мятежной Каталоніи. Возстаніе было подавлено и Лессепсъ спасъ на французскіе корабли нѣсколько лицъ, которыхъ жизнь была въ опасности; сверхъ того, энергическія представленія его спасли самый городъ отъ бомбардированія. Что Лессепсъ имѣлъ въ Барселонѣ спеціальное политическое порученіе, удостовѣряется фактомъ, что

королева Изабелла, тотчасъ по прекращеніи регенства, пожаловала его командоромъ 1 класса ордена Карла III, а французское правительство дало ему орденъ Почетнаго Легіона, и произвело его въ генеральные консулы. Но гораздо важнѣе была, конечно, та услуга, которую онъ оказалъ жителямъ города и иностраннымъ купцамъ. Торговая палата въ Барселонѣ поставила въ своей залѣ его бюстъ, разныя торговыя палаты во Франціи прислали ему адресы, а нѣкоторыя иностранныя правительства ордена.

Республиканское временное правленіе 1848 года назначило Фердинанда Лессепса французскимъ посланникомъ въ Мадридѣ, и Лессепсу удалось, въ короткое время занятія имъ этого поста, заключить почтовый договоръ между Испаніею и Франціею. Въ 1849 году, ему было дано дипломатическое порученіе въ Римѣ и онъ уже вступилъ въ сношеніе съ вождями революціи, какъ вдругъ ему уяснилось, что правительство президента дѣйствуетъ неискренно, что миролюбивыя слова, которыя Лессепсу было поручено произнесть, прикрываютъ просто намѣреніе вооруженною силою возстановить папу; онъ подалъ въ отставку и съ тѣхъ поръ уже не вступалъ болѣе на службу.

Въ 1854 году, Фердинандъ Лессепсъ былъ вызванъ Магометомъ-Саидомъ въ Египетъ, и вскорѣ убѣдилъ вице-короля въ пользѣ и возможности осуществленія проекта о прорытіи Суэзскаго перешейка. Магометъ-Саидъ поручилъ ему представить докладъ объ этомъ вопросѣ; докладъ былъ представленъ 15-го ноября 1854 года, и по этому докладу состоялся фирманъ паши.

Итакъ, Лессепсъ—не инженеръ, и проектъ, осуществленный имъ нынѣ, не имъ составленъ; этого не рѣшается утверждать даже авторъ книги, которую мы разбираемъ и которая посвящена Лессепсу, и обширно распространяется надъ всѣмъ, что возвеличиваетъ Лессепса, заботливо умалчивая о всемъ способномъ уменьшить его славу или славу предпріятія. Лессепсъ—не инженеръ, онъ—дипломатъ. Проектъ, какъ мы видѣли выше, выработался естественнымъ образомъ изъ всѣхъ предшествовавшихъ ему работъ. Но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ приписать именно Лессепсу всю честь нынѣшняго предпріятія и его успѣха. Основная мысль этого предпріятія сама по себѣ проста, такъ сказать, очевидна. Предшествующій очеркъ показываетъ, что не оставалось сомнѣнія въ возможности и въ превосходствѣ канала прямого сообщенія между моремъ, хотя еще проектъ Талабо разсчитывалъ на Нилъ. Чтобы взяться за мысль радикальную, нужна была только рѣшимость.

Но намъ кажется въ высшей степени несправедливымъ, когда

на этомъ основанiи стараются — какъ то бывало въ англiйской печати — отнять у Ферд. Лессепса хотя бы часть его огромной заслуги по совершенiю этого всемiрнаго дѣла: успѣхъ его весь неотъемлемо принадлежитъ Лессепсу. Въ виду того развитiя, какое уже получилъ до Лессепса вопросъ о канализацiи Суэза на почвѣ инженернаго искусства, важно было, чтобы за него взялся не только свѣдущiй составитель проекта, но человѣкъ, одаренный совсѣмъ спецiальною комбинацiею личныхъ свойствъ: болѣе всего для дѣла нуженъ былъ именно человѣкъ, близкiй къ царствующей въ Египтѣ фамилiи, но европеецъ; ловкiй и энергическiй дипломатъ, но не такой дипломатъ, какими иногда довольствуются правительства, умѣющiй хорошо оцѣнять положенiе и хорошо писать. Здѣсь въ дипломатѣ нуженъ былъ человѣкъ способный самъ страстно увлечься однимъ дѣломъ, посвятить жизнь его успѣху, никогда не унывать, и придумывать самыя разнообразныя средства для преодолѣнiя всякихъ трудностей, представлявшихся на пути: и техническихъ, и финансовыхъ, и политическаго противодѣйствiя, и разочарованiя самихъ дѣятелей, участвовавшихъ въ предпрiятiи.

Великое дѣло соединенiя Средиземнаго моря съ Аравiйскимъ заливомъ есть дѣло именно Лессепса, плодъ его разнообразныхъ способностей и непреодолимой энергiи, наконецъ и личнаго положенiя и отношенiй его. Нужна была большая рѣшимость и большая выдержанность. Но вѣдь и Колумбу не нужно было ничего болѣе для того, чтобы открыть западный материкъ. Собственно говоря, не Колумбъ открылъ Америку, а компасъ. Америку нельзя было открыть безъ компаса, а компасъ изобрѣтенъ не Колумбомъ. Когда компасъ былъ найденъ, дѣйствительно «не трудно» было сдѣлать все то, что сдѣлалъ Колумбъ, Васко-ди Гама и Кабраль. Нужны были только большая рѣшимость и большая выдержанность. Но никто не скажетъ, что вся заслуга открытiя Америки не принадлежитъ Христофору Колумбу. Совершенно въ томъ же смыслѣ весь подвигъ соединенiя водъ Европы съ водами Азiи принадлежитъ Фердинанду Лессепсу.

III.

Фирманомъ 1854 года, египетское правительство предоставляло г. Лессепсу основать компанiю, подъ именемъ «Всемiрной компанiи морского канала чрезъ Суэзъ» (Compagnie universelle du canal maritime de Suez), съ правомъ на прорытiе перешейка, эксплуатацiю предположеннаго прохода, достаточнаго для

большихъ судовъ, занятіе или основаніе двухъ соотвѣтствующихъ входовъ въ каналъ, на Средиземномъ и Красномъ моряхъ, и наконецъ — на устройство двухъ гаваней.

Концессія предоставлялась фирманомъ на 99 лѣтъ со дня открытія канала для судоходства. Всѣ работы компанія должна была принять на свой счетъ, но ей предоставлено было, безъ вознагражденія, занимать нужныя ей земли, если онѣ не принадлежали частнымъ владѣльцамъ. Египетское правительство выговорило себѣ 15% съ чистаго ежегоднаго дохода, который будетъ выручать компанія, независимо отъ дивиденда и процентовъ по количеству акцій, которое оно взяло бы для себя. Эти 15% будутъ представлять собственно какъ бы плату за наемъ прибрежныхъ территорій или за эксплуатацію оброчной статьи, которую, впрочемъ, сама компанія должна была создать. И при этомъ, египетское правительство не давало никакой гарантіи ни въ дѣйствительномъ исполненіи компаніею предпринятыхъ ею работъ, ни доходности общихъ ея операцій.

За отчисленіемъ 15% въ пользу правительства, остальная часть чистаго дохода, по концессіи, должна распредѣлиться такъ: 75% — въ пользу компаніи и 10% въ пользу учредителей. Въ концессіи оговорено, что плата за проходъ по Суэзскому каналу должна быть всегда одинакова для судовъ всѣхъ націй, и что ни одной націи не могутъ быть предоставлены какія-либо исключительныя преимущества. На случай, еслибы компанія признала нужнымъ соединить съ каналомъ, посредствомъ судоходнаго пути, Нилъ, а также въ случаѣ, еслибы каналу было дано направленіе не прямое, такъ что Нилъ снабжалъ бы его водою, компаніи предоставлялись всѣ необработанныя казенныя земли по берегамъ рѣки, съ тѣмъ, чтобы онѣ были поливаемы на счетъ компаніи; компаніи предоставлялось безпошлинное пользованіе этими землями въ теченіи 10 лѣтъ, со дня открытія канала, съ тѣмъ, чтобы, начиная съ 11-го года, она уплачивала правительству законную десятину (поземельный налогъ).

Компаніи было предоставлено право раскопки казенныхъ рудъ и каменоломень, безплатно, но собственно для цѣли работъ по сооруженію канала и по возведенію нужныхъ для этихъ работъ построекъ, а также безпошлинный ввозъ въ страну всѣхъ нужныхъ машинъ и матеріаловъ. По истеченіи срока концессіи, правительство должно вступить во всѣ права компаніи и въ полное владѣніе какъ каналомъ между морями, такъ и всѣми состоящими при немъ постройками и заведеніями. Вознагражденіе компаніи за подвижной составъ (машины и орудія) и всякое движимое имущество должно быть опредѣлено по соглашенію или третейскимъ

посредничествомъ. Наконецъ, концессія обѣщала компаніи всякое содѣйствіе для исполненія работъ со стороны египетскаго вице-короля и его чиновниковъ.

Главными техниками предпріятія были Линанъ-бей и Мужель-бей, французскіе инженеры въ службѣ вице-короля. Оба они давно уже занимались этимъ вопросомъ. Главнымъ директоромъ работъ, когда онѣ начались, былъ сдѣланъ Мужель-бей. Въ концѣ 1854 и началѣ 1855 года, г. Лессепсъ объѣхалъ мѣстность предполагавшихся работъ съ этими инженерами, и затѣмъ они составили предварительный проектъ работъ, положивъ въ принципѣ его прямое сообщеніе между морями, отъ Пелузы къ Суэзу.

Вотъ краткій обзоръ условій мѣстности и начертаній проекта. На пространствѣ около 60 верстъ, начиная отъ сѣвера, почва низменна, и за исключеніемъ нѣсколькихъ пунктовъ, бываетъ покрыта водою изъ озеръ Мензалеха и Биллаха шесть мѣсяцевъ въ году. Съ 60-й до 75-й версты тянется поперечная песчаная насыпь или коса, называемая порогъ (валъ) Эль-Гисръ; высшая точка его 20 метровъ надъ уровнемъ моря; миновать этотъ валъ не было возможности. Далѣе къ югу представлялась котловина озера Тимсахъ. Озеро это порою совершенно высыхало; когда въ немъ стояла вода, на уровнѣ съ моремъ, это пространство воды имѣло 6 верстъ длины и 25 верстъ (километровъ) въ окружности. Глубина его посрединѣ доходила до 7 метровъ.

Затѣмъ, представлялся, на пути къ югу, валъ, прозванный «порогъ Серапеумъ», длиною въ 14 верстъ, съ наибольшею высотою въ 16 метровъ (около 8 саженъ) надъ уровнемъ моря. Этотъ песчаный валъ тянется отъ бассейна озера Тимсаха до бассейна Горькихъ озеръ. Далѣе прямая линія къ югу проходитъ чрезъ сухой бассейнъ Горькихъ озеръ и, еще южнѣе, чрезъ невысокій шалуфскій валъ, о которомъ уже было упомянуто. Отселѣ почва, на протяженіи верстъ двадцати, нечувствительно склоняется къ уровню Краснаго моря.

По этой-то мѣстности Линанъ-бей и Мужель-бей начертали слѣдующій проектъ канала: начинаясь отъ Суэза, каналъ идетъ на Красномъ морѣ къ сѣверозападу къ Горькимъ озерамъ, проходитъ по этому бассейну, безъ откосовъ, но въ сваяхъ (balises), прорѣзываетъ валъ Серапеумъ, проходитъ, также безъ откосовъ, озеро Тимсахъ, потомъ идетъ почти по прямой линіи, прорѣзываетъ валъ Эль-Гисръ, проходитъ чрезъ озеро Биллахъ и восточную часть озера Мензалехъ, и при Пелузѣ соединяется съ Средиземнымъ моремъ. Длина канала, такимъ образомъ, составляетъ около 150 километровъ (141 версты), ширина его на поверхности воды 100 килом. (94 версты), но въ тѣхъ мѣстахъ,

гдѣ онъ прорѣзываетъ валы, онъ нѣсколько уже. Глубина его одинакова на всемъ протяженіи и составляетъ 6½ метровъ ниже уровня низкой воды въ Средиземномъ морѣ, откосамъ положено дать склонъ въ 2 метра основанія на 1 метръ высоты.

Со стороны Суэза и со стороны Пелузы предполагались шлюзы во 100 метровъ длины, 21 метръ ширины и 6½ м. наименьшей глубины воды, такъ чтобы вода въ каналѣ могла подниматься подъ вліяніемъ приливовъ не болѣе какъ на 1½ метра. Отъ шлюзовъ каналъ расширяется въ устья, между дамбами, и углубляется до 7½ метровъ при среднемъ уровнѣ. Весь объемъ земли, какой предстояло извлечь для прорытія морского канала, былъ исчисленъ въ 74 милліона кубическихъ метровъ; изъ этого количества предстояло выкопать 17 милл. куб. метровъ сухой земли и 57 милл. куб. метровъ извлечь изъ-подъ воды, посредствомъ машинъ.

Согласно желанію Магомета-Саида, въ проектѣ предположено было также, независимо отъ соединительнаго морского канала, провесть каналъ рѣчной, для орошенія и для судоходства, отъ центра перешейка въ нижній Египетъ, именно отъ Булака на Бельбеисъ и Расъ-эль-Уади къ озеру Тимсахъ, на протяженіи около 130 верстъ.

Вся издержка по первоначальной смѣтѣ была исчислена примѣрно въ 160 милл. франковъ, а время для исполненія всѣхъ работъ въ шесть лѣтъ.

Для обсужденія этого предварительнаго проекта, по стараніямъ и ходатайству г. Лессепса, составилась международная коммиссія изъ инженеровъ состоящихъ на службѣ правительствъ Франціи, Великобританіи, Австріи, Испаніи, Италіи, Нидерландовъ и Пруссіи. Италія и Испанія прислали въ эту коммиссію своихъ министровъ публичныхъ работъ, Австрія—главнаго инспектора желѣзныхъ дорогъ, другія государства—извѣстныхъ своихъ инженеровъ. Сверхъ того въ коммиссіи принимали участіе адмиралъ Риго де-Женульи и Жоресъ, и англійскій капитанъ Гаррисъ.

Эта коммиссія сдѣлала нѣсколько измѣненій въ первоначальномъ проектѣ. Но изъ измѣненій этихъ представляетъ первостепенную важность только устраненіе постройки шлюзовъ на обоихъ концахъ канала; коммиссія признала эти шлюзы ненужными. Этотъ пунктъ, дѣйствительно, представлялъ большую важность. Составители проекта предположили шлюзы, во-первыхъ, для поддержанія общей высоты воды въ каналѣ на 1½ метра выше уровня низкихъ водъ, а во-вторыхъ, чтобы отстранить наносъ песку и засореніе канала изъ морей. Но коммиссія выра-

зила сомнѣніе, чтобы при массѣ воды, какая должна заключаться между шлюзами, при вліяніи вѣтровъ, наконецъ, при истокѣ сквозь шлюзы, высота эта могла быть сохраняема; что же касается наносовъ, то коммиссія приняла въ соображеніе, что дно Краснаго моря въ значительной мѣрѣ глинисто, такъ что наносовъ съ этой стороны ожидать нельзя, а такъ какъ, подъ вліяніемъ прилива и отлива, движеніе волны должно быть въ обыкновенное время отъ Краснаго моря къ Средиземному, то, по мнѣнію выраженному коммиссіею, не слѣдуетъ опасаться наносовъ изъ Средиземнаго моря.

На основаніи такихъ соображеній признано было возможнымъ обойтись безъ шлюзовъ, и это устранило, во-первыхъ, огромную издержку, во-вторыхъ, важное неудобство двойной потери времени при проходѣ судовъ, не говоря уже о постоянномъ ремонтномъ расходѣ. На вопросѣ о шлюзахъ мы останавливаемся особенно потому именно, что, начиная съ глубокой древности, опасность безпрепятственнаго, непосредственнаго соединенія морей считалась главнымъ препятствіемъ къ прорытію канала. Мы видѣли, что Нехосъ, доведя свой каналъ до Горькихъ озеръ, оставилъ между нимъ и озерами (въ то время заливомъ) естественную преграду, и что впослѣдствіи южная часть канала была соединена съ Краснымъ моремъ только при помощи шлюза. Международная коммиссія впервые признала такую опасность невѣроятною. Правда, особенно сильный приливъ изъ Краснаго моря могъ бы попортить откосы южной части морского канала; но именно на этой части почва, имѣя достаточно глинистыхъ элементовъ, устойчивѣе, чѣмъ въ другихъ, болѣе сѣверныхъ мѣстахъ, и для охраненія откосовъ признано было достаточнымъ сдѣлать каменную обшивку нѣсколько пошире и повыше обыкновеннаго уровня воды. Что касается всей остальной, сѣверной части канала, то, по мнѣнію коммиссіи, въ ней почти не будетъ замѣтно дѣйствіе приливовъ Краснаго моря, такъ какъ на линіи канала, въ небольшомъ разстояніи отъ моря находится обширный бассейнъ Горькихъ озеръ, который въ этомъ случаѣ будетъ естественнымъ умѣрителемъ дѣйствія приливовъ и отливовъ.

За то коммиссія, отвергая шлюзы, признала нужнымъ дать всему каналу бо́льшую глубину, именно 8 метровъ, что увеличило земляную работу милліона на 4 куб. метровъ. Ширина канала была опредѣлена въ 80 метровъ, на поверхности воды, по всему протяженію. Но это измѣненіе не было примѣнено къ дѣлу: въ окончательномъ проектѣ ширина была опредѣлена въ 100 метровъ по всей линіи и въ 60 метровъ при прорѣзахъ валовъ,

согласно первоначальному проекту. Дамбы въ Суэзѣ также отвергнуты впослѣдствіи.

По предположенію этой же коммиссіи, каналъ на сѣверѣ былъ поведенъ не къ самой пелузской гавани, а къ новому пункту, отстоящему на 28 верстъ отъ Пелузы; здѣсь устроена гавань, которой, по мысли коммиссіи, дано названіе Портъ - Саида, въ честь тогдашняго владѣтеля Египта. Сверхъ того, коммиссія указала на необходимость устроить достаточное число маяковъ по всему сѣверному берегу отъ Александріи до Портъ-Саида. Впослѣдствіи важное отступленіе отъ первоначальнаго проекта было сдѣлано еще въ отношеніи прѣсноводнаго (рѣчного) канала отъ Расъ-эль-Уади до Тимсаха. Проведена вѣтвь на Суэзъ, съ четырьмя шлюзами, рѣчной каналъ соединенъ съ морскимъ при посредствѣ шлюза, наконецъ, рѣчной каналъ ведется до самаго Каира и теперь еще не готовъ.

Актъ окончательной концессіи, утвержденный 5-го января 1856 года, подтвердилъ прежнюю концессію, подробно опредѣливъ обязанности и права компаніи. Въ обязанности включены били работы въ томъ видѣ, какъ онѣ опредѣлены были международною коммиссіею.

На основаніи окончательнаго акта концессіи, г. Лессепсу предоставлено было образовать акціонерную компанію, въ которой онъ былъ заранѣе назначенъ президентомъ. Компанія эта должна была реализировать капиталъ въ 200 милліоновъ франковъ, посредствомъ выпуска 400,000 акцій, въ 500 фр. каждая. Совѣтъ управленія долженъ былъ состоять изъ 32 членовъ, представляющихъ главныя націи, участвующія въ предпріятіи; совѣту предоставлялось избрать исполнительный комитетъ. Сверхъ того, при компаніи былъ образованъ совѣщательный техническій комитетъ изъ инженеровъ, неучаствующихъ въ работахъ по Суэзскому каналу.

Такимъ образомъ, всѣ предварительныя изысканія и формальности были налицо. Оставалось разсчитывать на сочувствіе общества и правительствъ. Французская пресса съ самаго начала выразила предпріятію Лессепса полное сочувствіе; въ другихъ странахъ печать также заинтересовалась имъ, но часть прессы въ Англіи, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ національныхъ предубѣжденій, внушенныхъ, между прочимъ, и несовсѣмъ опредѣленными опасеніями, стала высказываться противъ суэзскаго дѣла. Не видно также, чтобы въ числѣ ученыхъ обществъ разныхъ странъ, выразившихъ въ самомъ началѣ свое одобреніе предпріятію Лессепса (въ числѣ ихъ упоминается и наше Географическое общество), находилось какое-либо ученое сословіе Велико-

британіи. Правительства сардинское и нидерландское назначили коммиссію для изученія вопроса о Суэзскомъ каналѣ; правительства австрійское и испанское съ самого начала предписали своимъ консуламъ оказывать Лессепсу всякую поддержку. Само собою разумѣется, что французское правительство было расположено въ пользу предпріятія, которое представлялось какъ бы національнымъ французскимъ дѣломъ; но нельзя сказать, чтобы французское правительство горячо взялось за это дѣло въ самомъ началѣ; еслибы не личная энергія Лессепса, то покровительство это проявилось бы слабо и было бы совершенно недостаточно для поддержки предпріятія. За то торговыя палаты во Франціи высказались рѣшительно въ его пользу, именно изъ 54 такихъ палатъ 52 сдѣлали постановленія въ его пользу.

Лессепсъ, приготовивъ дѣло, отправился по Европѣ объяснять его, съ цѣлью возбудить довѣріе къ имѣвшей открыться подпискѣ. О пропагандистскомъ походѣ его въ Англію мы сейчасъ упомянемъ; теперь же укажемъ на результатъ, какъ онъ выразился въ подпискѣ. По возвращеніи Лессепса въ Парижъ, въ октябрѣ 1858 г., подписка была объявлена и оставалась открытою съ 5-го по 25-е ноября. Во Франціи разобрано было болѣе 100 тысячъ акцій; но на этомъ подписка и остановилась. Другія страны приняли въ ней самое слабое участіе. Правда, политическія обстоятельства несовсѣмъ благопріятствовали реализаціи капитала на такое отдаленное и долговременное предпріятіе. Между кабинетами тюльерійскимъ и вѣнскимъ уже начаты были переговоры относительно положенія дѣла въ Италіи, но оставалось еще болѣе мѣсяца до произнесенія знаменитыхъ словъ, сказанныхъ барону Гюбнеру, и послужившихъ сигналомъ къ войнѣ въ Ломбардіи. Итакъ, въ томъ фактѣ, что по подпискѣ было разобрано всего немного болѣе одной четверти акцій Суэзскаго канала, нельзя не видѣть просто сомнѣнія европейскаго общества въ возможности его осуществленія. Прибавимъ, что разобранныя акціи всегда котировались по самымъ низкимъ цѣнамъ, чему главными причинами были какъ значительное превышеніе примѣрной смѣты расходовъ, такъ и промедленіе работъ, совершенно впрочемъ независившее отъ Лессепса. Къ его энергіи и ловкости слѣдуетъ отнести то, что, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, онъ все-таки довелъ дѣло до конца.

По закрытіи подписки, все неразобранное количество акцій было взято самимъ Могамедомъ-Саидомъ, обстоятельство, которое, конечно, совершенно измѣнило положеніе компаніи. Дѣло было уже не частнымъ, международнымъ предпріятіемъ, а просто предпріятіемъ египетскаго правительства съ Фердинандомъ Лессеп-

сомъ во главѣ и съ участіемъ нѣсколькихъ тысячъ акціонеровъ, какъ бы единственно для того, чтобы было кому представлять отчеты и для кого поддерживать гласность.

Имѣя въ виду результатъ подписки, трудно согласиться съ воззрѣніемъ автора на отношеніе Англіи къ дѣлу Суэзскаго канала. Онъ приписываетъ все недовѣріе нерасположенію Пальмерстона къ этому дѣлу. Что на запросъ по этому предмету въ палатѣ общинъ, по предложенію министерства, послѣдовалъ переходъ къ порядку, это авторъ также объясняетъ только желаніемъ палаты «дать знакъ довѣрія» Пальмерстону. Но по такому второстепенному вопросу палата не имѣла надобности выражать довѣріе кабинету, и Пальмерстонъ не по такимъ вопросамъ претерпѣвалъ пораженіе. Пальмерстону же авторъ приписываетъ и постоянную непріязнь, съ какою относилась къ дѣлу Суэзскаго канала «Times» и съ ней еще нѣкоторые органы англійской печати. Этому недовѣрію, представляемому такимъ образомъ въ видѣ внушеннаго, искусственнаго, авторъ противопоставляетъ рѣшеніе множества митинговъ, на которыхъ говорилъ Лессепсъ, въ томъ числѣ собраній торговыхъ палатъ и компаній въ важнѣйшихъ городахъ Великобританіи и Ирландіи, рѣшеніе въ смыслѣ благопріятномъ предпріятію Лессепса, и въ этихъ-то рѣшеніяхъ видитъ истинное мнѣніе англійскаго общества о предпріятіи при самомъ его началѣ.

Казалось бы, нѣтъ никакой надобности, даже для славы Лессепса, отрицать тотъ фактъ, что преобладавшимъ въ Англіи мнѣніемъ было именно недовѣріе. Что же касается симпатій и антипатій къ французскому предпріятію въ Египтѣ, то въ англійскомъ обществѣ проявилось и то и другое, какъ почти всегда бываетъ въ странѣ вольной, нечувствующей по командѣ или съ чужого голоса.

Пальмерстонъ не столько внушалъ, въ этомъ случаѣ, сколько представлялъ самъ предубѣжденія, принадлежавшія еще очень недавнему времени. Онъ былъ человѣкъ стараго времени, одинъ изъ послѣднихъ представителей въ Англіи той эпохи, въ которой оппозиція всякому успѣху Франціи считалась въ Англіи дѣломъ національнымъ. Независимо отъ тѣхъ особыхъ условій, которыя создали такое настроеніе въ прежней Англіи относительно Франціи, при началѣ нынѣшняго столѣтія, эпоха эта была только остаткомъ общей международной политики и экономіи, какъ онѣ понимались до очень недавняго времени. Это былъ остатокъ того политическаго и экономическаго ученія, что успѣхъ одной націи создается не иначе, какъ на счетъ другихъ и служитъ имъ въ ущербъ, и что развитіе торговли до-

стигается только политическими захватами, колоніальною системою и присвоеніемъ всякихъ монополій, для искусственнаго удержанія въ своихъ рукахъ путей торговли и рынковъ и для искусственнаго увеличенія своего сбыта.

Извѣстно, до какой степени вся эта теорія пошатнулась въ Англіи теперь, а вмѣстѣ съ нею и вся система завистливаго надсмотра надъ успѣхами другихъ націй и постояннаго вмѣшательства для отвращенія по возможности такихъ успѣховъ. Но извѣстно также, что эта теорія серьёзно пошатнулась въ общественномъ мнѣніи Англіи очень недавно, и что не Пальмерстонъ внушалъ ее, а что самъ онъ былъ только послѣдній могущественный ея представитель.

Съ точки зрѣнія этой теоріи, французское предпріятіе въ Египтѣ, проложеніе новаго водяного пути въ Индію, который «оставался бы въ рукахъ французовъ», не могло встрѣтить сочувствія въ той части англійскаго общества, которое еще было пропитано старыми идеями.

Но въ Англіи въ то время новыя идеи сдѣлали уже достаточные успѣхи, достаточно распространились въ обществѣ, такъ что рядомъ съ оппозиціей Пальмерстона было высказано въ Англіи съ самаго начала и сочувствіе къ общеполезному предпріятію Лессепса какъ передовыми людьми, такъ и многими общественными и сословными собраніями. Но оппозиція Пальмерстона, разумѣется, произвела непосредственные практическіе результаты, а сочувствіе части англійскаго общества помогло Лессепсу только въ томъ смыслѣ, что стѣснило и самую эту оппозицію извѣстными предѣлами и потомъ, по смерти Пальмерстона, предупредило всякую новую попытку противъ дѣла Лессепса.

Подъ вліяніемъ внушеній англійской дипломатіи, дѣло промедлилось за неполученіемъ утвержденія Порты. Лессепсъ пріѣхалъ въ февралѣ 1855 года въ Константинополь, хлопотать объ этомъ утвержденіи, и какъ ловкій дипломатъ, прямо и оффиціально обратился съ ходатайствомъ о поддержкѣ къ самому англійскому послу, извѣстному лорду Стратфордъ-Редклиффу. Записка, представленная виконту Лессепсомъ, составлена очень умно, и главный предметъ—опасеніе англійской дипломатіи, что французы захватятъ въ свои руки путь въ Индію, представленъ въ этой запискѣ съ замѣчательной ловкостью. Лессепсъ ссылался на англо-французскій союзъ, бывшій въ то время фактомъ, и выразивъ убѣжденіе, что ничто не угрожаетъ искренности и прочности этого союза, соглашался однако на одно исключеніе, и какъ на исключеніе это, указывалъ прямо на Египетъ. Онъ признавалъ, что Англія не можетъ дозволить французскому влія-

нію установиться въ Египтѣ потому именно, что путь въ Индію проходитъ чрезъ всю эту страну, и что Франція, съ другой стороны, по всѣмъ преданіямъ своей политики, не можетъ согласиться на то, чтобы Англія съ этой собственно цѣлью конфисковала Египетъ. Итакъ, надъ Египтомъ Лессепсъ самъ видѣлъ облачко, сулившее возможность бури, которая бы разстроила англо-французское «сердечное согласіе». Но причину такого положенія дѣлъ Лессепсъ указываетъ именно въ томъ обстоятельствѣ, что путь въ Индію проходилъ чрезъ всю страну, чрезъ весь Египетъ, пересѣкая внутренность его, такъ что преобладающее вліяніе одной изъ державъ въ Каирѣ отдавало бы въ ея руки и самый путь въ Индію — источникъ всѣхъ опасеній. «Но этотъ шансъ раздора, продолжалъ онъ, совершенно исчезъ бы, еслибы какимъ-либо образомъ путь въ Индію, вмѣсто того, чтобы проходить чрезъ центръ Египта, былъ перенесенъ къ его границамъ, и ставъ, такимъ образомъ, доступнымъ для всѣхъ, не могъ бы быть ничьимъ исключительнымъ достояніемъ». И вотъ на свое предпріятіе прямого соединенія морей на восточной границѣ Египта Лессепсъ указывалъ какъ именно на такое «устраненіе опасности».

Но лордъ Редклиффъ былъ не такой человѣкъ, чтобы прямое обращеніе къ нему Лессепса могло поставить его въ затрудненіе или чтобы ловкая «перестановка» вопроса могла произвесть на него впечатлѣніе. По всей вѣроятности, онъ имѣлъ инструкціи отъ Пальмерстона по этому дѣлу, да и самъ онъ принадлежалъ къ той же самой школѣ англійскихъ государственныхъ людей. Лессепсъ привезъ съ собою въ Константинополь рекомендательное письмо отъ вице-короля и великій визирь, въ немедленномъ отвѣтѣ на это письмо, называлъ предпріятіе Лессепса весьма полезнымъ. Между тѣмъ Порта не давала утвержденія такъ долго, что Лессепсъ не рѣшился даже и ожидать его въ Константинополѣ. Сколько намъ извѣстно (авторъ объ этомъ не упоминаетъ), формальнаго разрѣшенія со стороны Порты начать работы такъ и не было дано.

Прошло два года, и вотъ въ 1857 году, мы видимъ Лессепса все еще пропагандирующимъ свое дѣло въ Англіи. На 18 митингахъ-собраніяхъ торговыхъ палатъ главныхъ городовъ Великобританіи и Ирландіи онъ излагалъ свой проектъ и доказывалъ пользу Суэзскаго канала. Резолюціи на такихъ митингахъ постановлялись всегда сочувственныя дѣлу Лессепса, но какъ извѣстно, подобныя резолюціи не доказываютъ еще ни желанія дѣйствительно принять участіе въ дѣлѣ, ни даже дѣйствительнаго довѣрія къ успѣху дѣла. Въ парламентскихъ преніяхъ

по этому дѣлу, Пальмерстонъ встрѣчалъ противъ себя именно передовыхъ людей Англіи, представителей новыхъ идей, политики невмѣшательства и терпимости чужихъ успѣховъ. Въ пользу проекта Лессепса или по крайней мѣрѣ противъ сопротивленія Англіи этому дѣлу говорили въ разное время: Робакъ, Брайтъ, Мильнеръ Гибсонъ, Гладстонъ, лордъ Дж. Россель, сэръ Джемсъ Граамъ, сэръ Чарльзъ Нэпиръ, Сидни Гербертъ и др. Вотъ, между прочимъ, выдержка изъ одной рѣчи Гладстона, сказанной еще въ августѣ 1854 года: «Никто, взглянувъ на карту, не можетъ отрицать, что проведеніе канала поперегъ Суэзскаго перешейка не принесло бы большую пользу человѣчеству. Проектъ этотъ одобренъ всѣми европейскими правительствами.... Что касается здѣсь собственно нашихъ владѣній въ Индіи, то мы должны стараться, чтобы въ Европѣ не возникла мысль, что для удержанія британскаго господства въ Индіи, Англія принуждена противиться такимъ мѣрамъ, которыя полезны для общихъ интересовъ Европы. Постараемся избѣгнуть такого непріятнаго противопоставленія, потому что если бы въ Европѣ установилось такое мнѣніе, то это ослабило бы наше могущество въ Индостанѣ болѣе, чѣмъ то могли бы сдѣлать десять мятежей, подобныхъ бывшему недавно». Приводимъ этотъ отрывокъ именно потому, что онъ рельефно высказываетъ весь смыслъ различія между старою и новою политическими школами Великобританіи. И въ печати нѣкоторые органы съ самого начала стояли за дѣло Лессепса и возражали какъ «Times», такъ и министерскому большинству въ парламентѣ, и въ такихъ случаяхъ, эти органы высказывали именно тотъ принципъ, который такъ практически поставленъ былъ въ приведенномъ отрывкѣ изъ рѣчи Гладстона.... «Если цѣлью политики, говорилъ «Morning Chronicle», подавлять въ другихъ странахъ всякое возможное развитіе, тормозить успѣхи цивилизаціи для того, чтобы удержать за собою превосходство, то мы не колеблясь назовемъ такую политику ложною. Она несообразна съ конституціею и совершенно противна духу нашей просвѣщенной эпохи, которая стремится къ свободѣ торговли и общимъ мѣрамъ улучшенія»...

Какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣнія, что англійское правительство при Пальмерстонѣ сдѣлало все что могло для того, чтобы помѣшать предпріятію Лессепса, и что большинство англійскаго общества относилось къ нему съ недовѣріемъ, а меньшинство высказало ему только безплодное сочувствіе. Отрицать это напрасно, и все это, представляя огромное препятствіе для успѣха дѣла Лессепса, только увеличиваетъ славу этого успѣха.

IV.

Настоящія работы начались только съ 1859 года, когда Лессепсъ рѣшился на свой рискъ donner le premier coup de pioche для сооруженія гавани на Средиземномъ морѣ, Портъ-Саида. Эта церемонія была исполнена съ нѣсколько-торжественною обстановкою, и имѣла характеръ демонстраціи, быть можетъ напрасно, такъ какъ англійская дипломатія вслѣдъ за этою демонстраціею вновь принялась за свою работу. Лессепсъ самъ пріѣхалъ на мѣсто назначенное для будущаго Портъ-Саида; съ нимъ прибыли нѣкоторые члены совѣта компаніи и Мужель-бей, назначенный главнымъ директоромъ работъ: каждый держалъ въ рукѣ заступъ, и когда Лессепсъ, послѣ краткой, но энергической рѣчи, взрылъ первую борозду на линіи предназначенной для канала, всѣ послѣдовали его примѣру. Это происходило $^{13}/_{25}$ апрѣля 1859 года. Въ разныхъ пунктахъ перешейка, гдѣ предположены были важнѣйшія работы, раскинулись палатки французскихъ инженеровъ. Малая часть рабочихъ была нанята во Франціи, массу же рабочихъ обѣщалъ поставить вице-король, возлагая эту работу, какъ поочередную повинность, на феллаховъ, съ тѣмъ, чтобы компанія платила имъ за трудъ. Объ этомъ предметѣ мы еще поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

Положеніе вновь прибывшихъ французовъ, какъ на берегу Средиземнаго моря, такъ и въ центрѣ перешейка, было самое плачевное. Отъ недостатка прѣсной воды терпѣли и здѣсь и тамъ. Вскорѣ были присланы паровыя машины для дистилляціи, но машины иногда не успѣвали—когда число рабочихъ возрастало—иногда и портились. Тогда бывало нѣчто въ родѣ бунта между рабочими: они бросались на первыя лодки транспорта съ прѣсною водою и подвергали ихъ разграбленію, недопуская правильной раздачи воды порціями. При этомъ часть воды, разумѣется, проливалась.

Изъ французовъ, посланныхъ въ центръ, въ песчаную степь, иные впадали въ такую тоску, что бросали все и уѣзжали во Францію. Вообще, изъ инженеровъ и рабочихъ, прибывшихъ на Суэзъ съ самаго начала, самое ничтожное число осталось тамъ до конца. Компанія входила въ положеніе служащихъ и давала имъ по временамъ отпускъ во Францію, на три мѣсяца, съ сохраненіемъ содержанія. Но и на сѣверномъ берегу первымъ переселенцамъ было не весело: жили они сперва въ палаткахъ. Въ дождливое время сидитъ себѣ французъ въ палаткѣ съ дождевымъ зонтикомъ въ рукѣ и читаетъ книгу. Спать ляжетъ —

крысы отгрызутъ часть подошвъ у сапогъ. Потомъ построили временные домà и большія помѣщенія на высокихъ сваяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, наводненіе на сѣверномъ берегу — вещь самая обыкновенная: какъ только поднимется извѣстный вѣтеръ, такъ и бѣгутъ спасать пожитки. Бывали и несчастія.

Въ то время, когда приступили къ работамъ на Суэзѣ, начальство предполагало, что онѣ будутъ кончены въ шесть лѣтъ. Но подчиненные не очень-то вѣрили этому, видя недостаточность машинъ и инструментовъ, бывшихъ налицо вначалѣ, и рабочихъ всего сотни три. Работы были начаты формальнымъ образомъ, и общій подрядъ по работамъ канала взялъ на себя сперва г. Гардонъ, извѣстный желѣзно-дорожный подрядчикъ. Но еще не успѣло прибыть достаточно инструментовъ, когда, въ іюнѣ 1859 года, работы вдругъ остановились, вслѣдствіе представленій Порты, внушенныхъ англійскою дипломатіей, которой вниманіе было обращено уже самою торжественностью начала.

Египетское правительство нашлось вынужденнымъ временно уступить и сообщило циркулярно европейскимъ консуламъ о временномъ воспрещеніи работъ. Лессепсъ протестовалъ и тотчасъ отправился въ Портъ-Саидъ, чтобы настоять на продолженіи работъ. Французы, находившіеся на работахъ, были сильно возбуждены, и это тѣмъ понятнѣе, что въ то время до нихъ только-что дошло извѣстіе о побѣдѣ при Маджентѣ и о вступленіи въ Миланъ. Прошли іюнь и іюль; въ августѣ узнали, что къ Александріи послана англійская эскадра. Виллафранкскій трактатъ, на который инженеры возлагали надежды, не измѣнилъ положенія. Между тѣмъ, въ Портъ-Саидѣ были только госпиталь, пекарня, дистировальныя машины и маякъ. Въ октябрѣ, начальникъ работъ въ Портъ-Саидѣ, г. Ларошъ, созвалъ своихъ подчиненныхъ и объявилъ имъ содержаніе депеши, полученной имъ отъ французскаго консула въ Даміеттѣ. Въ письмѣ этомъ консулъ приглашалъ французовъ оставить службу суэзской компаніи, и предупреждалъ ихъ, что въ противномъ случаѣ они должны винить уже только самихъ себя въ непріятныхъ послѣдствіяхъ, какія могутъ произойти. Ларошъ, объявивъ это, прибавилъ, что никого не удерживаетъ, но самъ останется, и всѣ остались. Итакъ, въ началѣ само французское правительство вовсе не было намѣрено поддерживать предпріятіе Лессепса и изъ-за него ссориться съ Англіею. Правда, когда Лессепсъ явился въ Парижъ и подалъ императору просьбу о покровительствѣ «національному» дѣлу, то императоръ поручилъ посланнику въ Константинополѣ заступиться за дѣло Суэзскаго канала, а консулъ въ Даміеттѣ былъ смѣненъ. Но это доказываетъ только, что французское прави-

тельство само не знало въ началѣ, какъ отнестись къ этому дѣлу, что у него не было заранѣе составленнаго мнѣнія, а тѣмъ самымъ устраняетъ всякую мысль о томъ, чтобы Лессепсъ предпринялъ свое дѣло по внушенію французскаго правительства.

Англійская эскадра была отозвана, и въ Константинополѣ, по увѣренію одного изъ писемъ, приведенныхъ въ разсматриваемой нами книгѣ, французскій посланникъ не одинъ выступилъ въ защиту Лессепса; къ нему присоединились посланники австрійскій, русскій и прусскій. Все это сдѣлалось извѣстнымъ въ Портъ-Саидѣ въ декабрѣ 1859 года, и работы тотчасъ возобновились съ энергіею; онѣ оставались прерванными около 6 мѣсяцевъ и туземные рабочіе уже было-разбрелись. Прежде всего взялись за три главныя задачи: начало морского канала отъ Портъ-Саида до Кантары, прорѣзъ песчанаго холма или вала Эль-Гисра, и начало прѣсноводнаго канала у Гассассины. Начало земляныхъ работъ въ низменной мѣстности, близъ моря, было соединено съ большими трудностями. Вся эта мѣстность часто заливается водою озера Мензалеха, и въ остальное время почва въ ней сырая и рыхлая. Когда на первой верстѣ обозначали морской каналъ выемкою, но менѣе аршина глубиною, вода тотчасъ выступила въ этой бороздѣ и работа производилась въ водѣ такимъ образомъ: рабочіе (арабы) становились рядами перпендикулярно къ линіи канала, такъ что стоявшіе въ серединѣ ряда находились ногами въ водѣ. Отдѣливъ желѣзною лопатою со дна комъ земли, они брали этотъ комъ въ руки и передавали его изъ рукъ въ руки до линіи откоса; тамъ поочередно становились другіе рабочіе, спиною къ первымъ и заложивъ руки за спину, такъ чтобы образовать изъ себя нѣчто въ родѣ ходячей тачки. Когда такой рабочій чувствовалъ у себя на спинѣ достаточно комовъ, по тяжести, онъ, согнувшись, шелъ до линіи означавшей высоту откоса и тамъ, выпрямляясь, опускалъ руки, и ноша падала у него съ плечъ и спины. Пріемъ самаго первобытнаго свойства!

Само собою разумѣется, что рабочіе оставались голыми выше пояса и вся эта траншея во время работы представляла зрѣлище весьма плачевнаго свойства: зеленоватая вода стекала изъ этихъ комовъ жидкою грязью и проводила на кожѣ бѣдняковъ узоры, сообразные съ ихъ движеніями. Авторъ письма, изъ котораго мы беремъ это описаніе, оправдываетъ компанію тѣмъ, что она пробовала устроить работу болѣе удобнымъ образомъ, но арабы дѣлали по-своему, «по собственной неосторожности», какъ выражаются у насъ, когда машина втянетъ рабочаго колесомъ и переломаетъ ему кости или отниметъ палецъ.

Но сомнительно, чтобы рабочіе, хотя и арабы, нарочно взялись бы за болѣе неудобный и, разумѣется, вредный для здоровья способъ. Удивляться ли тому, что когда на перешейкѣ появилась холера, то рабочіе валились какъ мухи? Французскіе инженеры устроили-было на днѣ подмостки, на которыхъ должны были находиться рабочіе, и для своза земли дали имъ тачки. Но работать лопатою съ подмостковъ, разумѣется, было неудобно: уменьшалась и сила дѣйствія, когда рабочій стоялъ высоко, и загребать было неловко. Что касается тачекъ, то ихъ арабы вовсе не стали возить, по непривычкѣ или какому-либо неудобству. Когда имъ приказывали дѣйствовать при помощи тачекъ, то, наполнивъ тачку, они брали ее втроемъ на руки, одинъ за колесо, другіе за рукоятки и такъ несли тачку до мѣста, назначеннаго для выгрузки. Бѣдняки, болтаясь въ этой водѣ, таская на голой спинѣ эту жидкую грязь — пѣли! Французскіе инженеры единогласно свидѣтельствовали, что арабы необыкновенно усердные и ловкіе рабочіе, незамѣнимые для земляныхъ работъ, особенно въ томъ климатѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какой организмъ надо, чтобы работать въ этомъ то знойномъ, то дождливомъ климатѣ по десяти часовъ въ сутки описаннымъ образомъ. Впослѣдствіи арабамъ выдали плетеныя торбы и носилки, и на помощь къ лопатамъ явились механическія черпалки. Въ иныхъ мѣстахъ, именно внутри, въ бассейнахъ озеръ, почва такъ жидка, что пришлось обшивать откосы сваями, образуя изъ двухъ рядовъ ихъ стѣну для удержанія выброшенной земли, которая безъ этого сдавливала откосъ и стекала назадъ. Заступъ, лопата, тачка, ручная черпалка и черпалка паровая — вотъ инструменты, употреблявшіеся для этихъ работъ. Паровыхъ черпалокъ было сперва только семь, ихъ выписывали изъ Франціи и Бельгіи. Сверхъ того, съ самаго начала было выписано нѣсколько локомобилей.

Прѣсноводный каналъ начали отъ Гассассины, гдѣ кончался каналъ существовавшій прежде; продолженіе начали нѣсколько отступя, чтобы вода не залила траншею. У холма Эль-Гисръ уже въ 1861 году образовалось селеніе или городокъ, съ церковью, госпиталемъ.

Разнообразіе и трудность работъ, необходимость выписывать изъ-за границы всѣ машины и инструменты, сложность всей этой операціи, въ которую входили и работы, и дипломатія, и интендантская часть, и суда, и госпитали, при тысячахъ рабочихъ и множествѣ спеціалистовъ всѣхъ родовъ, дѣлали необходимою сложную административную организацію. Кромѣ того, французы, какъ извѣстно, охотники до многочисленности инстанцій, однимъ словомъ, до бюрократизма. Вотъ въ главныхъ

чертахъ организація управленія компаніи Суэзскаго канала: въ Парижѣ — совѣтъ компаніи и правленіе (comité de direction), управленіе общей корреспонденціи, управленіе контрольное по счетоводству, управленіе техническаго контроля по покупкамъ и постройкамъ подвижного состава; наконецъ, центральное бюро покупокъ, заказовъ и перевозки, съ отдѣльными спеціалистами, откомандированными къ нѣкоторымъ заводамъ, исполнявшимъ заказы компаніи или для большихъ покупокъ. До сихъ поръ это — сенатъ, комитетъ министровъ и департаменты, съ состоящими по особымъ порученіямъ.

Далѣе — въ Марсели передаточное агентство, которое, принявъ пересылаемые изъ Франціи грузы, направляло ихъ по своему усмотрѣнію въ Александрію или въ Портъ-Саидъ. Затѣмъ мѣстное управленіе, въ Египтѣ; въ Александріи главное агентство, главный инспекторъ; это агентство сносилось съ египетскимъ правительствомъ и, кромѣ общаго управленія, имѣло еще отдѣльныя отрасли: управленіе медицинское, управленіе кассовое, управленіе духовныхъ исповѣданій, управленіе морское. Во всѣхъ главныхъ пунктахъ работъ были медики и госпитали; касса находилась въ каждомъ отдѣленіи, а двѣ главныя кассы — въ Каирѣ и въ Александріи. Въ главные пункты работъ (лагери) были приглашены духовныя лица трехъ главныхъ мѣстныхъ исповѣданій: магометанскаго, православнаго и католическаго, и въ этихъ пунктахъ устроены были по часовнѣ обоихъ христіанскихъ исповѣданій и мечеть. Масса людей на работахъ и въ службѣ компаніи обусловливала исполненіе всѣхъ требъ: и вѣнчанія, и крещенія, и похоронъ. Морская часть состояла уже въ 1861 г. изъ 32 судовъ, по большей части бриговъ. Они были куплены, снаряжены и вооружены компаніею; шкипера и экипажи ихъ состояли по бо̀льшей части изъ египтянъ и грековъ. Одно изъ судовъ было паровое.

Независимо отъ всѣхъ этихъ управленій, подъ начальствомъ главнаго директора работъ, состояли еще центральное техническое управленіе и контора счетоводства. Независимо отъ всего этого, агентство главнаго подрядчика работъ со всѣми такими же подраздѣленіями, какъ и инженерные участки, и съ конторою счетоводства.

Наконецъ — интендантская часть сама по себѣ, раздѣленная на двѣ инспекціи и т. д. Вотъ какова машина! Слѣдуетъ, конечно, принять во вниманіе, что рабочихъ было до тридцати тысячъ человѣкъ, которыхъ надо было кормить, и лечить, и хоронить, нерѣдко; но при всемъ этомъ и даже при необыкновенной сложности всего этого предпріятія въ степи, — все-таки админи-

страція была слишкомъ многоярусна, и едвали хоть одинъ ярусъ не былъ приданъ собственно подъ вліяніемъ національнаго вкуса въ административныхъ постройкахъ.

Интендантская часть обнимала, кромѣ провіанта, самые разнообразные предметы, потому что на мѣстахъ работъ, разумѣется, купить нельзя было ничего. Кромѣ инструментовъ и матеріаловъ для работъ, компанія должна была снабжать служащихъ еще и всѣми рѣшительно предметами потребности. Въ одномъ письмѣ, помѣщенномъ въ книгѣ, число *званій* предметовъ, помѣщавшихся въ компанейскихъ магазинахъ, показано болѣе 1,100: мебель, бѣлье и одежда, обувь, постельныя вещи, всякіе припасы, веревки, деготь, жиры, желѣзо, дерево и проч. и проч.

Арабы-рабочіе получали опредѣленные раціоны сухарей, лука, бобовъ, прованскаго масла и риса, а старосты еще кофе и сахаръ. Съ 1861 года ихъ было уже 12 тысячъ человѣкъ, и европейскихъ рабочихъ до 4 тысячъ. Впослѣдствіи числа эти возросли, какъ мы уже сказали. Въ началѣ 1862 года рабочихъ изъ туземцевъ было до 20 тысячъ человѣкъ. Перевозка припасовъ внутри страны производилась на верблюдахъ; прѣсноводный каналъ, соединившій Нилъ съ озеромъ Тимсахъ въ 1862 году, отстоялъ верстъ на десять отъ Эль-Гисра, одного изъ главныхъ пунктовъ работъ. Всю воду туда надо было возить. У компаніи было болѣе 1,800 верблюдовъ. Считая всѣ издержки на снабженіе прѣсною водою (верблюды, содержаніе людей и проч.) выходило, что одна вода на каждаго человѣка стоила компаніи 10 коп. въ день, всего на однихъ арабовъ 2,000 рублей въ день. Это измѣнилось впослѣдствіи, когда установилось водяное сообщеніе. Въ письмахъ, помѣщенныхъ въ книгѣ Ритта, изображены разныя случайности, которымъ подвергались транспорты, напримѣръ: верблюды съ водою шли караванами; если караванъ заблудится, то все селеніе остается безъ воды. А на водяномъ сообщеніи тоже бывали неожиданныя препятствія; отправившись на лодкѣ по морскому или прѣсноводному каналу, случалось встрѣтить какіе-нибудь плоты, оставленные рабочими; тогда приходилось бросать лодку и идти по степи пѣшкомъ. Мы уже не говоримъ о наводненіяхъ, которыя въ сѣверномъ участкѣ были нерѣдки и причиняли несчастія. Упомянувъ объ участкѣ, замѣтимъ, что производство всѣхъ работъ было раздѣлено на три участка: порт-саидскій (сѣверный); эль-гисрскій (южный)—по морскому каналу, и участокъ прѣсноводнаго (рѣчного) канала.

Самую трудную часть работъ представляли, конечно, прорѣзы песчаныхъ холмовъ или валовъ. Для этого употреблялись и аппараты и простой способъ сноса въ торбахъ и на носилкахъ. Ме-

ханическихъ аппаратовъ придумано было нѣсколько: аппаратъ Балланда, представлявшій родъ коромысла, поставленнаго на устьяхъ по откосу; по рукамъ или вѣтвямъ этого коромысла ходили два маленькіе вагона, такъ что одинъ сбѣгалъ въ траншею, гдѣ и наполнялся, въ то время, какъ другой поднимался изъ траншеи и, сбѣгая на край откоса, опоражнивался отъ своего груза; другой аппаратъ—«безконечное полотно»—парусина, натянутая на два барабана, приводимые въ движеніе локомобилемъ; рабочіе внизу бросали на эту парусину вынутую землю и парусина поднимала ее на верхъ откоса, откуда она и спадала по мѣрѣ того, какъ парусина завертывалась подъ барабанъ. Но простой способъ сноса на носилкахъ или въ торбахъ оказывался практичнѣе этихъ аппаратовъ.

Мы говорили выше, что туземные жители поочередно исполняли эти работы какъ повинность. Египетское правительство присылало ихъ партіями, смѣняя ихъ каждый мѣсяцъ, такъ какъ рабочіе эти были земледѣльцы, которыхъ нельзя было отлучать отъ домовъ на продолжительное время. Рабочихъ сгоняли не только изъ ближайшихъ мѣстностей, ихъ посылали и изъ Верхняго Египта. Такіе бѣдняки, кромѣ мѣсяца на работахъ, теряли еще дней по пяти и болѣе въ пути, хотя ихъ и перевозили по желѣзной дорогѣ и на пароходахъ. Такимъ образомъ, у земледѣлія постоянно отнято было не только 20 тысячъ или болѣе рабочихъ, состоявшихъ на работахъ, но еще и то число, которое находилось постоянно въ пути, на смѣну наличнымъ.

Изъ каждаго селенія, назначеннаго для отбыванія повинности, рабочіе являлись партіею или артелью, со старостой (шейхомъ); они брали съ собою нѣкоторый запасъ провіанта, собственно на дорогу, и одѣяла. Все остальное они получали по прибытіи на пункты работъ отъ компаніи. Жители ближайшихъ мѣстностей, свыкшись съ работами, шли охотно на заработокъ и являлись добровольно, въ такое время, когда земледѣліе давало имъ досугъ. Въ знойное время работы были чрезвычайно тяжки. Работать лопатою въ глубокомъ песчаномъ рву, который накалялся со всѣхъ сторонъ и, такъ сказать, удерживалъ въ себѣ отвѣсные лучи солнца — сперва казалось почти невыносимо, потому что человѣкъ чуть не задыхался только-что спустившись туда. Съ часа пополудни начиналъ дуть свѣжій вѣтерокъ съ моря. Лѣтомъ въ самое жаркое время дня не работали. Эпидеміи, конечно, нельзя было избѣгнуть въ этомъ климатѣ и при большомъ скопленіи рабочихъ, такъ напр. у Эль-Гисра было шесть верфей. Въ 1861 году, лѣтомъ, появился тифъ, но принятыми

мѣрами былъ остановленъ, изолированъ въ одной изъ этихъ верфей.

Къ осени 1862 года было уже готово 68 верстъ морского канала, и всѣ усилія были устремлены на прорытіе остальныхъ 8-ми верстъ до озера Тимсахъ, чтобы открыть сообщеніе между нимъ и моремъ. Наконецъ, 18-го ноября, два возникавшія селенія Эль-Гисръ и Тимсахъ (этому послѣднему дали имя Измаилія) наполнились «высокими» путешественниками, прибывшими для этой церемоніи, для празднованія перваго очевиднаго успѣха Лессепса. Пріѣхалъ самъ онъ съ гостями, т. е. съ консулами и «почетными иностранцами», на особомъ поѣздѣ желѣзной дороги изъ Каира въ Загазигъ. Разумѣется, съ Лессепсомъ былъ и весь штабъ его. Зрѣлище, какое представило это торжество, было въ самомъ дѣлѣ замѣчательно, замѣчательно не тріумфальною аркою и кіоскомъ для высокихъ посѣтителей, но пестротой и живописностію этой массы людей всѣхъ націй, рабочихъ арабовъ и европейцовъ, людей въ мундирахъ, женщинъ и дѣтей, верблюдовъ, военныхъ музыкантовъ на верблюдахъ въ красныхъ попонахъ, и проч. На откосахъ были устроены эстрады, но на далекое разстояніе въ обѣ стороны откосы были покрыты сплошною массою людей, помѣстившихся кто гдѣ могъ, иные въ небезопасныхъ положеніяхъ.

«Отъ имени его высочества Магомета-Саида, повелѣваю, чтобы воды Средиземнаго моря были впущены въ озеро Тимсахъ, и призываю Божію милость», возгласилъ Лессепсъ. Тогда люди взялись за заступы и въ нѣсколько минутъ выкопана была широкая борозда по срединѣ остававшейся плотины. Едва рабочіе успѣли убраться оттуда, какъ масса воды, бросившись въ открытый жолобъ, напоромъ своимъ раздвинула его шире, повлекла за собою песокъ и сломивъ остальную часть преграды, полилась чрезъ прорытый валъ. Музыка, крики, выстрѣлы арабовъ, въ знакъ торжества, и такъ далѣе. Вечеромъ плотину опять заперли, чтобы сохранить воду въ прорытой части канала. Эта часть, отъ Порта-Саида до озера Тимсахъ, составляла уже 75 верстъ.

Замедленіе работъ произошло, какъ мы видѣли, во-первыхъ, отъ политическихъ затрудненій, благодаря которымъ онѣ оставались прерваны почти годъ, такъ что къ концу 1862 года можно считать времени, дѣйствительно употребленнаго на работы, всего два съ половиною года; во-вторыхъ, оттого, что египетское правительство, въ первые полтора года, присылало гораздо меньше туземныхъ рабочихъ, чѣмъ было обѣщано. Исправная присылка рабочихъ началась только въ 1862 году. Наконецъ, самое пріобрѣтеніе, доставка и установка подвижного состава,

наборъ механиковъ во Франціи, плотниковъ въ Италіи, Далмаціи и Черногоріи, матросовъ въ Греціи — все это потребовало не малаго времени. Къ концу 1862 года, компанія имѣла уже десять рабочихъ поселеній; въ Портъ-Саидѣ было уже 150 домовъ, частію кирпичныхъ (устроенъ былъ свой кирпичный заводъ), въ Кантарѣ 25 домовъ, въ Эль-Гисрѣ — 30 домовъ, и арабская деревня, вездѣ госпитали, церкви, магазины и т. д. Гавань въ Портъ-Саидѣ была покамѣстъ небольшая и для пріема тяжелыхъ грузовъ устроенъ былъ, въ ожиданіи дамбъ, островокъ на сваяхъ, въ 400 метрахъ отъ берега. Работы по каналу, какъ мы сказали, представлялись 75-ю верстами узкой, но наполненной водою, траншеи морского канала, и 36 верстами канала рѣчного. Рабочихъ-арабовъ было уже 26 тысячъ чел., до 6 т. рабочихъ набранныхъ изъ разныхъ націй, по найму.

Отношенія Англіи къ дѣлу Лессепса все еще были неблагопріятны, хотя на мѣстѣ лорда Редклиффа былъ уже другой посланникъ, сэръ Генри Бульверъ. Но англійскій генеральный консулъ въ Александріи, посѣтивъ однажды работы, сказалъ французскимъ инженерамъ самую сочувственную рѣчь и выразилъ полную готовность содѣйствовать.

V.

По смерти Магомета-Саида, 17-го января 1863 года, ему наслѣдовалъ Измаилъ-паша, и въ его честь, городокъ при озерѣ Тимсахъ и былъ названъ Измаилія. Возрастанію Измаиліи помогло обстоятельство вначалѣ не очень благопріятное для успѣха работъ: дѣло въ томъ, что главный подрядчикъ работъ, Гардонъ, нашелъ рѣшительно невыгодными для себя условія, заключенныя имъ съ компаніею, такъ какъ въ особенности операція подводныхъ работъ стоила гораздо дороже, чѣмъ можно было предвидѣть. Онъ удалился, по полюбовному соглашенію, и работы были поведены въ первое время хозяйственнымъ способомъ, то-есть поступили вполнѣ въ непосредственное завѣдываніе компанейскаго агентства. Для этого понадобилось управленіе, бывшее въ Даміеттѣ, на берегу Средиземнаго моря, перенесть поскорѣе въ центръ работъ, именно въ Измаилію, что и содѣйствовало развитію этого городка. Современемъ, онъ можетъ стать важнымъ торговымъ пунктомъ, благодаря именно своему центральному положенію.

Въ Портъ-Саидѣ между тѣмъ съ большою энергіею производились работы по устройству гавани. Паровыя черпалки без-

остановочно работали, углубляя гавань, и опрокидывая землю въ ящики, которые опрокидывали свой грузъ въ вагоны; а вагоны, въ свою очередь, отправлялись по рельсамъ къ дамбамъ и, сваливъ тамъ землю, возвращались назадъ. Заказы машинъ въ Европѣ продолжались. Къ 24-мъ механическимъ черпалкамъ, бывшимъ уже въ дѣйствіи, заказано было, въ 1863 году, во Франціи еще 20. Но всѣ эти машины и инструменты необходимо было чинить на мѣстѣ; сверхъ того, было, конечно, признано выгоднымъ часть механическихъ принадлежностей дѣлать на мѣстѣ. Вслѣдствіе этого въ Портъ-Саидѣ, въ 1863 году, устроены были огромныя механическія мастерскія, которыя заняли поверхность въ 30,000 кв. метровъ. Тутъ есть и литейныя, и слесарныя, и котельныя и всякія механическія заведенія. Между тѣмъ, работы по прорытію морского канала начались уже къ югу отъ озера Тимсаха, а также начаты были вѣтви прѣсноводнаго канала отъ Измаиліи до Порта-Саида и къ Суэзу. Эту послѣднюю вѣтвь необходимо было окончить прежде, чѣмъ начинать работы на южной части морского канала, такъ какъ доставка прѣсной воды по желѣзной дорогѣ стоила бы слишкомъ дорого. На эту южную вѣтвь прѣсноводнаго канала обратили 15 т. человѣкъ, и арабы занимались этою работою съ особымъ усердіемъ, такъ что, въ декабрѣ 1863 года, прѣсноводный каналъ, отведенный отъ Нила при Нефишѣ, дошелъ уже до Суэза и былъ открытъ съ обыкновенною церемоніею.

На Портъ-Саидъ рѣчную воду полагали весть въ глиняныхъ трубахъ, но потомъ, вмѣсто глиняныхъ трубъ, употребили въ дѣло трубы чугунныя, заказанныя въ Шотландіи. Пришлось весть оттуда на перешеекъ и здѣсь на мѣста кладки 20,000 водопроводныхъ трубъ, нужныхъ для разстоянія въ 80 верстъ. На мѣстахъ ихъ везли верблюды, съ разными приключеніями. Машины водоснабженія установлены были въ Измаиліи, такимъ образомъ: изъ рѣчного канала узкая обводная канава отдѣляется недалеко отъ города и снабжаетъ машины въ Измаліи, которыя, по водопроводу, продовольствуютъ ею Эль-Гисръ, Кантару и Портъ-Саидъ; въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ устроенъ резервуаръ. Размѣръ требуемаго каждымъ пунктомъ количества воды (воду все-таки необходимо экономничать, такъ какъ она вся берется изъ Нила) сообщается въ Измаилію по телеграфу.

Въ это время важная работа по прорѣзу вала въ Эль-Гисрѣ, была сдѣлана только на одну треть, а прорѣзъ вала Серапеумъ только-что былъ начатъ; что касается вала — Шалуфа, то на немъ работы еще и не начинались. Окончивъ отводный каналъ изъ Нила къ Суэзу, компанія распредѣлила главныя силы ра-

бочихъ на трехъ пунктахъ: въ Кантарѣ, Туссумѣ и у Шалуфа, для того, чтобы энергически приняться за прорѣзы трехъ песчаныхъ валовъ: Эль-Гисра, Серапеума и Шалуфа, какъ вдругъ получено было извѣстіе, что новый вице-король хочетъ отмѣнить присылку туземныхъ рабочихъ.

Не мудрено угадать, откуда исходилъ этотъ новый ударъ, нанесенный французской компаніи. Нѣтъ сомнѣнія, что повинность по работамъ канала была крайне тяжела для феллаховъ, особенно изъ отдаленныхъ мѣстностей, но едвали именно человѣколюбіе оказало наибольшее вліяніе на Измаила-пашу. Это была послѣдняя попытка «старой Англіи». Человѣколюбіе, какъ бы оно ни было сильно въ сердцѣ восточнаго владѣтеля, не дало бы Измаилу-пашѣ смѣлости отказаться отъ исполненія одной изъ главныхъ статей формальнаго договора его предшественника съ компаніею; этой статьею опредѣлялось, что четыре-пятыя всего числа нужныхъ рабочихъ будутъ поставляемы египетскимъ правительствомъ.

Какъ бы то ни было, и изъ какого бы источника ни происходило рѣшеніе Измаила отмѣнить эту тяжелую повинность, ему можно только сочувствовать. Но нельзя не признать, что для Лессепса это былъ тяжкій ударъ. Откуда было взять столько рабочихъ? Сколько надо было платить вольнонаемнымъ? Наконецъ, все это обусловливало новое промедленіе работъ и должно было измѣнить многія коренныя условія устройства всего дѣла; и мы скоро увидимъ, какимъ образомъ.

Лессепсъ ничего не могъ возразить противъ довода, что работы канала отвлекаютъ огромное число рукъ отъ земледѣлія. Разсчитывали, что эти работы постоянно лишаютъ земледѣліе шестидесяти тысячъ рабочихъ. Лессепсъ ограничился возраженіемъ только противъ обвиненій: по его исчисленію, рабочихъ отнималось постоянно у земледѣлія не болѣе 30 тысячъ человѣкъ, считая наличный контингентъ, и контингентъ находящійся въ пути въ теченіи 6 дней (среднее разстояніе). Онъ напоминалъ также, что французская компанія всегда исправно платила туземцамъ-рабочимъ, хорошо содержала и лечила ихъ, и вообще обращалась съ ними человѣколюбиво; за всѣмъ тѣмъ, онъ преклонялся предъ рѣшеніемъ правительства отмѣнить повинность, но, разумѣется, потребовалъ денежнаго вознагражденія. Вице-король положился, для опредѣленія суммы этого вознагражденія, на личный приговоръ императора Наполеона, и императоръ опредѣлилъ его въ 30 милліоновъ франковъ.

При этомъ случаѣ посредническому рѣшенію императора французовъ были предоставлены также вопросы о возвратной

уступкѣ отъ компаніи египетскому правительству, по желанію его, рѣчного канала, устроеннаго компаніею и всѣхъ земель по берегамъ этого канала, первоначально уступленныхъ компаніи на 99 лѣтъ, наравнѣ съ рѣчнымъ и морскимъ каналами. Вознагражденіе за обратную уступку прѣсноводнаго канала было опредѣлено въ 16 милл. фр. Но особенно важно было возвращеніе правительству земель, занятыхъ по берегамъ морского канала — чего также требовало правительство; но это имѣло особенно важное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ на этихъ берегахъ устроено было нѣсколько поселеній, даже городовъ и возведено много всякаго рода построекъ. Это уже значило отказываться отъ владѣнія въ теченіи вѣка маленькою областью. Вознагражденіе по этому пункту было опредѣлено въ 38 милл. фр.

Такимъ образомъ, египетское правительство обязалось уплатить компаніи дополнительно 84 милліона фр. Къ счастію, собственно для компаніи, она еще до отмѣны повинности заключила съ нѣсколькими предпринимателями контракты по подряду главнѣйшихъ работъ, такъ что значительная часть хлопотъ по набору вольныхъ рабочихъ пала на подрядчиковъ. Контракты эти были: по прорытію Эль-Гисра,—съ предпринимателемъ Куврё; по устройству дамбъ въ Портъ-Саидѣ, — съ братьями Дюссо; по углубленію морского канала на первыхъ 60 километрахъ отъ Портъ-Саида и окончанію углубленія самой гавани, — съ англичаниномъ Айтономъ; наконецъ по всѣмъ работамъ южной части канала, отъ озера Тимсаха до Суэза, — съ французскими строительными подрядчиками Борелемъ [1]), Лавалле и К°. Вскорѣ, когда Айтонъ отказался отъ своего подряда, Борель, Лавалле и К° взяли на себя и работы въ Портъ-Саидѣ.

Прямымъ послѣдствіемъ отмѣны контингента туземныхъ, обязанныхъ рабочихъ, было сокращеніе интендантской части, которая существовала главнымъ образомъ именно для нихъ. Въ поселеніяхъ, возникшихъ на перешейкѣ, стали уже открываться вольныя лавки, а компанія Бореля заключила для продовольствованія своихъ рабочихъ контрактъ съ однимъ французскимъ торговымъ домомъ. Другимъ послѣдствіямъ отмѣны туземныхъ контингентовъ была необходимость введенія правительственной полиціи. Пока рабочіе были туземцы, судъ и расправа производились ихъ же шейхами. Но теперь, когда на перешейкѣ появились массы людей всѣхъ націй, пришлось ввесть полицейскій

---

[1]) Въ прошломъ мѣсяцѣ, мы прочли въ газетахъ извѣстіе о смерти этого помощника Лессепса.

надзоръ, и перешеекъ былъ обращенъ въ особую провинцію, губернаторомъ которой былъ назначенъ Измаилъ-бей.

Возвратимся къ работамъ. На Эль-Гисрѣ предстояло: во-первыхъ, прорѣзать валъ до уровня воды; во-вторыхъ, провесть каналъ на этомъ мѣстѣ, такъ что надо было снести и вынуть около 5 милл. куб. метровъ песку и земли. Вотъ какъ производились подобныя работы: сперва снесутъ лопатами и въ тачкахъ верхній пластъ песку, такимъ образомъ, чтобы на холмѣ образовалось нѣсколько широкихъ уступовъ или этажей; эти этажи соединятъ спусками (рампами) для сообщенія; по каждому уступу укладываютъ пять параллельныхъ рядовъ рельсовъ; по двумъ заднимъ рядамъ этихъ рельсовъ ходятъ поѣзды вагоновъ, свозящихъ извлеченную землю; на первыхъ же трехъ рядахъ рельсовъ, то-есть на самомъ обрывѣ уступа, становится выгребальная машина — экскаваторъ.

Экскаваторъ, изобрѣтенный однимъ изъ инженеровъ взявшихъ подрядъ, г. Куврёромъ, есть локомотивъ съ тремя рядами колесъ, которыми онъ и ходитъ по переднимъ рельсамъ. На боковой части этого локомотива приводятся въ движеніе его же машиною цѣпи ковшей или совковъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, какъ бусы въ четкахъ. Эта цѣпь совковъ движется въ плоскости наклонной къ обрыву, такимъ образомъ, что совки поочередно хватаютъ песокъ и потомъ, поднимаясь поверхъ локомотива, опрокидываютъ захваченный песокъ въ вагоны, поставленные, какъ мы сказали, на одномъ изъ заднихъ рядовъ рельсовъ, параллельныхъ съ тѣми, на которыхъ стоитъ локомотивъ. Вагоны одинъ за другимъ подходятъ къ экскаватору, и когда изъ нихъ составится цѣлый поѣздъ, тогда по спуску поднимается особый локомотивъ, беретъ этотъ поѣздъ и ведетъ его до мѣста разгрузки, для чего внизу рельсы идутъ лучами отъ холма въ разныя стороны.

Другое примѣненіе экскаватора было къ подводной выемкѣ; черпалки стоятъ на водѣ, но экскаваторъ становился на берегу, съ тѣми же пріемами, какъ сказано выше, только цѣпи его ковшей давали иное положеніе, такъ что они могли погружаться до 2 метровъ подъ воду. На Эль-Гисрѣ семь экскаваторовъ занято было сухою раскопкою, а одинъ водяною выгребкою. Однихъ вагоновъ для свозки было здѣсь до тысячи, да десятокъ локомотивовъ.

Только-что компанія успѣла устроить себѣ полный составъ новыхъ рабочихъ, навербованныхъ по всей Италіи, въ Греціи, Черногоріи, Германіи, Франціи и Алжирѣ, и пріучить этихъ рабочихъ къ дѣлу, какъ появилось новое, страшное препятствіе —

холера. Это было лѣтомъ 1865 года. Прошли обратно караваны пилигримовъ изъ Мекки, оставивъ за собою горы гніющихъ жертвоприношеній. За караванами подулъ въ Египетъ вѣтеръ и принесъ холеру.

Работы на перешейкѣ, какъ мы говорили, обыкновенно производились десять часовъ въ день. Но какъ только пришло извѣстіе о холерѣ, онѣ были сокращены на часъ, а потомъ на два часа, такъ что рабочіе собирались въ 5 часовъ утра и работали до $9\frac{1}{2}$, а потомъ являлись опять въ $2\frac{1}{2}$ часа пополудни и работали до 6 часовъ. Назначена была раздача порцій кофе и другихъ подкрѣпительныхъ напитковъ. Уже недѣли двѣ холера была въ Египтѣ, а на работахъ не было смертного случая. Но наконецъ пришла очередь и на компанейскихъ рабочихъ. Самое то обстоятельство, что пронесся слухъ о безопасности на рабочихъ участкахъ, побудило окрестныхъ жителей бѣжать туда, и это ускорило появленіе эпидеміи среди рабочихъ. Когда она открылась, между рабочими распространилась паника и они стали бѣгать, особенно греки. Бѣжали они сами не зная куда, бѣжали отъ хорошо-устроенныхъ госпиталей, въ степь, къ морю, часто пѣшкомъ, подъ страшнымъ іюньскимъ солнцемъ, неся на себѣ всѣ свои пожитки. Толпа бѣглецовъ усѣяла своими трупами 80 верстъ разстоянія отъ главнаго центра работъ до Портъ-Саида. Лессепсъ, который еще въ молодости такъ энергично боролся съ чумою, тотчасъ явился изъ Франціи въ Загазигъ, потомъ въ Портъ-Саидъ, гдѣ собрались толпы бѣжавшихъ къ морю. Онъ и не пробовалъ остановить ихъ, что было невозможно, но занялся напротивъ отправленіемъ ихъ на судахъ вонъ изъ Египта. Въ самомъ Портъ-Саидѣ не было несчастныхъ случаевъ, вѣроятно благодаря вѣтру съ моря.

Половина всего состава рабочихъ бѣжала. Изъ оставшихся въ пунктахъ, гдѣ свирѣпствовала эпидемія, умерла *десятая часть*. Въ Измаиліи всего населенія было менѣе 2,000 человѣкъ; изъ нихъ умерло 219! Умерло нѣсколько инженеровъ и докторовъ. Лессепсъ побывалъ во всѣхъ рабочихъ поселеніяхъ и посѣщалъ госпитали. Нельзя не указать, какъ на блестящій примѣръ французскаго point d'honneur, что весь составъ служащихъ (въ предпріятіи *частномъ*) остался на мѣстѣ. Изъ строя выбыли только тѣ, которыхъ взяла холера. Эпидемія продолжалась на рабочихъ участкахъ всего три недѣли. Въ началѣ іюня она стала уменьшаться, въ половинѣ прекратилась. Предпріятіе восторжествовало и надъ этимъ непредвидѣннымъ препятствіемъ.

Работы скоро возобновились. Усиленная дѣятельность была употреблена на то, чтобъ поскорѣе установить возможность хотя

косвеннаго, но все-таки непрерывно-водяного сообщенія между морями. Это значило окончательно доказать Европѣ, что дѣло возможно и что оно непремѣнно будетъ приведено къ окончанію. Для установленія такого косвеннаго транзита стоило только сообщить рѣчной каналъ съ морскимъ въ Измаиліи, тогда представился бы путь по морскому каналу отъ Порта-Саида до Измаиліи, а отъ Измаиліи по рѣчному каналу до Суэза. Но такъ какъ уровни Нила (а стало быть и отводнаго рѣчного канала) и морского канала неодинаковы, то надо было сдѣлать двое шлюзовъ, каждый съ паденіемъ въ 3 метра; шлюзы эти были соединены особою канавою. Шлюзы въ Измаиліи были открыты 15-го августа 1865 года съ обычною церемоніею, въ присутствіи Лессепса, и флотилія легкихъ судовъ, прибывшая для этого случая со Средиземнаго моря, отъ Портъ-Саида, вступила въ Нилъ. Задача была рѣшена въ главныхъ чертахъ; путь былъ проложенъ, только воды въ то время было еще мало.

Такимъ образомъ, къ концу 1865 года было уже сдѣлано очень много. Устроенъ водопроводъ отъ Измаиліи до Портъ-Саида, на разстояніи 80 верстъ, со всѣми машинами для водоснабженія; проведенъ отводный каналъ изъ Нила къ Суэзу, на протяженіи почти 100 верстъ; въ Суэзѣ также устроенъ шлюзъ вслѣдствіе неравности рѣчного и морского уровня. Морской каналъ отъ Портъ-Саида до Измаиліи (на озерѣ Тимсахъ) былъ значительно углубленъ. Наконецъ приступлено было и къ главнымъ, остававшимся работамъ по морскому каналу: къ прорѣзу Серапеума и Шалуфа. Сверхъ того, по всему перешейку было устроено правильное почтовое и телеграфное сообщеніе. Портъ-Саидъ въ это время имѣлъ уже 7,000 жителей, а въ гавани его перебывало 1,800 судовъ 15-ти различныхъ націй. Въ самой Измаиліи, такъ сильно пострадавшей отъ холеры, населеніе скоро достигло до 3,000 душъ. Въ тоже время продолжались заказы для усиленія подвижного состава: 30 новыхъ черпалокъ, 55 паровыхъ лодокъ для своза земли и т. д. Число пароходовъ компаніи дошло уже до 35.

Путешественники изъ Европы являлись чаще и чаще для осмотра работъ; въ 1864 году пріѣзжалъ принцъ Наполеонъ, въ 1865 году, до открытія сообщенія рѣчного и морского каналовъ, собирался для осмотра сдѣланныхъ для этого работъ цѣлый международный конгрессъ.

VI.

Прорѣзъ песчаныхъ холмовъ или валовъ: Серапеума и Шалуфа,— вотъ что предстояло исполнить затѣмъ. Работы на Шалуфѣ, какъ мы сказали, начались еще въ 1864 году, и въ результатѣ ихъ оказался непріятный сюрпризъ: подъ песчанымъ холмомъ оказалась скала, настоящій каменный мостъ (вспомнимъ, что тутъ же и перешли израильтяне), или стѣна болѣе 8 метровъ глубиною, такъ что собственно въ клѣткѣ, начертанной для канала, оказалось этой скалы около 25 т. куб. метровъ. Камень этотъ очень крѣпкій и совладать съ этимъ препятствіемъ было невозможно безъ помощи взрывовъ порохомъ. Для этого понадобились горные рабочіе, и 600 человѣкъ ихъ было выписано изъ Піемонта. Еслибы папа допускалъ то значеніе, какое имѣлъ каменный мостъ Шалуфа въ предположеніи о переходѣ чрезъ него израильтянъ во время отлива водъ Чермнаго моря, то онъ еще разъ наложилъ бы интердиктъ на безбожный Піемонтъ, откуда выходятъ разрушители всего святого, истинные «иконокласты во имя прогресса».

По мѣрѣ того, какъ скалу эту взрывали порохомъ, въ отверстіе ползли рельсы и мало-по-малу распространились внутри скалы лучами, такъ что когда горные рабочіе взрывали новый осколокъ скалы, къ нему тотчасъ подъѣзжалъ вагонъ и увозилъ его куда слѣдуетъ. Настоящая битва, желѣзныхъ дорогъ съ труднѣйшими препятствіями природы, битва, въ которой желѣзные пути являлись не результатомъ чужихъ усилій, а именно орудіями, инструментами усилій, какъ бы настоящими рабочими, которые передвигались съ одного мѣста на другое, то всползали на вершину холмовъ, то спускались въ траншеи и уносили жидкую землю со дна: порохъ, соединенный съ паромъ, прокладывалъ сквозь песчаные холмы и скалу путь водѣ. Взрывы пороха, гулъ паденія камней въ желѣзные вагоны, клокотаніе воды, вырывавшейся снизу стремительными фонтанами въ каменныхъ просѣкахъ, наконецъ, пыхтѣніе пара, которымъ дѣйствовали могучія насосы, хватая эту воду въ устроенныхъ для нея отводныхъ жолобахъ—какая музыка, и какое зрѣлище! Все это происходило глубоко внизу: и видѣть ту битву, которая отзывалась въ этихъ звукахъ, можно было только съ высоты саженей шести, стоя на краю лѣсовъ.

Неожиданное препятствіе, оказавшееся въ Шалуфѣ, возбу-

дило опасеніе, что и въ другихъ пунктахъ линіи канала въ южномъ участкѣ можетъ встрѣтиться что-нибудь подобное. Вслѣдствіе того, по новымъ изученіямъ, направленіе южной части нѣсколько измѣнили, поведя каналъ къ Суэзскому порту кривою линіею. Мы не будемъ описывать работъ по прорѣзу Серапеума и вообще не станемъ болѣе разсказывать подробностей работъ, такъ какъ читатель уже могъ ознакомиться до сихъ поръ со всѣми способами, какими производились главные роды работъ по прорытію Суэзскаго канала.

Къ концу 1867 года, каменныя дамбы, которыми защищена гавань Портъ-Саида съ восточной и западной стороны, выдвинулись уже въ море одна на $1^1/_2$, другая на 2 версты (для кладки этихъ дамбъ потребовалось сдѣлать 250 тысячъ куб. метровъ кусковъ); холмъ Эль-Гисръ былъ уже совершенно прорѣзанъ и оставалось только углубить проходъ, имѣвшій еще только 2 метра глубины; шалуфская скала была уже окончательно снята. Подвижной составъ, какимъ располагала компанія къ концу 1867 года, позволялъ извлекать среднимъ числомъ по 1 милліону 300 т. куб. метровъ земли въ теченіи мѣсяца. Но къ началу 1868 года прибыло еще большое число сильныхъ машинъ: экскаваторовъ, черпалокъ и т. д., такъ что въ 1868 году разсчитывали извлекать земли по 2 милл. куб. метровъ въ мѣсяцъ. А такъ какъ всего оставалось извлечь около 40 милліоновъ куб. метр., то по этому-то разсчету еще съ мая 1867 года назначали открытіе всего Суэзскаго канала на октябрь 1869 года.

Въ концѣ 1867 года, компанія Суэзскаго канала объявила подписку на заемъ въ 100 милліоновъ для окончанія работъ. По этому поводу необходимо бросить взглядъ на финансовую сторону предпріятія. По первоначальной смѣтѣ, какъ сказано выше, вся сумма расходовъ была предположена въ 200 милл. фр. Къ этой суммѣ, вырученной частію подпиской, а по большей части отъ продажи акцій египетскому правительству, присоединились, полученные отъ того же правительства, добавочные 84 милл. фр. вознагражденій, о которыхъ мы тоже упомянули выше. Прибавивъ къ этимъ цифрамъ 100 милл. фр., потребованныхъ займомъ, образовался бы итогъ въ 384 милл. фр., т. е. почти вдвое противъ первоначальной смѣты. Авторъ разсматриваемой книги доказываетъ, что увеличеніе издержекъ произошло главнымъ образомъ не по винѣ компаніи и не въ такомъ размѣрѣ. Во-первыхъ, цифра 84 милл. фр. представляетъ итогъ вознагражденій за отмѣну натуральной повинности работъ, уступку рѣчного ка-

нала и земель по берегамъ морского канала; во-вторыхъ, независѣвшія отъ компаніи причины, замедливъ работы на четыре года, увеличили ея издержки на лишнихъ 40 милл. фр., заплаченныхъ по акціямъ процентовъ, между тѣмъ какъ дохода не поступало. Что касается вознагражденія, то въ суммѣ 84 милл., какъ извѣстно, заключались 30 милл. фр., заплаченныхъ компаніи собственно за отмѣну обязательнаго труда. Но по увѣренію г. Ритта, компанія переплатила вольнымъ рабочимъ не 30, а 60 милл. фр. Изъ всего этого онъ выводитъ заключеніе, что вмѣстѣ съ новыми 100 милл. фр., издержка на работы Суэзскаго канала превзошла первоначальное исчисленіе на 27% всего расхода.

Считаемъ лишнимъ возражать противъ этого разсчета, но не можемъ не сдѣлать замѣчаній о двухъ изъ его элементовъ. Что компанія заплатила лишнихъ 40 милл. акціонерамъ за 4 года промедленія работъ, это безспорно, такъ какъ, вмѣсто 6 лѣтъ, на работы потребовалось 10 лѣтъ (что впрочемъ вовсе не много сравнительно съ громадностію предпріятія; да можетъ быть и на 11 годъ компанія еще не получитъ 10 милл. дохода, которые покрыли бы сумму ежегодныхъ процентовъ на акціи; извѣстно, что нѣкоторые пункты еще требуютъ углубленія, да и вообще работы съ нынѣшнимъ открытіемъ морского канала, еще далеко не будутъ кончены). Но едва-ли все это промедленіе произошло независимо, если не отъ вины компаніи въ веденіи работъ, то отъ вины первоначальнаго исчисленія достаточнаго будто бы для нихъ времени. Политическія препятствія промедлили работы только на годъ; затѣмъ, если сложить перерывы работъ отъ отмѣны натуральной повинности и отъ холеры, то все-таки далеко не выйдетъ четырехъ лѣтъ.

Другое замѣчаніе будетъ касательно цифры переплаты за вольный трудъ. Мы, къ сожалѣнію, не находимъ у г. Ритта, сколько издерживала компанія на каждаго туземца—обязаннаго работника, считая плату и платье. Вмѣсто такого положительнаго извѣстія, мы находимъ у г. Ритта только свѣдѣніе, что рабочіе-арабы были всегда довольны компаніею. Но если компанія передержала на вольный трудъ 60 мил. фр въ теченіи 5 лѣтъ, то-есть по 12 милл. фр. въ годъ, то на каждаго изъ 20 т. прежнихъ обязанныхъ рабочихъ эта переплата составитъ въ годъ 150 рублей, т. е. около 50 к. въ рабочій день. Сколько же получали обязанные рабочіе, если вольнымъ землекопамъ пришлось *прибавить* противъ нихъ по полтиннику въ день? Должно быть, если арабы и были довольны, то собственно гу-

манностію французскихъ инженеровъ, а не щедростію компаніи.

Лессепса, конечно, нельзя упрекать за это: онъ человѣкъ принадлежащій къ категоріи Колумбовъ и Васко-да Гама, къ категоріи завоевателей, живущихъ одною идеею; завоеватель для осуществленія дѣла меньшей важности, чѣмъ прямое соединеніе Азіи съ Европою, пожалуй убилъ бы 200 тысячъ человѣкъ, а не то что заставилъ ихъ работать почти даромъ. Но фразы о «довольствѣ» и т. д. при этомъ случаѣ едва ли умѣстны.

Возвратимся къ займу. Что финансовыя дѣла компаніи были плохи и что она сама не разсчитывала на дешевизну кредита, это свидѣтельствуется цѣною, назначенною облигаціямъ займа при выпускѣ ихъ: 300 фр. за облигацію въ 500 фр., приносящую 5% ежегодно, и подлежащею тиражу въ теченіи 50 лѣтъ; это значило въ дѣйствительности заемъ по 8,4%. Заемъ на этихъ основаніяхъ былъ объявленъ въ концѣ 1867 года, но не имѣлъ успѣха; только треть облигацій была разобрана по подпискѣ. Тогда компанія рѣшилась выпустить заемъ съ выигрышами, то-есть обратилась уже не къ нравственному кредиту, внушаемому солидностію предпріятія, а къ приманкѣ лотереи.

Но такъ какъ предпріятіе было извѣстно болѣе всего во Франціи, и разборъ облигацій могъ быть ожидаемъ именно только отъ Франціи, то и пришлось испрашивать законодательнымъ порядкомъ разрѣшенія открыть въ этой странѣ подписку на запрещенную законами лотерею. Въ преніяхъ законодательнаго корпуса по этому предмету, обѣ стороны, т. е. правительственная и оппозиціонная, считали долгомъ выражать сочувствія предпріятію, хотя оппозиція и возставала противъ допущенія выигрышнаго займа; это единодушіе въ отзывахъ и слабость оппозиціи (всего 8 голосовъ) въ результатѣ голосованія показывали, что во Франціи дѣло Суэзскаго канала уже разсматривалось обществомъ какъ національное дѣло.

Согласіе обѣихъ палатъ на заемъ послѣдовало въ іюнѣ 1868 года. Въ три дня вся сумма была покрыта подпискою. Вотъ что значитъ выигрышный заемъ! Выигрышные займы и въ другихъ странахъ, при объявленіи ихъ, какъ извѣстно, предназначались спеціально на исполненіе большихъ общественныхъ работъ, такъ что заемъ суэзской компаніи не представляетъ ничего необыкновеннаго. Различіе, въ его пользу, состояло въ томъ, что вырученные имъ сто милліоновъ фр. предоставлялись прямо тому предпріятію, во имя котораго они требовались.

Успѣхъ работъ въ теченіи 1868 года даже превзошолъ ожиданія. На долю этого года исчислено было для извлеченія 20 милл. 300 т. куб. метровъ земли, а въ дѣйствительности извлечено около 1 милл. больше. Сила подвижного состава представлялась 22 тысяч. (chevaux-vapeur) паровыхъ лошадей, при 12 т. человѣкъ рабочихъ.

Для впуска воды въ бассейнъ Горькихъ Озеръ устроенъ былъ въ 1868 году спускной резервуаръ, и 18 марта нынѣшняго года, въ присутствіи самого хедива, воды сѣвернаго канала были впущены въ этотъ бассейнъ. Резервуаръ запирался 500-ми подвижныхъ брусьевъ. По знаку хедива, поднятъ былъ одинъ изъ брусьевъ центральной плотины: вода брызнула сперва ключемъ, затѣмъ, по мѣрѣ того какъ поднималось большее число брусьевъ, ключъ расширялся и обращался въ каскадъ; наконецъ, когда подняты были всѣ 500 брусьевъ, образовался стремительный водопадъ, который заклубился внизу потокомъ, покрывшись соляною пѣною и залилъ центръ бассейна Горькихъ Озеръ. Хедивъ, полюбовавшись этимъ видомъ, отправился на Серапеумъ и оттуда послалъ телеграмму Нубару-пашѣ въ Парижъ: «Я осмотрѣлъ протяженіе канала и присутствовалъ при вступленіи водъ Средиземнаго моря въ Горькія Озера. Возвращаюсь въ Каиръ, исполненный удивленія къ этому великому дѣлу и увѣренности въ его скоромъ окончаніи». Лессепсъ, конечно, телеграфировалъ о событіи въ Парижъ, и въ тотъ же день получилъ слѣдующій отвѣтъ: «*Императоръ французовъ г. де Лессепсу:* «Съ удовольствіемъ узналъ я о счастливомъ результатѣ вашего предпріятія. Императрица присоединяетъ свои поздравленія къ моимъ. *Наполеонъ*».

Въ заключеніе, приведемъ нѣсколько цифръ, представляющихъ положеніе дѣлъ на перешейкѣ въ 1869 году. Вся эта провинція имѣетъ теперь населеніе въ 40 т. душъ. Первоначальныя селенія рабочихъ компаніи, состоявшія изъ палатокъ, а потомъ изъ двухъ-трехъ домовъ, обратились въ слѣдующіе города: Портъ-Саидъ, съ 10 т. жителей, Кантара съ 3 т., Измаилія съ 5 т. Другія рабочія селенія: Разъ-эль-Эхъ, Эль-Ферданъ, Эль-Гисръ, Серапеумъ, Туссумъ, Шалуфъ, Карантинъ и Суэзская-Равнина. На Суэзской-Равнинѣ, гдѣ въ теченіи нынѣшняго года производились главныя земляныя работы, для окончательнаго соединенія бассейна Горькихъ Озеръ съ Краснымъ моремъ, работало 10 тысячъ землекоповъ. Портъ-Саидъ, въ который въ 1859 году зашло всего 23 судна, въ 1610 тоннъ, нынѣ, въ теченіи только перваго полугодія 1869 года, имѣлъ въ своей гавани 563

судна, въ 112,616 тоннъ. Изъ таблицы о движеніи судоходства въ Портъ-Саидѣ оказывается, что тамъ перебывало въ теченіи последнихъ 10 лѣтъ судовъ подъ *русскимъ* флагомъ 215, въ 104,915 тоннъ. Первыя мѣста по числу, за половину нынѣшняго года, принадлежатъ, разумѣется, судамъ французскимъ, греческимъ и австрійскимъ. Но и англійскихъ судовъ было почти 300. Заходили суда всѣхъ морскихъ націй Европы, даже самыхъ отдаленныхъ: норвежскія, мекленбургскія, гамбургскія, прусскія, американскія.

Въ то время, когда мы закончиваемъ этотъ разсказъ, Суэзскій каналъ уже открытъ на всемъ протяженіи 5 (17) ноября, какъ то предполагалось, и французскій *Aigle* въ 15 часовъ прошелъ весь каналъ, возвращаясь изъ Краснаго моря въ Средиземное. Окончательная побѣда теперь несомнѣнна, и Фердинандъ Лессепсъ займетъ почетное мѣсто въ ряду такъ-называемыхъ «піонеровъ цивилизаціи». Вліяніе Суэзскаго канала на ходъ будущей исторіи политическаго міра въ настоящую минуту трудно опредѣлить, хотя и нельзя его не предвидѣть; въ особенности, этотъ каналъ не можетъ не остаться безъ послѣдствій для Оттоманской Порты, и вѣроятно вскорѣ возбудится не мало вопросовъ, болѣе или менѣе затруднительныхъ для турецкаго кабинета.

Л. А—въ.

ЗАДАЧА
НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Подлиповцы. Спб. 1867. — Гдѣ лучше? Спб. 1869. — Сочиненія *Ѳ. Рѣшетникова.* Спб. 1869.

Мы имѣли случай указать на тотъ путь, которымъ пошли въ литературѣ наши новѣйшіе писатели [1]). Сама жизнь, событія опредѣлили этотъ путь. Онъ велъ къ изученію народной жизни, къ ея правдивому и безпристрастному изображенію. Такое новое отношеніе литературы къ жизни оказало уже свою долю услуги русскому обществу, помогая ему выяснить ту силу, которая до сихъ поръ играла только пассивную роль въ общественной жизни. Эта сила представилась намъ теперь въ первый разъ въ такомъ грубомъ, первобытномъ состояніи, что поневолѣ дѣлается страшно задаться вопросомъ, сколько нужно времени на распространеніе въ массѣ образованія настолько, чтобы эта масса сдѣлалась дѣйствительною, т. е. нравственною силою. Въ изображеніи народной жизни новѣйшіе писатели пошли своею собственною дорогою, не обращая вниманія на то, какъ изображалась она ихъ ближайшими предшественниками. Конечно, починъ въ изображеніи народной жизни, въ стремленіи знакомить съ нею болѣе или менѣе образованные слои русскаго общества, сдѣланъ не новѣйшими писателями. Еще до нихъ и довольно давно уже обращались къ народной жизни, довольно давно стали писать повѣсти и разсказы, заимствованные изъ народнаго быта, но прежняя ли-

*) См. выше, ноябрь, 347 стр. «Литературные споры нашего времени».

тературная дѣятельность въ этомъ направленіи была совершенно другого свойства, чѣмъ дѣятельность писателей послѣдняго поколѣнія. Прежде у насъ, какъ то было и у иностранныхъ художниковъ, содержаніе для повѣстей и романовъ заимствовалось изъ народнаго быта, но на этотъ бытъ набрасывали какое-то поэтическое облако, такъ-сказать, идеализировали его. Говоря такъ, мы не упрекаемъ нашихъ писателей прежняго поколѣнія, эта идеализація соотвѣтствовала и личному настроенію писателей, и самому положенію народа. Писатели наши были воодушевлены самыми возвышенными идеями, самыми гуманными принципами, и потому, глядя на народъ, на его несчастное положеніе, на его загнанность, забитость, у нихъ являлось сожалѣніе, состраданіе къ горькой жизни русскаго человѣка, и такое же сожалѣніе, состраданіе они старались вызвать въ читателяхъ своихъ повѣстей и разсказовъ. Жизнь мужиковъ, ихъ бѣдствія изображались большею частію въ такомъ патетическомъ стилѣ, что самыя грубыя натуры должны были на минуту смягчиться и промолвить сквозь зубы: «да, не хорошо! но что же дѣлать! безвыходное положеніе!» Безвыходность положенія—вотъ что бросалось прежде всего въ глаза въ такихъ повѣстяхъ, типомъ которыхъ можно назвать хоть бы «Антона Горемыку» г. Григоровича; но знанія дѣйствительной жизни, дѣйствительнаго состоянія русскаго народа, его нравовъ, степени умственнаго развитія, его жизненныхъ отношеній, всѣ подобныя повѣсти нисколько не прибавляли. Этотъ колоритъ отчаянія, безвыходности, который набрасывали прежніе романисты, былъ довольно понятенъ въ ту минуту, когда они писали.

Тогда въ самомъ дѣлѣ могло явиться одно отчаяніе, сознаніе полной безпомощности, потому что щель, черезъ которую проходилъ свѣтъ въ мрачную русскую жизнь, была едва замѣтна; можно было подумать, что его лучъ никогда не освѣтитъ собою того безпредѣльнаго пространства тьмы, среди которой прозябалъ русскій народъ. Рядомъ съ представленіемъ народной жизни, представленіи полномъ патетическаго тона, мы встрѣчаемъ такія художественныя, мастерскія картины, какъ «Хорь и Калинычъ» «Бѣжинъ Лугъ», эти перлы «Записокъ Охотника», которыя представляютъ намъ народную жизнь въ такомъ заманчивомъ, притягивающемъ къ себѣ свѣтѣ, что просто вѣрить не хочется, чтобы рѣчь шла о той самой жизни, о тѣхъ самыхъ людяхъ, о которыхъ разсказываютъ теперь намъ наши новѣйшіе писатели. Кто не знаетъ «Хоря и Калиныча», кто не вчитывался въ «Бѣжинъ Лугъ», не останавливался передъ этою группою, высѣченною точно изъ мрамора; кто послѣ этого, на минуту за-

бываясь, не говорилъ себѣ: «а хороша русская жизнь, сколько въ ней поэзіи, сколько наивной, изящной простоты!» кого не подкупали эти яркія, привлекательныя краски, которыми рисовалъ подчасъ русскаго мужика Тургеневъ? Правда, въ этихъ же самыхъ «Запискахъ Охотника» была и другая нота, та, которая даетъ имъ преимущественно значеніе, это—нота протеста противъ уродливыхъ отношеній, создаваемыхъ крѣпостнымъ правомъ; но тѣмъ не менѣе, еслибы кто-нибудь захотѣлъ судить о народной жизни и народныхъ нравахъ по артистическимъ разсказамъ, составляющимъ «Записки Охотника», тотъ вынесъ бы о нихъ понятіе, далеко не отвѣчающее строгой истинѣ. Оно и естественно; прежде смотрѣли на народъ мимоходомъ, заносили въ свои записныя книжки случайныя черты, которыя удалось подмѣтить, но никогда не подходили къ народу, задавшись серьезною цѣлію близко освоиться съ народною жизнію и изобразить ее во всей наготѣ, сохраняя строгую истину, строгую правду. Изображеніе строгой истины выпало именно на долю новѣйшихъ писателей, которые взялись нарисовать жизнь народа такъ, какъ она есть, безъ всякихъ вымышленныхъ прикрасъ, безъ всякаго сантиментальнаго отношенія ко всѣмъ уродливостямъ этой жизни. Прежде заботились только о томъ, чтобы въ описаніе народнаго быта внести какъ можно болѣе мягкій тонъ, нѣжность, идиллію, сантиментальность, какое-то, если можно такъ выразиться, «салонное» воззрѣніе на народъ; новѣйшіе писатели предпочли отнестись къ этому предмету какъ нельзя болѣе трезво, не прикрывая поэтическимъ облакомъ той некрасивой, тяжелой картины, которую представляетъ собою наша народная жизнь.

Эта картина въ ихъ описаніяхъ явилась въ ужасающей наготѣ; на сцену выступила страшная дикость, непроходимое невѣжество, грубость; оказалось, что въ этомъ загнанномъ народѣ нѣтъ развитія, нѣтъ ничего, что̀ составляетъ достояніе цивилизованныхъ массъ; что въ основѣ всѣхъ отношеній лежитъ самое вопіющее безправіе, и только изрѣдка попадаются хорошіе инстинкты, которые должны развиться, когда образованіе проникнетъ въ эту густую невѣжественную народную массу. Такая обнаженная истина должна была бы ослабить фальшивую гордость однихъ, которые кричали о народѣ, какъ о готовой уже силѣ, и вразумить другихъ, которые, пріосанясь, говорятъ: «что̀ ваша цивилизація, что ваша западная образованность, посмотрите на насъ, на нашего русскаго мужичка, на нашъ святой русскій народъ»! А на дѣлѣ, этотъ «русскій мужичекъ», въ своихъ семейныхъ и житейскихъ отношеніяхъ, не всегда разсуждаетъ по-человѣчески и тонетъ въ непроходимой дикости нравовъ, благодаря всему строю русской жизни. Несмотря

однако на такую печальную картину, которая рѣзко противорѣчитъ сантиментальнымъ и идиллическимъ описаніямъ прежнихъ писателей, нельзя не чувствовать, что новѣйшіе писатели несравненно ближе къ этому народу, что они относятся къ нему съ большимъ участіемъ, большею любовію, чѣмъ относились къ народу въ старые годы. Они не боятся говорить о народѣ сущую правду, рисовать дикость и грубость его, потому что они отлично сознаютъ, что не народъ виноватъ въ этихъ порокахъ, которые должны будутъ исчезнуть, какъ только въ его жизнь войдетъ образованіе, развитіе. «Описаніе народа со всею дикостію и невѣжествомъ, которымъ пропитанъ онъ, безъ всякихъ прикрасъ и ретушей, не художественно», скажутъ нѣкоторые, и затѣмъ отвернутся съ презрѣніемъ отъ произведеній новѣйшей беллетристики. Но такое презрительное отношеніе къ молодымъ писателямъ не представляетъ собою ничего новаго, небывалаго.

Въ исторіи русской литературы встрѣчается не одинъ примѣръ ожесточенной вражды противъ всякаго новаго направленія и противъ тѣхъ писателей, которые имѣли достаточно силы, чтобы не идти по старой дорогѣ, а пробивать себѣ свою, еще не протоптанную рутиною. Стоитъ только припомнить, какимъ свистомъ, какимъ дикимъ гуломъ и злостными воплями встрѣчены были первые шаги Пушкина, который имѣлъ дерзость заговорить своимъ простымъ, но вмѣстѣ удивительнымъ языкомъ, и описывать жизнь, людскія отношенія такъ, какъ они представляются на самомъ дѣлѣ, безъ всякихъ высокопарныхъ прикрасъ, безъ всякой фальшивой примѣси. Развѣ не съ одинаковымъ ожесточеніемъ встрѣченъ былъ натурализмъ или проще сказать реализмъ Гоголя, развѣ старая школа, старое направленіе не хотѣло забросать его каменьями, развѣ не кричало оно: распни, распни его! И однако, что же вышло изъ этихъ криковъ, что же вышло изъ этой страстной вражды? какъ пушкинское, такъ и гоголевское направленіе глубоко врѣзались въ исторію русской литературы, въ исторію русской жизни, и то и другое «воздвигло памятникъ себѣ нерукотворный». Мы знаемъ, что насъ тутъ могутъ прервать насмѣшливымъ вопросомъ: «ужъ не претендуете ли вы приравнивать этихъ колоссовъ къ вашимъ пигмеямъ, ужъ не думаете ли ставить на одну доску значеніе современнаго новаго направленія съ «новыми» направленіями тѣхъ крупныхъ литературныхъ періодовъ?!» Мы вовсе и не думаемъ сравнивать тѣхъ, на кого нападали тогда и теперь; мы сравниваемъ только тѣхъ, кто нападалъ тогда, и кто теперь нападаетъ, и только среду этихъ послѣднихъ мы находимъ совершенно сходною.

Дѣло не въ томъ, что имена однихъ писателей останутся вѣчны

въ русской литературѣ, а имена другихъ послѣ извѣстнаго промежутка времени исчезнутъ,—вся важность для насъ въ томъ, чтобы каждое направленіе въ литературѣ сослужило свою службу. Направленіе литературы въ извѣстный періодъ времени—это одинъ вопросъ, а высота писателей, поддерживающихъ его своею дѣятельностію—другой, и эти два вопроса можно разсматривать совершенно отдѣльно. Направленіе литературы представляется результатомъ времени, обусловливается тѣми или другими общественными требованіями, жизнію народа въ данный моментъ; что же касается до писателей, то дѣятельность ихъ хотя, безъ сомнѣнія, и опредѣляется существующимъ направленіемъ въ литературѣ, но самая сила таланта остается независимою отъ него. Талантъ, геній, это даръ, прирожденный человѣку, который нельзя произвести никакими способами, никакими усиліями, и только характеръ произведеній, твореній, въ которыя выливается этотъ геній, обусловливаются эпохою, когда появляется новое свѣтило человѣчества. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что родись сегодня Дантъ, онъ не создалъ бы своей «Божественной Комедіи»: геній его нашелъ бы себѣ иное выраженіе; иное время, иныя условія жизни, иная образованность направила бы его творческую дѣятельность на предметы болѣе близкіе намъ, чѣмъ его адъ, чистилище или рай. Правда, одно время, одни условія жизни болѣе содѣйствуютъ широкому развитію таланта или генія, чѣмъ другое время, другія условія, но тѣмъ не менѣе, если въ человѣкѣ есть эта прирожденная сила, она скажется, обнаружится, какое бы направленіе ни господствовало въ литературѣ.

Какое бы направленіе ни господствовало, въ основаніи его все-таки всегда лежитъ природа, человѣкъ, жизнь, понимаемая болѣе узко или болѣе широко; а тамъ гдѣ есть жизнь, тамъ есть и возможность дѣйствовать для таланта или для генія. Слѣдовательно, не извѣстное направленіе нужно обвинять за то, что оно не выставило крупнаго таланта или генія, а скорѣе простой случай, что въ данную минуту не народился человѣкъ съ исключительною силою, или, можетъ быть еще вѣрнѣе будетъ, обвинять предшествовавшій періодъ, который такъ мало посѣялъ, и предшествовавшее направленіе, которое не дало отъ себя богатыхъ ростковъ. Насколько выгодны условія новаго направленія для развитія талантовъ, на это можетъ отвѣтить только будущее, потому что это направленіе только сѣетъ теперь, жатва же еще далеко впереди. Явятся или нѣтъ въ новомъ направленіи такіе же крупные таланты, какими отличались предшествовавшіе періоды, это другой вопросъ; значеніе же этого направленія, по преимуществу народнаго, отъ этого не измѣнится;

оно имѣетъ важность само по себѣ, опредѣляя собою, какая перемѣна произошла какъ въ русской жизни, такъ и въ русской литературѣ.

I.

Разсматривая значеніе извѣстнаго направленія въ литературѣ независимо отъ силы тѣхъ или другихъ талантовъ, которые ему служатъ, мы имѣемъ полное право сказать, что вражда, встрѣчающая новое направленіе въ русской литературѣ, принадлежитъ къ тому же самому роду, къ которому относится и вражда, встрѣтившая въ былое время появленіе пушкинскаго или гоголевскаго направленія. Великая тѣнь Пушкина или Гоголя, мы полагаемъ, не будетъ оскорблена подобнымъ приравниваніемъ. Упреки и обвиненія, которые дѣлаются молодымъ писателямъ нашего времени, до того похожи на упреки и обвиненія, которые дѣлались «натурализму» Гоголя, что, оправдывая ихъ, мы могли бы ограничиться буквальнымъ повтореніемъ тѣхъ же самыхъ возраженій, которыя дѣлались двадцать лѣтъ тому назадъ. Литература должна изъ всѣхъ своихъ силъ стремиться къ самобытности, къ народности, сдѣлаться естественною, натуральною. Это было сказано давно уже, но мы такъ мало ушли впередъ въ этомъ отношеніи, что и теперь еще не излишне повторять ту старую истину. Давно уже говорилось, что «нужно обратить все вниманіе на толпу, на массу, изображать людей обыкновенныхъ, а не пріятныя только исключенія изъ общаго правила, которыя всегда соблазняютъ поэтовъ на идеализированіе и носятъ на себѣ чужой отпечатокъ». «И вотъ—замѣчали тогда— теперь обвиняютъ писателей.... что они любятъ изображать людей низкаго званія, дѣлаютъ героями своихъ повѣстей мужиковъ, дворниковъ, извощиковъ, описываютъ «углы», убѣжища голодной нищеты и часто всяческой безнравственности. Чтобы устыдить новыхъ писателей (т. е. 40-хъ годовъ), обвинители съ торжествомъ указываютъ на прекрасныя времена русской литературы, ссылаются на имена Карамзина и Дмитріева, избиравшихъ для своихъ сочиненій предметы высокіе и благородные, и приводятъ въ примѣръ забытаго теперь изящества чувствительную пѣсенку: «Всѣхъ цвѣточковъ болѣ розу я любилъ». Мы же напомнимъ имъ, что первая русская замѣчательная повѣсть была написана Карамзинымъ, и ея героиня была обольщенная петиметромъ крестьянка—бѣдная Лиза.... Но тамъ, скажутъ они, все опрятно и чисто, и подмосковная крестьянка не уступитъ самой благовоспитанной «барышнѣ».

Вотъ мы и дошли до причины спора: тутъ виновата, какъ видите, старая піитика. Она позволяетъ изображать, пожалуй, и мужиковъ, но не иначе, какъ одѣтыхъ въ театральные костюмы, обнаруживающихъ чувства и понятія, чуждыя ихъ быту, положенію и образованію, и объясняющихся такимъ языкомъ, которымъ никто не говоритъ, а тѣмъ менѣе крестьяне,—языкомъ литературнымъ....» Такъ говорилъ Бѣлинскій, возражая порицателямъ натуральной школы, и тѣмъ хулителямъ, которые приходили въ негодованіе отъ попытокъ изображать въ повѣстяхъ народные типы. Положеніе съ тѣхъ поръ, нужно сознаться, не слишкомъ много измѣнилось въ нашемъ литературномъ мірѣ. Разумѣется, старая піитика должна была сдѣлать нѣкоторыя уступки, она примирилась съ мужиками г. Григоровича и даже полюбила ихъ, она примирилась съ прелестными картинками Тургенева, но дальше этихъ уступокъ она не хочетъ идти, о болѣе близкомъ знакомствѣ съ народомъ не хочетъ и слышать. Изображеніе народа этими писателями было, конечно, верхомъ совершенства для эпохи Бѣлинскаго, для того времени, когда знакомство съ дѣйствительною народною жизнію только-что начиналось, когда лица, взятыя изъ народа, показывались только на заднемъ планѣ.

Съ тѣхъ поръ прошло много времени, въ народной жизни совершилось крупное событіе, и потому литература не могла болѣе довольствоваться идеализированными «мужичками», какими являются русскіе мужики у нашихъ прежнихъ писателей. То, что прежде удовлетворяло, не можетъ удовлетворять болѣе теперь, когда знакомство съ народною жизнію вступило совершенно въ новый фазисъ. Мы вполнѣ понимаемъ, что еще не такъ давно наши писатели не могли изображать народъ съ тою правдою, съ которою изображаютъ его теперь, такъ какъ для того требовалось глубокое знаніе, котораго тогда еще не было; но и того, какъ изображали народъ тогда, было уже слишкомъ довольно, чтобы вызвать негодованіе противъ «натуралистовъ» 40-хъ годовъ. Старые піиты, нападавшіе тогда на «натуралистовъ», не вымерли, они даже мало измѣнили свою позицію, и потому слова Бѣлинскаго сохраняютъ всю свою свѣжесть. Тѣ народные типы, которые въ 40-хъ годахъ вызывали порицаніе за свою нескромную наготу, теперь представляются уже намъ одѣтыми въ «театральные костюмы»; иначе быть и не могло, послѣ того, какъ мы увидѣли другое, болѣе близкое къ правдѣ изображеніе. Между тѣмъ наши вѣчные поклонники старины продолжаютъ требовать, чтобы писатели не снимали съ изображаемыхъ ими лицъ сотканные ими театральные костюмы, и на-

кидываются поэтому на «реалистовъ» шестидесятыхъ годовъ, какъ накидывались прежде на «натуралистовъ» сороковыхъ годовъ. Эти порицатели новаго направленія, которые по какой-то странной логикѣ причисляютъ Бѣлинскаго къ своимъ, забываютъ, что онъ говорилъ о необходимости возможно-близкаго сходства лицъ въ литературѣ съ ихъ образцами въ дѣйствительности, и восклицаютъ теперь, какъ, по словамъ Бѣлинскаго, восклицали и тогда: «посмотрите, что теперь пишутъ! мужики въ лаптяхъ и армякахъ, часто отъ нихъ несетъ сивухою, баба—родъ центавра, по одеждѣ не вдругъ узнаешь, какого это пола существо; углы—убѣжища нищеты, отчаянія и разврата, до которыхъ надо доходить по двору, грязному по колѣни; какой-нибудь пьянюшка, подъячій или учитель изъ семинаристовъ, выгнанный изъ службы—все это описывается съ натуры, въ наготѣ страшной истины, такъ что если прочтешь—жди почью тяжелыхъ сновъ....» Влагая подобное восклицаніе въ уста противниковъ школы «натуралистовъ», Бѣлинскій прибавляетъ: «такъ или почти такъ говорятъ маститые питомцы старой піитики». Если бы мы захотѣли резюмировать то, что говорится въ настоящее время противниками новаго направленія въ литературѣ, то мы не могли бы этого сдѣлать лучше, чѣмъ сдѣлалъ это двадцать лѣтъ тому назадъ Бѣлинскій, когда онъ защищалъ молодыхъ писателей того времени противъ нападковъ старыхъ піитовъ. Возгласы, раздававшіеся тогда, когда дѣлались только первыя попытки ввести въ русскую литературу русскаго мужика, до того похожи на тѣ, которые раздаются теперь, когда попытка превратилась уже въ направленіе, что мы могли бы цѣликомъ выписать нѣсколько страницъ изъ Бѣлинскаго, вполнѣ предоставляя ему отвѣчать на всѣ упреки, дѣлаемые молодымъ писателямъ. «Что за охота наводнять литературу мужиками?» говорится у насъ сплошь и рядомъ, и вопросъ этотъ до такой степени современенъ, что мы поневолѣ нѣсколько удивлены, когда этотъ вопросъ, формулированный именно такимъ образомъ, находимъ у человѣка, который писалъ уже двадцать лѣтъ тому назадъ. «Что можетъ быть интереснаго въ грубомъ, необразованномъ человѣкѣ?» спрашивалось тогда, какъ спрашивается и до сихъ поръ, и на этотъ вопросъ приходится отвѣчать, какъ отвѣчали и тогда, краснѣя только за необходимость подобнаго объясненія. «Какъ что? его душа, умъ, сердце, страсти, склонности—словомъ, все тоже, что и въ образованномъ человѣкѣ». Интересны въ изображеніи мужиковъ, народа, его жизнь, его понятія, его нравы, и чѣмъ больше образованная среда была до сихъ поръ оторвана отъ народа, отъ массы, отъ толпы, тѣмъ больше должны быть направлены на его изученіе, на знакомство

съ нимъ, литературныя силы, тѣмъ больше литература должна дѣлаться понятною вмѣстѣ съ тѣмъ и для самой массы, и стараться вливать въ нея всѣ тѣ идеи, всѣ тѣ результаты образованности, которые мы могли только перенять у западной цивилизаціи.

Тѣ, которые въ изображеніи народа не видятъ ничего кромѣ грязи и пошлости, тѣ конечно совершенно основательно жалуются на крайнее паденіе литературы и въ народномъ направленіи не могутъ усматривать ничего иного, какъ только гибель искусства, да посягательство на эстетику. Чтобы показать, какъ несправедливы подобныя жалобы, намъ нужно было бы заговорить о томъ, какъ понимается искусство одними, и какъ понимается другими, что̀ разумѣть подъ эстетикой и т. п., но это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ главнаго предмета нашей статьи. Мы не можемъ удержаться однако, чтобы по поводу этихъ жалобъ не привести еще разъ словъ Бѣлинскаго, которыя относились точно также къ жалобамъ старыхъ піитовъ на поползновеніе ввести въ литературу народные типы. «Въ сущности, говорилъ онъ, ихъ жалобы состоятъ въ томъ, зачѣмъ поэзія перестала безстыдно лгать, изъ дѣтской сказки превратилась въ быль, не всегда пріятную; зачѣмъ отказалась она быть гремушкою, подъ которую дѣтямъ пріятно и прыгать и засыпать. Странные люди, счастливые люди! имъ удалось на всю жизнь остаться дѣтьми и даже въ старости быть несовершеннолѣтними, недорослями, — и вотъ они требуютъ, чтобы и всѣ походили на нихъ! Да читайте, продолжалъ Бѣлинскій, свои старыя сказки—никто вамъ не мѣшаетъ, а другимъ оставьте занятія, свойственныя совершеннолѣтію. Вамъ ложь—намъ истина: раздѣлимся безъ спору, благо вамъ не нужно нашего пая, а мы даромъ не возьмемъ вашего....» Слова эти служатъ отличнымъ отвѣтомъ всѣмъ порицателямъ народнаго направленія, которые не признаютъ въ немъ ничего, кромѣ грязи и пошлости, которые не умѣютъ открывать подъ этою грязью и пошлостью и человѣческой мысли, и человѣческой боли, страданія, и подъ грубою рѣчью услыхать инстинктивный крикъ, вызванный изуродованною невѣжествомъ жизнію. Порицатели этого направленія до такой степени потеряли сознаніе того, чѣмъ должна быть литература, къ чему она должна стремиться, что они полагаютъ, что вся задача ея заключается въ томъ, чтобы удовлетворять самымъ тонкимъ ощущеніямъ изощреннаго вкуса, да заниматься изображеніемъ самыхъ возвышенныхъ чувствъ высшихъ классовъ общества. Чтожъ, было и такое время, когда литература занималась исключительно самыми высокопоставленными лицами, когда все, что̀ стояло ниже королей,

считалось недостойнымъ сюжетомъ для литературы. Въ сущности порицатели народнаго направленія держатся почти того же воззрѣнія на литературу, они точно также не пришли еще къ убѣжденію, что вся природа, вся жизнь должна служить для нея матеріаломъ, выражается ли эта жизнь въ королѣ, дворянинѣ, мѣщанинѣ или мужикѣ. До сихъ поръ, собственно говоря, эти порицатели сидятъ еще на литературной азбукѣ, признавая, что искусство, художественность, эстетичность должны быть непремѣнно обставлены бархатомъ и золотомъ, шелкомъ и серебромъ, и что все, что внѣ этого, недостойно быть предметомъ литературнаго описанія. Безъ всякаго сомнѣнія, кто такимъ образомъ понимаетъ литературу, кто любитъ читать только для пріятнаго препровожденія времени, для того чтеніе не есть потребность ума, источникъ знанія, для того грязь и пошлость народнаго быта должна представлять именно только грязь и пошлость, тотъ не отыщетъ тутъ для себя пищи для серьезныхъ и глубокихъ думъ и размышленій, чувство того не будетъ задѣто мрачною картиною, которую рисуютъ намъ новѣйшіе писатели. «Книга должна пріятно развивать; я и безъ того знаю, что въ жизни много тяжелаго и мрачнаго, и если я читаю, такъ для того, чтобы забыть это»: такъ или почти такъ говорятъ всѣ порицатели каждаго новаго, болѣе серьезнаго стремленія литературы, и къ такимъ цѣнителямъ литературы можно обратить и теперь туже рѣчь, съ которою обращались къ нимъ двадцать лѣтъ назадъ: «такъ, милый, добрый сибаритъ, для твоего спокойствія и книги должны лгать, и бѣдный забывать свое горе, голодный свой голодъ, стоны страданія должны долетать до тебя музыкальными звуками, чтобы не испортился твой аппетитъ, не нарушился твой сонъ....» Къ счастью, задача литературы вовсе не такова, чтобы удовлетворять пустому любопытству, праздной забавѣ, которой главный интересъ заключается въ любопытныхъ описаніяхъ, въ изображеніяхъ страсти и т. п. Конечно, литература не должна чуждаться любви, страсти, потому что чувства эти принадлежатъ человѣческой природѣ, но чувства эти не должны брать перевѣса надъ всею остальною жизнію, какъ то было почти правиломъ въ старой литературѣ. Задача литературы болѣе широка, она должна захватывать всѣ стороны человѣческой жизни, а не ограничиваться одною какою-нибудь стороною, подъ угрозою сдѣлаться безполезною для развитія общества. Быть полезною— вотъ главное условіе для литературы; какъ только она перестанетъ приносить собою пользу обществу, она теряетъ право на существованіе и въ жизни народа отступаетъ на самый дальній планъ. Горе литературѣ, когда она доходитъ до подобнаго упадка.

Бываютъ періоды въ жизни общества, когда литература неповинна, занимаясь исключительно описаніемъ любви, страсти, но это тѣ безотрадные періоды, когда всѣ общественные интересы лежатъ подъ тяжелымъ спудомъ и потому недоступны для литературы. Если въ эти періоды литература перестаетъ быть эхомъ общественныхъ интересовъ, то конечно изъ этого не слѣдуетъ немедленно заключать, чтобы въ обществѣ вовсе не шевелились важные общественные интересы; часто они долго тлѣютъ невидимо для глаза, но за то, какъ только наступаетъ благопріятная минута, сдерживавшая ихъ плотина прорывается и они начинаютъ бушевать съ усиленною дѣятельностію. Русская литература не разъ уже переживала подобныя безотрадныя эпохи, и потому мы хорошо понимаемъ, отчего въ нашемъ обществѣ такъ глубоко укоренилось понятіе, что изящная литература должна быть главнымъ образомъ посвящена изображенію возвышенныхъ чувствъ. Это уже старая истина, что привычка вторая натура. Чѣмъ больше вкоренилось какое-нибудь понятіе, тѣмъ болѣе нужно доказывать всю его несообразность. Изящная литература, не переставая быть изящною, точно также какъ и всякая другая, должна главнымъ образомъ служить живымъ общественнымъ интересамъ. Служеніе этимъ общественнымъ интересамъ должно создавать новыя условія для художественныхъ или эстетическихъ интересовъ. Только въ такомъ случаѣ изящная литература, какъ самая популярная, выполняетъ свое назначеніе, и та польза, которую она обязяна приносить, конечно не роняетъ изящную литературу, а только возвышаетъ ея роль, ея значеніе въ развитіи общества.

Какъ много ни смѣялись у насъ надъ этою старинною, изобрѣтенною какими-то мудрецами, формулою: «искусство для искусства», но нужно сказать, что она обладаетъ необыкновенною живучестію, имѣетъ въ нашемъ обществѣ множество партизановъ, которые съ презрѣніемъ отнесутся къ нашимъ словамъ, что искусство должно главнымъ образомъ имѣть въ виду одно: приносить пользу обществу. Требованіе, выставляемое нами, вовсе не наше требованіе, не намъ принадлежитъ честь открытія этой простой истины, до нея дошли прежде насъ, и мы, «на зло надменному сосѣду», который утверждаетъ, что въ современной литературѣ не признаютъ никакихъ авторитетовъ замѣчательныхъ умовъ, геніевъ, прикроемся авторитетомъ все того же Бѣлинскаго, который давно уже писалъ, что художественный интересъ долженъ уступать другимъ важнѣйшимъ для человѣчества интересамъ, и что искусство отъ этого не только не перестаетъ быть искусствомъ, но получаетъ только новый характеръ. «Отнимать у искусства, писалъ Бѣлинскій, право служить общественнымъ интересамъ,

значитъ не возвышать, а унижать его, потому что это значитъ — лишать его самой живой силы, т. е. мысли, дѣлать его предметомъ какого-то сибаритскаго наслажденія, игрушкою праздныхъ лѣнивцевъ. Это значитъ даже убивать его, чему доказательствомъ можетъ служить жалкое положеніе живописи нашего времени. Какъ будто не замѣчая кипящей вокругъ него жизни, съ закрытыми глазами на все живое, современное, дѣйствительное, это искусство ищетъ вдохновенія въ отжившемъ прошедшемъ, беретъ оттуда готовые идеалы, къ которымъ люди давно охладѣли, которые никого уже не интересуютъ, не грѣютъ, ни въ комъ не пробуждаютъ живого сочувствія».

Значеніе литературы обусловливается также принадлежащимъ ей вліяніемъ; чѣмъ шире кругъ, на который она дѣйствуетъ, чѣмъ крупнѣе общественные интересы, которыми она задается, чѣмъ ближе, понятнѣе она становится массѣ, толпѣ, тѣмъ больше пользы приноситъ литература обществу. Есть нѣсколько путей становиться болѣе понятнымъ, болѣе близкимъ народу, и не мы конечно стали бы радоваться, если бы литература ради того, чтобы болѣе цѣльно представлять интересы цѣлаго народа, и становиться ему болѣе понятною, избрала бы средствомъ для того пониженіе своего уровня; не мы стали бы радоваться, если бы изящная литература, въ виду расширенія своего круга дѣйствія, отрѣшилась отъ самыхъ дорогихъ идей, выработанныхъ западною цивилизаціею, подъ тѣмъ предлогомъ, что идеи эти непонятны народу. Цѣль литературы, стремленіе ея, задача, не опускаться до уровня народа, а напротивъ, возвышать народъ до своего уровня, только тогда она будетъ имѣть воспитательное значеніе. Вотъ путь, на которомъ должна стоять литература, и путь этотъ, нужно сказать, не представляетъ затрудненій. Всякая выработанная, готовая идея такъ проста въ своемъ существѣ, что будь она выражена только въ формѣ удобопонятной для большинства, и нѣтъ сомнѣнія, что идея эта примется, войдетъ въ народное пониманіе.

Таково, конечно, должно быть значеніе новаго направленія въ литературѣ. Писатели, примыкающіе къ нему, должны были поставить себѣ важную и серьезную задачу: изучить народную жизнь, показать намъ всѣ формы, всѣ проявленія ея; они должны были проникнуться всѣми интересами народа, печалями, горемъ, небольшими радостями его, живо представить всѣ его нравы, понятія, стремленія, вывести живые образы, живые типы, безъ всякихъ приукрашиваній, безъ всякаго идеализированія ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ свои произведенія внести серьезную мысль, здоровыя идеи, освѣтить мрачныя стороны народной жизни силь-

нымъ лучемъ знанія, развитія, образованности. Только при выполненіи всѣхъ этихъ условій новое направленіе въ литературѣ исполнитъ всю свою роль, сдѣлаетъ литературу вполнѣ народною, и почерпая изъ народа свою силу, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вліять на него, выправлять его понятія и осмыслитъ народное міросозерцаніе, внося въ него свѣтлыя идеи. Тогда только литература будетъ приносить всю ту пользу, которую она обязана приносить. Тогда только она сдѣлается истинною силою, какою литература и должна быть въ странѣ; но это будетъ искусство не для искусства, а искусство для жизни.

Если такова должна быть задача, такова должна быть роль новаго направленія въ литературѣ, то изъ этого, конечно, нельзя выводить еще, чтобы задача эта была уже выполнена. Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Новое направленіе приблизилось только къ истинному пути, оно, благодаря ходу самой жизни, вступило болѣе рѣшительно, чѣмъ когда бы то ни было, на вѣрную дорогу и сдѣлало въ русской литературѣ новый и добрый посѣвъ. Какова будетъ жатва, этого, конечно, мы не возьмемся рѣшать.

Ошиблись бы, разумѣется, тѣ, которые вздумали бы утверждать, что новое направленіе въ литературѣ, о которомъ идетъ рѣчь, должно замкнуться и ограничить свой кругъ изображеніемъ исключительно однихъ мужиковъ. Для того, чтобы литература сдѣлалась народною, ей не нужно съуживаться, потому что ограниченіе себя однимъ только слоемъ низшихъ классовъ народа было бы въ концѣ концовъ можетъ быть также вредно, какъ и ограниченіе однимъ только слоемъ высшихъ классовъ народа. Нужно только одно, чтобы въ произведеніяхъ писателей изображались лица, не чуждыя народу, чтобы они тѣсно связаны были другъ съ другомъ общественными интересами, чтобы стремленія однихъ не были чужды, противоположны стремленіямъ другихъ, чтобы лица, выводимыя писателями, были близки, понятны народу, чтобы жизнь этихъ лицъ была, однимъ словомъ, неразрывно переплетена съ жизнію народа, съ разумно понятыми его интересами. Такой тѣсной связи героевъ съ народными интересами не было у писателей предшествующаго поколѣнія, и напрасно стали бы они указывать на то, что изображеніе лицъ изъ образованныхъ слоевъ общества никогда не можетъ быть понятно народу. Это не вѣрно. Возьмите крупныя произведенія какой угодно страны, и вы увидите, что какъ ни чужда масса высшему обществу, но когда крупный талантъ, геній берется изображать типъ изъ какого бы то ни было класса общества, масса всегда пойметъ его. Изъ какого бы общества, изъ какой бы среды ни взялъ Сервантесъ своего Донъ-Кихота, масса всегда поняла бы

его въ Испаніи; изъ какой бы среды Шекспиръ ни бралъ своихъ героевъ, масса всегда пойметъ ихъ въ Англіи, потому-что въ подобныхъ лицахъ, будь сто разъ они королями, есть столько національнаго, не говоря уже объ ихъ общечеловѣческой сторонѣ, столько общаго въ нравахъ, свойствахъ, цѣломъ характерѣ, что всякій испанецъ узнаетъ въ Донѣ-Кихотѣ своего, какъ узнаетъ своего всякій англичанинъ въ герояхъ Шекспира. Масса, какъ бы она ни была неразвита, всегда пойметъ близкіе ей типы, и близкіе не по положенію, а по тѣмъ стремленіямъ, по тѣмъ интересамъ, которыми они воодушевлены. Пусть поэтому молодые писатели, если у нихъ есть только къ тому стремленіе, рисуютъ типы изъ какой угодно среды; если только въ изображаемыхъ ими лицахъ будутъ живы общественные интересы, пониманіе народныхъ выгодъ или просто широкое пониманіе вообще человѣческой жизни, тогда эти типы, эти произведенія не будутъ чужды массѣ, въ ихъ біеніи сердца она подслушаетъ отголосокъ своего собственнаго біенія. Новое направленіе не обусловливается непремѣнно изображеніемъ однихъ мужиковъ, какъ утверждаютъ тѣ, которые, съ умысломъ или безъ умысла, не понимаютъ его значенія, — оно требуетъ только отъ писателя, чтобы такъ или иначе имъ преслѣдовались народные интересы, чтобы изображаемые типы были понятны, близки народу; оно требуетъ въ видахъ главной цѣли литературы — пользы, начертанія такихъ типовъ, изображенія такихъ сторонъ, преслѣдованія такихъ общественныхъ вопросовъ, чтобы литература была истиннымъ отраженіемъ жизни всего общества, всего народа, чтобы по русской литературѣ, однимъ словомъ, можно было познакомиться съ дѣйствительною жизнію, съ дѣйствительнымъ развитіемъ, нравами, обычаями массы. Оно требуетъ, иначе говоря, чтобы русская литература была не литературою отдѣльнаго только кружка, а литературою цѣлаго народа.

Если писатели новаго направленія сосредоточили главнымъ образомъ всѣ свои силы на изображеніе быта простого народа, то, какъ мы уже сказали, они вызваны были къ тому новыми условіями нашего общественнаго развитія. Народная жизнь, построенная на самыхъ чудовищныхъ основаніяхъ, вѣнцомъ которыхъ было крѣпостное право, должна была теперь преобразоваться на основаніи болѣе разумныхъ началъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, наше развитіе должно было подчиниться въ концѣ концовъ благодѣтельному давленію европейской цивилизаціи. Та перемѣна въ положеніи народа, которая совершается на нашихъ глазахъ, представляется только отголоскомъ, прямымъ результатомъ того общаго европейскаго движенія, которое съ та-

кою неудержимою силою стремится все впередъ и впередъ. Въ этой связи, а не въ чемъ иномъ, нашего движенія съ общеевропейскимъ движеніемъ лежитъ лучшій залогъ, лучшее ручательство нашего будущаго развитія. Эта-то связь и даетъ намъ полное право называть или лицемѣрами, или слѣпыми, всѣхъ тѣхъ, которые рѣшаются утверждать, что мы не принадлежимъ къ Европѣ. Нѣтъ, мы питаемся западною цивилизаціею, мы идемъ по ея слѣдамъ, и каждое движеніе, которое совершается тамъ, черезъ бòльшій или меньшій промежутокъ времени, отзывается рѣшительнымъ образомъ и на нашемъ развитіи. Если связь наша съ Европою и съ цивилизаціею неразрывна, то какъ, спрашивается, могли мы быть тронуты тѣмъ потокомъ народности, который успѣлъ уже разлиться по цѣлой Европѣ. Народность, вотъ имя европейскаго движенія XIX вѣка, того начала, которое въѣлось во всѣ стороны человѣческой жизни, всюду выдвигая народъ на первый планъ, всюду вооружая его всѣми необходимыми орудіями для завоеванія себѣ мѣста и для конечнаго торжества. Если народное начало проникло во всѣ стороны жизни, то возможно ли было бы ожидать, чтобы оно миновало искусство, литературу, т.-е. ту отрасль человѣческой дѣятельности, въ которой по преимуществу отражается цѣлое общество? Народное начало не могло миновать искусства, и мы на самомъ дѣлѣ видимъ, что искусство, какъ выражаются на Западѣ, демократизируется во всей Европѣ. Живопись, скульптура, музыка, литература — всѣ эти отрасли искусства получаютъ содержаніе и принимаютъ формы болѣе понятныя для массы, а такая «демократизація» искусства ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа его паденіемъ. Напротивъ того, она возвышаетъ значеніе искусства, опредѣляемое его вліяніемъ, и открываетъ ему болѣе широкіе горизонты, расширяетъ его вліяніе, и тѣмъ самымъ увеличиваетъ его значеніе. Ни одна изъ отраслей искусства не получила такого рѣзко опредѣленнаго народнаго направленія, какъ литература. Во всѣхъ почти европейскихъ литературахъ низшіе слои общества, народъ занялъ видное мѣсто, всѣ главныя литературныя силы занялись его изображеніемъ. Литература въ этомъ случаѣ отражаетъ только жизнь, она дѣлаетъ какъ бы наглядною ту перемѣну, которая произошла въ общемъ положеніи дѣлъ.

То самое явленіе, которое мы замѣчаемъ въ европейской жизни, повторяется и въ русской; здѣсь точно также искусство становится народнымъ, и рѣшительный шагъ къ тому сдѣланъ именно новымъ направленіемъ, которое въ свою очередь вызвано, какъ мы уже сказали, новыми условіями нашей обще-

ственной жизни. Мы подчиняемся, къ нашему, разумѣется, счастію, общему закону развитія, и у насъ литература служитъ немедленнымъ отголоскомъ тѣхъ перемѣнъ, которыя совершаются въ нашихъ общественныхъ порядкахъ. Новые порядки, въ большей или меньшей мѣрѣ, призвали къ жизни народную массу, и вотъ искусство тотчасъ же спускается изъ высшихъ слоевъ въ низшіе, и принимаетъ характеръ по преимуществу народный. Народная сила выступила на первый планъ, и литература немедленно должна была задаться вопросами: что̀ же это за сила, какія ея свойства, какой ея характеръ, каково ея развитіе, какими началами руководится ея жизнь? Естественно, что новое направленіе въ русской литературѣ должно было прежде всего сосредоточить всѣ свои силы, чтобы постараться отвѣтить, или по крайней мѣрѣ уяснить обществу эти вопросы? Въ этомъ анализѣ народной жизни заключается весь смыслъ, все значеніе новаго направленія, вся заслуга молодыхъ писателей, имъ же объясняется и тотъ путь, по которому они должны были слѣдовать для изученія народной жизни. Выходя изъ начала: мы ничего не знаемъ о народѣ, или по крайней мѣрѣ очень мало, они неизбѣжно должны были придти къ изученію частныхъ фактовъ, отдѣльныхъ сторонъ жизни, прежде чѣмъ перейти къ ихъ обобщенію. Когда отдѣльныя стороны жизни будутъ достаточно изслѣдованы, когда накопится бездна фактовъ, случаевъ, отдѣльныхъ характеровъ, тогда можно надѣяться, что наши молодые писатели представятъ намъ полныя обобщенныя картины народной жизни и законченные народные типы. Надежда эта, нужно сказать, вовсе не произвольна, она основывается на сдѣланныхъ уже попыткахъ къ подобному обобщенію, и попыткахъ, будемъ справедливы къ новому направленію, чрезвычайно удачныхъ. Такого рода попытка была сдѣлана, напр., въ романѣ «Гдѣ лучше?», въ этомъ послѣднемъ произведеніи г. Рѣшетникова.

II.

Изъ всѣхъ новѣйшихъ писателей, къ числу которыхъ относятся гг. Николай Успенскій, Глѣбъ Успенскій, Слѣпцовъ, Левитовъ и нѣкоторые другіе, первенство, по нашему крайнему разумѣнію, принадлежитъ г. Рѣшетникову. Всѣ эти писатели одарены несомнѣннымъ талантомъ, но никто изъ нихъ такъ глубоко не захватываетъ народной жизни, какъ г. Рѣшетниковъ. Большая часть изъ нихъ останавливается на внѣшнихъ сторонахъ этой жизни, и хотя внѣшность эта подсказываетъ уже

намъ, какова должна быть внутренняя жизнь этого быта, тѣмъ не менѣе разсказы и повѣсти ихъ, благодаря ихъ болѣе поверхностному, такъ сказать, характеру, не производятъ на читателя такого сильнаго впечатлѣнія. Николай Успенскій далъ намъ довольно много мастерскихъ отрывковъ, удачныхъ сценъ, представилъ типическія стороны народнаго характера, но вы напрасно стали бы искать у него рѣзко очерченныхъ лицъ, психологическаго анализа, законченныхъ разсказовъ. Онъ передаетъ чрезвычайно рельефно то, что ему случалось видѣть и слышать, и это, конечно, уже большая заслуга; но разсказы его дѣлаютъ то впечатлѣніе, какъ будто бы онъ никогда долго не задумывался надъ тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ, никогда не углублялся до корня, до причины, до внутренней стороны подмѣченныхъ имъ явленій, и характерныхъ народныхъ чертъ. Ему, собственно говоря, нѣтъ дѣла до смысла его разсказовъ, онъ не заботится ни малѣйшимъ образомъ, чтобы они имѣли какую-нибудь цѣльность, онъ съ одинаковымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ рисуетъ самую веселую и вмѣстѣ самую возмутительную сцену. Онъ, кажется, такъ часто и такъ много видѣлъ «виды», что его болѣе ничто не возмущаетъ; чувства его какъ бы притупѣли и потому на разсказахъ его, чуждыхъ какихъ бы то ни было прикрасъ, лежитъ довольно холодный колоритъ. Поэтому намъ кажется, что чтеніе разсказовъ г. Успенскаго должно производить на читателей самыя разнообразныя впечатлѣнія. На однихъ, не привыкшихъ задумываться надъ тѣмъ, что они читаютъ, разсказы г. Успенскаго будутъ производить очень веселое впечатлѣніе, они будутъ нравиться имъ, какъ юмористическія сцены изъ народнаго быта, они вызовутъ смѣхъ надъ простоватостію русскаго мужика и только. Другіе же, которые любятъ доискиваться до корня того или другого явленія, не засмѣются разсказамъ г. Успенскаго, а скорѣе почувствуютъ досаду на автора за его безучастное отношеніе къ изображаемому имъ народному быту, и его разсказы наведутъ такого рода читателей на очень грустное раздумье. Не будемъ впрочемъ слишкомъ жаловаться на безучастность г. Успенскаго, она имѣетъ свою выгодную сторону, не допуская автора до умышленнаго искаженія всего того, что онъ видитъ и слышитъ. Правдивое же изображеніе народа представляется для насъ едвали не важнѣйшимъ условіемъ современныхъ разсказовъ и повѣстей, посвященныхъ изображенію народной жизни. У г. Глѣба Успенскаго нѣтъ той живости, той рельефности въ описаніяхъ, какъ у г. Н. Успенскаго, но за то мы находимъ въ немъ больше отдѣлки, больше законченности, округленности, чѣмъ въ безъискус-

ственныхъ разсказахъ перваго изъ названныхъ нами писателей. Мы находимъ у г. Глѣба Успенскаго положительное стремленіе, и часто удающееся, создать цѣлую фигуру, каждому лицу дать свой характеръ, и потому въ разсказахъ его есть больше разнообразія. Не говоря уже о его языкѣ, несравненно болѣе выдѣланномъ, всѣ почти его очерки и разсказы имѣютъ начало и конецъ, что далеко не всегда встрѣчаемъ мы въ разсказахъ г. Н. Успенскаго. Въ его «Нравахъ Растеряевой улицы, въ его «Деревенскихъ встрѣчахъ», въ маленькихъ разсказахъ въ видѣ «Зарокъ не пить» и въ другихъ, нельзя не признать серьезнаго дарованія.

Ту же самую законченность, даже, пожалуй, еще бо̀льшую, находимъ мы и въ разсказахъ г. В. Слѣпцова. Ни одинъ изъ молодыхъ писателей не заботится можетъ быть до такой степени объ изящной отдѣлкѣ своихъ разсказовъ; у г. В. Слѣпцова они имѣютъ ту общую сторону съ разсказами г. Н. Успенскаго, что какъ у одного такъ и у другого мы не замѣчаемъ изученія отдѣльныхъ народныхъ характеровъ, точно также какъ и не находимъ теплаго отношенія къ изображаемому ими быту. Отъ талантливыхъ разсказовъ г. Слѣпцова, въ которыхъ такъ много истиннаго юмора, и такъ мѣтко переданы нѣкоторыя народныя черты, вѣетъ какимъ-то холодомъ, который заставляетъ подозрѣвать въ авторѣ недостатокъ чувства. Если упрекъ этотъ можетъ, намъ кажется справедливо, быть отнесенъ ко всѣмъ почти произведеніямъ г. Слѣпцова, то тѣмъ болѣе охотно указываемъ мы на одинъ разсказъ, составляющій въ этомъ отношеніи самое счастливое исключеніе. Мы говоримъ о его «Питомкѣ», гдѣ главная фигура крестьянки, отъискивающей въ деревнѣ своего ребенка, прочувствована какъ нельзя болѣе сильно.

Если есть какой-нибудь писатель, которому нельзя сдѣлать никакого упрека въ недостаткѣ чувства, то это безъ сомнѣнія г. Левитовъ. Чувство — преобладающая сторона въ талантѣ г. Левитова, и оно накладываетъ на всѣ его разсказы совершенно особый отпечатокъ и рѣзко отдѣляетъ изъ всѣхъ разсказовъ и повѣстей изъ народнаго быта. Г. Левитовъ очевидно очень хорошо знаетъ народную жизнь, но онъ любитъ преимущественно останавливаться на такихъ сторонахъ и на такихъ характерахъ, которые не встрѣчаются каждый день, а представляются напротивъ какъ бы исключительными явленіями. Мы не хотимъ сказать, чтобы эта исключительность переходила въ какую бы то ни было натяжку, чтобы она была у него плодомъ его личной фантазіи, нисколько. То, что онъ описываетъ, онъ хорошо знаетъ и, безъ сомнѣнія, ему приходилось встрѣчать такое или по крайней мѣрѣ близкое къ описываемымъ

имъ случаямъ и лицамъ; ко всему видѣнному имъ онъ придаетъ свой личный, мягкій, теплый тонъ, лежащій конечно уже въ самой натурѣ таланта г. Левитова. Теплота г. Левитова чрезвычайно содѣйствуетъ тому впечатлѣнію, преисполненному грусти, которое оставляютъ по себѣ разсказы этого даровитаго писателя. Возьмите лучшій изъ его разсказовъ, именно «Выселки», и вы увидите тутъ всѣ свойства таланта г. Левитова. Съ необыкновенною нѣжностію рисуетъ онъ своихъ героевъ Ивана, по прозвищу Колдуна и Петра Крутого, которому народное невѣжество отравило всю жизнь. Не успѣлъ Петръ родиться на свѣтъ, какъ уже стали говорить мужики, что лѣшій подмѣнилъ его у матери, и, утащивъ ея сына, оставилъ ей лѣшенка. Лѣшенокъ да лѣшенокъ, такъ и пошла жизнь молодого Петра, пока не втерпежъ ему сдѣлалось обращеніе съ нимъ міра, и онъ пошелъ скитаться по свѣту. Оба героя по личности исключительные, но нужно видѣть, съ какою теплотою описываетъ авторъ ихъ жизнь и характеры. Какъ въ этомъ разсказѣ, такъ и во многихъ другихъ, каковы: «Сосѣди», «Расправа», «Бабушка Маслиха», Блаженненькая»,—вездѣ рядомъ съ страшною грубостію г. Левитовъ умѣетъ отыскивать симпатичныя стороны народной жизни, и эти-то симпатичныя стороны производятъ тѣмъ болѣе тяжелое и грустное впечатлѣніе, что онѣ особенно ясно освѣщаютъ сросшуюся съ ними страшную тьму, порождаемую глубокимъ невѣжествомъ и тяжелою грубостію массы. Если чувство г. Левитова придаетъ его разсказамъ большую теплоту, то нельзя не сказать, что къ нему значительно притупляешься, когда читаешь подрядъ нѣсколько его разсказовъ. Чувство это имѣетъ у него всего одну ноту, которая проходитъ во всемъ, что онъ дѣлаетъ, и потому придаетъ его разсказамъ большую монотонность и однообразіе. Къ этому существенному недостатку г. Левитова нужно отнести еще и другой недостатокъ, какъ нельзя болѣе вредящій его разсказамъ, это недостатокъ обработки. Онъ не даетъ намъ цѣльныхъ картинъ, онъ не развиваетъ свои сюжеты, и несмотря на то, что изображаемыя имъ лица далеко не лишены психологическаго анализа, онъ не даетъ имъ возможности высказаться со всѣхъ сторонъ, обрывая свои разсказы и сообщая имъ такимъ образомъ отрывочный характеръ.

Какими бы качествами ни обладали всѣ упомянутые нами писатели, ни одинъ изъ нихъ, по нашему мнѣнію, не оказалъ такой важной услуги новому направленію, какъ г. Рѣшетниковъ. Никто изъ нихъ такъ глубоко не захватываетъ жизни русскаго народа, никто изъ нихъ не открываетъ съ такимъ знаніемъ, съ такою неподдѣльною истиною внутреннихъ

сторонъ этой жизни, никто не доходитъ до такого драматизма, до такихъ трагическихъ положеній въ своемъ простомъ, пожалуй слишкомъ простомъ, неряшливомъ даже изображеніи, какъ г. Рѣшетниковъ. Другіе писатели преимущественно останавливаются на внѣшнихъ сторонахъ народнаго быта, или, если и случается имъ затрогивать его глубокія, чувствительныя струны, то они дѣлаютъ это только небольшими картинками, этюдами отдѣльныхъ, частныхъ случаевъ, между тѣмъ какъ г. Рѣшетниковъ задался трудною задачею вставить картину народнаго быта въ широкую раму и нарисовать эту картину такъ, чтобы въ ней какъ нельзя болѣе просто, безъ всякой утрировки, и вмѣстѣ какъ нельзя болѣе драматично, отразилась обыденная жизнь простого русскаго люда, выраженнаго въ нѣсколькихъ удачно намѣченныхъ типахъ. Онъ представилъ эту жизнь во всей ея ужасающей матеріальной и еще болѣе нравственной нищетѣ, вывелъ довольно законченныя и цѣльныя фигуры и бросилъ свѣтъ въ ту кромѣшную тьму, въ которой бьется и будетъ безсильно биться русскій народъ до тѣхъ поръ, пока въ нашу жизнь не войдутъ дѣйствительнымъ, а не внѣшнимъ только, образомъ живительные элементы европейской цивилизаціи.

Указывая на общія достоинства произведеній г. Рѣшетникова, мы должны бы, можетъ быть, остановиться также и на общихъ недостаткахъ его таланта, которые заключаются въ поразительномъ неумѣніи распоряжаться своимъ матеріаломъ, въ отсутствіи удачной концепціи и въ томъ невыработанномъ слогѣ, которымъ пишетъ г. Рѣшетниковъ; но мы охотно сознаемся въ нашей склонности не настаивать на недостаткахъ писателя, и останавливаться охотно на его хорошихъ качествахъ. Склонность эта въ русской литературѣ простительнѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было; такъ какъ у насъ, несмотря на то, что мы могли бы пользоваться хорошими примѣрами, которые намъ были даны въ этомъ отношеніи Бѣлинскимъ и Добролюбовымъ, подъ критикою разумѣется главнымъ образомъ порицаніе, хула, даже брань писателя, а вовсе не добросовѣстный разборъ его произведеній. Кто же не знаетъ, что порицать, хулить что бы то ни было несравненно легче, чѣмъ опредѣлять и выставлять въ настоящемъ свѣтѣ смыслъ и достоинства извѣстнаго произведенія. Мысль эта намъ приходитъ на умъ по поводу прочтеннаго нами недавно разбора сочиненій г. Рѣшетникова въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ. Пріемъ подобной критики чрезвычайно простъ: вырвать изъ сочиненій какого-нибудь автора одно изъ менѣе удачныхъ произведеній, выхватить затѣмъ изъ этого произведенія какую-нибудь страницу, мы допускаемъ, даже дурно

написанную, приправить все это бранными выраженіями, и вотъ критика на того или другого писателя готова. Такимъ образомъ можно «смѣшать съ грязью», какъ это дѣлается въ этой критикѣ съ г. Рѣшетниковымъ, рѣшительно всякаго писателя, будь онъ двадцать разъ Пушкинъ, Лермонтовъ, или Гоголь. Въ каждомъ изъ нихъ можно отыскать слабыя стороны, слабыя произведенія; но какова же будетъ критика и каковъ будетъ критикъ, если онъ возьметъ эти слабыя стороны и не коснется тѣхъ, которыя и дѣлаютъ этихъ писателей Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Гоголемъ. Точно также мы недоумѣваемъ, возможно-ли, сохраняя полную добросовѣстность, разбирать произведенія г. Рѣшетникова, и не упомянуть ни однимъ словомъ объ его «Подлиповцахъ», объ его послѣднемъ романѣ «Гдѣ лучше?» и ограничиться указаніемъ на тѣ изъ его повѣстей, которыя принадлежатъ къ произведеніямъ самымъ слабымъ. Нѣтъ, обязанность критика состоитъ гораздо больше въ разъясненіи смысла произведенія, въ освѣщеніи его задачи, хорошихъ сторонъ писателя, чѣмъ въ нападеніи на тотъ или другой изъ его недостатковъ. Тотъ же критикъ вопрошаетъ Тургенева, какъ могъ онъ такъ грубо ошибиться, опредѣляя дѣятельность автора «Гдѣ лучше?» словами «трезвая правда г. Рѣшетникова». Нужно ли говорить намъ, что въ этомъ случаѣ ошибается не Тургеневъ, а кто-нибудь другой, и что эти два слова «трезвая правда», отдадимъ справедливость большому критическому чутью нашего извѣстнаго романиста, опредѣляютъ какъ нельзя лучше значеніе г. Рѣшетникова въ русской литературѣ. Да, дѣйствительно, сочиненія г. Рѣшетникова даютъ намъ «трезвую правду», и мы надѣемся, что читатель согласится съ нами, если намъ удастся хоть крупными штрихами представить въ ихъ настоящемъ значеніи произведенія г. Рѣшетникова.

Если мы не ошибаемся, г. Рѣшетниковъ выступилъ на литературное поприще около 1863 года съ своею повѣстью «Подлиповцы», которую онъ назвалъ этнографическимъ очеркомъ. «Подлиповцы» не могли не обратить вниманія на молодого автора, выказавшаго съ перваго же разу оригинальность, силу въ описаніи и драматизмъ въ изображеніи быта почти-что дикихъ людей. Г. Рѣшетниковъ задается задачею въ этомъ разсказѣ представить намъ бытъ людей въ первобытномъ еще состояніи, когда никакія понятія цивилизованныхъ народовъ не коснулись еще ихъ жизни. Задача, безъ сомнѣнія, очень тяжелая, и нужно было много знанія и много таланта, чтобы нарисовать такую картину, и нарисовать ее такъ, чтобы показать читателю эту жизнь не въ однихъ внѣшнихъ проявленіяхъ, а изобразить весь небогатый внутренній міръ

этихъ людей и открыть въ ней всѣ тѣ человѣческія чувства, которыя впослѣдствіи при своемъ развитіи должны получить только иную форму. Какихъ же именно людей, какіе именно нравы изображаетъ въ «Подлиповцахъ» г. Рѣшетниковъ? Онъ беретъ для своего разсказа восточную часть Россіи, описываетъ тамъ деревню, гдѣ живетъ собственно не русское населеніе, но тѣмъ не менѣе входящее въ составъ русскаго государства, составляющее такъ-сказать часть этого великаго «цѣлаго». «Живутъ въ этой деревнѣ, опредѣляетъ авторъ, государственные крестьяне, Чудиновской волости, Чердынскаго уѣзда, какихъ много въ сѣверной части этого уѣзда, но еще бѣднѣе прочихъ крестьянъ». Бѣдность—понятіе относительное, точно также какъ и богатство, и потому вѣроятно, чтобы читатель не могъ сомнѣваться, какого рода была бѣдность описываемаго имъ населенія, г. Рѣшетниковъ пишетъ: «Настоящій хлѣбъ ѣдятъ рѣдкіе съ мѣсяцъ въ годъ, остальное время всѣ ѣдятъ мякину съ корой и отъ этого у нихъ является лѣнь къ работѣ, болѣзнь, и часто всѣ подлиповцы лежатъ больные, сами не зная, что съ ними дѣлается, а только ругаются и плачутъ». Полно, возможно ли, хочется спросить автора, чтобы среди насъ въ русскомъ царствѣ, въ русскомъ государствѣ, которое, какъ утверждаютъ иные, чуть не обогнало въ своемъ развитіи всю остальную Европу, существовала такая варварская нищета, и главное, не какъ бѣдствіе, не какъ исключеніе, а какъ самое обыкновенное явленіе, какъ правило въ одной части имперіи? Этой варварской нищетѣ отвѣчаетъ и степень нравственнаго ихъ развитія; молятся подлиповцы чучеламъ, молятся солнцу, молятся лунѣ, «и дождь, и снѣгъ, и молнія—все Богъ» для нихъ. Жили же люди и ничего не знали кромѣ своей деревни, знали правда, разсказываетъ авторъ, что есть городъ Чердынь, а есть ли что-нибудь за Чердынью—«дѣло темное». Пріѣзжалъ впрочемъ къ этимъ людямъ священникъ, «толковалъ о Богѣ», они ничего понять не могли, но образа имѣли, прятали ихъ подъ лавку, и вынимали только тогда, когда наѣзжалъ священникъ. Изъ боязни они крестились, изъ боязни вѣнчались, изъ боязни возили къ попу своихъ покойниковъ. Пріѣзжалъ къ нимъ также и становой; обложили ихъ податью, но результатъ получился только тотъ, что съ каждымъ днемъ недоимки на подлиповцахъ все растутъ, да растутъ. «Подлиповцевъ нельзя винить ни въ чемъ: они глупы, необразованы, но кто ихъ вразумитъ, куда они пойдутъ». Въ самомъ дѣлѣ, вразумить этотъ людъ некому, всѣхъ они боятся, попъ пріѣзжаетъ къ нимъ, требуетъ съ нихъ денегъ, нѣтъ денегъ, дай корову, лошадь, что хочешь, да дай; становой пріѣзжаетъ, требуетъ податей... другихъ отношеній государство къ нимъ не имѣетъ.

Люди родятся и умираютъ полудикими. Вотъ изъ какой среды беретъ г. Рѣшетниковъ своихъ героевъ. Понятно, что повѣсть, подобная «Подлиповцамъ», должна имѣть болѣе или менѣе исключительный характеръ, потому что тутъ описывается не совсѣмъ русскій народъ, не совсѣмъ русскіе нравы, не совсѣмъ русская жизнь. Довольно и того, что люди эти живутъ въ Россіи, именуются «русскими», а потому самому имѣютъ къ намъ, нужно сказать, очень близкое отношеніе. Вслѣдствіе этого близкаго отношенія къ намъ, «Подлиповцы, несмотря на свою исключительность, возбуждаютъ въ насъ сильный интересъ, и читая эту страшную картину нравовъ, мы счастливы, что отъ времени до времени можемъ утѣшать себя фразою: да вѣдь въ концѣ концовъ это не русскіе. Но тотъ самый процессъ, что мы вынуждены утѣшать себя подобною фразою, доказываетъ уже, что въ этомъ утѣшеніи есть что-то фальшивое, натянутое, какъ будто бы мы не имѣли даже права утѣшать себя подобнымъ образомъ. Можетъ быть, это и не «братья-славяне», но тѣмъ не менѣе это просто братья, и потому утѣшаться, по поводу ихъ матеріальной и умственной нищеты, нельзя ничѣмъ.

Но что, спроситъ насъ читатель, незнакомый съ «Подлиповцами», могъ найти г. Рѣшетниковъ въ этой средѣ, какихъ героевъ могъ онъ выкопать здѣсь, развѣ люди въ подобномъ состояніи имѣютъ какую-нибудь опредѣленную физіономію, развѣ встрѣчается здѣсь какое-нибудь разнообразіе въ лицахъ, въ характерахъ, развѣ подобный бытъ не представляетъ сплошной, безличной массы? Г. Рѣшетниковъ своими «Подлиповцами» доказалъ противное, онъ съумѣлъ изъ этой среды выбрать себѣ героевъ, и нарисовалъ намъ два рѣзко очерченныхъ типа, которые поражаютъ насъ своею жизнію, своею правдою, которую мы инстинктивно чувствуемъ въ нихъ. Эти два типа, созданные твердою рукою, изъ которыхъ одинъ — Пила, представляетъ собою болѣе развитой, болѣе сильный характеръ, другой — Сысойка, болѣе слабый и мягкій, нѣсколько женственный, доказываютъ, какъ глубоко умѣетъ чувствовать и понимать человѣческую природу г. Рѣшетниковъ. Подъ этою дикою корою несравненно труднѣе доискаться до истинныхъ человѣческихъ чувствъ, чѣмъ въ средѣ болѣе нравственно развитой. Гаврило Гаврилычъ Пилинъ, или, какъ его называли подлиповцы, Пила, вмѣстѣ съ энергическимъ и сильнымъ характеромъ сохранялъ въ себѣ необыкновенную нѣжность и любовь къ ближнему — чувства, которыя не всегда, даже и очень рѣдко, встрѣтишь и въ образованномъ человѣкѣ. Только внѣшность его, наружная рѣчь его была часто груба; но за то подъ этою оболочкою таи-

лось желаніе и стремленіе помочь не только своимъ роднымъ, но и всякому, находящемуся въ дурномъ положеніи человѣку. Въ дурномъ же положеніи находилась вся деревня Подлинная, а потому Пила старался какъ-нибудь облегчить участь своихъ сосѣдей. Но какъ облегчить участь людей, которые не понимаютъ необходимости работать, трудиться для своего существованія? а такого пониманія не было у подлиповцевъ. Одинъ Пила понялъ, что «ничего не дѣлая жить нельзя», и потому онъ не только самъ сталъ работать, ѣздить въ городъ для продажи настрѣленной дичи и другихъ товаровъ, но заставлялъ работать и подлиповцевъ. «Своимъ подлиповцамъ онъ помогалъ чѣмъ только могъ», но главная помощь заключалась въ томъ, что Пила преподавалъ имъ самыя основныя начала общественной жизни. «Работайте, что сидите», говорилъ Пила, и подлиповцы работали; «косите траву», говорилъ онъ, и подлиповцы косили, а не скажи имъ этого Пила, подлиповцы сами и не догадались бы. До этихъ необходимыхъ условій жизни Пила дошелъ отчасти своимъ умомъ, отчасти благодаря тому, что видѣлъ высшую степень «цивилизаціи» въ сосѣднемъ городѣ Чердынѣ. Другой типъ въ разсказѣ г. Рѣшетникова представляется съ первыхъ же страницъ также ясно очерченнымъ, какъ и характеръ Пилы. Сколько въ послѣднемъ силы воли, энергіи, столько же въ первомъ апатіи, слабости, младенческой простоты. «Сысойка былъ самый бѣдный въ деревнѣ и рѣдко бывалъ здоровымъ». Вся дѣятельность Сысойки или Сысоя Степановича Сысоева ограничивалась плетеніемъ лаптей, да тѣмъ еще, что онъ помогалъ Пилѣ искать лекарственныя травы, ѣздилъ съ нимъ въ село и городъ, однимъ словомъ жизнь свою онъ прицѣпилъ къ жизни Пилы. Отношенія между этими двумя лицами были самыя тѣсныя, до такой степени тѣсныя, что, «если Пила хворалъ, да Сысойка былъ здоровъ, Сысойкѣ казалось, что и онъ хвораетъ». Пила, какъ стоявшій выше по своему развитію, представлялъ и несравненно бо́льшую цѣльность характера; во всѣхъ своихъ отношеніяхъ, къ своему семейству, къ своему другу Сысойкѣ, и ко всѣмъ окружающимъ, онъ всегда почти былъ ровенъ, и если случалось ему бить землю, «какъ лошадь, чѣмъ попало», то только въ минуты особенной злости. Дочь свою онъ любилъ, сыновей Ивана и Павла пріучалъ работать и вообще что́ называется былъ хорошимъ семьяниномъ. Сысойка же, хотя и болѣе слабый и мягкій, былъ не таковъ. Любилъ онъ только Пилу, да его дочь, съ которою вмѣстѣ росъ и потомъ сдѣлался ея любовникомъ, къ семьѣ же своей, къ старухѣ матери, да къ брату, да сестрѣ не чувствовалъ ничего подобнаго; напротивъ даже, по отношенію къ нимъ у него явля-

лась жестокость, смысла которой онъ собственно вовсе не понималъ. Ему хотѣлось поскорѣй отдѣлаться отъ матери и маленькихъ дѣтей, для того, чтобы совсѣмъ уже жить съ дочерью Пилы, и онъ желая ихъ смерти, билъ, ѣсть не давалъ, а убить ихъ все-таки ему было жаль. Опредѣленіе ихъ общихъ характеровъ, ихъ пониманія жизни, семейныхъ отношеній сдѣлано г. Рѣшетниковымъ съ такимъ знаніемъ и умѣніемъ, что постоянное противорѣчіе въ этихъ первобытныхъ натурахъ нисколько не поражаетъ и не кажется фальшивымъ. Тутъ страшная жестокость, тамъ непонятная нѣжность и сила теплаго чувства; все это вяжется въ этихъ двухъ фигурахъ и какъ нельзя болѣе представляется намъ совершенно естественнымъ въ нихъ.

Нужно посмотрѣть, какимъ образомъ въ этихъ полудикихъ людяхъ выражается грусть, отчаяніе, чтобы понять, какъ вѣрно схватываетъ г. Рѣшетниковъ душевныя движенія своихъ героевъ. Какъ ни страшна и невѣжественна эта жизнь, какъ ни велика грубость и дикость ихъ нравовъ, ни разу во всемъ разсказѣ г. Рѣшетниковъ не вызываетъ насмѣшки или даже невольнаго смѣха надъ этою грубостію, надъ этимъ невѣжествомъ. Кто бы ни читалъ этотъ разсказъ, какъ бы мало читатель ни былъ приготовленъ сочувствовать этому несчастному люду, никто не въ состояніи, намъ кажется, по крайней мѣрѣ, противиться тому тяжелому и необычайно грустному чувству, которое производятъ этотъ Пила и этотъ Сысойка своимъ нечеловѣческимъ положеніемъ. Сколько въ этихъ нравахъ и въ этихъ людяхъ есть такихъ сторонъ, которыя такъ и просятся подъ насмѣшку, сколько жизнь ихъ представляетъ такого, что, разсказанное безъ теплаго участія вообще къ людямъ, вызывало бы не болѣе какъ веселую улыбку. Мы полагаемъ, что нѣкоторые изъ нашихъ народныхъ писателей, привыкшихъ рисовать только внѣшнія стороны жизни, а не углубляться до ея внутренняго смысла, достигли бы именно такого только результата. Заслуга же г. Рѣшетникова и заключается въ томъ, что, передавая дикость и невѣжество, доведенное до крайнихъ предѣловъ, до которыхъ не доходилъ ни одинъ изъ другихъ писателей того же направленія, онъ рисуетъ ихъ съ такою же вѣрностію, съ такою же правдою, съ тою только разницею, что правда эта пробирается гораздо глубже, доходитъ до самыхъ скрытыхъ сторонъ человѣческой природы, на какой бы ступени развитія она ни стояла.

Конечно, по Пилѣ и Сысойкѣ нельзя судить о положеніи русскаго народа, объ этомъ нечего и говорить, но можно судить о томъ, какъ трудно выбираться людямъ изъ невѣжественныхъ дебрей, какъ мало люди находятъ поддержку внѣ себя,

чтобы преодолѣть свою непомѣрную грубость. Если бы условія общей жизни были иныя, если бы кругомъ подобныхъ людей шла на самомъ дѣлѣ жизнь, основанная вовсе на другихъ началахъ, тогда Пилѣ и Сысойкѣ далеко не такъ трудно было-бы превратиться въ смышленый народъ. Человѣческія чувства живутъ въ нихъ, но ничто только не способствуетъ ихъ развитію. Посмотрите, какъ просто описываетъ г. Рѣшетниковъ эти человѣческія чувства и вмѣстѣ какія тяжелыя мысли нагоняетъ онъ на читателя, показывая ему, что дѣлаютъ люди, стоящіе по своему положенію и по своему развитію выше героевъ «Подлиповцевъ» для того, чтобы вывести ихъ изъ полудикаго состоянія. Умерли маленькій братъ и маленькая сестра Сысойки: убиты они были камнемъ, отвалившимся отъ печи, гдѣ спали ребята; повезъ хоронить ихъ Пила, но не тутъ-то было. Подлиповцы, питавшіеся корою, показались должно быть слишкомъ зажиточными людьми, и вотъ стали стращать ихъ становымъ и потребовали отъ Пилы единственной его коровы, которая кормила и его семью и семью Сысойки. «Пилѣ все теперь опротивѣло, проклялъ онъ свою жизнь, долго билъ свою лошадь, самъ не зная за что», подумалъ, подумалъ Пила и отправился въ городъ добывать себѣ пропитаніе. Сталъ Пила приглядываться къ людямъ, прислушиваться къ тому, что они говорятъ, и въ первый разъ блеснула у него въ головѣ мысль, не покинуть ли Подлипной, не пойти ли искать по-бѣлу свѣта «богачества». И раньше видѣлъ уже въ городѣ Пила мужиковъ, которые ходятъ бурлачить, и раньше слышалъ про «богачество», но раньше Пила «не вѣрилъ мужикамъ, говорящимъ про богачество, и не спрашивалъ, что такое бурлачество; теперь ему опротивѣла жизнь, мужики раззадорили его: не лучше ли бурлачить? спросилъ самъ себя Пила». Вотъ какъ западаетъ въ голову подлиповца первая мысль о томъ, что не хорошо жить, такъ какъ прежде онъ жилъ, что нельзя ли найти что-нибудь получше—и Богъ знаетъ сколько времени не пришла бы ему эта мысль въ голову, если бы священникъ, запугивая его становымъ, не отнялъ у него корову. Конечно, отнять у мужика корову, это странное средство способствовать развитію мужика, но какъ видно, и оно иногда удается. Нужда пляшетъ, нужда... Возвращается Пила въ Подлипную и все думаетъ: идти ему бурлачить или не идти? Натура его возмущается противъ прежней жизни, онъ, подъ вліяніемъ отнятой коровы, страха передъ становымъ, разсказовъ о «богачествѣ» мужиковъ, начинаетъ чувствовать отвращеніе къ своей деревнѣ и нѣкоторую злобу на подлиповцевъ, «надоѣли подлиповцы; пусть помираютъ, мнѣ не пособить».

Въ развитіи чувства ожесточенія противъ прежней жизни, въ желаніи попробовать чего-нибудь другого, въ пробужденіи Пилы, въ его озлобленіи на людей, на украденную корову, на священника, на станового, г. Рѣшетниковъ выказалъ много психическаго анализа, точно также, какъ много неподдѣльнаго чувства въ описаніи горя, которое поразило Пилу и Сысойку — смерти Апроськи, дочери перваго и любовницы послѣдняго. Послѣ того, что Пила рѣшился оставить Подлипную, послѣ того, что протестъ вызвался у этого невѣжественнаго человѣка въ сильной озлобленной формѣ, онъ сказалъ себѣ: «уйду же я, уйду! Ужъ не поклонюсь я болѣ никому, не дамъ коровы... и станового теперь не боюсь...»; онъ почувствовалъ въ первый разъ какое-то довольство. Спокойно пошелъ въ деревню Пила, желая взять съ собою Сысойку и Апроську и отправиться вмѣстѣ бурлачить, потому что безъ Сысойки и Апроськи жизнь казалась ему невозможною. Грубая натура Пилы способна была испытывать сильныя привязанности. «Живы ли Сысойка и Апроська?» сказалъ онъ себѣ разъ, проснувшись. «Сердце дрогнуло у Пилы: а что если померли?.. Пила не могъ придумать, что будетъ съ нимъ, если помрутъ Апроська и Сысойка. Онъ только и придумалъ: «а пошто я-то не помру? Я-то на што живу»... Въ первый разъ въ жизни, Пила почувствовалъ сильное горе. Его мучила не корова, а Сысойка и Апроська...» Обстановка, въ которую поставлены герои г. Рѣшетникова, до такой степени некрасива, что подчасъ хочется отказаться вѣрить, чтобы она была возможна въ нашъ цивилизованный вѣкъ и въ нашемъ цивилизованномъ государствѣ. Но какъ возможно не вѣрить, когда авторъ, слѣдя шагъ за шагомъ за своими подлиповцами, заставляетъ присутствовать васъ при такихъ раздирающихъ сценахъ, при такихъ картинахъ этой получеловѣческой по наружности жизни, что вглядываясь, вдумываясь въ нихъ, поневолѣ говоришь себѣ: нѣтъ, сцены эти, характеры до такой степени естественны, въ нихъ слышится такая правда, что авторъ долженъ былъ видѣть, что-нибудь очень похожее на описываемое, иначе неизбѣжно въ нихъ чувствовалась бы фальшь. Вошелъ Пила въ избу Сысойки и засталъ тамъ лежащій на печкѣ холодный уже трупъ матери Сысойки. «Пила струсилъ старухи, соскочилъ съ полатей, плюнулъ на печку и убѣжалъ на улицу...» Дома у себя Пилу ожидала другая сцена. Не успѣлъ онъ войти въ избу, какъ жена его Матрена набросилась на него: «Што дьяволъ!.. Всѣхъ насъ уморить, что ли, захотѣлъ? Вонъ Апроська-то померла!.. Пилу какъ обухомъ кто ударилъ по головѣ, онъ ротъ разинулъ и тупо смотрѣлъ на печку, гдѣ сидѣлъ Сысойко, блѣдный и такой сердитый...» Нужно

отдать справедливость г. Рѣшетникову, что онъ съ большою простотою рисуетъ намъ драму этой полудикой жизни, и нужно большое дарованіе, чтобы заставлять трепетать самыя чувствительныя человѣческія струны подъ грубой корою подлиповцевъ. Г. Рѣшетниковъ описываетъ и эту грубость, и кроющееся въ ней рядомъ чувство такъ, что никому не придетъ на умъ сказать: это идеализація, въ этихъ натурахъ ничего подобнаго не бываетъ! Чувство это поражаетъ по внутренней своей силѣ, но оно выражается, какъ и должно быть, въ чрезвычайно грубой формѣ, и тѣмъ производитъ еще бо́льшее впечатлѣніе. Что дѣлаетъ Пила, когда узнаётъ о смерти Апроськи, своей любимой дочери? «Ударилъ онъ жену и полѣзъ на печку», вотъ какъ выражается горе Пилы; онъ хочетъ сорвать на комъ-нибудь свою досаду и потому бьетъ свою жену, но рядомъ съ этимъ слезы подступаютъ уже къ его горлу и онъ только хочетъ убѣдиться, умерла ли на самомъ дѣлѣ его Апроська». На полатяхъ лежала Апроська. Она была такая же, какъ и двѣ недѣли тому назадъ, только не дышала. Пила не вѣрилъ, что она умерла, сталъ онъ ее толкать, она не шевелится...» Убѣдившись, что Апроська умерла, Пила «взвылъ, убѣжалъ на улицу, забрался въ стойку и долго тамъ плакалъ». Пила, какъ натура болѣе сильная, долженъ былъ мужественнѣе перенести горе; поревѣвши нѣкоторое время, онъ «вскочилъ какъ бѣшеный и сказалъ самъ себѣ: что я за чучело? Что мнѣ жить-то? пойду изъ Подлипной, наплюю на ихъ всѣхъ...», и рѣшился тогда во что бы то ни стало идти бурлачить. Но «наплевать» на всѣхъ Пилѣ было не такъ легко, онъ былъ привязанъ къ Сысойкѣ, къ своимъ сыновьямъ, и потому бросить ихъ ему было бы не легко. На Сысойку смерть его любовницы произвела вовсе другое впечатлѣніе, хотя болѣе или менѣе выразившееся въ той же формѣ. Долго Сысойко не могъ постичь: какъ такъ могла умереть Апроська? Смерть, казалось, въ первый разъ представилась въ ея загадочномъ характерѣ слабому уму Сысойки. Прежде умирали другіе, умеръ отецъ, мать, братъ, сестра, а онъ не очень задумывался,—ну, умерли, и все тутъ; но смерть Апроськи, его любовницы, была чѣмъ-то особеннымъ для него, «онъ не плакалъ, а видно было, что его страшно мучило горе», и онъ задавалъ себѣ вопросъ: «онъ-то зачѣмъ не померъ»? Очевидно, Сысойкѣ трудно было помириться съ мыслію, что Апроська отнята у него, и отнята навсегда. Сысойка все думалъ только о томъ, что хорошо было бы и ему умереть; мысль эта впрочемъ являлась и у Пилы, и вотъ какъ рисуетъ г. Рѣшетниковъ и ихъ мысль о смерти, и кризисъ въ ихъ горькой доли:

— Пила, заруби меня? сказалъ Сысойко.

— Э!.. ты заруби.

Оба они думали о смерти; но все-таки обоимъ имъ казалось страшно умереть, обоимъ хотѣлось еще пожить...

— Поѣдемъ Сысойко!.. Поѣдемъ, говорилъ Пила.

— Куда къ лѣшимъ?

— Бурлачить.

— Убей меня!..

— Богачество тамъ... Ну, что въ деревнѣ? Апроськи нѣтъ! Эхъ горе! Пила заплакалъ.

Сысойко изругался, въ ругани онъ хотѣлъ излить все зло на эту жизнь,—на все, чего онъ не понималъ...

— Пойди ты въ Подлипную... Ну что тамъ? помремъ.

— Пойдемъ Пила, пойдемъ, братанъ... Эхъ, Пила!

Горе обоихъ было велико. Для обоихъ міръ этотъ казался тяжелымъ, невыносимымъ. У нихъ не было отрады. При всей бѣдности, безъ Апроськи, они думали: какъ жить теперь?

— Пойдемъ вмѣстѣ, сказалъ Сысойко... Веди, а въ Подлипную шабашъ!

— Ужъ ты иди, не отставай... Сысойко! умри ты — бѣда мнѣ...

— Мнѣ тоже...

Тутъ, собственно говоря, оканчивается первая часть разсказа «Подлиповцы». Послѣ стрясшагося надъ ними горя, взялъ Пила свою жену, дѣтей и вмѣстѣ съ Сысойкой отправились въ городъ, чтобы идти оттуда бурлачить. Хотя г. Рѣшетниковъ и продолжалъ первую часть гораздо дальше, рисуя въ ней же, какъ наши «Подлиповцы» пришли въ городъ, какъ на другой же день подрались они съ мужиками и попали въ полицію, гдѣ быстро познакомились они со всѣми порядками благоустроеннаго государства, тѣмъ не менѣе эта часть уже рѣзко отличается отъ начала разсказа и, по нашему мнѣнію, отличается не къ выгодѣ всего остального. Въ продолженіи разсказа нѣтъ уже той силы, которую мы видимъ въ первой половинѣ, многое растянуто, много встрѣчается повтореній, утомительныхъ подробностей, но главныя фигуры Пилы и Сысойки сохраняютъ все-таки всю свою выдержанность. Первые плоды цивилизаціи Пила и Сысойко вкушаютъ въ полиціи, на судебномъ слѣдствіи, гдѣ они впервые узнаютъ о какихъ-то «паспортахъ», и затѣмъ главнымъ образомъ въ острогѣ, куда ихъ засадили вмѣстѣ со всѣми другими арестантами. Подлиповцы довольно скептически относились къ тому, что имъ говорили о лицахъ болѣе высокихъ, нежели ихъ сельскій попъ и становой, удивлялись, что имъ даютъ даромъ хлѣбъ и настоящій хлѣбъ, но не понравилось имъ, когда они уразумѣли, что находятся подъ судомъ. Освободились наконецъ отъ преслѣдованій наши подлиповцы, и отправились они въ дальній путь наниматься въ бурлаки. Г. Рѣшетниковъ описываетъ чрез-

вычайно подробно, какъ дѣйствуютъ на подлиповцевъ ихъ первыя сношенія съ людьми, новыя мѣста, новыя чудеса, какъ поражаются они различными диковинками въ видѣ соляныхъ варницъ, пароходовъ, какъ дѣйствуетъ все, что они видятъ и слышатъ, на ихъ неприготовленные умы. Скоро подлиповцы увидѣли и другихъ людей въ такомъ же положеніи, какъ они, и другихъ точно также, какъ и подлиповцевъ «нужда, бѣдность края, неумѣніе работать заставили ихъ покинуть свои семьи и идти въ бурлаки съ такимъ же убѣжденіемъ, какъ шли подлиповцы и ихъ товарищи. Каждому, какъ видно, опротивѣла родная сторона; хочется чего-то хорошаго, хочется раздолья, хочется хорошо поработать, хорошо поѣсть, хорошо поспать...» Пила остается попрежнему руководителемъ подлиповцевъ, Сысойки, Павла, Ивана, но недолго. Сыновья Пилы, какъ люди молодые и потому болѣе воспріимчивые, скоро въ своемъ развитіи обогнали отца. Отвѣдавъ сладкаго, они не хотятъ больше горькаго и потому говорятъ: «уже мы туда не пойдемъ, показывая рукой на ту сторону, откуда они пришли». Наконецъ, послѣ далекихъ странствованій, нанялись подлиповцы въ бурлаки.

Во второй части «Подлиповцевъ» г. Рѣшетниковъ описываетъ намъ жизнь бурлаковъ, куда стремились такъ Пила и Сысойко, чтобы добыть себѣ «богачество», и какъ ни тяжела эта жизнь, все-таки для подлиповцевъ, по крайней мѣрѣ сначала, она казалась какимъ-то праздникомъ послѣ ихъ жизни въ Подлипной. Немногое въ прежней жизни оставило имъ по себѣ хорошую память, и только изрѣдка скажетъ Сысойко: «все бы Апроську надо», и Пила отвѣтитъ ему, задумавшись: «надо бы». Трудно было понять подлиповцамъ, что имъ нужно дѣлать, тяжела показалась работа, но дѣлать нечего, должны были привыкать. Бурлаки «то-и-дѣло нагибаютъ спины, наклоняются, поднимаются, шлепаютъ тяжелыми, усталыми ногами, думаютъ что-то, вѣроятно, объ томъ: ахъ бы лечь, да отдохнуть.... Рубашки смокли, прильнули къ горячему тѣлу, по бородамъ текутъ крупныя потныя капли и падаютъ то на весла, то на рукавицы.... А барку несетъ бокомъ; лѣса, поля, деревни, люди — все и все куда-то несетъ. Эхъ ты жизнь, жизнь горе-горькая! Только одно солнышко стоитъ на одномъ мѣстѣ, ласково такъ смотритъ на міръ Божій, да и то ненадолго, возьметъ да и спрячется за сѣрыя тучи, словно дразнится....» Много простоты есть въ тѣхъ описаніяхъ природы, которыя попадаются изрѣдка у г. Рѣшетникова, много задушевности въ описаніяхъ тѣхъ чувствъ, которыя шевелятся въ его герояхъ. Правда, простота эта доходитъ

иногда до сухости, которая прямо вытекаетъ изъ недостаточной литературной отдѣлки разсказа.

Мы не будемъ подробно слѣдить за второю частью «Подлиповцевъ», гдѣ рельефно передана бурлацкая жизнь. Очевидно, что г. Рѣшетниковъ отлично изучилъ бытъ бурлаковъ и разсказываетъ о немъ, рисуетъ его очень живо, хотя иногда и впадаетъ въ повторенія и подробности, которыя только утомляютъ читателя, не прибавляя ничего къ полнотѣ разсказа. Пила и Сысойко видѣли уже много селъ и городовъ, видѣли и слышали много народу, но они попрежнему оставались тѣмъ же, чѣмъ были, имъ хотѣлось только одного: больше хлѣба и дольше спать. Въ то время, когда у Ивана и Павла, этихъ молодыхъ парней, измѣнялось, такъ сказать, міросозерцаніе, когда они входятъ нравственно въ ту болѣе широкую жизнь, куда они попали, Пила и Сысойка продолжаютъ быть чуждыми этой болѣе широкой жизни, хотя они и поняли, что она лучше жизни въ Подлипной, но многимъ ли лучше — вотъ вопросъ, къ разрѣшенію котораго скоро доведены будутъ Пила и Сысойко. Въ большомъ городѣ, куда пристали ихъ барки, съ Пилой и Сысойкой случилась бѣда: потеряли они въ городѣ, въ толпѣ, Ивана да Павла, которые зазѣвались на народъ, въ то время, когда барки должны были уже трогаться съ мѣста. Барки ушли, а сыновья Пилы остались въ городѣ, ихъ не дождался лоцманъ. «Эко горе! Какъ же теперь безъ ребятъ-то! Помрутъ они тамъ», подумали Пила и Сысойко, и жизнь сдѣлалась для нихъ еще скучнѣе. Потерявши сыновей, Пила почувствовалъ страшное одиночество, у него оставался теперь одинъ Сысойко, и это одиночество, эту тоску г. Рѣшетниковъ передаетъ очень хорошо.

Съ каждымъ шагомъ впередъ, Пила и Сысойко становятся для насъ болѣе понятны, болѣе цѣльны, болѣе закончены. Передъ нами, какъ живые, являются эти люди, въ которыхъ не умерли всѣ человѣческія чувства, но которые гибнутъ въ невѣжествѣ, въ дикости, и несмотря на ихъ добрую волю, несмотря на энергію, не находятъ средствъ освободиться отъ своихъ путъ. Они бросаютъ свою деревню, идутъ искать такого мѣста, гдѣ дадутъ имъ больше хлѣба, гдѣ имъ не нужно будетъ питаться корою, идутъ искать себѣ, однимъ словомъ, лучшей жизни, и что же они находятъ? Ихъ дикія понятія замѣняются другими, которыя, собственно говоря, не многимъ менѣе дики, чѣмъ ихъ старыя представленія объ окружающемъ мірѣ, ихъ новая жизнь не многимъ легче той, которую они бросили съ ожесточеніемъ. Причину того нужно искать уже не въ исключительномъ положеніи Пилы и Сысойки, а въ общемъ положеніи той среды, куда они попадаютъ.

Пила уже начинаетъ догадываться, что мало прока будетъ имъ отъ всего ихъ труда, «какъ прежде жили, такъ и теперь придемъ безъ всего», говоритъ онъ, а Сысойко только прибавляетъ: «пто дѣлать!... вотъ-те и бурлачество!» Договариваются они до того, что спрашиваютъ, какъ спрашивали и въ началѣ разсказа, зачѣмъ они родились на свѣтъ Божій? Какъ мрачно и тяжело началась жизнь Пилы и Сысойки, также мрачно и тяжело оканчивается она въ разсказѣ г. Рѣшетникова. «Идутъ бурлаки часа четыре, то по колѣна въ водѣ, то по болотистому берегу, то перескакиваютъ черезъ ручейки, переходятъ горки. Всѣ устали, измучились, какъ загнанныя лошади, у всѣхъ пересохло горло. Всѣ молчатъ уже съ часъ. Пила идетъ впереди, Сысойко рядомъ, Елка и Морошка позади ихъ. Пила и Сысойко страшно исхудали и походятъ на мертвецовъ. Они цѣлую недѣлю пролежали въ суднѣ, теперь немного поправились, и хотя едва-едва переступаютъ ногами, хотя у нихъ кружатся головы, лоцманъ заставилъ-таки ихъ тащить судно». Такъ идетъ жизнь героевъ г. Рѣшетникова, и чѣмъ дальше читаешь этотъ страшный, страшный по своей простотѣ, разсказъ, тѣмъ болѣе соглашаешься съ самимъ Пилою, спрашивающимъ себя: «пошто родились мы?» Родились они для того, можно отвѣтить, чтобы всю жизнь маяться, искать, въ силу того, что въ натурѣ человѣка лежитъ всегда стремленіе къ лучшему, исхода изъ этой жизни, и въ концѣ концовъ не находить его, потому что они даже и понять не могутъ, гдѣ кроется это лучшее. Драматическому разсказу г. Рѣшетникова какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ развязка, конецъ его, въ которомъ мы присутствуемъ при смерти этихъ двухъ несчастныхъ людей, этихъ двухъ типовъ дикаго, загнаннаго народа. Тянули бурлаки барку, ставшую на мель, бичевка лопнула, всѣ бурлаки упали, въ томъ числѣ Пила и Сысойко. Сцена эта такъ сильно написана, въ ней столько поражающей простоты, она такъ хорошо опредѣляетъ манеру г. Рѣшетникова, что мы рѣшаемся выписать ее цѣликомъ.

Пила и Сысойко лежатъ безъ чувствъ въ разныхъ сторонахъ, облитые кровью. Бурлаки окружили ихъ и стали смотрѣть. Пила разбилъ лобъ, переломилъ лѣвую ногу... Сысойко разбилъ грудь..

Всѣ запечалились.

— Померли! родимые...

— Эхъ-ма! Вотъ-те и жизь!... Охъ-хо-хо! и бурлаки утираютъ черными, жесткими ладонями глаза...

Пилу и Сысойка накрыли полушубками и отошли прочь.

Пришлылъ на берегъ одинъ лоцманъ съ бурлаками. Всѣ погоревали, долго судили: что дѣлать съ Пилой и Сысойкомъ, и рѣшили свезти ихъ въ деревню. Пилу и Сысойка положили на рогожи, завернули рогожами, приплавили въ ши-

тикѣ на судно и тамъ положили на палубѣ. Бурлаки не отходили отъ нихъ, обмыли водой обоихъ и положили такъ, какъ мертвыхъ. Сысойко пришелъ въ чувство, застоналъ, взглянулъ въ лѣвую сторону, гдѣ лежалъ Пила... Лицо Пилы было страшно.

— Пила! простоналъ Сысойко.

— Дай водицы ему, сказалъ лоцманъ одному бурлаку.

Бурлаки почерпнули въ ведро воды и влили въ ротъ Сысойкѣ воду. Тоже сдѣлали и съ Пилой.

Пила пошевелился, но не издалъ звука.

Сысойко смотритъ на Пилу дико. «Пила!» опять стонетъ онъ.

Пила издалъ глухой стонъ.

— Больно? спрашивали Сысойка бурлаки.

Сысойко смотритъ на всѣхъ дико, стонетъ... Вотъ онъ повернулся на бокъ и смотритъ на Пилу. Пила открылъ глаза, пошевелилъ губами и ничего не сказалъ... Потомъ онъ протянулъ къ Сысойкѣ руку и умеръ...

— Померъ...

— Добрый былъ, добрый...

— И мы такъ помремъ... разсуждаютъ бурлаки, чуть не плача.

— Тятька! стонетъ Сысойко.

— И онъ помретъ...

— Сысоюшко! поживи ошшо чуточку! говорятъ Сысойкѣ бурлаки.

Лоцманъ никакъ не могъ заставить бурлаковъ тянуть судно.

— Нетрось! говорятъ — и мы помремъ.

Намъ кажется просто невозможнымъ отказать этой сценѣ въ большомъ мастерствѣ, и мы желали бы, чтобы на нее обратили вниманіе всѣ тѣ, которые не хотятъ признавать за г. Рѣшетниковымъ серьезнаго таланта. Тутъ и останавливается разсказъ г. Рѣшетникова, оставляя по себѣ невѣроятно тяжелое впечатлѣніе. Пила и Сысойко являются передъ нами какъ нельзя болѣе цѣльными фигурами, передъ нами проходитъ во всей простотѣ вся ихъ горькая жизнь, ихъ безвыходное положеніе становится намъ вполнѣ нагляднымъ. Закрывая книгу, мы теряемся и не знаемъ просто, что подумать объ этихъ типичныхъ фигурахъ, объ этой типичной жизни, объ этой мрачной картинѣ, нарисованной съ такою неподдѣльною истиною. Пила и Сысойко исключительныя фигуры, положимъ, но весь вопросъ заключается въ томъ, не существуетъ ли среди насъ такъ много подобныхъ исключеній, что они сами по себѣ могутъ составить правило? не похожи ли условія, среди которыхъ родились и жили Пила и Сысойко, на условія, среди которыхъ живетъ значительная масса русскаго населенія?

Обращаясь къ «Подлиповцамъ», читатель, можетъ быть, спроситъ, что же это въ самомъ дѣлѣ за произведеніе: разсказъ ли, повѣсть, или, наконецъ, правъ самъ авторъ, назвавъ его «этнографическимъ очеркомъ». Безъ сомнѣнія, тѣхъ общепринятыхъ условій, для того, чтобы «Подлиповцевъ» можно было назвать

повѣстью, тутъ нѣтъ. Нѣтъ тутъ никакой интриги, нѣтъ дѣйствія, нѣтъ крупнаго событія, гдѣ бы можно было видѣть, какъ дѣйствуютъ выведенныя лица, какъ обрисовывается въ данномъ случаѣ тотъ или другой характеръ, но тутъ есть то, что важнѣе всего, что стоитъ выше всѣхъ давно принятыхъ условій, тутъ есть изображеніе жизни, и изображеніе правдивое, сдѣланное съ большимъ знаніемъ и глубокою наблюдательностью. Жизнь представляется тутъ въ ея будничномъ свѣтѣ, обыденномъ ходѣ, авторъ не подумалъ даже выбрать въ этой жизни какой-нибудь выдающійся моментъ. Жизнь эта представляется тутъ въ двухъ фигурахъ, находящихся въ исключительно невѣжественномъ положеніи, но фигуры эти движутся и бродятъ среди общаго русскаго населенія. И что̀ при этомъ не можетъ не поражать въ этомъ разсказѣ, это то, что жизнь и понятія этой массы вовсе не таковы, чтобы Пила и Сысойко выдавались на ней чернымъ пятномъ. Нѣтъ, понятія Пилы и Сысойки и понятія этой массы почти-что сливаются въ одно общее. Мы не сомнѣваемся, что «Подлиповцы» много бы выиграли, и значеніе этого, какъ скромно называетъ его авторъ, очерка было бы больше, еслибы вмѣсто той безличной массы, которою онъ окружаетъ своихъ героевъ, были выведены одна или двѣ фигуры, которыя бы захватили въ себя типическія стороны этой массы; одна фигура нѣсколько цѣльная больше знакомитъ насъ съ народомъ, съ его развитіемъ и пониманіемъ, чѣмъ десятки сценъ, гдѣ описываются разговоры толпы. Высказывая такое желаніе, съ которымъ, собственно говоря, можно отнестись ко всѣмъ молодымъ народнымъ писателямъ, мы вовсе не хотимъ сдѣлать упрека г. Рѣшетникову, что онъ не удовлетворяетъ ему въ своихъ «Подлиповцахъ». Многое могло бы быть улучшено въ этомъ разсказѣ, но и такъ, какъ онъ есть, онъ очень хорошъ.

Въ «Подлиповцахъ», по нашему мнѣнію, сказались всѣ существенныя достоинства и существенные недостатки г. Рѣшетникова. Достоинства мы уже видѣли во всемъ томъ, что сказали до сихъ поръ о «Подлиповцахъ», и увидимъ далѣе, говоря о другихъ его произведеніяхъ; что же касается недостатковъ, то мы можемъ ихъ высказать теперь же. Г. Рѣшетниковъ или рѣшительно пренебрегаетъ литературной отдѣлкой, или, что также весьма можетъ быть, онъ просто неспособенъ къ ней. Мы конечно предпочитаемъ, чтобы въ произведеніи стояло на первомъ планѣ содержаніе, но жестоко ошибается тотъ писатель, который думаетъ, что форма ровно ничего не значитъ, что о ней не стоитъ заботиться. Чѣмъ лучше форма, тѣмъ рельефнѣе въ ней отливается содержаніе; форма придаетъ ему крѣпость и силу. Форма

же является у г. Рѣшетникова въ весьма непривлекательномъ, такъ сказать въ первобытномъ видѣ. Трудно сказать, для чего, напр., г. Рѣшетниковъ такъ часто прибѣгаетъ къ выраженіямъ совершенно нелитературнымъ, къ чему онъ такъ щедръ на крѣпкія слова; если онъ полагаетъ, что этимъ онъ передаетъ грубость нравовъ, дикость жизни, то онъ какъ нельзя болѣе заблуждается. Грубость и дикость передаются не словами, а цѣлою картиною нравовъ, изображеніемъ людскихъ понятій, поступковъ, отношеній, которые характеризуются вовсе не отдѣльными грубыми словами. Способъ характеризовать нравы и жизнь сильными выраженіями очень дешевъ, и къ нему не долженъ прибѣгать писатель съ такимъ талантомъ, какъ г. Рѣшетниковъ. Если крѣпкія слова онъ употребляетъ безъ намѣренія, безъ умысла, то мы можемъ только жалѣть, что онъ не замѣчаетъ самъ, какъ они не усиливаютъ, а только ослабляютъ впечатлѣніе. Кромѣ этого упрека, мы укажемъ еще на одинъ недостатокъ г. Рѣшетникова, который относится уже къ самой постройкѣ, къ концепціи его произведенія. Читая г. Рѣшетникова, намъ представляется, что онъ пишетъ безъ строго опредѣленнаго плана, вслѣдствіе чего въ произведенія его вкрадывается бездна лишнихъ, ненужныхъ сценъ, бездна повтореній, которыя одинаково вредятъ общему впечатлѣнію. Еслибы г. Рѣшетниковъ болѣе отдѣлывалъ свои произведенія, какъ въ отношеніи общаго плана, такъ и въ отношеніи деталей; еслибы онъ сжималъ свой разсказъ, опуская все, что прямо не относится къ начерченной имъ задачѣ; еслибы онъ избѣгалъ утомляющихъ повтореній, и болѣе обработывалъ выводимыя имъ фигуры, придавая имъ тѣ тонкія черты, рѣзко отличающія одного человѣка отъ другого, которыя становятся замѣтными, какъ только начинаешь приглядываться къ извѣстному характеру; еслибы при этомъ онъ болѣе наблюдалъ за своимъ слогомъ и постоянно очищалъ его отъ вкрадывающагося въ него по временамъ мусора, тогда, нѣтъ сомнѣнія, произведенія г. Рѣшетникова выиграли бы очень много и производили бы еще болѣе сильное впечатлѣніе чѣмъ-то, которое они производятъ и теперь.

III.

Если всѣ эти недостатки, въ большей или меньшей мѣрѣ мы встрѣчаемъ въ «Подлиповцахъ», также какъ и въ его повѣстяхъ и разсказахъ, собранныхъ недавно въ два большіе тома, то мы находимъ ихъ и въ послѣднемъ, главномъ и лучшемъ его произведеніи,

въ его романѣ «Гдѣ лучше?». Изъ недостатковъ г. Рѣшетникова, которые мы упомянули, въ этомъ произведенiи бросается въ глаза прежде всего одинъ, касающiйся самой постройки, концепцiи романа. Въ немъ точно также какъ и въ другихъ его произведенiяхъ, пожалуй даже еще больше, есть много лишняго, растянутаго, какъ будто авторъ не можетъ схватить сильною рукою своего содержанiя и потому расплывается въ немъ. Если таковъ главный недостатокъ романа г. Рѣшетникова, если въ немъ есть еще и другiе, съ которыми мы встрѣтимся при самомъ его разборѣ, то скажемъ тутъ же, что всѣ эти недостатки искупаются достоинствами, и весьма значительными, послѣдняго произведенiя автора «Подлиповцовъ». Главное достоинство и крайне дорогое, по нашему мнѣнiю, это то, что на этотъ разъ г. Рѣшетниковъ не ограничился изображенiемъ какой-нибудь одной стороны простонародной жизни, не задался мыслiю представить намъ какую-нибудь исключительную фигуру, точно также и не ограничился изображенiемъ пестрой толпы, говоръ которой онъ могъ бы подслушать гдѣ-нибудь на большой дорогѣ или на площади. Мы только тогда можемъ познакомиться близко съ этою толпою, тогда только мы узнаемъ ея характеръ, ея нравы, ея развитiе, существующiя въ ней отношенiя людей между собою, когда мы не только близко подойдемъ къ ней, но когда въ этой безличной толпѣ мы въ самомъ дѣлѣ начнемъ распознавать лица, когда изъ этой толпы выдѣлятся для насъ отдѣльныя фигуры, типы этой толпы, когда эти выдѣлившiяся лица мы увидимъ въ ихъ обыденной жизни, когда мы познакомимся со всѣмъ ихъ матерiальнымъ и нравственнымъ состоянiемъ. Толпа не безлична, она состоитъ изъ отдѣльныхъ индивидуумовъ и до тѣхъ поръ, пока передъ нами не пройдетъ цѣлый рядъ типическихъ индивидуальностей, пока мы не узнаемъ жизни и нравственнаго развитiя этихъ народныхъ типовъ, нарисованныхъ съ знанiемъ и правдивостiю, до тѣхъ поръ мы и не будемъ знать хорошо жизни и развитiя этой толпы, до тѣхъ поръ всѣ наши мечтанiя о величiи русскаго народа и его удивительныхъ способностяхъ и драгоцѣнныхъ качествахъ будутъ ничѣмъ инымъ какъ словами, брошенными на вѣтеръ.

Г. Рѣшетниковъ сдѣлалъ драгоцѣнную попытку изобразить намъ массу русскаго народа, представленнаго нѣсколькими отдѣльными лицами, изъ которыхъ каждое имѣетъ свой характеръ, свою физiономiю, и если на всѣхъ этихъ фигурахъ лежитъ одна общая печать — печать невѣжества, то это уже не вина г. Рѣшетникова, а вина невѣжества, густою корою покрывающаго русскiй народъ. Но виноватъ ли русскiй народъ въ

этомъ невѣжествѣ — это другой вопросъ. Конечно, виноватъ не народъ, а тѣ «историческія причины», которыя сдерживаютъ его развитіе. Стремиться нарисовать типическія фигуры, движущіяся въ обыденной жизни русскаго народа, войти въ самую глубину этой обыденной жизни, проникнуть въ самыя сокровенныя мысли обыденныхъ личностей, схватить въ этихъ людяхъ и въ этой жизни всѣ ихъ драматическіе, чтобы не сказать трагическіе элементы и затѣмъ представить все это въ одной цѣльной и полной картинѣ — такова, кажется намъ, задача, которая должна была занимать г. Рѣшетникова. Была она у него или не была, мы не знаемъ, мы видимъ только ея осуществленіе, тѣмъ болѣе удачное, что это еще первая попытка въ русской литературѣ: написать романъ заимствованный изъ жизни чернаго народа. Кого непріятно поражала грубость нравовъ и невѣжество, изображенныя г. Рѣшетниковымъ въ его «Подлиповцахъ», тотъ могъ, какъ мы уже сказали, утѣшать себя легкою фразою: это не совсѣмъ русскіе! Такого утѣшенія читатель не можетъ найти себѣ при чтеніи новаго романа г. Рѣшетникова, гдѣ изображается уже вполнѣ бытъ коренного русскаго народа, и гдѣ точно также на васъ производитъ потрясающее впечатлѣніе и матеріальная жизнь этихъ людей и низкій уровень ихъ нравственнаго развитія, гдѣ одинаково поражаютъ читателя грубость нравовъ, невѣжественность, но гдѣ точно также вы встрѣчаете человѣческія чувства, глубокія душевныя движенія, которыя еще болѣе возмущаютъ васъ противъ той тьмы, въ которой блуждаетъ народъ.

Если рамка «Гдѣ лучше?» несравненно шире рамки «Подлиповцевъ»; если значеніе одного произведенія г. Рѣшетникова гораздо серьезнѣе значенія другого; если въ одномъ задача крупнѣе и авторъ выказалъ въ немъ высшую степень развитія своего таланта чѣмъ въ другомъ, то въ основаніи обоихъ произведеній г. Рѣшетникова лежитъ одна и та же мысль, оба они построены на одномъ и томъ же положеніи, и даже внѣшняя завязка исходитъ изъ одного и того же мотива. Что мы видимъ въ «Подлиповцахъ?» Люди живутъ въ своемъ краю, проклиная свою жизнь, не имѣя чѣмъ существовать, мечтаютъ о томъ, что должно быть въ другихъ мѣстахъ лучше, что въ другихъ мѣстахъ можно пріобрѣсть себѣ «богачество», такъ какъ тутъ кромѣ нищеты ни до чего не добьешься, и потому рѣшаются покинуть свою сторону, и отправляются искать такого мѣста, гдѣ легче можно было бы добыть себѣ хлѣбъ, гдѣ жизнь была бы отраднѣе и веселѣе. Долго странствуютъ эти люди, отыскивая гдѣ имъ лучше, и наконецъ кончаютъ тѣмъ, что убѣждаются, что вездѣ скверно, и успокоиваются наконецъ только тогда, когда, замученные жиз-

нію и не увидавъ въ ней ни одной радости, умираютъ забитые, какъ умерли Пила и Сысойка. Та же мысль лежитъ и въ основаніи новаго произведенія г. Рѣшетникова. Тутъ точно также Пелагея Прохоровна Мокроносова съ своими двумя братьями Григоріемъ и Панфиломъ, да еще съ двумя мастеровыми Короваевымъ да Горюновымъ, бросаютъ свой край, гдѣ дурно жилось имъ, и отправляются бродить по свѣту, не найдутъ ли такого мѣста, гдѣ въ состояніи они были бы устроить свою жизнь лучше чѣмъ до сихъ поръ. Бросать свою сторону не легко, и жизнь должна сдѣлаться ужъ больно тяжела, чтобы принудить къ тому людей. Но вотъ бросаютъ они ее и отправляются искать такое мѣсто: «гдѣ лучше?» какъ это и объясняетъ самъ авторъ заглавіемъ своего романа. Чѣмъ кончились ихъ поиски лучшаго, мы это скажемъ тогда, когда постранствуемъ вмѣстѣ съ Пелагеей Прохоровной—этимъ самымъ удачнымъ, по нашему мнѣнію, типомъ изъ всѣхъ выведенныхъ лицъ въ романѣ. Куда они теперь направляютъ свой путь—они еще сами не знаютъ, у нихъ есть только рѣшимость бѣжать изъ своей стороны, относительно же будущаго они руководятся чисто русскимъ принципомъ, вылившимся въ словѣ: на авось! Темно для нихъ это будущее и на вопросъ полѣсовщика, встрѣтившагося имъ на дорогѣ и спрашивающаго ихъ: «куда Богъ несетъ?» они отвѣчаютъ только двумя словами: «туда, гдѣ лучше». Вопросъ, гдѣ же это лучше, такъ естественъ, что онъ немедленно представился полѣсовщику.

— «Такъ вы туда, гдѣ лучше! Гмъ!! Гдѣ это такое мѣсто? говорилъ въ раздумьи полѣсовщикъ.

— Искать будемъ».

И съ этими словами «искать будемъ», Пелагея Прохоровна съ братьями, да еще съ Горюновымъ и Короваевымъ отправляются на поиски лучшей жизни. Пелагея Прохоровна—это самое симпатичное лицо въ романѣ и потому прежде всего мы остановимся на этой фигурѣ. Г. Рѣшетниковъ представилъ намъ въ ней простую, хорошую русскую женщину, которая обладаетъ большою энергіею и чрезвычайно возвышенными чувствами, которыя сказываются съ первыхъ страницъ романа. Если бы мы не видѣли по всѣмъ произведеніямъ г. Рѣшетникова, какъ мало способенъ или желаетъ даже идеализировать онъ выводимые имъ типы, то мы, глядя на Пелагею Прохоровну, подумали бы, что авторъ значительно прикрасилъ ее и надѣлилъ такими качествами, которыми въ дѣйствительности Пелагея Прохоровна не обладаетъ.

По поводу этого женскаго русскаго типа нельзя не сдѣлать одного замѣчанія, которое относится вообще ко всей русской литературѣ. Замѣчательно, что всѣ писатели всѣхъ направленій

на первый планъ всегда выставляли женщинъ. Женщина всегда является у насъ стоящею выше мужчинъ, честнѣе, благороднѣе, съ болѣе развитыми чувствами, и почти что можно сказать съ бо́льшимъ умомъ. Намъ нечего и говорить о героиняхъ повѣстей и романовъ предшествовавшаго направленія; тутъ много разъ уже было замѣчено гораздо раньше насъ, что женщина выставляется всегда въ несравненно болѣе выгодномъ свѣтѣ, нежели мужчина, но любопытно, что тоже самое явленіе замѣчаемъ мы и въ литературѣ изображающей народную жизнь. У Островскаго видѣли мы болѣе или менѣе идеализированную Катерину и нѣсколько ея младшихъ сестеръ, у писателей реалистовъ по преимуществу мы видимъ тоже самое; здѣсь встрѣчаемъ мы такую женщину, какъ Пелагея Прохоровна, фигуру, разумѣется, несравненно болѣе положительную, болѣе реальную, но тѣмъ не менѣе принадлежащую къ той же семьѣ, изъ которой вышла Катерина. Чему приписать подобное явленіе, это возвышеніе женщины на счетъ мужчины, тому ли, что оно въ самомъ дѣлѣ такъ и есть въ дѣйствительной жизни, или нѣкоторому рыцарству нашихъ писателей, становящихся на сторону болѣе слабыхъ противъ болѣе сильныхъ. Трудно допустить намъ, чтобы послѣднее соображеніе руководило г. Рѣшетниковымъ.

Пелагея Прохоровна отправилась искать гдѣ лучше вмѣстѣ съ любимымъ человѣкомъ ея, Короваевымъ, который вдругъ ни съ того ни съ сего объявилъ, что онъ отстаетъ отъ компаніи и отправляется одинъ отыскивать гдѣ лучше. Когда услышала это Пелагея Прохоровна, она пришла въ большое волненіе, и въ то время, когда всѣ улеглись спать, она одна «ворочалась съ бока на бокъ» и говорила про себя:

— «Оказія!... Это оттого не спится все, што давеча спала... проговорила шопотомъ Пелагея Прохоровна.

— Не спишь? произнесъ негромко Короваевъ.

Пелагея Прохоровна притаилась, т.-е., старалась ни шевельнутся, ни вздохнуть тяжело, чтобы Короваевъ думалъ, что она спитъ.

«Погоди! коли ты гордецъ, и я буду такая», подумала Пелагея Прохоровна.

— Не спишь, говорю? произнесъ также негромко Короваевъ.

«Ладно», подумала Пелагея Прохоровна, улыбаясь. Но черезъ полчаса она уже сожалѣла о томъ, что не отозвалась на голосъ Короваева, а потомъ, пораздумавши, пришла опять къ тому же заключенію, что хорошо сдѣлала.

Пелагея Прохоровна горда, она не хочетъ вызывать сожалѣнія къ себѣ, и если Короваевъ рѣшается ее оставить, значитъ, рѣшаетъ она, и ей нечего грустить. Но когда любишь, разсужденія мало помогаютъ, и сколько ни будешь обвинять другого, сколько ни будешь сознавать, что онъ, а не кто иной при-

чина моего горя, его все-таки будешь любить. Такъ и Пелагея Прохоровна, сначала она хотѣла наказать Короваева своимъ молчаніемъ, но скоро увидѣла, что она наказала только себя, и цѣлую ночь «не спалось Пелагеѣ Прохоровнѣ». Сцена прощанія между Пелагеей Прохоровной и Короваевымъ написана съ такою теплотою и въ ней такъ хорошо рисуется этотъ наружно грубый, но въ сущности нѣжный, любящій характеръ Пелагеи, что мы съ трудомъ удерживаемся, чтобы не познакомить съ нею читателя цѣликомъ. Короваевъ собрался въ дорогу, Пелагея Прохоровна послѣдовала за нимъ, ей хотѣлось проститься.

— Пелагея Прохоровна, ты гдѣ! Ты гдѣ?—услыхала она голосъ Короваева.

Слезы болѣе прежняго пошли изъ глазъ Пелагеи Прохоровны. Она рыдала.

— Ну, о чемъ ты плачешь, Пелагея Прохоровна? проговорилъ Короваевъ, ощупавъ въ темнотѣ Пелагею Прохоровну.

Пелагея Прохоровна очнулась. Ей и стыдно, и досадно сдѣлалось, что ее поймали на мѣстѣ въ слезахъ.

— Тебѣ што за дѣло? проговорила она неровнымъ голосомъ.

Слушала Пелагея Прохоровна, какъ говорилъ ей Короваевъ о своемъ намѣреніи жениться, какъ только добудетъ капиталъ, видѣла, что онъ уходитъ, дала ему на прощаніе руку, но когда Короваевъ произнесъ: «прощай», она испугалась и могла только сказать: «ты развѣ ужъ совсѣмъ?» Не хотѣлось ей показать передъ Короваевымъ своего горя, только «грустно сдѣлалось Пелагеѣ Прохоровнѣ, голова ея отяжелѣла, слезы душили ее». Какою мы видимъ ее въ этой сценѣ, т. е. сдержанною, гордою, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко чувствующею, такою же является она и въ продолженіи всего романа, въ продолженіи всей своей жизни, пока она ищетъ и все не находитъ того мѣста, гдѣ лучше. Поселилась Пелагея Прохоровна вмѣстѣ съ братьями и Горюновымъ около соляныхъ варницъ въ семействѣ того самаго лѣсовщика, который такъ скептически относился къ ихъ поискамъ за лучшею жизнію. Жизнь Пелагеи Прохоровны была не весела, цѣлый день работала, хлопотала, а все проку было мало; вмѣсто того, чтобы становиться лучше, становилось напротивъ все хуже. На заводахъ стали надъ ней смѣяться, подозрѣвать ее въ томъ да семъ, она все молчитъ, и только когда уже очень надоѣдятъ ей, она отвѣтитъ: «мало вы меня знаете, безсовѣстныя вы этакія». Со всѣми она была добра, всѣ, которые ближе узнавали, любили ее, но ни съ кѣмъ она не сходилась, и подружилась только съ дочерью полѣсовщика Лизаветою, да и то больше потому, что та была тоже несчастная, брошенная своимъ любовникомъ. Ушла бы она съ соляныхъ варницъ, но все надѣялась, авось получитъ извѣстіе отъ Корова-

ева, но извѣстіе не приходило. Пелагея Прохоровна работала за всѣхъ, и о всѣхъ заботилась, но никого не допускала заботиться о себѣ. Никому не хотѣла показывать она своей тоски, никому не хотѣла говорить, что жизнь тяжела ей, и только изрѣдка слезы невольно пробивались у нея. Сидѣла однажды Пелагея Прохоровна съ Лизаветой, «недалеко отъ нихъ рабочіе, мужчины и женщины, голосовъ въ двѣсти поютъ-тянутъ промысловую пѣсню, словъ которой вдали почти невозможно понять. Сердце надрывается отъ этой пѣсни, хочется другой жизни; въ этомъ плескѣ волнъ какъ будто слышится отзывъ, что лучшая жизнь есть. Но гдѣ она? «Нѣтъ ужъ, я пойду въ городъ,» — подумала Пелагея Прохоровна и ей такъ сдѣлалось горько, что изъ глазъ закапали горячія слезы, но она постаралась поскорѣй вытереть ихъ.» Если тяжела была матеріальная жизнь Пелагеи Прохоровны, то еще болѣе тяжело было ея нравственное состояніе. Другая, не привыкшая къ окружающимъ нравамъ и людямъ женщина, непремѣнно должна была бы озлобиться на все и на всѣхъ; но Пелагея Прохоровна не измѣнялась. Всѣми была она брошена по малу: дядя ушелъ на другіе заводы, тоже искать лучшей жизни; братъ Григорій послѣдовалъ за нимъ, послѣ того, что узналъ, что Лизавета, которую онъ любилъ, была беременна отъ другого; Панфилъ скоро попался въ тюрьму за то, что отдалъ фальшивую ассигнацію, не зная, что она фальшивая, а когда вышелъ, то стащилъ всѣ деньги, которыя были у сестры, тоже убѣжалъ куда-то; одна, однимъ словомъ, осталась Пелагея Прохоровна. Бросила она варницы и отправилась въ городъ, гдѣ стала она переходить съ одного мѣста на другое, но вездѣ было дурно, а Пелагея Прохоровна все стремилась съ большою энергіею найти, гдѣ бы ей было лучше. Сколько ни жила Пелагея Прохоровна, у нея на умѣ все былъ Короваевъ, его одного она не могла забыть, и какъ только услышала, что Короваевъ пошелъ работать на желѣзныя дороги, потянуло ее тоже. Все она перепробовала, всѣмъ занималась и ничто ей не удавалось. «Что будетъ, то и будь, а здѣсь я не останусь. Если здѣсь не знаютъ дороги на желѣзную дорогу, пойду въ Прикамскъ. Вѣдь ходятъ же бабы на богомолье и въ Кіевъ и въ Ерусалимъ, а сперва тоже не знаютъ дороги. А чѣмъ я-то хуже другихъ»? Такъ размышляла Пелагея Прохоровна, рѣшившись отправиться тоже работать на желѣзную дорогу, и надѣясь, что встрѣтитъ тамъ Короваева. Энергично она принялась работать, чтобы пріобрѣсти нѣсколько денегъ на дорогу. Отправилась она въ путь. Пробралась она до Нижняго, отсовѣтовали ей поступать на желѣзную дорогу; послушалась Пелагея Прохо-

ровна и рѣшилась отправиться въ Петербургъ. Встрѣчала она много народу, «и кого она ни спроситъ: куда идетъ этотъ народъ? Ей отвѣчали: туда, гдѣ лучше!» Съ пріѣздомъ Пелагеи Прохоровны въ Петербургъ, начинается вторая часть романа «Гдѣ лучше?»

Характеръ женщины разбитной, энергичной, гордой, рѣшительной и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжной и любящей, задуманъ г. Рѣшетниковымъ очень хорошо. Мы бы желали видѣть этотъ характеръ болѣе развитымъ, чѣмъ онъ является въ первой части романа. Фигура Пелагеи Прохоровны заслуживала бы, чтобы г. Рѣшетниковъ болѣе сосредоточился на ней, чтобы онъ указалъ намъ болѣе подробно ея внутреннее состояніе, чтобы онъ показалъ ея воззрѣніе на идущую кругомъ жизнь, чтобы онъ опредѣлилъ болѣе ясно ея отношенія къ окружающимъ людямъ. На многія черты характера сдѣланъ только намекъ, вмѣсто того, чтобы онѣ были выражены рельефнѣе; это стремленіе къ лучшему, если бы мы сами не дополняли его объясненіями, основанными на общихъ, нѣсколько контурныхъ линіяхъ этого характера, могло бы показаться ничѣмъ инымъ, какъ неусидчивостію на одномъ мѣстѣ и страстію къ странствованію, такъ мало г. Рѣшетниковъ показываетъ намъ дѣйствительныя причины недовольства Пелагеи Прохоровны, такъ мелькомъ, въ этой по крайней мѣрѣ части, онъ указываетъ на ея безотрадное существованіе. Г. Рѣшетниковъ слишкомъ многое предоставляетъ въ этомъ характерѣ читателю дополнять своимъ собственнымъ воображеніемъ. Недостатокъ болѣе подробнаго и болѣе тонкаго анализа этого симпатичнаго характера, представляющаго собою отрадную сторону романа, объясняется безъ сомнѣнія тѣмъ множествомъ фигуръ, множествомъ эпизодовъ, которые наполняютъ собою первую часть «Гдѣ лучше?». Фигура Пелагеи Прохоровны постоянно оттирается на задній планъ, потому что, собственно говоря, она не есть то лицо, вокругъ котораго группируются, какъ это бываетъ обыкновенно въ романахъ, всѣ прочія лица, около котораго сосредоточиваются всѣ сцены. Въ романѣ г. Рѣшетникова нѣтъ, собственно говоря, героя или героини, тутъ каждое лицо является само по себѣ, и на первый взглядъ представляется, что оно чрезвычайно мало имѣетъ связи съ остальными лицами. Тоже кажется и относительно отдѣльныхъ сценъ, отдѣльныхъ эпизодовъ, которые идутъ другъ за другомъ безъ особенной послѣдовательности, но которые въ концѣ концовъ, взятые всѣ вмѣстѣ, представляютъ довольно полную и яркую картину обыденной жизни простого народа. Мы не станемъ слѣдовать за всѣми лицами, за всѣми эпизодами, наполняющими

собою первую часть, потому что иначе мы бы зашли слишкомъ далеко. Едвали не самое интересное лицо, послѣ Пелагеи Прохоровны, въ этой части романа является Лизавета Елизаровна.

Нельзя сказать, чтобы она была полною противоположностію Пелагеи Прохоровны, напротивъ, у той и у другой женщины есть много общихъ чертъ; но Лизавета Елизаровна является болѣе легкою, еще несравненно болѣе разбитною, она не задумывается надъ жизнію, ей, собственно говоря, море по колѣно. Въ характерѣ ея нѣтъ той скрытности, той сосредоточенности и глубины, что мы видимъ въ Пелагеѣ Прохоровнѣ. Внѣшній портретъ ея какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ цѣлому характеру этой женщины: «Она была высокая, здоровая дѣвушка, такъ что, по загорѣлому или красному отъ вѣтра и отъ огня лицу ея, ей можно было дать года двадцать-два. Руки ея были довольно развиты, крѣпки и жестки, что доказывало, что она уже давно знакома съ тяжелою работою, а прямой, надменный взглядъ ея карихъ глазъ какъ будто говорилъ, что она не боится никого». Нигдѣ этотъ характеръ не обнаруживается такъ хорошо, какъ въ той сценѣ, гдѣ она сообщаетъ Григорію, брату Пелагеи Прохоровны, почему не можетъ она пойти за него замужъ. Она полюбила этого человѣка, и хотя любовь эта выражалась у нея скорѣй дурнымъ обращеніемъ, чѣмъ хорошимъ, но тѣмъ не менѣе любовь ея была серьезна, и она не хотѣла обманывать любимаго человѣка. Послѣ смѣха, послѣ слезъ, Лизавета Елизаровна вдругъ спросила Григорія: «Подумалъ ли ты о томъ, што про меня говорятъ на промыслахъ и на вечеринкахъ? — Што? — Ты вѣришь тому, што говорятъ про меня?—Нѣтъ. — Такъ я тебѣ скажу: што про меня говорятъ—вѣрно... Я говорю тебѣ потому, штобы ты зналъ и послѣ не каялся, што я обманула тебя... Одна голова не бѣдна!.. Я себя съ ребенкомъ прокормлю какъ-нибудь, за то меня никто не укоритъ».

Дѣло въ томъ, что съ Лизаветой Елизаровной случилась та бѣда, которая такъ часто случается на свѣтѣ — соблазнилъ ее одинъ парень, и бросилъ, когда она сдѣлалась беременною. Еслибы г. Рѣшетниковъ походилъ на тѣхъ писателей, которые такъ любятъ идеализировать народъ, разукрашивать его чувства, то онъ безъ сомнѣнія заставилъ бы Григорія простить прошедшую связь Лизаветы и великодушно женился бы на ней. Такая черта была бы, разумѣется, фальшивою чертою, потому что для того, чтобы не постыдиться взять за себя дѣвушку, которая въ прошедшемъ своемъ имѣла уже связь, нужно такое развитіе, которое какъ исключеніе является даже въ образованномъ обществѣ. Григорій Прохорычъ не женился на Лизаветѣ, ушелъ на другія вар-

ницы, чтобы только не встрѣчаться съ Лизаветой Елизаровной. Связь Лизаветы Елизаровны съ парнемъ Зубаревымъ подала поводъ г. Рѣшетникову написать еще одну сцену, въ которой разбитной и вмѣстѣ честный характеръ Лизаветы рисуется еще лучше. Связь Лизаветы и Зубарева сдѣлалась предметомъ общихъ толковъ, разсужденій, ссоръ и споровъ. Всѣ кричали на промыслахъ, шумѣли, обвиняли Лизавету, и всѣ эти разсужденія описываетъ г. Рѣшетниковъ очень живо. Приходитъ Лизавета, крики замолкли, только не надолго; снова начали насмѣхаться надъ Лизаветой, но она скоро заставила не только всѣхъ замолчать своими отвѣтами, но даже принять еще ея сторону. Пристыдила она кричавшихъ и насмѣхавшихся надъ нею бабъ, самыми простыми словами: «и какое вамъ дѣло, бабы, до меня... будто и за вами нѣтъ грѣховъ....» Всѣ сознавали, что грѣхи дѣйствительно есть и потому нечѣмъ попрекать особенно Елизавету. «Женщины вооружились противъ мужчинъ; мужчины доказывали, что никому не охота жениться на беременной, и стояли больше за свою братью. Но теперь всѣ были вооружены противъ Ивана Зубарева. Всѣ грозились, какъ только онъ покажется на промыслахъ, свернуть ему голову». Толпа инстинктивно поняла, что если кто-нибудь виноватъ тутъ, то безъ сомнѣнія не брошенная Лизавета, а человѣкъ, который соблазнилъ ее и потомъ бросилъ съ ребенкомъ, и потому, не долго думая, она смѣнила свои насмѣшки надъ Лизаветою на гнѣвъ противъ Зубарева. Когда показался Зубаревъ на промыслахъ и подошелъ къ одной дѣвушкѣ, та не хотѣла говорить съ нимъ, а только стала попрекать Лизаветой.

— Не хочешь ли ты и со мною такую же штуку сдѣлать, какъ съ ней?—сказала она, и ушла.

— Гляди, бабы, Зубаревъ!—начала Лизавета Елизаровна: — стоитъ какъ оплеванный! На него никто и вниманія не обращаетъ, а онъ стоитъ..... Спросите, чего ему надо еще?

Бабы заголосили, парни приняли угрожающій видъ.

— Лучше уходи добромъ въ свое село. Намъ ты теперь, послѣ твоихъ пакостей, не товарищъ,—сказала одна дѣвица.

Парни окружили Зубарева.

— Не троньте его!... Я больше васъ имѣю право бить его, да не хочу рукъ марать объ этакую гадину.... Посмотримъ, удастся ли ему еще надуть такую дуру, какъ я,—проговорила Лизавета Елизаровна.

Въ этой сценѣ обнаруживается съ одной стороны оскорбленное самолюбіе, злоба, досада Лизаветы, но выражающаяся въ энергической формѣ; она не хочетъ показать, насколько она страдаетъ отъ того, что Зубаревъ бросилъ ее, и старается свое чувство къ нему замѣнить презрѣніемъ. Съ другой стороны въ

этой сценѣ оказывается инстинктивное хорошее чувство этой невѣжественной среды, которая съумѣла угадать чутьемъ, что оттолкнутся слѣдуетъ не отъ Лизаветы, а скорѣй отъ Зубарева. Такое поведеніе было бы подъ стать и образованному обществу, которое сплошь и рядомъ закидываетъ каменьями дѣвушку, когда она уступаетъ и дѣлается жертвою какого-нибудь негодяя, въ то время, когда этотъ самый негодяй стяжаетъ себѣ славу героя.

Такою, какою является Лизавета по отношенію къ Григорію и Зубареву, т. е. прямою, открытою, сильною, такою же является она и въ своей семьѣ, гдѣ, кромѣ горя и тяжелой заботы, она больше ничего не находитъ. Семья ея обѣднѣла, отецъ ея, Ульяновъ, бросилъ свою семью и отправился вмѣстѣ съ дядей Пелагеи Прохоровны, Горюновымъ, отыскивать гдѣ лучше; мать со злобы и съ отчаянія спилась, такъ что Лизавета одна должна была все дѣлать, всѣхъ содержать своей работой, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ ее попрекали, что бросилъ ее Зубаревъ. Молчитъ Лизавета, когда мать начнетъ укорять ее, и только изрѣдка не хватитъ у нея терпѣнія и у нея вырвется: «хоть бы ты этого-то не говорила, мать! взъѣстся Лизавета Елизаровна». Бѣдность страшная, одна корова осталась дома, да и той нечѣмъ кормить; «какъ бы ее прокормить сегодня, какъ бы украсть гдѣ сѣна.... думаетъ, думаетъ Лизавета Елизаровна, и полѣзетъ на поломанную телѣгу къ сосѣднему сараю, засунетъ въ щелку руку, пошаритъ, пошаритъ—труха одна». Ей вовсе не совѣстно было воровать сѣно, потому что на первомъ планѣ у нея стояла корова, и для нея она все готова была сдѣлать. Не удастся украсть сѣна, пойдетъ она выпрашивать по сосѣдямъ, и чего чего только не выслушаетъ она: «пусть говорятъ, что хотятъ, пусть конфузятъ и срамятъ насъ, какъ хочутъ — все снесу, только бы дали сѣна». Тяжело ей все-таки было выпрашивать сѣна, гордая натура ея не мало должна была страдать отъ того. Вмѣстѣ съ тѣмъ, что она рѣшалась воровать сѣно, ей тяжело было выносить, что мать ея шатается по сосѣдямъ да пьянствуетъ: «лучше бы она не ходила, меньше бы говорили про насъ», думала Лизавета. У нея въ зародышѣ лежало чувство собственнаго достоинства. Скоро еще большая бѣда случилась въ семействѣ Ульяновыхъ. Братъ Лизаветы, молодой малый Степанъ работалъ также на варницахъ. Мать отбирала у Степана всѣ заработанныя имъ деньги и большая часть его заработковъ уходила на пьянство его матери. «Слышь, Степка, што мужики говорятъ: мы напрасно деньги-то отдаемъ дома», сказалъ разъ Панфилъ Степану. «А имъ што за дѣло», отвѣчалъ Степанъ. Ему еще, собственно го-

воря, ни разу не приходило въ голову, что деньги можно было не отдавать семьѣ, такъ велось съ самого начала, такъ велось бы и долго еще, если бы Панфилъ не вразумилъ Степана. Степанъ, хотя и является въ романѣ мимоходомъ, но нѣсколькими штрихами онъ обрисованъ довольно полно. У Степана натура мягкая, робкая, не самостоятельная, онъ готовъ подчиниться всякому вліянію и какъ сначала подчинялся вліянію матери, такъ теперь подчиняется вліянію Панфила. «А ты возьми и не отдай—не дали молъ....» говоритъ ему Панфилъ, приводя и себя въ примѣръ, что и онъ сестрѣ ничего не даетъ, да и «Гришка тоже не живетъ съ нами». Слова Панфила сильно озадачили Степана. «Онъ, вытараща глаза, смотрѣлъ на метелку и долго простоялъ въ такомъ положеніи, до тѣхъ поръ пока не вывела его изъ оцѣпенѣнія одна лошадь, начавшая чихать». Сердце у Степана было доброе, мать свою онъ любилъ, и тяжело ему было, что все она ругаетъ да ругаетъ его». Мать день ото дня становилась сердитѣе; если сынъ отдавалъ ей деньги, она ругала его, зачѣмъ онъ мало принесъ, что онъ, вѣроятно, сошелся съ мошенниками, которые обираютъ его. Станетъ возражать Степанъ, мать такъ крикнетъ на него, что онъ вздрогнетъ и не найдется, что сказать». А тутъ еще у Степана завелась зазнобушка, которая проситъ у него, чтобы онъ ей подарилъ то да это. «Въ самомъ дѣлѣ, думалъ онъ, если я не стану отдавать деньги матери или сестрѣ, я накоплю денегъ. Куплю себѣ ботинки, Варехѣ платокъ; Вареха мнѣ подаритъ варежки и чулки». Руководимый подобными соображеніями, онъ не вернулся ночевать домой, затѣмъ не пошелъ и на другой день, и на третій, хотя онъ и «находилъ себя неправымъ» потому что, какъ разсуждалъ онъ, мать прежде любила его. Встрѣтила его мать, обругала его и устроила такъ, что заработную плату за цѣлую недѣлю отдали ей, а не Степану. Степанъ, когда узналъ объ этомъ, «стоялъ блѣдный, молчалъ». Мать пропила деньги, заработанныя Степаномъ, а Степанъ возвратился домой; скоро всѣ улеглись, послышался храпъ Степаниды Власьевны, матери Степана, и только онъ да Пелагея Прохоровна не спали, «занятые своими мыслями» и оба думая, что всѣ спятъ. Скоро, Пелагея Прохоровна услышала какой-то стукъ и что-то ходитъ около Степаниды Власьевны. «Она чиркнула спичкой, спичка зажглась и въ этотъ моментъ она увидѣла Степана, поднявшаго руки кверху и съ топоромъ. Въ тотъ моментъ, какъ освѣтило избу, топоръ выпалъ у Степана назадъ отъ него и попалъ на голую ногу Пелагеи Прохоровны, но къ счастью не остріемъ, а обухомъ».

Страхъ, ужасъ одолѣлъ Степана, и онъ могъ только проговорить въ отвѣтъ Пелагеѣ Прохоровнѣ, которая вскрикнула: «што ты дѣлаешь, разбойникъ»? «Ничего.... пусти....» Когда проснулись Панфилъ, Лизавета Елизаровна и мать, Степанъ уже вырвался и убѣжалъ изъ избы. Сцена эта производитъ самое тяжелое впечатлѣніе, которое только можно себѣ представить. Боже мой, невольно думаешь, какъ мало должно быть развито въ человѣкѣ человѣческое чувство, какъ мало должна была коснуться какая-нибудь мысль человѣческой жизни, чтобы человѣкъ, который вовсе не злодѣй, который обладаетъ напротивъ мягкою и доброю натурою, могъ рѣшиться на убійство матери за то только, что она взяла его заработокъ. Очевидно, что здѣсь виновата не натура именно этого человѣка, а та всеобщая грубость нравовъ, благодаря которой человѣку ничего не стоитъ совершить страшное злодѣйство. Человѣкъ дѣйствуетъ тутъ по первому впечатлѣнію, тутъ нѣтъ еще никакого сознательнаго пониманія долга, обязанности, все стоитъ еще на почвѣ инстинкта, и какъ мало можемъ мы осуждать человѣка за дурной инстинктъ, такъ мало въ сущности можемъ мы радоваться и хорошему. Хорошее только тогда хорошо, когда оно является результатомъ разумнаго пониманія людскихъ отношеній. Преступленіе Степана произвело разгромъ въ семействѣ Ульяновыхъ, Лизавета отъ испуга выкинула, мать ея ходила какъ убитая, одна Пелагея Прохоровна въ это время работала на всю семью. Но и на ея долю выпало скоро горе. Попался Панфилъ съ фальшивою бумажкою, засадили его въ острогъ, и долго держали его тамъ, несмотря на всю его невинность. Бѣжалъ онъ наконецъ, соскучившись, но его поймали и снова засадили въ острогъ. Должно быть онъ многому хорошему научился тамъ, потому что какъ только выпустили его оттуда, онъ укралъ все, что успѣла заработать Пелагея Прохоровна, и ушелъ по бѣлу-свѣту искать такого мѣста, гдѣ лучше. Всѣ мало-по малу разбредаются по разнымъ сторонамъ, всѣ съ одною цѣлію искать, гдѣ лучше; ушла Пелагея Прохоровна, ушла потомъ и Лизавета Елизаровна, ушли Григорій, Панфилъ, самъ Ульяновъ, и долго будутъ бродить они и долго будутъ искать гдѣ лучше.

Мы не станемъ болѣе останавливаться на другихъ лицахъ, на другихъ сценахъ и эпизодахъ первой части романа г. Рѣшетникова; скажемъ только, что среди этихъ лицъ мы встрѣчаемъ чрезвычайно мѣтко очерченныя фигуры, которыя, мы должны это повторить еще разъ, не имѣютъ никакой связи съ тѣми, которыя занимаютъ болѣе или менѣе главное мѣсто въ романѣ;

масса второстепенныхъ лицъ разрозниваетъ, конечно, впечатлѣніе, нить романа въ двадцати мѣстахъ вслѣдствіе того кажется оборванною, это невыгодная ихъ сторона; но съ другой стороны, когда закрываешь книгу, то въ общемъ впечатлѣніи всѣ эти лица, вся эта толпа придаетъ какую-то полноту той картинѣ народной жизни, которую съ такимъ знаніемъ и талантомъ рисуетъ г. Рѣшетниковъ. Тоже, что мы говоримъ объ этой массѣ вводныхъ, второстепенныхъ лицъ, тоже должны мы сказать и о тѣхъ сценахъ, которыя, разумѣется, могли бы быть смѣло выкинуты изъ романа, безъ того, чтобы кто-нибудь изъ читателей замѣтилъ какой-нибудь скачокъ въ послѣдовательности разсказа, и это, безъ всякаго сомнѣнія, уже недостатокъ въ романѣ; но ихъ, такъ сказать, raison d'être точно также можетъ быть объясненъ желаніемъ автора сдѣлать впечатлѣніе болѣе полнымъ. Какъ примѣръ подобныхъ сценъ и лицъ, мы можемъ привести тѣ главы романа, гдѣ описываются Удойкинскіе золотые пріиски и гдѣ выступаютъ на сцену Костромины, Анучкинъ и другіе. Намъ, можетъ быть, слѣдовало бы сказать еще о нѣкоторыхъ сценахъ первой части романа, упомянуть еще о нѣкоторыхъ главахъ, какъ напр. о той, гдѣ г. Рѣшетниковъ описываетъ такъ живо и такъ тепло пребываніе Панфила въ острогѣ. Намъ нужно было бы тутъ просто выписать двѣ-три страницы цѣликомъ и прибавить къ нимъ: какъ это хорошо! но мы предпочитаемъ отослать читателя къ самому роману.

Оставляя первую часть романа и вмѣстѣ съ тѣмъ большинство изъ выступившихъ въ ней лицъ, которыя не появляются болѣе во второй части, мы должны передать то общее впечатлѣніе, которое мы вынесли изъ ея чтенія. Впечатлѣніе это донельзя тяжелое. Мы видимъ, что среди этой массы, среди этихъ людей, гдѣ встрѣчаются и симпатичныя личности, и одаренныя хорошими инстинктами, нѣтъ еще никакихъ разумно-сознанныхъ началъ жизни, что всѣ понятія, всѣ отношенія находятся, такъ сказать, въ первобытномъ, хаотическомъ состояніи. Базисомъ всѣхъ отношеній людей между собою является крайняя несправедливость, и главное, несправедливость безсознательная. Отецъ бросаетъ дѣтей, мужъ жену, братъ грабитъ сестру, сынъ убиваетъ мать, не говоря уже о томъ, что обманъ, воровство являются какъ бы въ порядкѣ вещей, глубоко вошли въ жизнь, и все это вовсе не вслѣдствіе испорченности натуръ, не оттого, чтобы люди были особенно злы, отличались преступными свойствами; вовсе нѣтъ, между ними, какъ и вообще между всѣми людьми есть вообще и хорошіе и дурные, и добрые и злые.

Причина дурныхъ отношеній между людьми лежитъ не въ винѣ этихъ людей, ихъ личныя свойства и склонности вовсе неповинны, между этими свойствами и склонностями есть напротивъ очень хорошія, причина тутъ въ страшной грубости нравовъ, въ вопіющей невѣжественности массы, которая рѣжетъ глаза вамъ, когда вы читаете произведеніе г. Рѣшетникова, очевидно, написанное безъ всякой задней мысли. Когда читаешь романъ г. Рѣшетникова и встрѣчаешь симпатичныя фигуры, хорошія стороны, добрые инстинкты, тогда спрашиваешь себя и долго не можешь отдать себѣ отчета: что же это такое, что такъ давитъ, тяготитъ васъ, что это такое, что такъ сжимаетъ ваше сердце и бросаетъ васъ въ волненіе, тѣмъ болѣе, что въ романѣ нѣтъ ничего особенно выходящаго изъ уровня обыденной жизни, ничего особенно страшнаго, все ровно, спокойно, просто. И все-таки, закрывая книгу, вы находитесь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ; вдумайтесь и вы увидите, что васъ тяготитъ общая среда, цѣлый строй жизни, гдѣ грубость и невѣжество является не исключеніемъ, а правиломъ. Въ этомъ-то общемъ впечатлѣніи и скрывается сила г. Рѣшетникова, который не хочетъ вызывать въ своемъ читателѣ ни состраданія къ той средѣ, которую онъ изображаетъ, ни тѣмъ менѣе насмѣшку надъ нею. Чѣмъ больше спокойствія и безпристрастія въ изображеніи народной жизни, тѣмъ больше въ немъ правды, а чѣмъ больше правды, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, которое она производитъ и тѣмъ обширнѣе польза, которую приноситъ тотъ или другой писатель литературѣ. Самое отрадное еще въ этомъ изображеніи то, что всѣ эти люди начинаютъ сознавать, что имъ нехорошо, что они стремятся къ лучшей жизни, и что въ нихъ является наконецъ энергія и рѣшимость искать гдѣ именно лучше?

IV.

Мы разсматривали отдѣльно первую часть, потому что она представляетъ собою почти самостоятельное цѣлое по отношенію во второй части, гдѣ, изъ всѣхъ дѣйствовавшихъ лицъ въ первой части, мы встрѣчаемъ только одну Пелагею Прохоровну и мимоходомъ Панфила, всѣ же остальныя лица не выступаютъ больше на сцену. Вторая часть, которая носитъ названіе «въ Петербургѣ», какъ первая носила «въ Провинціи», по нашему мнѣнію, значительно слабѣе того, что мы видѣли до сихъ поръ. Описаніе Петербурга, постоялыхъ дворовъ, куда попадаетъ Пе-

лагея Прохоровна, главы, гдѣ изображается, какъ Пелагея Прохоровна отыскиваетъ себѣ работу, все это изложено довольно живо и представляетъ бо́льшій или меньшій интересъ. Тутъ схвачены любопытныя черты, переданы любопытные разговоры; разсужденія, бабъ въ видѣ тѣхъ, гдѣ онѣ толкуютъ о холерѣ, имѣютъ свое значеніе, хотя съ подобными чертами мы не разъ уже встрѣчались и у другихъ писателей. Послѣ нѣсколькихъ дней поисковъ, Пелагея Прохоровна, убѣдившись, что въ Петербургѣ нисколько не лучше чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и попенявъ на тѣхъ, которые разсказывали ей о прелестяхъ петербургской жизни, нанимается наконецъ кухаркой къ одной кухмистершѣ — чиновницѣ Овчинниковой. Всѣ эти главы романа, которыя г. Рѣшетниковъ посвящаетъ описанію семейства чиновницы Овчинниковой, пьянаго маіора, ухаживающаго и женящагося на одной изъ дочерей чиновницы, представляютъ, нужно сказать правду, чрезвычайно мало интереса, и мы рѣшительно не видимъ причины, побудившей автора вставить эти лишнія и скучныя описанія, тѣмъ болѣе, что главы эти не имѣютъ никакого отношенія къ избранной имъ задачѣ. Мы бы не стали еще сѣтовать на эти главы, посвященныя изображенію мелко-чиновничьяго быта, если бы разсказъ г. Рѣшетникова отличался какою-нибудь новизною, оригинальностью, но ничего подобнаго нѣтъ. Двадцать разъ уже описывался мелко-чиновничій бытъ въ нашей литературѣ, и описывался съ большою силою и съ большою живостію. Въ этой части разсказа мы не встрѣчаемъ ни типическихъ характеровъ, ни типическихъ чертъ чиновничьяго быта. Все вяло и скучно. Но лишь только г. Рѣшетниковъ снова возвращается въ своемъ романѣ къ изображенію быта простого народа, тамъ снова все вѣетъ духомъ правды, вѣрностію съ жизнію, большою теплотою, тамъ все ново, все оригинально. Не долго прожила въ людяхъ Пелагея Прохоровна, не могла она ужиться нигдѣ, не выпадало на ея долю счастіе напасть на хорошихъ людей, и все, что только удалось ей сдѣлать въ Петербургѣ — это внушить къ себѣ расположеніе и любовь мастерового Игнатія Прокофьевича Петрова. Петровъ былъ малый аккуратный, не пьющій, и хотѣлъ бы онъ жениться на Пелагеѣ Прохоровнѣ, да, съ одной стороны, нечѣмъ было жить, а съ другой и сама Пелагея Прохоровна не очень-то отвѣчала на его чувства. Что Петровъ былъ малый смышленный, мы это видимъ изъ разговоровъ съ Пелагеей Прохоровной. Жалуется Петровъ, что дурно ему жить у мастера-нѣмца, потому что «надъ тобою куражится, какъ Богъ знаетъ какая особа», и на совѣтъ Пелагеи поступить

къ русскому мастеровому, Петровъ даетъ такой отвѣтъ, который нужно сказать, обличаетъ въ немъ большой здравый смыслъ. «Русскій! Русскій еще хуже. Дай русскому начальство, онъ и изважничается, начнетъ пьянствовать... Ужъ русскій человѣкъ, какъ попалъ въ начальники, совсѣмъ иной человѣкъ сдѣлался; вмѣсто того, чтобы поддержать своего брата, онъ же съ него прогулы высчитываетъ; въ кабакъ при немъ што есть нельзя придти — угощай его, а если онъ угоститъ на пятакъ, такъ перекоровъ наслушаешься на гривенникъ; и дорогой, гдѣ встрѣтится, шапку ему скидывай — вездѣ начальникомъ себя считаетъ...» Петровъ, или вѣрнѣе будетъ сказать, г. Рѣшетниковъ, какъ нельзя болѣе вѣрно подмѣтилъ эту черту, черту драгоцѣнную саму по себѣ, способную послужить богатымъ матеріаломъ для повѣствователя или романиста. Но какъ ни ловокъ, какъ ни остроуменъ Петровъ, онъ все не можетъ хорошенько пристроиться и точно также, какъ и другія лица въ романѣ, отыскиваетъ все, гдѣ лучше. Какъ ни жестока была судьба, преслѣдовавшая Пелагею Прохоровну, но ей не удалось все-таки сломить прямого характера этой женщины, не удалось преклонить ея гордость, которая заставляетъ ее отказаться отъ предложенія Петрова поступить кухаркою къ мастеровымъ. Отказалась она, потому что не знала хорошо Петрова и предполагала въ немъ дурныя побужденія. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, говоритъ пословица, тѣмъ больше дровъ — чѣмъ дальше жила Пелагея Прохоровна, тѣмъ тяжелѣе становилось ей жить. Подробно описываетъ г. Рѣшетниковъ, какъ осталась Пелагея Прохоровна безъ мѣста, какъ бродила она одна по улицамъ Петербурга, и какъ попала наконецъ въ полицію, гдѣ просидѣла безъ вины нѣсколько дней. Когда вышла она, оказалось, что послѣднія ея пять рублей, скопленные долгимъ трудомъ, и тѣ были украдены у нея. Не знала больше Пелагея Прохоровна куда ей дѣваться. Стала проситься она, чтобы пустили переночевать въ полицію — не пустили; нечего было ей дѣлать, некуда было дѣваться; бродила, бродила она по улицамъ Петербурга, добрела до какого-то пустыннаго мѣста, силъ больше не было у нея, упала на сырую землю и заснула подъ холоднымъ небомъ. Вопросъ: гдѣ лучше? долженъ былъ смѣниться на другой вопросъ: гдѣ добыть кусокъ хлѣба? Вступила Пелагея Прохоровна на широкую, торную дорогу — протянула руку со словами: Христа ради! Не одна Пелагея Прохоровна кончаетъ подобнымъ образомъ, не одна женщина, выбившись изъ силъ, проработавъ цѣлую жизнь, должна протянуть свою руку, и будь только Пелагея Прохоровна попрежнему красива и здо-

рова, Богъ знаетъ оттолкнула ли бы теперь она предложеніе женщины извѣстнаго рода, которая предлагала ей, какъ только она пришла въ Петербургъ, продать ей не что иное, какъ ея тѣло. Объ остальномъ стоило ли говорить. Но Пелагея Прохоровна даже для этого была негодна теперь; она до такой степени похудѣла, измѣнилась, что ее едва могъ узнать ея собственный братъ Панфилъ, съ которымъ она встрѣтилась въ Петербургѣ. Пусть тѣ, которые обращаются съ упрекомъ къ молодымъ писателямъ и спрашиваютъ, что за охота возиться имъ съ мужиками, пусть тѣ, которые не хотятъ признавать въ нихъ ничего интереснаго, никакихъ человѣческихъ чувствъ, пускай прочтутъ они хоть эту встрѣчу брата съ сестрою, ихъ первые разговоры, ихъ воспоминанія о прежней жизни. Да, грубы, страшно грубы, невѣжественны эти люди, но тотъ, кто умѣетъ глубоко смотрѣть, глубоко заглядывать въ народную жизнь, тотъ, какъ г. Рѣшетниковъ, съумѣетъ отыскать подъ этою грубостію самыя тонкія душевныя струны. Хорошо показалось Пелагеѣ Прохоровнѣ быть съ братомъ послѣ того, что жила она все въ чужихъ людяхъ, только одно стало печалить ее, это то, что Панфилъ ходилъ все въ кабакъ. Стала она упрекать рабочихъ, которые втягивали ея брата: «а штожъ ему не пить-то? съ тобой штоль обниматься?.. какія-такія ты ему радости предоставишь? проговорилъ недовольно одинъ изъ рабочихъ». Въ самомъ дѣлѣ, какія радости выпадаютъ на долю огромной массѣ Панфиловъ? Отвѣтъ рабочаго можетъ быть попалъ больше въ самое сердце вопроса, въ самый корень того зла, которое свирѣпствуетъ въ Россіи, быть можетъ онъ однимъ словомъ болѣе мѣтко опредѣлилъ причину этой страшной эпидеміи, чѣмъ многія самыя глубокомысленныя изслѣдованія. Нѣтъ радостей у русскаго человѣка, негдѣ искать ему развлеченія отъ труда; онъ ничего больше не знаетъ кромѣ своей работы, у него нѣтъ никакихъ другихъ интересовъ. Чтожъ ему дѣлать въ минуты отдыха? читать не умѣетъ, да и не учатъ, или учатъ мало и плохо, общественной жизни онъ не знаетъ, а ему нужно развлеченіе, нуженъ отдыхъ, онъ и находитъ этотъ отдыхъ и это развлеченіе въ водкѣ. Водка, пьянство должно было, слѣдовательно, неизбѣжно войти однимъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ въ народную жизнь; что оно дѣйствительно и вошло, то въ этомъ можно убѣдиться, стоитъ только взглянуть, какую часть общаго дохода Имперіи составляетъ доходъ съ вина. Сто тридцать милліоновъ, или около того, если мы не ошибаемся, получается путемъ пьянства, сто тридцать милліоновъ на общій бюджетъ въ 435 милліоновъ! Однимъ сло-

вомъ, значительно болѣе четверти всего дохода получается, благодаря процвѣтанію пьянства. Что, еслибъ хоть четвертая доля этого дохода шла на народныя школы; что, если бы хоть четвертая доля того, что народъ пропиваетъ, обращалась на народное образованіе? По истинѣ безумное желаніе, могутъ возразить намъ: желать увеличенія числа школъ и уменьшенія числа кабаковъ! да на что это похоже. Вотъ почему мы и видимъ, что пьянство и пьяные люди такъ часто встрѣчаются въ изображеніи народной жизни, вотъ одна изъ причинъ, которая задерживаетъ рѣшеніе вопроса—гдѣ лучше? Если пьянство составляетъ четвертую часть дохода, то неудивительно, что оно такъ часто и въ литературѣ является предметомъ наблюденія и описанія.

Не надолго улучшилась жизнь Пелагеи Прохоровны. Не успѣла она и пожить съ своимъ братомъ, не успѣли они пріискать себѣ работы, какъ братъ ея заболѣлъ и она должна была свезти его въ госпиталь. Давно уже упали силы Пелагеи Прохоровны, давно уже мучительный вопросъ: да гдѣ же лучше, «неужели эту жизнь нельзя сдѣлать получше»? наводилъ ее на самыя горькія думы, но никогда еще она не была такъ убита. Теперь «жизнь казалась ей такъ пуста и тяжела, что она готова была кинуться въ рѣку». Пелагея Прохоровна не могла кажется въ эту минуту придумать ничего лучшаго, какъ заболѣть. На слѣдующій день послѣ брата и ее свезли въ госпиталь. Глубокое, потрясающее впечатлѣніе производятъ послѣднія главы романа «Гдѣ лучше»? и въ особенности та глава, «въ которой столичные рабочіе разъясняютъ вопросъ гдѣ лучше»? Въ описаніи положенія Панфила и потомъ въ этомъ разговорѣ, который ведутъ рабочіе въ кабакѣ, столько драматизма, столько трагической простоты, что нѣтъ возможности читать этихъ страницъ, написанныхъ безъ всякой сантиментальности, и не отдаться самому тяжелому волненію. Опустили въ могилу гробъ Панфила, и гробъ этотъ шлепнулъ въ воду. «Вотъ братъ тебѣ и спокой. Ищи братъ, гдѣ лучше! И жизнь-то худая человѣку на землѣ, и умрешь-то, такъ въ воду попадешь... А вѣдь тоже искалъ гдѣ лучше..» произнесъ при этомъ одинъ изъ присутствовавшихъ. Куда пойти съ кладбища? пошли въ кабакъ, и стали разсуждать между собою, да гдѣ же въ самомъ дѣлѣ-то лучше? когда выходитъ, что вездѣ худо. «Въ кабакѣ лучше», рѣшилъ одинъ простонародный мудрецъ, и рѣшеніе это казалось такъ разумно, такъ естественно людямъ въ ихъ положеніи, что нѣсколько человѣкъ тотчасъ подхватили: «въ самомъ дѣлѣ, братцы, въ кабакѣ лучше». Грустное, обидное рѣше-

ніе вопроса, но развѣ виноваты тѣ люди, которые дошли до него? Не знаютъ они, гдѣ лучше, да и не могутъ сказать, никто имъ никогда этого не говорилъ. Въ этомъ-то безсиліи разрѣшить подобный вопросъ, въ этомъ сознаніи собственной безпомощности и скрывается вся драма, весь трагизмъ положенія русскаго человѣка. Не всѣ однако согласились, что въ кабакѣ лучше, нѣкоторые иначе рѣшили этотъ замысловатый вопросъ. «Въ могилѣ лучше», произнесъ кто-то; «а въ самомъ дѣлѣ, умрешь—и конецъ», подхватилъ кто-то другой и это мнѣніе. Да, грубы, дики, невѣжественны эти нравы и эта жизнь, но сколько подъ этою грубостію скрывается истинныхъ чувствъ, сколько человѣчности? Сопоставить эту грубость и эту человѣчность, и освѣтить ту и другую яркимъ свѣтомъ—такова была задача, лежавшая передъ г. Рѣшетниковымъ, задача, которую онъ и выполнилъ съ большою добросовѣстностію, искренностію и съ серьезнымъ талантомъ.

Главный характеръ въ романѣ, типъ Пелагеи Прохоровны, доведенъ до конца, онъ выдержанъ какъ нельзя болѣе. Вездѣ, до послѣдней минуты Пелагея Прохоровна остается вѣрна себѣ, вездѣ мы видимъ эту сдержанную, сосредоточенную, энергическую, гордую и вмѣстѣ чрезвычайно симпатичную женщину. Не долго прожила Пелагея Прохоровна, послѣ того, что схоронили ея брата, и что она вышла изъ госпиталя. Поздно жизнь улыбнулась ей слабою улыбкою, поздно полюбила она Петрова, поздно отвѣчаетъ на вопросы, которыми допытывается Петровъ узнать у нея, пошла ли бы она за него замужъ: «ахъ какой ты!... Ну разумѣется, пошла бы». Силы у нея были уже надорваны, смерть стояла у порога ея жизни. Черезъ нѣсколько дней Петровъ стоялъ уже передъ трупомъ Пелагеи Прохоровны а въ головѣ у него вертѣлась мысль: «все, значитъ, кончено! ищи, голубушка, гдѣ лучше... Охъ ты, жизнь проклятая!!!... И онъ заплакалъ». Весь этотъ конецъ романа накладываетъ какой-то убійственно-мрачный колоритъ на цѣлое произведеніе, отчаяніе должно закрасться въ душу читателя, какъ оно охватило самого автора, который приводитъ своихъ героевъ къ могилѣ, какъ къ единственному исходу изъ ихъ тяжелой жизни. Мы отлично понимаемъ, что это отчаяніе могло явиться у писателя, проникшаго въ самыя сокровенныя стороны народной жизни, онъ могъ на минуту отдаться ему и, указывая на могилу, произнесть: здѣсь лучше! Но мы не хотимъ, мы не должны тутъ слѣдовать за авторомъ: мы знаемъ, что вѣчная тьма не есть выходъ изъ мрака, мы знаемъ, гдѣ лучше, и потому мы не можемъ отчаяваться.

Лучше тамъ, гдѣ ведется разумная жизнь, гдѣ образованіе идетъ впередъ по непреклонному пути, гдѣ человѣческій свѣтъ каждый день одерживаетъ верхъ надъ нечеловѣческою тьмою. Выработанная уже цивилизація другими народами есть достояніе всего человѣчества, она принадлежитъ и русской жизни, и русскому народу; и въ ней, и только въ ней одной кроется вѣрный выходъ изъ самаго мрачнаго положенія. Если мы знаемъ выходъ, тогда отчаянію уже нѣтъ болѣе простора; оно должно уступить мѣсто энергіи и твердой волѣ бороться, при помощи образованія, съ грубостію нравовъ и невѣжествомъ общественной жизни.

Мы разобрали такимъ образомъ два главныя произведенія одного изъ лучшихъ представителей новѣйшей литературы. Мы старались указать на его недостатки и опредѣлить его достоинства. Къ первымъ относятся: неудачная постройка его произведеній, отсутствіе строгой концепціи, вслѣдствіе чего проистекаетъ разбросанность, введеніе лишнихъ сценъ, лишнихъ лицъ, характеры которыхъ онъ часто недостаточно додѣлываетъ, недостаточно анализируетъ; недостатки эти принадлежатъ такъ сказать къ внутренней сторонѣ произведеній г. Рѣшетникова; что же касается до внѣшней стороны, до формы его произведеній, то тутъ недостатки автора еще болѣе рѣзки, еще болѣе вредятъ производимому имъ впечатлѣнію. Бѣдность литературной отдѣлки, не во всѣхъ, но въ значительной части его произведеній, является на первомъ планѣ: авторъ недостаточно обработываетъ свой слогъ, злоупотребляетъ иногда народнымъ языкомъ, бранными выраженіями, забывая, что они ровно ничего не придаютъ къ силѣ его изображеній, что онъ писатель не внѣшности, а, главнымъ образомъ, внутреннихъ сторонъ народной жизни. Въ этомъ послѣднемъ и заключается главное достоинство произведеній г. Рѣшетникова, въ этомъ сказывается вся сила его крупнаго таланта. Онъ представилъ намъ довольно полную картину народной жизни, выставилъ въ ней опредѣленные характеры, общіе типы; подъ страшною грубостію, господствующею въ нравахъ, понятіяхъ и людскихъ отношеніяхъ, грубостію, которую онъ не только не скрываетъ, но напротивъ обнаруживаетъ со всею ясностію, онъ съумѣлъ открыть намъ тлѣющее подъ нею чувство и истинную человѣчность. Онъ раскрываетъ передъ нами глубокія раны на тѣлѣ русскаго народа, раны, явившіяся вслѣдствіе вѣкового рабства и невѣжества, но онъ обна-

руживаетъ ихъ такъ искусно, что не вызываетъ въ читателѣ ни отвращенія къ нимъ, ни безплоднаго сожалѣнія. Мы видимъ рядомъ съ этими ранами столько здоровыхъ инстинктовъ, что въ насъ поселяется увѣренность, что онѣ могутъ быть излечены, какъ только въ жизнь народа проникнетъ европейская цивилизація. Серьезно изучивъ народную жизнь, онъ рисуетъ ее, не коверкая ни въ ту, ни въ другую сторону; въ немъ нѣтъ идеализаціи грубости, точно также, какъ и нѣтъ стремленія изобразить одну только грубость. Простота, искреннее чувство, теплота въ изображеніи народа безъ всякой патетической примѣси, безъ всякой сантиментальности, однимѣ словомъ, самое трезвое отношеніе къ задачѣ беллетриста.

Всѣ эти качества и всѣ недостатки его мы находимъ и въ другихъ повѣстяхъ и разсказахъ г. Рѣшетникова, на которыхъ послѣ того, что нами сказано уже объ этомъ авторѣ, намъ нѣтъ надобности долго останавливаться. Мы не станемъ распространяться о нихъ по двумъ причинамъ, во-первыхъ, потому что статья наша вышла и безъ того уже слишкомъ обширна, а во-вторыхъ, и это главное, потому что повѣсти и разсказы, составляющіе два тома «Сочиненій г. Рѣшетникова», не ослабляютъ и не усиливаютъ вынесеннаго нами впечатлѣнія, они только пополняютъ его. Въ числѣ этихъ повѣстей и разсказовъ, мы находимъ, одни имѣютъ мало интереса, другіе, какъ напр. его «сатирическіе и юмористическіе разсказы, очерки и сцены» вовсе его не имѣютъ, и должны, кажется, были бы убѣдить не только читателей, но и самого автора, что онъ вовсе не обладаетъ сатирическимъ талантомъ; и наконецъ третьи, написанные съ обычнымъ талантомъ г. Рѣшетникова. Къ послѣднимъ мы относимъ его «Тетушку Опарину» «Кумушку Мирониху», его «Максю», «Ильича», «Шилохвостова». Въ этихъ послѣднихъ разсказахъ чрезвычайно много силы, харатеры личностей рисуются какъ нельзя болѣе рельефно и оригинально. Тутъ та же грубость, та же дикость, и рядомъ съ этимъ тѣже человѣческія чувства, тоже стремленіе проникнуть въ самую сущность жизни, наконецъ, тутъ та же правда, которою отличаются всѣ произведенія г. Рѣшетникова.

Мы не станемъ говорить о значеніи автора «Гдѣ лучше?» въ русской литературѣ, потому что намъ пришлось бы повторять все то, что мы высказали въ первой главѣ нашей статьи вообще о значеніи новѣйшаго направленія въ литературѣ. Если значеніе это дѣйствительно, то дѣйствительна и роль г. Рѣшетникова въ литературѣ, потому что, какъ мы сказали, онъ является однимъ изъ лучшихъ представителей этого направленія. Это на-

правленіе поставило себѣ задачею: возможно ближе подойти къ народу, къ его стремленіямъ и истиннымъ интересамъ, и намъ по крайней мѣрѣ кажется, что г. Рѣшетниковъ въ этомъ отношеніи сослужилъ службу, принесъ дѣйствительную пользу и выполнилъ довольно значительную часть задачи, возложенную на новѣйшее направленіе въ литературѣ *).

Евг. Утинъ.

*) Нѣтъ сомнѣнія, что новѣйшіе писатели сослужили службу и продолжаютъ служить современному обществу, ставшему въ другія условія жизни. Но современная критика не всегда является продолжательницею дѣла критиковъ предшествующихъ поколѣній — эпохи Бѣлинскаго. Талантъ Бѣлинскаго произвелъ — и весьма справедливо — сильное впечатлѣніе на послѣдующихъ критиковъ, при чемъ многіе забыли, что манера Бѣлинскаго, его уголъ зрѣнія, пріемы, обусловливались отчасти лично ему принадлежавшимъ талантомъ, а отчасти тѣми обстоятельствами и средою, въ которой онъ жилъ и съ которою боролся. Такимъ образомъ, въ нашей критикѣ началъ съ того времени преобладать исключительно «публицистическій» характеръ, превратившійся въ какой-то канонъ, мотивъ котораго, по удачному выраженію одного изъ современныхъ писателей, состоялъ въ «гражданской скорби». Съ этимъ канономъ случилось тоже, что вообще бываетъ съ канонами: душа, впервые создавшая его, давно отлетѣла, и остались одни звуки. Мы не хотимъ сказать, что новѣйшая критика должна чуждаться публицистики, но пусть это публицистическое значеніе ея достигается глубиною анализа, а не внѣшними пріемами, сложившимися въ давно знакомый всѣмъ акафистъ. Вслѣдствіе такихъ каноническихъ формъ новѣйшей критики, она утратила сознаніе связи новѣйшей литературы съ богатою литературою предшествовавшаго поколѣнія, не поняла этой послѣдней и не оцѣнила ея значенія въ общемъ ходѣ русской цивилизаціи, отъ чего впрочемъ такъ далеко стоитъ настоящее изслѣдованіе. По той же причинѣ, новѣйшіе критики, справедливо продолжая возставать противъ рутины, требовавшей «искусства для искусства», договаривались иногда до требованія «искусства безъ искусства», между тѣмъ какъ искусство потому только и искусство, что оно служитъ жизни, или иначе плевать въ потолокъ и попадать въ одну точку было бы то же искусствомъ. По той же причинѣ, нѣкоторые органы современной журналистики не могутъ спокойно переносить нашего существованія, и мы на-дняхъ прочли («Дѣло», нояб., стр. 80) изумленіе, обращенное къ нашему журналу, «который рядомъ съ похвальной (!?) монографіей Мадзини печатаетъ.... романъ Гончарова» (опускаемъ эпитетъ къ слову: романъ, за ненахожденіемъ его въ лексиконахъ). Подобная «публицистическая» критика граничитъ съ полицейскою, если кто обратитъ вниманіе на слово: «похвальной». — *Ред.*

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

о

ДУХОВНОЙ ЦЕНЗУРѢ.

Со времени дѣйствія закона 6-го апрѣля, въ нашей литературѣ явилось уже нѣсколько сочиненій, подавшихъ поводъ къ литературно-судебнымъ разбирательствамъ по отношенію къ духовной цензурѣ. За исключеніемъ одного процесса, не сдѣлавшагося публичнымъ, въ другихъ процессахъ эти юридическіе случаи кончались оправданіемъ инкриминированныхъ сочиненій и авторовъ, или переводчиковъ и издателей. Оправданія основывались обыкновенно на томъ, что сочиненія, по ближайшемъ судебномъ разсмотрѣніи, въ обвиняемыхъ частяхъ не подлежали духовной цензурѣ, потому что въ нихъ не оказывалось тѣхъ предметовъ, которые собственно отдаются въ ея вѣдѣніе. Эти рѣшенія были, конечно, совершенно справедливой защитой правъ литературы и должны были доставить удовлетвореніе людямъ, дорожащимъ ея успѣхами: въ самомъ дѣлѣ, это значило полагать границу между чисто и исключительно церковнымъ содержаніемъ, которое передается у насъ вѣдѣнію духовной цензуры, и научнымъ изслѣдованіемъ, которому случается касаться предметовъ, близкихъ этому содержанію.

Но, какъ ни справедливы и, потому, отрадны были эти рѣшенія, при серьезномъ и искреннемъ взглядѣ на этотъ предметъ невольно является сомнѣніе: достаточно ли этой судебной практики для окончательнаго опредѣленія вопроса, и не показываетъ ли сама эта практика весьма неяснаго представленія относительно области и значенія духовной цензуры? Въ самомъ дѣлѣ, людямъ, знающимъ судьбу русской литературы за послѣднія двадцать лѣтъ, совершенно извѣстно, что тѣ рѣшенія, какія были постановлены судебной властью по упомянутымъ процессамъ, были значительнымъ шагомъ впередъ противъ

того пониманія объема духовно-цензурнаго надзора, которое господствовало до послѣдняго времени и которое, какъ надо предположить, продолжаетъ господствовать у людей прежней практики, — въ рукахъ которыхъ это дѣло, конечно, остается и по сію пору. Въ прежнее время, въ эти послѣднія двадцать лѣтъ, цензурная практика вообще привлекала въ духовную цензуру все, что только малѣйшимъ образомъ касалось предметовъ религіи: шла ли рѣчь о философскомъ вопросѣ, о границахъ и отношеніяхъ между знаніемъ и вѣрой, или о естественно-научномъ предметѣ, напр. о твореніи міра и продолжительности его существованія, или о чисто-историческомъ вопросѣ, напр. о развитіи и формахъ раскола, или о чисто-беллетристическомъ, напр., когда въ разсказѣ или повѣсти выводился на сцену священникъ (въ этихъ случаяхъ обыкновенно замѣнявшійся въ печати дьячкомъ или пономаремъ)—все это безусловно считалось подлежащимъ вѣдѣнію духовнаго цензора. И цензура дѣйствовала совершенно полновластно: красныя чернила съ избыткомъ чертили корректуру, содержаніе которой часто теряло отъ этого всякій смыслъ. Мы помнимъ изъ цензурной практики начала пятидесятыхъ годовъ случай, когда на духовно-цензурныхъ основаніяхъ запрещено было сочиненіе Рулье, объяснявшее элементарныя геологическія понятія, — по той причинѣ, что они противорѣчили книгѣ Бытія. Мы также хорошо помнимъ другой случай, когда къ духовному цензору отправилась повѣсть—одной изъ лучшихъ русскихъ писательницъ—гдѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ принадлежало, даже не прямо, а только отчасти, духовному сословію, и тогда эта повѣсть вернулась изъ цензуры въ такомъ видѣ, который поразилъ автора своей неожиданностью: нѣсколько страницъ повѣсти было совершенно зачеркнуто, и вмѣсто нихъ рукой цензора написана была вновь совсѣмъ другая романическая сцена, плодъ фантазіи самаго цензора, и соотвѣтственный его литературнымъ вкусамъ и понятіямъ.

Такова была практика, еще не очень давняя. Позднѣе, съ половины пятидесятыхъ годовъ, когда вся цензура вообще стала мягче и терпимѣе, это смягченіе отразилось и на цензурѣ духовной, но положеніе вещей во всякомъ случаѣ было крайне неудовлетворительно. Литературное произведеніе, какими бы качествами оно ни отличалось, было совершенно безправно передъ цензурой: она безконтрольно уничтожала цѣлыя мѣста изъ статей или изъ переводимыхъ писателей, или допускала послѣднія только подъ условіемъ какого-нибудь осуждающаго и неодобряющаго примѣчанія, которыя долженъ былъ дѣлать переводчикъ или которыя обязательно приписывалъ самъ цензоръ. Множество книгъ иностранной литературы, чисто научнаго характера и совершенно умѣренныхъ, оставались недоступными для русской литературы, потому, что имѣли какое-нибудь кри-

тическое отношеніе къ предметамъ, находившимся въ исключительномъ завѣдываніи духовной цензуры.

Понятно, какъ стѣснительно было все это для литературы, и едва ли многіе достаточно оцѣняютъ тотъ огромный вредъ, какой происходилъ изъ этого для самыхъ серьезныхъ интересовъ литературы, интересовъ всего національнаго образованія. Сколько вопросовъ оставалось и остается совершенно недоступными для литературы; какъ ограничивается этимъ умственный горизонтъ цѣлаго общества; до какой жалкой степени мельчаетъ мысль о самыхъ глубокихъ вопросахъ религіи и нравственности....

Какъ мы сказали, судебныя рѣшенія положили нѣкоторое основаніе болѣе правильному пониманію того объема изслѣдованія, какой можетъ и долженъ быть доступенъ для литературы. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, съ какими затрудненіями все-таки и теперь остается соединенъ вопросъ объ опредѣленіи духовно-цензурной юрисдикціи, т.-е. вопросъ о томъ, въ какихъ случаяхъ сочиненіе должно идти въ духовную цензуру (потому что странно было бы, въ самомъ дѣлѣ, рѣшать этотъ вопросъ каждый разъ судебнымъ порядкомъ), приймемъ прямо тотъ случай, что сочиненіе *должно* идти въ духовную цензуру, такъ сказать, à priori, или тотъ случай, гдѣ оно должно пройти этимъ путемъ по усмотрѣнію судебной власти. Какіе результаты будутъ получаться въ этомъ случаѣ?

Не подлежитъ спору, что личная практика цензора всегда представляетъ множество случайностей—личныхъ взглядовъ *того* или *другого* цензора на предметъ, степени его смѣлости, степени пониманія обстоятельствъ, наконецъ—и это кажется главное—степени его общей образованности. Мы указывали выше, въ какомъ родѣ складывалась духовно-цензурная дѣятельность въ недавніе годы, въ какую форму цензурныхъ требованій соединялись всѣ эти личныя качества исполнителей цензурнаго дѣла. Эта прежняя, недавняя дѣятельность составила, конечно, свою извѣстную практику, свои традиціонные пріемы, и эти пріемы — едва ли можно сомнѣваться — крайне неблагопріятны для литературы. Едва ли можно сомнѣваться, что въ случаѣ, еслибы— по какой-нибудь весьма возможной варіаціи судебныхъ рѣшеній — въ какомъ-либо изъ упомянутыхъ случаевъ судебная власть нашла сочиненіе, въ отдѣльныхъ его частяхъ, *подлежащимъ* духовной цензурѣ, то едва ли можно сомнѣваться, говоримъ мы, что этимъ отдѣльнымъ частямъ грозила бы большая опасность быть запрещенными, или въ цѣломъ, или частію. Въ этомъ убѣждаютъ множество примѣровъ духовно-цензурныхъ рѣшеній изъ самаго недавняго прошлаго.

Очевидно, что даже въ томъ сильно стѣсненномъ положеніи литературы, въ какомъ она находится теперь, судьба сочиненія—быть или не быть — рѣшается на основаніи двухъ различныхъ критеріумовъ,—

критеріума суда (который можно считать болѣе снисходительнымъ, т. е. безпристрастнымъ) и критеріума самой духовной цензуры.

Какъ быть?

Вопросъ становится еще гораздо труднѣе, если мы предположимъ другой случай.

До сихъ поръ мы говорили только о сочиненіяхъ, которыя только *въ отдѣльныхъ частяхъ* должны бы были подлежать или не подлежать духовной цензурѣ. Люди, знакомые съ положеніемъ дѣла, знаютъ, что литература — внѣ одного спеціальнаго круга духовныхъ писателей, смотрѣвшихъ на предметы общепринятымъ въ нашей духовной литературѣ образомъ — до сихъ поръ, кажется, ни разу не касалась той области предметовъ, которая была принадлежностію этого спеціальнаго круга. Литература не дѣлала этого потому, что очень хорошо знала, что еслибы кто написалъ или перевелъ сочиненіе, составленное не въ этомъ общепринятомъ у спеціальнаго круга, схоластическомъ тонѣ, это сочиненіе не могло бы увидѣть свѣта. Должно ли это такъ оставаться всегда? Въ послѣднее время содержаніе нашей литературы значительно расширилось и это расширеніе показываетъ, что расширилась вообще серьезная любознательность образованнаго и грамотнаго класса,— можно предполагать, что она распространится и на эту область, до сихъ поръ спеціально-схоластическую, и что явится серьезная потребность познакомиться съ той разработкой этой области, какую представляютъ литературы европейскія. Тамъ эта разработка достигла теперь замѣчательно широкихъ размѣровъ, и было бы совершенно естественно и даже необходимо, еслибы литература, не спеціально духовно-сословная, обратилась къ этимъ предметамъ съ искреннимъ и серьезнымъ желаніемъ увидѣть, на чемъ стоитъ *научное* западно-европейское пониманіе тѣхъ нравственно-религіозныхъ предметовъ, которые составляли и еще составляютъ у насъ спеціальную принадлежность духовно-сословной литературы.

Предположимъ, что трудъ подобнаго рода, оригинальный или переводный, явится въ литературѣ, или точнѣе, будетъ представленъ въ духовную цензуру.

По прежнимъ пріемамъ ея, онъ былъ бы или совершенно запрещенъ, или сильно сократился бы отъ цензурныхъ исправленій и исключеній, — потому что постановка этихъ предметовъ въ западно-европейской *наукѣ* не имѣетъ у насъ права гражданства.

Должно ли это такъ быть и теперь?

Сколько было извѣстно по слухамъ, въ предполагавшемся недавно проектѣ дополнительнаго закона о печати затронутъ былъ и вопросъ о духовно-цензурной юрисдикціи. Этотъ вопросъ, кажется, слѣдовало затронуть. По всей вѣроятности, онъ не будетъ оставленъ безъ вни-

манія и во вновь образованной коммиссіи. Но съ какой точки зрѣнія слѣдуетъ взглянуть на него и его рѣшать?

Здѣсь, какъ и вообще во всѣхъ предметахъ текущаго законодательства, которое должно опредѣлить юридическія формы общественныхъ отношеній, мѣняющихся неизбѣжно съ теченіемъ времени, съ увеличеніемъ общаго образованія, съ усложненіемъ условій, — здѣсь законодательство можетъ принять два различные пути: консервативный или прогрессивный. Есть еще и третій: прямо ретроградный и реакціонный, который вообще противорѣчитъ естественному развитію общества, но въ настоящемъ случаѣ мы вовсе не будемъ предполагать его, какъ совершенно безплоднаго по самой сущности дѣла, сколько мы думаемъ — почти невозможнаго въ примѣненіи, и едва ли входящаго въ виды правительства. Мы нисколько не ожидаемъ также, чтобы у насъ приняли единственную радикальную и способную быть вполнѣ послѣдовательной мѣру, т.-е. совершенную отмѣну цензуры, и потому будемъ говорить о ближайшихъ возможныхъ рѣшеніяхъ.

Въ вопросѣ о духовной цензурѣ очевидно идетъ дѣло о томъ, быть или не быть извѣстной свободѣ изслѣдованія религіозныхъ предметовъ. Потребности времени, какое ни на есть распространеніе образованности, въ послѣдніе годы, безспорно, уже оказали извѣстное вліяніе въ этомъ вопросѣ, — тѣмъ, что расширили прежнюю цензурную рамку. Это случилось безъ всякихъ особенныхъ заботъ, желаній, но и безъ вѣдома законодательства [1]), и слѣдовательно, въ ряду упомянутыхъ мѣняющихся обстоятельствъ, которыя должны приниматься въ разсчетъ текущимъ законодательствомъ, это естественное, само собою совершившееся расширеніе рамокъ и должно служить въ настоящемъ случаѣ какъ исходный пунктъ для законодательства. Понятно, что если это уже совершилось по естественному теченію вещей, законодательство не можетъ разумнымъ образомъ поворачивать дѣла назадъ, т.-е. запретить вновь то, что уже нѣсколько лѣтъ спокойно разрѣшается. Но затѣмъ, какъ мы говорили, оно можетъ принять консервативный или прогрессивный взглядъ на этотъ предметъ, и вопросъ состоитъ въ томъ: какой изъ двухъ взглядовъ заслуживаетъ предпочтенія, какой больше будетъ соотвѣтствовать разумнымъ требованіямъ, больше содѣйствовать успѣхамъ литературы и слѣдовательно всей народной образованности, и наконецъ больше соотвѣтствовать достоинству самой законодательной власти?

Консервативный взглядъ на предметъ состоялъ бы въ томъ, что

---

[1]) Сколько мы помнимъ, цензурное свѣтское вѣдомство одинъ разъ обратило вниманіе на этотъ предметъ и озабочивалось болѣе свободнымъ пропускомъ естественно-научныхъ сочиненій, — впрочемъ озабочивалось только частнымъ образомъ, а не въ видѣ прямой законодательной мѣры.

законодательство просто дало бы свою санкцію тѣмъ отношеніямъ литературы, какія уже есть,—и только, не дѣлая ни одного шага къ тому, чтобы доставить интересамъ образованія тотъ большій просторъ, требованіе котораго выразилось, какъ выше замѣчено, въ постепенномъ, само собою происшедшемъ расширеніи духовно-цензурныхъ рамокъ дѣйствіемъ самой литературы. Ясно, что такой способъ дѣйствій законодательства утверждалъ бы одинъ status quo, не принимая нисколько въ разсчетъ движенія литературныхъ потребностей, которое не остановится и будетъ продолжаться. Такимъ образомъ, законодательство отвѣчало бы условіямъ времени только очень недолго, потому что самый status quo скоро бы измѣнился, и затѣмъ законодательство опять оказалось бы запоздалымъ, перестало бы удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ литературы и опять легло на нее давящимъ гнетомъ, какъ это было до сихъ поръ. Литературѣ предоставлено было бы управляться съ своими стремленіями какъ она знаетъ; въ концѣ концовъ, она опять цѣной усилій измѣнила бы уровень цензурной опеки, какъ это уже случалось,—но прежде, чѣмъ произойдетъ это измѣненіе уровня, много книгъ и статей будетъ запрещено, много авторовъ или переводчиковъ подвергнуто взысканіямъ и напрасной потерѣ трудовъ, затратъ и времени, — съ тѣмъ, чтобы тѣ же самыя книги и статьи оказались возможными черезъ нѣсколько лѣтъ (съ потерей только ихъ живого интереса). Что таковъ былъ бы ходъ вещей, въ этомъ не трудно будетъ увѣриться тому, кто вспомнитъ, напр., судьбу лекцій Рулье о геологіи, судьбу книги Вундта о душѣ человѣка и животныхъ, судьбу «Писемъ Луи Блана», обвиненныхъ (между прочимъ) за упоминаніе англійской книги «Essays and Reviews», и множество примѣровъ духовно-цензурной практики, не доходившихъ до суда. Ясно, что въ результатѣ получится вообще чистая потеря, лишнее стѣсненіе для умственнаго труда и образовательныхъ стремленій общества; а нашъ умственный трудъ и образовательныя стремленія къ сожалѣнію вовсе не такъ богаты, чтобы они могли выносить безвредно такія ненужныя истязанія. Такимъ образомъ, просто узаконить настоящее положеніе вещей въ литературѣ значило бы въ сущности теперь же приготовить для нея новыя вредныя препятствія, потому что самый status quo (хотя и представляетъ нѣкоторый успѣхъ сравнительно съ прежнимъ) ни одинъ безпристрастный человѣкъ не назоветъ удовлетворительнымъ и благопріятнымъ для самаго скромнаго движенія литературы.

Для избѣжанія подобныхъ послѣдствій и для дѣйствительнаго удовлетворенія потребностей образованія остается, слѣдовательно, только другой, болѣе прогрессивный взглядъ на предметъ и соотвѣтствующая ему законодательная постановка дѣла. Въ такомъ случаѣ, гдѣ законодательство должно опредѣлять развивающіяся формы жиз-

нии, и особенно столь трудно уловимыя формы, какъ умственное развитіе, оно, разумнымъ образомъ, не можетъ принимать существующаго status quo за неподвижный пунктъ, такъ какъ совершенно очевидно, что онъ не есть неподвижный, что умственное развитіе незамѣтно, но несомнѣнно идетъ впередъ. Законодательство должно здѣсь разсчитывать и на ближайшее будущее, должно облегчать ему устанавливать свои отношенія и открывать дорогу развитію. Это было бы дѣломъ простого благоразумія, простого сбереженія силъ. Ему нечего опасаться, что оно расширитъ рамки больше, чѣмъ нужно для общества; если онѣ будутъ дѣйствительно больше, то на первое время онѣ только останутся ненаполненными, но за то дальнѣйшее время будетъ избавлено отъ необходимости добиваться ихъ расширенія, что всегда бываетъ очень трудно и тяжело падаетъ на умственныя силы общества. Но мы полагаемъ, что этого даже не можетъ случиться, что рамки, какъ бы широко ни поставило ихъ законодательство, вовсе не окажутся широки и преждевременны, — точно также, какъ не оказался преждевременнымъ судъ присяжныхъ, о которомъ многіе въ нашемъ обществѣ думали прежде (до введенія его на дѣлѣ), что онъ окажется преждевременнымъ, что онъ составляетъ принадлежность только очень цивилизованныхъ странъ и потому не привьется у насъ, еще слишкомъ мало цивилизованныхъ, но который однако на первыхъ же порахъ примѣнялся до такой степени порядочно, какъ будто былъ давнимъ и привычнымъ учрежденіемъ. Тоже, безъ сомнѣнія, окажется и здѣсь. Сколько мы знаемъ русскую литературную жизнь, въ лучшей части ея есть положительный запросъ на бо́льшее расширеніе правъ печати для нравственно-религіозныхъ предметовъ. Намъ почти не хочется сказать, что русской литературѣ нужна полная *свобода изслѣдованія*, — потому что кажется нѣсколько страннымъ сопоставлять это великое право, завоеванное усиліями европейской мысли, съ жалкимъ уровнемъ образованности въ массѣ нашего общества и съ дикими порожденіями большинства современной нашей литературы, въ которой через-чуръ долговременная и строгая умственная діэта истребляетъ даже самую способность свободной критики. Но и при этомъ жалкомъ состояніи массы общества и литературы, для лучшихъ умовъ и теперь настоятельно чувствуется потребность въ этой свободѣ, которая одна и можетъ открыть для нихъ возможность дѣятельности, и только въ этой свободѣ (хотя бы на первое время къ истинному изслѣдованію обратились только немногіе) заключалось бы средство поднять весь уровень нашего образованія. Или, если у насъ еще немного людей, способныхъ къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ, то во всякомъ случаѣ въ литературѣ существуетъ несомнѣнная и сильная потребность усвоить себѣ результаты чужого свободнаго изслѣдованія, познакомиться, хотя отчасти, съ замѣчатель-

ными въ высшей степени произведеніями западной религіозно-исторической и религіозно-философской литературы. Открывая для нея эту возможность, законодательство, повторяемъ, только отвѣтитъ несомнѣнной потребности, дастъ этой потребности средства *правильнаго* удовлетворенія; сдѣлавши это, законодательство только избавитъ общество отъ необходимости удовлетворять своей потребности косвенными и ненормальными путями, и скрывать это, — оно избавитъ общество отъ лишняго лицемѣрія, а себя отъ лишняго разочарованія на этотъ счетъ теперь и впослѣдствіи.

Въ этомъ не мудрено убѣдиться, всмотрѣвшись ближе въ духовно-цензурную практику. Цѣль ея — извѣстна; собственно говоря, это — недопущеніе въ печать сочиненій и мнѣній, противныхъ православной догматикѣ, недопущеніе распространенія ученій, противныхъ ученію православной церкви. Оставляя въ сторонѣ всякія абсолютныя и отвлеченныя соображенія о свободѣ мнѣній и печати, — такъ какъ онѣ едвали покажутся даже возможными и понятными для практиковъ, обсуждающихъ эти предметы, — мы приведемъ нѣсколько примѣровъ и коснемся только нѣкоторыхъ сторонъ дѣла, указывающихъ на необходимость болѣе раціональной постановки духовно-цензурнаго вопроса.

Итакъ, цѣль духовной цензуры извѣстна; она была неизмѣнна съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ впервые стала дѣйствовать на русскую литературу. Но какъ различно однакоже она понималась и исполнялась въ разное время! Съ конца XVII-го вѣка, когда московское духовенство критиковало богословскія сочиненія Лаврентія Зизанія, и до нашего времени, цензура эта измѣнила много разъ свои взгляды; понятія времени оказывали, хотя всегда нѣсколько поздно, вліяніе на ея теологическія основанія. Качества духовной цензуры отражали на себѣ качества духовно-сословнаго образованія; это послѣднее долго, даже до нашего времени, держалось въ крайне-схоластическомъ смыслѣ и положительно отставало отъ свѣтской науки, потому и требованія духовной цензуры всего чаще бывали только отсталымъ притязаніемъ противъ свѣтской образованности. Извѣстно, какъ характеризовалъ Кантемиръ современное ему монашество. Извѣстно, какую ненависть возбуждалъ къ себѣ Ѳеофанъ своимъ сочувствіемъ къ научнымъ взглядамъ. Нѣсколько позже, Ломоносовъ долженъ былъ на извѣстныя возраженія рѣзко отвѣчать, что «по псалтырю нельзя учиться физикѣ». Еще позднѣе, духовная цензура вооружалась противъ «Попія», у котораго, въ «Опытѣ о человѣкѣ», находила недозволительныя «натуралистическія» мнѣнія, напр. принятіе системы Коперника. Во всѣхъ этихъ и множествѣ другихъ случаевъ явно оказывалось противорѣчіе между традиціонными представленіями и новыми научными понятіями, или даже проще, противорѣчіе между научными понятіями и ограниченностію духовно-сословнаго образованія, или про-

сто невѣжествомъ, въ предметахъ естественной науки. Въ западной Европѣ это противорѣчіе также являлось при каждомъ великомъ открытіи въ изученіи природы, которое не сходилось съ традиціонными понятіями, и новыя открытія подвергались ожесточеннымъ нападеніямъ духовенства, которое въ своихъ традиціонныхъ понятіяхъ полагало и всю религію; но дѣло кончалось обыкновенно тѣмъ, что научная истина наконецъ принималась, и традиціонныя понятія измѣнялись сообразно съ ней, или же молча признавали ее. Такъ подверглось нападеніямъ открытіе Галилея, система Коперника и т. д. Это было столкновеніе знанія и вѣры, или точнѣе, столкновеніе знанія съ дурно-понимаемой религіей. Въ результатѣ религія вовсе не падала, какъ обыкновенно опасались и вопіяли ея защитники, но она очищалась, освобождалась отъ невѣжественныхъ понятій, которыя къ ней привязывались и притомъ какъ существенная принадлежность,—какъ будто бы объяснить физическій законъ значило уничтожить религію. Таковы были опасенія, когда доказывалась шарообразность земли, обращеніе ея вокругъ солнца, законъ тяготѣнія, наконецъ когда въ новѣйшее время доказывалась геологическая древность земного шара и т. п. Все это стало азбучными истинами, и религія однако не уничтожилась. За то впрочемъ уничтожились ея грубыя формы, т. е. тѣ именно формы, которыя хранились по преданію отъ среднихъ вѣковъ и были слѣдствіемъ ихъ невѣжества и варварства.

Въ нашемъ образованіи, со времени введенія къ намъ европейской науки, естественно должны были повториться тѣ же явленія. Они и повторялись на фактѣ, хотя и доселѣ этотъ вопросъ почти никогда не ставился по сущности. Ломоносовъ долженъ былъ доказывать, что наука не вредитъ вѣрѣ, что и она также идетъ отъ Бога и т. п., и какъ извѣстно, направлялъ свое остроуміе противъ невѣжества современнаго ему духовенства. Въ массѣ необразованнаго и полуобразованнаго общества составилось тупое представленіе, что наука противорѣчитъ религіи, потому что — какъ могъ бы Іисусъ Навинъ сказать солнцу: остановись! когда, говорятъ, движется не солнце, а земля. Мнѣніе о движеніи земли считалось вольнодумнымъ, безбожнымъ. Такъ думала и большая часть людей духовно-сословнаго образованія, которые при случаѣ и дѣйствительно покрывали свои понятія церковнымъ авторитетомъ. Мы упоминали выше, что во второй половинѣ прошлаго столѣтія «Попій» показался подозрителенъ потому, что принималъ систему Коперника, но уже въ то время эту систему надо было однако допускать въ школахъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ духовная цензура не допускала сочиненій, говорившихъ о геологической древности земли, далеко превышающей Моисеево лѣтосчисленіе; теперь *эти самыя* вещи спокойно печатаются въ книгахъ для *дѣтскаго* чтенія.

Не нужно, кажется, объяснять, что совершенно таковы и *всѣ* случаи, въ которыхъ духовно-цензурной практикѣ пришлось бы встрѣчаться съ фактами естествознанія и исторіи. Каждый разъ, когда она будетъ видѣть въ нихъ религіозное вольнодумство и безбожіе, она въ сущности будетъ только обличать ограниченность духовно-сословнаго образованія, понятіями котораго она будетъ руководиться, и обширность общественной необразованности, на голосъ и разумѣніе которой она будетъ опираться. Приведенные примѣры показываютъ достаточно, что представлять дѣло иначе было бы или доказательствомъ недостаточности познаній, или лицемѣріемъ. Поправить дѣло можно было бы только однимъ: признаніемъ за наукой полнаго права независимаго существованія, а также улучшеніемъ духовно-сословнаго образованія. Въ послѣднее время необходимость этого улучшенія понята въ самой духовно-церковной средѣ; новые уставы духовныхъ заведеній даютъ больше, чѣмъ прежде, мѣста такъ-называемымъ «свѣтскимъ» наукамъ, и отъ этого слѣдуетъ конечно ожидать благихъ результатовъ. Не менѣе, если не больше, помогло бы то расширеніе правъ литературы относительно духовной цензуры, о необходимости котораго мы говоримъ. Пока эта цензура усовершенствуется по ея внутреннему составу (неудовлетворительность котораго implicite признана самимъ правительствомъ, въ упомянутыхъ мѣрахъ къ улучшенію духовныхъ учебныхъ заведеній), законъ могъ бы предоставить литературѣ большую свободу въ этомъ отношеніи, и въ результатѣ—стремленія самой литературы ускорили бы разъясненіе дѣла.

Какъ распространеніе естественно-научныхъ познаній способствуетъ уничтоженію грубыхъ формъ религіозности, точно такое же вліяніе имѣло бы и распространеніе здравыхъ научныхъ понятій о религіозной исторіи. Въ этомъ отношеніи наша литература крайне слаба. Въ ней продолжаютъ господствовать схоластическія и легендарныя представленія, странная несостоятельность которыхъ бросается въ глаза. Собственная производительность нашихъ духовныхъ писателей въ церковной исторіи, въ толкованіи церковныхъ писателей, въ церковной археологіи, догматической исторіи и т. д., хотя и обширная по объему, очень бѣдна самостоятельными изслѣдованіями. До XVIII-го вѣка это были повторенія византійцевъ. Съ XVIII-го, или съ конца XVII-го, это были обильныя заимствованія изъ западныхъ писателей, сначала католическихъ, а потомъ и протестантскихъ, заимствованія, только прилаженныя къ исключительнымъ догматамъ православія. Традиціонная неподвижность всего духовно-сословнаго образованія сдѣлала то, что духовная литература обыкновенно довольствовалась разъ составленными положеніями, мало помышляя о томъ, сохраняютъ ли эти положенія свою вѣроятность при новыхъ результатахъ европейской, а иногда даже и самой русской науки. Правда,

въ духовенствѣ были и есть просвѣщенныя лица, довольно знакомыя съ разработкой этихъ предметовъ въ современной западной литературѣ, но въ силу той же традиціи они не могли дѣйствовать на улучшеніе понятій. Въ XVIII-мъ столѣтіи, Ѳеофанъ по своимъ талантамъ и знаніямъ способенъ былъ бы дать новое движеніе духовному образованію; но обстоятельства времени дѣлали это предпріятіе крайне опаснымъ, и онъ не совершилъ его, или сдѣлалъ только немногое. Въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія начиналось опять (въ петербургской академіи) болѣе живое, слегка раціоналистическое направленіе духовнаго образованія, но и оно по обстоятельствамъ времени не успѣло развиться. Въ нынѣшней духовной литературѣ появляются замѣчательныя попытки внести больше научной строгости въ религіозно-историческія понятія, но и эти попытки въ цѣломъ все еще весьма ограниченны, и далеко не обнимаютъ всего значенія предмета. Наши духовные писатели и ученые вообще отличались гораздо больше обиліемъ фактическихъ свѣдѣній, чѣмъ духомъ изслѣдованія. Между тѣмъ именно этотъ духъ и отличаетъ новѣйшую теологическую науку на Западѣ, и усвоеніе этой науки составляетъ необходимое условіе для успѣховъ нашей собственной теологіи, какъ знакомство съ выводами этой науки дѣлается замѣтной потребностію и въ обществѣ.

Въ процессѣ о «Письмахъ» Луи Блана, защита усиленно доказывала, и судебное рѣшеніе согласилось, что извлеченія этого писателя изъ книги «Essays and Reviews», сохраненныя въ русскомъ изданіи, не даютъ основанія къ обвиненію издателя, такъ какъ это только извлеченія изъ книги, писанной для англичанъ. Но еслибы явилась на русскомъ языкѣ цѣлая книга «Essays and Reviews»? Она писана конечно для англичанъ, но предметы, о которыхъ въ ней идетъ рѣчь, относятся одинаково и къ англійской и къ русской религіи; они относятся вообще къ христіанству. Положимъ, что многое въ ней несогласно съ православной догматикой, какъ она теперь понимается; но слѣдовало ли бы запретить книгу уже по этой одной причинѣ? Въ интересѣ нравственнаго достоинства исповѣданія необходимо было бы скорѣе именно допустить изслѣдованіе предмета, слѣдовательно допустить изложеніе противоположныхъ мнѣній. Если даже принять, что эти противоположныя мнѣнія совершенно ошибочны, то и въ такомъ случаѣ запрещеніе ихъ не находитъ себѣ оправданія. Истина не должна и не можетъ быть утверждаема только насильственными запрещеніями изслѣдованія, и тѣ, кто хочетъ защищать ее подобными средствами, неизбѣжно повредятъ ей самой: насильственное запрещеніе въ такихъ случаяхъ внушаетъ еще бóльшія сомнѣнія; оно заставляетъ по неволѣ думать, что защитники предполагаемой истины сами

не увѣрены въ своемъ дѣлѣ, если хотятъ избѣгать его обсужденія, даже насильственнымъ принужденіемъ другихъ къ молчанію.

Недавно, одинъ изъ нашихъ талантливыхъ публицистовъ, теперь къ сожалѣнію принужденный прекратить свою дѣятельность, съ большимъ одушевленіемъ и съ несомнѣнной правдой (выкупавшей другія, очень произвольныя мнѣнія его о предметѣ) указывалъ недостатки нашего духовно-церковнаго быта, лишеннаго нравственной самостоятельности и слишкомъ преданнаго формѣ вмѣсто сущности. Нѣтъ сомнѣнія, что указываемыя нами духовно-цензурныя отношенія представляютъ одно изъ послѣдствій этого недостатка, и вмѣстѣ одну изъ причинъ его продолжающагося существованія.

Очевидно, что настоящее положеніе этого дѣла ставитъ вопросъ общественнаго мнѣнія въ предметахъ религіи чисто формальнымъ, такъ-сказать, полицейскимъ, бюрократическимъ, образомъ. Извѣстное мнѣніе запрещено, извѣстная книга арестована,—и довольно. Но понятій арестовать нельзя; они продолжаютъ жить и развиваться, и когда у нихъ отнимается путь естественнаго развитія, онѣ не теряютъ своего содержанія, но нерѣдко вслѣдствіе самаго стѣсненія дѣлаются рѣзкими и нетерпимыми, потому что одна нетерпимость всегда вызываетъ другую. У насъ въ послѣднее время жалобы на распространеніе матеріализма и отрицанія стали общимъ мѣстомъ до скуки: но никому изъ этихъ жаловавшихся благоразумныхъ людей не пришло въ голову серьезно подумать (да они большею частію и неспособны къ этому), какая же причина производитъ такое распространеніе отрицанія, дѣйствительно нерѣдко довольно нетерпимаго? Оглянувшись на прошедшее, да и на настоящее, легко видѣть, что всѣ новыя попытки русской мысли, самыя искреннія, самыя благородныя по своему источнику, всѣ самые естественные порывы къ критикѣ и изслѣдованію встрѣчаемы были изъ этого самаго лагеря благоразумныхъ самой ненавистной нетерпимостью и озлобленіемъ, которыя и не преминули произвести своего дѣйствія, т.-е. вызвать въ отвѣтъ такую же крайнюю нетерпимость. Кто начиналъ въ этомъ случаѣ, объ этомъ не можетъ быть и вопроса.

Очевидно, что въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ отношеній нашей умственной жизни будетъ все сильнѣе увеличиваться этотъ ничѣмъ не умѣряемый и не примиряемый разладъ, если эти отношенія не будутъ улучшены введеніемъ бо́льшей терпимости къ умственнымъ стремленіямъ общества, допущеніемъ бо́льшей свободы для литературы въ нравственно-религіозныхъ (рядомъ съ этимъ, конечно и въ другихъ) предметахъ.

Въ чемъ же состоятъ здѣсь эти стремленія? Они, очень просто, состоятъ въ томъ, чтобы эти предметы могли быть разъясняемы въ литературѣ соотвѣтственно тому уровню свѣдѣній, который уже пріобрѣ-

тенъ ею въ другихъ отношеніяхъ;—они состоятъ въ болѣе разумномъ, раціональномъ, если угодно раціоналистическомъ пониманіи вещей, относительно которыхъ до сихъ поръ допускается только традиціонно-схоластическая точка зрѣнія.

Чтобы доставить удовлетвореніе этимъ стремленіямъ, довольно было бы искренно взглянуть на настоящее положеніе дѣла.

Если цензура хотѣла предохранить общество отъ всякой мысли, несогласной съ предписаннымъ содержаніемъ, то не говоря о томъ, что эта цѣль недостижима вообще, когда нѣкоторая дѣятельность мысли уже началась, эта цѣль не достигается и въ настоящемъ положеніи дѣла. Во-первыхъ, вся остальная литература,—не касающаяся прямо предметовъ религіозно-нравственныхъ, — или вѣрнѣе, все образованіе сообщаетъ множество понятій, которыя хотя и не будутъ имѣть прямого отношенія къ этимъ предметамъ, но будутъ имѣть множество отношеній косвенныхъ, и вслѣдствіе извѣстной ассоціаціи идей, не подлежащей никакому контролю, относительно этихъ предметовъ будутъ составляться понятія, далеко не соотвѣтствующія упомянутымъ традиціоннымъ воззрѣніямъ. Эти понятія на дѣлѣ существуютъ, и всѣмъ извѣстно, какое вліяніе они производятъ на религіозность,—до какой степени различны религіозныя понятія человѣка образованнаго и человѣка необразованнаго. Мы, по истинѣ, не понимаемъ, какая причина можетъ мѣшать открытому признанію этого факта, признанію тѣхъ религіозныхъ представленій, которыя соотвѣтствуютъ содержанію новой образованности. Взамѣнъ этого, происходятъ странныя вещи. Въ нашей литературѣ вдругъ появляется, напр., «обличеніе выдуманной жизни Іисуса», т.-е. обличеніе книги Ренана. Какой смыслъ можетъ имѣть это обличеніе, если самая книга не можетъ явиться на русскомъ языкѣ? Для читателя, не знающаго иностранныхъ языковъ, она, мы думаемъ, не представитъ должной убѣдительности; потому что всякій серьезный человѣкъ въ полемическихъ предметахъ естественно желаетъ выслушивать обѣ стороны. Такимъ образомъ, книга можетъ, собственно говоря, разсчитывать только на тѣхъ, кто читалъ сочиненіе Ренана по-французски. Такіе люди, слѣдовательно, считаются возможными. Ихъ и дѣйствительно было многое множество, потому что книга Ренана, хотя и не пользовалась полной свободой обращенія, но тѣмъ не менѣе допускалась въ продажу подъ нѣкоторыми условіями. На дѣлѣ, ее имѣлъ возможность прочитать всякій, у кого было на это особенное желаніе. Отчего же это право русскихъ читателей, которые умѣютъ читать французскія книги, не можетъ быть распространено и на тѣхъ, кто не умѣетъ? Или, отчего для первыхъ не считается вреднымъ и опаснымъ то, что считается для вторыхъ? Если у первыхъ предполагается больше благоразумія въ пользованіи книгой, то не

слишкомъ ли ненадежна мѣрка благоразумія по знанію французскаго языка?

На это могутъ возразить, что подобная мѣра все-таки ограничиваетъ обращеніе книги въ болѣе или менѣе образованномъ классѣ, а недозволеніе ея на русскомъ языкѣ (мы предполагаемъ это впередъ, какъ вещь едвали сомнительную) предохраняетъ отъ соблазна людей невѣжественныхъ. На это можно было бы отвѣчать двумя указаніями. Во-первыхъ, книга Ренана едвали бы и попала въ невѣжественный классъ,—потому что написана въ такомъ литературномъ стилѣ, который едва ли доступенъ невѣжественному классу; такого рода читатели всего скорѣе не прочтутъ ея, и стало быть не въ состояніи будутъ ею злоупотребить. Во-вторыхъ, и это существенное: невѣжественный классъ, т.-е. народная масса, слишкомъ малограмотенъ, да и изъ него все-таки до 11 милліоновъ ушло въ расколъ, котораго не могла предотвратить и не могла уничтожить никакая цензура, и этотъ расколъ — по своему религіозному достоинству — конечно хуже всякаго, даже слабо перенятаго европейскаго раціонализма. Къ чему же служили и впредь послужатъ всѣ заботы объ истребленіи всякихъ мнѣній, несогласныхъ съ традиціей, всѣ заботы объ устраненіи соблазна отъ меньшей братіи, когда эта меньшая братія, въ огромной своей долѣ, сама ищетъ свою дорогу и, въ печальномъ отсутствіи образованія, заходитъ нерѣдко въ такое извращеніе религіи и въ такое страшное искаженіе всей человѣческой природы, какое представляютъ нѣкоторые виды русскихъ народныхъ сектъ? Въ виду этого факта, намъ кажется, могъ бы составиться иной взглядъ на духовно-цензурную дисциплину, чѣмъ нынѣ существующій.

Итакъ, въ значительномъ процентѣ общества, болѣе образованномъ, нынѣшняя дѣятельность цензуры не предупредила проникновенія западно-европейскихъ мнѣній, и продолжая запретительную систему, она нисколько не исправитъ дѣла, а только закроетъ свои собственные глаза на то, что всѣ видятъ, будетъ считать не существующимъ всѣмъ извѣстное. Въ народѣ, она не предупредила и не уничтожила (несмотря на всю дѣятельную помощь административныхъ и судебныхъ преслѣдованій) чрезвычайнаго распространенія раскола, доходящаго нерѣдко до самыхъ уродливыхъ религіозныхъ представленій.—Оба эти явленія—прямое и непремѣнное слѣдствіе упорной запретительной системы.

Съ другой стороны, искренно смотря на этотъ предметъ, нельзя не видѣть, что система запрещеній вреднымъ образомъ отражается на самой духовно-сословной литературѣ. Достоинство извѣстныхъ понятій опредѣляется только ихъ повѣркой и критическимъ обсужденіемъ; между тѣмъ эта литература остается съ давнихъ поръ совершенно замкнутой въ своемъ кругѣ, и это естественно должно уменьшать ея авто-

ритетъ въ глазахъ тѣхъ, кто болѣе или менѣе знакомъ съ разработкой нравственно-религіозныхъ предметовъ въ западно-европейской наукѣ и литературѣ. У насъ духовная и свѣтская литература раздѣлены будто двѣ совершенно различныя области, не имѣющія между собою общаго—явленіе, по нашему понятію, весьма неутѣшительное для интересовъ нравственно-религіознаго образованія. На этой отдѣльности духовной литературы лежитъ слѣдъ того сословнаго уединенія духовенства въ особую касту, уединенія, которое такъ долго тяготѣло надъ нимъ къ его собственному вреду, и которое теперь вызвало наконецъ правительственную реформу. Точно также на этомъ странномъ положеніи духовной литературы отразился, безъ сомнѣнія, и весь характеръ духовно-сословнаго быта, свойства образованія духовенства, его положенія въ разныхъ ступеняхъ его служенія и т. д., — тотъ характеръ быта, измѣненія котораго желаютъ болѣе умные люди изъ самого духовенства. Современемъ и правительственная реформа, и стремленія духовенства къ устройству своего образованія и къ расширенію своего самоуправленія, принесутъ конечно свои плоды. Но эти плоды едвали будутъ прочны и даже возможны безъ той параллельно идущей реформы, какой требуетъ духовно-цензурная система.

Такимъ образомъ, вопросъ о духовной цензурѣ тѣсно связывается съ серьезнѣйшими интересами всего національнаго образованія и въ частности съ интересами самого духовнаго сословія. Въ настоящемъ случаѣ мы коснулись этого предмета на первый разъ только въ самыхъ общихъ чертахъ; мы охотно возвратились бы къ нему еще разъ, еслибы наши настоящія слова не остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Д.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е декабря, 1869.

Коммиссія для пересмотра постановленій о печати.—Одинъ изъ проектовъ податной коммиссіи.—Расходы на личный составъ администраціи.—Отнятіе у земства даровой почтовой корреспонденціи.—Рекрутскій наборъ 1870 года.—Народная гигіена.—Медицинскій отчетъ Полтавскаго земства.—Народное образованіе.—Отношеніе къ нему земства.—Отношеніе къ нему министерства народнаго просвѣщенія.

Въ началѣ прошедшаго мѣсяца, у насъ и въ Пруссіи было обращено вниманіе на дѣло печати. У насъ — высочайшій рескриптъ 2-го ноября, данный на имя г. главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собственной Канцеляріи, князя С. Н. Урусова, былъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что «правила о цензурѣ и печати, изданныя на основаніи указа 6-го апрѣля 1865 года, были установлены при переходномъ тогда положеніи судебной части, впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта». Мы имѣли случай представить нашимъ читателямъ въ апрѣльской и іюньской книгахъ нынѣшняго года (стр. 772 и 794) особое изслѣдованіе К. К. Арсеньева: «Русскіе законы о печати», посвященное подробному анализу закона 6-го апрѣля. Этотъ законъ, какъ говорилось и въ самомъ указѣ, представлялъ не болѣе, какъ только «перемѣны и дополненія» въ дѣйствовавшихъ до того времени цензурныхъ постановленіяхъ стараго порядка. Причиною такого неполнаго и временного характера въ законѣ 6-го апрѣля было именно то обстоятельство, что верховная власть, по словамъ указа, «желала дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства», а между тѣмъ судебная часть находилась въ то время еще «въ переходномъ состояніи». Потому законъ 6-го апрѣля и былъ изданъ «впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта». Г. Арсеньевъ, приступая къ своему изслѣдованію, справедливо замѣтилъ, что теперь, по истеченіи слишкомъ четырехъ лѣтъ, «условія, при которыхъ былъ изданъ законъ 6-го апрѣля, измѣнились, и измѣнились весьма существенно; отсюда неиз-

бѣжно возникаетъ вопросъ объ измѣненіи самого закона». Итакъ, ни правительство, ни общество не видѣли въ законѣ 6-го апрѣля — послѣдняго слова законодательной власти: дѣйствительно, этотъ законъ давалъ отечественной печати не болѣе, какъ «возможныя облегченія и удобства», какія только дозволяло переходное положеніе судебной части въ то время; а съ другой стороны, какъ говорится въ рескриптѣ, «нынѣ, по введеніи въ дѣйствіе въ значительной части имперіи судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года, опытъ показалъ, что временныя правила 6-го апрѣля 1865 года во многихъ случаяхъ возбуждали недоразумѣнія и не всегда могли служить достаточно положительнымъ руководствомъ при судебномъ преслѣдованіи». Вслѣдствіе того, Государю Императору угодно было положить конецъ опыту и назначить теперь особую Коммиссію «для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати и для приведенія ихъ въ надлежащую систему, ясность и полноту». Программа дѣятельности новой Коммиссіи по дѣламъ печати опредѣлена тѣмъ же рескриптомъ. «Предоставляя отечественной печати—говоритъ рескриптъ—возможныя облегченія и удобства, законъ долженъ вмѣстѣ съ симъ вооружить какъ административную, такъ и судебную власть надлежащею силою для отвращенія вреднаго вліянія, могущаго произойти отъ необузданности и неумѣренности печатнаго слова». Итакъ, отъ новаго закона, сообразно высочайшей волѣ, выраженной въ рескриптѣ, мы будемъ ожидать двоякаго назначенія: новый законъ можетъ, съ одной стороны, предоставить отечественной печати тѣ облегченія и удобства, какія окажутся возможными теперь, когда судебная власть не находится уже болѣе въ переходномъ состояніи, какъ то было четыре года тому назадъ, и судебная реформа превратилась въ прочное учрежденіе; а съ другой стороны, новый законъ долженъ въ тоже время служить твердою опорою въ случаѣ злоупотребленія печатнымъ словомъ, влекущаго за собою то или другое правонарушеніе. Судебная и административная власть будутъ тѣмъ лучше вооружены, чѣмъ точнѣе законъ опредѣлитъ границы ихъ дѣятельности, такъ какъ тогда и общественное мнѣніе вынуждено будетъ видѣть въ дѣйствіи судебной и административной власти не лицо, а тотъ же законъ. Таково намъ кажется двоякое назначеніе новаго ожидаемаго теперь нами закона о печати.

Нѣсколько дней спустя, вопросъ о печати былъ поднятъ и въ Пруссіи. 5-го (17-го) ноября, въ засѣданіи нынѣшней сессіи палаты депутатовъ, два члена ея, Дункеръ, извѣстный историкъ, и Эберти обратили вниманіе палаты на необходимость уничтоженія преградъ, еще тяготѣющихъ въ Пруссіи надъ свободою печати, а въ чемъ состоятъ эти преграды — читатели имѣли случай познакомиться въ статьѣ нашего корреспондента изъ Берлина, помѣщенной въ январьской книжкѣ текущаго года (стр. 457). Выслушавъ объясненіе, по этому поводу, ми-

нистра внутреннихъ дѣлъ, графа Эйленбурга, а именно, что прусское правительство въ настоящую минуту озабочено выработкою новаго законодательнаго проекта относительно правилъ по дѣламъ печати, палата, по предложенію одного изъ своихъ членовъ, отложила обсужденіе вышеупомянутаго предложенія до другого времени.

Какъ ни различны горизонты общества въ Россіи и Пруссіи, значеніе литературы въ общественной жизни вездѣ одно и тоже; даже, принимая въ соображеніе высшій уровень нѣмецкой образованности и уже пріобрѣтенную высшую степень свободы печати въ Пруссіи, всякій скажетъ, что литературѣ въ Россіи предстоитъ несравненно большій трудъ, нежели въ Германіи, а потому у насъ литература должна постоянно желать, чтобы возможность облегченія и удобствъ для нея увеличивалась съ каждымъ годомъ. При наличной слабости нашей печати, почти дѣлается страннымъ разсуждать о ея вредѣ: вредъ отъ слабаго долженъ быть также слабъ. Кромѣ того, кругъ публики образованной и даже грамотной у насъ весьма ограниченъ, и наша печать не имѣетъ того электрическаго движенія, какъ въ западной Европѣ, а между тѣмъ, судя по цензурнымъ мѣрамъ, можно подумать, что у насъ извощикъ не сидитъ на козлахъ безъ нумера сегодняшней газеты. Но все это такъ только кажется: на дѣлѣ же оказывается, что сила у насъ заключалась въ цензурныхъ мѣрахъ, а слабость—въ литературѣ, т.-е. въ мысляхъ и понятіяхъ общества. А что выгоднѣе и почетнѣе для государства: цвѣтущая литература или цвѣтущая цензура? Никакія злоупотребленія въ печати не могутъ перевѣсить тѣхъ благодѣяній, которыми надѣляетъ литература свое общество, при свободѣ печати. Съ книгами бываетъ тоже, что и съ людьми: въ концѣ концовъ, масса добраго въ людяхъ заглушаетъ зло собственною силою, и тѣмъ легче, чѣмъ больше предоставлено свободы для борьбы, а вовсе не потому, чтобы закономъ было запрещено рожденіе злыхъ и вредныхъ людей; тоже было и будетъ и съ книгами, если дать печати тотъ просторъ, которымъ пользуются живые люди, и положить ей тѣ границы, которыя налагаетъ законъ вообще на всякую человѣческую дѣятельность. Свободная литература приноситъ пользу не одному обществу, но и правительствамъ; она служитъ лучше, чѣмъ строго-ограниченная; если когда правительства могутъ справедливо припомнить извѣстное выраженіе: «избави меня Богъ отъ друзей, а съ врагами я само справлюсь»—то это именно въ вопросѣ о цензурѣ. Для враговъ общественнаго порядка, буде таковые окажутся, имѣются законы, суды, но противъ «друзей» мы часто не имѣемъ никакихъ средствъ, а между тѣмъ дружескіе совѣты могутъ быть направлены къ стѣсненію литературы, слѣдовательно, къ стѣсненію въ будущемъ и общества, и правительства. Современная печать, это—будущность страны; точно также, какъ наше настоящее есть дѣло печати предшествовавшихъ поколѣній. Если насъ въ настоя-

щее время упрекають, что мы не вездѣ оказываемъ себя равносильными тѣмъ великимъ реформамъ, которыя совершились на нашихъ глазахъ, то вина въ томъ не наша: положеніе нашей печати было прежде не таково, чтобы мы могли явиться готовыми къ эпохѣ настоящаго царствованія; если же мы обнаружили какія-нибудь добрыя качества, то опять, благодаря тому обстоятельству, что прежняя цензурная система не могла совершенно уничтожить наше нравственное существованіе и убить здоровые таланты такихъ ученыхъ, какъ Грановскій, такихъ писателей, какъ Пушкинъ, Гоголь, и критиковъ, какъ Бѣлинскій; все это были люди предшествующихъ поколѣній, которые вынесли невзгоду на своихъ плечахъ и бережно пронесли свѣтъ истины, несмотря на вѣтеръ, задувавшій огонь со всѣхъ сторонъ. Итакъ, новый законъ о печати въ нашихъ глазахъ явится современемъ приговоромъ для всего будущаго отечественной цивилизаціи: отъ этого закона будетъ зависѣть наше нравственное «быть» или «не быть». При обсужденіи такого закона, можно увлекаться предвзятыми теоріями, выведенными изъ частныхъ случаевъ злоупотребленія печатью; но интересы верховной власти и общества по отношенію къ печати одни и тѣже: нужно открывать истину вездѣ и всегда; пусть лучше десять виновныхъ оправдають, нежели обвинять одного невиннаго, говорила Екатерина Великая; пусть лучше при свободѣ печати десять разъ печать ошибется, нежели цензура помѣшаетъ одному сказать правду.

Остается еще одна сторона дѣла. Печать обязана не упускать изъ виду важнѣйшихъ явленій общественной жизни; въ этомъ отношеніи, она несетъ на себѣ непріятное бремя, но полезное для общества и даже для правительствъ, когда дѣло идетъ объ администраціи. Общество, въ своихъ дѣлахъ, безъ сомнѣнія, не откажется знать все, что можетъ угрожать его интерессамъ; что же касается до правительствъ, то они одни могутъ рѣшить, что лучше: поставить ли администрацію внѣ всякой опасности со стороны печати, или наоборотъ, воспользоваться печатью точно также, какъ пользуется ею общество? Высочайшій рескриптъ, намъ кажется, не оставляетъ сомнѣнія относительно будущихъ отношеній администраціи къ печати у насъ. Новому закону предписано «вооружить какъ административную, такъ и судебную власть, *надлежащею* силою» и т. д. Ничто такъ не убиваетъ печати, какъ ненадлежащая сила администраціи, потому что ненадлежащая сила есть чистѣйшій произволъ и притомъ врученный въ настоящемъ случаѣ именно той сторонѣ, которая сама можетъ сдѣлаться предметомъ печатнаго обсужденія, и которая потому явится судьею въ собственномъ же дѣлѣ. Коммиссіи предстоитъ теперь, при составленіи новаго закона о печати, рѣшить на дѣлѣ вопросъ: какая сила надлежитъ администраціи, и какая не надлежитъ, т.-е. какая можетъ обратить силу въ произволъ, столь па-

губный для печати, а чрезъ нее вредный и для самого общества. Этого рода вредъ меньше обращалъ на себя до сихъ поръ вниманіе нашего законодательства о печати, но его не слѣдуетъ забывать, потому что онъ гораздо глубже проникаетъ въ поры общественной жизни, чѣмъ вредъ отъ преувеличеній и злоупотребленій печатнымъ словомъ. Послѣднія увлекаютъ за собою горсть людей, по большей части безъ вѣса, безъ вліянія; а «ненадлежащая» сила администраціи вызываетъ ропотъ даже серьезныхъ людей, которые, по чувству возмущенной въ нихъ справедливости, должны иногда отнестись сочувственно къ тому, на что не обратили бы, безъ того, никакого вниманія. Вотъ это вредъ весьма важный, и желательно было бы въ новомъ законѣ найти по возможности полное его устраненіе.

Въ заключеніе, выразимъ одну мысль, для которой, повидимому, наступило именно теперь время. Законъ 6-го апрѣля, какъ временный, былъ скорѣе городскимъ, нежели государственнымъ закономъ, такъ какъ онъ касался двухъ городовъ имперіи. Не будетъ ли найдена возможность распространить будущій законъ на все государство, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ распространена нынѣ судебная реформа, и во всякомъ случаѣ включить университетскіе города и большіе торговые пункты, какъ Одесса? Мы не ошибемся, если скажемъ, что утвердительное рѣшеніе этого вопроса будетъ встрѣчено съ радостью всѣмъ нашимъ обществомъ.

Перейдемъ къ другому предмету, занимавшему общественное мнѣніе въ послѣднее время, и въ нѣкоторомъ смыслѣ сходному съ предъидущимъ — къ дѣятельности другой правительственной коммиссіи. Извѣстно, что въ министерствѣ финансовъ существуетъ особая коммиссія для пересмотра системы податей. Нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, мы говорили о предположеніяхъ этой коммиссіи, относительно замѣны тяжелой и неправильной личной подати, податями поземельною и подворною. Нельзя не пожелать, чтобы рѣшеніе этого вопроса ускорилось, но трудно ожидать этого, если податная коммиссія, вступивъ на путь весьма свойственный всякого рода коммиссіямъ, станетъ возбуждать вдругъ слишкомъ большое число вопросовъ и смѣшивая неотлагательные съ «терпящими отлагательство», усложнитъ свою задачу и замедлитъ достиженіе практическихъ результатовъ по предметамъ наиболѣе нужнымъ. Правда, податная система именно потому, что она есть *система*, должна быть обсуждаема въ цѣльности. Но такое обсужденіе предполагало бы намѣреніе измѣнить самое распредѣленіе государственныхъ доходовъ. Очевидно, что еслибы, напримѣръ, податной коммиссіи было поручено изслѣдовать, нельзя ли, въ интересахъ народной нравственности и народнаго здравія, свесть акцизно-питейный доходъ съ занимаемаго имъ въ бюджетѣ перваго мѣ-

ста, устроить акцизное дѣло на началахъ нравственно-экономическихъ, а не преимущественно камеральныхъ, и изыскать средства для пополненія иными средствами образующагося, такимъ образомъ, пробѣла въ государственныхъ доходахъ,—очевидно, говоримъ мы, что въ такомъ случаѣ этотъ вопросъ нельзя было бы обработывать отдѣльно, не произведя перемѣны въ устройствѣ всѣхъ податей и пошлинъ, взимаемыхъ государствомъ.

Но ничего подобнаго, сколько намъ извѣстно, отъ податной коммиссіи не ожидается. Она просто изучаетъ отдѣльно разные виды налоговъ и составляетъ предположеніе, какимъ наилучшимъ образомъ можно бы измѣнить отдѣльно каждый изъ этихъ налоговъ, для облегченія плательщиковъ и для удобства взиманія, при чемъ плательщики остаются тѣ же самые. Въ такомъ случаѣ, чѣмъ меньше вопросовъ вдругъ будетъ вырабатывать коммиссія, въ окончательную форму проектовъ, тѣмъ лучше; вопросъ объ измѣненіи подушныхъ налоговъ—изъ всѣхъ самый настоятельный, и коммиссіи не слѣдовало бы отвлекать отъ него малѣйшей части своего усердія и вниманія. Вспомнимъ, что онъ обсуждается уже лѣтъ пять.

Между тѣмъ, коммиссія рѣшенію этого, въ самомъ дѣлѣ неотлагательнаго, вопроса предпосылаетъ обработку другихъ, болѣе легкихъ, конечно, но за то гораздо менѣе важныхъ и спѣшныхъ. Такъ коммиссія нашла нужнымъ изучить вопросъ о порядкѣ взиманія съ чиновниковъ пошлинъ за повышенія въ чины, съ цѣлію «болѣе раціональнаго устройства этихъ сборовъ». Положимъ, что сборы эти, состоящіе въ трехъ видахъ (вычетъ изъ жалованья, печатные и за гербовую бумагу) и въ самомъ дѣлѣ «нераціональны», какъ потому, что раздѣленіе это не имѣетъ смысла, такъ пожалуй и потому, что полученіе новаго чина — какъ разсуждала коммиссія — не даетъ нынѣ служащимъ тѣхъ непосредственныхъ преимуществъ, какія оно давало прежде. Положимъ, что это раціонально, но вѣдь еще раціональнѣе было бы вовсе не подвергать награждаемыхъ денежному взысканію, а пожалуй и вовсе не награждать чинами, если чины утратили прежнія свои преимущества. Едвали раціонально давать награду утратившую значеніе, и во всякомъ случаѣ нераціонально, награждая человѣка, требовать съ него за это денегъ. Какая награда чинъ бѣдному семейному чиновнику, если онъ не улучшаетъ его положенія, а между тѣмъ лишаетъ его на мѣсяцъ жалованья? Во всякомъ случаѣ, всѣ эти начеты по наградамъ, и 10% и 16% вычета изъ денежныхъ пособій, нераціональны уже потому, что тутъ одна рука даетъ и отнимаетъ назадъ часть даваемаго. При обсужденіи всей системы нашихъ пошлинъ и налоговъ съ точки зрѣнія раціональности, на какую коммиссія стала въ настоящемъ случаѣ, быть можетъ оказалось бы возможнымъ подобные нераціональные сборы (положимъ хоть со служащихъ, получающихъ менѣе

1000 р. содержанія) замѣнить установленіемъ пошлины на собственные экипажи и верховыхъ лошадей, на право одѣвать лакеевъ въ ливрею и пудрить имъ волосы. (Всѣ сейчасъ исчисленныя права обложены пошлинами въ Англіи, въ томъ числѣ и пудра.)

Но въ томъ-то и дѣло, что подобное цѣльное обсужденіе всей податной системы не входитъ въ программу коммиссіи, и потому именно она совершенно напрасно возбуждаетъ вдругъ слишкомъ много вопросовъ, вмѣсто того, чтобы хотя одинъ, главнѣйшій, поскорѣе привесть къ окончанію отдѣльно. Въ настоящемъ случаѣ, какъ и въ другихъ, коммиссія обсуждала только, какимъ образомъ можно бы съ тѣхъ же самыхъ служащихъ взимать ту же частицу государственнаго дохода. Но въ такомъ случаѣ, настоящій именно «вопросъ» съ удобствомъ могъ бы быть отложенъ въ дальній ящикъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ въ сущности не все равно, будетъ ли сборъ за повышеніе чиномъ взиматься подъ тремя наименованіями или подъ однимъ? Развѣ не все равно, будетъ ли извѣстная часть государственнаго дохода взиматься съ чиновниковъ посредствомъ вычетовъ при повышеніи чиномъ или посредствомъ удержанія части жалованья при назначеніи высшаго оклада? Въ сущности—все равно. Вотъ, далеко не все равно крестьянину платить подушную подать въ теченіи десяти лѣтъ, съ одной ревизіи до другой, за 10 душъ, когда у него въ домѣ работниковъ всего двое, онъ самъ, да одинъ сынъ. А между тѣмъ, мы не знаемъ, созрѣли ли предположенія податной коммиссіи въ этомъ отношеніи до такой степени, чтобы поступить на разсмотрѣніе г. министра финансовъ въ то время, какъ мы усматриваемъ изъ «Правительственнаго Вѣстника», что проектъ о болѣе раціональныхъ вычетахъ съ чиновниковъ уже внесенъ г. министромъ финансовъ въ государственный совѣтъ: такъ какъ этотъ вопросъ находится въ высшемъ стадіѣ развитія, то имъ мы и займемся нѣсколько поближе, взглянувъ при томъ вообще на вознагражденія административно-служебнаго труда.

Вопросы о положеніи и распредѣленіи чиновниковъ, о распредѣленіи административныхъ инстанцій, о децентрализаціи и т. п., какъ извѣстно, были одними изъ первыхъ, на которые обратилось вниманіе пробужденнаго общества и возникшаго льготнаго простора или терпимости въ дѣлахъ печати. Вопросы эти принадлежали къ числу изложенныхъ однимъ изъ плодовитѣйшихъ публицистовъ того недавняго, но далекаго времени, г. Шедо-Ферроти. И не мудрено, что вопросы эти явились такъ-сказать первыми на очереди во вниманіи заговорившаго общества, потому что наше общество, слѣдящее за разными публичными вопросами, въ огромномъ большинствѣ состоитъ изъ лицъ служащихъ или служившихъ въ государственной службѣ. Съ тѣхъ поръ, другія дѣла отвлекли вниманіе общества, а между тѣмъ упомя-

нутые выше вопросы остаются вопросами и очень немного подвинулись впередъ.

Изъ обнародованныхъ «Прав. Вѣстникомъ» свѣдѣній видно, что, по бюджету 1867 года, исчислено было личныхъ выдачъ 96.358,559 р. Вѣдь это почти *четвертая часть* всего бюджета 1867 года, считая и содержаніе арміи, и постройку желѣзныхъ дорогъ!

Мимоходомъ не можемъ не замѣтить «Прав. Вѣстнику», который въ прошломъ мѣсяцѣ обнародовалъ свѣдѣнія о «стоимости самоуправленія», а ныньче обнародовалъ свѣдѣнія, которыя слѣдовало бы назвать о «дороговизнѣ администраціи»,—что самоуправленіе если и стóитъ не дешево ($^1/_5$ часть сбора), то, во всякомъ случаѣ, казенная администрація стóитъ еще дороже (въ сравненіи съ чистымъ государственнымъ обыкновеннымъ доходомъ, гораздо болѣе чѣмъ $^1/_4$). Одна цифра пенсій составляетъ (по бюджету 1867 г.) около 18 милл. р. въ годъ.

Вотъ какія издержки несетъ государство по содержанію правительственныхъ чиновниковъ и ихъ семействъ. А между тѣмъ, можно ли сказать, что вообще обезпеченіе чиновниковъ у насъ удовлетворительно? Въ огромномъ большинствѣ, оно рѣшительно недостаточно. Въ провинціяльныхъ управленіяхъ, чиновники получаютъ жалованье все еще по штатамъ тридцатыхъ годовъ, въ размѣрахъ баснословно-малыхъ. А большинство составляютъ именно они. Въ центральныхъ управленіяхъ министерствъ съ тѣхъ поръ дважды сдѣлано преобразованіе въ смыслѣ возвышенія окладовъ, и они стоютъ положительно слишкомъ дорого, въ сравненіи съ мѣстными (кромѣ акцизныхъ и судебныхъ), а между тѣмъ, можно ли признать оклады, получаемые въ министерствахъ, слишкомъ высокими, сравнительно съ тѣмъ образованіемъ и тѣмъ временемъ, которыхъ они требуютъ отъ служащихъ? Конечно нѣтъ; они во всякомъ случаѣ меньше нормы, установленной частнымъ наймомъ. Такъ, казенный бухгалтеръ получаетъ содержаніе непремѣнно меньше, чѣмъ коммерческій, хотя быть можетъ записываетъ милліоны вмѣсто десятковъ тысячъ. Недавно, одна газета обратила вниманіе на тотъ фактъ, что добавочные оклады, получаемые служащими (особенно высшихъ степеней), подъ разными наименованіями, часто составляютъ сумму безъ всякаго сравненія высшую, противъ ихъ штатныхъ окладовъ. Но это вопросъ мелкій. Не все-ли равно, подъ какимъ наименованіемъ получается вознагражденіе? Форма добавочныхъ окладовъ нехороша только тѣмъ, что она даетъ просторъ произволу. Въ смыслѣ же размѣра необходимаго вознагражденія, она ничего не значитъ. Если вмѣсто окладного жалованья въ 700 рублей значительному чиновнику платятъ 3,500 рублей, то существенный вопросъ тутъ состоитъ въ томъ: стóитъ ли платить ему что бы то ни было, а не въ томъ, въ какой формѣ ему платятъ. Если прикащикъ въ англійскомъ магазинѣ получаетъ 4,000 р., то удивительно ли, что

образованный и заслуженный высшій чиновникъ получаетъ 4, 5 или 6,000 р. Вопросъ только въ томъ, нуженъ ли онъ, стоитъ ли платить ему хотя бы пятьсотъ рублей въ годъ?

Всѣ ли эти люди нужны, всѣ ли они достаточно работаютъ, всѣхъ ли ихъ работа сама по себѣ нужна? — вотъ это другой вопросъ, и этотъ вопросъ, безъ всякаго сомнѣнія, могъ бы быть разрѣшенъ въ смыслѣ значительнаго облегченія для плательщиковъ податей. Не касаясь уже вопроса о децентрализаціи, который завелъ бы насъ слишкомъ далеко, намъ легко было бы указать на возможность сокращеній въ разныхъ совѣтахъ, даже отрасляхъ управленія, которые отъ этихъ сокращеній состава нисколько не потеряли бы. Чтобы привесть примѣръ, остановимся на министерствѣ государственныхъ имуществъ. Министерство государственныхъ имуществъ не существуетъ нигдѣ, кромѣ Россіи. У насъ, образованіе его относится къ тому времени, когда огромное число гражданъ государства разсматривалось просто какъ владѣльческая собственность, оброчная статья помѣщиковъ и казны. При такомъ положеніи, пожалуй, естественно было образовать отдѣльное вѣдомство для эксплуатаціи той регаліи, которая называлась «государственные крестьяне». Но какая польза сохранять министерскія учрежденія для управленія государственными имуществами съ тѣхъ поръ, какъ крестьяне этого вѣдомства получили общее гражданское устройство?

Податная коммиссія находитъ, что вычетъ за производство въ чины есть вычетъ за почти *«мнимое»* преимущество. Но какъ бы мнима ни была награда чиномъ, все-таки чинъ дается въ видѣ награды, стало быть, вычетъ здѣсь еще имѣетъ хоть какой-нибудь смыслъ. О вычетахъ же, по поводу увеличенія требуемаго труда, ужъ положительно нельзя сказать и этого. Да, конечно, предлагаемая мѣра вполнѣ уяснится, если смотрѣть на повышеніе въ должностяхъ и на прибавки, какъ на награду, полагая, что съ возвышеніемъ должности работа не только не увеличивается, а пожалуй—наоборотъ. Но въ основаніи такого взгляда несомнѣнно лежало бы мнѣніе, что чѣмъ выше должность, тѣмъ болѣе приближается она къ синекурѣ. Да и вообще, несомнѣнно, что вычитать по какому бы то ни было поводу изъ жалованья слугъ государства, значитъ выражать мнѣніе, что они получаютъ слишкомъ много, или что большинство ихъ въ дѣйствительности вовсе не нужны.

Обратимся теперь отъ нашихъ проектовъ къ совершившимся фактамъ. Въ хроникѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (№ 302) былъ сообщенъ «невѣроятный» слухъ, что земскія учрежденія будутъ обязаны платить вѣсовыя деньги за пересылаемую ими оффиціальную переписку, и заданъ вопросъ: «за что̀ такая немилость со стороны почтоваго управленія могла бы постигнуть именно земскія учрежденія, и именно въ ту минуту, когда на земство признано возможнымъ возложить обязанность по содержанію почтъ?» Въ настоящее время этотъ

слухъ превратился въ фактъ, а именно, по почтовому вѣдомству сдѣлано распоряженіе, чтобы съ 1-го января 1870 года корреспонденція земскихъ управъ была оплачиваема установленными для частной корреспонденціи сборами. Основаніемъ къ такому распоряженію могло послужить то обстоятельство, что пользованіе даровою корреспонденціею со стороны земствъ никогда не было разрѣшено законодательнымъ порядкомъ, а предоставлено просто, по одному частному соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ министромъ почтъ и телеграфовъ; теперь же, по поводу ходатайства нѣкоторыхъ земствъ о полномъ сравненіи ихъ съ правительственными учрежденіями, все это дѣло подверглось разсмотрѣнію законодательнымъ порядкомъ, и по обсужденіи его комитетомъ министровъ, земствамъ было отказано въ ихъ ходатайствѣ. Итакъ, съ юридической точки зрѣнія, прежнее разрѣшеніе, данное земствамъ, было не больше, какъ министерскимъ распоряженіемъ, сдѣланнымъ подъ личною отвѣтственностію министра, а теперешній отказъ облеченъ законными формами. Все это любопытно, какъ фактъ, доказывающій неопредѣленность у насъ административной власти: вопросъ— платить ли земству или нѣтъ за почтовую корреспонденцію, т. е. уменьшить государству доходъ или нѣтъ, былъ рѣшенъ личною властью. Но независимо отъ того, остается все же неяснымъ, почему новый законъ осудилъ земство нести на себѣ новый расходъ? У насъ не платятъ казенныя вѣдомства, а платятъ частныя лица, частныя заведенія, частныя компаніи и т. д. Запрещеніе земству даровой корреспонденціи показываетъ, что оно отнесено къ числу частныхъ компаній. Никто не будетъ съ нами спорить, если мы скажемъ, что земство отправляетъ теперь всѣ тѣ функціи, которыя еще недавно, въ народномъ хозяйствѣ, отправляло правительство; если тогда правительственныя мѣста пользовались даровою корреспонденціею по земскимъ дѣламъ, то почему же теперь земству не пользоваться тѣми же преимуществами?

Почтовое вѣдомство можетъ отвѣчать на всѣ возраженія именно тѣмъ, что земство на содержаніе почтоваго управленія ничего не приплачиваетъ. Въ смѣту почтоваго вѣдомства дѣйствительно вносится пособіе на счетъ государственнаго земскаго сбора, но это пособіе вручается содержателямъ почтовыхъ станцій за почтовую гоньбу, которою почтовое управленіе пользуется одинаково, какъ и проѣзжающіе по частной и казенной надобностямъ. Лошади съ почтовыхъ станцій отпускаются для возки почтъ и эстафетъ не безплатно, а за установленные прогоны, и на этотъ предметъ назначается по смѣтѣ почтоваго вѣдомства особая сумма на счетъ государственнаго казначейства. А что лошади на почтовыхъ станціяхъ содержатся не исключительно для надобностей почтоваго вѣдомства, доказывается еще тѣмъ, что на нѣкоторыхъ трактахъ, по которымъ почта уже не перевозится на лошадяхъ за устройствомъ желѣзныхъ дорогъ, все еще содержатся ло-

шади на станціяхъ собственно для проѣзжающихъ, и содержаніе ихъ оставляется по мѣстнымъ требованіямъ. Съ другой стороны, приплата на содержаніе лошадей производится изъ государственнаго земскаго сбора, общаго по всей имперіи и находящагося въ распоряженіи правительства; земство же каждой губерніи распоряжается только мѣстными сборами, для удовлетворенія земскихъ потребностей губерніи, къ числу которыхъ не относится почтовая гоньба, составляющая государственную потребность. Наконецъ, почтовое вѣдомство можетъ еще указать и на то, что въ последнее время оно обезпечило земство тамъ, гдѣ только по ходу почтъ представилась возможность уменьшить комплекты лошадей: въ такихъ мѣстахъ оно немедленно обращалось къ содѣйствію губернскаго начальства для снятія излишнихъ лошадей, если это оказывалось возможнымъ по мѣстнымъ условіямъ. Такъ была уменьшена приплата, отъ снятія ненужныхъ лошадей, съ 1858 года по 1-е іюня 1868 годъ на 571 тыс. руб., а съ этого времени по 1-е ноября текущаго года на 450 тыс. руб. По смѣтѣ почтоваго вѣдомства на 1869 годъ, пособія изъ государственныхъ земскихъ сборовъ на содержаніе почтовыхъ лошадей исчислено было до 7,593 тыс. руб., по смѣтѣ же на 1870 годъ исчислено только до 7,305 тыс. руб. Слѣдовательно *приплата* на почтовое дѣло для земства не увеличивается, а *уменьшается.* Самое же почтовое управленіе содержится на счетъ получаемыхъ имъ по почтовой операціи доходовъ, которые превышаютъ расходъ, собственно по почтовому управленію, на 3 милл. рублей. Почтовое вѣдомство можетъ еще прибавить: содержаніе почтовой гоньбы отъ земства производится въ 3-хъ губерніяхъ, и оно въ этомъ дѣлѣ, дѣйствуя на правахъ контрагента казны, содержитъ станціи на основаніи общихъ нормальныхъ кондицій, получая за такое содержаніе значительную приплату на счетъ государственнаго земскаго сбора изъ ассигнованныхъ по смѣтѣ почтоваго вѣдомства на этотъ предметъ суммъ. Дѣло это представляется весьма выгоднымъ для земства, и земство одной губерніи, при хозяйственномъ управленіи, сберегаетъ изъ отпускаемой ему приплаты до 49 тыс. руб. въ годъ. Сбереженія эти поступаютъ въ полную собственность этого земства. Слѣдовательно, въ этомъ дѣлѣ нѣтъ никакой услуги со стороны земства почтовому управленію, а скорѣе услуга со стороны правительства земству, приплачивающаго ему одинаковую сумму, какую оно платило бы и другому почтсодержателю. Почтовое управленіе съ своей стороны, конечно, не препятствовало бы ни одному земству въ принятіи содержанія почтовой гоньбы по губерніи, разумѣется, не на невыгодныхъ для казны условіяхъ, еслибы таковыя ходатайства поступали къ нему.

Все это факты, противъ которыхъ спорить нельзя; но съ другой стороны, эти факты не устраняютъ вопроса о самомъ принципѣ и не уясняютъ намъ главнаго, а именно: почему земство, снявшее съ пра-

вительства бремя государственнаго хозяйства, не можетъ пользоваться тѣмъ преимуществомъ, которымъ пользовались прежде земскія правительственныя мѣста и власти? Все это можно оправдать только въ такомъ случаѣ, если смотрѣть на настоящую мѣру противъ земства, какъ на шагъ къ тому, чтобы прекратить даровую пересылку и для правительственныхъ учрежденій. Мы слышали изъ вѣрнаго источника, что такая мысль существуетъ, хотя, быть можетъ, до нея дошли и съ другой стороны, въ виду злоупотребленій казенною корреспонденціею и легкости приложить ко всему казенную печать. Только въ такомъ случаѣ, и отнятіе у земства права на даровую корреспонденцію, какъ мѣра общая, въ видахъ болѣе раціональнаго почтоваго хозяйства, не можетъ вызывать никакого возраженія.

Въ истекшемъ ноябрѣ объявленъ рекрутскій наборъ на 1870 годъ по 4 чел. съ 1000 душъ. Эти 0,4% соотвѣтствуютъ 0,8% наборовъ при прежней системѣ, когда наборы производились поочередно съ двухъ полосъ имперіи. Нынѣшній наборъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ есть первый *одновременный* наборъ съ имперіи и царства польскаго. Царству предстоялъ наборъ минувшею осенью, соотвѣтственно съ наборомъ произведеннымъ въ началѣ текущаго года въ имперіи [1]). Этотъ отдѣльный наборъ въ царствѣ былъ отмѣненъ для установленія на будущее время одновременности набора по всей государственной территоріи, и соотвѣтственно этому, въ манифестѣ предписывается взять при наборѣ 1870 года и слѣдующихъ годовъ въ царствѣ лишнихъ по $^2/_3$ рекрута съ 1000 душъ, до пополненія недоимки, какая образовалась отъ отмѣны въ царствѣ отдѣльнаго набора нынѣшняго года. Кромѣ этой перемѣны и нѣсколькихъ мѣстныхъ измѣненій, обусловленныхъ частными освобожденіями отъ прежнихъ наборовъ, нынѣшній наборъ не представляетъ ничего новаго, а ежегодный наборъ 4 съ 1000 душъ съ обѣихъ полосъ въ послѣдніе годы, представляя значительный процентъ, естественно обусловленъ сокращеніемъ сроковъ военной службы.

Ежегодный наборъ съ имперіи и царства польскаго даетъ около $98^1/_2$ тысячъ дѣйствительно поступающихъ рекрутъ (цифра 1868 года), изъ нихъ 84 т. съ имперіи и $14^1/_2$ т. съ царства. Но тяжесть воинской повинности для страны не представляется еще вполнѣ ни отдачею этого числа людей, ни суммою, которую уплачиваютъ общества на рекрутовъ при сдачѣ ихъ (около 36 р. на рекрута). Кромѣ всего этого, для производства набора необходимо передвиженіе съ мѣста числа людей вдвое бóльшаго, чѣмъ сколько поступаетъ дѣйствительно на службу. Такъ, на 84 тыс. чел., дѣйствительно принятыхъ въ 1868

[1]) Въ царствѣ польскомъ, впрочемъ, былъ произведенъ наборъ въ 1868 году, соотвѣтственно съ наборомъ 1869 года по имперіи.

году рекрутъ, возвращено бывшихъ въ числѣ подставныхъ около $50\frac{1}{2}$ т. чел., и забраковано по разнымъ случаямъ болѣе $44\frac{1}{4}$ т. чел., такъ что, стало быть, для полученія въ дѣйствительности 84 тысячъ годныхъ рекрутъ, надо «сгонять» болѣе 179 тысячъ народу.

Въ печатномъ отчетѣ по исполненію набора 1868 года, изъ котораго мы беремъ эти цифры, приведены также такія данныя, которыя важны не въ одномъ спеціально-военномъ отношеніи. Число людей, признанныхъ негодными къ военной службѣ за хроническими болѣзнями и тѣлесными недостатками — кромѣ малорослыхъ — составляетъ 21% числа представленныхъ къ пріему; оказывается, что если рекрутскую массу разсматривать какъ представительство населенія, то изъ всего населенія Россіи одержимо хроническими болѣзнями и физическими недостатками гораздо болѣе пятой части, почти цѣлая четверть (болѣе $^{44}/_{179}$). Положимъ, что рекрутскую массу нельзя разсматривать какъ совершенно вѣрное представительство населенія, но процентъ больныхъ такъ великъ, что, даже допустивъ значительное уклоненіе, онъ все-таки свидѣтельствуетъ о крайне-неудовлетворительномъ положеніи массы нашего крестьянства, сословія, къ которому принадлежитъ 91% всей рекрутской массы. И замѣчательно, что неблагопріятность этого отношенія съ году на годъ растетъ, и очень быстро. Процентъ забракованныхъ (исключая опять-таки малорослыхъ) составлялъ въ 1863 году—12; въ 1865—16; въ 1866—18,6; въ 1867—20,8; наконецъ въ 1868—21%. Слѣдуя этой нормѣ возвышенія, можно полагать, что при наборѣ нынѣшняго года, этотъ процентъ почти удвоится въ сравненіи съ 1863 годомъ.

Такой фактъ заслуживалъ бы внимательнаго обсужденія. Объясненіе, какое мы находимъ въ отчетѣ по исполненію набора 1868 года, не вполнѣ удовлетворяетъ насъ. Авторъ отчета объясняетъ такое возрастаніе числа больныхъ и увѣчныхъ въ рекрутской массѣ тѣмъ собственно обстоятельствомъ, что въ 1863 году наборъ былъ произведенъ послѣ семилѣтняго перерыва, слѣдовательно къ тому времени въ массѣ населенія, подлежавшаго набору, накопилось много людей годныхъ къ военной службѣ, и потому наборы 1863 года дали превосходный контингентъ, а затѣмъ контингентъ съ каждымъ годомъ слабѣетъ въ своихъ качествахъ, по мѣрѣ производства новыхъ наборовъ. Съ этимъ объясненіемъ должно согласиться, но только до извѣстной степени. Наборы 1863 года были произведены послѣ 7-лѣтняго перерыва, но за то въ размѣрѣ 15-ти человѣкъ съ тысячи, такъ что разница, о которой упоминаетъ авторъ, должна была дѣйствительно оказаться, но только между наборомъ 1863 и наборомъ 1865 года. Усиленный наборъ 1863 года долженъ былъ въ значительной мѣрѣ исчерпать весь излишекъ годныхъ людей, образовавшійся во время предшествовавшаго перерыва. Затѣмъ, если вліяніе этого перерыва могло еще ска-

зываться на послѣдующихъ наборахъ, то уже въ весьма слабой степени, такъ какъ люди контингента 1863 года выходили изъ лѣтъ. Во всякомъ случаѣ, излишекъ годнаго контингента въ годахъ, послѣдующихъ за усиленными наборами 1863 года, если и былъ, то цифра его была незначительна въ сравненіи съ итогомъ ежегодно достигавшихъ 20-лѣтняго возраста.

Что высокій процентъ забракованныхъ въ имперіи по болѣзнямъ и физическимъ недостаткамъ зависитъ не только отъ ежегодныхъ наборовъ, это видно и изъ сравненія съ соотвѣтствующими цифрами въ царствѣ польскомъ. Несмотря на наборъ 1862 года въ царствѣ, и на то значительное уменьшеніе годнаго для службы контингента, какое должно было явиться послѣдствіемъ мятежа, отношеніе между цифрами, о которыхъ идетъ рѣчь, гораздо благопріятнѣе въ царствѣ польскомъ, чѣмъ въ имперіи. Именно: изъ 19.818 чел. представленныхъ къ пріему въ царствѣ въ 1867 году (т. е. соотвѣтственно набору въ имперіи 1868 года) забраковано по болѣзнямъ и тѣлеснымъ недостаткамъ 3.090 чел.—т. е. всего нѣсколько болѣе $^1/_6$ части.

Если рядомъ съ 21% больныхъ и страдающихъ разными недостатками поставимъ, что грамотныхъ въ нашей рекрутской массѣ оказывается всего 9%, то цифры эти, въ извѣстномъ смыслѣ равнозначущія, представятъ положительное и краснорѣчивое подтвержденіе мысли о *настоятельности непосредственныхъ* и *систематическихъ государственныхъ мѣръ* для доставленія народной массѣ средствъ къ умственному развитію.

Охраненіе народнаго здравія, доставленіе народу средствъ къ образованію — въ какомъ бѣдственномъ положеніи находятся у насъ эти задачи! Процентъ 21% пораженныхъ недугами и 91% неграмотныхъ кажется намъ чѣмъ-то баснословнымъ. Но стóитъ только обратиться къ любой статистической таблицѣ, чтобы найти другія цифры, совершенно соотвѣтствующія этой бѣдственной картинѣ. Можно ли, напр., удивляться, что почти четвертая часть рекрутъ полтавской губерніи, окажутся больными или увѣчными, когда, по мѣстнымъ статистическимъ даннымъ, въ этой губерніи ежегодно умираетъ 1 чел. изъ 28? Передъ нами лежитъ книга, изданная постоянною медицинскою коммиссіею при полтавской губернской земской управѣ и представляющая любопытныя данныя о положеніи санитарнаго дѣла въ губерніи, и отчетъ о дѣятельности названной коммиссіи. Свѣдѣнія о гигіеническихъ условіяхъ населенія и объ устройствѣ санитарной части крайне неутѣшительны. Они представляютъ картину знакомую, но слишкомъ легко забываемую: тяжелая работа, растительная пища, мясо въ рѣдкость, эпидеміи, вредные предразсудки, шарлатанство знахарей, и т. д. То ли еще происходитъ въ иныхъ мѣстностяхъ, гдѣ порой и хлѣба-то нѣтъ, которымъ полтавская губернія все-таки обезпечена. Не

далѣе какъ въ 1851 году, въ губерніи на все сельское населеніе полагалось 6,361 рубль на врачей, фельдшеровъ и акушерокъ, т. е. $^1/_3$ копѣйки на душу. Объ устройствѣ медицинской части заботилось только министерство внутреннихъ дѣлъ. Съ 1851 года, когда и министерство государственныхъ имуществъ приняло участіе въ этомъ дѣлѣ, общій расходъ обоихъ вѣдомствъ на медицинскую часть составилъ по 1 копѣйкѣ на душу сельскаго населенія. Въ послѣднемъ изъ названныхъ вѣдомствъ состояло $^1/_2$ врача на уѣздъ, такъ что въ дѣйствительности все попеченіе о народномъ здравіи находилось въ рукахъ фельдшеровъ, которые причиняли гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы. «Шарлатанизмъ истреблялъ общественное здоровье не хуже всякой эпидеміи и барышничалъ имъ, какъ товаромъ. Оффиціально извѣстно, что одинъ фельдшеръ соразмѣрялъ количество выпускаемой имъ крови изъ больного съ величиною получаемаго за это вознагражденія; кто больше заплатилъ, того онъ больше обезкровливалъ, и торгующему человѣческою кровью фельдшеру народъ увеличивалъ плату до обморока. По этой программѣ поступали и другіе его собраты и всѣ знахари и бабки. Отъ того—увѣчья и преждевременная смерть...» и т. д. Средняя продолжительность жизни деревенскихъ жителей въ полтавской губерніи $21^1/_2$ годъ, число, которому равнаго мы не находимъ нигдѣ въ западной Европѣ (по Кольбу 25,3 только въ Ирландіи въ 1841 году; во Франціи же 31,06, именно для 1851 года). Между тѣмъ, климатъ въ полтавской губерніи сравнительно съ другими конечно превосходный. Въ той же полтавской губерніи у нѣмецкихъ колонистовъ смертность всего $2^1/_2\%$, а у русскихъ раскольниковъ, которые уже рѣшительно не прибѣгаютъ къ врачамъ—смертность представляетъ страшную ежегодную цифру въ 11%.

О почтенной дѣятельности полтавской земской медицинской коммиссіи мы поговоримъ подробнѣе въ другой разъ и чтобы не прерывать общей нити нашего разсужденія, перейдемъ къ вопросу о первоначальномъ народномъ обученіи.

Въ вопросѣ о народномъ обученіи первымъ пунктомъ представляется образованіе сословія народныхъ учителей. Важность этого пункта повидимому уже уяснилась земству, которое еще недавно было склонно предпочитать размноженіе школъ, какихъ бы то ни было, образованію учителей, побуждаясь къ такому предпочтенію мнимою «практичностію» перваго: скорѣе-молъ дѣло пойдетъ. Но дѣло образованія или хотя бы только грамотности не есть дѣло двухъ, трехъ лѣтъ, и въ общемъ результатѣ для успѣховъ этого дѣла можетъ быть полезнѣе одна хорошая школа, чѣмъ двѣ дурныя, которыя могутъ только забивать и туманить умъ учениковъ, а не развивать его. Такой вопросъ, т. е. вопросъ о томъ, лучше ли издерживать наличныя земскія деньги на немедленное открытіе бо́льшаго числа школъ или

на приготовленіе хорошихъ учителей, могъ возникнуть только потому собственно, что средства-то земства весьма малы. Но вотъ, онъ, кажется, выходитъ на правильный путь: земства рязанское и новгородское рѣшились на учрежденіе учительскихъ семинарій. Они убѣдились, что на воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, какъ и вообще на всѣхъ «случайныхъ» народныхъ наставниковъ нельзя разсчитывать для прочнаго устройства дѣла. Рязанское земство составило уставъ для учительской семинаріи, который министерство народнаго просвѣщенія утвердило, произведя въ немъ нѣкоторыя измѣненія, а земство новгородское позаимствовало тотъ же, разсмотрѣнный министерствомъ уставъ, и съ разрѣшенія министерства, уже открыло въ селѣ Колмовѣ первую земскую школу для образованія сельскихъ учителей. Въ ученики этой школы принимаются преимущественно крестьяне, и окончивъ курсъ, воспитанники ея опредѣляются учителями въ сельскія школы земства, съ жалованьемъ отъ земства въ 120 рублей (которое можетъ быть увеличиваемо).

Усилія нѣкоторыхъ земствъ сдѣлать что-нибудь серьезное для народнаго образованія и самыя колебанія, съ чего начать, такъ чтобы и результаты явились поскорѣе и чтобы результаты эти были не одиночные, а служили бы началомъ прочной системѣ — все это заслуживаетъ въ высшей степени сочувствія. Тѣмъ почтеннымъ земскимъ дѣятелямъ, которые горячо берутся за это дѣло, приходится биться съ недостаткомъ средствъ и съ разными препятствіями. Въ послѣдней хроникѣ, говоря объ общихъ средствахъ, находящихся въ распоряженіи земства, мы видѣли, какъ ограничены размѣры того, чѣмъ земство можетъ располагать по своему усмотрѣнію, т. е. того именно, на что можно предпринимать какія-либо улучшенія. Во всякомъ случаѣ, земскіе дѣятели, о которыхъ мы говорили теперь, могутъ утѣшать себя мыслью, что какую бы малую долю своихъ желаній они ни могли осуществить собственными силами, все-таки они работаютъ для дѣла самаго настоятельнаго въ Россіи, что даже если плодомъ работъ трехъ сессій у нихъ является одна новая школа, то всеже они именно—люди, которые дѣлаютъ самое серьезное на Руси дѣло.

Но фактъ, что земства могутъ располагать для поднятія умственнаго уровня народа средствами только грошевыми, тѣмъ не менѣе существуетъ, и усилія нѣкоторыхъ земствъ въ этомъ отношеніи никакъ не снимаютъ съ государства обязанности заняться устройствомъ полной, раціональной системы первоначальнаго обученія. Безъ почина государства это дѣло будетъ двигаться впередъ незначительными шагами. Для народныхъ школъ нужна масса учителей, которой земство не въ состояніи приготовить, если даже допустить, что оно одно должно содержать ихъ, съ чѣмъ мы также не согласны. Въ Россіи необходимо образовать цѣлое сословіе народныхъ учителей: ни отставные

солдаты, сами едва знающіе грамотѣ, ни духовные семинаристы, занимающіеся обученіемъ между дѣломъ, въ ожиданіи священно-служительскаго мѣста или просто съ отчаянія, не могутъ составить удовлетворительный институтъ народныхъ преподавателей. Для этого необходимо покрыть Россію сѣтью учительскихъ семинарій и лицамъ, выдержавшимъ экзаменъ на должность учителя, назначить вспомогательные оклады изъ государственнаго казначейства. Иначе дѣло не вступитъ никогда на прочный, раціональный путь. Священникъ можетъ довольствоваться 150 рублями въ годъ за преподаваніе въ школѣ потому, что онъ живетъ на иныя средства; но за то же и преподаваніе въ его рукахъ непремѣнно будетъ дѣломъ второстепеннымъ. Кромѣ же священниковъ, какіе, спрашивается, не только образованные, но хотя вполнѣ грамотные люди согласятся получать всю жизнь по 100—300 рублей? Во всякой иной должности человѣкъ грамотный, умѣющій считать, получитъ больше съ самого начала и будетъ имѣть въ виду карьеру.

Образованіе и содѣйствіе къ содержанію массы народныхъ учителей — вотъ настоятельная обязанность государства. Это — такое дѣло, которое можно и необходимо осуществить въ опредѣленное, по возможности непродолжительное, число лѣтъ. Вспомнимъ, что въ дѣлѣ приготовленія учителей каждый годъ отсрочки означаетъ потерю не только того числа учителей, которое за это время можно бы подготовить, но и всего числа учениковъ, какое они могли бы образовать, и всего того вліянія, какое образовательное начало успѣло бы въ теченіи года оказать на народную нравственность, на самые источники общественнаго благосостоянія.

Когда читаешь, съ какими трудностями борется въ этомъ отношеніи земство, какъ оно прикидываетъ и такъ, и иначе, свои средства, стараясь, чтобы на какія-нибудь сотни рублей и число грамотныхъ какъ можно скорѣй увеличилось, и учители образовались бы порядочные, и когда при этомъ вспомнишь, что у насъ одинъ филологическій институтъ, имѣющій своею спеціальностью нѣчто, не имѣющее ничего общаго съ русскою дѣйствительностью, стóитъ въ годъ сверхъ 100,000 руб., да существуетъ кромѣ него въ той же столицѣ еще Александровскій лицей, котораго спеціальность и отношеніе къ насущнымъ потребностямъ Россіи трудно даже и опредѣлить — то становится какъ-то неловко передъ массою, жаждущею не классическихъ водъ Ипокрена, а той простой, необходимой воды, какая представляется доступностью грамоты для народа, переставшаго быть крѣпостникомъ.

Мы, по отношенію къ филологіи, какъ отрасли человѣческаго знанія, не иконокласты какіе-нибудь. Филологія на своемъ мѣстѣ — въ университетскихъ факультетахъ. Но странно же воздѣлывать на винно-акцизный сборъ и подушную подать преимущественно филологію! Мы

сейчасъ упомянули о дорого-стоющемъ филологическомъ институтѣ, а духовныя академіи наши, въ которыхъ, по новымъ штатамъ, каждый приготовленный ученикъ будетъ обходиться государству до 4,000 рублей, а любая академія ежегодно болѣе 400 т. р.—развѣ не достаточно уже ихъ однѣхъ для филологіи?

Мы не стали бы дѣлать такихъ сравненій, еслибы они не представлялись намъ сами собою, путемъ, такъ сказать, оффиціальнымъ. Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» помѣщена статья, которая излагаетъ мѣры, принятыя по министерству за половину текущаго года: тутъ мы находимъ и завѣреніе въ «особой заботливости» министерства объ «упроченіи классической системы образованія», и выраженіе «полнаго сочувствія къ предпринятому въ Москвѣ учрежденію» классическаго лицея, и въ тоже время не находимъ никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ къ правильному, серьезному поднятію дѣла образованія въ массѣ русскаго народа, т.-е. къ тому именно, что̀ преимущественно и въ прямомъ смыслѣ должно быть разумѣемо подъ именемъ «народнаго просвѣщенія».

Правда, статья говоритъ, что «особенное вниманіе министерства народнаго просвѣщенія обращено было на улучшеніе и распространеніе начальнаго народнаго образованія». Но прослѣдимъ, что̀ же именно сдѣлано министерствомъ въ этомъ отношеніи: 1) Внесено въ государственный совѣтъ *представленіе* объ увеличеніи штата молодечненской учительской семинаріи;—вотъ дѣло, безспорно, полезное, прямо согласное съ главною въ настоящее время потребностью Россіи. Но почему же увеличивается штатъ учительской семинаріи въ Молодечнѣ, когда въ центрѣ Россіи вовсе даже нѣтъ учительскихъ семинарій, учрежденныхъ министерствомъ? Въ виду такого обстоятельства, надо признать, что въ настоящемъ случаѣ министерство руководствовалось не заботливостью о народномъ образованіи вообще, а имѣло въ виду собственно содѣйствіе къ нравственному преобладанію русскаго элемента въ сѣверозападномъ краѣ, т.-е. стремилось къ цѣли полезной, но собственно-политическаго свойства. 2) Оказано *содѣйствіе* со стороны министерства земству въ приготовленіи народныхъ учителей — вотъ эта важная, въ дѣйствительности самая важная задача министерства; но чѣмъ же именно имъ оказано такое *содѣйствіе* земству? *Разрѣшено* въ Рязани открыть на счетъ земства училище для образованія сельскихъ учителей. Но здѣсь содѣйствіе выражается однимъ разрѣшеніемъ. 3) Указано на то, что коммиссія, учрежденная для пересмотра рекрутскаго устава высказалась въ пользу освобожденія отъ рекрутской повинности всѣхъ начальныхъ народныхъ учителей, имѣющихъ аттестатъ учебныхъ заведеній. Мысль превосходная, о которой намъ однажды уже случилось упоминать. Но вѣдь это высказалась коммиссія, пересматривающая рекрутскій уставъ? Да наконецъ освобожденіе

отъ рекрутской повинности само по себѣ можетъ облегчить положеніе учителей, но не можетъ приготовить ихъ.

Что́ сказали бы мы о содѣйствіи министерства путей сообщенія къ удовлетворенію другой важной потребности Россіи, именно проведенію желѣзныхъ дорогъ для оживленія всей экономической жизни страны, еслибы это министерство сформулировало свою дѣятельность въ этомъ отношеніи, за полгода, такъ: внесенъ проектъ соединенія желѣзнымъ путемъ такой-то цитадели съ такою-то; разрѣшены изысканія насчетъ земства по первой у насъ линіи желѣзной дороги; военное вѣдомство высказалось въ пользу освобожденія отъ рекрутской повинности будущихъ русскихъ инженеровъ, министерство путей сообщенія съ своей стороны полагаетъ, что эту мѣру полезно бы распространить и на всѣхъ техниковъ. Что сказали бы мы? Безъ сомнѣнія, мы сказали бы въ такомъ случаѣ, что министерство путей сообщенія сооружаетъ отличныя казармы, проводитъ шоссе вокругъ Петербурга, которыя составляютъ роскошь, и, наконецъ, ограничивается поддержаніемъ давно существующихъ каналовъ,—но желѣзныхъ дорогъ все-таки не строитъ и не помогаетъ ихъ строить, а желѣзныя дороги, какъ и школы, у насъ между тѣмъ—первостепенная государственная потребность.

Вотъ тоже самое можно сказать въ настоящее время о мѣрахъ, предпринимаемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для настоятельнаго дѣла — поднятія умственнаго, нравственнаго уровня народной массы. Въ той статьѣ мы встрѣчаемъ «вниманіе», «разрѣшеніе», «содѣйствіе», но не видимъ дѣйствія. Для женскаго образованія—другого дѣла, которое вѣрнѣе, чѣмъ всякіе классическіе этюды, обезпечило бы нравственное развитіе будущихъ поколѣній — министерство также не находитъ возможнымъ прибавлять своихъ средствъ: женскія училища открываются только тамъ, гдѣ земство и частные жертвователи собираютъ достаточныя средства, а та статья говоритъ, что министерство народнаго просвѣщенія все только разрѣшаетъ, т.-е. какъ будто вмѣняетъ себѣ въ заслугу то обстоятельство, что оно могло бы запретить, но не запретило.

Болѣе половины той статьи «Ж. Мин. Нар. Пр.», которая вызвала наши замѣчанія, описываетъ мѣры чисто-политическаго свойства; въ другой половинѣ самое почетное мѣсто занимаетъ насажденіе не новыхъ училищъ, а новой въ училищахъ системы, такъ что вообще дѣятельность министерства правильнѣе бы назвать направленіемъ, руководствомъ, тенденціею,—чѣмъ дѣятельностью въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-ое декабря, 1869.

«Безцвѣтность» нашего обозрѣнія, и «цвѣты» русской публицистики. — Значеніе въ русской печати «иностранныхъ обозрѣній». — Передовая статья «Голоса», и ея трактатъ о будущемъ Россіи и Европы. — Защита этнологической правды въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». — Сравненіе австрійскаго либерализма съ французскимъ. — Франція наканунѣ законодательнаго собранія. — Рѣчь императора 29-го ноября. — Отдѣленіе свободы отъ порядка. — Неопредѣленность внѣшней политики.

Два мѣсяца тому назадъ, намъ случилось коснуться мимоходомъ отечественной публицистики въ ея такъ-называемыхъ политическихъ отдѣлахъ, и указать «отличительныя черты *большей* части русскихъ газетъ». Мы указали на то, что въ ней преобладаетъ элементъ забавнаго, въ которомъ заключена впрочемъ нѣкоторая доля поучительнаго. Мы не назвали при этомъ ни одного органа нашей печати по имени, предоставляя, по русской пословицѣ, «шапкѣ горѣть», у кого она имѣетъ свои причины воспламеняться. Но наша аргументація относительно забавности и поучительности отечественной публицистики оказалась весьма блѣдною. Мы думали тогда, что наша отечественная публицистика дошла, по поводу праздника Гуса, до своей апогеи, какъ мы и выразились въ обозрѣніи, но теперь видимъ, что эта апогея была еще впереди, такъ какъ наше обозрѣніе вышло въ свѣтъ 1-го октября, а вызванная ею передовая статья «Голоса» появилась 31-го октября, съ положительнымъ заявленіемъ, что она выражаетъ собою «русское общественное мнѣніе». Еслибы мы могли тогда имѣть въ виду такой фактъ въ исторіи нашей публицистики, то, конечно, мы не отдали бы въ ней преобладаніе элементу забавнаго; передовая статья «Голоса» открыла бы намъ въ русской публицистикѣ совсѣмъ другіе элементы, уже не забавнаго, а весьма печальнаго свойства. Болѣе мы не станемъ утверждать, что наша публицистика въ послѣдней статьѣ «Голоса» дошла до Геркулесовыхъ столповъ: пріемъ, употребленный редакціею «Голоса», неистощимъ въ своихъ средствахъ, и потому

нельзя ручаться, что съ нашею публицистикою не случится ничего хуже, послѣ 31-го октября. Мы могли бы на статью «Голоса» отвѣчать коротко: «ну, что́ же? однимъ и весьма сильнымъ доказательствомъ справедливости нашего октябрьскаго обозрѣнія больше—тѣмъ лучше! Кто, можетъ быть, прежде не вѣрилъ намъ, теперь вполнѣ согласится съ нами». Но вопросъ, поднятый нами, стоитъ выше личныхъ интересовъ, и потому мы считаемъ долгомъ возвратиться къ нему, даже и по такому ничтожному по себѣ обстоятельству, каковымъ, можетъ быть, сочтутъ нападеніе «Голоса».

Кому близки интересы своей страны, тотъ не можетъ равнодушно относиться къ тому, по ложному или по вѣрному пути ведетъ наша публицистика общественное мнѣніе, касаясь ежедневно дѣлъ передовыхъ странъ западной Европы? Мы имѣли только смѣлость повторить тотъ вопросъ, который задаемъ не впервые; а отвѣтъ на него принадлежалъ не намъ: за насъ отвѣчали факты. Вопросъ этотъ гораздо интереснѣе того, какая редакція, «Вѣстника Европы» или «Голоса», умѣетъ лучше отдѣлать другъ отъ друга и забросать грязью противника; пальму такого первенства предоставимъ редакціи «Голоса», а между тѣмъ сами спокойно займемся еще разъ тѣмъ важнымъ для нашего общества вопросомъ.

«Вѣстникъ Европы»—такъ начинаетъ передовая статья «Голоса»—существующій почти четыре года, постоянно былъ, въ политическомъ отношеніи, изданіемъ довольно безцвѣтнымъ, потому мы не обращали на него особеннаго вниманія». И хорошо дѣлали! Соглашаемся съ «безцвѣтностью» нашихъ обозрѣній, такъ какъ эта «безцвѣтность» спасла насъ отъ «цвѣтовъ» отечественной публицистики, и притомъ цвѣтовъ не весьма благоуханныхъ. Но редакція «Голоса» ошибается въ томъ отношеніи, что она будто бы до сихъ поръ не оказывала намъ особеннаго вниманія. Слишкомъ два года тому назадъ, въ іюньской книгѣ 1867 года, мы коснулись славянскаго вопроса, по поводу пріѣзда въ Москву «славянскихъ гостей», и коснулись съ той же самой точки зрѣнія, какъ и нынѣ, по поводу празднества Гуса. Редакція «Голоса» тогда же почтила насъ своимъ краснорѣчіемъ, нисколько не уступающимъ нынѣшнему по достоинствамъ, т.-е. тогда уже мы были объявлены измѣнниками отечеству, врагами, и т. д. — въ точности всѣхъ эпитетовъ не припомнимъ. А мы только выразили въ 1867 году сожалѣніе, что къ намъ пріѣхало всего 70 братьевъ-славянъ, и то только откушать съ нами, между тѣмъ какъ въ Сѣверную Америку, въ то же самое время, переселилось 40,000 чеховъ; «тамъ—говорили мы—они встрѣчены были, какъ дорогіе гости, тамъ они нашли себѣ пріютъ и свободу, тамъ, дѣйствительно, произошло *духовное* единеніе людей разнаго племени. Между тѣмъ, Сѣверная Америка дальше отъ Богеміи, нежели Россія; языкъ и вѣра различны, и тѣ 40,000 не требуютъ,

чтобы земля, ими населенная, сдѣлалась status in statu: она осталась американскою землею. Отчего же славяне увѣряютъ насъ въ привязанности къ намъ и не переселяются въ Россію, какъ въ Америку,— хотя Россія въ состояніи была бы подъ своимъ небомъ поселить чуть не два славянскихъ міра? Мы не хотимъ ставить славянъ въ затруднительное положеніе откровенно отвѣтить намъ на этотъ вопросъ; но мы думаемъ, что всякій нашъ успѣхъ въ гражданственности есть шагъ къ соединенію съ славянскимъ міромъ..... А потому-то мы думаемъ, что и въ славянскомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ вопросахъ политики, лучшимъ ея орудіемъ всегда останется хорошее и широкое развитіе внутренней жизни общества и государства» (іюнь, 1867. Истор. Хрон. 4 стр.).

Негодованіе противъ насъ за эти строки, со стороны «Голоса», уступитъ развѣ только настоящему его негодованію, отъ 31-го октября; но оно не воспрепятствовало намъ, въ началѣ прошлаго года, сказать большинству нашей печати еще болѣе горькую истину, по поводу памятнаго всѣмъ голода. Тогда воспользовались голодомъ, чтобъ прокричать: вотъ онѣ, ваши реформы! вотъ, ваше земство! все кончилось голодомъ! и т. д. Мы указали тогда же на другія причины голода и старались объяснить мѣры къ оборонѣ противъ случайныхъ бѣдствій. «Мы должны—говорили мы—коснуться большого вопроса о состояніи нашей ежедневной политической прессы, органы которой должны стоять, такъ-сказать, на стражѣ и слѣдить своевременно за всѣмъ, что̀ можетъ безпокоить или угрожать общественной безопасности. Такъ ли это у насъ?!... Когда въ Англіи только-что проявился падежъ скота (1865), англійскія газеты отвели изученію этого факта, описанію его развитія, огромное мѣсто на своихъ столбцахъ..... Пересмотрите листы нашихъ газетъ за это время: вы найдете въ нихъ самое обстоятельное описаніе парижской выставки, мельчайшія подробности о положеніи и изреченіяхъ гг. Руэ, Бисмарка и Бейста; а въ «Голосѣ», какъ въ микроскопѣ, вы отыщите малѣйшія *points noirs* французской политики, и увидите даже все, что̀ происходило анекдотическаго въ политическомъ мірѣ за границею. А съ какимъ тщаніемъ разработаны нашими газетами: вопросъ о преобразованіи французской арміи, вопросъ о затруднительности финансоваго положенія Италіи! какъ ясно мы видѣли изъ нашихъ газетъ, почему въ Италіи стѣснительная пошлина на помолъ, и какъ мало мы могли предвидѣть изъ этихъ газетъ, что у насъ самихъ скоро и молоть-то, пожалуй, нечего будетъ!—Еслибы кто прошлымъ лѣтомъ (1867), поповоду преувеличеннаго, подогрѣтаго энтузіазма, съ какимъ большинство ежедневной прессы изучало всѣ важныя мѣры, какія слѣдовало принять вслѣдствіе пріѣзда славянъ, замѣтилъ, что есть вопросы къ намъ болѣе близкіе, и прямо указалъ бы на вѣроятность

голода, то такое замѣчаніе было бы покрыто взрывомъ негодованія и насмѣшекъ» (февр. 1868. Ежемѣсяч. Хрон. 851 стр.).

Такъ приглашали мы давно русскую публицистику обратиться къ «безцвѣтности» и отказаться «отъ цвѣтовъ» иностранной политики, упомянувъ при томъ «Голосъ», гдѣ подобные цвѣты произрастали и произрастаютъ въ ужасающемъ количествѣ. Тогда русская печать могла возразить намъ, что мы не приняли въ соображеніе смягчающія обстоятельства; а именно, что она не пользуется тою долею свободы, при которой внутренняя политика пріобрѣтаетъ интересъ; будучи сжата въ обсужденіи дѣлъ собственныхъ, она по неволѣ должна устремиться къ иностранной политикѣ, гдѣ ей предоставляется бо́льшій просторъ. Мы ждали такого возраженія, потому что имѣли на него готовый отвѣтъ, и вотъ этотъ отвѣтъ. Внутреннее отношеніе нашей печати должно было ей указать задачу въ иностранныхъ обозрѣніяхъ. Вмѣсто того, чтобы изучать въ развитіи западныхъ обществъ то, что́ составляетъ ихъ преимущество, знакомить съ внутреннимъ бытомъ и организаціею западныхъ государствъ, большая часть нашей прессы въ своихъ передовыхъ статьяхъ предпочитаетъ награждать министровъ и правительство западныхъ государствъ своими внушеніями, совѣтами, преслѣдовать съ ожесточеніемъ деспотизмъ въ Австріи, несостоятельность конституціи въ Италіи, однимъ словомъ, играть въ лошадки. Между тѣмъ такая игра не могла пройти даромъ для характера прессы и для самого общества: мы стали на дорогу самовосхваленія и презрѣнія къ европейской цивилизаціи: «вотъ къ чему ведутъ ихъ порядки» — думалъ русскій писатель не разъ, окончивъ иную передовую статью — «а еще толкуютъ о конституціяхъ, объ отвѣтственныхъ министрахъ; да Западъ просто гніетъ» и т. д. въ томъ же родѣ; и не многимъ приходило на мысль, что гніетъ-то тутъ собственно наша печать.

Въ октябрьской статьѣ мы только воспользовались праздникомъ Гуса, чтобы ближе подойти къ цвѣтамъ отечественной публицистики, и, вѣроятно, на этотъ разъ слишкомъ ясно обнаружили свойства этихъ цвѣтовъ. «Голосъ» не нашелъ ничего намъ возразить на основную мысль, а предпочелъ пойти другою дорогою, знакомою ему изъ долговременной практики. «Вѣстникъ Европы—говоритъ та же передовая статья—является съ такимъ «иностраннымъ обозрѣніемъ», какого можно было ожидать развѣ только отъ одной изъ польскихъ (sic) газетъ, издающихся въ Петербургѣ на русскомъ языкѣ. Мы не считаемъ себя вправѣ оставить безъ вниманія это «иностранное» безобразіе (прекрасно!), составленное — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, иностранцемъ.... (слѣдуетъ цѣлый рядъ ругательствъ). Къ удивленію, однакожъ, мы видимъ, — продолжаетъ «Голосъ» — что эта статья напечатана безъ подписи автора, такъ что редакція, пріютившаго ее журнала, дѣлается съ нею

солидарною.... и вѣроятно намъ придется причислить еще одно изданіе, «Вѣстникъ Европы», къ числу тѣхъ иностранныхъ изданій, которыя печатаются въ Петербургѣ на русскомъ языкѣ». Мы не удивляемся, что передовая статья «Голоса» не подписана; еще менѣе мы можемъ подозрѣвать, что она писана иностранцемъ, потому что едвали есть такая страна, которая могла бы быть въ цѣлости населена людьми одного умственнаго и нравственнаго уровня съ авторомъ той передовой статьи. Обратимся лучше къ ея доводамъ и къ цвѣтамъ публицистики.

Вся бѣда наша, по словамъ этой передовой статьи, состоитъ въ томъ, что мы объявили въ своемъ «иностранномъ безобразіи» слѣдующее: «Въ сужденіяхъ объ извѣстныхъ правахъ и принципахъ должны быть употребляемы одни и тѣ же вѣсы. Если мы находимъ, что свобода необходима въ одной странѣ, то должны находить, что она необходима и въ другой; если мы утверждаемъ, что извѣстная національность въ одномъ государствѣ должна пользоваться автономіею, то нѣтъ причинъ дѣлать исключенія и для другого государства; наконецъ, если мы требуемъ самыхъ широкихъ политическихъ правъ и возможности самого полнаго развитія всѣхъ національныхъ особенностей, то должны, согласно здравому смыслу, требовать этого вездѣ, въ каждой странѣ, въ каждомъ государствѣ». Вырвавъ клочкомъ у насъ это мѣсто, «Голосъ» поступилъ затѣмъ съ нами самымъ недостойнымъ образомъ: скрывая отъ читателя дальнѣйшія наши слова, онъ взялъ на себя комментировать вышеприведенное, но выдалъ этотъ собственный комментарій за наше мнѣніе: «Вѣстникъ Европы» — продолжаетъ «Голосъ» — находитъ, что русскія газеты не имѣютъ права говорить объ обрусеніи нашихъ окраинъ и въ тоже время выражать желаніе свободы тѣмъ изъ славянскихъ народовъ, которые находятся подъ чуждымъ владычествомъ». Но все это только инсинуаціи «Голоса». Пусть читатель сравнитъ то, что̀ сказали мы съ тѣмъ, что̀ «Голосъ» заставляетъ говорить насъ. Вотъ были наши слова: «Мы далеки отъ того, чтобы говорить что-нибудь противъ такихъ естественныхъ понятій, какъ обрусеніе окраинъ, или возставать противъ идеи государства.... Но мы все-таки думаемъ, что обрусеніе окраинъ совершится гораздо прочнѣе успѣшнымъ развитіемъ русскаго народа, прогрессомъ въ его образованіи, въ его политическомъ воспитаніи, чѣмъ задорными криками нашихъ псевдо-патріотическихъ публицистовъ. Когда русскій народъ окрылится, когда русское общество станетъ въ политическомъ развитіи въ уровень съ цивилизованнымъ обществомъ западной Европы, когда наука и всѣ отрасли общественной жизни получатъ въ Россіи полныя права гражданства, тогда намъ не придется толковать о проискахъ ничтожной кучки нѣмецкихъ и всякихъ другихъ бароновъ, они уничтожатся сами собою, они потонутъ въ русской жизни, въ циви-

лизованной средѣ русскаго народа. До тѣхъ же поръ всѣ усилія останутся безплодны, и русскіе публицисты и политики поступили бы несравненно разумнѣе, еслибы стали надрывать свою грудь на пользу хоть народнаго образованія, не проповѣдуя грозныхъ походовъ противъ всего, что̀ не говоритъ русскимъ языкомъ и не думаетъ русскою думою».

Спрашиваемъ безпристрастнаго читателя, что̀ общаго между нашими словами и тѣмъ, что̀ навязываетъ намъ «Голосъ», а именно, что будто-бы мы «находимъ, что русскія газеты не имѣютъ права говорить объ обрусеніи нашихъ окраинъ» и т. д. И въ прежней своей «безцвѣтности» мы поддерживали ту же мысль, которая приведена нами выше; такъ, въ началѣ 1868 года, коснувшись западнаго края, мы сказали между прочимъ: «здѣсь мятежъ, имѣя положительно противъ себя массу народа, былъ совсѣмъ безсиленъ, и прекращеніе его стоило мѣстной администраціи, быть можетъ, не столь громаднаго труда, какъ то многіе предполагаютъ. Лицъ, прикосновенныхъ къ мятежу въ западномъ краѣ, было дѣйствительно очень много, такъ какъ существовала обширная революціонная организація; но результаты ея усилій были самые жалкіе. Ее однакоже слѣдовало открыть и наказать виновныхъ. Самые фанатическіе поляки должны теперь сознаться, что въ ихъ мятежныхъ спорахъ было много декораціоннаго и театральнаго; но мы, русскіе, не имѣемъ надобности, укротивъ мятежъ, подражать его пріемамъ, и полагаемъ потому, что запрещеніе употребленія польскаго языка не можетъ быть отнесено къ числу мѣръ дѣйствительныхъ, или примирительныхъ. Пруссія въ Познани никогда не дѣлала усилій въ этомъ смыслѣ, и ея вліяніе оттого нисколько не пострадало. Да и вообще, чѣмъ скорѣе будетъ снято съ западнаго края исключительное его положеніе, тѣмъ скорѣе онъ поставленъ будетъ въ нормальное положеніе. Подъ нормальнымъ же положеніемъ мы разумѣемъ уравненіе этихъ губерній съ остальными русскими губерніями и между прочимъ подготовленіе ихъ къ принятію судебной и земской реформъ». Не было ли бы справедливѣе со стороны «Голоса», что «Вѣстникъ Европы» именно одинъ и настаиваетъ на необходимости обрусенія окраинъ, потому что онъ ставитъ обрусеніе подъ условія общечеловѣческія, и совѣтуетъ избѣгать всего декораціоннаго и театральнаго?

Но «Голосъ» предпочелъ въ своемъ отвѣтѣ воспользоваться нелѣпѣйшею фантазіею Духинскаго и преподалъ своимъ читателямъ свои соображенія объ исторіи Польши, составленныя по рецепту того пресловутаго господина, а именно, что въ Польшѣ живутъ два племени, составившія два сословія: низшіе классы — поляки, и высшіе классы — лехиты (! ?). Первые славяне, а вторые — скандинавы. Мы не беремся объяснять читателямъ этнографическія соображенія «Го-

лоса», и замѣтимъ одно, что въ силу этой теоріи, до 19-го февраля 1861 года, у насъ одно сословіе было порабощено другимъ, а потому и въ Россіи, всѣ наши Собакевичи, Маниловы, Плюшкины были русситы, скандинавскаго происхожденія. Все это слишкомъ смѣшно, чтобы останавливаться на томъ, но вотъ, что вовсе не смѣшно.

Устроивъ въ Польшѣ лехитовъ, «Голосъ» съ необычайною важностію дѣлаетъ на основаніи того соображенія относительно задачъ России и ея судебъ, въ отличіе отъ судебъ Европы.

«При такомъ складѣ бывшей Польши — говоритъ «Голосъ»— роль Россіи была совершенно опредѣлена, хотя сначала и не была *нами* понята (т.-е. редакціей «Голоса»; редакція, вѣроятно, вспомнила свои прежнія писанія по польскому вопросу, когда она и не подозрѣвала, что въ Польшѣ есть лехиты изъ Скандинавіи). Нынѣшнее великое царствованіе приняло ясное направленіе чисто-національной политики и указомъ 19-го февраля 1861 г., рѣшительно опредѣлило будущность Россіи на длинный рядъ столѣтій». Мы сказали бы на мѣстѣ «Голоса» даже больше: освобожденіе крестьянъ не опредѣлило будущность Россіи, а сдѣлало эту будущность, такъ какъ при крѣпостномъ правѣ Россія не могла имѣть никакой будущности. Но дѣло не въ томъ; спрашивается: какова наша будущность при новыхъ условіяхъ народной жизни? Вотъ тутъ-то «Голосъ» и разсыпался цвѣтами своей публицистики, запахъ которыхъ можетъ имѣть одно одуряющее свойство. «Судьбы Россіи—давно отличавшіяся (вовсе ужъ не такъ давно, какъ думаетъ «Голосъ») отъ судебъ остальной Европы, окончательно и безповоротно пошли *другою* (?) дорогою. Освобожденіе крестьянъ съ землею, предупредившее и сдѣлавшее невозможнымъ образованіе у насъ пролетаріата, не было новою законодательною мѣрою: оно только утвердило вѣковое право земледѣльца на обработываемую имъ землю («Голосъ» выпускаетъ изъ виду выкупныя обязательства). Но эта мѣра закрѣпила за Россіей такую роль и такія формы быта, какихъ нѣтъ и не можетъ быть въ западной Европѣ. Промышленность у насъ должна устроиться на *иныхъ* основаніяхъ, чѣмъ на Западѣ; торговля должна принять *своеобразный* характеръ; симпатіи народныя не могутъ идти по западной рутинѣ (?!); самыя политическія права народа должны быть понимаемы *иначе* (!!); самый идеалъ государства въ высшихъ проявленіяхъ своихъ (не знаемъ, понялъ ли читатель этотъ наборъ словъ, но намъ этотъ наборъ напоминаетъ знаменитое: «Се Росска Флакка зракъ, се тотъ, кто какъ и онъ» и т. д.) сложится у насъ *иначе* (!!) нежели въ остальной Европѣ». Каковъ публицистъ, и какъ онъ удовлетворительно рѣшаетъ вопросъ о нашей судьбѣ!? У насъ все будетъ иначе, иначе, иначе! Какъ это понятно для читателя, и какія онъ пріобрѣлъ богатыя свѣдѣнія! Прежде онъ вовсе не имѣлъ понятія о будущности своего отечества, теперь онъ узнаетъ, что у насъ *иныя*

основанія, *иной* характеръ, *иныя* симпатіи, *иныя* политическія права, *иной* идеалъ государства и т. д., что, однимъ словомъ, мы какіе-то иноходцы. Такіе публицисты напоминаютъ намъ пѣвцовъ съ чахоточною грудью, когда они додѣлываютъ пальцемъ высокія ноты, пришедшіяся имъ не подъ силу. Наслажденіе отъ такого пѣнія равносильно удовольствію и пользѣ читать передовыя статьи «Голоса» на тему: «Се Росска Флакка зракъ» и т. д. Мы можемъ понять изъ вышеприведеннаго только одно, что въ редакціи «Голоса» пишутъ передовыя статьи не русскіе, а какіе-нибудь русситы, въ родѣ польскихъ лехитовъ. Будемъ, нынѣшній разъ, осторожны, и скажемъ съ оговоркою: вотъ, если мы не ошибаемся, апогея преобладающаго направленія русской публицистики и ея Геркулесовы столпы! Не одинъ г. Григорій Бланкъ называетъ Россію «своеобразною страною свѣта», доказывая естественность у насъ крѣпостного состоянія; это открытіе можетъ доказывать и другія нелѣпости.

Глубоко убѣжденные въ одинаковыхъ правахъ нашей народности на общечеловѣческое значеніе, мы утверждаемъ, что путь развитія всѣхъ образованныхъ обществъ, какими мы считаемъ общества европейскія, есть и нашъ путь; а потому ближайшее знакомство съ западною цивилизаціею есть необходимость для нашего общества, а для насъ—обязанность. На этой дорогѣ мы стали, на ней и останемся, и останемся не одни, какъ, можетъ быть, самоувѣренно думаетъ «Голосъ». Противъ редакціи «Голоса» мы можемъ призвать «Отечественныя Записки», въ послѣдней книжкѣ котораго мы нашли превосходный и весьма симпатичный для насъ очеркъ г. Щедрина: «Ташкентцы». Въ «Отечественныхъ Запискахъ» редакція «Голоса» найдетъ образцики тѣхъ героевъ, которые устроятъ будущность Россіи, какъ выражается «Голосъ», *иначе*, а не такъ, какъ устроился тамъ себѣ этотъ гнилой Западъ. Будемъ ожидать, что вскорѣ редакція «Голоса» объявитъ редакцію «Отечественныхъ Записокъ» паки и паки «лехитствующею», и отнесетъ этотъ журналъ къ числу «тѣхъ иностранныхъ изданій, которыя печатаются въ Петербургѣ на русскомъ языкѣ». Но какъ увѣрить русскую публику, что г. Щедринъ—это псевдонимъ иностранца, что «Ташкентцы» это есть не что иное, какъ иностранное безобразіе, заказанное редакціею «От. Зап.» за границею и переведенное на русскій языкъ. Прочтя «Ташкентцовъ», редакція «Голоса» вѣроятно подумала объ «От. Зап.» тоже, что о нашемъ обозрѣніи сказала громко: «Русскому человѣку, или даже вообще славянину, не могло бы придти въ голову такое упорное, слѣпое непониманіе Россіи и русскихъ чувствъ и интересовъ, какое видно въ этой враждебной намъ статьѣ», т.-е. въ «Ташкентцахъ» г. Щедрина.

Въ ожиданіи предстоящей борьбы редактора «Голоса» съ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ», обратимся къ другому возраже-

нію, сдѣланному намъ не ради потѣхи публики, а изъ чистаго желанія уяснить предметъ спора и приблизиться къ истинѣ.

Передовая статья «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», 12-го ноября, оставляетъ въ сторонѣ нашу искренность, честность публициста, не подозрѣваетъ въ измѣнѣ и допускаетъ въ насъ патріотизмъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, но упрекаетъ насъ въ томъ, что въ оцѣнкѣ русской публицистики мы пришли «къ ошибочнымъ и весьма страннымъ выводамъ». «Первая ошибка — по словамъ передовой статьи — заключается, безъ сомнѣнія, въ томъ, что «Обозрѣніе» говоритъ о русской печати, какъ о чемъ-то цѣломъ, единомъ, выкрашенномъ въ одну общую, монотонную краску, что оно какъ будто не замѣчаетъ, не признаетъ никакихъ оттѣнковъ въ этой печати—ни въ отношеніи къ чешскому вопросу, ни во взглядахъ на наши окраины, ни вообще, въ общемъ направленіи и стремленіяхъ.... Что разными недозрѣлыми публицистами и юродствующими старцами говорится всякій вздоръ — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; что нѣкоторые наши непризванные защитники «братьевъ-славянъ» договорились въ своихъ «братскихъ» изліяніяхъ до нелѣпостей, вызвавшихъ рѣзкій отпоръ со стороны самихъ чеховъ—это тоже справедливо; что нѣкоторые органы, когда рѣчь заходитъ о нашихъ окраинахъ, дѣйствительно вдаются въ роль проповѣдниковъ противъ всего неговорящаго русскою рѣчью — этого, къ сожалѣнію, отрицать невозможно». Тутъ между нами одно недоумѣніе: на первой страницѣ нашего «Обозрѣнія» сказано ясно, что мы имѣемъ цѣлью указать «отличительныя черты *большей* части русскихъ газетъ». Итакъ, первая ошибка пока не съ нашей стороны; въ главномъ, относительно «недозрѣлыхъ публицистовъ и юродствующихъ старцевъ», мы совершенно согласны.

Вторая ошибка наша, по мнѣнію передовой статьи, состоитъ въ томъ, что мы будто бы проводили «параллель между отношеніемъ австрійскаго министерства къ отдѣльнымъ государствамъ и племенамъ, входящимъ въ составъ австрійской имперіи, и отношеніями Россіи къ ея окраинамъ». Во-1-хъ, мы очень хорошо знаемъ, что всѣ историческія сравненія, параллели и другіе подобные пріемы могутъ забавлять тѣхъ, кто любитъ подобную игру, но въ сущности они ничего не доказываютъ; по одному тому мы не думали ни о какой параллели между положеніемъ Австріи и Россіи; во-2-хъ, дѣйствительно было бы слишкомъ грубою ошибкою не знать различія условій историческихъ и этнографическихъ, въ которыя поставлены обѣ страны. Но у насъ дѣло шло о другомъ: вездѣ ли правда есть правда, или правда имѣетъ также свою этнологію? Передовая статья уклоняется отъ прямого отвѣта, и говоритъ намъ, что исторія Австріи и исторія Россіи не одно и тоже. Да это знаетъ всякій; мы ожидали прямого отвѣта на вопросъ. Возможно ли, чтобы различіе въ исторіи дѣлало, смотря по-

странѣ, справедливымъ несправедливое, и наоборотъ? Мы вооружались противъ русской печати за то, что она склоняется на дорогу древнихъ софистовъ и упражняется въ составленіи статей pro и contra, что производитъ всегда деморализующее вліяніе. Что мы всегда понимали превосходство нашихъ реформъ предъ остатками феодальной Европы, пріютившимися на берегахъ Вислы, Аа и Западной Двины, это не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ еще въ началѣ 1868 года мы говорили: «Сословіе, которое въ Остзейскомъ краѣ наиболѣе держится за свои привилегіи, не могло бы помышлять о присоединеніи къ Пруссіи, даже если бы оно не было вполнѣ предано Россіи. Дѣло въ томъ, что первымъ послѣдствіемъ присоединенія къ Пруссіи было бы уничтоженіе привилегій и тѣлеснаго наказанія крестьянъ помѣщиками, въ томъ числѣ. Подобныя феодальныя права существуютъ для нѣмецкихъ дворянъ только въ Мекленбургѣ и въ Россіи; въ Пруссіи они существовать не могутъ». Если дѣло идетъ о распространеніи законовъ справедливости, мы вездѣ и всюду, будетъ ли это въ Австріи или въ Россіи, будемъ на сторонѣ справедливаго и прогрессивнаго. Мы не скажемъ, какъ то дѣлаетъ, возражая намъ, передовая статья «Петербургскихъ Вѣдомостей», а именно, что роль Австріи въ Чехіи и роль Россіи въ Остзейскихъ губерніяхъ не одна и та же, потому что въ Митавѣ гнѣздятся феодальные нравы, а въ Прагѣ нѣтъ и слѣдовъ подобнаго рода явленій. Конкордатъ съ папою есть самое феодальное дѣло, а между тѣмъ въ Прагѣ нашлись защитники его, при разрывѣ австрійскаго министерства съ Ватиканомъ. Вотъ, въ такомъ случаѣ, даже и такой органъ, какъ «Петербургскія Вѣдомости» вооружаются различными вѣсами и мѣрами и допускаютъ въ правдѣ этнологическія свойства: «Чешское общество, чешскій народъ — говорятъ они—вовсе не представляютъ намъ остатка устарѣлыхъ, нераціональныхъ учрежденій, за которыя такъ упорно стоитъ привилегированное меньшинство въ нашихъ западныхъ окраинахъ». Для насъ, феодальное — феодально вездѣ, и въ Прагѣ, и въ Митавѣ; намъ все равно, гдѣ стоятъ за розгу, и гдѣ за католическій обскурантизмъ, скрѣпленный конкордатомъ; «Петербургскія Вѣдомости» не могутъ не знать исторіи конкордата въ Чехіи, но она не приходитъ имъ на мысль.

Наконецъ, третья наша ошибка состоитъ въ томъ, что мы серьезно считаемъ «нынѣшнюю правительственную систему Австріи въ высшей степени либеральною». Къ сожалѣнію, противникъ нашъ замѣчаетъ, что передовая статья не позволяетъ ему распространиться объ этомъ предметѣ, а потому и мы отвѣтимъ коротко. У насъ оказываются различныя данныя для оцѣнки либерализма; авторъ передовой статьи хочетъ рѣшить вопросъ статистически: кто больше всего представилъ примѣровъ разоренія деревень, казней и т. п., и при этомъ авторъ указываетъ на послѣднія событія въ Каттаро. Мы читали недавно,

что въ Вѣнѣ собралось нѣсколько членовъ рейхстага, который откроется вскорѣ, и положили сдѣлать запросъ министерству относительно справедливости слуховъ о тѣхъ жестокостяхъ и привлечь его къ отвѣтственности. «Каково, наконецъ, то либеральное правительство— восклицаютъ «Петербургскія Вѣдомости» — которое, вызвавъ своими безтактными (?) мѣрами возстаніе въ одной изъ своихъ провинцій, со втораго же слова прибѣгаетъ къ висѣлицѣ и къ выжиганію цѣлыхъ селеній, за то, что нѣкоторые жители этихъ селеній участвовали въ такомъ-то нападеніи!» А именно таково, отвѣчаемъ мы, что его министры рискуютъ не найти себѣ оправданія предъ палатою. Авторъ улыбается, видя, что мы относимъ нынѣшнее австрійское министерство къ числу либеральныхъ; но и мы не можемъ не улыбнуться встрѣчая у него подобную аргументацію противъ насъ. Онъ говоритъ, что Австрія не можетъ быть названа либеральною, такъ какъ она въ 2 года посадила 57 редакторовъ и журналистовъ, а нынѣшнее французское правительство, вовсе не пользующееся репутаціею либеральнаго, дозволяетъ теперь все печатать во Франціи и безнаказанно; «врядъ ли самый ярый чешскій публицистъ когда-либо написалъ и десятую долю того, что ежедневно появляется въ парижской печати!» Все это справедливо, но несправедливо одно, и что самое главное: а именно, современное состояніе французской прессы никто не объясняетъ либеральнымъ настроеніемъ правительства. Слѣдовательно, сравнивать Австрію и Францію въ настоящемъ вопросѣ не будетъ справедливо, или «С.Петербургскія Вѣдомости» должны допустить, что въ мірѣ нѣтъ такого либеральнаго правительства, какъ французское, на что они опять не рѣшатся.

Опытъ, сдѣланный во Франціи въ послѣднее время, очевидно, входилъ въ разсчетъ правительства, хотя и былъ продиктованъ ему политическою необходимостью; если часть оппозиціи разсчитывала на революцію, то въ этомъ отношеніи французское правительство восторжествовало, а для исторіи явилось однимъ доказательствомъ больше, что источникъ революцій заключается не въ свободѣ печати; какой можно желать еще бóльшей свободы для печати, и какъ можно было бы еще шире пользоваться ею, какъ пользовались во Франціи въ послѣднее время? Неужели во Франціи революція не состоялась только потому, что печать не имѣла еще достаточно свободы? Конечно, не потому. А въ такомъ случаѣ, куда дѣнется теперь прежняя теорія, что весь корень зла въ печати?

Отъ французскаго правительства зависѣло въ прошедшемъ мѣсяцѣ, особенно при дополнительныхъ выборахъ въ Парижѣ, обратить настроеніе массъ въ настоящую революцію или сдѣлать изъ всего одинъ революціонный парадъ. Неудивительно, что правительство предпочло послѣднее, и обществу недостаетъ только увѣренности въ томъ,

что правительство дѣйствовало не по политическому разсчету, а по искренней рѣшимости стать на либеральный путь. Общественное настроеніе умовъ во Франціи въ настоящую минуту таково, что оно, конечно, можетъ быть легко эксплуатируемо такимъ «искуснымъ» правительствомъ, какъ французское, которое само умѣло подкапываться подъ правительства. Намъ писалъ изъ Парижа, наканунѣ дополнительныхъ выборовъ, одинъ изъ соотечественниковъ, пережившій во Франціи іюльскую революцію, парламентскую эпоху Луи-Филиппа, февральскую революцію и наконецъ 20-лѣтнее правленіе Наполеона III со всѣми его метаморфозами. Вотъ въ какихъ словахъ онъ характеризуетъ настроеніе французскаго общества: «Странное время переживаемъ мы здѣсь теперь. Въ минуту, когда я вамъ пишу, въ Парижѣ происходятъ выборы въ четырехъ округахъ. Надѣюсь, что парижскимъ проказникамъ не удастся выбрать архи-проказника Рошфора (выбрать удалось, но объ этомъ послѣ). Французскій народъ проснулся: въ томъ нѣтъ сомнѣнія! Утѣшительно то, что тяжелый сонъ, въ которомъ онъ находился, далъ ему не только силу, но и разумъ. Общее мнѣніе рѣшительно не хочетъ *личной* власти Наполеона III, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь же не хочетъ революціи; а это общее мнѣніе имѣетъ теперь такую значительность, какую едва когда-либо оно имѣло: все движется общимъ мнѣніемъ; нѣтъ ни партіи, ни индивидуумовъ, кои направляли бы происшествіями. Это, конечно, имѣетъ свои неудобства: такая личность, пользовавшаяся великою репутаціею, какъ Лафайетъ, могла бы теперь быть очень полезна. Но очевидно, что и отсутствіе такихъ личностей имѣетъ свою великую пользу, предоставляя болѣе вліянія и силы разуму всѣхъ, à l'esprit de tout le monde, который, по слову Талейрана, превосходитъ всевозможныя esprit и genies. Смотря на все это со стороны, хладнокровно, я не постигаю, почему Наполеонъ III такъ сильно прицѣпляется къ своей *личной* власти, pouvoir personnel, которой рѣшительно никто не хочетъ? Какая прелесть для него въ этой власти? Какъ подвергать себя безчисленнымъ хлопотамъ, заботамъ, даже опасностямъ, и какъ брать отвѣтственность за всѣ промахи, за всѣ глупости министровъ, безъ всякой для себя пользы? Не лучше ли сложить съ своихъ плечъ тяжелое бремя и наложить его на плечи тѣхъ, коихъ общество назначитъ для сего? Не лучше ли отдать свое время занятіямъ умственнымъ, возвышающимъ душу, или наконецъ просто развлеченіямъ, облегчающимъ жизнь, нежели проводить его въ грязныхъ или пустыхъ мелочахъ личной администраціи? Не лучше ли бесѣдовать съ кѣмъ угодно изъ порядочныхъ людей, которыхъ найдется здѣсь множество, нежели слушать каждое утро полицейскія сплетни г-на Піетри?... Но Наполеоны, какъ и всѣ люди вообще, часто ошибаются на счетъ того, что имъ дѣйствительно полезно»....

Вѣрно пока одно, что французское правительство построило всѣ свои комбинаціи на томъ, что ненависть французовъ къ личной власти нашла себѣ противовѣсъ въ ихъ же ненависти къ революціи. Слова манифеста Ледрю-Ролена: la révolution n'a plus d'inconnu, революція не представляетъ въ себѣ больше ничего загадочнаго,—очевидно, понимаются не такъ, какъ того хочетъ авторъ, намекая на то, что въ будущемъ невозможны революціи съ такимъ финаломъ, какой имѣли три послѣднія революція. Революція во Франціи не имѣетъ ничего загадочнаго также и потому, что извѣстно ея политическое послѣдствіе: диктатура. Это составляетъ опору власти Наполеона: потому для него не было опасно избираніе Рошфора, точно также не будетъ опасно и избраніе, тѣмъ болѣе что оно локализируетъ оратора и поставитъ его въ менѣе выгодныя условія. Рѣчь Наполеона III, которою онъ наконецъ открылъ, 29-го ноября, законодательный корпусъ, ясно показываетъ, что затрудненія для правительства заключаются не въ избраніи непріятныхъ ему депутатовъ. Въ первый разъ Наполеонъ, обращаясь къ депутатамъ, признался, что «во Франціи трудно установить правильное и мирное пользованіе свободою». Въ первый разъ онъ сказалъ, что «неопредѣленность и волненіе умовъ не должны продолжаться, и положеніе требуетъ болѣе, чѣмъ когда либо, искренности. Надобно говорить безъ уклончивости, и выразить громогласно, какова воля страны. Франція хочетъ свободы, но хочетъ и порядка. За порядокъ я отвѣчаю. Помогите, господа, спасти свободу».

Насъ интересуютъ эти слова съ общечеловѣческой стороны, помимо того интереса, который они представляютъ Франціи. Страна желаетъ свободы, но свобода и есть путь къ порядку; порядокъ безъ свободы можетъ быть устроенъ только между неодушевленными предметами. Взять на себя исключительную обязанность поддерживать порядокъ, можетъ тотъ, кто желаетъ ограничиться скромною ролью полицейскаго коммиссара на общественныхъ гуляньяхъ. Конечно, не о томъ могъ думать Наполеонъ III, принимая на себя отвѣтственность за порядокъ; очевидно, правительство думало о другомъ, и только испытало всю трудность быть искреннимъ, несмотря на высказанную имъ рѣшимость. Слѣдовало сказать: Франція хочетъ свободы, но съ сохраненіемъ личной власти! а какъ сказать это среди бѣлаго дня?! Въ такихъ случаяхъ всегда искупаетъ слово: порядокъ! Если же дѣло идетъ о порядкѣ въ смыслѣ поддержанія личной власти, то Наполеонъ III справедливо сказалъ: j'en réponds! Кромѣ его, никто не заинтересованъ въ поддержаніи господствующаго порядка вещей. «Для достиженія свободы съ сохраненіемъ порядка—продолжается въ рѣчи—будемъ держаться на равномъ разстояніи отъ реакціи и отъ теорій революціонныхъ. Между тѣми, которые стремятся все сохранить безъ

перемѣны, и тѣми, которые мечтаютъ все ниспровергнуть, есть мѣсто, которое можно занять со славою».

Это такъ-называемый средній путь, который представляетъ одинаковыя удобства и неудобства, какъ въ государственной, такъ и въ частной жизни. Его удобство состоитъ въ возможности, смотря по обстоятельствамъ, приближаться къ той или другой крайности; неудобство — онъ не удовлетворяетъ ни одной стороны и раздражаетъ всѣхъ. Во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, политическая свобода націи шатка болѣе всего потому, что она не имѣетъ для себя опоры въ свободномъ и широкомъ развитіи мѣстныхъ учрежденій, въ духѣ независимости. Вотъ причина, почему реакціи могутъ быстро смѣняться революціями, и въ жизни государственной не оказывается устойчивости.

Взглядъ французскаго правительства на внѣшнюю политику, помимо общепринятаго завѣренія о дружбѣ сосѣдей, не представляетъ особенной опредѣленности; какъ будто случайно упомянуто о томъ, что въ Россіи (пять лѣтъ тому назадъ) уничтожено крѣпостное состояніе, а въ Англіи справедливость воздана Ирландіи, и рядомъ съ этимъ поставленъ Суэзскій каналъ и увѣренность, что «вселенскій» соборъ въ Римѣ отличится «мудростью и духомъ примиренія». Послѣднее мало утѣшительно для Италіи, которая, какъ читатель увидитъ ниже, въ нашей корреспонденціи изъ Флоренціи, знаетъ, какой «мудрости» нужно ожидать отъ собора. Испанія осталась неупомянутою, равно какъ и Германія; рѣчь не коснулась также и столкновенія султана съ египетскимъ хедивомъ, по поводу Суэзскаго канала. Вообще, рѣчь вѣрно отражаетъ современное положеніе дѣлъ во Франціи и въ Европѣ, но только въ томъ отношеніи, что оно весьма неудовлетворительно, какъ неудовлетворительна и рѣчь. Программа внутреннихъ реформъ слишкомъ ничтожна, чтобы замѣтить въ ней слѣды твердой рѣшимости отказаться отъ личнаго характера власти; а въ программѣ внѣшней политики преобладаетъ академическая обстановка, скрывающая отъ глазъ настоящіе политическіе мотивы оратора.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.

Ноябрь, 1869.

ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ И СОВРЕМЕННЫЕ ЛИБЕРАЛЫ И КЛЕРИКАЛЫ ВЪ ИТАЛІИ.

Италія можетъ обращать особенное вниманіе русскаго общества въ настоящую эпоху. Она возродилась одновременно съ Россіею; путь, на который она вступила, новъ для народной массы; народная масса, при господствовавшемъ еще такъ недавно режимѣ, коснѣла въ страшномъ невѣжествѣ, и, казалось, нужны были вѣка и вѣка для ея пробужденія. Деморализація въ обществѣ доходила чуть не до тѣхъ предѣловъ, за которыми слѣдуетъ непосредственно политическая смерть. Если у васъ есть пессимисты, они найдутъ въ новѣйшей исторіи Италіи примѣръ того, что собственно нѣтъ общества, неспособнаго къ политической свободѣ, если она устроивается самымъ искреннимъ образомъ. Но чтобы понять, какъ могъ у насъ совершиться такой крутой переворотъ, и — что̀ гораздо болѣе важно — чѣмъ держится новый порядокъ вещей, необходимо познакомиться съ новою Италіею въ цѣлости ея общественной и политической жизни. Такова будетъ цѣль нашихъ корреспонденцій. Начнемъ съ того, что̀ въ настоящую минуту занимаетъ наше общественное мнѣніе, а именно ожидаемый «вселенскій» соборъ. Какъ ни случайно подобное явленіе, но оно раскрываетъ предъ нами вполнѣ древнюю язву Италіи, и вызываетъ на смертельную борьбу два лагеря, давно уже готовые къ окончательной схваткѣ.

«Либералы» и «клерикалы» у насъ — это двѣ силы, прямо отрицающія другъ друга; между ними не можетъ быть ни сдѣлокъ, ни соглашеній. Ихъ раздѣляетъ не религія, а политика: свободная Италія и духовная тираннія — вотъ лозунги этихъ двухъ непримиримыхъ силъ. Итальянскіе либералы, какъ бы ни расходились они между собою, всегда имѣютъ ту или другую общую точку соприкосновенія. Республиканецъ и приверженецъ конституціоннаго порядка вещей, конечно, далеко не сходятся въ своихъ требованіяхъ. Тѣмъ не менѣе и тотъ и другой принимаютъ за исходную точку своихъ желаній одно и тоже начало; вооружась нѣкоторою терпимостію, они могутъ согласиться спокойно обсудить дѣло, и непремѣнно сойдутся на половинѣ дороги. Ничего подобнаго нѣтъ въ отношеніяхъ между либералами и клерикалами, какъ между свѣтомъ и тьмой, наукой и невѣжествомъ, сво-

бодой и деспотизмомъ, добромъ и зломъ. Соедините, примирите подобные элементы, и вы получите безобразную, чудовищную смѣсь, сильно отзывающуюся шарлатанствомъ, піетизмомъ, маккіавелизмомъ или наконецъ просто индифферентизмомъ.

Мы видимъ ежедневно, къ чему приводятъ у насъ усилія нѣкоторыхъ органовъ прессы примирить требованія церкви съ стремленіями новаго государства. Таковы: неаполитанскій *Conciliatore; la Rivista universale*, издаваемая въ Генуѣ; *l'Esaminatore*, который печатается во Флоренціи и робко высказываетъ идеи съ едва замѣтнымъ оттѣнкомъ протестантизма. Ихъ девизъ: *католики съ папой, либералы съ королемъ.* Потому они считаютъ своей политикой возставать, то противъ злоупотребленій церкви, то противъ, будто-бы, чрезмѣрныхъ требованій государства, и вслѣдствіе того гораздо болѣе походятъ на противниковъ обѣихъ враждебныхъ силъ, нежели на ихъ примирителей. И дѣйствительно, они въ одинаковой степени возбуждаютъ къ себѣ недовѣріе италъянскаго правительства и подозрѣніе римской куріи, которая, несмотря ни на что, все-таки считаетъ ихъ зараженными ересью. Первый примѣръ такого рода двойственности въ печати подалъ знаменитый отецъ Пасалья, объявившій себя противникомъ папы, послѣ того, какъ ему было отказано въ кардинальскомъ достоинствѣ. Графъ Кавуръ, надѣявшійся тогда подкопать римскій престолъ, усердно помогалъ отцу Пасальи и не мало содѣйствовалъ между прочимъ тому, чтобъ послѣднему была дана въ туринскомъ университетѣ каѳедра. Но графъ Кавуръ въ то время дѣйствовалъ подъ вліяніемъ политическихъ соображеній, побуждавшихъ его осыпать милостями всѣхъ дезертировъ римско-католической церкви, какими были напримѣръ, монсиньоръ Ливерани, аббатъ Перфетти, каноникъ Реали. Смерть помѣшала графу Кавуру убѣдиться въ томъ, какъ мало пользы можно было ожидать отъ дѣяній отца Пасальи, который, за исключеніемъ довольно обширныхъ свѣдѣній по части богословія и исторіи церкви, не отличался никакими особенными качествами. Основанныя имъ двѣ газеты, *Il Mediatore* и *la Pace*, обѣ покончили достойною ихъ смертью. Этотъ «Посредникъ» и «Миръ» сдѣлались сами жертвою той скуки, которою они морили своихъ читателей. Они наполнялись почти исключительно библіографическими замѣтками и латинскими цитатами, и на скорую руку сшитыми между собой, пустыми, ничего неговорящими фразами. Одновременно съ этими газетами предано забвенію и самое имя отца Пасальи. Такая же участь ожидаетъ и всю ту нашу современную прессу, которая задается «примирительными» цѣлями. Такіе органы только запутываютъ общественныя идеи и замедляютъ развязку.

Клерикалы пока еще держатся въ Италіи, благодаря первой статьѣ устава, который оставленъ Карломъ-Альбертомъ въ наслѣдство ны-

нѣшнему итальянскому королевству. Въ силу этой статьи римско-католическое вѣроисповѣданіе объявлено господствующимъ въ Италіи, тогда какъ всѣ остальныя религіи въ ней не болѣе какъ только *терпимы.* Надо отдать справедливость правительству, оно въ своихъ дѣйствіяхъ почти исключительно руководствуется принципомъ свободы и равенства вѣроисповѣданій. Наши государственные люди вообще идутъ даже далѣе графа Кавура, знаменитое изреченіе котораго: *свободная церковь въ свободномъ государствѣ,* все-таки отчасти изобличаетъ предубѣжденіе, будто церковь непремѣнно должна быть *одна.* Не гораздо ли вѣрнѣе и справедливѣе было бы сказать: *свободныя церкви и свободное государство?* Если церковь въ смыслѣ вѣроисповѣданія не подлежитъ зависимости отъ государства; если государство не можетъ взять на себя трудъ рѣшить вопросъ о преимуществѣ той или другой религіи; за то государство имѣетъ власть надъ церковью, какъ надъ ассоціаціею; подобно всѣмъ другимъ свѣтскимъ ассоціаціямъ, церковь должна состоять въ зависимости отъ страны, гдѣ находится. Но, повторяю, если наши правители въ своей общественной дѣятельности оказываются болѣе либеральными, нежели того отъ нихъ требуетъ первая статья устава Карла-Альберта, духовенство тѣмъ не менѣе сильно ею злоупотребляетъ въ видахъ удержанія за собой своего вреднаго вліянія.

Въ силу этой первой статьи, во всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ королевства итальянскаго преподается катехизисъ съ основными правилами христіанскаго (подразумѣвается: іезуитскаго) ученія и такъ называемая священная исторія, причемъ вовсе не принимается въ соображеніе, къ какому вѣроисповѣданію принадлежатъ обучающіяся тамъ дѣти. Солдаты по праздничнымъ днямъ обязаны присутствовать при отправленіи католическаго богослуженія, какую бы вѣру сами ни исповѣдовали. Разъ въ году каждый домъ, независимо отъ вѣроисповѣданія его обитателей, непремѣнно освящается католическимъ священникомъ. Въ городахъ и общинахъ устроиваются публичныя процессіи съ предписаніемъ отъ мѣстныхъ властей, насколько каждый изъ обывателей долженъ въ нихъ участвовать, причемъ не исключаются и тѣ, которые не принадлежатъ къ римско-католической церкви. При составленіи контрактовъ всегда призывается въ свидѣтели Христосъ и упоминается имя царствующаго папы, хотя бы составляющія контрактъ лица были евреи. Присяга всегда принимается надъ евангеліемъ, какъ отъ христіанъ, такъ и отъ нехристіанъ. Изъ этого вы видите, что первая статья устава Карла-Альберта далеко еще не мертвая буква для насъ. Умершему безъ напутствія священника отказывается у насъ въ погребеніи рядомъ съ предками, если послѣдніе почили въ мирѣ съ церковью. Наши сельскія кладбища, а равно и тѣ, которыя находятся при маленькихъ городкахъ, устроены исклю-

чительно для католиковъ. Исповѣдующіе при жизни какую-либо другую религію по смерти не имѣютъ права на приличную могилу. Ихъ хоронятъ за чертой кладбища въ неосвященной землѣ. Масса, коснѣющая въ невѣжествѣ и суевѣріи, относится ко всему этому чрезвычайно серьезно, и презираемое церковью послѣ смерти она усердно презираетъ и чуждается въ практикѣ жизни.

Но клерикалы, кромѣ такихъ открытыхъ путей для вліянія на массы, имѣютъ тайные пути, гдѣ вредъ ихъ является тѣмъ опаснѣе.

Карлъ-Альбертъ, декретомъ, изданнымъ въ 1847 г., лишая іезуитовъ права пользоваться богатствами, накопленными въ ихъ монастыряхъ и изгоняя ихъ изъ своихъ владѣній, не успѣлъ, однако, совсѣмъ избавить отъ нихъ Пьемонтъ. Они, правда, болѣе не носятъ своей прежней одежды, не занимаютъ никакихъ должностей, не показываются всѣмъ и каждому открыто, но тѣмъ не менѣе продолжаютъ имѣть большое вліяніе на страну, гдѣ нынѣ дѣйствуютъ съ помощью и посредствомъ таинственнаго братства, которое носитъ названіе Сан-Винченцо де'Паоли, но болѣе извѣстно въ Италіи подъ сокращеннымъ именемъ общества *de'Paolotti*. Эти послѣдніе такъ многочисленны, что въ Италіи нѣтъ ни одного городка или мѣстечка, гдѣ они не производили бы своихъ разрушительныхъ работъ. Ихъ сборища обыкновенно устраиваются подъ предлогомъ обсужденія какого-нибудь благотворительнаго дѣла, такъ какъ почти каждый изъ нихъ стоитъ во главѣ, или принимаетъ участіе въ администраціи такъ-называемыхъ благотворительныхъ учрежденій страны. На дѣлѣ же, главный предметъ ихъ преній въ такихъ случаяхъ составляетъ величіе католической религіи, для болѣе полнаго торжества которой они не пренебрегаютъ никакими, ни даже безчестными средствами. Не знаю, существуетъ ли писанный уставъ, заключающій въ себѣ правила, съ которыми эти паолотти обязаны сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ. Едва ли. Они слишкомъ осторожны и конечно боятся компрометтировать себя посредствомъ бумагъ, которыя могли бы раскрыть міру всѣ ихъ тайныя цѣли и продѣлки. Но тѣмъ не менѣе различные члены этого братства дѣйствуютъ чрезвычайно дружно, прислушиваются къ народнымъ толкамъ, присматриваются къ впечатлѣнію, какое производитъ на массу то или другое явленіе политической и общественной жизни, и опять удаляются въ свои тайныя логовища строить новыя козни и приготовляться къ новымъ походамъ. Паолотти въ обществѣ неузнаваемъ. Онъ нерѣдко бываетъ у насъ депутатомъ, засѣдаетъ въ палатѣ, подаетъ голосъ въ пользу самыхъ смѣлыхъ реформъ и слыветъ въ обществѣ за человѣка въ высшей степени либеральнаго. Того требуетъ политика его братства. Но на слѣдующій день, онъ, сближаясь съ невѣжественными народными массами, шепчетъ имъ, что правительство дѣйствуетъ по наущенію дьявола, что оно само идетъ къ вѣрной гибели и влечетъ за

собой всю страну. Возбудивъ неудовольствіе въ народѣ, Паолотти старается еще внушить ему, что прежній порядокъ вещей былъ гораздо лучше настоящаго. Въ прошломъ уважалась церковь, и это уваженіе сообщало силу государству. Всякій благонамѣренный гражданинъ обязанъ сожалѣть о томъ благодатномъ времени, молиться о его возвращеніи и чтобъ подобная молитва была дѣйствительнѣе, подкрѣплять ее «жертвоприношеніями». Вотъ почему выходъ въ свѣтъ въ Италіи всякаго новаго либеральнаго закона непремѣнно сопровождается болѣе или менѣе замѣтнымъ реакціоннымъ движеніемъ въ пользу духовенства. Инціатива въ такихъ случаяхъ обыкновенно принадлежитъ двумъ наиболѣе распространеннымъ органамъ общества Паолотти, изъ которыхъ одинъ «l'Unità Cattolica» издается въ Туринѣ, а другой «Lo Stendardo Cattolico» въ Генуѣ. Обѣ эти газеты сильно поддерживаются римскимъ іезуитскимъ органомъ «la Cività Cattolica».

Какую же роль во всемъ этомъ играетъ религія? Трудно опредѣлить, вѣруютъ ли паолотти въ Бога, во Христа и въ мадонну, но достовѣрно, что они оказали большую поддержку папѣ, когда тотъ, съ помощью отца Пасальи, въ то время еще не лишившагося благодати св. Духа, провозглашалъ новый догматъ католической вѣры о тайнѣ чудеснаго зачатія Пресвятой Дѣвы *sine labe concepta*. Паолотти, дѣйствуя на набожность народа, усердно побуждали его дѣлать новые сборы въ пользу первосвященника, который разоблаченіемъ великой тайны такъ много содѣйствовалъ къ славѣ католицизма. Вообще всѣ проповѣди и славословія паолотти оканчиваются воззваніями къ кошельку ихъ слушателей и приверженцевъ. Опустошается кошелекъ, но и сердце слушателя не наполняется ничѣмъ, такъ какъ масса католическаго духовенства у насъ, особенно сельскаго, и невѣжественна, и испорчена. Священники большею частью всѣ изъ крестьянъ, призваніе которыхъ въ дѣтствѣ опредѣляется слѣдующимъ оригинальнымъ способомъ. Накрываютъ столъ и ставятъ на немъ съ одной стороны жареную курицу, а съ другой рисовую кашу. Затѣмъ зовутъ ребенка и смотря по тому, къ которому изъ блюдъ онъ подойдетъ, рѣшаютъ чѣмъ ему быть, крестьяниномъ или священникомъ. Въ послѣднемъ случаѣ его помѣщаютъ въ семинарію, гдѣ ему даютъ весьма поверхностное образованіе, а затѣмъ заставляютъ произнести обѣтъ. Молодой человѣкъ такимъ образомъ беретъ на себя отправленіе духовныхъ обязанностей точно также, какъ бы въ случаѣ нужды взялся за всякое другое ремесло. Обреченные на безбрачіе, эти священники по ремеслу то-и-дѣло подаютъ поводъ къ разнаго рода скандаламъ. И потому нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ бы католицизмъ подвергался наибольшему поруганію, чѣмъ въ Италіи, этомъ благословенномъ мѣстопребываніи главы всего католическаго міра. По той же причинѣ, ничто не совершается въ Италіи такъ быстро и легко, какъ переходъ отъ

идолопоклонства къ полнѣйшему безбожію. Въ разбитомъ идолѣ, совершенно естественно, не оказывается Бога, и невѣжественная толпа, смѣшивая понятія о томъ и о другомъ, на обоихъ спѣшитъ вымѣстить свой гнѣвъ. Между нашимъ духовенствомъ, конечно, существуютъ также и заслуживающіе полнаго уваженія священники, особенно въ средѣ, принадлежащей къ высшимъ слоямъ общества. Тутъ можно встрѣтить и чистоту нравовъ, обширное образованіе, разумное пониманіе своихъ обязанностей и искреннее желаніе пользы и добра народу. Но, находясь въ зависимости отъ іезуитской всепоглощающей власти римской куріи, и они должны слѣдовать общему потоку реакціонернаго движенія. Постоянныя столкновенія съ массой испорченнаго духовенства и перевѣсъ силы на сторонѣ послѣдняго обрекаютъ ихъ на полное бездѣйствіе. Впрочемъ, зло не всегда приноситъ одни только дурные плоды, и въ настоящемъ случаѣ можно утѣшаться еще тѣмъ, что народъ, утративъ довѣріе къ своимъ руководителямъ, мало-по-малу пріучится къ самостоятельности, начнетъ свободно мыслить и дѣйствовать. Такимъ образомъ, іезуиты, сами того не подозрѣвая, могутъ современемъ сдѣлаться нашими благодѣтелями, на томъ самомъ основаніи, на какомъ тираннію называютъ иногда матерью свободы.

Конечно, такой разсчетъ не вѣренъ, но за то у насъ и не сидятъ, сложа руки, въ ожиданіи такого явленія. Благодаря благоразумнымъ дѣйствіямъ правительства, наукѣ, преподаваемой въ нашихъ университетахъ и свободѣ печатнаго слова, мракъ суевѣрія и невѣжества, застилавшій горизонтъ нашей будущности, начинаетъ мало-по-малу разсѣяваться. Къ числу полезныхъ для дѣла свободы явленій, я вовсе не отношу ни дѣйствій нашихъ масонскихъ ложъ, ни преній и толковъ такъ-называемыхъ «свободныхъ мыслителей». По правдѣ сказать, ихъ польза парализируется вредомъ, ими же приносимымъ. Масоны съ своими мистическими формулами и «свободные мыслители» съ голымъ отрицаніемъ на языкѣ лишаютъ общество, и безъ того слабое, всякой точки опоры въ жизни. Ихъ нетерпимость простирается до того, что они ни на чемъ не позволяютъ останавливаться своимъ адептамъ и во имя отвлеченной свободы предписываютъ имъ отреченіе отъ всякой личной самостоятельности, т.-е. отъ того, что могло бы когда-нибудь привести къ дѣйствительной свободѣ. Гораздо болѣе значенія имѣютъ либеральныя и рѣшительныя дѣйствія нашего парламента. Законы, въ силу которыхъ уничтожаются монастыри, браки совершаются гражданскимъ порядкомъ и веденіе метрическихъ книгъ отдается въ свѣтскія руки, одни стоятъ цѣлой революціи. Послѣдній законъ, изданный итальянскимъ парламентомъ, внесъ въ ряды клерикаловъ страхъ и уныніе. Въ былое время молодые люди часто дѣлались священниками единственно съ цѣлью избавиться отъ военныхъ повинностей. Теперь и духовенство, наравнѣ со всѣми другими граж-

данами обязано поставлять государству извѣстное число защитниковъ и охранителей его безопасности. Клерикалы, впрочемъ, и тутъ не совсѣмъ потерялись: они начали приглашать всѣхъ истинныхъ католиковъ къ участію въ новомъ сборѣ, цѣль котораго ежегодно выкупать изъ военной службы какъ можно болѣе молодыхъ людей, предназначавшихъ себя къ духовному званію. Болонское общество молодыхъ католиковъ первое примѣнило къ дѣлу эту мѣру, за что было осыпано похвалами во всѣхъ клерикальныхъ газетахъ и удостоилось папскаго благословенія. Остается надѣяться только на то, что церковь, прибѣгая такъ часто къ обременительнымъ налогамъ, наконецъ возбудитъ въ своихъ приверженцахъ неудовольствіе и тѣмъ обратитъ ихъ на истинный путь.

Преподаваніе наукъ въ нашихъ университетахъ пользуется безграничной свободой, не возбуждая ни въ комъ опасеній. Доказательство тому на лицо. Такъ Молешотъ въ Туринѣ, братья Шифъ и молодой Герценъ во Флоренціи безпрепятственно проповѣдуютъ съ каѳедры матеріализмъ; профессоръ Аузоніо Франки читаетъ въ Миланѣ лекціи о позитивизмѣ, а профессора Вера и Спавенто въ Неаполѣ являются жаркими поборниками ученія Гегеля. Профессоръ санскритскаго языка и сравнительной литературы во флорентинскомъ институтѣ въ своихъ публичныхъ лекціяхъ разсматриваетъ евангеліе исключительно съ точки зрѣнія миѳа и эпопеи. Можно утверждать, что ни въ какой другой странѣ университетская наука не пользуется правомъ дѣйствовать такъ смѣло и независимо, не исключая даже и самой Германіи, гдѣ во многихъ государствахъ правительство, строго наблюдая за неприкосновенностію господствующей религіи, всячески ограничиваетъ свободу преподаванія.

Другого не менѣе опаснаго врага имѣетъ клерикальная партія въ свободной печати. Послѣднюю, правда, у насъ не рѣдко, какъ говорится, употребляютъ во зло, но все же въ рукахъ честныхъ и даровитыхъ писателей она оказываетъ обществу громадныя услуги. Сколько религіозныхъ предразсудковъ потерпѣло пораженій отъ ѣдкой насмѣшки Феррари, расчистивъ такимъ образомъ мѣсто вліянію идеальнаго пуританизма Маміани. А страстныя и увлекательныя страницы Де-Бони и Франки, сколько молодыхъ сердецъ и умовъ пріобрѣли онѣ дѣлу истины и свободы! Мелкая журналистика съ своей стороны ежедневно осаждаетъ клерикальную партію, если не всегда ловкими, то отъ частаго повторенія тѣмъ не менѣе чрезвычайно дѣйствительными нападками. Все это, взятое вмѣстѣ, дѣлаетъ положеніе клерикаловъ въ Италіи все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Они сами уже открыто сознаютъ весь вредъ, какой имъ нанесла политическая свобода, и теперь заботятся только о томъ, чтобъ по возможности вознаградить себя за понесенныя потери, и заботятся не всегда напрасно. Клери-

кальная партія, — отдадимъ ей эту справедливость, — отличается необыкновенной изворотливостію, умѣньемъ ловко отражать удары или быстро отъ нихъ оправляться, и наконецъ рѣдкой изобрѣтательностію въ изысканіи средствъ къ своему процвѣтанію.

Возьмемъ для примѣра законъ, предписывавшій секвестрованіе монастырскихъ имуществъ. Съ перваго дня своего появленія въ свѣтъ, онъ нашелъ духовенство уже отлично вооруженнымъ для борьбы съ нимъ. Въ этомъ случаѣ клерикалы съумѣли воспользоваться всѣми преимуществами, какія имъ, наравнѣ со всѣми, давалъ конституціонный образъ правленія. Между тѣмъ какъ законъ спокойно и не торопливо обсуживался въ палатѣ депутатовъ и переходилъ оттуда на разсмотрѣніе сенаторовъ, духовенство успѣло скрыть все свое недвижимое имущество и продать въ свою пользу часть движимаго. Когда, наконецъ, съ утвержденіемъ вышеупомянутаго закона началась продажа монастырскихъ сокровищъ на чрезвычайно выгодныхъ для покупщиковъ условіяхъ, оказалось, что многія имущества, дотолѣ принадлежавшія цѣлой корпораціи, теперь становились личной собственностію одного изъ членовъ той же самой корпораціи, и все это въ силу неизвѣстно какихъ условій и договоровъ между покупщикомъ и его товарищами. Однимъ словомъ, законъ обойденъ, прежде нежели успѣлъ народиться. Деспотическое правительство не было бы остановлено такою хитростію; оно не имѣло бы надобности терять время на парламентскія пренія, и законъ упалъ бы на клерикаловъ, какъ снѣгъ на голову. Такъ поступилъ, напр., Карлъ-Альбертъ въ отношеніи пьемонтскихъ іезуитовъ. Но наши клерикалы думали спастись, прикрывая себя благами конституціоннаго правленія и забывая въ тоже время, что сила конституціи заключается не въ томъ, что она ломитъ все встрѣчающееся на пути; а потому клерикалы у насъ походятъ теперь на разбогатѣвшаго корсара, которому удалось, послѣ кораблекрушенія, спастись на берегъ съ частію своего имущества; но корабль пошелъ ко дну.

Сотрудники газеты «Unità Cattolica» безъ сомнѣнія сознаютъ всю трудность своего положенія; по крайней мѣрѣ, они явно чувствуютъ потребность, какъ можно чаще мѣнять цѣли, въ виду которыхъ приглашаютъ вѣрующихъ къ благочестивымъ пожертвованіямъ. Они стараются затрогивать самолюбіе жертвователей, печатая на своихъ столбцахъ ихъ имена и воздавая имъ преувеличенныя похвалы. Видя, какъ мало-по-малу истощаются источники, которые до сихъ поръ снабжали церковь богатыми дарами, «Lo Stendardo Cattolico» и «L'Unità Cattolica» замышляютъ новую подписку въ пользу предполагаемаго вселенскаго собора, за что обѣщаютъ жертвователямъ полное отпущеніе грѣховъ. «L'Unitá Cattolica» кромѣ того придумала, для бóльшаго успѣха, отличное средство. Она печатаетъ у себя листки, готовые къ принятію 250 именъ, и разсылаетъ ихъ къ своимъ приверженцамъ съ

тѣмъ, чтобъ они возвращали ихъ обратно уже наполненными требуемымъ числомъ подписчиковъ. Въ награду за это жертвователи получаютъ обѣщаніе, что листки съ ихъ именами будутъ поднесены папѣ во время его предсѣдательства въ соборѣ, а за тѣмъ, переплетенные, спрячутся въ Ватиканскій архивъ, гдѣ и пребудутъ до скончанія вѣка въ качествѣ *золотой книги*, которой суждено обезсмертить всѣхъ истинныхъ католиковъ.

Во всѣхъ этихъ клерикальныхъ продѣлкахъ у насъ главную роль играютъ женщины — доказательство того низкаго уровня, на которомъ онѣ стоятъ въ Италіи, коснѣя во всевозможныхъ предразсудкахъ и невѣжествѣ. Такъ въ недавнее время, веронскія женщины, воспламененныя «святымъ» негодованіемъ, предприняли нѣчто въ родѣ крестового похода противъ пороковъ, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, погрязли люди нашего вѣка. Онѣ составили ассоціацію, цѣль которой охранять юношество отъ заразы новыхъ идей и возвращать заблудшихъ овецъ въ лоно святой католической церкви. Пій IX граматой и благословеніями отблагодарилъ за то веронскихъ женщинъ, которыя, еще больше воодушевясь отъ такой милости, съ новымъ рвеніемъ принялись трудиться на пользу церкви и св. отца. Главныя заботы ихъ устремлены на то, чтобы посылать какъ можно болѣе людей къ исповѣди и къ причастію и заставлять ихъ молиться объ успѣхѣ вселенскаго собора. Католическіе журналы и газеты увѣряютъ, будто труды благочестивыхъ дамъ увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ. Что до насъ касается, то намъ кажется, что всѣ эти молитвы и подписки свидѣтельствуютъ не только объ опасеніяхъ клерикаловъ на счетъ благополучнаго исхода собора, но еще и о трудностяхъ, какія, сзывая его, св. отецъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу.

Епископы наши тоже не остаются въ бездѣйствіи. Сообразуясь съ формальными инструкціями, исходящими изъ Рима, они разсылаютъ по своимъ епархіямъ циркуляры съ наставленіями подвластному имъ духовенству, какъ оно должно себя вести въ настоящемъ случаѣ. Приведу вамъ нѣсколько отрывковъ изъ пастырскихъ посланій нашихъ епископовъ, которыми они надѣются остановить успѣхи цивилизаціи.

Вотъ, напримѣръ, до какой высоты лиризма достигаетъ епископъ луккскій, объявляя своему духовному стаду о намѣреніи папы созвать вселенскій соборъ. «Вѣрующіе, говоритъ онъ, покорные сыны католической церкви съ грустью взирали на зараженное ересью общество и скорбѣли о безнравственности, въ какую впалъ нашъ вѣкъ. Но при этомъ благодатномъ извѣстіи (о созваніи собора), они вдругъ встрепенулись, утѣшились, возвели очи къ небу и съ благодарственной молитвой обратились къ Богу, внушившему первосвященнику благую мысль прибѣгнуть къ средству, которое въ концѣ концовъ все-таки никогда не имѣло недостатка въ хорошихъ послѣдствіяхъ».

Епископъ тортонскій съ слѣдующимъ воззваніемъ обращается ко всей вселенной: «О народы, о цари, о подданные, о правители, внемлите гласу католической церкви, которая съ бо́льшею торжественностію, нежели когда-либо, и въ тоже время съ материнской нѣжностію, станетъ внушать вамъ на предстоящемъ соборѣ, что подданные должны повиноваться правительству, чтить царей и уважать власть. А судьи и государи съ своей стороны обязаны, заботясь о благѣ своихъ подданныхъ, постоянно поддерживать въ нихъ религіозныя вѣрованія и любовь къ добру. Уже давно св. Августинъ сказалъ: *docet Ecclesia Reges consulere populis, populos se subdere Regibus docet*».— Ловушка, разставляемая почтеннымъ епископомъ, имѣетъ всѣ достоинства, кромѣ новизны, а новизна должна составлять первое качество ловушки.

Кардиналъ анконскій съ особеннымъ паѳосомъ распространяется о невидимомъ присутствіи св. Духа на соборѣ, гдѣ епископы будутъ: «молиться, совѣщаться, спорить, разсуждать, на подобіе самихъ апостоловъ, въ первый разъ собравшихся на соборъ въ Іерусалимѣ *вокругъ Петра*. Наступаетъ великая минута, и человѣкъ говоритъ уже не отъ себя; надъ торжественнымъ собраніемъ носится Духъ Божій и устами засѣдающихъ въ соборѣ отцовъ подтверждаетъ истину словъ, произнесенныхъ апостолами на первомъ соборѣ, который сдѣлался образцомъ всѣхъ послѣдующихъ: *Visum est Spiritui Sancto et nobis*».

Епископъ Имолы требуетъ отъ собора ни болѣе, ни менѣе, какъ пересоздать весь міръ: «Свѣтъ и мракъ, истина и ложь, порокъ и добродѣтель, добро и зло, просвѣщеніе и варварство, однимъ словомъ все въ настоящее время страшно смѣшалось и перепуталось. Необходимо, чтобъ всемогущій голосъ снова раздался посреди хаоса и именемъ Божіимъ приказалъ: да будетъ свѣтъ, *fiat lux*—и свѣтъ явится. Намъ предстоитъ дѣло, совершенное нѣкогда самимъ Богомъ, который *divisit lucem a tenebris*; мы должны, подобно ему, возвысивъ голосъ, дать каждой вещи ея имя, назвавъ днемъ все, что, просвѣщая умъ, смягчаетъ нравы, очищаетъ сердце и возвышаетъ душу, и ночью—все то, что́, омрачая разсудокъ, дѣлаетъ нравы грубѣе, портитъ и наконецъ совсѣмъ губитъ человѣка. Собору предстоитъ совершить это великое дѣло».

Епископъ Патти превзошелъ всѣхъ, рисуя удивительную картину зрѣлища, какое, по его мнѣнію, представятъ отцы, засѣдая въ соборѣ: «Несказанно торжественна будетъ та минута, когда пастыри стада Христова, собранные здѣсь по волѣ главы, на котораго возложена забота управлять своими братьями и утверждать ихъ въ добрѣ и истинѣ, наконецъ провозгласятъ міру окончательное рѣшеніе, къ какому ихъ приведетъ св. Духъ. Вслѣдъ за жаркими преніями наступитъ вне-

запное молчаніе, въ которомъ мгновенно сольются и умрутъ всѣ человѣческія мнѣнія и сужденія (вожделѣнная минута)!»

Изъ этихъ выписокъ видно, что духовенство не имѣетъ въ запасѣ ничего, кромѣ риторическихъ фигуръ и семинарскаго краснорѣчія. За то, почтенные отцы изобличаютъ въ своихъ познаніяхъ полное невѣдѣніе практическихъ цѣлей, которыхъ соборъ желалъ бы достигнуть, но которыхъ онъ по всѣмъ вѣроятностямъ не достигнетъ. Кромѣ того, епископы явно расходятся въ своихъ мнѣніяхъ на счетъ роли, какую они и папа должны будутъ играть во вселенскомъ соборѣ. Одни повидимому не прочь во всемъ подчиниться св. отцу, другіе, напротивъ, сильно напираютъ на важное значеніе *собора епископовъ,* устами которыхъ глаголетъ Духъ Божій. Послѣдніе видятъ въ папѣ только лицо ими же самими уполномоченное за нихъ говорить и дѣйствовать.

Но «вѣрующіе» и низшее духовенство не довольствуются фигуральными свѣдѣніями, которыя имъ сообщаютъ о предстоящемъ соборѣ и юбилеѣ ихъ епископы. Они обращаются за болѣе точными и подробными извѣстіями прямо въ Римъ, преимущественно къ кардиналу Панебіанко, верховному исповѣднику, и въ обрядную конгрегацію.

Вотъ нѣсколько вопросовъ, съ которыми въ послѣднее время обращались въ Римъ, и полученные на нихъ отвѣты:

1) Можно ли въ честь предстоящаго юбилея давать отпущеніе кающимся еретикамъ?

Отвѣтъ: Можно, съ условіемъ, чтобъ они навсегда отреклись отъ своихъ заблужденій.

2) Можно ли давать вторичное отпущеніе грѣховъ тому, кто, уже получивъ его разъ во время юбилея, снова согрѣшитъ и вторично явится исповѣдоваться.

Отвѣтъ на это полученъ отрицательный.

3) Если кто-нибудь, уже получивъ одну изъ юбилейныхъ индульгенцій, пожелаетъ пріобрѣсти еще другую, съ тѣмъ, что вторично исполнитъ всѣ предписанія своего духовника, — слѣдуетъ, или нѣтъ, удовлетворять его желаніе?

Отвѣтъ утвердительный.

4) Есть ли возможность получить индульгенцію, не исполнивъ всѣхъ пожертвованій, какія сочтетъ нужнымъ возложить на кающагося его духовникъ?

Отвѣтъ: Нѣтъ, милости безъ добрыхъ дѣлъ не получаются.

Изъ этого вы видите, что въ Римѣ еще процвѣтаетъ система: *do, ut des.*

Наконецъ, кардиналу Панебіанко надоѣло отвѣчать на вопросы, которыми его со всѣхъ сторонъ осаждали, и онъ рѣшился самъ соста-

вить и обнародовать списокъ вопросовъ и отвѣтовъ по предметамъ наибольшей важности.

Вотъ главные изъ нихъ:

1) Могутъ ли получать отпущеніе грѣховъ тѣ, которые прямо или косвенно участвовали въ нападеніяхъ на папскія владѣнія?

Отвѣтъ: Могутъ, съ условіемъ, чтобъ они отреклись отъ своихъ прежнихъ злодѣяній, выразили желаніе загладить ихъ при первомъ удобномъ случаѣ и, если находятся на государственной службѣ, отказались бы отъ своихъ мѣстъ.

Такой отвѣтъ можно по справедливости принять за воззваніе къ возмущенію противъ итальянскаго правительства, тѣмъ болѣе, что слѣдующіе вопросы еще болѣе развиваютъ ту же самую мысль.

2) Можно ли давать отпущеніе грѣховъ духовнымъ лицамъ, которыя объявили себя противниками свѣтской власти папы?

Отвѣтъ: Можно, если они согласятся открыто сознаться въ своихъ заблужденіяхъ.

3) Могутъ ли получать отпущеніе въ грѣхахъ нарушители обѣтовъ и тѣ, которые участвовали въ отнятіи у духовенства частныхъ и общинныхъ имуществъ?

Отвѣтъ: Могутъ, если удовлетворятъ обиженную сторону и согласятся возвратить ей ея права.

Остальные вопросы и отвѣты вертятся около того же самаго предмета.

Дѣло, очевидно, идетъ вовсе не объ обращеніи на истинный путь грѣшниковъ, а о желаніи возвратить духовенству утраченныя земныя блага.

Между тѣмъ, какъ кардиналъ Панебіанко занимается разрѣшеніемъ вопросовъ, касающихся *сущности* религіи, кардиналъ Биццари, префектъ конгрегаціи, индульгенцій и святыхъ мощей, предписываетъ вѣрующимъ, какіе посты они должны соблюдать для полученія индульгенцій, раздаваемыхъ по случаю юбилея. Ему между прочимъ представили на разсмотрѣніе вопросъ, могутъ ли получать индульгенціи тѣ, которые или по старости, или по болѣзни, или по необходимости поддерживать въ себѣ силы для тяжелыхъ работъ, не въ состояніи поститься? Благочестивый кардиналъ отъ имени его святѣйшества объявилъ, что не могутъ, иначе какъ замѣнивъ постъ какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ. А подъ добрымъ дѣломъ здѣсь конечно подразумѣвается пожертвованіе въ пользу церкви, ради котораго клерикалы охотно дали бы полное отпущеніе грѣховъ самому дьяволу, еслибъ онъ явился къ нимъ съ хорошо набитыми карманами. Такимъ образомъ, всѣ метафизическіе вопросы въ настоящую минуту сливаются въ Римѣ въ одинъ, великой важности для духовенства, вопросъ о деньгахъ.

Ко всему этому мы могли бы присоединить образчики краснорѣчія самого святѣйшаго отца, но оно слишкомъ извѣстно всѣмъ изъ газетъ, и въ немъ напрасно бы мы искали какой-нибудь практической программы будущаго собора. Любовь Пія IX къ неожиданностямъ и сюрпризамъ открываетъ обширное поприще для догадокъ о настоящей цѣли собора. Вѣрно одно, что руководителями собора будутъ іезуиты, и нѣтъ сомнѣнія, что программа собора составляется іезуитами, которые въ епископахъ и кардиналахъ видятъ себѣ опасныхъ соперниковъ и во что бы то ни стало хотятъ ихъ унизить. Заставивъ католическій міръ признать непогрѣшимость папы, они надѣются нанести имъ смертельный ударъ съ тѣмъ, чтобъ потомъ удобнѣе прибрать къ рукамъ будущихъ «непогрѣшимыхъ» папъ. Соборъ сзывается подъ мнимымъ предлогомъ исправить зло, отъ котораго страждетъ церковь, но въ сущности для того, чтобъ удовлетворить тщеславіе Пія IX и честолюбіе іезуитовъ. Не мудрено послѣ этого, что высшее католическое духовенство, въ особенности нѣмецкое и французское, такъ холодно и недовѣрчиво относится къ собору, который угрожаетъ сдѣлаться могилой ихъ могущества. Говорятъ, будто всего только пятьсотъ пятьдесятъ епископовъ примутъ участіе въ предстоящихъ совѣщаніяхъ.

Предоставивъ іезуитамъ распоряжаться всѣмъ, что касается внутренняго устройства и состава собора, Пій IX самъ усердно занимается разнаго рода внѣшними приготовленіями. Онъ лично отыскиваетъ для ожидаемыхъ гостей квартиры и заботится, чтобъ онѣ были снабжены всевозможными удобствами. Кромѣ того, онъ съ неутомимой дѣятельностію слѣдитъ за работами, производимыми въ залѣ, гдѣ будутъ засѣдать святые отцы и наблюдаетъ за устройствомъ въ Римѣ выставки рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ предметовъ христіанской древности. По его приказанію издается духовный музыкальный журналъ «Палестрина», учреждаются стенографическія школы для записыванія соборныхъ преній и выписывается изъ Регенсбурга нѣмецкій типографъ для роскошнаго печатанія соборныхъ актовъ.

Въ тоже время не забывается и простой народъ. Для возбужденія въ немъ благочестія, или вѣрнѣе сказать суевѣрія, устроиваются публичные діалоги между двумя монахами. Одинъ исполняетъ роль ученаго, проникнутаго свѣтомъ истины, другой невѣжды, отрицающаго все высокое и святое. Первый говоритъ по внушенію Духа Божія, второй произноситъ рѣчи, приличныя дьяволу. Побѣда конечно всегда остается за вѣрующимъ, а противникъ его со стыдомъ, пораженный, удаляется съ поля сраженія. Народъ толпами устремляется на эти представленія, но вѣра его, повидимому, отъ этого нисколько не усиливается. По крайней мѣрѣ съ достовѣрностію извѣстно, что значительное число молодыхъ римлянъ составляютъ адресъ, который намѣрены поднести епископамъ, когда тѣ будутъ засѣдать въ соборѣ. Адресъ

этотъ имѣетъ въ виду просить объ отмѣнѣ свѣтской власти папы и объ учрежденіи въ Римѣ новаго правительства, болѣе либеральнаго и согласнаго съ требованіями настоящаго времени.

Вопросъ о непогрѣшимости папы, волнуя духовенство, котораго преимущественно касается, оставляетъ довольно равнодушной массу свѣтской итальянской публики. Ее гораздо болѣе занимаетъ вопросъ, какъ соборъ захочетъ опредѣлить отношенія вѣрующихъ къ новому государству и къ прогрессу новѣйшей науки. Гражданская власть долго недоумѣвала, принять ей или нѣтъ участіе въ соборѣ, съ цѣлью помѣшать постановленію чего-либо противнаго ея интересамъ. Такого рода вмѣшательство по нашему мнѣнію, было бы въ высшей степени несправедливо и безтактно. Несправедливо потому, что государство, не допуская духовенство участвовать въ парламентскихъ преніяхъ, въ свою очередь должно воздерживаться отъ непрошеннаго вмѣшательства въ его дѣла. Безтактно потому, что оно какъ будто изобличало бы страхъ, который можетъ побудить самонадѣянныхъ противниковъ къ болѣе смѣлымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Франція первая поняла это и отказалась отъ всякаго вмѣшательства: должно надѣяться, что другія державы не замедлятъ послѣдовать ея примѣру.

Можетъ быть, было бы лучше и для итальянскаго общества вести себя въ этомъ случаѣ нѣсколько сдержаннѣе и не прибѣгать къ манифестаціямъ, подобнымъ той, какая устраивается въ Неаполѣ. Между тѣмъ какъ въ Римѣ идутъ вышеупомянутыя дѣятельныя приготовленія, въ Неаполѣ назначается, на 8-е декабря, съѣздъ либераловъ и «свободныхъ мыслителей», имѣющій въ виду парализировать дѣйствія вселенскаго собора. Во главѣ съѣзда стоитъ графъ Джузеппе Риччіарди, человѣкъ чрезвычайно благородный, пламенный патріотъ, но слишкомъ увлекающійся своей ненавистью къ духовенству и живущій постоянно въ области несбыточныхъ мечтаній. Его настоящее предпріятіе служитъ наилучшимъ тому доказательствомъ. Онъ собираетъ вокругъ себя «свободныхъ мыслителей» и либераловъ всѣхъ странъ, чтобъ отрицать и опровергать въ Неаполѣ все, что папа и св. отцы порѣшатъ въ Римѣ. Но если этотъ съѣздъ и состоится, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, то его постигнетъ та же участь, какъ и знаменитый конгрессъ мира; онъ обнаружитъ, что между «свободными мыслителями» далеко нѣтъ того единодушія, какимъ, къ сожалѣнію, отличаются ретрограды, и возбудитъ въ массахъ недовѣріе и къ своимъ силамъ, и къ правотѣ защищаемаго дѣла. Не лучше ли, какъ государству, такъ и обществу предоставить соборнымъ преніямъ идти своимъ чередомъ. Чѣмъ безумнѣе будутъ требованія духовенства, тѣмъ убѣдительнѣе докажутъ они несовмѣстимость церковныхъ интересовъ съ тѣмъ, что составляетъ неотъемлемое право государства. Такимъ образомъ будетъ разомъ положенъ конецъ усиліямъ тѣхъ, которые все еще мечтаютъ путемъ сдѣ-

локъ и уступокъ достигнуть прочнаго союза между церковью, какъ она есть, и государствомъ. Клерикальная партія пріобрѣтетъ себѣ тогда новыхъ противниковъ, которые, присоединясь къ людямъ здраваго смысла, могутъ только ускорить торжество цивилизаціи.

D. G.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪѢЗДЪ ВЪ КОПЕНГАГЕНѢ.

Въ прошедшую весну мы имѣли въ Москвѣ первый археологическій съѣздъ, и для многихъ, еще до самаго его открытія, польза и вліяніе такого общенія ученыхъ по спеціальной отрасли науки оставались неразгаданными задачами, между тѣмъ какъ за границею, съѣзды сдѣлались необходимымъ орудіемъ для успѣшнаго развитія всякой науки. Не только мѣстные, но также и международные съѣзды доказали, какую пользу приносятъ они во всѣхъ наукахъ, а тѣмъ болѣе въ археологіи доисторической, потому что тѣсная связь этой отрасли археологіи съ геологіею и палеонтологіею, болѣе всѣхъ остальныхъ, вызываетъ потребность международнаго съѣзда. На немъ должны обсуждаться учеными всѣхъ странъ открытія, сдѣланныя въ отдѣльныхъ странахъ, и только совокупнымъ обсужденіемъ такихъ открытій доходятъ до поясненія тѣхъ общихъ законовъ природы, которые постепенно раскрываютъ намъ первоначальную исторію самого человѣчества. Часто отдѣльное открытіе, повидимому совершенно мѣстнаго характера, въ связи и въ сравненіи съ другими подобными открытіями, проливаетъ неожиданный свѣтъ на вопросы, оставшіеся еще неразгаданными. Лучшимъ доказательствомъ распространенія пониманія истинной пользы международныхъ конгрессовъ служитъ число собравшихся членовъ. На четвертомъ съѣздѣ въ Копенгагенѣ было болѣе 400 членовъ, между тѣмъ какъ пять лѣтъ тому назадъ въ Специи въ первый разъ сошлись только пять ученыхъ и положили основаніе такимъ международнымъ конгрессамъ.

Для русскихъ Копенгагенскій съѣздъ имѣлъ двойное значеніе. Кромѣ важности вопросовъ доисторической археологіи, составляющихъ предметъ занятій съѣзда, намъ предстояла возможность изучить великолѣпное собраніе скандинавскихъ древностей, необходимыхъ для поясненія первыхъ временъ нашей исторіи. Мы могли подробно разсмотрѣть многочисленные образцы того скандинавскаго стиля, кото-

рый такъ долго сохранялся на русскихъ памятникахъ, и только впослѣдствіи постепенно изгладился, уступая мѣсто возрастающему наплыву византійскаго вліянія. Сколько непонятныхъ для насъ предметовъ объясняются сравненіемъ съ подобными же предметами въ копенгагенскомъ собраніи? Сколько матеріаловъ для древняго быта Россіи? Но, оставивъ на время памятники, обратимся сперва къ самому конгрессу.

Первая встрѣча и первое знакомство членовъ между собою произошли въ самый день открытія, потому что списокъ прибывшихъ ученыхъ не былъ еще отпечатанъ и сталъ раздаваться только два дня спустя послѣ открытія. Всѣ собрались въ главную залу университета, изукрашенную флагами всѣхъ странъ міра. Напротивъ каѳедры съ надписью: Ἐν πνεύματι καὶ ἀληθείᾳ, возвышалась королевская трибуна и стоялъ рядъ стульевъ для королевскаго семейства. Всѣ ученые явились гораздо ранѣе назначеннаго для открытія часа, чтобы свидѣться и познакомиться; каждому было любопытно узнать кого встрѣтишь на съѣздѣ. Самое значительное число членовъ изъ другихъ странъ было выставлено Франціею и Бельгіею: Катрфажъ, профессоръ антропологіи при ботаническомъ садѣ въ Парижѣ и членъ академіи; Бертранъ, редакторъ «Revue archéologique» и директоръ новаго музея въ Сен-Жермэнѣ; Геберъ, профессоръ геологіи въ Сорбоннѣ; Анри Мартэнъ (Henri Martin), записанный въ спискѣ членовъ въ качествѣ историка,— неудачный изслѣдователь происхожденія славянскихъ племенъ; Оппертъ, истолкователь клинообразныхъ письменъ; Леузэнъ-Ледюкъ, писавшій о финскихъ племенахъ и издавшій въ прошломъ году финскую эпопею Калевалы; Делинасъ, знатокъ въ древнихъ тканяхъ и одеждахъ; Шпрингъ, профессоръ въ Люттихѣ, открывшій пещеру въ Шово (Chauveau) и слѣды людоѣдства; Дюпонъ, изслѣдователь бельгійскихъ пещеръ и директоръ городского музея въ Брюсселѣ. За этими учеными шла цѣлая вереница юныхъ геологовъ, съ неотразимымъ усердіемъ устремившихся къ изслѣдованію доисторическихъ древностей.

Швейцарія прислала Карла Фогта изъ Женевы, не только ревностнаго послѣдователя дарвинизма, но по преимуществу усерднаго и дѣятельнаго развивателя новой теоріи; все, что Дарвинъ не посмѣлъ высказать, то Фохтъ развилъ до крайнихъ предѣловъ. Несмотря на пережитое имъ, онъ сохраняетъ вѣчно юныя силы и вѣчно юное расположеніе духа, постоянно перемѣшивая ученое съ шутливымъ; онъ всегда готовъ недостатокъ доводовъ дополнить остротою. Изъ Нёвшателя пріѣхалъ профессоръ Десоръ (Desor), авторъ извѣстнаго труда объ Альпійскихъ горахъ, объ окаменѣлыхъ *echinides*, и остроумный изслѣдователь значенія леданыхъ горъ въ доисторическихъ временахъ («Archives des sciences physiques et naturelles»).

Испанія была представлена въ лицѣ профессора Виланова, изъ Мадрита, и Тубино, издателя разныхъ популярныхъ сочиненій о вопросахъ доисторическихъ. Изъ Румыніи пріѣхалъ бывшій министръ Ободеско, составитель записки о румынскихъ произведеніяхъ на парижской выставкѣ.

Норвегія, Швеція и Данія, какъ страны, гдѣ почти болѣе всѣхъ остальныхъ занимались доисторической археологіею, доставили на съѣздъ самое значительное число представителей, между которыми упомяну о профессорѣ Петерсонѣ изъ Христіаніи и о старикѣ Свенѣ Нильсонѣ, прозванномъ дѣдомъ доисторическихъ древностей. Почтенный ученый, несмотря на глубокую старость, продолжаетъ дѣятельно заниматься наукою, и не можетъ разубѣдиться въ своемъ предположеніи о финикійскомъ происхожденіи сѣверныхъ древностей. Въ числѣ сѣверныхъ ученыхъ мы встрѣтили также профессора барона фонъ-Дюбена изъ Стокгольма, изслѣдовавшаго черепа́, открытые въ курганахъ и въ дольменахъ; профессора Севэ, истолкователя руническихъ надписей, и Виберга, отыскивающаго происхожденіе всѣхъ металлическихъ орудій Сѣвера въ торговыхъ сношеніяхъ древнихъ народовъ Греціи и береговъ Средиземнаго моря.

Между всѣми этими представителями науки, мы еще не упомянули о нѣмецкихъ ученыхъ, пріѣхавшихъ на конгрессъ. Ихъ положеніе, при всемъ радушіи датчанъ, было довольно неловкимъ, потому что не только нѣмцы, но и самый нѣмецкій языкъ старательно избѣгается каждымъ жителемъ; обратитесь на улицѣ по-нѣмецки къ первому встрѣчному, и онъ навѣрно отвѣтитъ по-датски, что не понимаетъ, а когда замѣтитъ, что и вы также не принадлежите къ ненавистной ему народности, то отлично объяснится съ вами по-нѣмецки. Несмотря на этотъ политическій оттѣнокъ, невольно вкравшійся въ Копенгагенскій конгрессъ, представители его изъ германцевъ были довольно многочисленны. Кромѣ Лиша изъ Шверина, Петерсона изъ Гамбурга, Шафгаузена изъ Бонна, прямо изъ Берлина пріѣхалъ Вирховъ, профессоръ и членъ прусскаго парламента. Хотя въ немъ политическій представитель преобладалъ надъ профессоромъ, но симпатическая его личность расположила къ себѣ даже самыхъ непримиримыхъ датчанъ. Другія страны, какъ Англія и Россія, не имѣли на съѣздѣ такого числа представителей, и сама Италія, колыбель доисторическихъ конгрессовъ, прислала только члена-основателя Капеллини, профессора Болонскаго университета, и Біонделли, директора Миланскаго музея. Старика Нильсона постоянно сопровождала его дочь, но и кромѣ этой женщины нѣкоторыя другія также участвовали въ конгрессѣ. Между ними въ особенности принимала живое участіе г-жа Месторфъ изъ Гамбурга, которой мы обязаны переводомъ сочиненій Нильсона и Виберга.

Ровно въ часъ началось открытіе съѣзда. Король прибылъ со всѣми членами семейства, съ королевою, наслѣднымъ принцемъ и его супругою. Предсѣдатель съѣзда Ворсо представилъ королю всѣхъ пріѣхавшихъ иностранныхъ членовъ, потомъ хоръ пропѣлъ шведскіе и датскіе гимны. Ворсо прочелъ краткую рѣчь, въ которой изложилъ ходъ и развитіе доисторической археологіи въ Даніи, и привѣтствовалъ прибывшихъ членовъ. На привѣтствіе Ворсо отвѣтилъ Картфажъ отъ имени всѣхъ иностранныхъ членовъ; потомъ опять запѣлъ хоръ, и всѣ прокричали «ура!» королю, первому вѣнценосцу, лично открывшему ученый съѣздъ. Этимъ закончена оффиціальная церемонія открытія.

Вечеромъ того же дня (27-го августа) вмѣсто перваго засѣданія, насъ собрали только для избранія вице-президентовъ и членовъ совѣта. По уставу, къ прежнимъ предсѣдателямъ съѣздовъ и основателямъ его, Капеллини и Десору, избрали кромѣ двухъ мѣстныхъ ученыхъ Стинструпа и Фенгера, еще семь вице-президентовъ, въ томъ числѣ Нильсона, Лиша, Картфажа и Фогта. Тутъ же при окончаніи выборовъ роздали программу засѣданій и предполагаемыхъ поѣздокъ, описаніе всѣхъ собраній Копенгагена, подробный планъ города и карту всѣхъ мѣстностей, которыя предположено осмотрѣть во время съѣзда.

Каждое утро занято съ 9-ти часовъ осмотромъ многочисленныхъ и любопытныхъ собраній Копенгагена, послѣ чего въ 12-ть часовъ начинается засѣданіе съѣзда. Этотъ ежедневный осмотръ тѣмъ болѣе важенъ, что служитъ фактическимъ подтвержденіемъ того, что̀ предполагается на обсужденіе съѣзда. Сперва мы видимъ и изучаемъ памятники, а потомъ толкуемъ о нихъ. Но перейдемъ теперь къ описанію засѣданій.

Первое засѣданіе (28-го августа) было почти исключительно занято сообщеніемъ ученаго шведа Брузеліуса, директора лицея въ Истадѣ, о сдѣланныхъ имъ наблюденіяхъ надъ пониженіемъ и возвышеніемъ материковъ,—явленіе, объясняющее намъ измѣненіе земной поверхности во времена ледяного періода. При углубленіи гавани въ Истадѣ дошли до точныхъ признаковъ значительнаго пониженія материка въ этой мѣстности, и старались, посредствомъ сдѣланныхъ тутъ находокъ, опредѣлить время, когда произошло это пониженіе. Сперва напали на слой песку въ 5 или 10 футовъ толщины, въ которомъ, кромѣ обыкновенныхъ раковинъ, встрѣчались еще предметы XV или даже XVI вѣка, какъ-то: каменныя ядра, ружья, остатки потонувшихъ кораблей, но не нашли ни одного памятника каменнаго или бронзоваго вѣка, ни одной кости отъ допотопнаго животнаго. Подъ этимъ слоемъ песку находился не менѣе толстый слой торфа съ остатками погрузившагося лѣса: стволы деревьевъ съ корнями, между ними

раковины, улитки и насѣкомыя, доказывающія, что начало торфа сдѣлано прѣсною водою, а потомъ только начавшійся торфъ залитъ моремъ и засыпанъ морскимъ пескомъ. Подъ слоемъ торфа находился третій слой, глинистый, изъ голубоватой глины (argile), и на поверхности его нашли ножикъ и оконечность стрѣлы, сдѣланные изъ кремня (одинаковой формы съ такими же предметами, открываемыми въ скандинавскихъ странахъ), бронзовую палицу, по образцу открытыхъ въ Италіи (въ собраніи г. Местра въ Брюсселѣ находится превосходный образецъ такого орудія), и наконецъ рукоятку отъ ножа, рѣзанную изъ кости съ полуобронными круглыми украшеніями и оканчивающуюся въ видѣ змѣиной головы. Большинство присутствующихъ членовъ признали эту рукоятку за издѣліе IX или XI вѣка, между тѣмъ какъ иные относили ее даже къ VI вѣку. Всѣ предметы, лежавшіе на поверхности того глинистаго слоя, который составлялъ въ тѣ времена грунтъ, на которомъ выросъ лѣсъ, должны быть древнѣе образовавшагося торфа; отсюда видно, что торфъ сталъ образоваться только въ X-мъ столѣтіи, а 500 лѣтъ спустя, по случаю пониженія материка, залитъ моремъ и занесенъ пескомъ. При такомъ положеніи слоевъ, затрудненіе референта состояло въ томъ, что найденныя орудія каменнаго вѣка лежали на одной поверхности, на одномъ слоѣ съ рукояткою, неоспоримо новѣйшаго времени, чѣмъ эти орудія. Къ этому Брузеліусъ добавлялъ, что мѣстныя повышенія или пониженія материка замѣчаются и до новѣйшаго времени въ южной части Швеціи. Десоръ, сославшись на Нильсона, припомнилъ, что въ Сканіи одна мѣстность возвышается, между тѣмъ какъ другая опускается. Тоже самое подтвердилъ и Фогтъ, между тѣмъ какъ Геберъ хотѣлъ изъ толщины слоевъ вывести хронологическую послѣдовательность для измѣренія времени этихъ явленій. Пренія продолжались, но не могли дойти до окончательнаго результата, потому что мало было одного памятника, одной рукоятки отъ ножа для окончательнаго объясненія этой находки. Послѣ того показанъ былъ окаменѣлый зубъ слона, найденный въ главномъ городѣ Фіоніи, и слѣдовательно доказывающій, до какихъ сѣверныхъ границъ доходило прежде мѣстопребываніе этого южнаго животнаго. Ученый Лишъ добавилъ, что такой же окаменѣлый зубъ находился въ Ростокѣ между камнями мостовой. Капеллини замѣтилъ, что по этому, дурно сохранившемуся образцу слоноваго зуба, трудно съ точностію опредѣлить его породу; это можетъ быть и *elephas primigenius* и *elephas armeniacus*, въ особенности часто попадающійся въ Трансильваніи. На вопросъ г-на Гебера, въ какомъ именно пластѣ найденъ этотъ зубъ, секретарь Шмидтъ объяснилъ, что онъ открытъ въ песчаномъ слоѣ, который могъ быть и наноснымъ.

Назначенное на вечеръ засѣданіе было отложено, и слѣдующіе дни

посвящены: воскресенье—на осмотръ музеевъ, а понедѣльникъ (30-го августа) на поѣздку къ ближайшимъ Кёккенмеддингамъ (Kjokkenmoedding) или «кухоннымъ» остаткамъ.

Эти кучи кухонныхъ остатковъ, разбросанныя по берегамъ Даніи, служатъ памятниками древнѣйшихъ обитателей въ этой странѣ, хотя теперь нельзя ихъ уже болѣе признавать за самые древніе слѣды, оставленные человѣкомъ, потому что въ Англіи и на всемъ прибрежьи Средиземнаго моря нашли гораздо болѣе древніе слѣды пребыванія человѣка. Расположенные болѣе или менѣе обширными кучами на древнемъ берегу Каттегата, Кёккенмеддинги иногда отстоятъ далеко отъ теперешняго берега моря, какъ мы это видѣли въ Сёлагерѣ (Sölager), иногда же напротивъ лежатъ на днѣ морскомъ, какъ въ Сильтѣ, вѣроятно вслѣдствіе пониженія материка въ этомъ мѣстѣ. Вообще кухонные остатки образуютъ продолговатыя, обширныя кучи пустыхъ раковинъ, между которыми въ особенности многочисленны устрицы, улитки, *Miessmuschel*, *Harzmuschel*, *bucardes littorines*. Между черепками находятся кости различныхъ звѣрей, всѣ расколотыя въ длину для добытія мозга. Кромѣ того попадаются кости птицъ, черепахъ и рыбъ, и грубо обдѣланныя орудія изъ кости и кремня, какъ-то: ножи, долота, иглы, гребни, треугольные топорики и обломки грубой глиняной посуды. Кто бы подумалъ, что открытіе такихъ сорныхъ кучъ привело къ поясненію древнѣйшихъ временъ человѣчества, и что отсутствіе металлическихъ орудій въ Кёккенмеддингахъ неоспоримо удаляетъ ихъ начало до первыхъ временъ періода полированныхъ орудій, который послѣдовалъ за періодомъ сѣверныхъ оленей (âge du renne). Подобное изслѣдованіе находимыхъ въ нихъ костей принадлежитъ профессору Стинструпу, а первое хронологическое опредѣленіе времени, сколько мнѣ помнится, г-ну Морло, который относитъ за 4700 и до 7000 лѣтъ начало этихъ кучъ кухонныхъ остатковъ. Но именно на этомъ вопросѣ остановились поясненія науки, и два ученые датчанина, Стинструпъ и Ворсо, составляютъ двѣ противоположности въ рѣшеніи его; а потому совѣтомъ съѣзда постановлено, по возвращеніи изъ поѣздки въ Сёлагеръ, обсудить этотъ вопросъ на конгрессѣ.

Сёлагерскій Кёккенмеддингъ одинъ изъ самыхъ незначительныхъ, но по близости своей избранъ былъ цѣлью нашей поѣздки. До Роскильда мы отправились по желѣзной дорогѣ, оттуда на пароходѣ проѣхали фіордъ или заливъ до мѣстечка Еллинге, гдѣ насъ ожидали крестьянскія повозки, красивыя и удобныя, въ которыхъ мы проѣхали остальныя двѣ версты, до самаго Кёккенмеддинга. Прежній морской берегъ лежитъ довольно далеко отъ воды, и на высокой его отлогости, на обширномъ пространствѣ, очищенномъ отъ дерна, бѣлѣютъ остатки раковинъ и устрицъ. Издалека можно принять его за

известковую копь. Въ ширину всего мѣста, нарочно купленнаго королемъ у мѣстныхъ крестьянъ, была прорыта глубокая канава для удобнаго наблюденія слоевъ и состава кучи. Всѣ присутствовавшіе члены съ любопытствомъ стали копать и отыскивать между раковинами кости и каменныя орудія. Большая часть кучи состояла изъ устрицъ, отчасти уже истлѣвшихъ, а каменныя орудія и звѣриныя кости попадались немного ниже верхняго слоя, на глубинѣ почти полъ-аршина. Но настоящія орудія, ножи, долота и прочее встрѣчались довольно рѣдко; всѣхъ чаще попадались кремни, треугольные, отбитые такъ ловко, что составляютъ весьма удобный инструментъ, вмѣсто ножа, для раскрытія раковинъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ отыскали зубы и челюсти собачьи, которыя въ тѣ времена были единственнымъ домашнимъ животнымъ, а иногда, повидимому, употребляемы были также и въ пищу, въ чемъ убѣдился Стинструпъ, при внимательномъ осмотрѣ слѣдовъ человѣческихъ зубовъ на собачьихъ костяхъ.

На слѣдующій день (31-го августа), по возвращеніи съ осмотра Сёлагерскаго Кёккенмеддинга, было назначено обсужденіе обоихъ противныхъ мнѣній Стинструпа и Ворсо, но отсутствіе Стинструпа заставило приступить къ чтенію рефератовъ, и вниманіе членовъ на время отвлечено было отъ ожидаемаго обсужденія.

Г. Ружу извѣщалъ, что онъ въ окрестностяхъ Парижа нашелъ пещеры съ неоспоримыми слѣдами людоѣдства. Открытіе это, хотя не въ первый разъ заявленное, все-таки поразило присутствующихъ. Одни не желали распространяться объ этомъ, другіе напротивъ того, и во главѣ ихъ Фогтъ, вызывали люттихскаго профессора Шпринга на подробное изложеніе вопроса о людоѣдствѣ. Такое раздвоеніе мнѣній въ залѣ производило странное впечатлѣніе. Видно было, что многіе не довольно объективно относились къ вопросу до-историческаго времени и примѣняли къ нему наше современное воззрѣніе на это явленіе. Подъ этимъ впечатлѣніемъ взошелъ на каѳедру Шпрингъ, и сначала, какъ бы боязливо, коснулся своихъ открытій, но мало-по-малу первое впечатлѣніе въ немъ изгладилось, и онъ даже подъ-конецъ съ усмѣшкою доказывалъ людоѣдство нашихъ прародителей. Шпрингъ сперва разсказалъ, какъ въ 1823 году Шмерлингъ (Recherches sur les ossements fossiles) полагалъ, что нашелъ слѣды людоѣдства, какъ всѣ надъ нимъ тогда смѣялись, какъ самъ Шпрингъ, подъ вліяніемъ Шмерлинга, изслѣдовалъ извѣстную пещеру близъ Анжисъ (Engis), недалеко отъ Люттиха, и не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ, какъ онъ подобные же слѣды людоѣдства нашелъ въ пещерѣ близъ Шово (grotte ou trou de Chauveau) и пришелъ, наконецъ, къ убѣжденію, что людоѣдство существовало, но существовало, можетъ быть, какъ обрядъ религіозный. Съ человѣческими костями, которыя въ Анжисѣ и Шово встрѣчаются перемѣшан-

ными съ костями звѣриными, поступали совершенно одинаково, какъ съ этими послѣдними; онѣ были раздроблены въ длину и поджарены, какъ кости животныхъ, изъ которыхъ ѣли мозгъ. Несмотря на эти слѣды, Шпрингъ долго еще сомнѣвался, но изучая все болѣе и болѣе найденные слѣды, онъ все-таки приходилъ къ одному и тому же выводу. По свидѣтельству найденныхъ въ Шово костей, и по отсутствію между ними мамонтовыхъ или другихъ древнѣйшихъ животныхъ, Шпрингъ полагаетъ, что въ Шово людоѣдство происходило, сравнительно, въ менѣе отдаленное время, чѣмъ прежде можно было полагать. Дюпонъ подтвердилъ тоже самое и упомянулъ о двухъ пещерахъ, одной—изъ эпохи сѣверныхъ оленей, а другой, принадлежащей къ эпохѣ полированнаго камня, и въ обѣихъ находимы были слѣды людоѣдства. Самое же людоѣдство—Шпрингъ, по высказанному уже мнѣнію, объясняетъ религіознымъ обрядомъ, совершавшимся вслѣдствіе какихъ-нибудь вѣрованій. Надо еще добавить о найденныхъ костяхъ въ Шово, что всѣ онѣ принадлежали или молодымъ женщинамъ, или молодымъ мужчинамъ и даже девятилѣтнему ребенку. Подъ конецъ своего изложенія Шпрингъ такъ вдохновился своимъ открытіемъ, что весьма картинно объяснилъ, какъ, по его мнѣнію, происходилъ самый обрядъ людоѣдства. Къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Шпрингомъ, Ворсо добавилъ, что и въ Даніи, въ гробницахъ, называемыхъ *Hünengräber*, онъ нашелъ подобные же слѣды людоѣдства—раздробленныя и поджаренныя кости. Вдобавокъ ко всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ, Петерсенъ, гамбургскій библіотекарь, привелъ рядъ письменныхъ доказательствъ о существованіи людоѣдства во времена древнія, но не слишкомъ отдаленныя. Онъ привелъ свидѣтельства писателей отъ Геродота до блаженнаго Іеронима, и въ особенности указалъ на Ирландію, въ которой канибализмъ сохранялся весьма долго. Сверхъ того Петерсенъ пояснилъ, что канибализмъ не былъ потребностью, вызванною нуждою и голодомъ, но послѣдствіемъ религіознаго убѣжденія: вѣровали, что со съѣденіемъ извѣстныхъ частей тѣла соединялся переходъ извѣстныхъ качествъ къ съѣвшему: сердце храбраго и сильнаго врага придавало храбрости, глазъ увеличивалъ зоркость. Этимъ сообщеніемъ окончено было утреннее засѣданіе, а того же дня, въ вечернемъ засѣданіи, французскій геологъ Геренъ (Guérin) изложилъ весьма подробно отчетъ о разныхъ находкахъ, сдѣланныхъ въ южной Франціи; боннскій профессоръ Шафгаузенъ прочелъ начало статьи, которую докончилъ въ другомъ засѣданіи, и по поводу его замѣчаній, коснулись, но весьма бѣгло, вопроса о рисункахъ, найденныхъ на костяныхъ предметахъ. Ворсо, въ доказательство подлинности рисунковъ, показалъ изображеніе ножа съ узорами, найденнаго 17 лѣтъ тому назадъ, когда еще никто не подозрѣвалъ, что возникнетъ сомнѣніе о древности этихъ предметовъ.

Фогтъ привелъ также нѣсколько доказательствъ подлинности рисунковъ на костяныхъ орудіяхъ.

Наконецъ, на утреннемъ засѣданіи 1-го сентября, произошло давно обѣщанное обсужденіе о времени происхожденія Кёккенмеддинговъ и отложенное до этого дня по болѣзни Стинструпа. Основаніе и труды для изслѣдованія этого вопроса наглядно выставлены въ Музеѣ сѣверныхъ древностей и въ зоологическомъ собраніи. Тутъ расположены всѣ кости различныхъ звѣрей, находимыя въ Кёккенмеддингахъ и въ торфяныхъ болотахъ Даніи, и подобраны по породамъ животныхъ. Сверхъ того, для удобнаго сравнительнаго изученія слѣдовъ, оставляемыхъ на костяхъ зубами различныхъ животныхъ и различныхъ способовъ, употребляемыхъ при раскалываніи костей, присоединили къ этимъ собраніямъ не только кости подобныхъ, еще встрѣчаемыхъ въ наше время животныхъ, но также и кости, расколотыя эскимосами и лапландцами для добыванія мозга, кости, обгрызанныя собаками обитателей сѣверныхъ странъ,—однимъ словомъ, все, что только можетъ разъяснить вопросъ о древнѣйшихъ обитателяхъ Даніи. Видя, до какой малѣйшей подробности Ворсо и Стинструпъ изслѣдовали кухонные остатки и могильныя насыпи, невольно изумляешься такой основательной и ученой обработкѣ вопроса. Съ такою подготовкою можно было ожидать окончательнаго рѣшенія, но пренія доказали противоположное. Оба ученые, прежде сотрудники въ одной и той же области, согласны въ главныхъ положеніяхъ вопроса о Кёккенмеддингахъ, но за тѣмъ они расходятся въ нѣкоторыхъ выводахъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ въ первый разъ напали на слѣды Кёккенмеддинговъ, и съ тѣхъ поръ болѣе чѣмъ въ 45 мѣстностяхъ отыскали подобныя кучи, совершенно одинаковаго устройства; самыя значительныя изъ нихъ расположены въ Ютландіи. Стинструпъ совершенно согласенъ съ Ворсо, что Кёккенмеддинги обозначаютъ мѣстожительства людей, питающихся охотою и ловлею рыбъ. Кромѣ рыбъ, эти люди ловили еще разныя устрицы и улитки, тщательно избѣгая тѣхъ устрицъ, которыя обыкновенно или водятся у самаго берега или выкидываются моремъ, такъ что эту ловлю несомнѣнно производили на извѣстномъ разстояніи отъ берега. Постоянное пребываніе жителей на этихъ мѣстахъ доказывается тѣмъ, что въ Кёккенмеддингахъ находятъ рога оленей, ланей и челюсти молодыхъ животныхъ въ разныхъ степеняхъ развитія; а такъ какъ всѣ породы оленей ежегодно теряютъ рога, то по величинѣ роговъ можно опредѣлить, въ какомъ именно мѣсяцѣ убили и съѣли пойманнаго животнаго. Къ этому можно добавить, что древніе обитатели неоспоримо были весьма ловкіе и отважные охотники, потому что въ кухонныхъ остаткахъ попадаются также кости большихъ и дикихъ звѣрей, какъ *bos primigenius*, медвѣдя, рыси, волка, кабана и оленя. Но никогда доселѣ,

замѣтилъ Стинструпъ, не нашлись кости сѣвернаго оленя или лося. Изъ птицъ, древніе обитатели питались дикими лебедями, гусями, утками, глухарями и большими пингуинами *(alia impennis)*. Самое время пребыванія этихъ обитателей близъ Кёккенмеддинговъ можетъ отчасти опредѣлиться посредствомъ разныхъ соображеній. Въ древнѣйшія времена, Данія, по свидѣтельству торфяныхъ болотъ, покрыта была соснами (pinus sylvestris), которыя впослѣдствіи уступили мѣсто дубамъ, а эти, въ свою очередь, замѣнены буками. Глухари, питающіеся сосновыми шишками, водились вмѣстѣ съ первобытными быками во время существованія сосновыхъ лѣсовъ; слѣды этихъ быковъ не только были найдены въ торфяныхъ слояхъ между сосновыми пнями, но даже открыли остатки подобнаго быка, и на томъ мѣстѣ, гдѣ находился его желудокъ, лежала кучка сосновыхъ иглъ. Отсюда видно, что сосновые лѣса были современны Кёккенмеддингамъ. Люди, накоплявшіе эти кучи кухонныхъ остатковъ, не знали еще употребленія металловъ, а дѣлали свои различныя орудія изъ кости, дерева или кремня, грубо-обтесаннаго. Но вмѣстѣ съ этими грубо-обтесанными орудіями попадаются иногда, хотя весьма рѣдко, орудія изъ песчаника, грюнштейна или кремня, хорошо отшлифованныя; и эти именно находки возбудили разногласіе между Стинструпомъ и Ворсо. Первый изъ нихъ полагаетъ, что народъ Кёккенмеддинговъ одинъ и тотъ же, что народъ могильныхъ насыпей, гробницъ гунновъ (Hünengräber) и дольменовъ, потому что онъ имѣлъ извѣстную степень развитія, доказанную умѣньемъ заготовлять шлифованныя орудія, коихъ рѣдкость въ Кёккенмеддингахъ объясняется самымъ происхожденіемъ этихъ кучъ сора и выброшенныхъ остатковъ. Между тѣмъ въ гробницахъ своихъ тотъ же народъ клалъ тѣ отлично обдѣланныя каменныя орудія, изяществу которыхъ мы теперь еще удивляемся. Въ самомъ же устройствѣ дольменовъ изъ большихъ отвѣсно-наставленныхъ каменныхъ плитъ, Стинструпъ видитъ древнѣйшія жилища этого народа. Ворсо, напротивъ того, относитъ, судя по отдѣлкѣ каменныхъ орудій, Кёккенмеддинги и гробницы гунновъ къ двумъ различнымъ временамъ одного и того же каменнаго періода; Кёккенмеддинги принадлежали къ началу его, когда не умѣли еще хорошо обработывать камень, а гробницы гунновъ—къ концу этого же періода, потому что въ нихъ иногда попадаются даже предметы бронзовые, между тѣмъ какъ въ Кёккенмеддингахъ никогда не находимо было никакого слѣда металлическаго предмета. Ворсо не можетъ допустить предположенія, что дольмены служили жилищами, и добавляетъ, что самыя орудія, находимыя въ нихъ, рѣзко отличаются отъ орудій Кёккенмеддинговъ, и напротивъ того очень схожи съ орудіями, находимыми въ пещерахъ Перигора (Perigord), принадлежащихъ, какъ извѣстно, къ эпохѣ сѣверныхъ оленей. Ворсо видитъ также большое различіе въ звѣряхъ; въ дольме-

нахъ, кромѣ нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ, встрѣчаются иногда лошадиныя кости, которыя никогда не попадаются въ Кёккенмеддингахъ. Въ заключеніе Ворсо замѣтилъ, что доселѣ ошибочно предполагали, что населеніе Европы шло изъ сѣвера на югъ; надо на оборотъ признать, что развитіе пришло съ юга, съ береговъ Средиземнаго моря, и что сѣверныя страны, въ томъ числѣ Данія, были населены позднѣе юга, что подтверждается отсутствіемъ въ Даніи всякихъ слѣдовъ эпохи сѣверныхъ оленей, а далѣе на сѣверъ въ Лапландіи и Финляндіи не встрѣчается даже каменныхъ орудій грубой, первоначальной отдѣлки, подобныхъ орудіямъ, находимымъ въ южныхъ долинахъ Соммы и Мансанареса. Изъ сѣвера и сѣверо-востока ничего не было принесено въ Данію, потому что всѣ доселѣ найденныя въ Россіи каменныя орудія совершенно другой формы и отдѣлки чѣмъ скандинавскія. Стинструпъ не могъ отрицать совершеннаго отсутствія металлическихъ орудій въ Кёккенмеддингахъ, но обратилъ вниманіе на отдѣлку костяныхъ орудій. По его мнѣнію, костяные предметы слишкомъ нѣжно обработаны, поверхность ихъ слишкомъ гладкая, какъ бы отполированная, чтобы допустить, что дошли до такого совершенства безъ помощи металлическихъ инструментовъ или, по крайней мѣрѣ, безъ полированныхъ каменныхъ орудій. Стинструпъ остался при своемъ мнѣніи, но большинство членовъ, повидимому, склонилось на сторону Ворсо. Къ дальнѣйшему поясненію эпохи дольменовъ, нашъ соотечественникъ, П. И. Лерхе, сообщилъ весьма любопытныя свѣдѣнія о подобныхъ памятникахъ на югѣ Россіи, въ которыхъ находились не только бронзовыя, но даже и желѣзныя вещи. Десоръ также привелъ доказательства, что народъ дольменовъ былъ гораздо образованнѣе народовъ Кёккенмеддинговъ, причемъ Бертранъ старался свести оба мнѣнія, расширяя продолжительность этого каменнаго періода, но не могъ дойти ни до какого положительнаго доказательства сближенія двухъ различныхъ образованностей. При этомъ Шафгаузенъ напомнилъ разсказы путешественниковъ, о какомъ-то племени Бенгала, которое доселѣ еще воздвигаетъ могильные памятники въ родѣ древнихъ дольменовъ. Засѣданіе окончилось сообщеніемъ барона Дюкера о пещерахъ Вестфаліи.

Вечеромъ этого же дня всѣ члены приглашены были въ театръ на особое представленіе, въ честь бракосочетанія наслѣднаго принца. При появленіи королевскаго семейства весь театръ запѣлъ датскій гимнъ, сочиненный для этого случая; всѣмъ знающимъ датскій языкъ розданы были печатанные экземпляры этого гимна, по которымъ они пѣли при акомпаниментѣ всего оркестра. Затѣмъ начался балетъ, заимствованный изъ скандинавской миѳологіи и обставленный съ величайшею археологическою точностію; видно было, что разсчитывали на публику, состоящую изъ археологовъ.

На слѣдующій день (2-го сентября), утромъ, засѣданіе открылось опять воспоминаніемъ о Кёккенмеддингахъ. Катрфажъ разсказалъ о существованіи фальшиваго Кёккенмеддинга близъ S. Michel-en-l'Airne, состоящаго изъ такого же накопленія морскихъ раковинъ близъ древней гавани, но накопленія, составленнаго моремъ безъ помощи человѣка. Хотя въ этой кучѣ нечаянно нашли монеты короля Пепина, но никогда не нападали на слѣды каменныхъ или другихъ орудій. Сообщая объ этой мѣстности, Катрфажъ въ особенности хотѣлъ обратить вниманіе на необходимость съ осторожностію опредѣлять, что́ настоящіе кухонные остатки, и что́ накопилось одними морскими волнами. За нимъ молодой геологъ Казалисъ-де-Фондузъ, передавая свѣдѣнія о пещерахъ въ Атанль, во Франціи (департаментъ du Gars), коснулся вопроса о переходной эпохѣ отъ каменнаго періода къ бронзовому, потому что въ этихъ пещерахъ найдены памятники и того и другого времени. Переходная эпоха составляетъ вопросъ еще не вполнѣ уясненный, такъ какъ границы обоихъ періодовъ недостаточно рѣзко еще опредѣлены сдѣланными доселѣ открытіями. Во-первыхъ, стали-ли въ одно и тоже время употреблять безъ различія бронзу и мѣдь, какъ полагалъ Бертранъ; или сначала обработывали чистую мѣдь, и только спустя извѣстное время дошли до состава бронзы? На сѣверѣ, какъ и на югѣ, встрѣчаются орудія изъ чистой мѣди, и орудія изъ бронзы. Несмотря на мнѣнія разныхъ ученыхъ, которые по очереди объясняли выводы свои, основанные на открытіяхъ, вопросъ не могъ дойти до окончательнаго разъясненія. При этомъ П. И. Лерхе показалъ образцы извѣстныхъ бронзовыхъ стрѣлъ, находимые въ разныхъ полосахъ южной и средней Россіи, — тѣхъ стрѣлъ, о которыхъ г. Максимовичъ доставилъ изслѣдованіе на Московскій съѣздъ. Между прочимъ, по мнѣнію ученыхъ, отличительнымъ признакомъ бронзоваго періода на сѣверѣ служатъ различные рисунки, выдолбленные на скалахъ скандинавскихъ странъ. Объ этихъ изображеніяхъ Скандинавіи писали Гильдебрандтъ, Бруніусъ и Гельмбергъ. Лоранжъ показалъ рисунки съ окрестностей Фридериксгольда, а Нильсонъ указалъ на такія же изображенія въ Сканіи. На нихъ представлены, кромѣ людей и звѣрей, большое количество лодокъ и кораблей, чѣмъ доказывается, что эти рисунки принадлежатъ народу, занимавшемуся мореплаваніемъ. Такія же изображенія встрѣчаются на скалахъ и въ Россіи, но они представляютъ народъ съ другими нравами и съ другими занятіями. На скалахъ въ Перми и въ Сибири, изображены стада, пастухи, какія-то шествія или битвы, и хотя смыслъ этихъ изображеній весьма неясенъ, но все-таки достаточно указываетъ, что народъ, сдѣлавшій эти изображенія, занимался охотою и скотоводствомъ. При чемъ любопытно замѣтить, что ни на одномъ изъ этихъ изображеній не встрѣчается ни

лодки, ни корабля, какъ на датскихъ и шведскихъ изображеніяхъ. Подобные же рисунки существуютъ также близъ Монако, на скалахъ вокругъ озера, извѣстнаго подъ именемъ Lac des merveilles, также и въ Англіи, какъ описалъ ихъ Симсонъ, по замѣчанію Десора. Но нѣкоторые ученые полагали, что изображенія человѣческихъ фигуръ не могутъ принадлежать къ бронзовому періоду, противъ чего возставалъ Десоръ. Къ сожалѣнію, рѣшеніе этого вопроса не обсуждалось далѣе, по случаю вмѣшательства датскаго любителя древностей, который предложилъ, но былъ во-время остановленъ, доказать, что употребленіе желѣза предшествовало употребленію бронзы. Остальное обсужденіе памятниковъ бронзоваго періода отложено до вечерняго собранія.

Вечернее собраніе открылось докладомъ Виланова о сочиненіяхъ и трудахъ въ Испаніи, съ 1845 года, по части доисторическихъ наукъ. Не останавливаясь долго на докладѣ Виланова, мы упомянемъ только о сочиненіи Гонгоры объ испанскихъ дольменахъ (Antiguedales prehistoricas de Andalucia. Madrid, 1868), замѣчательномъ по изображенію найденныхъ памятниковъ, а затѣмъ обратимся къ новому предмету, который неожиданно сосредоточилъ на себя вниманіе членовъ. Оканчивая свой докладъ, Вилановъ показалъ фотографіи, снятыя съ стараго испанца, служащаго любопытнымъ образцомъ микрокефализма. При этихъ словахъ, лицо Фогта просіяло, онъ попалъ на любимый предметъ и кинулся на каѳедру объяснять свое мнѣніе о микрокефалахъ. Микрокефалъ или человѣкъ-обезьяна, говорилъ онъ, представляетъ случай пріостановки развитія человѣка; низкій лобъ и весь очеркъ черепа болѣе походитъ на черепъ обезьяны, чѣмъ на черепъ нормально развитого человѣка. Эти признаки пріостановки виднѣе въ зрѣлыхъ лѣтахъ, чѣмъ у дѣтей; тутъ различіе ребенка-микрокефала отъ нормальнаго ребенка не такъ ярко выдается ни въ формѣ черепа, ни въ умственныхъ способностяхъ; отъ того эти двѣ точки исхода болѣе приближены между собою, чѣмъ въ послѣдующихъ возрастахъ. Для нагляднаго доказательства Фогтъ поставилъ четыре точки и провелъ между ними линіи, прибавивъ, что точка пересѣченія этихъ двухъ непараллельныхъ линій показываетъ, что было время, гдѣ онѣ имѣли одну общую точку исхода. Если сдѣлать тоже самое сравнительно съ молодымъ шимпанзе и съ старою обезьяною, то и тутъ увидите точку пересѣченія обѣихъ линій. Отсюда онъ заключаетъ, что человѣкъ и обезьяна имѣли одинъ общій источникъ, и что еслибы нашли окаменѣлый образецъ такого существа, то увидѣли бы, что это первоначальное существо не было бы ни совершенный человѣкъ, ни совершенная обезьяна, а какое-то среднее существо, къ которому приближаются микрокефалы, потому что природа, останавливаясь въ этихъ случаяхъ въ ходѣ обыкновеннаго развитія, представляетъ какъ бы

воспоминаніе первоначальнаго существа. Такимъ образомъ, въ лошадяхъ и въ другихъ животныхъ встрѣчаются иногда такія же возвратныя воспоминанія первоначальнаго существа; есть примѣры лошадей, которыя вмѣсто копыта имѣютъ что-то въ родѣ пальца. Эти слова Фогта вызвали на каѳедру Катрфажа; онъ удивился, какимъ образомъ Фогтъ однимъ исключительнымъ случаемъ хочетъ подтвердить всю теорію Дарвина; какимъ образомъ онъ можетъ назвать возвратомъ къ первоначальной формѣ отдѣльные патологическіе случаи, доказывающіе болѣзненную, уродливую пріостановку нормальнаго развитія, и ничего больше. Придерживаясь мнѣнія Фогта, человѣкъ, родившійся безъ рукъ, былъ бы воспоминаніемъ о сходствѣ человѣка съ морскими тюленями или фоками; отсутствіе обѣихъ рукъ означало бы возвращеніе къ первоначальному плавательному снаряду человѣка-тюленя, къ плавательнымъ перьямъ или плавнямъ. Но когда рождается ребенокъ съ одною только рукою, ужели и тогда эта уродливость есть доказательство возвращенія природы къ первоначальной формѣ, слѣдовательно къ морскому тюленю съ однимъ только плавательнымъ перомъ. Вслѣдствіе мнѣнія г. Фогта, надо признать патологическій случай сросшихся сіамскихъ близнецовъ за воспоминаніе первоначальной формы человѣка. Хотя Фогтъ на это остроумно отвѣтилъ, что два сросшіеся тюленя, хранимые въ зоологическомъ кабинетѣ въ Копенгагенѣ, такіе же сіамскіе близнецы; но все-таки въ этотъ день теорія Дарвина пріобрѣла мало приверженцевъ, и вся зала рукоплескала ловкой критикѣ Катрфажа. Удалившись не надолго отъ предмета нашихъ прямыхъ занятій, мы снова приведены были барономъ фонъ-Дюбеномъ, профессоромъ анатоміи въ Стокгольмѣ, къ обитателямъ Кёккенмеддинговъ и дольменовъ. По просьбѣ членовъ, онъ сообщилъ свое мнѣніе о черепахъ, открытыхъ въ Даніи, въ сравненіи съ черепами Швеціи. Къ сожалѣнію, Вирховъ не присутствовалъ при этомъ засѣданіи, потому что былъ на обѣдѣ, данномъ въ честь его.

Важность изслѣдованій профессора фонъ-Дюбена неоспорима для разрѣшенія вопроса о породѣ племенъ, издревле населявшихъ скандинавскія страны. При отсутствіи точныхъ историческихъ данныхъ, этотъ вопросъ разрѣшается отчасти по сохранившимся остаткамъ просвѣщенія и языка; но эти остатки могутъ принадлежать и не однимъ первоначальнымъ обитателямъ, а другимъ, впослѣдствіи только населившимъ тѣ же мѣстности; между тѣмъ какъ изслѣдованія тѣлосложенія и въ особенности формы черепа, происходя наслѣдственно, предпочитаются анатомами всякимъ другимъ доказательствамъ. Хотя наука теперь отодвинула гораздо дальше происхожденіе первоначальныхъ обитателей Европы, но отъ этого самое ихъ происхожденіе не стало намъ яснѣе, и вопросъ объ немъ отнюдь не разъяснился болѣе

прежняго, потому что отъ позднѣйшаго родового смѣшенія племенъ между собою, первоначальныя отличительныя черты каждаго изъ нихъ отчасти изгладились, отчасти образцы череповъ древнѣйшихъ эпохъ встрѣчаются тѣмъ рѣже, чѣмъ далѣе мы углубляемся въ эту древность. Доселѣ полагали, и даже не смѣли сомнѣваться, что первоначальные обитатели Европы принадлежали къ племени, схожему съ лапландцами, съ маленькими круглыми головами, и что это именно племя покорено было впослѣдствіи индо-германскимъ племенемъ, отличавшимся большими, длинными черепами. Многіе еще твердо вѣрятъ въ это мнѣніе и не хотятъ разубѣдиться примѣрами, встрѣчающимися во многихъ краніологическихъ собраніяхъ, хотя, какъ замѣтилъ фонъ-Дюбенъ, самое это первоначальное мнѣніе основано было ошибочно на одной случайности. Два первые черепа, найденные въ такъ-называемыхъ гробницахъ гунновъ, памятникахъ каменнаго періода, принадлежали къ разряду маленькихъ и круглыхъ, что, какъ теперь доказано, составляетъ случайное исключеніе между черепами этихъ могилъ. Напротивъ того, фонъ-Дюбенъ полагаетъ, что черепа каменнаго періода въ Даніи совершенно одного сложенія, какъ черепа въ Швеціи того же времени. Вообще древніе обитатели были средняго роста съ немного-вогнутыми голенями, какъ доказала бóльшая часть находокъ. Черепъ расположенъ къ удлинненію; часть у бровей сильно развита; задняя часть черепа также сильно выдается; швы костей перепутаны и зубчаты, носъ большой и острый; скулы широки и обращены впередъ; яремная кость очень округлена и сильно развита; зубы истерты до самыхъ десенъ, даже у молодыхъ субъектовъ. Эта порода повидимому и доселѣ сохранилась между теперешнимъ народонаселеніемъ, но черепа каменнаго періода длиннѣе въ сравненіи съ шириною, менѣе высоки и слѣдовательно менѣе объемисты; передніе зубы кривы и выдаются впередъ, между тѣмъ какъ теперь они стоятъ прямо; кости у бровей также не такъ сильно выдаются какъ прежде. Касательно этой послѣдней черты, которая придавала лицу какое-то звѣрское выраженіе, надо сказать, что въ копенгагенскомъ зоологическомъ собраніи показываютъ два замѣчательные образца. Одинъ черепъ найденъ въ Борреби въ гробницѣ и описанъ Бускомъ, Лауелемъ и другими, и очень похожъ на извѣстный черепъ изъ Неандерталя. Другой черепъ — Кай Ликке, извѣстнаго жителя Копенгагена, по политической его роли въ послѣдней половинѣ XVII вѣка, и котораго признавали въ свое время за красивѣйшаго мущину всей Даніи. Выдающіяся мѣста бровей его черепа совершенно одинаковы въ этомъ отношеніи съ черепомъ каменнаго періода изъ Борреби. Вмѣстѣ съ этою длинно-головою породою, еще схожею съ большинствомъ обитателей Швеціи и Даніи, встрѣчается еще другой родъ че-

реповъ маленькихъ, круглыхъ и короткихъ, также съ кривыми зубами, и напоминающій теперешнихъ лапландцевъ; но полнаго съ ними сходства фонъ-Дюбенъ не рѣшается еще утверждать за неимѣніемъ достаточнаго числа такихъ образцовъ. Къ этимъ двумъ породамъ Фогтъ хотѣлъ еще причислить третью породу, въ родѣ череповъ Швейцаріи, но фонъ-Дюбенъ съ нимъ не согласился, полагая, что это третье различіе (съ прямыми зубами) есть только видоизмѣненіе первой породы доликокефаловъ. Затѣмъ позднее время принудило закрыть засѣданіе и отложить всѣ оставшіяся занятія до слѣдующаго послѣдняго засѣданія.

Въ этомъ послѣднемъ засѣданіи слѣдовало: окончаніе обсужденій о бронзовомъ вѣкѣ, потомъ изслѣдованія о желѣзномъ вѣкѣ, — всего до семнадцати ученыхъ трудовъ, которые всѣ должны были занять три часа времени. Вслѣдствіе такого краткаго времени, часть ученыхъ изложила бѣгло свои замѣчанія, другая часть довольствовалась передачею предсѣдателю съѣзда Ворсо заявленныхъ рукописей. Ровно въ три часа Ворсо взошелъ на каѳедру, поблагодарилъ съѣхавшихся ученыхъ и закрылъ съѣздъ, объявивъ, что въ будущемъ 1870 году пятый съѣздъ соберется въ Болоньѣ, подъ предсѣдательствомъ графа Гоццадини. Въ тотъ же день всѣ члены приглашены были на обѣдъ къ королю, который пилъ за здоровье иностранцевъ, собравшихся на съѣздъ и пожелалъ дальнѣйшаго успѣха развитію археологическихъ наукъ.

Гр. А. Уваровъ.

Сентябрь, 1869.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

НОЯБРЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Изъ мрака къ свѣту. Романъ *Шпильгагена.* Въ четырехъ частяхъ. Спб. 1870.

Между (?) молотомъ и наковальней. Романъ въ трехъ частяхъ. *Фр. Шпильгагена.*

Такъ-называемый языкъ боговъ, мѣрная поэзія съ ея изяществомъ формы, все болѣе и болѣе уходитъ на задній планъ въ новѣйшихъ европейскихъ литературахъ. Одни приписываютъ это тому, что не является крупныхъ поэтовъ; другіе идутъ далѣе, говоря, что время «высокой поэзіи» прошло и прошло потому, что спросъ на нее самый ничтожный. Въ то время, какъ люди, называющіе себя «истинными жрецами искусства», уединяются въ кружки, плача надъ смѣшеніемъ понятій новаго времени, масса справляетъ тризну по великимъ поэтамъ, не заглядывая ни въ Данте, ни въ Аріоста, ни въ Камоэнса, ни въ Мильтона, и предпочитая имъ современниковъ своихъ, иногда съ эфемерной извѣстностію; если мы будемъ откровенны, то даже образованная часть общества должна будетъ сознаться, что названныхъ великихъ поэтовъ она не читала, довольствуясь тѣми свѣдѣніями о нихъ, какія пріобрѣла въ школѣ; мы не удивимся, если грядущее поколѣніе назоветъ скучными Иліаду и Одиссею и не найдетъ у себя настолько терпѣнія, чтобъ одолѣть ихъ отъ начала до конца. Стихотворная форма дѣлается погремушкою въ рукахъ забавниковъ; реалисты преслѣдуютъ ее насмѣшками, говоря, что она служитъ сплошь и рядомъ къ закрытію своимъ изящнымъ покрываломъ безсмыслія, и «презрѣнная проза» начинаетъ господствовать. Мы не хвалимъ и не порицаемъ этого явленія, а только констатируемъ фактъ, который отрицать невозможно. Объясненіе его главнымъ образомъ можно искать въ потребностяхъ нашего времени: служить массѣ—въ наукѣ, въ искусствѣ, въ литературѣ. Пластическое искусство оставляетъ боговъ; наука не прячется въ кабинетахъ и бросаетъ свой неуклюжій, непонятный массѣ языкъ; «высокая поэзія», спустившись съ облаковъ, забываетъ тамъ свою форму и всѣ подраздѣленія свои на роды и виды. Еслибъ не христоматіи, съ безпримѣрнымъ усердіемъ представляющія образцы эпоса, оды, баллады, романса, эклоги, идилліи, то масса и о нихъ давно бы забыла, благодаря роману, который не только смѣшалъ и поглотилъ въ себѣ эти подраздѣленія, но бросился въ такія области, которыя еще не такъ давно составляли исключительную собственность философіи, психологіи, юриспруденціи, политической экономіи, медицины и другихъ наукъ. Неудивительно, что эта форма литературныхъ произведеній дѣлается любимицею производителей и потребителей: по самой своей без-

предѣльности, она можетъ удовлетворить всѣ вкусы. Если вы желаете ужасовъ и «уголовщины», передъ вами бездна романовъ съ подобнымъ содержаніемъ; желаете вы вѣрнаго изображенія жизни, тихаго теченія событій, которое не столько бы возбуждало васъ, сколько усыпляло—въ сокровищницѣ романовъ вы найдете для себя пригодную пищу; желаете вы поученія, яркихъ образовъ лучшихъ людей, которые соединяютъ въ себѣ высокія стремленія къ идеалу гражданственности и новому экономическому порядку; желаете вы изображенія страстей, психологическихъ этюдовъ, разработки философскихъ вопросовъ, вопросовъ юридическихъ, гигіеническихъ, медицинскихъ, даже геологическихъ—романъ и тутъ сослужитъ вамъ службу, конечно далеко не всегда вѣрную службу, но по крайней мѣрѣ съ полною готовностію отвѣчать на ваши вопросы по мѣрѣ силъ. Такимъ образомъ, романъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ популярной энциклопедіи, принаровленной для всѣхъ степеней развитія, и производители находятъ возможность предлагать его столь же разныхъ достоинствъ, рисунковъ и цвѣтовъ, какъ ситецъ.

Было бы любопытно показать вліяніе романа на массы, хотя подобный этюдъ представилъ бы значительныя трудности, такъ какъ нельзя съ точностію отдѣлить вліяніе романа отъ вліяній другого рода. Но не подлежитъ сомнѣнію, что замѣчательный романистъ много вноситъ въ сознаніе своихъ современниковъ, давая имъ въ опредѣленныхъ образахъ то, что ими предчувствуется, что существуетъ въ ихъ представленіяхъ въ видѣ полунамековъ и полудогадокъ. Потому-то современному романисту недостаточно быть художникомъ и недостаточно быть просто образованнымъ человѣкомъ. Романистъ съ большимъ талантомъ — только подобныхъ писателей мы и имѣемъ въ виду — не только историкъ своего времени, но онъ намѣчаетъ пути, по которымъ человѣчество идетъ къ своему счастію, и тѣ типы, которымъ принадлежитъ, по крайней мѣрѣ, ближайшее будущее. Можно насчитать довольно много «вліятельныхъ» романовъ, написанныхъ людьми почти безъ всякаго художественнаго дарованія, но обладавшими большимъ умомъ и образованіемъ; при помощи одного развитого ума, имъ удавалось создать нѣчто въ родѣ типовъ, которые жили довольно долго. Понятно изъ этого примѣра, какъ важно для даровитаго романиста стоять на одномъ уровнѣ съ самыми развитыми людьми своего времени, если, конечно, онъ смотритъ серьезно на свое призваніе. Въ этомъ отношеніи за нѣмецкими романистами едвали не остается пальма первенства: они не только вполнѣ образованные люди, но обладаютъ и техническими знаніями. Они понимаютъ, что при современномъ рабочемъ, трудовомъ направленіи общества, когда приходится брать и героевъ изъ этой среды, нельзя создать совершеннаго типа, если самъ не знакомъ съ предметомъ той спеціальности, которой посвящена жизнь героя. Дѣло вовсе не въ томъ, чтобъ обременять романъ техническими свѣдѣніями, а въ томъ, что извѣстная среда и извѣстная дѣятельность кладетъ на человѣка свои неизгладимыя черты и сообщаетъ его мыслямъ и характеру извѣстный строй. Вслѣдствіе такого добросовѣстнаго отношенія къ своему призванію, въ нѣмецкихъ романахъ вы встрѣтите массу полезныхъ практическихъ замѣчаній, которыя нисколько не вредятъ художественному строю романа, если писатель обладаетъ тактомъ. Съ другой стороны, нѣмецкіе писатели имѣютъ ту выгоду передъ писателями другихъ странъ, что отечество ихъ, населенное племенемъ, говорящимъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, имѣющимъ одну и ту же литературу, раздѣлено на нѣсколько государствъ. Тѣмъ, чего не могутъ захватить въ область своихъ романовъ ни французскій, ни англійскій романисты, при всей свободѣ печати, существующей въ этихъ странахъ, нѣмецкій романистъ пользуется привольно. Ему достаточно сказать, что дѣйствіе происходитъ въ Германіи, въ столичномъ городѣ, гдѣ живетъ король съ своимъ дворомъ,—и передъ нимъ самая широкая рама, въ которую онъ вставляетъ всѣхъ представителей общества, начиная съ ремесленника и кончая королемъ. Для рѣшенія жгучихъ вопросовъ, которыхъ касается современный нѣмецкій романъ, такая рама совершенно необходима и удесетеряетъ силы писателя и его вліяніе. Все это взятое вмѣстѣ и другія причины, которыя укажемъ мы послѣ, объясняетъ большой успѣхъ, который имѣютъ въ русскомъ обществѣ романы такихъ писателей, какъ Ауэрбахъ и Шпильгагенъ. Романъ послѣдняго «Загадочныя натуры» и продолженіе его «Изъ мрака къ свѣту» имѣютъ для

насъ еще то значеніе, что типы, выведенные въ нихъ, имѣютъ не очень отдаленное сходство съ нашими людьми сороковыхъ годовъ, съ нашими разочарованными, какъ выразились они въ жизни и въ романахъ Лермонтова, Тургенева, Герцена и Гончарова.

Въ Германіи была своя пора реакціи, когда натурамъ избраннымъ жилось не очень хорошо. Конечно, эта пора не можетъ идти въ сравненіи съ тѣмъ, чему были мы свидѣтелями дома, тѣмъ не менѣе она порождала постоянныя противорѣчія между стремленіями духа, стремленіями идеальнѣйшей философіи и дѣйствительностію, и губила людей, которые не умѣли ограничить себя и удовлетвориться тѣмъ, чѣмъ удовлетворялись сотни тружениковъ. Эти даровитые люди настолько же отличались отъ нашихъ людей сороковыхъ годовъ, насколько нѣмецкая среда отличалась отъ русской и насколько нѣмецкая философія глубже и шире понималась на своей родинѣ, чѣмъ у насъ. Стремленія первыхъ были гораздо шире, но эта широта была неопредѣленна, или лучше сказать, безпредѣльна. Они стремились къ добру и истинѣ, но не хотѣли или не могли, вслѣдствіе особенностей своей природы, принять условія дѣйствительности. Надѣленные необыкновенной впечатлительностію, они алчно брались за всякое дѣло, но немедленно бросали его, какъ только убѣждались, что у дѣла есть начало и конецъ, что дальше извѣстныхъ предѣловъ идти нельзя. Они смотрѣли на людей и вещи подъ тѣмъ освѣщеніемъ, которое давала имъ ихъ разгоряченная фантазія; но близкое знакомство съ дѣйствительностію снимало съ нея излишній блескъ, въ душу закрадывалось разочарованіе, и они начинали мстить насмѣшкой, презрѣніемъ и ненавистію предметамъ своего увлеченія за то, что оказались не тѣмъ, что они сами изъ нихъ сдѣлали. Обладая болѣзненною зоркостію для слабостей и поступковъ ближнихъ, они рѣдко доходили до чистаго наслажденія любовью, которая не мыслима безъ терпимости, и наконецъ отрекались отъ самихъ себя, отъ своихъ стремленій, теряя вѣру и въ міръ, и въ свое призваніе. Одну изъ такихъ натуръ изображаетъ Шпильгагенъ въ лицѣ Бергера, въ которомъ есть что-то байроническое, большая энергія и сила, замѣчательный умъ, увлекательное краснорѣчіе и самое возвышенное благородство. Стремленіямъ его нанесенъ былъ ударъ въ самомъ началѣ его карьеры: неизвѣстно за что его посадили въ крѣпость и продержали тамъ пять лѣтъ.

«Тюрьма, говоритъ онъ, на долгіе годы уничтожила во мнѣ любовь и довѣріе къ жизни. Тамъ же, гдѣ засорены эти источники, портится все вокругъ и является та гадливость, которая нравственно выражается такъ же, какъ у нѣкоторыхъ больныхъ съ сильно возбужденными нервами, которые боятся до всего притронуться, чтобъ не замараться. Подобное настроеніе должно было преобладать у бѣднаго Свифта, когда онъ писалъ свою комически-страшную исторію пребыванія Гулливера у тѣхъ существъ, которыхъ путешественникъ изображаетъ противнѣйшей породой на землѣ и которыя все-таки не что иное, какъ ему подобныя... Я сталъ искать забвенія въ наукѣ, и къ несчастію нашелъ то, что искалъ. Я говорю къ несчастію, потому что вижу теперь, какъ пуста наука, отрывающая отъ жизни и обезсиливающая людей. Все, что отдаляетъ насъ отъ жизни, показываетъ жизнь менѣе достойной нашихъ стремленій, а людей нестоющими любви,—положительно вредно. Отвращеніе же къ жизни и презрѣніе къ людямъ—непремѣнныя послѣдствія философіи, которая никогда не провѣряетъ своихъ результатовъ дѣйствительностію, и глубокомысленнѣйшія спекуляціи которой, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, не болѣе какъ донкихотство ума, и во всякомъ случаѣ, несмотря на ихъ мнимую вѣрность, такъ же безполезны для человѣчества, какъ предположенія схоластиковъ на счетъ того сколько ангеловъ могло бы умѣститься на игольномъ остріѣ»... Это признаніе Бергеръ дѣлаетъ послѣ того, какъ онъ, впавъ въ меланхолію, лечился въ заведеніи умалишенныхъ и, встрѣтивъ странствующихъ акробатовъ, прямо и бодро смотрѣвшихъ на жизнь, присталъ къ ихъ труппѣ и взглянулъ на жизнь близко, такъ сказать руками дотронулся до язвъ народныхъ и пережилъ народныя радости и горе. «Въ обществѣ этихъ и еще тысячи другихъ бѣдныхъ людей—продолжаетъ онъ свое признаніе—съ которыми случалось сталкиваться, я узналъ, что бѣдность вовсе не благодать, а несчастіе для человѣчества; что она перевязываетъ ему именно тѣ жилы, чрезъ которыя единственно могли бы сообщаться ему необходимѣйшіе элементы образованія, изувѣчиваетъ

его физически и нравственно и бросаетъ въ объятія грѣха и порока. Но съ другой стороны я узналъ, какая бездна жизненной силы заключается, несмотря на все это, въ низшихъ слояхъ общества и какъ тутъ, безъ всякаго воздѣлыванія и ухода, возникаютъ благороднѣйшіе цвѣты человѣческой души: доброта и любовь, даже геній, умъ и острота пробиваются къ свѣту сквозь всѣ препятствія. Это возвышенное зрѣлище, совершенно новое для меня, такъ какъ въ своемъ ограниченномъ философскомъ мракѣ я въ сущности никогда не заботился о народѣ, исполняло меня все возрастающимъ удивленіемъ. Я каялся передъ геніемъ человѣчества въ томъ, въ чемъ погрѣшилъ противъ него въ порывѣ безумія.» Онъ обѣщаетъ посвятить свои послѣднія силы народу, онъ нашелъ ту ближайшую задачу, которой должны жертвовать собою лучшіе люди; повидимому ограниченная, эта сфера дѣятельности на самомъ дѣлѣ безпредѣльна и стоитъ того, чтобъ вложить въ нее свою душу и знанія. Но разбитый жизнію, лишенный практическаго смысла, слишкомъ поздно узнавшій, что для созданія чего бы то ни было, человѣкъ долженъ ограничивать самого себя, онъ разумѣется не знаетъ, какъ примѣнить на практикѣ свое намѣреніе, свою рѣшимость сдѣлать своими дѣтьми всѣхъ бѣдныхъ, больныхъ и угнетенныхъ. Это — несчастные, прикованные своимъ идеализмомъ къ скалѣ, какъ Прометей, это сильные люди, одаренные лучшими дарами природы и въ тоже время чувствующіе свое нравственное безсиліе и безпомощность.

Если подъ бременемъ идеализма пала такая сильная натура, то менѣе сильные представляли нѣчто въ родѣ нашего Печорина, хотя безъ его черстваго эгоизма. Подобный характеръ изображенъ романистомъ въ лицѣ Освальда, любимаго ученика Бергера. Исполненный всѣхъ недостатковъ учителя, онъ не воспринялъ отъ него его добродѣтелей и сдѣлался человѣкомъ совершенно лишнимъ въ этой юдоли плача и работъ. Ни силы воли, ни энергіи, ни крѣпкихъ привязанностей, ни способности къ работѣ, ничего не обнаруживаетъ эта поэтическая душа, живущая порывами и утѣшающаяся своимъ самолюбіемъ и успѣхами у женщинъ. Куда броситъ авторъ своихъ героевъ, которымъ нечего дѣлать въ этомъ мірѣ, занятомъ мелкими заботами, мелкою борьбою и погоней за индивидуальнымъ счастіемъ? Онъ везетъ ихъ въ Парижъ, въ разгаръ революціи 1848 года. Къ нимъ присоединяется третій человѣкъ ихъ же закала, но умѣвшій примириться съ жизнію на любви къ женщинѣ, которую онъ жаждетъ сдѣлать своею женою; эту любовь къ женѣ онъ ставитъ такъ высоко, что для него она — Архимедовъ рычагъ, опираясь на который онъ способенъ міръ поднять на свои плечи. Въ народъ стрѣляютъ; толпы женщинъ и дѣтей бѣгутъ по улицѣ и раздается призывъ къ оружію. «Къ оружію! кричитъ Бергеръ: наконецъ! наконецъ! Благодарю тебя, великій духъ.» Онъ нашелъ себѣ дѣло, онъ нашелъ достойное себя поле, гдѣ онъ могъ погибнуть небезполезнымъ бойцомъ за свободу хотя и чужого народа. Къ нему присоединяется Освальдъ и Ольденбургъ. Всѣ они на одной баррикадѣ, но лишь послѣдній вышелъ цѣлъ и невредимъ. Романъ кончается похоронами жертвъ уличнаго боя; тысячи народа участвуютъ въ процессіи; длинная вереница гробовъ, украшенныхъ вѣнками, и съ надписью имени умершаго, слѣдуютъ другъ за другомъ. Тутъ имена разныхъ національностей. Извѣстно, что Тургеневъ заставляетъ умереть на баррикадахъ и своего Рудина, въ которомъ, при внимательномъ анализѣ, можно замѣтить однородныя черты съ главными героями Шпильгагена.

Мы не можемъ перейти къ другому роману даровитаго нѣмецкаго писателя (неизвѣстно почему названнаго въ русскомъ переводѣ «*Между* молотомъ и наковальней», тогда какъ въ подлинникѣ онъ просто называется «Молотъ и Наковальня» (Hammer und Amboss), сообразно внутреннему своему смыслу), не можемъ потому, что передъ этимъ романомъ Шпильгагенъ написалъ наиболѣе обширный свой романъ: «Рядами и шеренгами», явившійся въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ «Одинъ въ полѣ не воинъ». Между романами Шпильгагена есть преемственная связь, какъ въ развитіи идей, такъ и характеровъ. «Рядами и шеренгами» является продолженіемъ «Изъ мрака къ свѣту», хотя въ первомъ дѣйствуютъ все новые характеры, новое племя, выросшее въ иныхъ условіяхъ. Но этотъ романъ, о которомъ мы принуждены сказать лишь нѣсколько словъ, есть пространное объясненіе въ образахъ мысли, высказанной однимъ тре-

тьестепеннымъ лицомъ въ романѣ «Изъ мрака къ свѣту». Мысль эта заключается въ томъ, что мы, дѣти девятнадцатаго столѣтія, принуждены постоянно бороться и работать для рѣшенія громадныхъ задачъ, поставленныхъ намъ въ наукѣ, въ политикѣ, въ каждой отрасли человѣческой дѣятельности. Ежедневно раздается призывъ къ оружію, но наше оружіе — перья или кости, плугъ или молотокъ, циркуль или ланцетъ. И несмотря на это, мы совершаемъ подвиги, въ сравненіи съ которыми подвиги Геркулеса и другихъ героевъ кажутся дѣлами пигмеевъ. Происходитъ это оттого, что совершенно измѣнилась пропорція трудящихся. Въ прежніе вѣка борьба и работа за цѣлое человѣчество лежала только на герояхъ, а толпа шла за ними какъ тупая, лѣнивая челядь. Въ настоящее же время, какъ бы замѣчательна ни была отдѣльная личность, она имѣетъ не слишкомъ много значенія; вся сила — въ массѣ, которая плотными рядами, медленно, но неизмѣнно подвигается по пути прогресса; прогрессивная армія человѣчества тянется непрерывной линіей впередъ, плечо къ плечу, задній за переднимъ, и если по временамъ явится промежутокъ, то въ слѣдующую же минуту толпа опять сплочивается. Мысль безусловно вѣрная, благодаря оговоркѣ, что «отдѣльныя личности имѣютъ не слишкомъ много значенія». Не слишкомъ много — не значитъ мало; они все-таки вносятъ новыя идеи или оживотворяютъ старыя; они являются предводителями, вожаками въ этой арміи, гдѣ еще много головъ, думающихъ весьма мало. Стремясь доказать свою мысль, Шпильгагенъ взялъ кипучее время борьбы между Шульце-Деличемъ и Лассалемъ. Въ главномъ героѣ, Лео, всѣ узнали геніальнаго борца за благосостояніе рабочихъ, и романъ имѣлъ огромный успѣхъ въ Германіи. Онъ и заслуживалъ этого. Кромѣ характера Лео, въ романѣ много другихъ лицъ, изображенныхъ кистью настоящаго художника. Они проходятъ передъ читателемъ стройными рядами, начиная отъ лѣсничаго и кончая молодымъ, взбалмошнымъ королемъ, окруженнымъ придворной интригой. Вопреки совѣтамъ своего учителя, Туски, заклятаго врага аристократіи и пылкаго революціонера, который разсчитываетъ только на возстаніе для торжества своихъ идей, Лео рѣшается бороться мирными средствами и одолѣть всѣ препятствія силою своего геніальнаго ума. Онъ жертвуетъ всѣмъ для достиженія своей цѣли: дружбою, любовью прекраснѣйшей дѣвушки, Сильвіи, которая рѣшается помогать ему, даже своею независимостію. Искусно подведенной интригой и постоянными сдѣлками съ своей совѣстью, онъ добирается до короля, заставляетъ его отчасти раздѣлять свои стремленія и получаетъ большую сумму денегъ для покупки фабрикъ, которыми должны распоряжаться, какъ хозяева, сами же работники. Въ это же время шульцеанцы ведутъ противъ него борьбу въ газетахъ, обнаруживаютъ всѣ его поступки, несогласныя съ принципами либерализма, клеймятъ презрѣніемъ за связи съ правительствомъ, отъ котораго ничего добраго не хотятъ ожидать, и убѣждаютъ рабочихъ слѣдовать той мирной революціи, которая совершается непрерывною цѣпью ассоціацій и союзовъ. Среди этихъ партій, Лео идетъ твердо къ своимъ цѣлямъ, надѣясь, что результатъ оправдаетъ его, а успѣхъ заставитъ умолкнуть противниковъ: это такой стойкій аргументъ, передъ которымъ самые сильные слагаютъ оружіе. Но успѣхъ не увѣнчалъ зданія, построеннаго геніальнымъ человѣкомъ съ такими личными пожертвованіями. Рабочіе ссорятся между собою, ссора обращается во вражду и открытую схватку, огонь начинаетъ пожирать зданія фабрики, и Лео погибаетъ на дуэли, такъ-сказать, на развалинахъ своего творенія. Но идея его не погибаетъ совсѣмъ и мы встрѣчаемся съ нею, хотя видоизмѣненною, въ романѣ «Молотъ и Наковальня».

Нѣкоторые критики думаютъ ставить «Рядами и Шеренгами» на одну доску съ «Взбаломученнымъ моремъ». Признаемся, русскую литературу можно было бы поздравить, еслибъ въ ней народился не Шпильгагенъ, а хотя бы такой критикъ, который равнялся бы умомъ своимъ съ Лео, этимъ лицомъ, созданнымъ нѣмецкимъ романистомъ. Шпильгагена упрекаютъ еще нѣкоторые за буржуазность его тенденцій. Надо слишкомъ высоко мечтать о своемъ радикализмѣ, чтобъ находить буржуазность тамъ, гдѣ являются лучшіе представители соціальнаго движенія, начертанные симпатичными чертами. Правда, Шпильгагенъ не поклонникъ революціи и насильственныхъ переворотовъ, но онъ вполнѣ объективенъ и от-

носится къ выводимымъ имъ типамъ, какъ настоящій художникъ и очень умный и развитый человѣкъ. Онъ не забрасываетъ грязью представителей того движенія, которому самъ онъ, можетъ быть, и не сочувствуетъ, и не берется за изображеніе того, чего онъ не понимаетъ или, вѣрнѣе сказать, чего онъ не изучилъ съ любовью мыслителя, обращающаго всѣ свои симпатіи къ народу и выходцамъ изъ него. Посмотрите у него на типы нѣмецкихъ аристократовъ: лучшіе люди между ними, во-первыхъ, пожилые, во-вторыхъ, не отдѣляющіеся рѣзко отъ стремленій демократіи. Это послѣдніе могиканы тѣхъ стремленій, которыя все болѣе и болѣе теряютъ подъ собою почву и вымираютъ. Наслѣдники ихъ—развратники и пошляки, которымъ постоянно приходится склонять свою гордыню передъ силою и доблестью выходцовъ изъ народа и изъ средняго сословія. Къ нимъ переходятъ богатства матеріальныя и духовныя и этотъ соціальный законъ находитъ себѣ даровитаго пропагандиста въ Шпильгагенѣ. «Какъ можно было испортить такой великолѣпный характеръ, какъ Лео, тѣми продѣлками, которыя заставляетъ его производить романистъ», говорятъ чувствительно-либеральные люди, нисколько не замѣчающіе своей непослѣдовательности. Они готовы простить всю изворотливость и даже ехидство, если эти качества направлены противъ представителей власти, преслѣдующей свои цѣли, которыя она считаетъ разумными; но изворотливость и не совсѣмъ прямые пути, употребленные человѣкомъ противъ прогрессивной партіи, они не хотятъ признать, хотя очень хорошо знаютъ, что этотъ человѣкъ свои стремленія считаетъ прогрессивнѣйшими и скорѣе всего ведущими къ цѣли. Съ своей стороны, мы думаемъ, что Шпильгагенъ погрѣшилъ только въ самомъ концѣ романа, гдѣ онъ такъ безжалостно разрушилъ все созданіе своего героя, хотя и тутъ онъ былъ правъ въ принципѣ, потому что дѣйствительно довольно мудрено разсчитывать на прочный успѣхъ въ такомъ дѣлѣ, которое становилось въ полную зависимость отъ однихъ декретовъ, отъ избалованнаго и капризнаго короля, преданнаго всѣмъ вліяніямъ. Успѣхъ проченъ тогда лишь, когда онъ пріобрѣтается капля по каплѣ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, когда общество дружно работаетъ во имя законовъ справедливости и солидарности человѣческихъ интересовъ.

На этой системѣ основанъ романъ «Молотъ и наковальня». Огромное большинство людей упорно продолжаетъ думать, что человѣку можно быть либо молотомъ, либо наковальней; такое убѣжденіе держится или въ силу традиціи, безсознательно, какъ стадное свойство, или сознательно, въ силу вражды общественныхъ элементовъ. Вопросъ этотъ съ начала міра волновалъ человѣчество и волнуетъ его до сихъ поръ. Благороднѣйшіе умы брались за его рѣшеніе, начертывали роскошнѣйшіе планы общежитія и уравненія матеріальныхъ благъ, но все это такъ и оставалось въ области фантазіи. Въ мірѣ господъ и рабовъ, сильныхъ и слабыхъ иначе и быть не можетъ. Всякій стремится сдѣлаться молотомъ, и никому не приходитъ охоты добровольно, по искреннему желанію, стать послушной наковальней. Но что было бы, еслибъ люди убѣдились, что имъ выгоднѣе быть вмѣстѣ и молотомъ и наковальней, быть дѣйствующими и страдательными лицами, давать и принимать, позволять себя носить и носить самому? Вѣдь это простой физическій законъ: молотъ ударяетъ по наковальнѣ, наковальня отбиваетъ молотъ; бросьте мячъ объ стѣну, она отразитъ его отъ себя подъ тѣмъ же угломъ, подъ какимъ онъ встрѣтился съ нею, когда былъ брошенъ; растеніе должно возвратить стихіямъ столько же вещества, сколько было взято имъ изъ стихіи. Однимъ словомъ, вездѣ взаимный обмѣнъ, необходимость дѣйствія и противодѣйствія. Тамъ, гдѣ подобный законъ входитъ въ нравы—начинаетъ процвѣтать свобода, нравственная порядочность и справедливость; гдѣ его нѣтъ—тамъ рабство и тираннія, суевѣріе и ханжество, ненависть и презрѣніе. «Какой здравомыслящій человѣкъ—говоритъ одно лицо у нашего романиста—не отказался бы охотно отъ роли молота, еслибъ хорошо понялъ, что ему все-таки неизбѣжно придется быть и наковальней, что каждый наносимый имъ ударъ задѣваетъ и по его достопочтенной ланитѣ, что какъ господинъ деморализируетъ раба, также точно и рабъ деморализируетъ своего господина, и что въ политической сферѣ оскудѣніе интеллекта въ одинаковой мѣрѣ постигаетъ и опекуна и опекаемыхъ». Далѣе, лицо это обра-

щается спеціально къ Германіи, такъ что мы можемъ совершенно спокойно не принимать на свой счетъ послѣдующихъ строкъ: «Можетъ быть, ни одинъ изъ культурныхъ народовъ не относится съ такимъ глубокимъ и всеобщимъ непониманіемъ къ сказанному великому принципу всякаго человѣческаго существованія, какъ мы, мы — нѣмцы, хотя мы самодовольно считаемъ себя цвѣтомъ націй, народомъ мыслителей, настоящими представителями раціональнаго человѣчества. Гдѣ же, скажите Бога ради, молодое человѣческое растеніе окружается болѣе раннимъ, строгимъ и въ особенности болѣе узкимъ воспитаніемъ, чѣмъ это дѣлается именно у насъ? Гдѣ его юный, вольный ростъ стѣсняется, искалѣчивается съ болѣе систематическою жестокостію, чѣмъ у насъ? Куда ни посмотришь вокругъ, почти всюду встрѣчаешь мерзость, гадость и капральскій деспотизмъ, и прокустовская кровать экзаменовъ и многовѣтвистая лѣстница различныхъ іерархій—вѣдь все это всякому благомыслящему между нами гонитъ на лицо краску стыда и негодованія. Вѣдь это по справедливости сдѣлалось неистощимою темою насмѣшекъ для нашихъ сосѣдей. Яростная страсть повелѣвать, рабское наслажденіе повиноваться—вотъ двѣ змѣи, давящія нѣмецкаго Геркулеса, дѣлающія его презрѣннымъ карликомъ. Онѣ-то и стѣсняютъ свободное обращеніе его соковъ, производятъ здѣсь гипертрофическія, тамъ атрофическія немочи, жестоко подтачивающія тѣло народа».

Строгимъ цѣнителямъ можетъ показаться художественнымъ пріемъ автора, заставляющаго своихъ героевъ нѣсколько разъ вести разсужденія на тему о молотѣ и наковальнѣ. У насъ разсужденій вообще не любятъ, если они выходятъ изъ области любви. Но если разговоры о любви, столь любимые всѣми романистами, разговоры, занимающіе цѣлые печатные листы и доказывающіе только одинаковую ординарность любящихся, не мѣшаютъ художественному впечатлѣнію, то мы не видимъ причины такой помѣхи и отъ разговоровъ высшаго порядка. Люди, поставленные въ извѣстныя соціальныя условія, говорятъ больше всего о томъ, что къ нимъ ближе; разсужденія тѣмъ естественнѣе въ «Молотѣ и Наковальнѣ», что разсказъ ведется отъ имени героя, который, достигнувъ хорошаго положенія въ обществѣ, вспоминаетъ свою бурную жизнь съ того дня, какъ убѣжалъ онъ изъ школы и попалъ къ графу Церену, который занимается контрабандой. Это лучшіе типы въ романѣ по художественному изображенію. Въ дикомъ рыцарѣ, ведущемъ разгульную жизнь, эксплуатирующемъ все, что попадаетъ ему въ руки, въ безжалостномъ молотѣ, онъ отыскалъ такія человѣческія черты, что лицо это привлекаетъ къ себѣ всѣ симпатіи читателя. Дѣйствіе начинается въ двадцатыхъ годахъ, въ одномъ приморскомъ городѣ. Правительство, само покровительствовавшее контрабандѣ вслѣдствіе континентальной системы Наполеона, начало затѣмъ преслѣдовать этотъ промыселъ строжайшими мѣрами. Ловкіе люди, умѣвшіе составить себѣ капиталъ контрабандою, когда она считалась патріотическимъ подвигомъ, умѣли во-время остановиться; другіе не хотѣли ее оставить отчасти по привычкѣ, отчасти потому, что иначе имъ пришлось бы умереть съ голоду. Во главѣ контрабандистовъ стоитъ графъ Церенъ, получившій названіе «дикаго» за свое отчужденіе отъ людей, которыхъ онъ презиралъ и ненавидѣлъ. Огненная, мужественная натура, въ которой было непреодолимое стремленіе чрезмѣрно напрягать свою богатую силу и отваживаться на самые смѣлые, даже невозможные подвиги, онъ возмущался въ своей гордости, въ своемъ величіи древняго барона, что ему приходится клонить голову предъ «чортовыми дѣтьми», какъ называетъ онъ своихъ властелиновъ. Разгульная, полная тревоги и безумныхъ подвиговъ жизнь, почти разорила его и еще увеличила его ненависть. «Вы думаете, говоритъ онъ, что я когда-нибудь подчинюсь закону вмѣстѣ съ сволочью, которая пресмыкалась передъ моими предками? или признаю надъ собою власть? «Божьей милостью», такъ что же? что такое были эти «Божьей милостью» четыреста, пятьсотъ лѣтъ тому назадъ? Я могъ бы съ такимъ же достоинствомъ и правомъ сидѣть тамъ, гдѣ они сидятъ теперь; мои гербы красовались бы на каждой заставѣ и гауптвахтѣ, и моимъ именемъ взимались бы подати и пошлины». Сама по себѣ эта мысль крайне антипатична, но поведеніе графа—протестъ на жизнь и смерть, протестъ противъ закона и его представителей, которые не болѣе какъ созданіе случая и въ дѣйствіяхъ которыхъ на первый планъ выступаетъ личная выгода

и себялюбивые разсчеты. Они другъ друга стоютъ, но въ борьбѣ, происходящей между ними, симпатіи становятся тѣмъ скорѣе на сторону графа, что онъ участвовалъ въ войнѣ за независимость и когда-то исполненъ былъ гордымъ энтузіазмомъ къ свободѣ; но увидѣвъ, что свобода завязла въ болотѣ рабской услужливости, онъ проклялъ угнетателей и рабовъ, говоря, что отнынѣ вся земля Божья стала его родиной и что свободный человѣкъ въ раболѣпномъ вѣкѣ не можетъ имѣть другого отечества. Идея натянутая, но она объясняется той обстановкой, съ которою онъ вступилъ въ борьбу. Георгъ (герой романа) попадаетъ къ этому дикому представителю феодализма и привязывается къ нему, какъ сынъ къ отцу. Когда противъ графа таможенные чиновники подвели интригу, чтобы изловить его съ контрабандой, Георгъ, случайно узнавъ объ этомъ, рѣшается спасти его и самъ попадаетъ подъ судъ и потомъ въ тюрьму. Графъ застрѣливается, не желая попасть въ руки своихъ враговъ, имѣніе его переходитъ къ коммерціи совѣтнику, который нажилъ себѣ состояніе тоже контрабандой и самой безсовѣстной эксплуатаціей бѣдняковъ. Старое феодальное гнѣздо разорено, но буржуа, поселившійся въ немъ, тоже представитель такого начала, которое стремится изгнать цивилизацію. Тотъ и другой—молоты, но въ первомъ—мужество, сила, своего рода симпатія къ народу, во второмъ—трусость, раболѣпство передъ сильными, искательство и выжиманіе сока изо всего того, что нуждается въ работѣ и кускѣ хлѣба. Одного преслѣдуютъ и отнимаютъ все, потому что онъ не хотѣлъ склонить своей гордой головы, другого всѣмъ награждаютъ, потому что онъ лисьимъ пронырствомъ и воровскими ухватками умѣлъ, передъ кѣмъ нужно, заискать и, кого нужно, закупить. Можно ли сомнѣваться, на чьей сторонѣ всѣ симпатіи пылкаго юноши Георга, натура котораго также необузданна, какъ натура графа Церена? Все это его ожесточаетъ; среди волковъ онъ рѣшается жить волкомъ, произволу противопоставить свой произволъ. Но начальникъ тюрьмы, братъ умершаго Церена, благороднѣйшій и гуманнѣйшій человѣкъ, обожаемый арестантами, принимаетъ въ молодомъ человѣкѣ участіе и направляетъ его волю къ терпѣнію, къ честному труду, который одинъ способенъ поставить человѣка на нравственную высоту и составить ему такое положеніе, гдѣ не будетъ мѣста упрекамъ совѣсти. Жизнь среди преступниковъ научила этого другого представителя фамиліи фонъ-Церенъ смотрѣть на человѣка какъ на продуктъ обстоятельствъ. «Я ничего не преувеличиваю, говоритъ онъ, если скажу, что девять десятыхъ изъ всѣхъ присылаемыхъ сюда арестантовъ никогда не явились бы въ это мѣсто, если бы они не были сдѣланы наковальнями путемъ грубаго насилія, чтобъ только господа, находящіеся въ роли молотовъ, могли показать свою жалкую отвагу. И вотъ первымъ, какъ только было можно, затормозили естественное право каждаго человѣка заработывать насущный кусокъ хлѣба тѣмъ или инымъ способомъ, соотвѣтствующимъ ихъ силамъ и способностямъ; имъ систематически мѣшали сдѣлаться здоровыми, сильными, годными членами человѣческой семьи — и въ заключеніе ихъ засадили сюда, въ рабочій домъ. Заведеніе этого рода въ сущности служитъ только послѣднимъ результатомъ нашихъ порядковъ, послѣднимъ образчикомъ нашего быта, въ простѣйшей формѣ». Рядомъ съ отеческимъ вліяніемъ этого человѣка, на Георга благотворно дѣйствовала дочь его, Паула, къ которой узникъ чувствовалъ любовь. Семь лѣтъ такой жизни совершенно измѣнили Георга; онъ многому выучился, дикая воля его вступила въ берега, не сокрушивъ, а укрѣпивъ его силу. Получивъ свободу, онъ поступилъ на заводъ къ коммерціи совѣтнику въ качествѣ простого рабочаго, хотя по своимъ знаніямъ онъ могъ бы занимать мѣсто руководителя; онъ поступаетъ такъ не по ложной скромности, а въ силу убѣжденія, что истинный художникъ долженъ понимать и ремесло своего искусства, а чтобы понимать его, надо его изучить собственнымъ опытомъ. Случай открываетъ его способности и онъ, женившись на дочери коммерціи совѣтника, принимается за промышленное дѣло на новыхъ началахъ. Коммерціи совѣтникъ, зарвавшись биржевою игрой, принимаетъ ядъ, и Георгъ дѣлается полнымъ хозяиномъ остатковъ его состоянія.

Видѣвъ близко эксплуатацію закона, находящуюся въ дурныхъ рукахъ, испытавъ на себѣ всю его тяжесть; видѣвъ эксплуатацію произвола и наслѣдственнаго величія, мечтающаго о первенствѣ въ силу призрачныхъ правъ,

видѣвъ эксплуатацію въ формѣ коммерсанта, заботящагося только о своихъ выгодахъ и барышахъ, покупаемыхъ потомъ и кровью толпы, ищущей насущнаго хлѣба, Георгъ убѣдился, работая на фабрикѣ, что и гуманныя стремленія его учителя, директора тюрьмы, не могутъ привести къ прочнымъ результатамъ въ вопросѣ о рабочихъ. Онъ училъ, что человѣкъ долженъ быть молотомъ и наковальнею вмѣстѣ, но такія отношенія возможны только между людьми свободными и независимыми; какая же независимость можетъ быть между фабрикантомъ, располагающимъ всѣми средствами, и рабочимъ, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ рукъ и здоровья? Директоръ тюрьмы думалъ, что эту свободу рабочій пріобрѣтетъ, какъ скоро пойметъ всю святость труда; но трудъ подлежитъ экономическому закону спроса и предложенія, и сплошь и рядомъ случается, что свободный и трудолюбивый работникъ впадаетъ въ такое положеніе, что его свобода, трудолюбіе и трудъ, вмѣстѣ взятые, ничего не стоютъ. Что же дѣлать? Прибѣгнуть къ помощи правительства, какъ поступилъ Лео, сдѣлавъ рабочихъ полными хозяевами фабрикъ? Прибѣгнуть къ революціи? Нашъ романистъ, какъ мы уже сказали, не поклонникъ такихъ отчаянныхъ средствъ: онъ заставляетъ своего героя ввести на своей фабрикѣ тотъ порядокъ, который уже испытанъ въ Англіи: каждый рабочій, по мѣрѣ своего труда, долженъ быть участникомъ въ барышахъ съ предпріятія, тоесть такой порядокъ, гдѣ нѣтъ уже рѣчи о хозяинѣ и рабочихъ, гдѣ всѣ равны, какъ работники въ дѣлѣ, въ которомъ хозяинъ—первый рабочій.

Мы не думаемъ разсматривать романовъ Шпильгагена съ эстетической точки зрѣнія; мы хотѣли только представить легкій очеркъ тѣхъ идей, которыя преслѣдуетъ романистъ и объяснить успѣхъ его у русской публики, мыслящая часть которой предпочитаетъ его не только французскимъ, но и англійскимъ писателямъ. Намъ кажется, что успѣхъ этотъ отчасти объясняется тѣмъ, что романы его, всегда съ ловко-завязанной интригой, удовлетворяющей внѣшнему интересу, представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ обильную пищу для ума; отчасти тѣмъ, что читатели находятъ въ нихъ знакомые типы и полное развитіе тѣхъ идей, которыя не могутъ не интересовать общество, но которыхъ русскіе беллетристы или не касаются вовсе, или затрогиваютъ только слегка, внѣшнимъ образомъ. Съ нѣкоторой натяжкой мы могли бы указать у Шпильгагена даже типъ «нигилиста» въ такомъ яркомъ, словно изъ мрамора вырѣзанномъ образѣ, какого въ другой литературѣ мы не знаемъ. Это — Туски, учитель Лео. Что касается женскихъ типовъ Шпильгагена, то мы встрѣчаемъ три главные характера, которые почти неизмѣнно повторяются по крайней мѣрѣ въ четырехъ послѣднихъ его романахъ. Дѣвушка тихая и скромная, вся преданная любви, почти уничтожающая свою личность въ этомъ чувствѣ. Истинная любовь смиренна; она все терпитъ и всему вѣритъ; она не требуетъ ничего, если не считать за требованіе желанія раздѣлять съ любимымъ человѣкомъ радость и горе. Это, такъ сказать, два сердца, пронзенныя одною и тою же стрѣлою, ибо, если мнѣнія любящихся существъ иногда и расходятся, то сердца остаются соединенными, и это все примиряетъ. Большій или меньшій поэтическій ореолъ, создаваемый художникомъ, разнообразитъ этотъ типъ. Противоположный ему типъ— дѣвушка съ сильной, страстной, честолюбивой натурой, которая развивается или на лонѣ природы, ничѣмъ не стѣсняемая, или подъ условіями дурной домашней обстановки. Выбившись на волю, она дѣлается по большей части куртизанкою. Самый симпатичный женскій характеръ у нѣмецкаго романиста — дѣвушка съ замѣчательнымъ умомъ, способная сильно, безпредѣльно любить, но умѣющая жертвовать своею любовью высшимъ цѣлямъ. Мы укажемъ на Сильвію въ «Рядами и Шеренгами» и Паулу въ «Молотѣ и Наковальнѣ». Сильвія — прекраснѣйшее созданіе Шпильгагена, глубоко задуманное и превосходно выполненное. Паула—только видоизмѣненіе этого типа, или лучше сказать это та же натура, но поставленная въ иныя условія, давшія ей возможность развиться болѣе правильнымъ образомъ. Авторъ надѣлилъ ее большимъ талантомъ къ живописи, который далъ ей возможность выгодно продавать свои картины и содержать на вырученныя деньги всю семью. Она любитъ глубоко, сосредоточенно, но не навязывается съ своею любовью и не предается отчаянію, когда любимый человѣкъ женится на другой. Мало этого, у ней достаетъ муже-

ства одобрить этотъ выборъ, она почти сама толкаетъ любимаго человѣка въ объятія своей соперницы, потому что въ этомъ союзѣ видитъ его счастіе. Въ любимомъ искусствѣ она находитъ нѣкоторое утѣшеніе отъ тѣхъ жертвъ, которыя приноситъ своему возлюбленному, не желая ему связывать рукъ, не мѣшая его стремленіямъ стать на ту высоту, которой онъ былъ достоинъ. Она не колеблясь говоритъ, что мужчина долженъ оставлять и домъ, и жену, и дѣтей, и все, что ему вообще дорого, чтобъ отдавать кровь свою за великое, хорошее дѣло. Мужскую природу она ставитъ выше женской и думаетъ, что женщина едва ли способна въ искусствѣ дойти до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ дошелъ мужчина. «Сколько изъ сотенъ и тысячъ, говоритъ она, талантливыхъ дѣвушекъ и женщинъ, работавшихъ на мольбертѣ и за письменнымъ столомъ, сдѣлались великими художницами? На сценѣ это бывало; но при этомъ мнѣ часто приходило въ голову, истинное ли искусство—искусство драматическое, или только оно полуискусство, и поэтому неполные таланты достигаютъ въ немъ совершенства. И тѣхъ, кого называютъ геніальными актерами, что они въ сравненіи съ истинными геніями въ искусствѣ, въ литературѣ, въ музыкѣ? Они въ сравненіи съ послѣдними тоже, что я въ сравненіи съ Рафаэлемъ». Пойдетъ ли далѣе романистъ въ развитіи этого типа? Мы дѣлаемъ этотъ вопросъ потому, что преемственность характеровъ, въ особенности женскихъ, у него очень замѣтна. Въ одномъ романѣ онъ только намѣчаетъ типъ, въ другомъ развиваетъ его и совершенствуетъ. Судя по послѣднему роману, у Шпильгагена художественныя силы въ полномъ цвѣтѣ и отъ него можно ждать еще прекрасныхъ произведеній. Въ настоящую минуту Шпильгагенъ дописываетъ новый романъ, обѣщанный намъ къ началу будущаго года.

Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ. Историческій очеркъ раскольничьяго ученія о бракѣ. Выпускъ второй (царствованіе императора Николая I). Э. О. профессора с.-петербургской духовной академіи *И. Нильскаго.* Спб. 1869.

Мы говорили о первомъ выпускѣ этого любопытнаго сочиненія (см. «Вѣстн. Европы», авг. 905 стр.), трактующаго съ большою обстоятельностію такой важный вопросъ для нѣсколькихъ милліоновъ русскаго населенія. Въ самомъ началѣ царствованія Николая I, были изданы постановленія, которыми косвенно признавалась законность браковъ поповцевъ, совершаемыхъ черезъ бѣглыхъ поповъ, и «правила кротости» ставились «основаніемъ въ распоряженіяхъ правительства». Духовнымъ начальствамъ, которыя съ особеннымъ усердіемъ тѣснили раскольниковъ, предписано было «не тревожить понапрасну сихъ людей». Это было въ 1826 г. Въ 1834 году подобное же распоряженіе послѣдовало и относительно безпоповцевъ. Преслѣдованіе раскольничьихъ браковъ было запрещено формально и позволено было «совершать таинства и мірскія требы по обряду своей ереси», наблюдая только, «дабы они отнюдь не отправляли оныя публично и съ явнымъ оказательствомъ ученія и богослуженія ихъ секты». Мы видѣли, говоря о первомъ выпускѣ сочиненія г. Нильскаго, что рядомъ съ Преображенскимъ кладбищемъ, гдѣ сошлись ненавистники брака, въ Москвѣ образовалось общество безпоповцевъ, которое признавало необходимость брака, и сгруппировалось около Покровской часовни. Приведенное постановленіе способствовало этой пропагандѣ и число такъ-называемыхъ свободныхъ браковъ начало возрастать какъ въ столицахъ такъ и въ провинціи. Самымъ ревностнымъ проповѣдникомъ ученія о необходимости брачной жизни явился въ Петербургѣ извѣстный раскольничій писатель Павелъ Онуфріевъ Любопытный. Свѣтская власть сквозь пальцы смотрѣла на эту пропаганду и раскольники начали, съ разрѣшенія свѣтскаго начальства, заводить у себя книги, въ родѣ метрикъ, для внесенія въ нихъ, «бракосочетавшихся». Духовной власти это не понравилось и петербургскій митрополитъ Серафимъ донесъ о томъ св. синоду, который нашелъ распоряженіе гражданской власти неправильнымъ и вреднымъ для церкви и отечества; тѣмъ не менѣе браки продолжали совершаться, и петербургская Дума считала раскольничьи метрики законными. Въ 1836 г. митрополитъ снова доноситъ на этотъ разъ, въ секретный совѣщательный комитетъ по дѣламъ о раскольникахъ, что поморскіе начальники совершаютъ браки на Охтѣ со всею торжественностію. Эти настоянія духовной власти, рядомъ съ другими об-

стоятельствами, привели къ тому, что съ 1839 г. правительство начинаетъ преслѣдовать сводные браки, объявивъ, что оно не признаетъ безсвященнословныхъ браковъ раскольничьихъ законными и «сведенныхъ такимъ образомъ—мужемъ и женою»; наставники, вѣнчавшіе браки, «вѣнчальники», подверглись опасности быть преданными суду какъ «совратители». Совершеніе браковъ въ моленныхъ должно было прекратиться, но пропаганда брачной жизни пустила такіе глубокіе корни, что несмотря на преслѣдованія, несмотря на закрытіе моленныхъ, сводные браки продолжали заключаться въ частныхъ домахъ. Между «вѣнчальниками», кромѣ Павла Любопытнаго, Новосадова и др., особенное вниманіе заслуживаетъ дочь Карпа Новосадова—Марья Карповна. Отецъ ея былъ арестованъ, другіе вѣнчальники, боясь того же, удалились, въ провинцію; мужчины потеряли смѣлость и въ Петербургѣ не находилось ни одного человѣка, который взялъ бы на себя роль вѣнчальника. Тогда Марья Карповна сдѣлалась раздавательницею благословенія на брачную жизнь всѣмъ, кто хотѣлъ жить «по закону».

Мы уже говорили какъ-то на страницахъ «Вѣстника Европы», что расколъ признавалъ за женщиною много такихъ правъ, въ которыхъ ей отказываютъ другія церкви, и то, что лишь въ настоящее время совершается среди пресвитеріанъ Америки, въ нашемъ расколѣ было уже давно: женщины совершали требы, погребали умершихъ, крестили младенцевъ и розыгрывали роли такихъ же наставниковъ, какъ мужчины, но въ ролѣ «вѣнчальника» среди безпоповцевъ Марья Карповна явилась первая. Конечно, мужчины не разомъ помирились съ такимъ явленіемъ; стали искать они «древнихъ примѣровъ», перечитали кормчія, требники, разные сборники — примѣровъ не находилось; но потребность къ правильной семейной жизни чувствовалась въ это время лучшими безпоповцами такъ сильно, а между тѣмъ отвращеніе къ «внѣшнему» (церковному) вѣнчанію поддерживалось крутыми мѣрами противъ раскола такъ настойчиво, что ревнители старины скоро мирились со всякими новостями въ ихъ церковной практикѣ. Къ Марьѣ Карповнѣ стали обращаться за благословеніемъ на бракъ не только столичные поморцы, но и иногородные безпоповцы. Конечно, доступъ къ этой женщинѣ былъ не легокъ, потому что опасались, какъ бы не узнала о ней полиція: вѣнчаніе совершалось поздно вечеромъ, причемъ молодые приходили къ ней на квартиру пѣшкомъ, какъ простые знакомые. Замѣчательно, что «богачи привыкшіе все дѣлать на широкую руку и среди разныхъ столкновеній съ «иновѣрцами» потерявшіе «крѣпость въ вѣрѣ», находили неприличнымъ для себя отправляться для такого торжественнаго и важнаго въ жизни акта, каково вѣнчаніе, по образу пѣшаго хожденія и, чтобъ не уронить своего денежнаго достоинства, ѣздили въ каретахъ для вѣнчанія—въ единовѣрческія церкви». Марья Карповна умерла въ Петербургѣ въ 1863 году.

Въ этомъ походѣ, предпринятомъ правительствомъ противъ сводныхъ браковъ, нельзя не замѣтить одного явленія: въ то время, какъ свѣтская власть сквозь пальцы смотрѣла на эти браки, духовная заявляла непомѣрную ревность; когда непомѣрную ревность стала обнаруживать свѣтская власть, рѣшившись во что бы то ни стало искоренить этотъ «развратъ и беззаконную жизнь», духовная власть почувствовала нѣкоторое поползновеніе къ кротости. Конечно, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не было ничего систематичнаго, строго логическаго, все носило на себѣ признаки случайности и временныхъ мѣропріятій. Внимательный читатель замѣтитъ это явленіе чрезъ всю исторію раскола. Нечего говорить о томъ, что и законодательство наше по расколу не заключаетъ въ себѣ ничего систематичнаго: что сегодня признается вреднымъ и преслѣдуется—завтра позволяется. Строго выработанныхъ правилъ, которыя не допускали бы противорѣчій, никогда не существовало. Правительство обнародываетъ извѣстныя мѣры по отношенію къ какой-нибудь губерніи, въ видѣ опыта; потомъ распространитъ эти мѣры на другія губерніи; потомъ отмѣнитъ ихъ или видоизмѣнитъ въ одной губерніи, оставивъ въ своей силѣ въ остальныхъ. Къ этой неопредѣленности надо присоединить еще «тайну»: правительство почти ничего не дѣлало по отношенію къ расколу гласно, словно думая, что это явленіе можно спрятать или задушить строгими мѣрами. Св. синодъ то разрѣшаетъ браки раскольниковъ въ православныхъ церквахъ, не требуя отъ брачущихся предвари

тельнаго присоединенія къ православію, то на запросы преосвященныхъ отвѣчаетъ такими укорами, которые можно толковать такъ или иначе. Указы, при этомъ, даются преосвященнымъ «для ихъ собственнаго руководства», съ оговоркой — «не предавать ихъ гласности», и самые браки приказывалось записывать не въ общія метрики, а въ особыя тетради. Эта странная игра вела только къ подкупу, къ фабрикаціи фальшивыхъ свидѣтельствъ, которыя выдавало православное духовенство за деньги, и инквизиторскому преслѣдованію сводныхъ браковъ, продолжавшихъ совершаться несмотря ни на что. Нѣкоторыя духовныя лица, одобренныя въ своей ревности, дошли до того, что въ донесеніяхъ синоду называли сводные браки — «сводными случками, своднымъ союзомъ блуда, своднымъ развратомъ»— синодъ принужденъ былъ внушить духовенству, что эта грубость неприлична.

Рѣшительное преслѣдованіе сводныхъ браковъ началось съ 1850 года, со времени 9-й народной переписи: правительство рѣшилось принять «общія» мѣры, которыя заключались въ томъ, главнымъ образомъ, что дѣтей безпоповцевъ приказано было записывать въ ревизскія сказки «незаконнорожденными», а матерей ихъ записывать не женами раскольниковъ, а вносить въ списки тѣхъ семействъ, къ которымъ онѣ принадлежатъ по рожденію; эта суровая мѣра распространена была и на тѣ раскольничьи семейства, которыя по 8-й ревизіи показаны были въ числѣ законныхъ. Чтобъ выйти изъ этого положенія раскольникамъ, находившимся въ сводныхъ бракахъ, оставалось одно изъ двухъ: или подчиниться правительству и, по его указанію, узаконять свои браки вѣнчаніемъ въ церквахъ православныхъ и единовѣрческихъ, такъ какъ, по высочайшему повелѣнію 8 декабря 1850 г., «дѣти тѣхъ сектаторовъ, кои повѣнчаются въ св. церкви и дадутъ обязательство воспитывать ихъ въ правилахъ истинной вѣры, признавались законными безъ различія, рождены ли они до вѣнца, или послѣ»,—или, не вѣнчаясь вновь, присоединяться вмѣстѣ съ дѣтьми къ православію или единовѣрію. Издавая этотъ законъ, правительство думало побудить раскольниковъ массами обратиться въ православіе; но цѣль эта не была достигнута, хотя число раскольниковъ, вѣнчавшихся въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ съ 50-хъ годовъ и дѣйствительно возрасло; однако все это были по большей части люди богатые, для которыхъ уже одно непризнаніе дѣтей ихъ законными, казалось позоромъ и безчестіемъ; люди же сельского состоянія, которымъ терять было нечего, продолжали жить по своей вѣрѣ и заключать сводные браки, причемъ брали себѣ иногда сожительницами или, по офиціальному выраженію, «единомышленницами» дѣвицъ, рожденныхъ и воспитанныхъ въ единовѣріи. «Строго говоря, замѣчаетъ г. Нильскій, суровое отношеніе свѣтской власти къ своднымъ бракамъ поморцевъ, начавшееся съ 1850 года, принесло болѣе вреда, чѣмъ пользы. Заставить всѣхъ поморцевъ вѣнчаться въ православныхъ или единовѣрческихъ церквахъ, правительство, по собственному его признанію, не имѣло силъ и средствъ, а между тѣмъ, тѣ изъ нихъ, кои вѣнчались, дѣлали не по искреннему убѣжденію, но изъ страха, поневолѣ, и такимъ образомъ, благословеніе церкви часто раздавалось людямъ, которые не только не уважали его, а напротивъ положительно ни во что не ставили, и изъ которыхъ многіе, грѣша сами, соблазняли на грѣхъ и православные причты, за деньги соглашавшіеся вносить въ число вѣнчанныхъ такихъ поморцевъ, кои только пріѣзжали въ церкви «единымъ гражданскимъ поѣздомъ».

Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ даже и объ относительной пользѣ нечего было говорить, такъ какъ эти правительственныя мѣры дали ненавистникамъ брака оружіе въ руки для полемики противъ признающихъ бракъ безпоповцевъ и вообще усилили вражду къ власти со стороны всѣхъ раскольниковъ. Благомыслящіе православные тоже не относились съ похвалою къ такимъ мѣрамъ, которыя въ дѣлѣ совѣсти брошены вездѣ, какъ крайне нераціональныя. Ѳедосѣевцы, отвергавшіе бракъ и начавшіе-было все болѣе терять своихъ приверженцевъ по мѣрѣ усиленія сводныхъ браковъ, получили теперь къ другимъ аргументамъ — новый, именно, что браки преслѣдуются даже «гражданскимъ закономъ». Когда молодые ѳедосѣевцы и ѳедосѣевки спрашивали своихъ наставниковъ, чтожъ имъ дѣлать? Наставники учили молодыхъ парней уму-разуму такъ: «не жену, а стряпуху держи, и, часто перемѣниваючи, отклони зазоръ; дѣтей не ро-

ди, а если и родишь, тайно воспитай и племянничкомъ называй; а когда покинешь жену съ дѣтьми, тогда только будешь чистый рабъ»! Дѣвицамъ они говорили: «дѣвство каждый сохраняй, тайну брака не познай,—сколько хочешь народи, только замужъ не ходи: насъ отцы за грѣхъ простятъ, въ райско мѣсто помѣстятъ». Это проповѣдь полнѣйшаго разврата, находившая тѣмъ скорѣйшій доступъ къ сердцамъ, что обладатели послѣднихъ были люди не развитые. Ѳеодосѣевское общество дѣлилось въ это время на нѣсколько группъ: на дѣвственниковъ, староженовъ, половинокъ, новоженовъ, дѣвкоженовъ, тайноженовъ и многоженовъ. Послѣдніе исповѣдовали такое правило: «каждый для всякой и каждая для всякаго, кому, когда и гдѣ прилучится желаніе свое исполнить». Преслѣдованія правительства привели къ явленію еще болѣе грустному: стали учить, что такъ какъ теперь царство антихриста, то умноженіе рода человѣческаго зависитъ отъ сатаны, и что каждый, вновь рождающійся, младенецъ является на свѣтъ божій съ душею, данною ему діаволомъ. Если такъ, то дѣтоубійство возводилось не въ преступленіе, а въ нѣкоторый подвигъ, и неудивительно, что при изслѣдованіи Преображенскаго кладбища агентами правительства, въ Хапиловскомъ пруду выловлено было неводами огромное число дѣтей.

Не однихъ безпоповцевъ поразили преслѣдованія правительства: они коснулись и поповцевъ; причемъ результаты получились столь же печальные: строгость власти противъ бѣглыхъ поповъ и признаніе ею (въ 1853 году) браковъ поповщинскихъ незаконными достигли совершенно другихъ результатовъ, чѣмъ какихъ ожидало правительство. Вмѣсто обращенія къ единовѣрію или православію, многіе изъ поповцевъ перешли въ безпоповщину, и учреждено было такъ-называемое австрійское священство. Таковы наслѣдія прошлаго царствованія и таковъ урокъ, данный будущему. Мы знали, къ чему ведутъ вообще преслѣдованія, но хотѣли испытать это у себя, разсчитывая на стадообразныя свойства русскаго народа и его исконныя добродѣтели; русскій народъ показалъ, что онъ вовсе не что-нибудь исключительное въ семьѣ европейскихъ народовъ, и тѣ же мѣры давленія производятъ тѣ же послѣдствія.

Русскій простонародный мистицизмъ. Сообщеніе, читанное въ этнографическомъ отдѣленіи И. Р. Географическаго Общества, 13 мая 1869 г. *Николаемъ Барсовымъ.* Спб. 1869 (брошюра).

Г. Барсовъ, во время пребыванія своего въ Липецкѣ и другихъ мѣстахъ, собралъ 145 пѣсенъ секты людей божіихъ, отчасти историческихъ и догматическихъ, отчасти обрядового и смѣшаннаго содержанія. Отдавъ эти пѣсни въ распоряженіе Географическаго общества, г. Барсовъ, въ одномъ изъ засѣданій его, прочиталъ критическія замѣчанія свои о трудахъ гг. Добротворскаго «Люди Божіи» (см. «Вѣстникъ Европы», августъ) и Мельникова; трудъ послѣдняго, подъ названіемъ «Бѣлые голуби», былъ помѣщенъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за нынѣшній годъ. Замѣчанія эти г. Барсовъ сопроводилъ нѣкоторыми дополнительными свѣдѣніями о сектѣ людей божіихъ, на основаніи собранныхъ имъ пѣсенъ и другихъ матеріаловъ, рукописныхъ и печатныхъ. Это-то сообщеніе озаглавленное «русскій народный мистицизмъ», и издано теперь отдѣльною брошюрою. Изъ критическихъ замѣчаній г. Барсова можно указать, что онъ сомнѣвается въ существованіи у хлыстовъ обряда причащенія тѣломъ и кровью: «во время моленія люди божіи сажаютъ въ чанъ, наполненный теплою водою, 16 ти-лѣтнюю дѣвицу. Когда она усядется въ чанѣ, подходятъ къ ней старухи, дѣлаютъ глубокій надрѣзъ на ея груди, потомъ отрѣзываютъ одинъ изъ сосцевъ — лѣвый и съ удивительною ловкостію останавливаютъ теченіе крови... Потомъ отрѣзанный членъ тѣла кладутъ на блюдо, разрѣзываютъ на мелкіе куски и раздаютъ присутствующимъ еретикамъ, которые ѣдятъ ихъ. Когда окончится это людоѣдство, дѣвицу сажаютъ на возвышенное мѣсто, для нея особо устроенное, и все собраніе пускается плясать около нея, припѣвая: «поплясахомъ, погорахомъ на сіонскую гору». Первое свѣдѣніе объ этомъ сообщилъ Гакстгаузенъ, на основаніи разсказа какого-то «достовѣрнаго» свидѣтеля. За нимъ повторили его гг. Добротворскій и Мельниковъ, а недавно еще г. Кельсіевъ, въ одной журнальной статьѣ. Г. Барсовъ говоритъ, что оффиціальнымъ разслѣдованіемъ ничего подобнаго не обнаружено; подтвержденіе г. Кельсіева можетъ навести на большія сомнѣнія въ существованіи такого

омерзительнаго обряда... Брошюра г. Барсова читается съ интересомъ.

Брошюрки о земскихъ вопросахъ. Новгородскаго гласнаго *П. С. Гурьева.* (Изданіе въ пользу сельской школы). Спб. 1869.

Г. Гурьевъ обѣщаетъ нѣсколько брошюрокъ по земскому дѣлу. «Брошюрка № 1-й говоритъ о томъ, какъ взимались повинности въ новгородской области почти за четыреста лѣтъ тому назадъ»; обработана она по писцовымъ книгамъ съ самою благонамѣренною цѣлію показать, что наши предки выработали систему взиманія податей и сборовъ, по мнѣнію г. Гурьева, гораздо болѣе раціональную, именно уравнивающую повинности между плательщиками, сообразно получаемымъ съ земель доходамъ. Для земскихъ людей брошюрка г. Гурьева—чтеніе полезное и назидательное. Въ предисловіи къ брошюркѣ высказано нѣсколько «земскихъ» мыслей, очень симпатичныхъ, и сожалѣній о томъ, что едва народилось «бѣдное дитя» (т. е. земство), ни для кого не страшное, какъ уже нашлись люди, которые готовы побить его своимъ обухомъ. Они со всѣмъ азартомъ злости проповѣдуютъ, гдѣ слѣдуетъ, что когда этотъ младенецъ попроситъ ѣсть—то всунуть въ ротъ ему камень, а когда захочетъ протянуться, чтобы расправить свои увѣчные члены,—то принять его въ руки». Намъ нравится это сравненіе земства съ «бѣднымъ ребенкомъ», котораго принимаютъ въ руки, но мы не можемъ согласиться съ г. Гурьевымъ, что этотъ ребенокъ родился «съ англійскою болѣзнью». Совсѣмъ напротивъ...

Женщины ученыя и учащіяся. Переводъ съ французскаго. Москва. 1869.

Наши женщины заинтересованы теперь всѣмъ тѣмъ, что выходитъ по части такъ-называемаго женскаго вопроса, и потому мы рѣшаемся сказать нѣсколько словъ объ этой тоненькой брошюркѣ, переведенной одною москвитянкою, которая видитъ въ авторѣ ея, французѣ, «утонченную наблюдательность взгляда, проницательность, вѣрность опредѣленій, ясность изложенія и глубину содержанія». Къ сожалѣнію, мы совершенно расходимся со взглядами почтенной соотечественницы: переведенная ею брошюра, правда, заключаетъ въ себѣ нѣсколько вѣрныхъ мыслей, но еще болѣе невѣрныхъ, окрашенныхъ въ нѣкоторой степени клерикальнымъ взглядомъ. Одна изъ самыхъ вѣрныхъ мыслей заключается въ томъ, что современное женское воспитаніе неудовлетворительно и что женщинамъ надо учиться. Принципъ, на которомъ французъ строитъ «надлежащее» воспитаніе женщинъ, таковъ: «вкусъ къ изящному, который находитъ свое вознагражденіе въ благородныхъ наслажденіяхъ, имъ доставляемыхъ, въ достоинствѣ, которое онъ сообщаетъ человѣку, и въ помощи, которую онъ ему подаетъ». Но сколько намъ кажется, именно этотъ принципъ и господствуетъ въ современномъ воспитаніи, и потому-то оно и есть полувоспитаніе.

Право, законодательство и администрація въ философскихъ и историческихъ изслѣдованіяхъ и монографіяхъ. Томъ первый. Спб. 1869. Изданіе *Н. И. Ламанскаго.*

Сказки, разсказы, очерки и рѣчи *Эдуарда Лабулэ.* Сборникъ избранныхъ произведеній. Изданіе *Н. И. Ламанскаго.* Спб. 1870.

Г. Ламанскій пріобрѣлъ себѣ нѣкоторую извѣстность, какъ издатель сочиненій извѣстнаго французскаго ученаго и публициста Лабулэ и еще болѣе, какъ издатель, много обѣщающій и мало, и плохо исполняющій. Года два тому назадъ г. Ламанскій объявлялъ о выходѣ «Исторіи Соединенныхъ Штатовъ» Лабулэ; эта книга уже продавалась... въ объявленіяхъ, хотя до сихъ поръ еще не издана; нѣсколько разъ г. Ламанскій манилъ ею публику въ теченіи двухъ лѣтъ и на дняхъ объявлялъ, что она «выйдетъ въ октябрѣ». Мы, съ своей стороны, не можемъ обнаруживать ни малѣйшаго нетерпѣнія увидѣть эту исторію въ русскомъ переводѣ г. Ламанскаго, потому что его переводы отличаются крайнею небрежностію и даже извращеніемъ смысла подлинника. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ развернуть въ нѣсколькихъ мѣстахъ, напр., «Сказки, разсказы, очерки и рѣчи» Лабулэ. Тутъ мы встрѣчаемъ переводъ не только дубовый, мѣстами неудобочитаемый, но величайшіе курьезы, которые стоютъ того, чтобъ занять мѣсто наряду съ извѣстнымъ «доенъ-д'агомъ», изобрѣтеннымъ весьма извѣстнымъ русскимъ журналистомъ. На стр. 72, въ статейкѣ «Раба Бландина», читаемъ: «Для всѣхъ братій, смотрѣвшихъ на нее, было величайшею радостію ви-

дѣть, удивляться мужеству своей сестры; всѣ вспоминали *божественнаго мученика Кальварія* и, благословляя Господа, возносили милости» и проч. Надо ли говорить, кто этотъ вновь изобрѣтенный мученикъ Кальварій? Если читатель не догадывается, мы приведемъ французскій текстъ: «le divin martyre du Calvaire» то-есть «божественный мученикъ *Голгоѳы*» другими словами: Іисусъ Христосъ. Надо слишкомъ плохо знать французскій языкъ, чтобы дѣлать такія ошибки. И дѣйствительно, г. Ламанскій доказываетъ это почти на всякой страницѣ. Не говоря о томъ, что онъ переводитъ, напр., «directeur général des finances»— «генералъ-директоръ финансовъ», приводимъ слѣдующую фразу, находящуюся на стр. 131 той же книги: «Соблаговолите, ваше высочество, представить на усмотрѣніе короля, какъ важно для устойчивости его трона запрещеніе разъ навсегда всѣхъ новыхъ системъ сохраненія во всей цѣлости конституціи и старыхъ формъ». Для объясненія этой безсмысленной фразы мы должны были обратиться къ оригиналу, напечатанному въ № 46 «Revue des Cours littéraires» (1867—1868) и прочли тамъ буквально слѣдующее: «Veuillez, Monsieur, representer au roi combien il est important pour la stabilité de son trône que tous les nouveaux systèmes soient proscrits à jamais, et que la constitution et les formes anciennes soient maintenues dans leur intégrité». Такихъ мѣстъ, искажающихъ вполнѣ смыслъ подлинника, можно бы привесть множество, пропуская ошибки не важныя и неточности. Рядомъ съ незнаніемъ французскаго языка, мы встрѣчаемъ незнаніе русскаго: напр., «Всѣ хорошо понимали, что парламентъ *ужаснется этому проекту*», и проч. и проч.

Этихъ примѣровъ, кажется, достаточно для характеристики перевода. Что касается подбора статей, то и здѣсь мы встрѣчаемся съ полнѣйшимъ отсутствіемъ всякой мысли и всякой системы. Въ одномъ томикѣ со сказками и разсказами помѣщены историческія изслѣдованія. Книга съ громкимъ заглавіемъ: «Право законодательство и администрація», наполнена чтеніями Лабулэ о французскомъ законодательствѣ при Людовикѣ XVI, небольшой его же статейкою о «Духѣ законовъ» Монтескье, и статейкою Ла-Рошеля о Лабулэ. Какая связь между всѣмъ этимъ, понять трудно. О французскомъ законодательствѣ и французской администраціи при Людовикѣ XVI, Лабулэ читалъ въ «Collège de France», если не ошибаемся, въ 1866 году, и помѣщалъ свои лекціи въ «Cours littéraires» 1866 — 1867 г. Въ слѣдующемъ году явилось продолженіе этихъ чтеній подъ заглавіемъ «Les approches de la revolutions». Помѣстивъ чтеніе о французскомъ законодательствѣ и французской администраціи въ томѣ «Право, законодательство и администрація», г. Ламанскій отнесъ къ сказкамъ и разсказамъ чтенія о приближеніи революціи, причемъ выпустилъ нѣсколько главъ по причинамъ, для насъ совершенно непонятнымъ. Въ этихъ, пропущенныхъ русскимъ издателемъ главахъ, Лабулэ говоритъ о свободѣ совѣсти, арестѣ д'Эпремениля, дефицитѣ и займахъ 1788 г. и возбужденномъ состояніи Франціи наканунѣ революціи. Быть можетъ, г. Ламанскій выдумаетъ для этихъ главъ особое заглавіе и выпуститъ ихъ отдѣльной книжкой: предшествующая дѣятельность этого знатока французскаго языка вполнѣ допускаетъ такое предположеніе. Онъ дробитъ сочиненія Эдуарда Лабулэ самымъ страннымъ образомъ и эксплуатируетъ имъ этого писателя на сколько хватаетъ смѣлости. Самыя обертки его изданій носятъ на себѣ печать спекуляціи, разсчитывающей на довѣрчивый классъ читателей. Между сочиненіями, которыя грозитъ г. Ламанскій выпустить, красуется новое сочиненіе Жонво, съ предисловіемъ Эдуарда Лабулэ. Что нибудь одно—или г. Ламанскій не читалъ этого сочиненія Жонво и соблазнился предисловіемъ Э. Лабулэ, или онъ спекулируетъ сознательно. Жонво—одинъ изъ добросовѣстныхъ французскихъ компиляторовъ, написавшій, между прочимъ, нѣсколько статей въ разныхъ журналахъ объ извѣстной книгѣ Диксона «Новая Америка», вышедшей на русскомъ языкѣ въ трехъ переводахъ. Эти статьи онъ собралъ вмѣстѣ, выпустилъ отдѣльнымъ томикомъ, какъ это дѣлаетъ большинство французскихъ писателей и чего, къ сожалѣнію, не дѣлаютъ писатели русскіе, статьи которыхъ разбрасываются въ журналахъ и тамъ погребаются. Лабулэ сдѣлалъ къ книгѣ небольшое предисловіе, не заключающее въ себѣ ровно ничего новаго. И вотъ эту-то книгу г. Ламанскій желалъ выпустить въ свѣтъ, разсчитывая, что заглавіе приманитъ покупателей, которые будутъ имѣть удовольствіе читать въ плохомъ переводѣ фран-

цузской передѣлки то, что имъ извѣстно уже изъ хорошихъ переводовъ книги самого Диксона.

Нравы и чувства, или вседневныя истины изъ жизни нравственной и гражданской, почерпнутыя изъ сочиненій признанныхъ славныхъ моралистовъ и древнихъ и новѣйшихъ. Трудъ *О. Пашкевича.* Петроградъ (?), 1869.

Насъ не столько удивляетъ то, что этотъ «трудъ» изданъ въ неизвѣстномъ городѣ «Петроградѣ», сколько то, что г. О. Пашкевичъ принадлежитъ къ «признаннымъ славнымъ моралистамъ древнимъ и новѣйшимъ». На ряду съ мыслями Паскаля и Руссо, г. Пашкевичъ помѣстилъ мысли изъ какихъ то теорій словесности и свои собственныя, достойныя красоваться въ прописяхъ. Въ предисловіи онъ рекомендуетъ читателямъ «благоговѣть передъ истинами», собранными въ его книжкѣ, значитъ и передъ собственными его измышленіями, заключающимися въ томъ, во-первыхъ, что «дѣйствіе провидѣнія и дѣйствіе Божьяго промысла одно и тоже»; во-вторыхъ, въ томъ, что «совѣсть человѣка — чувство самое глубокое и самое правдивое» и въ третьихъ въ томъ, что «простую душу надо согрѣть и смягчить первоначально назиданіемъ въ правилахъ благонравія и благочестія», а потомъ уже учить грамотѣ. Изданіе всѣхъ этихъ истинъ г. Пашкевичъ считаетъ своевременнымъ особенно теперь, «въ нынѣшнее столь грустно-тяжкое время, время общаго недовѣрія къ справедливости... когда многіе иные сыны Церкви-Христовой, глубоко обязанные ей счастіемъ носить имя христіанина, заражаясь духомъ сумазбродныхъ идей и ученій, каковы, напр., нигилизмъ, коммунизмъ, либерализмъ, эгализе, и др., начинаютъ открыто чуждаться его и съ дерзостью порицать всѣ ея обряды и установленія». Все это прекрасно, особенно «эгализе», все это рекомендуетъ г. Пашкевича съ наилучшей стороны; къ сожалѣнію, мы никакъ не можемъ согласиться, что все то, что собралъ г. Пашкевичъ, непременно «истина»; мы скорѣе готовы допустить, что большая часть собраннаго имъ, есть пустая болтовня, куча общихъ мѣстъ никому не нужныхъ. Мы думаемъ, что даже любители нравственныхъ сентенцій не будутъ удовлетворены «трудомъ» г. Пашкевича, ибо, хотя онъ и считаетъ себя «признаннымъ славнымъ моралистомъ», однако зачѣмъ же онъ «дополнялъ собственными свѣдѣніями» и сообщалъ «полноту изложенія» мыслямъ другихъ «славныхъ моралистовъ». Правда, это онъ дѣлалъ относительно «древнѣйшихъ славныхъ моралистовъ»; но самъ же онъ говоритъ, что «истина всегда современна, не подчиняется ни времени, ни пространству»; если это такъ, то почему же «новѣйшій славный моралистъ», г. Пашкевичъ, дополняетъ и поправляетъ моралистовъ древнѣйшихъ? Вотъ вопросъ, разрѣшеніе котораго, надѣемся, никому неинтересно. А. С—нъ.

О современныхъ задачахъ изученія древне-русской литературы. Рѣчь, произнесенная доцентомъ *И. Некрасовымъ,* на актѣ въ Новороссійскомъ университетѣ. Одесса. 1869.

Г. Некрасовъ, не такъ давно занявшій каѳедру русской словесности въ Новороссійскомъ университетѣ, напечаталъ произнесенную имъ въ публичномъ собраніи университета рѣчь «о задачахъ изученія древне-русской литературы», приложивъ къ ней довольно любопытные, хотя и весьма не обширные матеріалы. Этихъ послѣднихъ мы и коснемся въ нашей замѣткѣ, такъ какъ довольно трудно сдѣлать оцѣнку самой рѣчи, въ которой авторъ, излагая свои мнѣнія о древне-русской литературѣ, по большей части не подтверждаетъ ихъ фактическими доказательствами, многого не договариваетъ, не разъясняетъ и вообще только рѣшаетъ вопросы, не указывая, какими путями доходитъ онъ до ихъ рѣшенія. Такая краткость и недостаточность, во многихъ отношеніяхъ, статьи г. Некрасова, объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что должна явиться въ скоромъ времени въ печати его магистерская диссертація, которая, будемъ надѣяться, основательнѣе и шире отнесется къ историко-литературнымъ вопросамъ, задѣтымъ авторомъ въ его рѣчи.

Въ приложеніи помѣщены четыре рукописные отрывка, изъ которыхъ наиболѣе заслуживаетъ вниманія повѣсть объ азовскомъ сидѣніи, по рукоп. XVIII вѣка. Повѣсть эта — поздній отголосокъ мотивовъ «Слова о полку Игоревѣ». Въ ней воспѣвается осада турками Азова, защищаемаго казаками. Сказаніе богато образными народными выраженіями и написано эпическимъ языкомъ. «Тихій Донъ Ивановичъ» сказанія, съ одной стороны, напоми-

наетъ «синій Донъ» Сл. о п. Иг., съ другой —казацкія историческія пѣсни. Повѣсть прекрасно передаетъ намъ основы казаческаго міросозерцанія въ живыхъ, поэтическихъ образахъ: «вольное и свирѣпое» казачество, какъ сизые орлы, летаетъ по воздуху, какъ лютые звѣри, рыскаетъ по темнымъ лѣсамъ и разбиваетъ на моряхъ корабли; некому плакать по казакамъ на Руси: нѣтъ у нихъ ни отцовъ, ни матерей, они «у московскаго царя и государя не дороги же», ихъ тамъ «ни во что почитають.» «А мы молодцы — говорятъ казаки туркамъ—не похотѣли быть въ вѣчныхъ холопахъ, и съ того мѣста мы молодцы убѣжали и поселилися здѣ въ пустыхъ мѣстахъ на тихомъ Дону на Ивановичѣ». Къ сожалѣнію, г. Некрасовъ приводитъ сказаніе не все цѣликомъ и дѣлаетъ пропуски, по своему усмотрѣнію.

Отрывку, помѣщенному въ прилож. подъ № III, г. Некрасовъ придаетъ особенно важное значеніе. Это нѣсколько словъ изъ «пренія живота со смертью», по рукоп. XVI вѣка, которое уже было помѣщено въ «Лѣтоп. русск. Литер.» г. Тихонравова по списку XVIII вѣка. Эти слова слѣдующія: «Самсонъ сильный не богатырь ли былъ? Не силенъ ли былъ? Такъ говорилъ: аще было кольцо въ землю вдѣлано, и язъ бы всѣмъ свѣтомъ воротилъ. Да и того язъ взяла.» «Эти слова — говоритъ г. Некрасовъ—представляютъ повтореніе того, что въ народныхъ былинахъ говоритъ Илья Муромецъ», и, на основаніи этого, заключаетъ о вліяніи нашихъ былинъ на литературу XVI вѣка. Дѣйствительно, эти слова говоритъ Илья Муромецъ, говоритъ и Самсонъ богатырь по былинѣ (Рыбник. II, № 1); но отчегоже не предположить наоборотъ, а именно, что въ былину объ Ильѣ Муромцѣ этотъ мотивъ могъ быть занесеннымъ изъ былины о Самсонѣ, которая носитъ на себѣ слѣды сильнаго книжнаго вліянія?

Отрывки подъ № IV составляютъ интересныя повѣсти изъ житія Пафнутія боровскаго, на которыя уже обратилъ вниманіе въ своемъ ученомъ трудѣ о сочиненіяхъ Іосифа Санина г. Хрущовъ (Изслѣд. стр. 22—23). У г. Некрасова приведены цѣликомъ видѣніе инокини о князѣ Иванѣ Калитѣ, повѣсти о сновидѣніи его и королѣ Витовтѣ. Важность этихъ сказаній для историка русскаго быта и литературы не ограничивается ихъ историческимъ колоритомъ: повѣсти Пафнутія сообщаютъ намъ интересныя данныя о значеніи милостыни на древней Руси и указываютъ на ея понятія о загробной жизни. щ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

М. Г.

Разборъ книги моей «Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати», помѣщенный въ «Вѣстникѣ Европы» (окт. 1869), я прочелъ со вниманіемъ и принялъ въ соображеніе. Я бы могъ благодарить Редакцію за то, что она отнеслась къ моей книгѣ серьезно. потому напр., что другое серьезное періодическое и кромѣ того спеціальное изданіе поручило разборъ ея такому лицу, которое не дало себѣ даже труда серьезно прочитать сочиненіе. Оно упрекаетъ меня, между прочимъ, за то, что я приписываю, будто бы, свободной рѣчи способность дѣлать въ политическомъ отношеніи *все*, между тѣмъ какъ я именно доказывалъ, что свобода рѣчи не можетъ дѣлать всего, а можетъ дать только правильность общественному развитію. Критикъ упрекаетъ меня за то, что я, будто бы, занятіе Испаніи французами при Наполеонѣ приписываю религіознымъ гоненіямъ временъ реформаціи. Я очевидно намекалъ на французское вліяніе въ Испаніи во время Бурбоновъ, а не на завоеванія Наполеона. Неужели нужно было болѣе намека послѣ всѣми прочитанныхъ у насъ прекрасныхъ страницъ Бокля о послѣдствіяхъ религіозныхъ гоненій въ Испаніи? Въ серьезномъ журналѣ поручить критику человѣку, повидимому не читавшему даже Бокля! Несмотря на такое состояніе нашей журналистики, я считаю недостойнымъ «Вѣстника Европы» воздавать ему благодарность за то, что онъ отнесся дѣльно къ серьезной вещи. Съ глубокимъ прискорбіемъ прочелъ я его, можетъ быть, слишкомъ справедливыя слова, что у насъ было бы радостнымъ происшествіемъ появленіе хотя *небольшого* облегченія для нашей стѣсненной печати. Но въ разборѣ есть мѣсто, которое я не могу оставить безъ отвѣта. «Вѣстникъ Европы» упрекаетъ меня въ забавно наивныхъ и легкомысленныхъ сужденіяхъ, и въ доказательство приводитъ слѣдующія мои слова: «Во Франціи, если человѣка, безъ всякой вины и по одному подозрѣнію не бро-

саютъ въ тюрьму и не швыряютъ въ ссылку, то уже кажется, что съ нимъ поступаютъ очень милостиво» Пусть «Вѣстникъ Европы» вспомнитъ 38,000 ссылокъ Наполеона III. Пусть онъ вспомнитъ знаменитыя административныя распоряженія въ родѣ слѣдующаго: «Министръ рѣшилъ: Шапителя, присужденнаго судомъ къ шестимѣсячному заключенію за принадлежность къ тайнымъ обществамъ и Браэта, присужденнаго за то же къ двухмѣсячному заключенію, сослать, по исполненіи надъ ними приговора, въ Кайену на десять лѣтъ.» Пусть онъ вспомнитъ, что въ Англіи, уже двѣсти лѣтъ тому назадъ административная ссылка осуждена обществомъ и уничтожена. Да, я жалѣю только о томъ, что я не прибавилъ къ своимъ словамъ: «Вотъ какъ поступаютъ французы и вотъ какое несутъ за это ужасное наказаніе. Политическіе изгнанники, прикрываясь штыками враждебной державы, мечутъ громы рѣчей въ правительство родной страны, и французы рады, потому что видятъ въ этомъ единственное средство для того, чтобы оживить замирающее подъ гнетомъ тѣло своей родины. Послѣ этого, имъ остается ожидать только одного униженія, встрѣчу съ радостными лицами внѣшнихъ враговъ, пришедшихъ освободить Францію отъ цѣпей, которыя она сама наложила на себя. Что я говорю, зачѣмъ ей ожидать, развѣ она это уже не пережила; стоитъ начитаться описаній восторженнаго любопытства, съ которымъ встрѣчались союзники въ Парижѣ, послѣ пораженія Наполеона, чтобы убѣдиться въ этомъ. Парижъ не обратился въ молчаливый гробъ великаго народа, съ отчаяніемъ переносящаго свою судьбу, а оживился роскошными праздниками. Пусть французы устыдятся, глядя на завоеванныхъ ими кабиловъ—эти дикари не остановились передъ борьбою за свою свободу съ сорока-милліоннымъ, цивилизованнымъ государствомъ. Когда они были побѣждены, они приняли своихъ побѣдителей съ гордой, неприступной холодностію, какъ будто говорили имъ: свободнаго человѣка возможно побѣдить, но унизить невозможно. Вы, охотники до цензурныхъ стѣсненій, до карательныхъ мѣръ, смотрите на жалкія чувства, которыя порождаются отсутствіемъ свободнаго слова, и бичуйте себя. Гдѣ нѣтъ свободы рѣчи и гуманнаго отношенія къ личности, там патріотизмъ невозможенъ, тамъ невозможно серьезное и сознательное чувство національнаго достоинства, тамъ легко смотрятъ на все святое, тамъ сильные не имѣютъ столько самообладанія, любви къ родинѣ и чувства народной чести, чтобы не вынуждать слабыхъ искать покровительства и защиты внѣ предѣловъ отечества, тамъ общество слишкомъ легкомысленно, чтобы понять серьезную и глубоко оскорбительную для него сторону подобнаго иностраннаго вмѣшательства и предупредить его. Инстинктъ можетъ внушить дикарю глубокія чувства, которыя въ глухой странѣ вынужденнаго безмолвія будутъ недоступны и неизвѣстны образованному и развитому человѣку». Вотъ мой отвѣтъ на вашъ упрекъ; неужели же мнѣ кто-нибудь скажетъ, что онъ не заключаетъ въ себѣ истины, и есть плодъ забавной наивности, легкомыслія и увлеченія. Неужели нѣтъ серьезной потребности энергически порицать то отсутствіе серьезныхъ чувствъ и серьезной предусмотрительности въ народѣ, которое порождаетъ легкомысленныя ссоры, не менѣе легкомысленное злоупотребленіе власти и уничтоженіе безопасности, создаетъ положенія, гдѣ граждане ищутъ защиты внѣ отечества, дѣлаетъ такимъ образомъ иностранную державу покровителемъ отечественной партіи, а иногда и всего общества, и до того деморализируетъ народъ, что онъ даже не понимаетъ, какъ глубоко это оскорбляетъ народную честь. Въ Англіи и въ Америкѣ только воры прикрываются границей тогда какъ у французовъ должны прикрываться популярные писатели, даже въ такое время, какъ теперь. Я надѣюсь, что вы не откажетесь помѣстить у себя въ журналѣ мое оправданіе передъ вашими читателями.

Въ отвѣтъ автору, мы можемъ сказать одно, что, допустивъ даже справедливость всего сказаннаго имъ о дѣйствіяхъ французской администраціи, тѣмъ не менѣе странно читать утвержденіе, какъ мы встрѣчаемъ то у автора, что французы совершенно довольны, если только ихъ не ссылаютъ въ Кайенну по одному подозрѣнію. Въ настоящую минуту, по взгляду автора на французское общество, французы должны быть болѣе чѣмъ довольны; однако они, какъ знаетъ то и авторъ, весьма недовольны многимъ, помимо всякой Кайенны. — *Ред.*

ЗАМѢТКА

по поводу уваровскихъ премій въ 1869 году.

Намъ еще не случилось говорить о присужденіи уваровскихъ премій за нынѣшній годъ, которое сдѣлано было Академіей Наукъ въ прошломъ сентябрѣ, между тѣмъ это присужденіе заслуживаетъ быть упомянутымъ. Уваровскія преміи назначаются, по приговорамъ особой коммиссіи, составляемой при Академіи, за лучшія сочиненія по русской исторіи, древностямъ, исторіи литературы и т. п., и за лучшія драматическія произведенія. Преміи состоятъ изъ одной *большой* преміи (1000 р.) и нѣсколькихъ *меньшихъ* (500 р.). На нынѣшній разъ большая премія присуждена была баккалавру московской духовной академіи, г. Голубинскому, за рукописное его сочиненіе «О славянскихъ апостолахъ, Кириллѣ и Меѳодіи». Меньшія преміи назначены: г. Энгельману за книгу «О давности по русскому гражданскому праву»; священнику Горчакову за историко-юридическое изслѣдованіе о «Монастырскомъ приказѣ 1649—1725» (это сочиненіе было диссертаціей, которую г. Горчаковъ успѣшно защищалъ въ Петербургскомъ университетѣ на степень магистра, и авторъ былъ, кажется, первое лицо духовнаго званія, получившее университетскую степень); г. Котляревскому за сочиненіе «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ»; г. Стасову за изслѣдованіе «О происхожденіи русскихъ былинъ»; г. Макушеву за «Изслѣдованіе объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника», и г. Хрущову за «Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преподобнаго игумена Волоцкаго».

Одно изъ самыхъ любопытныхъ въ этомъ рядѣ присужденій, не безъинтересное и для читателей «Вѣстника Европы», есть конечно то, предметомъ котораго было сочиненіе г. Стасова. Напечатаніе этого сочиненія, какъ припомнятъ читатели, стоило автору сочиненія и «Вѣстнику Европы» озлобленныхъ обвиненій въ легкомысленномъ отношеніи къ священнымъ преданіямъ старины, въ неуваженіи къ народу и наконецъ просто въ невѣжествѣ. Мы не намѣрены вовсе входить въ какое-нибудь разбирательство этихъ обвиненій, и хотѣли только, по поводу академическаго присужденія, отмѣтить этотъ образчикъ нашихъ ученыхъ нравовъ, которые къ сожалѣнію не далеко ушли отъ всѣхъ остальныхъ нравовъ русскаго общества.

Академическая коммиссія, которой пришлось опредѣлять достоинство труда г. Стасова, отнеслась къ дѣлу съ приличнымъ ей безпристрастіемъ. «Это сочиненіе,—говоритъ она въ своемъ отчетѣ,—при появленіи своемъ въ свѣтъ, обратило на себя, въ нашихъ ученыхъ и литературныхъ кругахъ, всеобщее вниманіе и послужило поводомъ къ горячимъ литературнымъ спорамъ, которые ясно показали, что сочиненіе касается весьма важныхъ вопросовъ о русской старинѣ, и высказываемыми въ немъ взглядами затрогиваетъ не одни чисто научные интересы. Это обстоятельство налагало на коммиссію обязанность приложить особенную заботу о томъ, чтобы при разсмотрѣніи и оцѣнкѣ этого сочиненія были устранены всѣ другія соображенія, *кромѣ ученыхъ*. Коммиссія полагаетъ, что она исполнила эту обязанность, избравъ въ рецензенты сочиненія г. Стасова академиковъ Ѳ. И. Буслаева и А. А. Шифнера».

Выбраны были дѣйствительно компетентные люди: г. Буслаевъ досел ѣ есть самый заслуженный спеціалистъ по древней русской поэзіи; г. Шифнеръ извѣстенъ своими трудами о сказочномъ эпосѣ и могъ наилучшимъ образомъ судить о восточныхъ элементахъ вопроса. Если прибавить, что академическая коммиссія состояла изъ лицъ, всего менѣе склонныхъ руководиться какими-либо соображеніями, «кромѣ ученыхъ», и лицъ, даже положительно враждебныхъ *такимъ* соображеніямъ, какія открывали у г. Стасова его противники, и если припомнить еще, что одинъ изъ критиковъ, г. Буслаевъ, долженъ былъ найти у г. Стасова непріятныя опроверженія своихъ собственныхъ взглядовъ, то благопріятный отзывъ академической коммиссіи нельзя не счесть хорошимъ урокомъ для тѣхъ черезъ мѣру пылкихъ и торопливыхъ критиковъ, которые поспѣшили

произнести отлученіе надъ г. Стасовымъ, обвинивъ его какъ въ недостаткѣ патріотической гордости Ильей Муромцемъ и Добрыней Никитичемъ, такъ и въ отсутствіи всякаго ученаго значенія въ его трудѣ. Послѣднее, т. е. ученое значеніе признано отзывомъ академической коммиссіи; перваго, т. е. недостатка патріотизма, коммиссія вовсе и не касалась, и конечно прекрасно сдѣлала, потому что дѣйствительно ни что не можетъ до такой степени опошлять науки, какъ подобныя полицейскія розысканія о количествѣ патріотизма у писателя,—и, главное, какого патріотизма? — того самаго, который зиждется на невыносимо глупомъ самохвальствѣ и кисло-сладкой сантиментальности.

Наука, говорятъ, имѣетъ свойство очищать и возвышать понятія и цивилизовать нравы: наши ученые нерѣдко блистательно это опровергаютъ. Дѣло въ томъ, что такое благотворное дѣйствіе оказываетъ только настоящая наука, которая ставитъ себѣ цѣлію только изслѣдованіе истины, какова бы она ни была, пріятна для насъ лично или непріятна, соотвѣтственна полицейскимъ вкусамъ или несоотвѣтственна,—а не такая ученость, которая занимается только формальностями науки, или же мнимо ученымъ фантазерствомъ, и ношеніемъ ученаго мундира. Поэтому такіе ученые и не могутъ выносить никакой свободы чужого мнѣнія, никакого противорѣчія понятьицамъ ихъ собственнаго изобрѣтенія и той рутинѣ, которой они служатъ учеными представителями: сколько они ни окружаютъ себя учеными аттрибутами, изъ-за этихъ аттрибутовъ выглядываетъ все тотъ-же «ветхій человѣкъ», тотъ-же не совсѣмъ образованный человѣкъ, нерѣдко съ совсѣмъ дикими понятіями и замашками, какого до сихъ поръ зачастую производитъ наша жизнь. Поэтому, въ нашемъ ученомъ быту и встрѣчаются такъ часто уродливыя явленія въ родѣ тѣхъ нападеній, которыя дѣлались противъ г. Стасова и противъ многихъ другихъ. Припомнимъ, напримѣръ, ту чисто полицейскую тревогу, которую поднялъ ученый людъ одного провинціальнаго университета противъ профессора, который осмѣлился усумниться въ значеніи славянскаго съѣзда въ Москвѣ и въ искренности и разумности нашихъ отношеній къ славянскимъ братьямъ, какъ эти отношенія тогда изображались. Ученые люди не нашли сдѣлать ничего лучше въ защиту своего славянофильства, какъ заподозрить гражданскую благонамѣренность профессора: если мы не очень ошибаемся, его обвинили печатно въ томъ, что онъ измѣнялъ Россіи и дѣйствовалъ въ интересахъ Турціи. Припомнимъ другія многочисленныя исторіи, въ родѣ тѣхъ, какія хронически совершаются въ московскомъ университетѣ, въ родѣ диспута г. Владиславлева въ петербургскомъ университетѣ, и т. д., и намъ представится весьма печальная картина странныхъ нравовъ русской науки.

Нападеніе на г. Стасова сдѣлано было совершенно въ духѣ этихъ нравовъ. Прежде всего нашли нужнымъ дать понять о недостаткѣ патріотизма, отвергали всякое научное значеніе труда. Нечего говорить о томъ, какую нравственную цѣну имѣетъ первое изъ этихъ обвиненій, но мы увидимъ его смыслъ еще лучше, если обратимъ вниманіе на то, что оно въ сущности было и единственное. Въ самомъ дѣлѣ, прошло уже два года съ тѣхъ поръ, какъ печаталось изслѣдованіе, и кромѣ этого обвиненія его противники до сихъ поръ не нашлись сказать ничего опредѣлительнаго о самой сущности дѣла. Они называли взгляды г. Стасова такой вопіющей ересью, и главное, такой легкомысленной и ненаучной фантазіей, что повидимому не стоило бы ни малѣйшаго труда обличить такую пустую и неосновательную вещь. О былинахъ писано было такъ много, теорія ихъ такъ утверждена, характеристики богатырей обработаны такъ складно и живописно, на основаніи былинъ сдѣлано уже столько выводовъ о земскомъ и національномъ идеалѣ, что, казалось бы, стоило только указать давно развитые и извѣстные аргументы, чтобы уничтожить «фантазію» г. Стасова. Но этого, къ удивленію, не случилось. Одинъ г. Орестъ Миллеръ, взявшійся быть органомъ негодованія сантиментальныхъ археологовъ противъ г. Стасова, нѣсколько разъ принимался за обличенія, но всѣ они кончались пока только изъявленіемъ этого негодованія и повтореніемъ его старыхъ метафизическихъ разсужденій о высокомъ нравственномъ откровеніи, заключающемся въ Ильѣ-Муромцѣ, Добрынѣ, Волшанѣ и т. д. Существеннаго опроверженія взглядовъ г. Стасова до сихъ поръ не было. Оказывается такимъ образомъ, что изслѣдованіе—вѣрно ли оно или невѣрно въ своихъ выводахъ, все

равно — поставило вопросъ такъ, что привело ученую археологію въ нѣкоторое затрудненіе, и она не вдругъ нашлась, что отвѣчать. Г. Орестъ Миллеръ извѣщаетъ теперь, что онъ готовитъ цѣлое изслѣдованіе объ Ильѣ-Муромцѣ, гдѣ, какъ надо ожидать, будутъ разбиты доказательства г. Стасова. Но если г. Орестъ Миллеръ только черезъ два-три года соберется сказать свой отвѣтъ — какой еще, неизвѣстно, — къ чему были ребячески-высокомѣрныя выкликанія въ то время, когда еще самый трудъ г. Стасова не былъ весь напечатанъ?

Въ сентябрьской книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» помѣщена, какъ будто въ видѣ учено-дипломатической демонстраціи по поводу академическаго присужденія, полемическая замѣтка г. Ореста Миллера для г. В. Ламанскаго, перепечатанная изъ № 224 «Голоса». Замѣтка — какъ и всѣ прежнія замѣтки—не говоритъ опять ничего существеннаго, такъ что самъ редакторъ «Журнала» не могъ не прибавить къ замѣткѣ, что «въ интересахъ самаго дѣла и читателей было бы желательнѣе болѣе обстоятельное и болѣе, такъ сказать, объективное разъясненіе спорныхъ пунктовъ, о коихъ идетъ здѣсь рѣчь». Рѣчь идетъ все о томъ же изслѣдованіи г. Стасова и о сочувствіи, которое высказалъ къ нему при его первомъ появленіи г. Ламанскій. «Замѣтка» съ эпиграфомъ: «милые бранятся—только тѣшатся», писана въ умилительномъ, но и строгомъ тонѣ. «Добрѣйшій Владиміръ Ивановичъ», «многоуважаемый Владиміръ Ивановичъ», «любезный Владиміръ Ивановичъ» — таковы полемическія обращенія г. Ореста Миллера къ г. Ламанскому; очевидно, что первый дѣйствительно тѣшится; не знаемъ, тѣшится ли г. Ламанскій, читая эти любезности. Но съ ними соединена, какъ мы сказали, и строгость, потому что г. Орестъ Миллеръ дѣлаетъ ему реприманды за то, что г. Ламанскій обнаруживалъ сочувствіе къ труду г. Стасова и находилъ даже, что этотъ трудъ можетъ быть «полезнымъ противовѣсомъ» фантазіямъ г. Миллера (что не подлежитъ сомнѣнію, прибавимъ мы). Впрочемъ, бесѣда или брань «милыхъ» ведется въ такомъ дружеско-халатномъ родѣ, такъ переполнена воспоминаніями, для другихъ вовсе не обязательными, такъ перескакиваетъ отъ одного предмета къ другому, съ той легкостью, какая свойственна дружеской бесѣдѣ,—что намъ, постороннимъ, кажется, и не слѣдъ бы въ нее вмѣшиваться. Тѣшьтесь, г. Орестъ Миллеръ, тѣшьтесь!

Подробный отчетъ академической коммиссіи, гдѣ будутъ напечатаны вполнѣ и самыя рецензіи, еще не вышелъ въ свѣтъ. Безъ сомнѣнія, авторъ «Происхожденія русскихъ былинъ» въ свое время самъ обратитъ на эти рецензіи должное вниманіе. т.

ПОПРАВКА: Выше, на стр. 802, послѣдняя строка, напечатано: 100 килом. (94 версты),— слѣдуетъ: *100 метровъ.*

М. Стасюлевичъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»,

ЗА 1869 ГОДЪ.

Обозрѣнія.

I. Внутреннее Обозрѣніе. — Январь: Прошедшій годъ; общая его характеристика, и различіе въ общественномъ настроеніи. Главнѣйшія событія и новыя реформы. Судьба прежнихъ реформъ, крестьянской, земской и судебной, и дѣла западнаго края. Современное положеніе дѣлъ въ средней Азіи и ихъ cercle vicieux. Новая книга г. Пашино о Туркестанѣ (409 стр.) — Февраль: Новыя правительственныя соображенія. Роспись на 1869 годъ. Отчетъ государственнаго контроля по отношенію росписи 1867 годъ. Составъ отчета. Превышеніе въ доходахъ. Уменьшеніе расходовъ. Процентъ расходовъ сверхъ-смѣтныхъ. Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1867 г Вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства. Миссіонерство и вѣротерпимость. Народныя школы духовенства. Характеръ ихъ. Школы государственныхъ имуществъ, и циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ по поводу ихъ (898 стр.). — Мартъ: Юбилей Петербургскаго университета. Высочайшій рескриптъ. Положеніе желѣзнодорожнаго дѣла. Экономическіе результаты. Желѣзнодорожная политика. Элементы стратегическій и экономическій. Восемь предположенныхъ линій. Дороги безъ гарантіи. Новая концессія. Моршанское дѣло. Расколъ и школы. Московское земство и народныя школы. Вопросъ объ учителяхъ. Проектъ учительской семинаріи (424 стр.). — Апрѣль: Сессія дворянства Петербургской губерніи. Вопросъ объ опекѣ. Правительственный проектъ. Всесословность и сословность. Городской элементъ въ общей опекѣ. Вопросъ о 19-мъ февралѣ 1870 года. Просьба мелкопомѣстныхъ дворянъ Гдовскаго уѣзда. Земледѣльческая ипотека и банки. Что такое почта? Реформа во взглядѣ на умственное право общества. Религіозныя разномыслія. Дѣло Крынина. Дѣло Большакова (921 стр.). — Май: Ходатайство земствъ о реальныхъ гимназіяхъ и его судьба. Туркестанская выставка, и наши пріобрѣтенія въ Средней Азіи. Волненіе въ Оренбургскомъ краѣ. Второй выпускъ облигацій Николаевской желѣзной дороги. Отчетъ о желѣзныхъ дорогахъ за 1868 г. Земскіе выборы. Статистика земскаго представительства. Проектъ о новомъ сословіи. «Всеобщее еврейское общество» и наши евреи. Сущность еврейскаго вопроса въ Россіи (370 стр.). — Іюнь: Взглядъ на полицію въ обществѣ. Новѣйшія преобразованія по полиціи въ Петербургѣ. Отчетъ о дѣятельности полиціи за 1867 годъ. Необходимость предварительнаго пересмотра полицейскаго права. Сущность послѣдней полицейской реформы и ея недостаточность. Наши города: ихъ происхожденіе и характеристика. Проекты городского преобразованія. Упадокъ вексельнаго курса. Наша финансовая политика. Новое положеніе министерства путей сообщенія. Отношеніе почтоваго дѣла къ желѣзнымъ дорогамъ. Post-scriptum: Циркуляръ министра юстиціи (871 стр.). — Іюль: Реформы относительно духовенства: отмѣна наслѣдственности духовнаго званія; опредѣленіе приходовъ и приходскаго духовенства. Подсудность духовенства. «Свѣтская рука» въ духовныхъ дѣлахъ. Законы о святотатствѣ, и наказанія по духовнымъ винамъ. Преобразованіе въ положеніи казачьихъ населеній. Отмѣна обязательности службы. Отводъ земель. Концессія либавской дороги. Отчетъ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. Контрактъ съ братьями Уайненсъ (362 стр.). — Августъ: Право пріобрѣтенія дворянскихъ вотчинъ въ Эстляндіи. Крестьянскій юбилей въ Отзейскомъ краѣ. Крестьянскій вопросъ и полемика по балтійскимъ дѣламъ. Съѣздъ петербургскаго епархіальнаго духовенства. Выборное начало среди духовенства. Новый уставъ духовныхъ академій. Нѣкоторыя стороны желѣзно-дорожнаго дѣла. Наши дѣла на Востокѣ. Измѣненіе въ судебныхъ уставахъ (842 стр.). — Сентябрь: Внутренній заемъ въ 15 мил. р. Обращеніе безпроцентнаго долга. Возраженія противъ дальнѣйшаго выпуска ассигнацій, какъ финансоваго ресурса. Гласность въ ассигнаціонномъ дѣлѣ. Учебный курсъ въ классическихъ гимназіяхъ. Расторженіе контракта съ Уайненсомъ. Желѣзно-дорожные торги. Воронежско-Грушевская и Бессарабская дороги. Съѣздъ петербургскаго духовенства (347 стр.). — Октябрь: Почтовое дѣло и почтовыя ревизіи. Новыя условія пересылки газетъ и журналовъ съ 1870 г. Наши экономическія дѣла. Спекуляція. Биржа. Банки. Возвышеніе и паденіе процентныхъ бумагъ. Выпускъ ассигнацій. Кризисъ. Слухи объ измѣненіяхъ въ законѣ о печати.

Новый съѣздъ петербургскаго духовенства. Прекращеніе безпорядковъ въ киргизскихъ степяхъ. Виды въ будущемъ (870 стр.). — Ноябрь: Земское управленіе и его расходы. Петербургская городская смѣта на 1870 годъ. Степень простора земства въ распоряженіи средствами. Преобразованіе Адресной Экспедиціи. Пріѣздъ Кремьё и еврейскій вопросъ. Евреи въ новомъ городскомъ положеніи. Отчетъ о сборѣ на желѣзныхъ дорогахъ. Проектъ новаго положенія объ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ (392 стр.).—Декабрь: Коммиссія для пересмотра постановленій о печати. Одинъ изъ проектовъ податной коммиссіи. Расходы на личный составъ администраціи. Отнятіе у земства даровой почтовой корреспонденціи. Рекрутскій наборъ 1870 года. Народная гигіена. Медицинскій отчетъ Полтавскаго земства. Народное образованіе. Отношеніе къ нему минист. народнаго просвѣщенія. (904 стр.).

II. Иностранное Обозрѣніе. — Январь: Коренная причина всѣхъ затрудненій европейской дипломатіи. Источникъ рѣшительной политики Турціи въ послѣднее время, и румынскія дѣла. Турецкій ультиматъ 10-го декабря. Національное движеніе въ Греціи, и конференція. Отношеніе Австріи къ восточному вопросу. Новое министерство во Франціи въ связи съ греко-турецкимъ столкновеніемъ. Отношеніе къ Турціи новаго министерства въ Англіи. Лордъ Станлей и его рѣчь по восточному вопросу. Америка (426 стр.). — Февраль: Парижская конференція по греко-турецкому столкновенію. Забытые трактаты. Любопытная дипломатическая переписка. Бурре, Эллiотъ и Игнатьевъ. Антинаціональная политика греческаго кабинета. Тронная рѣчь Наполеона III и воинственныя угрозы. Ея отношенія къ внутреннимъ дѣламъ Франціи. Дѣло барона Сегье. Недовольство католической партіи. Волненія въ Италіи и новые налоги. Письмо Гарибальди. Испанія и выборы въ кортесы (913 стр.).— Мартъ: Заключеніе парижской конференціи. Декларація. Торжество Турціи. Смерть Фуадъ-паши. Политическая карьера въ Турціи. Графъ Бисмаркъ и конфискаціи. Пренія французскаго сената, и дѣло о бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Кортесы и рѣчь маршала Серрано. Тронная рѣчь англійской королевы и открытіе парламента. Рѣчь Гладстона объ Ирландіи (441 стр.). — Апрѣль: Французскій законодательный корпусъ. Прусскіе парламенты. Испанскіе кортесы и ихъ образъ дѣйствія. Сѣвероамериканскіе Штаты и избраніе новаго президента. Линкольнъ, Джонсонъ и Грантъ. Жизнь Гранта и его политическія идеи. Билль Гладстона объ ирландской церкви (939 стр.).—Май: Пренія французскаго законодательнаго корпуса предъ новыми выборами. Рѣчи Тьера и Лавалетта. Оффиціальныя кандидатуры и свобода выборовъ. Эмиль Олливье и его новая книга: «Девятнадцатое января». Выборы въ венгерскій сеймъ. Сближеніе Австріи съ Италіею. Послѣднія испанскія дѣла (393 стр.).—Іюнь: Французскіе выборы 1857, 1863 и 1869 годовъ. Шартрская рѣчь. Значеніе парижскихъ волненій. Бансель и Олливье. Оппозиція въ Парижѣ и оппозиція въ провинціяхъ. Испанія и религіозный вопросъ. Закрытіе австрійскаго рейхсрата. Перемѣна итальянскаго министерства. Англія и Американскіе Штаты (892 стр.). — Іюль: Событія во Франціи. Выборы 24-го мая и 7-го іюня. Народное движеніе. Старая оппозиція и радикальная партія. Письмо Персиньи и программа Наполеона. Книга Тено: Les suspects en 1858. Сѣверогерманскій и таможенный парламенты. Регентство въ Испаніи. Палата лордовъ, и билль объ ирландской церкви (382. стр.). — Августъ: Графъ Бисмаркъ и единство Германіи. Историческій очеркъ развитія идеи нѣмецкаго единства. Антагонизмъ между Пруссіею и Австріею. Фридрихъ II и гегемонія Пруссіи. Вторженіе Наполеона и война за освобожденіе. Фридрихъ Вильгельмъ III и священный союзъ. Національное движеніе 1848 г. и франкфуртскій парламентъ. Попытки Фридриха-Вильгельма IV. Торжество Австріи. Прусская политика съ 1859 года. Графъ Бисмаркъ, его жизнь и дѣятельность (863 стр.).—Сентябрь: Конституціонная реформа во Франціи. Борьба личнаго правленія съ свободными стремленіями французскаго народа. Диктатура Наполеона I. Божественное право Карла X. Паденіе Іюльской монархіи. Вторая республика и возобновленіе диктатуры. Наполеонъ III. Новыя стремленія къ свободѣ и новый ударъ личному правленію. Посланіе 12-го іюня. Кризисъ второй имперіи (365 стр). —Октябрь: Русскіе публицисты и братья-славяне. Фальшивый либерализмъ въ нашей жур-

-палистикѣ. Янъ Гусъ и Богемія. Празднованіе пятисотлѣтняго юбилея Гуса въ Прагѣ. Палацкій. Москва и рѣчь М. П. Погодина. Выборы въ богемскій сеймъ. Политика Австріи. Пруссія. Петиція Шлезвига. Рѣчи и военные маневры Вильгельма I. Франція, принцъ Наполеонъ и Кератри. Годовщина испанской революціи. Куба и Сѣверо-Американскіе Штаты. Италія (891 стр.). — Ноябрь: Правительство и партіи во Франціи. 26-ое октября и манифестъ оппозиціи. Вопросъ о престолонаслѣдіи. Стачка рабочихъ. Религіозное движеніе во Франціи и Германіи. Открытіе парламентовъ въ Германіи. Австрія и Пруссія. Министерскій кризисъ въ Италіи. Испанскія дѣла. Суэскій каналъ (409 стр.).— Декабрь: «Безцвѣтность» нашего обозрѣнія, и «цвѣты» русской публицистики. Значеніе въ русской печати «иностранныхъ обозрѣній». Передовая статья «Голоса», и ея трактатъ о будущемъ Россіи и Европы. Защита этнологической правды въ «Спб. Вѣд.». Сравненіе австрійскаго либерализма съ французскимъ. Франція наканунѣ законодательнаго собранія. Рѣчь императора 29 ноября. Отдѣленіе свободы отъ порядка. Неопредѣленность внѣшней политики (923 стр.).

III. Литературныя Извѣстія.

А) Русская Литература: Исканіе старообрядцами въ XVIII вѣкѣ законнаго архіерейства. Изд. протоіер. *Т. Верховскій.* Доисторическій бытъ человѣчества и начала цивилизаціи. Соч. *Е. Б. Тайлора.* Правые и виноватые, записки слѣдователя, сороковыхъ годовъ. *П. И. Степанова* (Янв. 477 стр.).—Раскольники и острожники. Соч. *Ѳ. В. Ливанова.* Разсказы и біографическіе очерки изъ русской исторіи. *А. Шуфа.* Русскіе писатели. Сочиненія и переводы *В. И. Лукина* и *Б. Е. Ельчинова.* Всемірная исторія *Ф. Шлоссера.* Исторія XVIII и XIX стол. *Ф. Шлоссера.* Изъ жизни. Разсказы и повѣсти *Н. Ковалевскаго.* О вліяніи суда на приговоръ присяжныхъ. *Юл. Глазера.* (Февр. 969. стр.).—О сельскомъ бытѣ лифляндскихъ крестьянъ. Изсл. *Ф. Юнгъ-Штиллинга.* Безъ вины виноватые. Разск. *А. К. Владимірова.* Очерки Японіи *М. Венюкова.* Отрывки изъ путешествій по восточн. областямъ Евр. Турціи, *П. Мосолова.* За Байкаломъ и на Амурѣ, *Д. И. Стахѣева.* Драматическія сочиненія *Д. И. Стахѣева.* Рабочій вопросъ, *Эрн. Бехера.* Перев. П. Н. Ткачева. Русскіе сказки, *Н. Ахшарумова.* Новыя сказки *Эд. Лабуле.* Дѣти капитана Гранта, *Ж. Верна.* Пер. Вовчка. Очеркъ практическ. педагогіи, *Ф. Диттеса.* Пер. Паульсона. (Мар. 491 стр.). — Признаки времени и письма о провинціи, *М. Салтыкова* (Щедрина). Сочиненія и переводы *А. Н. Бажанова.* Записки очевидца о событіяхъ въ Варшавѣ въ 1861 и 62 гг. Соч. *А. Подвысоцкаго.* Виленскій сборникъ, *В. Кулина.* Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ въ книжномъ маг. А. Ѳ. Базунова. Состав. *В. И. Межовъ.* Отвѣтъ Г. Шуфа, по поводу рецензіи его историческаго учебника. (Апр. 979 стр.).—Сборникъ Русскаго Историческаго общества, т. III. Духовныя жены, *В. Диксона.* Русь и Русскіе 1812 года, *С. М. Любецкаго.* Семейство Тарскихъ. *Н. А. Вроцкаго.* (Май, 445 стр.).—Голосъ изъ земства, *А. Кошелева.* Исторія царствованія имп. Александра I и его время, *М. Богдановича.* Столбы *В. Крылова.* Полное собраніе сочиненій *А. С. Пушкина.* Т. III. Жизнь насѣкомыхъ, *Луи Фигье* (Іюнь, 917 стр.).—Общепонятныя естественно-научныя, гигіеническія и медицинскія сочиненія. Перев. съ нѣм. *С. Ловцова.* (Іюль, 423 стр.).—Сочиненія *И. С. Никитина.* Изданіе М. Ѳ. де Пуле. Стихотворенія. *Н. Пушкарева.* Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ, *И. Никольскаго.* Современникъ лѣтописи раскола. Изд. *Н. Субботина.* Джонъ Стюартъ Милль, перев. съ англійскаго *А. Н. Невѣдомскаго.* Движеніе законодательства въ Россіи, *Григорія Бланка* (Авг. 891 стр.). — Исторія адвокатуры у древнихъ народовъ, *А. Стоянова.* Картины прошедшаго, *А. Сухово-Кобылина.* Осмнадцатый вѣкъ, историческій сборникъ, издаваемый *П. Бартеневымъ.* — Недоразумѣніе. Повѣсть *Данкевича.* Популярная гигіена. Соч. *Карла Реклама.* (Сент. 411 стр.).—Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати. О подчиненіи женщины. Соч. *Дж. Ст-Милля.* Исторія литературы (для учащихъ), составилъ *А. Кирпичниковъ.* Роландъ. Древняя французская поэма. Вольный переводъ *Б. Алмазова.* Стихотворенія, басни и пѣсни. Соч. *А. А. Звонарева.* Духовныя стихотворенія Ѳедора Николаевича *Глинки.* (Октябрь, 937 стр.). — Сочиненія Державина, съ примѣчаніями Я. Грота. Томъ V. По-

ложеніе рабочаго класса въ Россіи, *Н. Флеровскаго.* Пролетаріатъ во Франціи, *А. Михайлова.* Исторія новѣйшаго времени отъ Вѣнскаго конгреса до Парижскаго мира, *Фр. Лоренца.* (Нояб. 457 стр.). — Романы Шпильгагена въ рус. перев.: «Изъ мрака къ свѣту» и «Между молотомъ и наковальнею». Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ, И. Нильскаго. Русскій простонародный мистицизмъ, Н. Барсова. Брошюрки о земскихъ вопросахъ, П. Гурьева. Женщины ученыя и учащіяся. Изданія Н. Ламанскаго: «Право, законодательство и администрація» и «Сказки, разсказы, очерки и рѣчи» Эд. Лабуле. Нравы и чувства, О. Пашкевича. О современныхъ задачахъ изученія древнерусской литературы, И. Некрасова. Письмо къ редактору отъ автора книги: «Свобода рѣчи» и проч.

Б) **Иностранная литература:** Aus den Memoiren eines russischen Dekabristen. Aus dem Tagebuch eines nach Sibirien Verbannten, v. Th. v. Falken. Der deutsch-russische Konflikt an der Ostsee, W. v. Bock. Die «Nordische Post» im Lichte der Collectiv Erklärung der Ritterschaften Liv. Esth. Kurl. und Oesel's, von v. Bock — (**Іюнь**, 939 стр.).—Lettres sur l'Instruction Publique en Russie adressées à Monsieur le comte D. Tolstoi, ministre de l'Instruction Publique. Par D. K. Schedo-Ferroti. Les Révolutions, par Pascal Duprat. Novellen, von Karl Büchner. Musikalische Charakterbilder, von Otto Sumprecht. — (**Іюль**, 431 стр.). — Livländische Antwort an H. Juri Samarin. Von C. Schirren. Die Baltischen Provinzen am Rubicon. — History of European Morals etc., by W. E. H. Lecky (Сент. 439 стр.). — Kritik des preussischen Volksschulwesens, v. A. Freimund. Mes Mémoires, par Alton-Shée. Johann Calvin, v. Kampschulte. — (Нояб. 481 стр).

IV. **Библіографическій Листокъ. — Январь:** Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Очерки изъ всеобщей исторіи Проф. Петрова. Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, при К. П. и В. генералъ-губернаторѣ. Ч. III. Акты о казакахъ. (1679—1716). Т. II. Die russische Papierwaerung, v. Ad. Wagner. Сводъ рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената и разъясненныя ими законоположенія. Изд. Я. И. Утина. Коммерческій Календарь на 1869 г. Издан. подъ редакц. Ѳ. П. Баймакова.—**Февраль:** Осмнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый П. Бартеневымъ. Т. II. Военно-статистическій сборникъ. Выпускъ третій. Составл. подъ ред. Н. Н. Обручева. Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азіи и Оренбургскому краю. М. Н. Галкина. Парижъ и Провинція 2 декабря 1851 г. Историческіе этюды Е. Тено, и Разсказъ о переворотѣ 2 декабря, А. В. Кинглека. Очеркъ практической педагогики. Соч. д-ра ф. Диттеса.—Очерки Японіи. М. Венюкова. Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ. Т. IV.—**Мартъ:** Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время. Сочиненіе автора «Исторіи отечественной войны 1812 года» Т. I—IV. Обозрѣніе государственныхъ доходовъ Россіи А. Заблоцкаго - Десятовскаго. Александръ Ивановичъ Галичъ, б. проф. Спб. университета, А. Никитенко. Кобзарь Тараса Шевченка въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. под. редакціею Н. В. Гербеля. Сочиненія и переводы А. Н. Баженова. Гражданская практика Кассаціонціоннаго Сената. 1866, 1867, 1868 г. г. Сост. П. Марковъ.—**Апрѣль:** Исторія политическихъ ученій. Соч. Б. Чичерина. Уральское горное хозяйство, и вопросъ о продажѣ казенныхъ горныхъ заводовъ. Изслѣд. В. П. Безобразова. Договоры Россіи съ Востокомъ, политическіе и торговые. Собр. и изд. Т. Юзефовичъ. Руководство къ исторіи искусства, Франца Куглера, обработан. В. Любке. Письма о Греціи, въ 1865—67 гг. С. Н. — **Май:** Матеріалы для новой исторіи Кавказа, съ 1792 по 1503 г., П. Г. Буткова. Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи. К. Ушинскаго. Т. II. Исторія адвокатуры у древнихъ народовъ. А. Стоянова. Столбы. Старая погудка на новый ладъ. Изд. В. Крылова. Десять лѣтъ изъ жизни редактора журнала.—**Іюнь:** Наши колоніи. Опыты и матеріалы по исторіи и статистикѣ иностранной колонизаціи въ Россіи. Выпускъ I. А. Клауса. Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Т. IV. Исторія Альбигойцевъ, до кончины папы Иннокентія IV. Соч. Н. Осокина. Осмнадцатый вѣкъ. Историческій Сборникъ, издаваемый П. Бартеневымъ. Т. III. Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года.—**Іюль:** Дополненія къ исторіи

масонства въ Россіи XVIII столѣтія. Академика П. Пекарскаго. Бесѣды на пути изъ Европы въ Америку. Сочиненія доктора Шубарта.—**Августъ:** Пособіе при изученіи исторіи русской словесности К. Тимофѣева. Современные французскіе писатели. Выпускъ второй. Учебникъ всеобщей исторіи, въ трехъ, концентрическихъ курсахъ. Сост. Н. Овсянниковъ. Сводъ рѣшеній кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената и разъясненныя ими законоположенія. Изд. Я. И. Утина. Часть I и II.—**Сентябрь:** Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. А. Аѳанасьева. Критическіе опыты, Тена. Философія искусства. Лекціи Тена и статья Милля. Пер. Чудинова. Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы. А Кирпичникова.—**Октябрь:** Исторія Сербіи. Николая Попова. О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи, соч. Н. Хлѣбникова. Изслѣдованія внутреннихъ отнош ній народной жизни и въ особенности сел скихъ учрежденій Россіи. Барона Августа Гакс гаузена. — **Ноябрь:** Польское безкоролевье, и прекращеніи династіи Ягеллоновъ. Изслѣдова ніе А. Трачевскаго. Записки по новѣйше исторіи (1855—1856), соч. Ив. Григоровичъ. Вв деніе въ новозавѣтныя книги священнаго санія. Пер. съ нѣмец. подъ ред. Архимандрит Михаила. Учебникъ французскаго языка. Сос А, Гемиліанъ. Сочиненія Людвига Берне, переводѣ П. Вейнберга.—**Декабрь:** Соціальн педагогическія условія умственнаго развит русскаго народа. Аѳ. Щапова. Портретна галлерея русскихъ дѣятелей. Изд. А. Мю стера. Т. II. Записки военной администраці Лобко. Статистическій Атласъ промышленност европейской Россіи, Тимирязева. Медико-Т пографическій Сборникъ, С. Ловцова. Сочин нія Я. Полонскаго.

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ, 1869.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

Стр.

Книга двѣнадцатая.—Декабрь.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

КНИЖНАЯ РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. Ѳ. БАЗУНОВА.

На Невскомъ Проспектѣ, № 30.

Въ теченіи ноября поступили вновь въ продажу слѣдующія книги:

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ. Историческій Сборникъ, издаваемый Петромъ Бартеневымъ. Книга 4-я, М. 1869 г. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 40 к.

О САМОУПРАВЛЕНІИ. Сравнительный обзоръ русскихъ и иностранныхъ земскихъ и общественныхъ учрежденій. Князя А. Васильчикова. Т. I, Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 20 к.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КАПИТАНА ГАТРАСА. Необыкновенное путешествіе Жюля Верна, съ 259-ю рисунками художника Ріу. Спб. 1870 г. Цѣна 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 90 коп.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ В. ЖУКОВСКАГО. Изд. 6-е, съ портретомъ автора. 6 частей. Спб. 1869 г. Цѣна 4 р., съ пер. 5 р.

ФРАНЦУЗСКАЯ АДМИНИСТРАЦІЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО. Публичныя чтенія Эдуарда Лабулэ, съ приложеніемъ очерка политической дѣятельности и портретомъ автора. Спб. 1870 г. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

ЗА СЕБЯ И ЗА МНОГИХЪ, повѣсть въ двухъ частяхъ. О. А. Голохвастовой. М. 1869 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

ЖЕНЩИНЫ И ДѢТИ. Соч. Соловьева. М. 1869 г. Цѣна 50 к., съ пер. 70 к.

СОЦІАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ УМСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ РУССКАГО НАРОДА. Соч. Аѳанасія Щапова. Спб. 1870 г. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

СБОРНИКЪ УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ, РАЗСМОТРѢННЫХЪ ВЪ МИРОВЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ МОСКВЫ И ВЪ МОСКОВСКОМЪ ВОЕННО-ОКРУЖНОМЪ СУДѢ. Составилъ И. П. Сапожниковъ. М. 1869 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Чехъ Янъ Гусъ изъ Гусинца,

съ приложеніемъ писемъ Яна Гуса, выбранныхъ Мартиномъ Лютеромъ; соч. В. Бильбасова. Спб. 1869 г. ц. 1. р.

Княжна Тараканова

и принцеса Владимірская; соч. П. И. Мельникова; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1868 г. ц. 1 р. 25 к.

Графы Никита и Петръ Панины.

Опытъ разработки новѣйшей русской исторіи; соч. П. С. Лебедева; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1862 г. ц. 1 руб.

Историческіе очерки

русской народной словесности и искуства; соч. Ѳ. И. Буслаева; изд. Д. Е. Кожанчикова. Два большихъ тома, на веленевой гласированной бумагѣ; съ 212 рисунками съ миніатюръ, древнихъ рукописей, гравированные на камнѣ. Спб. 1861 г. Ц. за 2 тома 7 руб.

О погребальныхъ обычаяхъ

языческихъ Славянъ. Изслѣдованіе А. Котляревскаго. М. 1868 г. ц. 2 руб.

О давности по русскому гражданскому праву.

Историко-догматическое изслѣдованіе ординарнаго профессора дерптскаго университета И. Энгельмана. Спб. 1868 г. ц. 1 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ А. Н. ОСТРОВСКАГО.

Изд. Д. Е. Кожанчикова; 5 томовъ, цѣна за полное изданіе 8 руб. 50 коп.

Содержаніе:

Томъ I и II-й. Семейная картина. — Свои люди-сочтемся. — Утро молодого человѣка. — Бѣдная невѣста. — Не въ свои сани не садись. — Бѣдность не порокъ. — Не такъ живи, какъ хочется. — Въ чужомъ пиру похмѣлье. — Доходное мѣсто. — Праздничный сонъ до обѣда. — Не сошлись характерами. — Спб. 1868 г. Продаются отдѣльно, цѣна за 2 тома 3 руб.

Томъ III и IV. Свои собаки грызутся, чужая не приставай. — За чѣмъ пойдешь, то и найдешь. — Старый другъ лучше новыхъ двухъ. — Воспитанница. — Гроза. — Тяжелые дни. — Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. — Козьма Захарычъ Мининъ Сухорукъ. — Шутники. — Воевода. — Спб. 1866 г. Продаются отдѣльно, цѣна за 2 тома 3 руб. 50 коп.

Томъ V-й. Пучина. — На бойкомъ мѣстѣ. — Самозванецъ. — Тушино. — Василиса Мелентьева (въ сотрудничествѣ съ С. А. Г.). — На всякаго мудреца бываетъ простота. Большой томъ въ 40 печатныхъ листовъ. Спб. 1869 г. Продается отдѣльно, по 2 руб. за томъ.

Говоруны.

Комедія въ 4 дѣйствіяхъ, соч. И. А. Маннъ); изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1868. Ц. 1 руб.

Банковая бухгалтерія.

Полное руководство къ изученію операцій и счетоводства во всѣхъ существующихъ въ Россіи банковыхъ учрежденіяхъ. Сост. контролеръ государственнаго банка В. Добролюбовъ. Большой томъ. Спб. 1864 г. Ц. 5 руб.

Lemcke, Populare Aesthetik. — 3 r. 65 c.

Lipsius, Chronologie der roemischen Bischoefe. — 2 r. 70 c.

Madsen, Antiquités préhistoriques du Danemark. Vol. I. L'âge de la pierre. 45 planches avec texte. — 16 r. 80 c.

Maurer, Reise durch Bosnien. — 2 r. 70 c.

Moreau, L'évangile et la democratie, vol. I. — 1 r. 40 c.

Nagel, Franz.-engl.-etymol. Woerterbuch. — 4 r. 5 c.

Paul, Handlexikon der Tonkunst. Bd. I. — 80 c.

Peschel, Probleme der vergleichenden Erdkunde. — 1 r. 35 c.

Piening, Die Praxis des Geschaefts-lebens. — 1 r. 35 c.

Planck, Gesetz u. Ziel der neueren Kunstentwicklung. — 1 r. 10 c.

Question, The central-asian.—1 r. 25 c.

Rambert, Les alpes suisses. Vol. I—III. — 4 r. 30 c.

Ratzel, Sein u. Werden der organischen Welt. — 3 r. 85 c.

Reich, System der Hygiene. Bd. I.— 2 r. 5 c.

Revue Numismatique, vol. XII. — 6 r. 40 c.

Riegel, Grundriss der bildenden Künste. — 3 r. 5 c.

Ritt, Histoire de l'isthme de Suez.—3 r.

Rosenkrantz, Hegel als Nationalphilosoph. — 2 r. 70 c.

Rossbach, Geschichte der Gesellschaft. Bd. I—III. — 4 r. 5 c.

Rossmann, Vom Strande der Cyklopen. Skizzen aus Sicilien. — 2 r. 70 c.

Roth, Plastisch-anatom. Atlas. I. — 4 r. 5 c.

Salmon, Conférences sur les devoirs des hommes. — 3 r.

Schleicher, Die deutsche Sprache. 2. Aufl. — 2 r. 70 c.

Settegast, Landwirthschaftliche Thierzucht. — 6 r. 75 c.

Tizzani, Les conciles généraux. 2 vols. — 9 r. 60 c.

Trench, Russo-indian question. — 3 r. 75 c.

Tyndall, Natural philosophy.—1 r. 25 c.

Wallace, D. malayische Archipel. 2 Bde. — 6 r. 10 c.

Weber's, Illustrirter Kalender f. 1870. — 1 r. 35 c.

Whymper, Alaska, Reisen u. Erlebnisse in hohen Norden. — 3 r. 60 c.

Zirngiebl, Studien über die Gesellschaft Jesu. — 4 r. 5 c.

Въ книжномъ магазинѣ А. Мюнкса (Карла Риккера) принимается подписка на всѣ въ Россіи, Германіи, Франціи, Англіи, Америкѣ и Италіи выходящіе журналы. Полный каталогъ журналамъ высылается по требованію безвозмездно.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа. Сочиненіе *Аѳанасія Щапова.* Изд. Н. П. Полякова. Спб. 1870. Стр. 332. Ц. 2 р.

Сочиненіе г. Аѳ. Щапова—одна изъ самыхъ интересныхъ книгъ, какія только выходили въ послѣднее время по русской исторіи. Предметъ его относится къ числу тѣхъ, которые доселѣ всего менѣе разработаны въ нашей исторической литературѣ, хотя составляютъ самые существенные вопросы истинно-историческаго изслѣдованія. При всеобщемъ убѣжденіи въ крайней необходимости болѣе широкаго умственнаго развитія для нашего общества, интересно читать теперь обзоръ тѣхъ условій, которыя задерживали это развитіе до настоящаго времени. Въ книгѣ г. Щапова читатель найдетъ между прочимъ историческое изложеніе того дѣйствія, какое оказывала у насъ цензура на науку и литературу, начиная со временъ «Домостроя», когда подъ гнетомъ цензуры находилась не одна литература, но и вся жизнь русскаго человѣка во всѣхъ своихъ проявленіяхъ была подчинена тому «вождю по жизни».

Портретная галлерея русскихъ дѣятелей. Изданіе *А. Мюнстера.* Томъ II. Спб. 1869. Стр. 295.

Новый выпускъ потретной галлереи содержитъ 100 портретовъ съ біографіями. Существенная часть этого изданія, т. е. самые портреты, не п воляютъ желать ничего лучшаго; и техническое исполненіе, и выборъ оригиналовъ—вполнѣ безукоризненны, такъ что издатель заслуживаетъ полной признательности за такой монументальный трудъ, который сдѣлалъ бы честь всякой странѣ. Текстъ, при подобнаго рода изданіяхъ, имѣетъ вообще значеніе справки; потому въ настоящемъ изданіи его текстъ выигралъ бы много, еслибы онъ остался вѣренъ такому назначенію, собирая главнымъ образомъ факты и заботясь объ одной ихъ безукоризненной вѣрности и точности. Между тѣмъ, здѣсь мы находимъ, съ одной стороны, оцѣнки и характеристики лицъ, въ родѣ взгляда на г. Каткова, выражающія личную мысль писавшаго; а съ другой стороны, фактическіе промахи, какъ наприм., переводъ романа Ауэрбаха «Дача на Рейнѣ» приписанъ И. С. Тургеневу.

Записки военной администраціи, для военныхъ училищъ. Состав. подполк. *Добко.* Спб. 1869.

Хотя книга г. Лобко имѣетъ назначеніе учебно ея изложеніе, языкъ, дѣлаютъ ее интеэю для публики, тѣмъ болѣе, что самый предея обработанъ въ соглашеніи съ новѣйшими нными реформами, которыя стремились примирить строгую дисциплину съ идеею гуманности, имѣя въ виду облегчить стоимость боевой силы для государства и вмѣстѣ увеличить благосостояніе солдата. Авторъ старается вездѣ проводить мысль, что «на первомъ планѣ является для начальника обязанность уважать личное человѣческое достоинство своихъ подчиненныхъ; начальникъ постоянно долженъ помнить то, что дисциплина велитъ забывать подчиненному....». Правильная система въ изложеніи «Записокъ» и облегчаетъ трудъ учащагося, и поддерживаетъ вниманіе читателя, въ особенности не-спеціалиста.

Статистическій атласъ главнѣйшихъ отраслей фабрично-заводской промышленности европейской Россіи. Сост. *Д. А. Тимирязевъ.* Вып. I. Спб. 1870.

Настоящій выпускъ ограничивается промышленностью, обработывающею волокнистыя вещества, хлопокъ, ленъ, пеньку, шерсть и шелкъ. Въ основаніе труда положены оффиціальныя свѣдѣнія департамента торг. и мануф. за 1867 г., а цѣль автора — вызвать въ частныхъ компетентныхъ лицахъ провѣрку и дополненія. Превосходно выполненныя карты съ подробною описью фабрикъ ихъ числа рабочихъ, суммы производства, и пр. даютъ наглядное понятіе о состояніи нашей промышленности, при одномъ бѣгломъ взглядѣ на атласъ, и дѣлаютъ это изданіе необходимостью для всякаго, сколько-нибудь заинтересованнаго дѣятельностью нашихъ заводовъ.

Медико-топографическій сборникъ. Изд. Медицин. Деп., подъ ред. д-ра С. Ловцова. Спб. 1870. Стр. 844. Ц. 3 р.

Народное здравіе и народное образованіе — вотъ два дѣла, которыя должны постоянно возбуждать нашу общественную совѣсть. Но для раціональнаго направленія дѣятельности необходимо руководженіе и знакомство съ положительными данными. Сборникъ, предпринятый нынѣ мед. департаментомъ, окажетъ въ этомъ отношеніи громадную услугу, какъ первый и превосходный шагъ къ полному описанію Россіи въ санитарномъ и врачебномъ отношеніяхъ. Восточная Сибирь, Астрахань и Самара составляютъ главное содержаніе нынѣшняго выпуска, снабженнаго картами, планами и таблицами. Въ виду важности подобныхъ матеріаловъ, мы постараемся вскорѣ познакомить читателей ближе съ ихъ содержаніемъ и результатами, какіе могутъ представлять эти матеріалы для успѣховъ общественной жизни.

Сочиненія Я. П. Полонскаго. Изд. М. О. Вольфа. Три тома. Спб. 1869. Ц. 4 р.

Поэтическія произведенія Як. П. Полонскаго пользуются давнею извѣстностью и симпатіею публики, а потому заслуживали полнаго изданія. Въ составъ нынѣ вышедшихъ трехъ томовъ вошли, кромѣ стиховъ, повѣсти, разсказы и одна четырехактная комедія. Стихотворенія послѣдняго времени, изъ которыхъ знакомы нашимъ читателямъ «Сонъ въ Лѣтнемъ-Саду», «Покинутый домъ», и друг., вѣроятно, составятъ продолженіе начатаго теперь изданія.

ПОДПИСКА

на

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ."

въ 1870 году.

1. *ПОДПИСКА* принимается только на годъ: 1) *безъ доставки*—15 руб.;—2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ, и въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева*—15 р. 50 к.; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ Москву, по почтѣ — 16 р. 50 к.; и сдается въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

а) *Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ*, желающіе получить журналъ съ доставкою или безъ доставки, обращаются въ Контору Редакціи и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять свой адрессъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. — Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

б) *Городскіе подписчики въ Москвѣ*, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Желающіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.

в) *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтоваго мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммисіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

г) *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, какъ и иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія* и *Германія*—18 руб.; *Бельгія* и *Нидерланды*—19 руб.; *Франція* и *Данія*—20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія, Португалія* и *Греція* — 21 руб.; *Швейцарія* — 22 руб.; *Италія и Римъ* — 23 рубля.

2. *ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно снестись съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе. — «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ—шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ пяти дней мѣсяца въ порядкѣ трактовъ. Городскимъ подписчикамъ журналъ доставляется въ глухой обложкѣ; иногороднымъ и иностраннымъ—въ бандероляхъ.

3. *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»: Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Невскій просп., 30.

Годовые экземпляры „Вѣстника Европы" 1869 г. всѣ разошлись по подпискѣ.

